

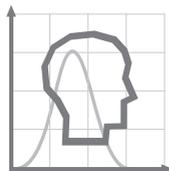
Российская академия наук
Институт психологии

ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА: традиции, инновации, перспективы

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 105-летию со дня рождения
Я. А. Пономарёва

Ответственные редакторы:

С. Ю. Коровкин, Д. В. Ушаков, А. Л. Журавлёв

Москва
Издательство
«Институт психологии РАН»
2025

УДК 159.9
ББК 88
П-86

*Все права защищены. Любое использование материалов
данной книги полностью или частично без
разрешения правообладателя запрещается.*

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор, академик РАО

С. Б. Малых

доктор психологических наук, профессор

Л. Я. Дорфман

Редакционная коллегия:

Александров И. О., Александров Ю. И., Васильев И. А., Владимиров И. Ю.,
Гершкович В. А., Горбунова Е. С., Журавлёв А. Л. (отв. ред.), Коровкин С. Ю. (отв.
ред.), Лаптева Н. М., Люсин Д. В., Морожкина Н. В., Нестик Т. А., Николаева Е. И.,
Носуленко В. Н., Нуркова В. В., Панфилова А. С., Печенкова Е. В., Поддьяков А. Н.,
Разумникова О. М., Савенков А. И., Сергиенко Е. А., Спиридонов В. Ф., Степанов С. Ю.,
Хархурин А. В., Хохлов Н. А., Чистопольская А. В., Ушаков Д. В. (отв. ред.).

П-86 Психология творчества: традиции, инновации, перспективы:
Материалы Международной научной конференции, посвященной
105-летию со дня рождения Я. А. Пономарёва, Институт психологии
РАН, 25–27 сентября 2025 г. / Отв. ред. С. Ю. Коровкин, Д. В. Ушаков,
А. Л. Журавлёв. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2025. 646 с.

ISBN 978-5-9270-0498-0

УДК 159.9

DOI 10.38098/conf_25_0498

ББК 88

Книга подготовлена по материалам конференции «Психология творчества: традиции, инновации, перспективы», которая прошла в Институте психологии Российской академии наук 25–27 сентября 2025 года. Тематика докладов в значительно степени пересекается с наследием Я. А. Пономарёва. В сборнике представлены исследования по проблемам творческого мышления, инсайта, креативности, творчества и возможностей сознательного управления творческими процессами. Представлены работы, исследующие творчество и творческие процессы в рамках различных подходов, включая общую, когнитивную психологию и психофизиологию, психологию личности, социальную психологию. Заметная часть работ посвящена прикладным вопросам применения теоретических представлений о творчестве в вопросах образования, моделирования искусственного интеллекта, психологии искусства и нейроэстетики. В разделе, посвященном методологии и истории психологии, проанализировано влияние наследия Я. А. Пономарёва на современную психологию. Представленные научные работы отличаются новизной, высокой теоретической и практической значимостью и будут полезны для сотрудников научно-исследовательских институтов, профессорско-преподавательского состава, а также студентов и аспирантов образовательных учреждений, специализирующихся в области общей психологии.

«Институт психологии РАН», 2025

ISBN 978-5-9270-0498-0

Содержание

<i>Коровкин С. Ю., Ушаков Д. В., Журавлёв А. Л.</i> Вступительное слово	21
--	----

ПСИХОЛОГИЯ МЫШЛЕНИЯ И ИНСАЙТНОГО РЕШЕНИЯ

<i>Акатова Н. Ю., Коровкин С. Ю.</i> Взаимодействие субъективного чувства агентности и ага- переживания в оценке правдивости высказываний . . .	44
<i>Афанасьева В. М., Спиридонов В. Ф.</i> Морфосинтаксические ограничения семантического поиска в русскоязычной задаче на отдаленные ассоциации.	48
<i>Васюкова Е. Е., Митина О. В.</i> Экспресс-диагностика уровня шахматного мастерства	52
<i>Голубцова Е. Д., Мадни А. О.</i> Объем рабочей памяти и самоэффективность как предикторы успешности решения CRA-задач в зависимости от типа их решения	56
<i>Деева Т. М., Владимиров И. Ю.</i> Метакогнитивные процессы при обращении за помощью на примере решения задач CRA	59
<i>Косякова А. В., Ошканова А. П., Князева И. С.</i> Вклад лингвистических характеристик задач на поиск отдаленных ассоциаций в вероятность возникновения ага-переживания	62
<i>Кулиев Н. С., Валуева Е. А., Курпиров Р. В.</i> Можно ли увидеть инсайт? Сравнение экспертных и наивных оценок поведенческих признаков	66
<i>Лапшина Е. С., Лазарева Н. Ю.</i> Влияние ошибки метакогнитивного прогнозирования на возникновение инсайтного решения.	70
<i>Логинов Н. И., Агаджанян А. А.</i> Роль метакогнитивных чувств в регуляции аналитических процессов при решении мыслительных задач.	74

<i>Локшина В. И.</i>	Особенность ага!-переживания младших школьников при изучении английского языка	77
<i>Овечкин В. А.</i>	Роль метакогнитивной атрибуции ошибок в переструктурировании репрезентации при решении задачи «9 точек»	80
<i>Савинова А. Д., Макаров И. Н., Коровкин С. Ю.</i>	Перцептивный фактор границ квадрата в задаче «9 точек»	83
<i>Садохина А. С.</i>	Критическое мышление: изучение вклада логических компонентов	86
<i>Селиванов В. В.</i>	Интеллектуальное событие как основа творчества	89
<i>Скрынникова И. Ю., Мадни А. О.</i>	Самоэффективность и сложность задачи как предикторы успешности решений CRA-задач в зависимости от типа их решения.	92

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОСОЗНАВАЕМЫХ
И НЕОСОЗНАВАЕМЫХ ПРОЦЕССОВ ПРИ
РЕШЕНИИ КОГНИТИВНЫХ ЗАДАЧ**

<i>Агафонов А. Ю.</i>	Иллюзорная беспричинность интуитивных чувств: «не знаю почему, но кажется, что так»	98
<i>Гершкович В. А.</i>	Роль эвристики доступности в атрибуции источника иллюзорных воспоминаний.	100
<i>Григорьев П. Е.</i>	Опросник для определения уровня обратной интуиции	104
<i>Измалкова А. И., Черникова В. В., Щербакова О. В.</i>	Когнитивные стратегии и окулomotorные показатели при распознавании искусственных грамматических конструкций	107

<i>Коровкин С. Ю., Сидорчук А. Р.</i>	
Когнитивный конфликт в движении мышью при выборе из альтернатив110
<i>Куприянова М. И., Чопчик Д. Ю., Филиппова М. Г., Аллахвердов В. М.</i>	
Эмпирическая верификация эффекта конкретизации при разрешении многозначности114
<i>Лантеева Н. М.</i>	
Влияние осознанного наблюдения за собственным состоянием на успешность решения задач117
<i>Скотникова И. Г., Шендяпин В. М., Князева Т. С.</i>	
Неосознанное предвосхищение правильности/ ошибочности решений в разных видах когнитивных задач121
<i>Черемошкина Л. В.</i>	
Граница осознаваемых и неосознаваемых процессов при решении мнемической задачи125

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА

<i>Алиева Н. И.</i>	
Пупиллометрия как психофизиологический метод исследования креативности у детей с нарушениями речи130
<i>Булгакова О. С., Буркова С. А.</i>	
Влияние экспериментального музыкального направления «алеаторика» на психофизиологическое состояние здоровых мужчин и женщин133
<i>Галкин В. А., Нагорнова Ж. В.</i>	
Вызванные потенциалы при решении арифметических и логических задач, корреляция успешности их решения с показателями креативности.137
<i>Грохотова А. В., Шемякина Н. В.</i>	
Оценка эффекта одной сессии альфа-нейробиоуправления на спектральные характеристики выполнения задания на альтернативное использование у подростков 15–17 лет141

Киреев М. В., Морошкина Н. В., Павлючик Е. И., Машарипов Р. С., Коротков А. Д.

Преодоление фиксации на неверной репрезентации и переструктурирование задачи при решении анаграмм: фМРТ исследование145

Махтумова О. В.

Роль телесности и телесного Я в познавательной деятельности человека149

Меньшикова Г. Я., Брагинец К. А.

Особенности восприятия произведений живописи у экспертов и новичков: метод айтрекинга.152

Мнацаканян Е. В.

Нейрофизиологические корреляты неосознанной оценки зрительных стимулов у здоровых мужчин и женщин . .155

Николаева Н. О.

Пространственное восприятие и креативность: роль вестибулярной системы в когнитивных функциях159

Славутская А. Е.

Связь тормозного контроля и креативности у подростков-лицеистов.162

Смагина Е. Е.

Исследование целесообразности применения вокалотерапии в психологической реабилитации военнослужащих164

Созинов А. А., Александров Ю. И.

Динамика сложности сердечного ритма человека при формировании нового поведения168

Сулейманов Р. Ф.

Типы мышления при выполнении разных умственных действий студентами вуза171

МЕНТАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И КОГНИТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Барабанщиков В. А., Агеева А. С.

Различия в оценках индивидуально-психологических особенностей незнакомого человека по его видеоизображению и в ситуации зрительного контакта176

<i>Битюцкая Е. В.</i>	
Ментальные и визуальные репрезентации трудных жизненных ситуаций: тематический анализ схематических изображений.179
<i>Горюнова Н. Б.</i>	
Творение как фундаментальное свойство живых систем182
<i>Еголаева Е. С.</i>	
Религиозный опыт в составе воспринимаемого качества церковной музыки185
<i>Калошина В. В.</i>	
Влияние загрузки активированной долговременной памяти на процесс верификации в зрительном поиске.189
<i>Королькова О. А., Паникратова Я. Р., Пчелинцева М. Е., Смирнова А. В., Печенкова Е. В.</i>	
Возрастные изменения обновления и удержания материала в рабочей памяти при здоровом старении: исследование с эквивалентными вербальными и невербальными задачами192
<i>Курбанов К. А.</i>	
Конфликт ментальных моделей, правильность и время ответа196
<i>Лупенко Е. А., Волкова В. А., Королькова О. А., Хозе Е. Г.</i>	
Восприятие и оценка индивидуально-психологических характеристик человека по видеоизображению его поведения.199
<i>Морозов М. И.</i>	
Может ли загрузка активированной долговременной памяти замедлять верификацию цели при зрительном поиске?203
<i>Носуленко В. Н.</i>	
Концептуальная модель, искусственный интеллект и воспринимаемое качество.206
<i>Обольская В. А., Щербакова О. В.</i>	
Связь интеллектуального поведения реципиента с полной пониманием текста209

<i>Романенко Р. В., Носуленко В. Н.</i>	
Вопросы изучения воспринимаемого качества обоняния213

СИМПОЗИУМ «КРЕАТИВНОСТЬ
И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ»

<i>Беляева Е. М.</i>	
Связь креативности с тормозным контролем у подростков218
<i>Виногорова В. Н., Николаева Е. И.</i>	
Методы оценки креативности детей в раннем возрасте221
<i>Виноградова П. А.</i>	
Внимание и креативность: инвертированная U-образная зависимость у здоровых лиц и пациентов с рассеянным склерозом.224
<i>Заводова Е. М., Нагорнова Ж. В.</i>	
Оценка межсубъектной синхронизации у зрителей в условиях театральной репетиции. Пилотное ЭЭГ исследование.227
<i>Нагорнова Ж. В.</i>	
Анализ межсубъектной синхронизации при изменении субъективной оценки творческого продукта в условиях со- циального взаимодействия. Пилотное исследование230
<i>Николаева Е. И., Славутская А. Е.</i>	
Связь креативности с параметрами исполнительных функций234
<i>Разумникова О. М.</i>	
К вопросу о личностных и интеллектуальных характеристиках креативности237
<i>Шемякина Н. В.</i>	
Вызванная биоэлектрическая активность мозга в разных моделях вербальной творческой деятельности как показатель вовлечения системы когнитивного контроля240

ЭМОЦИИ И МЕТАКОГНИЦИИ В РЕГУЛЯЦИИ ТВОРЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Андриянова Н. В., Матюнина Н. В.

Перенос неспецифического эмоционального сигнала с перцептивной задачи на творческую 246

Батуев Н. С.

Связь семантических и перцептивных характеристик задач с вероятностью ага-переживания в тесте на поиск отдаленных ассоциаций 249

Валеева Г. В.

Динамика взаимодействия метакогниций «я-концепции» и «смысла жизни» как фактор самоуправления 253

Гулькин А. В., Гершкович В. А., Морошкина Н. В.

Связь эффекта генерации и ага-переживания с припоминанием идей в дивергентной творческой задаче 256

Кара Ж. Ю., Крутелёва Л. Ю.

Влияние арт-терапевтических онлайн методик на эмоциональный интеллект подростков 260

Логинов Н. И., Бобырёва А. П., Чесноков И. А.

Влияние ага-переживания на возникновение односторонней предвзятости 263

Марковская Г. Г., Косенко Д. А.

Оценка стратегий регуляции эмоций в художественно-творческой деятельности 266

Меркушкин К. И., Поддьяков А. Н.

«Ага!» и «Ой-ой»-переживания: положительные и негативные инсайты в контексте индуцированных эмоциональных состояний 269

Морошкина Н. В., Чиняева П. Г.

Способствует ли Ага-переживание переносу найденного принципа решения на новые задачи? 272

Сиповская Я. И.

Проявления концептуальных способностей в контексте успешности интеллектуальной деятельности и креативности 275

Сладкоштитева А. В., Морошкина Н. В.

Позитивный аффект как компонент Ага!-переживания:
данные аффективного прайминга278

АФФЕКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОЗНАНИИ

Артёмцева Н. Г., Лынская М. И.

Творчество как ресурс преодоления аффективного
состояния созависимых родителей, воспитывающих детей
с аутизмом284

Барабанщиков В. А., Суворова Е. В.

Восприятие экспрессий подвижного лица в системе
мультимодальных эмоциональных состояний287

Королькова О. А.

Характеристики наблюдаемых признаков и предпосылок
проявления эмоций при восприятии динамического
экспрессивного поведения290

Кох Д. А., Фёдорова Е. Ф.

Влияние состояния тревоги на восприятие одного
и множества негативных эмоциональных экспрессий . .294

Мартынова Е. Н.

Влияние типа задачи на скорость обработки
эмоциональных слов297

Позднякова Т. Б.

Эмоциональные процессы и понимание людьми друг
друга.300

Пушников А. А.

Теоретические и эмпирические различия семантического
и аффективного модусов валентности.303

Сысоева Т. А., Люсин Д. В.

База данных ENRuN-2 с оценками эмоциональной окраски
русских существительных и возможности ее применения
в исследованиях творческих процессов307

Юрьева М. В.

Влияние знакомства с индивидуальными паттернами
речи на распознавание вокальных эмоциональных
экспрессий310

КОГНИТИВНО-ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И ТВОРЧЕСТВО

Виленская Г. А.

Индивидуальные предпосылки контроля поведения
у младших школьников 316

Дергачёв Я. С., Котов А. А., Котова Т. Н.

Репрезентация эмоций у детей 15–18 мес.: возможности
по построению ожиданий о действиях на основе
наблюдавшейся эмоциональной экспрессии. 319

Корсак А. А., Иванова Е. М.

Особенности развития чувства юмора у людей
с расстройствами аутистического спектра 323

Лебедева Е. И., Бушина Е. В.

Креативность и модель психического в младшем
школьном возрасте 327

Лужнова К. Н., Котов А. А.

Эффект выученного невнимания у детей с РАС: результаты
эмпирического исследования. 330

Пушко П. Р., Дергачёв Я. С., Котов А. А., Котова Т. Н.

Развитие способности детей различать вербальные
и визуальные форматы репрезентации: новый метод
изучения метакогнитивных функций в раннем
детстве. 334

Сергиенко Е. А.

Интуиция и контринтуиция в когнитивном развитии. . 337

Сухарев В. Д., Ветрова И. И.

Развитие эмоционального интеллекта у младших
подростков в норме и патологии. 340

Шингаев С. М.

Эмоциональный интеллект и творчество
в образовательном процессе 344

ЛИЧНОСТЬ, МОТИВАЦИЯ И КРЕАТИВНОСТЬ

Варваричева Я. И., Матюшкина А. А.

Представления о творческом кризисе у опытных
и начинающих специалистов разных областей
творчества 348

<i>Гельвих М. В., Васильченко Н. А.</i>	
Кинематографические предпочтения как отражение ценностно-смысловой ориентации личности351
<i>Грязева-Добшинская В. Г., Дмитриева Ю. А., Коробова С. Ю.</i>	
Стратегии творческого мышления в условиях дефицита времени: анализ динамических паттернов теста Торренса355
<i>Дикая Л. А., Дикий И. С.</i>	
Взаимосвязь креативности как ключевого навыка будущего и исследовательского потенциала у студентов вузов359
<i>Дьячук А. А.</i>	
Особенности переживания времени у подростков с высоким уровнем творческих способностей362
<i>Зайцева Ю. Е.</i>	
Современное жизнетворчество или ребрендинг: борьба за суггестивность текста личной истории вместо ее протяженности366
<i>Зайцева Ю. Е., Скороходова Ю. В.</i>	
Личные фотографии в постмодерне: брендинг или иллюстрация личной истории?369
<i>Карпов А. В.</i>	
Цифровизация как детерминанта развития креативности.372
<i>Кларина Е. М., Поддьяков А. Н.</i>	
Понимание пантомимического номера и его рефрейминг: разнообразие формирующихся смыслов.375
<i>Колтунов Е. И., Грязева-Добшинская В. Г., Дмитриева Ю. А.</i>	
Структура креативных ресурсов личностного выбора студентов: кросс-культурный аспект.379
<i>Корниенко Д. С., Ячменёва Н. П., Богданова А. В.</i>	
Личностные и мотивационные предикторы самооценки интеллекта383
<i>Корниенко Д. С., Руднова Н. А.</i>	
Антисоциальная креативность: вклад черт темной тетрады и светлой триады387

<i>Максарова Л. Б., Корнилова Т. В.</i>	
Злонамеренная креативность: роль интеллекта, стилей принятия решений и черт темной триады	390
<i>Матюшкина А. А., Зубарева М. А.</i>	
Личностные характеристики и успешность разрешения жизненных проблем	394
<i>Мельник Т. Ю.</i>	
Визуальные практики как ресурс креативности.	397
<i>Мирзамедова Т. И.</i>	
Методика «Линия жизни» в творческом развитии автобиографического нарратива младших школьников	400
<i>Никитина Е. А.</i>	
Креативность как фактор, способствующий преодолению стресса в пожилом возрасте.	403
<i>Нуркова В. В.</i>	
Автобиографическая память в системе взаимодействий творческой генерации нарративной идентичности.	407
<i>Одинцова О. Д., Забелина Е. В.</i>	
Исследование взаимосвязи меры жизнестойкости и метакогнитивных свойств у подростков с творческой направленностью	410
<i>Погосян С. Г.</i>	
Роль компонентов креативности личности в изменяющемся мире	413
<i>Радина Н. К.</i>	
Мимесис и творчество: создание вирусных видео на цифровой социальной платформе ТикТок.	416
<i>Сайкина К. И.</i>	
Перфекционизм в оценке трудных жизненных задач у одаренных подростков	420
<i>Сергиенко Е. А., Харламенкова Н. Е., Павлова Н. С.</i>	
Когнитивная иллюзия возраста при переживании посттравматического стресса	424
<i>Сулим О. С.</i>	
Образ будущего как продукт творческого переосмысления жизни в периоды глобальных кризисов (на примере	

пандемии COVID-19 и СВО)	428
<i>Фахрутдинова Л. Р., Сабиров Т. Н.</i>	
Переживание и творческая направленность личности	431
<i>Юртаева М. Н., Глуханюк Н. С.</i>	
Исследование взаимосвязей открытости опыту и переживаний в деятельности.	435

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ТВОРЧЕСТВО

<i>Бодрова М. А.</i>	
Борьба с метакогнитивной близорукостью больших языковых моделей на примере генерации новых научных проблем.	440
<i>Васильева И. В., Тихонова С. С.</i>	
Связь антисоциальной креативности и вовлеченности в сферу искусственного интеллекта	444
<i>Воронин А. Н., Рафикова А. С.</i>	
Концептуализация мудрости через семантическую призму ChatGPT.	447
<i>Голинец А. О.</i>	
Потенциал LLM в оценке креативных рассказов: сравнение оценок LLM на основе инструкций с экспертными оценками	450
<i>Голинец А. О., Баженова Д. А., Наумов Н. Н., Седых А. В.</i>	
Человек против машины — кто креативнее?	453
<i>Лукашкина Е. А.</i>	
Когнитивные архитектуры как способ моделирования творческого мышления	456
<i>Минин А. И., Козьяков Р. В.</i>	
Влияние технологий искусственного интеллекта на креативное мышление человека	460
<i>Стельмахов Д. А.</i>	
К вопросу о методах моделирования творческих процессов в искусственном интеллекте.	463
<i>Суворов В. В.</i>	
Ощущение как основа субъективности и катализатор творчества (по Я. А. Пономарёву)	466

<i>Устин П. Н., Попов Л. М.</i>	
Принцип ЭУС в самообучении «цифрового субъекта» средствами искусственного интеллекта	469
<i>Хохлов Н. А.</i>	
Диагностика стремления к творчеству у детей и подростков с помощью экспертных оценок и языковой модели DeepSeek-V3	472

ТВОРЧЕСТВО И ОБРАЗОВАНИЕ

<i>Архиреева Т. В.</i>	
Динамика личностно-индивидуальных творческих характеристик детей младшего школьного возраста . . .	478
<i>Ерёмина Л. И.</i>	
Возможности использования кейс-метода в развитии креативности студентов	481
<i>Зиннатуллина Г. М.</i>	
Роль ритмического воспитания в формировании навыков самоорганизации у школьников	484
<i>Коваленко И. В.</i>	
Оценка творческого развития учащихся в группе с помощью цифровой среды Creo Datum	487
<i>Кононова О. Б.</i>	
Социальное творчество и воспитание: есть ли социальное творчество в современном образовании?	489
<i>Лавров А. П.</i>	
Психологические аспекты сотрудничества обучающихся при решении экспериментальных творческих задач по химии	492
<i>Майорова С.А., Даринская Л.А.</i>	
Эмоциональная отзывчивость на музыку как стимул развития мотивации к обучению детей игре на фортепиано.	495
<i>Мальцева А. С., Глухова В. А.</i>	
Социокультурная идентичность личности учителей, работающих с одаренными детьми	498

<i>Серафимович И. В.</i>	Непрерывное профессиональное образование и особенности метакогнитивной сферы IT-специалистов	502
<i>Степанова М. А.</i>	Можно ли учить творчеству?	505
<i>Федотова С. А.</i>	Психологические качества студентов-изобретателей технической направленности	508

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА И ИННОВАЦИЙ

<i>Борисова С. Е.</i>	Визуальная метафора как элемент проектирования психологически благополучного социального пространства	512
<i>Воскресенская Н. Г.</i>	Влияние источников информации на оригинальность представлений молодежи о семье	515
<i>Короткина Т. И., Якунин А. П.</i>	Социальная психология творчества: методологический аспект проблемы	518
<i>Назарова Т. В.</i>	Интуитивное прозрение (серендипность) как источник инноваций в бизнесе	521
<i>Савина О. О., Смирнова О. М.</i>	Проявление вербальных творческих способностей в командном творчестве шестиклассников	524
<i>Селезнёва Е. В.</i>	Когнитивная сложность / простота как параметр социальных представлений о психологических характеристиках членов различных социальных групп	527
<i>Тарасов С. В.</i>	Групповая творческая деятельность и эффективность совместной деятельности: пилотажное исследование на операторах система-112	531

<i>Ширков Ю. Э.</i>	
Переработка результатов «Мирового кафе»	
в обоснованные тезисы научного исследования	534

ПСИХОЛОГИЯ ИСКУССТВА И НЕЙРОЭСТЕТИКА

<i>Альшанская Е. И.</i>	
Как мозг воспринимает искусство: от нейробиологии	
корковых и подкорковых структур к эстетике	
будущего	540
<i>Бачкала А. П., Митина О. В., Васюра Е. В.</i>	
Семантические пространства музыкальных тембров	
и интервалов и ключевые характеристики звука	
в музыкальной теории	543
<i>Белянин В. П.</i>	
Описание ощущений в художественном тексте	546
<i>Василенко С. В.</i>	
Особенности жизненной ситуации и отношения	
к смерти личности, предпочитающей литературу и кино,	
эстетизирующие смерть	549
<i>Зинченко Е. М., Лазунина Е. А., Гавриленко А. М., Букушева А. В.</i>	
Анализ окуломоторной активности при восприятии	
фрактальной живописи с различной D-размерностью	
у студентов	552
<i>Кочеткова К. А., Крюкова А. П.</i>	
Имплицитное усвоение художественного стиля	555
<i>Леонова О. С., Алиева Д. А., Попович И. А., Первушина М. Е.</i>	
Взаимодействие с произведениями искусства	
в художественном музее как средство творческого	
преобразования миграционного опыта.	558
<i>Малахова С. И.</i>	
Творческая роль синестезии.	561
<i>Петрова А. Е., Шумилов Т. В., Чистопольская А. В.</i>	
Исследование процессов узнавания и запоминания	
произведений концептуального искусства	565
<i>Шемякина Н. В., Галкин В. А., Васенькина В. А., Мизин В. Ю.,</i>	

<i>Потапов Ю. Г.</i>	
ЭЭГ характеристики восприятия и эстетической оценки живописи разных стилей в естественных условиях посещения выставки современных художников.569
<i>Шумилов Т. В., Петрова А. Е., Чистопольская А. В.</i>	
Влияние личности автора на эстетическую оценку произведения573

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТВОРЧЕСТВА И НАСЛЕДИЯ Я.А. ПОНОМАРЁВА

<i>Белопольский В. И., Костригин А. А.</i>	
Публикации о жизни и творчестве ученого как объект наукометрического анализа: к юбилею Я. А. Пономарёва578
<i>Васильев И. А.</i>	
Вклад школы Я. А. Пономарёва в развитие психологии мышления581
<i>Гильманов С. А.</i>	
О роли невербальных компонентов научного текста585
<i>Зеленкова Т. В.</i>	
К проблеме моделирования «интуиции» у искусственного интеллекта в контексте теории творчества Я. А. Пономарёва588
<i>Клыпа О. В.</i>	
Психологическое наследие Древней Руси как коллективное творчество591
<i>Логина Н. А.</i>	
Исследования творчества в Петербургской психологической школе594
<i>Мазилев В. А., Слепко Ю. Н.</i>	
Методы изучения научного творчества в истории психологии: теория и практика597
<i>Мионов Д. В., Стоюхина Н. Ю.</i>	
Вопросы психологии творчества в работах С. О. Грузенберга600

<i>Попова Л. В.</i>	
Психоанализ и творчество Альфреда Хичкока603
<i>Ребеко Т. А.</i>	
«Нереализованный» чувственный опыт как цезура в структуре ментального опыта.606
<i>Сапогова Е. Е.</i>	
«Бытие-вперед-себя» как аспект жизнетворчества личности609
<i>Семёнов И. Н.</i>	
Социо-экзистенциальная детерминация становления системы методологии Я. А. Пономарёва и перспектива ее развития для изучения человеческого капитала субъектов образования и творчества.613
<i>Сорокин В. М., Даринская Л. А., Демьянчук Р. В., Молодцова Г. И.</i>	
Роль творчества в процессе социализации лиц с коморбидными сенсорными нарушениями (к 55-летию Загорского эксперимента).617
<i>Сорокина С. Е.</i>	
Графологическое наследие Якова Александровича Пonomарёва: почерковедческий анализ.620
<i>Стоюхина Н. Ю.</i>	
Вопросы психологии творчества на Международном симпозиуме по проблемам бессознательного в Тбилиси в 1979 г..623
<i>Тучина О. Р., Нехорошева М. В.</i>	
Культурный код позднесоветской эпохи глазами современной молодежи (на материале исследования восприятия произведений изобразительного искусства).626
<i>Чернецкая Н. И.</i>	
Качества творческой личности в трудах Я. А. Пономарёва629
<i>Штрикер Ю.Д.</i>	
Проблема кинотворчества в советской психологии 1920-х — 1930-х гг.632

<i>Южанинова А. Л.</i>	
Первые саратовские исследователи психологии искусственного интеллекта А. А. Понукалин и Р. Х. Тугушев635
<i>Юрова Т. Н., Юров И. А.</i>	
Я. А. Пономарёв как теоретик психологии.638
<i>Якунин А. П.</i>	
Математика как инструмент научного открытия в психологии641

Вступительное слово

С. Ю. Коровкин

Институт психологии РАН, Москва
korovkinsu@ipran.ru

Д. В. Ушаков

Институт психологии РАН, Москва
ushakovdv@ipran.ru

А. Л. Журавлёв

Институт психологии РАН, Москва
zhuravleva@ipran.ru

В 2025 году исполняется 105 лет со дня рождения выдающегося отечественного психолога Якова Александровича Пономарёва. Он внес значительный вклад в психологию, в первую очередь в рамках психологии творчества. Я. А. Пономарёв создал структурно-уровневую теорию, которая стала основой для многих последующих исследований и остается важной по сегодняшний день. Я. А. Пономарёв внес заметный вклад в исследование философско-методологических проблем, разработал особый язык структурно-уровневого описания, на котором формулировалась его концепция и описывались эмпирические данные, что позволило более точно и системно анализировать психологические феномены. Открытые им феномены неоднородности результата действия, побочного продукта и проявления интуитивного опыта в действии позволило значительно углубить наше понимание творческого процесса. Его концепция охватывает не только творчество, но и многие глобальные проблемы психологии, что говорит о ее универсальности и глубине. Он был автором остроумных экспериментальных исследований, которые выявили новые аспекты мышления и творческой деятельности. Я. А. Пономарёв оставил яркий след как мыслитель, чьи идеи продолжают влиять на современную психологию и стимулировать новые исследования.

Традиционная конференция памяти этого выдающегося ученого в 2025 году собрала более 170 докладов, посвященных разным аспектам психологии творчества. Представлена широкая география докладчиков из более чем 20 городов России и ряда зарубежных стран. В рамках конференции поднимаются вопросы механизмов творческого решения, его неосознаваемой природы и доступности сознательному управлению, нейрофизиологических основ творчества, когнитивных и аффективных процессов в творчестве, когнитивных и личностных особенностей креативной личности, проявления творчества в обучении и образовании, в социальном взаимодействии, в адаптации к жизненным ситуациям, в создании и восприятии искусства, возможностей моделирования творческих процессов с помощью искусственного интеллекта, а также изучения наследия школы психологии творчества. Все это говорит об актуальности теоретических, методологических и тематических идей школы Я. А. Пономарёва, которые по-прежнему являются достаточно эвристичными и перспективными для исследования феномена творчества.

Раздел *«Психология мышления и инсайтного решения»* объединяет современные эмпирические и теоретические исследования, посвященные природе инсайтного решения. В центре внимания авторов — как классические, так и новые аспекты внезапного решения, роли метакогнитивных чувств, языковых и перцептивных факторов, а также специфики диагностики и развития творческого мышления. Заметная часть работ выполнена на материале задач на отдаленные ассоциации. В. М. Афанасьева и В. Ф. Спиридонов исследуют морфосинтаксические ограничения семантического поиска в русскоязычной задаче CRA, подчеркивая важность учета морфологии и синтаксиса для моделирования семантического поиска. А. В. Косякова и соавторы изучают лингвистические характеристики задач CRA, связанные с вероятностью возникновения ага-переживания, показывая влияние семантической удаленности и близости слов. В работах Е. Д. Голубцовой и А. О. Мадни, а также И. Ю. Скрынниковой и А. О. Мадни исследуется роль сложности задачи, объема рабочей памяти и самоэффективности

в успешности решения CRA-задач. Ряд работ выполнен на материале классической задачи «9 точек». А. Д. Савинова и соавторы проверяют влияние перцептивного фактора границ квадрата в задаче «9 точек», выявляя значимость ранних действий при изменении репрезентации. В. А. Овечкин исследует роль метакогнитивной атрибуции ошибок в переструктурировании репрезентации на примере задачи «9 точек». Заметную группу составляют исследования метакогнитивных процессов в инсайтном решении. Т. М. Деева и И. Ю. Владимиров анализируют метакогнитивные аспекты обращения за помощью при решении CRA, выявляя связь между уверенностью и временем принятия решения. Н. И. Логинов и А. А. Агаджанян выделяют метакогнитивные чувства, предсказывающие выбор аналитической стратегии при решении CRA-задач. Е. С. Лапшина и Н. Ю. Лазарева исследуют влияние ошибки метакогнитивного прогнозирования на возникновение инсайтных решений, подчеркивая роль несоответствия между прогнозируемой и фактической сложностью задачи. Н. Ю. Акатова и С. Ю. Коровкин анализируют взаимодействие субъективного чувства агентности и ага-переживания в оценке правдивости высказываний, выявляя разнонаправленное влияние метакогнитивных переживаний на внезапность и уверенность ответов. В. И. Локшина показывает наличие ага-переживания у младших школьников при изучении английского языка. Часть представленных докладов носит методический характер. Н. С. Кулиев, Е. А. Валуева и Р. В. Куприянов разрабатывают методологию объективной регистрации инсайтных решений, подтверждая значимость поведенческих признаков, таких как положительная экспрессия. Е. Е. Васюкова и О. В. Митина представляют апробацию опросника для тренеров по оценке уровня шахматного мастерства, демонстрируя высокую корреляцию между оценками и рейтингом игроков. Также представлены доклады, которые анализируют вклад интеллектуальных операций в инсайтное решение. В. В. Селиванов вводит понятие интеллектуального события как основы творческой деятельности, а А. С. Садохина анализирует вклад логических компонентов в развитие критического мышления у школьников. В целом

раздел демонстрирует, что современные исследования инсайта и мышления не только опираются на фундаментальные идеи Я. А. Пономарёва о внезапности и многоуровневости творческого акта, но и существенно их развивают, интегрируя новые эмпирические данные, методы и прикладные подходы. Это открывает перспективы для создания более точных моделей творческого мышления, разработки эффективных диагностических инструментов и образовательных технологий, направленных на развитие инсайтных и метакогнитивных процессов.

Раздел *«Взаимодействие осознаваемых и неосознаваемых процессов при решении когнитивных задач»* посвящен анализу механизмов, лежащих в основе интуитивного мышления, а также взаимосвязи осознаваемых и неосознаваемых процессов. Представленные материалы органично продолжают и развивают представления Я. А. Пономарёва об уровневой природе творческого процесса. В представленных работах интуиция трактуется как результат сложного взаимодействия эксплицитного и имплицитного знания, где неосознанные процессы формируют основу для внезапного появления решения, а также уверенности в правильности решения. Поднимаются вопросы о взаимодействии осознаваемых и неосознаваемых процессов. Предлагаются различные способы отслеживания неосознаваемых и трудновербализуемых процессов.

Работы в основном анализируют взаимное влияние неосознаваемых и осознаваемых когнитивных процессов. А. Ю. Агафонов рассматривает иллюзорную беспричинность интуитивных чувств как проявление направляемого имплицитным знанием неосознаваемого процесса. М. И. Куприянова и соавторы проверяют эффект конкретизации при разрешении многозначности, исследуя влияние неосознаваемой многозначности на восприятие и интерпретацию стимулов. В. А. Гершкович анализирует роль эвристики доступности в атрибуции источника иллюзорных воспоминаний, выявляя влияние семантического прайминга на ошибочные суждения об авторстве. А. И. Измакова и коллеги исследуют связь когнитивных стратегий распознавания грамматических конструкций с окулomotorными показателями, демонстрируя различия

в поведении при использовании интуитивных и аналитических стратегий. И. Г. Скотникова и коллеги исследуют неосознанное предвосхищение правильности и ошибочности решений в сенсорно-перцептивных и музыкально-когнитивных задачах, подтверждая роль нейронных механизмов детерминации и детекции ошибок. С. Ю. Коровкин и А. Р. Сидорчук анализируют когнитивный конфликт через траектории движения мыши при выборе из альтернатив, выявляя скрытую динамику внутреннего конфликта. Н. М. Лаптева описывает экспериментальное изучение влияния практики осознанности на успешность решения задач, выявляя тенденции к сокращению времени решения и увеличению инсайтов. Л. В. Черемошкина анализирует границу осознаваемого и неосознаваемого анализа при решении мнемических задач, выделяя временной интервал до 4 секунд как период неосознаваемого восприятия. П. Е. Григорьев вводит конструкт обратной интуиции и описывает создание опросника для ее диагностики, что открывает новые возможности для психологической коррекции.

Направление *«Психофизиология творчества»* рассматривает современные психофизиологические методы и теоретические подходы к исследованию креативности, когнитивных функций и психоэмоционального состояния различных групп испытуемых — от детей с нарушениями речи до взрослых и подростков. Основное внимание уделено взаимосвязи нейрофизиологических процессов и творческого мышления, а также влиянию внешних факторов на психофизиологическое состояние и когнитивные способности.

В докладах представлены и обсуждаются общие физиологические принципы творчества. А. А. Созинов и Ю. И. Александров исследуют динамику сложности сердечного ритма при формировании нового поведения, связывая системную организацию поведения с творческим научением. ФМРТ-исследование М. В. Киреева и коллег раскрывает нейронные механизмы преодоления фиксации на неверной репрезентации и переструктурирования задачи при решении анаграмм, что важно для понимания инсайтных стратегий решения проблем. Анализируются нейрофизиологические

корреляты креативности. В. А. Галкин и Ж. В. Нагорнова анализируют вызванные потенциалы при решении арифметических и логических задач у подростков, выявляя корреляции с показателями креативности, что способствует пониманию нейрофизиологических основ творческого мышления. А. Е. Славутская демонстрирует связь тормозного контроля и креативности у подростков-лицеистов. Предлагаются новые методы изучения и влияния на творческие процессы. А. В. Грохотова и Н. В. Шемякина исследуют эффект альфа-нейробиоуправления на спектральные характеристики мозга при выполнении творческих заданий, подтверждая эффективность нейротехнологий в развитии когнитивных функций. В докладе Н. И. Алиевой представлен метод пупиллометрии для изучения креативности у детей с речевыми нарушениями, что открывает новые возможности для диагностики и коррекции. Р. Ф. Сулейманов анализирует типы мышления студентов в зависимости от функциональной асимметрии полушарий мозга, предлагая практические рекомендации для коррекции когнитивной адекватности. Представлены доклады, анализирующие нейрофизиологические основы творческих видов деятельности и искусства. Исследование О. С. Булгаковой и С. А. Бурковой демонстрирует влияние экспериментального музыкального направления «алеаторика» на психофизиологическое состояние здоровых мужчин и женщин, выявляя половые различия в реактивной тревожности и болевой чувствительности. Е. Е. Смагина обосновывает целесообразность применения вокалотерапии в психологической реабилитации военнослужащих, подчеркивая ее влияние на психоэмоциональное состояние и социальную адаптацию. Г. Я. Меньшикова и К. А. Брагинец с помощью айтрекинга выявляют особенности восприятия произведений живописи у экспертов и новичков. Е. В. Мнацаканян исследует нейрофизиологические корреляты неосознанной оценки зрительных стимулов, демонстрируя половые различия в обработке информации. Обсуждается роль телесного опыта в когнитивных функциях. О. В. Махтумова в своей работе подчеркивает роль телесного Я в познавательной деятельности, связывая телесный опыт с формированием когнитивных

способностей. Н. О. Николаева раскрывает значение вестибулярной системы в когнитивных функциях и творческом мышлении.

В разделе «*Ментальные репрезентации и когнитивные процессы*» представлены современные исследования, посвященные изучению ментальных репрезентаций, когнитивных процессов и механизмов восприятия в различных контекстах. Авторы рассматривают широкий спектр тем — от восприятия личности и трудных жизненных ситуаций до нейрокогнитивных аспектов памяти и интеллектуального поведения.

Важное место занимают исследования общих механизмов построения, хранения и применения репрезентаций. В. В. Калошина и М. И. Морозов демонстрируют влияние загрузки активированной долговременной памяти на процессы верификации в зрительном поиске, выявляя механизмы интерференции перцептивных репрезентаций. О. А. Королькова и соавторы изучают возрастные изменения в обновлении и удержании информации в рабочей памяти с использованием вербальных и невербальных задач. К. А. Курбанов исследует когнитивный конфликт при решении логических задач, выявляя роль логической структуры в изменении правильности и времени ответа. В. Н. Носуленко обсуждает построение концептуальной модели технических систем с элементами искусственного интеллекта и вопросы восприятия качества таких систем пользователями. Р. В. Романенко и В. Н. Носуленко обращаются к проблемам восприятия и оценки обонятельных стимулов в естественных условиях, предлагая новый подход к изучению воспринимаемого качества сложных запаховых композиций. В. А. Обольская и О. В. Щербакова исследуют связь интеллектуального поведения с полнотой понимания текста, выявляя когнитивные паттерны, способствующие продуктивному мышлению.

В ряде работ анализируется построение социальных репрезентаций в виде восприятия и оценки индивидуально-психологических характеристик человека по видеоизображению и в условиях зрительного контакта (В. А. Барабанщиков и А. С. Агеева; Е. А. Лупенко и коллеги), выявлены особенности

взаимодействия визуальной и аудиальной информации и их влияние на формирование впечатления о незнакомце.

Более широкая трактовка ментальных репрезентаций позволяет рассматривать и более широкую проблематику. Н. Б. Горюнова рассматривает творчество как фундаментальное свойство живых систем, подчеркивая его роль в развитии индивидуальности и культурных инноваций. Е. В. Битюцкая предлагает тематический анализ ментальных и визуальных репрезентаций трудных жизненных ситуаций через схематические изображения, раскрывая глубинные личностные смыслы и динамику переживаний. Е. С. Еголаева исследует влияние религиозного опыта на восприятие качества церковной музыки в рамках когнитивно-коммуникативного подхода.

В разделе *«Креативность и исполнительные функции»* представлены современные исследования, посвященные взаимосвязи креативности и исполнительных функций у различных групп испытуемых, включая подростков, детей раннего возраста, пациентов с рассеянным склерозом и студентов. Часть работ посвящена исследованию нейрофизиологических и нейрокогнитивных основ креативности. Е. М. Беляева демонстрирует нелинейную связь между уровнем креативности, тормозным контролем и агрессивностью у подростков, что подчеркивает сложность взаимодействия эмоциональных и когнитивных процессов. Е. И. Николаева и А. Е. Славутская сравнивают параметры креативности и исполнительных функций у школьников из обычных и специализированных классов, выявляя связь тормозного контроля с когнитивной беглостью и объемом рабочей памяти с разработанностью идей. О. М. Разумникова анализирует личностные и интеллектуальные характеристики, влияющие на оригинальность творческого мышления, и предлагает иерархическую модель их организации. Н. В. Шемякина исследует вызванную биоэлектрическую активность мозга при различных вербальных творческих задачах, выявляя особенности вовлечения когнитивного контроля и семантического поиска в процессе генерации оригинальных идей.

Другая часть работ отличается наличием уникальной выборки. В. Н. Виногорова и Е. И. Николаева предлагают новые

методы оценки креативности у детей раннего возраста, расширяя инструментарий диагностики творческого потенциала с 2 лет. П. А. Виноградова исследует инвертированную U-образную зависимость между вниманием и креативностью у здоровых лиц и пациентов с рассеянным склерозом, выявляя оптимальные уровни когнитивной концентрации для творческого мышления. Е. М. Заводова и Ж. В. Нагорнова представляют пилотные ЭЭГ-исследования межсубъектной синхронизации мозга зрителей в условиях театральной репетиции и социального взаимодействия при оценке творческого продукта, демонстрируя динамические изменения мозговой активности в различных частотных диапазонах.

В рамках направления *«Эмоции и метакогниции в регуляции творческих процессов»* представлены современные исследования, посвященные роли эмоций и метакогнитивных процессов в регуляции творческой деятельности. Авторы рассматривают влияние эмоциональных состояний, ага-переживаний и стратегий эмоциональной регуляции на эффективность творческого мышления и когнитивного контроля. Н. В. Андриянова и Н. В. Матюнина исследуют перенос позитивного эмоционального сигнала с перцептивной задачи на творческую, выявляя влияние аффективного контекста на точность и скорость решений, а также особенности неверных ответов при негативных стимулах. Н. С. Батуев анализирует связь семантических и перцептивных характеристик задач с вероятностью возникновения ага-переживаний, подчеркивая роль беглости обработки информации в метакогнитивных оценках. К. И. Меркушкин и А. Н. Поддьяков исследуют влияние положительного аффекта на позитивные и негативные инсайты, показывая, что позитивный аффект способствует увеличению креативности и снижению негативных инсайтов. А. В. Сладкоштиева и Н. В. Морошкина подтверждают, что ага-переживание сопровождается позитивным аффектом, который модулирует скорость обработки эмоциональной информации. Н. В. Морошкина и П. Г. Чиняева выявляют роль ага-переживания в переносе усвоенных принципов решения на новые задачи, подчеркивая значение осознанного переноса знаний.

А. В. Гулькин и коллеги исследуют влияние ага-переживаний на припоминание идей в дивергентных творческих задачах, выявляя сложные эффекты на память и творчество. Н. И. Логинов и соавторы изучают влияние ага-переживаний на когнитивные искажения, в частности одностороннюю предвзятость, выявляя связь между позитивным аффектом и интуитивными стратегиями мышления.

Другая группа работ демонстрирует роль эмоциональной и метакогнитивной регуляции в повседневных задачах. Г. В. Валеева рассматривает динамику взаимодействия метакогниций «Я-концепции» и «смысла жизни» как фактора самоуправления и коадаптации личности и среды. Я. И. Сиповская анализирует концептуальные способности как ключевой фактор успешности интеллектуальной и креативной деятельности у подростков. Ж. Ю. Кара и Л. Ю. Крутелёва демонстрируют эффективность онлайн-арт-терапии для развития эмоционального интеллекта и творческих способностей подростков. Г. Г. Марковская и Д. А. Косенко представляют результаты валидации опросника стратегий регуляции эмоций в художественно-творческой деятельности, выявляя связь эмоциональной регуляции с адаптивными копинг-стратегиями и уровнем эмоциональной дисрегуляции.

Раздел «*Аффективные процессы в познании*» посвящен роли аффективных процессов в познании и творчестве. Авторы рассматривают влияние эмоциональных состояний на познавательные функции, межличностное понимание и творческую активность. Ряд докладов направлен на анализ общих закономерностей связи эмоций и познания. А. А. Пушников рассматривает различия между семантическим и аффективным модусами валентности, подтверждая их концептуальную и эмпирическую дифференциацию. Т. А. Сысоева и Д. В. Люсин представляют базу данных ENRuN-2 с оценками эмоциональной окраски русских существительных, что предоставляет ценный инструмент для исследований творческих и когнитивных процессов на русском языке. Е. Н. Мартынова показывает, что скорость обработки эмоционально окрашенных слов зависит от типа задачи, при этом отрицательные и положительные

слова обрабатываются быстрее нейтральных в задачах на эмоциональную категоризацию.

В ряде работ анализируется роль эмоциональных состояний и экспрессий на межличностное восприятие. О. А. Королькова анализирует признаки и предпосылки восприятия динамических эмоциональных экспрессий лица и тела, выделяя ключевые дескрипторы и способы интерпретации эмоций. Д. А. Кох и Е. Ф. Фёдорова демонстрируют, что состояние тревоги усиливает восприятие интенсивности негативных эмоций, особенно страха, как при восприятии одного лица, так и группы лиц. В. А. Барабанщиков и Е. В. Суворова исследуют восприятие мультимодальных эмоциональных состояний, выявляя высокую экспрессивность подвижного лица и его роль в интеграции лицевых и голосовых сигналов. Т. Б. Позднякова выявляет связь между эмоциональной стабильностью личности и способностью к пониманию других людей, подчеркивая важность эмоциональной сферы в межличностном познании. М. В. Юрьева изучает влияние знакомства с индивидуальными паттернами речи на распознавание вокальных эмоциональных экспрессий, обсуждая особенности обработки вокальной информации. Н. Г. Артёмцева и М. И. Лынская показывают, что творчество является важным ресурсом для преодоления тревожных и депрессивных состояний у созависимых родителей, воспитывающих детей с аутизмом, и подчеркивают необходимость включения творческих методов в коррекционные программы.

В разделе *«Когнитивно-эмоциональное развитие и творчество»* представлены исследования, посвященные когнитивно-эмоциональному развитию детей младшего школьного и раннего возраста, а также особенностям творческого мышления и поведения в этом периоде. Авторы рассматривают индивидуальные предпосылки контроля поведения, развитие эмоционального интеллекта, метакогнитивных функций и социального познания, а также влияние психических расстройств на творческие способности.

Е. А. Сергиенко раскрывает роль интуиции и контринтуиции в когнитивном развитии, включая формирование житейских и религиозных представлений. Г. А. Виленская анализирует

вклад индивидуальных особенностей младших школьников в контроль поведения, выявляя значимую роль таких черт личности, как добросовестность, экстраверсия и открытость опыту, а также возрастные особенности регуляции. П. Р. Пушко и соавторы предлагают новые методы изучения метакогнитивных функций у детей, направленные на развитие способности различать вербальные и визуальные форматы репрезентаций. Е. И. Лебедева и Е. В. Бушина выявляют связь между социальным познанием (моделью психического) и креативностью у младших школьников, показывая возрастную и гендерную специфику этих взаимосвязей.

Отдельно анализируется развитие эмоционального интеллекта в период раннего развития и при особых условиях развития. С. М. Шингаев описывает формирование эмоционального интеллекта и творческих способностей в образовательном процессе через развитие универсальных учебных действий и личностно-ориентированный подход. А. А. Корсак и Е. М. Иванова рассматривают особенности развития чувства юмора у людей с расстройствами аутистического спектра (РАС), отмечая трудности в понимании и использовании юмора, а также потенциальные компенсаторные возможности. К. Н. Лужнова и А. А. Котов исследуют эффект выученного невнимания у детей с РАС, выявляя сложности с переключением внимания и переработкой новой информации. Я. С. Дергачёв и коллеги исследуют репрезентацию эмоций у детей 15–18 месяцев, демонстрируя способность младенцев строить ожидания о действиях на основе наблюдаемых эмоциональных выражений. В. Д. Сухарев и И. И. Ветрова исследуют развитие эмоционального интеллекта у младших подростков с нормотипичным развитием и психическими патологиями, выявляя специфические профили у детей с шизофренией и РАС.

Одно из наиболее обширных направлений работы конференции представлено в разделе *«Личность, мотивация и креативность»*. В нем представлены исследования, посвященные личностным, мотивационным и когнитивным аспектам креативности в различных сферах. Авторы раскрывают феномены творческого кризиса, мотивации, эмоциональных и социальных

факторов, влияющих на творческое поведение и развитие. Проведен анализ автобиографической памяти как системной основы личности на творчество. В. В. Нуркова предлагает модель творческого взаимодействия автобиографической памяти и личности в формировании нарративной идентичности. Т. И. Мирзамедова представляет методику «Линия жизни» для творческого развития автобиографического нарратива у младших школьников.

Значительная часть докладов посвящена проблеме творческого компонента адаптации к совладанию со стрессом и жизнестойкости. Е. А. Сергиенко и коллеги исследуют когнитивную иллюзию возраста в контексте посттравматического стресса. Е. А. Никитина демонстрирует роль творчества в преодолении стресса у пожилых людей. В. Г. Грязева-Добшинская и коллеги представляют динамический анализ стратегий творческого мышления в условиях дефицита времени на основе теста Торренса, выделяя адаптивные и инновационные паттерны. О. Д. Одинцова и Е. В. Забелина выявляют взаимосвязь жизнестойкости и метакогнитивных свойств у творчески направленных подростков. А. А. Матюшкина и М. А. Зубарева исследуют личностные характеристики, способствующие успешному разрешению жизненных проблем. Е. И. Колтунов и коллеги исследуют структуру креативных ресурсов личностного выбора в кросс-культурном контексте России и Китая. Я. И. Варваричева и А. А. Матюшкина анализируют представления о творческом кризисе у опытных и начинающих специалистов, выделяя виды кризиса и особенности их восприятия в зависимости от уровня профессионального опыта. О. С. Сулим рассматривает пластичность образа будущего как продукт творческого переосмысления жизни в условиях глобальных кризисов.

Большая часть докладов посвящена анализу связей творчества и личностных особенностей. С. Г. Погосян предлагает структурную модель компонентов креативности личности, подчеркивая необходимость комплексного подхода к развитию творческого потенциала. Д. С. Корниенко и соавторы анализируют личностные и мотивационные предикторы самооценки интеллекта, а также вклад черт «темной тетрады» и «светлой

триады» в антисоциальную и злонамеренную креативность, выявляя особенности асоциального творчества. А. А. Дьячук рассматривает особенности переживания времени у творчески одаренных подростков. Л. А. Дикая и И. С. Дикий выявляют взаимосвязь креативности, навыков будущего и исследовательского потенциала у студентов, подчеркивая важность развития креативности для успешной научной деятельности. К. И. Сайкина анализирует влияние перфекционизма на оценку трудных жизненных задач у одаренных подростков, выявляя различия между патологическим и нормальным перфекционизмом. М. Н. Юртаева и Н. С. Глуханюк исследуют связь открытости опыту с переживаниями в деятельности, обсуждая возможности управления потоком и осознанностью через практики активного внимания. Л. Р. Фахрутдинова и Т. Н. Сабиров описывают особенности переживания религиозных ритуалов у лиц с разным уровнем творческой направленности.

Отдельно анализируется адаптация личности к условиям цифровой среды. А. В. Карпов анализирует влияние цифровизации на снижение уровня креативности у студентов. Ю. Е. Зайцева с соавторами исследуют трансформации жизнестворчества и личной идентичности в постмодерне, включая роль цифровых медиа и социальных сетей. Н. К. Радина исследует феномен мимесиса и творчества в создании вирусных видео на платформе TikTok.

Кроме того, ряд докладов посвящен исследованию личностной специфики в искусстве. М. В. Гельвих и Н. А. Васильченко исследуют связь кинематографических предпочтений с ценностно-смысловыми ориентациями личности, выявляя характерные профили зрителей различных жанров. Е. М. Кларина и А. Н. Поддьяков изучают восприятие и рефрейминг пантомимического номера как формы творческого искусства, выявляя разнообразие смыслов и эмоциональных реакций. Т. Ю. Мельник рассматривает визуальные практики русского авангарда как ресурс креативности.

Секция «Искусственный интеллект и творчество» обсуждает целый спектр проблем, связанных с развитием моделей искусственного интеллекта. Первое направление докладов обсуждает

применимость современных средств ИИ для решения научных проблем психологии творчества. М. А. Бодрова рассматривает проблему метакогнитивной близорукости больших языковых моделей и предлагает методiku метакогнитивной интервенции для повышения качества генерации новых научных проблем. А. Н. Воронин и А. С. Рафикова предлагают модель мудрости (WSP) через семантический анализ данных ChatGPT, демонстрируя потенциал ИИ в реконструкции гуманитарных понятий и оценке «мудрости» в ИИ-системах. А. О. Голинец и коллеги исследуют возможности больших языковых моделей (LLM) в оценке креативных рассказов, выявляя значимую корреляцию с экспертными оценками, а также сравнивают вербальную креативность человека и ИИ, анализируя различия и возможности идентификации авторства. Е. А. Лукашкина рассматривает когнитивные архитектуры (Corycat, ACT-R, CLARION) как инструменты моделирования творческого мышления на примере задач на аналогии, отдаленные ассоциации и дивергентное мышление. Н. А. Хохлов исследует диагностику стремления к творчеству у детей и подростков с помощью экспертных оценок и языковой модели DeepSeek-V3, показывая высокую согласованность оценок и потенциал ИИ для автоматизации психодиагностики.

Второе направление анализирует возможности применения теоретических принципов психологии творчества в развитии моделей ИИ. Д. А. Стельмахов обсуждает методологические проблемы моделирования творческих процессов в ИИ, предлагая симбиотическую модель совместного творчества человека и машины. В. В. Суворов раскрывает роль ощущений как основы субъективности и катализатора творчества, что важно для компьютерного моделирования творческого мышления. П. Н. Устин и Л. М. Попов демонстрируют возможности самообучения «цифрового субъекта» в виртуальной среде с использованием принципа ЭУС (этапы-уровни-ступени) Я. А. Пономарёва.

Третье направление докладов обсуждает вопросы, связанные с практикой применения искусственного интеллекта и взаимодействием человека и компьютера. И. В. Васильева

и С. С. Тихонова исследуют связь антисоциальной креативности с вовлеченностью в сферу ИИ, что имеет значение для профилактики кибербуллинга и мошенничества. А. И. Минин и Р. В. Козьяков анализируют влияние технологий ИИ на креативное мышление человека, включая когнитивные и эмоционально-мотивационные последствия, и предлагают стратегии гармонизации взаимодействия человека и ИИ.

В рамках секции «*Творчество и образование*» представлены доклады, посвященные развитию творческих способностей и личностных характеристик обучающихся, а также методам и условиям формирования креативности в образовательном процессе. Несколько докладов посвящены обсуждению вопроса эффективности обучения творчеству. Г. М. Зиннатуллина исследует роль ритмического воспитания в формировании навыков самоорганизации у школьников, подтверждая положительное влияние развития чувства ритма на образовательные результаты. И. В. Коваленко представляет методику оценки творческого развития учащихся с помощью цифровой среды Creo Datum, позволяющую автоматизировать и оптимизировать мониторинг творческого прогресса в учебной группе. М. А. Степанова поднимает вопрос о возможности обучения творчеству, подтверждая эффективность систематического анализа условий творческой задачи в формировании творческого мышления. А. С. Мальцева и В. А. Глухова исследуют социокультурную идентичность учителей, работающих с одаренными детьми, выявляя особенности толерантности к творческим личностям.

Одной из тем обсуждения стали исследования развития творчества в контексте сотрудничества и вовлеченности обучающихся. Л. И. Ерёмина описывает возможности кейс-метода в развитии креативности студентов социальной сферы, подчеркивая его эффективность в формировании навыков сотрудничества и творческого решения конфликтных ситуаций. О. Б. Кононова обсуждает реализацию концепции социального творчества в современном образовании и проблемы вовлечения детей в коллективное творческое воспитание. А. П. Лавров анализирует психологические аспекты сотрудничества

обучающихся при решении творческих задач по химии, выявляя роли участников и предлагая методiku оценки творческого вклада каждого ученика. С. А. Майорова и Л. А. Даринская демонстрируют взаимосвязь эмоциональной отзывчивости на музыку с мотивацией к обучению игре на фортепиано, подчеркивая значимость эмоционального вовлечения в образовательный процесс.

Ряд работ представляет традиционный подход поиска личностных особенностей обучающихся, связанных с творчеством. Т. В. Архиреева рассматривает динамику личностно-индивидуальных творческих характеристик младших школьников, выделяя такие качества, как склонность к риску, любознательность и развитое воображение, и демонстрирует их различную возрастную динамику. И. В. Серафимович рассматривает метакогнитивную сферу как внутренний ресурс творческого мышления и ее роль в непрерывном профессиональном образовании IT-специалистов. С. А. Федотова исследует психологические качества студентов-изобретателей технической направленности, предлагая критерии для выявления склонности к изобретательской деятельности.

В рамках секции *«Социальная психология творчества и инноваций»* обсуждаются доклады, посвященные социально-психологическим аспектам творчества и инноваций, включая методы формирования психологически благополучного социального пространства, влияние информационных источников на креативность, а также коллективное и командное творчество. Т. И. Короткина и А. П. Якунин рассматривают методологические аспекты социальной психологии творчества, подчеркивая важность преодоления группового мышления для развития творческой личности в социальном контексте. Т. В. Назарова анализирует феномен серендишности (интуитивного прозрения) как источник инноваций в бизнесе, предлагая стратегии для стимулирования творческих открытий в организациях. О. О. Савина и О. М. Смирнова исследуют проявления вербальных творческих способностей шестиклассников в командном творчестве, выявляя значимость беглости и оригинальности идей для влияния на коллективный процесс. Е. В. Селезнёва

демонстрирует влияние когнитивной сложности и простоты на социальные представления о психологических характеристиках членов различных социальных групп. С. В. Тарасов описывает пилотажное исследование взаимосвязи творческой деятельности и эффективности совместной работы операторов системы-112, выявляя сложные эффекты взаимодействия в группах. Ю. Э. Ширков обсуждает метод «Мировое кафе» и предлагает подходы к переработке спонтанных групповых материалов в обоснованные научные тезисы, что способствует повышению качества коллективных исследований. С. Е. Борисова обосновывает применение визуальной метафоры и метафорических ассоциативных карт как эффективной психологической техники для проектирования психологически благополучного социального пространства в условиях нестабильности. Н. Г. Воскресенская исследует влияние источников информации на оригинальность представлений молодежи о семье, выявляя роль межличностных коммуникаций и негативное влияние массовых коммуникаций на стереотипизацию.

Направление *«Психология искусства и нейроэстетика»* обсуждает вопросы, связанные с нейрофизиологическими, когнитивными и социально-психологическими аспектами творческой деятельности и восприятия искусства. Рассматриваются механизмы эстетической оценки, роль эмоциональных и сенсорных компонентов, а также влияние личности автора и культурного контекста на восприятие произведений искусства. Основная часть работ посвящена выявлению механизмов эстетических предпочтений произведений искусства. Е. И. Альшанская раскрывает нейробиологические основы восприятия искусства, подчеркивая взаимодействие корковых и подкорковых структур, а также значение бессознательных эмоциональных реакций и культурного контекста для эстетического опыта. А. П. Бачкала и соавторы исследуют психосемантические пространства музыкальных тембров и интервалов, выявляя ключевые характеристики звука, влияющие на их восприятие. С. В. Василенко изучает отношение к смерти у личностей с предпочтением литературы и кино, эстетизирующих смерть, выявляя психологические особенности восприятия.

Е. М. Зинченко и коллеги исследуют окуломоторную активность при восприятии фрактальной живописи, показывая зависимость эстетической привлекательности от фрактальной размерности и профессиональной подготовки зрителей. К. А. Кочеткова и А. П. Крюкова демонстрируют феномен имплицитного усвоения художественного стиля через длительное наблюдение за произведениями одного автора. А. Е. Петрова и коллеги исследуют процессы узнавания и запоминания концептуального искусства, выявляя сходство с когнитивными процессами решения инсайтных задач. Н. В. Шемякина и соавторы анализируют ЭЭГ-характеристики восприятия живописи разных стилей в условиях выставки, выявляя специфические нейрофизиологические паттерны. Т. В. Шумилов и коллеги изучают влияние биографии автора на эстетическую оценку произведения, показывая, что негативная биография снижает восприятие эстетической значимости, особенно при конгруэнтном содержании.

Ряд работ также анализирует то, как произведения искусства влияют и формируют представления человека. В. П. Белянин анализирует описание ощущений в художественном тексте, демонстрируя связь между эмоционально-смысловой доминантой и сенсорными характеристиками, формирующими художественную картину мира. О. С. Леонова и соавторы представляют творческое преобразование миграционного опыта через взаимодействие с произведениями искусства в музее с использованием мультимодальных техник. С. И. Малахова обсуждает синестезию как социально-культурный феномен, формирующий особый «синестетический фонд» в искусстве.

Ключевое для конференции направление «*История психологических исследований творчества и наследия Я. А. Пономарёва*» посвящено историко-психологическому анализу творчества и научного наследия Я. А. Пономарёва. В материалах освещаются ключевые этапы развития школы Я. А. Пономарёва, ее вклад в теорию и методологию исследования творческого мышления, а также современные направления, вдохновленные его идеями. Направление в равной степени посвящено методологическим и историческим аспектам наследия Я. А. Пономарёва.

Первая группа докладов посвящена истории психологических исследований творчества и наследия Я. А. Пономарёва. В. И. Белопольский и А. А. Костригин проводят наукометрический анализ публикаций о жизни и творчестве Я. А. Пономарёва, демонстрируя устойчивый интерес к его наследию и формирование специализированного направления историко-психологических исследований. И. А. Васильев раскрывает теоретико-экспериментальные основы школы Я. А. Пономарёва, подчеркивая роль интуитивного мышления и фазность решения творческих задач, а также критерии творческой деятельности, предложенные ученым. С. А. Гильманов анализирует вневербальные компоненты научных текстов Я. А. Пономарёва, выявляя их значимость для полноты отражения исследовательских действий. Н. И. Чернецкая делает обзор качеств творческой личности в трудах Я. А. Пономарёва, подчеркивая интеграцию когнитивных и эмоционально-личностных аспектов. А. Л. Южанинова представляет первые исследования психологии искусственного интеллекта в Саратове, основанные на концепции творчества Я. А. Пономарёва. С. Е. Сорокина представляет графологический анализ почерка Я. А. Пономарёва, а Н. Ю. Стоюхина освещает вопросы психологии творчества на международном симпозиуме 1979 года. Т. Н. Юрова раскрывает философские взгляды Пономарёва на природу психики и место психологии в системе наук.

Вторая группа докладов посвящена истории психологии в целом в свете идей Я. А. Пономарёва. О. В. Клыпа обращается к коллективному творчеству в древнерусской психологии, подчеркивая историческую значимость отечественных психологических воззрений. Н. А. Логинова описывает многогранные исследования творчества в Петербургской психологической школе, включая работы ведущих ученых и их вклад в понимание творческого мышления. Д. В. Миронов и Н. Ю. Стоюхина анализируют вклад философа С. О. Грузенберга в психологию творчества и обсуждают вопросы бессознательного в творческом процессе. В. М. Сорокин и коллеги рассматривают роль творчества в социализации лиц с сенсорными нарушениями, опираясь на исторический Загорский эксперимент. О. Р. Тучина

и М. В. Нехорошева исследуют восприятие культурного кода позднесоветской эпохи через произведения изобразительного искусства. Л. В. Попова исследует связь творчества Альфреда Хичкока с психоанализом, раскрывая психоаналитические аспекты его кинематографического творчества. Ю. Д. Штрикер анализирует проблему кинотворчества в советской психологии 1920–1930-х годов.

Третья группа докладов посвящена анализу методологии психологии в свете работ Я. А. Пономарёва. Т. В. Зеленкова рассматривает возможности моделирования интуиции в искусственном интеллекте на основе теории творчества Я. А. Пономарёва, предлагая гипотезы распознавания инсайта у ИИ и подчеркивая структурное сходство творческих механизмов человека и машины. В. А. Мазилев и Ю. Н. Слепко обсуждают методы изучения научного творчества в истории психологии, акцентируя внимание на биографических, наукометрических и моделирующих подходах. Т. А. Ребеко и Е. Е. Сапогова развивают философские и психоаналитические концепции, связанные с ментальным опытом и житнетворчеством личности. И. Н. Семёнов анализирует социо-экзистенциальную детерминацию методологии Пономарёва и ее перспективы для изучения человеческого капитала и творческого профессионализма. А. П. Якунин анализирует диалектику интуитивного и логического в научном творчестве, подчеркивая роль математических моделей как инструмента перехода.

Представленность тематики на конференции позволяет отразить широкий спектр приложения современной психологии творчества. Творчество как объект научного исследования находит свое место в исследованиях в рамках когнитивной психологии, психофизиологии, социальной и педагогической психологии, психологии личности, истории и методологии психологических исследований, является точкой схождения для междисциплинарных исследований. Мы надеемся, что конференция «Психология творчества: традиции, инновации, перспективы» станет не только площадкой для обмена результатами текущих исследований и дискуссий о роли классический

идей в современной науке, но и станет фундаментом для новых научных и прикладных гипотез.

ПСИХОЛОГИЯ МЫШЛЕНИЯ И ИНСАЙТНОГО РЕШЕНИЯ

Взаимодействие субъективного чувства агентности и ага-переживания в оценке правдивости высказываний

Н. Ю. Акатова

Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова, Ярославль
nad.akatova@gmail.com

С. Ю. Коровкин

Институт психологии РАН, Москва
korovkinsu@ipran.ru

Результаты показывают, что на оценку правдивости может влиять наличие ага-переживания во время решения. В данной работе мы предполагаем, что субъективное чувство агентности также может играть роль в оценках правдивости. Предполагается, что метакогнитивные переживания должны иметь однонаправленное действие. Однако исходя из самого определения инсайтного решения, ответ должен появляться из ниоткуда, без сознательного участия решателя. Результаты показали вклад наличия ага-переживания в оценки правдивости высказываний, однако отчет о чувстве агентности не влиял на эти оценки. Было выявлено значимое взаимодействие факторов чувства агентности и ага-переживания в оценках по шкалам внезапности и уверенности, что говорит о возможности разнонаправленного функционирования метакогнитивных переживаний.

Ключевые слова: чувство агентности, оценка правдивости утверждений, инсайтное решение, инсайт, ага-переживание, анаграмма.

Р. Лаукконен с коллегами (Laukkonen et al., 2022) показали, что оценка правдивости нерелевантного содержания задачи утверждений может положительно зависеть от наличия ага-переживания во время решения задачи. Люди могут переносить

уверенность и удовольствие от решения задачи на принятие решений о правдивости высказываний. Мы предполагаем, что на принятие решения о правдивости также может влиять чувство агентности во время нахождения решения. Роль субъективного чувства агентности может быть представлена двумя альтернативными точками зрения. С одной стороны, чувство агентности должно иметь одну направленность со всеми другими метакогнитивными чувствами (Тихонов, Аммалайнен, Морошкина, 2018). Таким образом, человек может предположить, что, раз он нашел ответ самостоятельно, чувство уверенности в ответе распространяется на оценки правдивости высказываний. С другой — поскольку инсайтные решения часто описываются как решения, которые пришли из ниоткуда (Kizilirmak et al., 2018), и сам решатель приписывает агентность в нахождении решения не себе, а чему-то внешнему. Это говорит о разнонаправленности переживания чувства агентности и ага-переживания.

В исследовании приняли участие 82 человека, из них в анализ вошли 55 человек в возрасте от 18 до 46 лет ($M = 24,78$).

Основой эксперимента стало исследование Р. Лаукконена (Laukkonen et al., 2022). Для исследования чувства агентности во время решения была выбрана методика вмешательства компьютера в ход эксперимента (Кулиева, 2022).

Испытуемым были предложены 24 утверждения, содержащие в себе зашифрованное анаграммой слово (например, «итлий — самый легкий металл»). В ходе эксперимента происходило подпороговое предъявление псевдослов на периферии экрана, в инструкции говорилось, что компьютер может вмешиваться в эксперимент, а именно: 1) давать подсказки; 2) предъявлять слова, мешающие решению; 3) предъявлять слова, не связанные с анаграммой. Испытуемым необходимо было решить анаграмму (за 30 сек) и оценить правдивость предложенного утверждения по шкале от 1 до 10. Затем испытуемым были предложены вопросы о наличии ага-переживания и агентности (самоотчета о вмешательстве компьютера) при нахождении решения. А также предложен опросник А. Данек и Дж. Вайли (Danek, Wiley, 2017) для проверки знакомости

утверждений — «Известна ли Вам достоверная информация об этом факте?».

Результаты. Статистический анализ показал значимые различия в оценке правдивости утверждений в зависимости от наличия ага-переживания, $t(692,1) = -2,861$, $p = 0,004$, Cohen's $d = -0,210$. Однако значимых различий не наблюдалось в оценке правдивости утверждений в зависимости от косвенного показателя чувства агентности — самостоятельности нахождения решения, $t(206,5) = 0,054$, $p = 0,957$, Cohen's $d = 0,005$. Полученные данные не подтверждают гипотезу о сонаправленности работы чувства агентности и ага-переживания.

Для анализа субъективных оценок ага-переживания по 6 шкалам в зависимости от агентности и взаимодействия факторов чувства агентности с ага-переживанием мы использовали обобщенные линейные модели со смешанными эффектами со случайными факторами номера испытуемого и задачи. Результаты показывают значимый вклад фактора переживания чувства агентности в оценки по шкале внезапности, $\beta = 1,416$, $p < 0,001$. Также было выявлено значимое взаимодействие факторов ага-переживания и переживания чувства агентности в оценках внезапности, $\beta = -2,068$, $p < 0,001$, и уверенности, $\beta = -0,643$, $p = 0,047$.

Обсуждение. Полученные результаты демонстрируют, что значимый вклад чувства агентности, измеренного как отсутствие вмешательства в решение со стороны компьютера, в ага-переживания наблюдается только в оценки внезапности нахождения решения. Однако при этом более высокая агентность (самостоятельность) решения характерна для внезапных решений. При этом наблюдается разнонаправленный вклад агентности в оценки внезапности и уверенности в зависимости от наличия ага-переживания. Это позволяет нам предполагать о разнонаправленности связи шкал ага-переживания и чувства агентности в зависимости от типа найденного решения.

Литература

Кулиева А. К. Прогнозирование и контроль эффективности выполнения когнитивных задач в процессе научения: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2022.

- Тихонов Р. В., Аммайнен А. В., Морошкина Н. В. Многообразие метакогнитивных чувств: разные феномены или разные термины? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Т. 8. № 3. С. 214–242.
- Daneek A. H., Wiley J. What about false insights? Deconstructing the Aha! experience along its multiple dimensions for correct and incorrect solutions separately // *Frontiers in psychology*. 2017. V. 7. Art. 2077.
- Kizilirmak J. M., et al. Feelings-of-warmth increase more abruptly for verbal riddles solved with in contrast to without Aha! experience // *Frontiers in Psychology*. 2018. V. 9. Art. 1404.
- Laukkonen R. E., Kaveladze B. T., Protzko J., Tangen J. M., von Hippel W., Schooler J. W. Irrelevant insights make worldviews ring true // *Scientific Reports*. 2022. V. 12. No. 1. Art. 2075.

Морфосинтаксические ограничения семантического поиска в русскоязычной задаче на отдаленные ассоциации*

В. М. Афанасьева

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Москва
marly616@mail.ru

В. Ф. Спиридонов

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Москва
vfspiridonov@yandex.ru

В структуру задачи CRA входит три слова, к которым необходимо подобрать четвертое и составить осмысленные словосочетания. Активация слов, которая происходит в задаче, лучше всего описывается механизмами семантического поиска. Сложность поиска этой задаче добавляет наличие слабых связей целевого слова со всеми тремя словами задачи. Недавние исследования демонстрируют существенные различия в параметрах скорости и точности решения задачи на разных языках. Описываемое исследование демонстрирует многокомпонентность семантического поиска в русском языке, который включает морфологию и синтаксис. Данные находки требуют дополнения текущих моделей семантического поиска решения задачи на отдаленные ассоциации в русском и родственном ему языках. *Ключевые слова:* решение задач, морфология, синтаксис, семантический поиск, CRA.

Задача на отдаленные ассоциации — вербальная задача по поиску четвертого слова для составления словосочетаний

* Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

(в русском языке) или составных слов (на английском и др. языках). При сравнении задач разных языковых групп было выявлено, что многие из них разнятся в показателях точности и времени решения (Behrens, Olteţeanu, 2020). Авторы связывают трудности сравнения задач в том числе с особенностями различных языков и культур.

В русском языке для составления словосочетания, помимо семантического поиска, необходимо совершить морфосинтаксические преобразования. Например, в условии «плита», «педаль», «яд» (ответ: «газ») необходимо перейти из части речи существительного «яд» в часть речи прилагательного «ядовитый». Согласно Харстьюкеру, язык сочетает в себе три уровня: 1) лемм; 2) семантики; 3) синтаксиса (Hartsuiker, 2004). Мы предполагаем, что, помимо семантики, морфосинтаксические ограничения играют важную роль при осуществлении семантического поиска в русском языке.

Участникам было предложено решить 21 задачу из датасета Ардисламова В. В. и коллег (Ардисламов, 2019). Независимая переменная: тип словосочетания (9 уровней): смешанные словосочетания (верная словоформа), смешанные словосочетания (неверная словоформа), дополнение в верной словоформе, определение в верной словоформе, дополнение в неверной словоформе, определение в неверной словоформе, начальная форма существительного для условий дополнение, определение и смешанные словосочетания. В качестве зависимых переменных были взяты время решения и точность решения.

Экспериментальные гипотезы: в условии с верной морфосинтаксической словоформой точность решения будет выше. В условии с верной морфосинтаксической словоформой время решения будет ниже вне зависимости от части речи.

Выборка: в исследовании приняли участие 126 человек (98 женщин, $M = 22,01$; $SD = 3,64$). Данные трех участников были исключены из анализа из-за низкой точности решения (не было решено ни одной задачи). Также из анализа были удалены данные, превышающие 3,5 стандартных отклонения.

Результаты. Анализ One-way independent ANOVA продемонстрировал наличие значимых различий по времени решения

для всех условий ($F(8, 2556) = 31,71$; $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,09$). Для уточнения характера различий был применен post-hoc тест Тьюки, который выявил статистически значимые различия между условиями «верное определение» и «неверное определение» ($M_{diff} = 20,81$; $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,52$), что соответствует большому размеру эффекта. Между условиями «верное определение» и «существительное» также были обнаружены значимые различия ($M_{diff} = 20,22$; $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,47$). В условии «верное дополнение» и «неверное дополнение» были обнаружены значимые различия ($M_{diff} = 21,34$; $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,27$), однако размер эффекта оказался маленьким. В условии «верное дополнение» и «существительное» не было обнаружено значимых различий по времени поиска ответа ($M_{diff} = 6,93$; $p = 0,99$; $\eta^2 = 0,12$). Мультиномиальный логистический регрессионный анализ выявил значимые различия в частоте различных типов ответов между экспериментальными группами. Наиболее выраженный эффект был обнаружен для условия «Верное определение» в отношении верных ответов. В этом условии вероятность получить верный ответ была значимо выше по сравнению с базовой категорией ($OR = 19,5$; $p = 0,006$). В то же время условия с неверной словоформой демонстрировали противоположную тенденцию. В частности, для условия «неверное определение» вероятность верных ответов значимо снижалась ($OR = 0,27$; $p = 0,005$), так же как и в условии «неверное дополнение» ($OR = 0,022$; $p < 0,001$). Выраженный эффект был зафиксирован в условии «смешанные словосочетания (неверная словоформа)», где вероятность получения правильного ответа значимо снижалась по сравнению с базовой категорией.

Результаты демонстрируют неоднозначность в морфосинтаксической направленности поиска. Так, морфологически верные прилагательные облегчают поиск, в то время как существительные в верной измененной форме не дают значимого улучшения. Полученный результат можно интерпретировать в пользу существования морфосинтаксической направленности поиска.

Литература

- Ардисламов В. В., Спиридонов В. Ф., Логинов Н. И. Семантический прайминг в задачах на отдаленное ассоциирование // Когнитивная наука в Москве: новые исследования. Материалы конференции 19 июня 2019 г. Под ред. Е. В. Печенковой, М. В. Фаликман. М.: ООО «Буки Веди», ИППиП. 2019. С. 64.
- Behrens J. P., Oltețeanu A. M. Are all remote associates tests equal? An overview of the remote associates test in different languages // *Frontiers in Psychology*. 2020. V. 11. Art. 1125.
- Hartsuiker R. J., Pickering M. J., Veltkamp E. Is Syntax Separate or Shared Between Languages? // *Cross-Linguistic Syntactic Priming in Spanish-English Bilinguals* American Psychological Society. 2004. V. 16. No. 6. P. 409–414.

Экспресс-диагностика уровня шахматного мастерства*

Е. Е. Васюкова

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Федеральный научный
центр психологических и междисциплинарных
исследований (Психологический институт), Москва
katevass@yandex.ru

О. В. Митина

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва
omitina@inbox.ru

Представлены результаты апробации Опросника для тренера, нацеленного на оценку уровня шахматного мастерства его учеников. Опросник включал пять блоков проявлений мастерства шахматиста (61 пункт). Тренеры оценили в 5-балльной системе оценок знания, умения, навыки, мотивацию, когнитивную сферу, практику, ее результаты у 38 своих учеников (средний возраст шахматистов — 13,26 лет). Пункты внутри блоков оказались высоко согласованными. Усредненные показатели по блокам проявлений значимо коррелировали между собой и с рейтингом. Высокие корреляции с национальным рейтингом имеют блоки «Практика» (0,826) и «Знания, умения, навыки» (0,760), а средние — блоки «Результаты практики» (0,746) и «Когнитивная сфера» (0,692). Уровень значимости везде 0,001.

Ключевые слова: шахматное мастерство, опросник для тренера, экспресс-диагностика уровня мастерства шахматиста, целенаправленная практика.

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 24–78–100–99, <https://rscf.ru/project/24-78-100-99>

В настоящее время актуален поиск новых средств когнитивного и творческого развития с самого раннего возраста. К таким средствам можно отнести занятия шахматами. Вместе с тем влияние занятий шахматами на развитие когнитивной сферы и креативности недостаточно исследовано, а в понимании природы шахматного мастерства нет единства взглядов. Методы исследования уровня мастерства, особенно методы его экспресс-диагностики также нуждаются в разработке.

Нами составлен и апробирован опросник для тренера, направленный на оценку уровня мастерства его учеников.

Цель доклада — представить результаты апробации данного опросника для тренера.

Методологическая основа разработки опросника — результаты анализа исследований навыков шахматной игры, шахматного мастерства и творчества в трех подходах (классическом, когнитивном и деятельностном): а) вывод о сложной природе шахматного мастерства, не сводимого к ограниченному числу механизмов; б) факторная модель мастерства, предложенная Н. Чарнессом; в) данные О. К. Тихомирова о различии мышления мастера и шахматиста 3-го разряда; г) особенности когнитивной сферы шахматного эксперта, в частности единство процессов мышления и памяти, опосредствование запоминания знаниями экспертов, задавание во время игры эвристических вопросов, пространство которых имеет трехфакторную структуру, связь высокого уровня развития познавательной потребности и креативности, высокая интенсивность внимания к взаимодействию между фигурами.

Опросник включал 5 блоков проявлений мастерства (пунктов-изречений): 1) знания, умения, навыки; 2) мотивация; 3) когнитивная сфера; 4) целенаправленная практика; 5) ее результаты. Тренеры должны были оценить особенности данных проявлений мастерства своих учеников по 5-балльной системе оценок, где 1 — минимальный, а 5 — максимальный балл. Всего 61 пункт.

Тренеры заполнили электронную версию опросника на 38 учеников из различных городов России и столицы Казахстана. Средний возраст учеников — 13,26 +/- 3,11 года.

Обнаружена высокая согласованность пунктов внутри блоков (Альфа Кронбаха варьировал от 0,805 до 0,943).

Выявлены пункты с максимальной корреляцией с каждым блоком. Среди них: 1) знает дебюты; знает типовые позиции миттельшпиля и планы игры в них; 2) проявляет интерес к занятиям шахматами; хочет повысить уровень игры, квалификацию; 3) задает себе мысленно вопросы про игру соперника; запоминает идеи; находит хорошие ходы; 4) изучает теорию шахмат; 5) результативность выступлений в турнирах.

Обнаружены значимые корреляции 5 выделенных шкал как между собой, так и с национальным рейтингом шахматистов. Высокие корреляции с национальным рейтингом имеют блоки «Практика» (0,826) и «Знания, умения, навыки» (0,760), а средние корреляции — блоки «Результаты практики» (0,746) и «Когнитивная сфера» (0,692). Уровень значимости везде < 0,001.

Корреляции с рейтингом мотивации (0,494) и когнитивной сферы (0,692) близки к корреляциям с рейтингом аналогичных показателей — уровня развития познавательной потребности (Васюкова, 1986) и решения задачи выбора хода (Moxley, Charness, 2013).

Комментарии тренеров к опроснику, анализ высказываний шахматных мастеров и гроссмейстеров позволили внести ряд корректив. Объединены схожие пункты с высокими баллами и низким разбросом оценок. Введен специальный критерий оценки пунктов блока «Практика» — временные затраты и самоотдача. «В блок Знания, умения, навыки» введены пункты — искусство расстановки сил на шахматной доске и дисциплинированность ученика, а в блок «Мотивация» — склонность к серьезному самостоятельному анализу, а также стремление создавать в шахматах что-то новое.

Вывод: высокая согласованность пунктов опросника внутри каждого блока проявлений мастерства, значимая связь блоков между собой и с квалификацией позволяют рассматривать опросник для тренера как надежный инструмент оценки уровня шахматного мастерства ученика.

Литература

- Васюкова Е. Е.* Мышление шахматного эксперта // Материалы конференции «От истоков к современности». 130 лет организации Психологического общества при Московском университете. В 5 т. Т. 1. Отв. ред. Д. Б. Богоявленская. М., 2015. С. 358–361.
- Васюкова Е. Е.* Уровни развития познавательной потребности и их проявление в мышлении: дис. на соискание учен. ст. канд. психол. наук. М., 1986.
- Тихомиров О. К.* Структура мыслительной деятельности человека. М., 1969.
- Hears E., Knott J.* Blindfold chess: history, psychology, techniques, champions, world records and important games. 2009. McFarland, Company, Inc.
- Moxley J. H., Charness N.* Meta-analysis of age and skill effects on recalling chess positions and selecting the best move // *Psychonomic Bulletin, Review*. 2013. V. 20. No. 5. P. 1017–1022.

Объем рабочей памяти и самоэффективность как предикторы успешности решения CRA-задач в зависимости от типа их решения

Е. Д. Голубцова

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Москва
golubtsovaekaterina@gmail.com

А. О. Мадни

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Москва
madni.anna@gmail.com

Исследование направлено на выявление роли объема рабочей памяти и уровня самоэффективности как предикторов успешности решения задач на отдаленное ассоциирование (CRA-задач) в зависимости от типа их решения. Проведен квазиэксперимент с использованием теста на вербальную РП, антисаккадных задач и шкал самоэффективности. Результаты показали, что вербальная РП, контроль внимания, а также самоэффективность не определяют успешность решения ни одного из типов задач, что противоречит устоявшемуся консенсусу в литературе.

Ключевые слова: рабочая память, самоэффективность, инсайт, задачи CRA, психология мышления.

Роль когнитивных и метакогнитивных факторов в решении мыслительных задач продолжает вызывать научные дискуссии, особенно в контексте задач, допускающих разные типы решений. Одним из таких материалов являются задачи на отдаленное ассоциирование (CRA), позволяющие классифицировать решения как выскакивающие, аналитические и инсайтные (Spiridonov et al., 2021). Выскакивающее решение происходит спонтанно, без осознанных усилий, аналитическое — требует

последовательного поиска, инсайтное — сопровождается тупиком и перестройкой репрезентации. Исследования роли рабочей памяти (РП) в контексте инсайта демонстрируют противоречивые результаты (Chuderski, 2014; DeCaro et al., 2016), а модель Чейна и Вейсберга (Chen, Weisberg, 2014) предполагает, что РП и контроль внимания участвуют и в инсайтах, и в аналитических решениях.

Помимо когнитивных факторов, на успешность решения могут влиять и метакогнитивные установки, в частности самооэффективность — вера человека в способность справиться с задачей. Согласно Альберту Бандуре (Bandura, 1989), самооэффективность определяет уровень усилий и настойчивости, особенно в задачах, подразумевающих когнитивную нагрузку и использование ментального ресурса решателя. В этом исследовании рассматривается, являются ли объем РП и самооэффективность предикторами успешности решения CRA-задач в зависимости от типа их решения.

Методы. В исследовании приняли участие 35 испытуемых. В качестве стимулов использовались русскоязычные CRA-задачи. Тип решения определялся с помощью ретроспективного визуального отчета по графикам, предоставляемым испытуемым. Объем вербальной РП измерялся с помощью Russian Reading Span, контроль внимания — по точности выполнения антисаккадных задач. Самооэффективность оценивалась по двум шкалам: общей самооэффективности и по шкале прогноза успешности. Группирующей переменной был тип решения, зависимой — успешность (количество правильных ответов). Для анализа использовалась обобщенная линейная смешанная модель (GLMM).

Результаты. Модель не выявила значимых эффектов ни одного из предикторов: объем РП ($p = 0,210$), самооэффективность ($p = 0,998$), антисаккады ($p = 0,813$). Взаимодействие объема РП и типа решения также не достигло значимости ($\chi^2(2) = 0,21$; $p = 0,899$). Единственный значимый результат — главный эффект типа решения ($\chi^2(2) = 29,85$; $p < 0,001$): высказывающие решения оказались успешнее аналитических ($\beta = -0,836$; $p < 0,001$) и инсайтных ($\beta = -1,040$; $p < 0,001$).

Обсуждение результатов. Результаты демонстрируют, что когнитивные предикторы (РП и контроль внимания), а также самоэффективность не определяют успешность решения ни одного из типов задач. Это противоречит модели «business-as-usual» (Chein, Weisberg, 2014), предполагающей, что и инсайтные, и аналитические решения опираются на общие ресурсы — память и внимание. При этом значительно более высокая успешность высказывающих решений подтверждает их автоматическую природу. Полученные данные подчеркивают необходимость переосмысления универсальности когнитивных моделей мышления и значимость типологических различий решений задач.

Литература

- Bandura A.* Human agency in social cognitive theory // *American Psychologist*. 1989. V. 44. No. 9. P. 1175–1184.
- Chein J. M., Weisberg R. W.* Working memory and insight in verbal problems: Analysis of compound remote associates // *Memory & Cognition*. 2014. V. 42. P. 67–83.
- Chuderski A.* How well can storage capacity, executive control, and fluid reasoning explain insight problem solving // *Intelligence*. 2014. V. 46. P. 258–270.
- DeCaro M. S., Van Stockum C. A., Wieth M. B.* When higher working memory capacity hinders insight // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 2016. V. 42. No. 1. P. 39–49.
- Spiridonov V., Loginov N., Ardislamov V.* Dissociation between the subjective experience of insight and performance in the CRA paradigm // *Journal of Cognitive Psychology*. 2021. V. 33. No. 6–7. P. 685–699.

Метакогнитивные процессы при обращении за помощью на примере решения задач CRA

Т. М. Деева

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Москва
tatianadeeva@yandex.ru

И. Ю. Владимиров

Институт психологии РАН, Москва
kein17@mail.ru

В работе представлены итоги исследования, посвященного метакогнитивным аспектам обращения за помощью при решении задач CRA. Продемонстрирована отрицательная корреляция между уверенностью при обращении за помощью и временем до принятия этого решения. Полученные данные в целом соответствуют выводам, сделанным на другом типе задач, и вносят ряд уточнений в понимание связи метакогнитивного мониторинга и контроля при решении задач.

Ключевые слова: уверенность, метакогнитивный контроль, метакогнитивный мониторинг, обращение за помощью, задачи CRA.

Возможность обратиться за помощью при решении задачи используется далеко не всегда, что может быть связано, в частности, с рядом личностных и социокультурных аспектов (Santos et al., 2020). Представляется, что не менее существенное влияние на решение обратиться за помощью могут оказывать метакогнитивные процессы, однако исследований в этом направлении на сегодняшний день крайне мало. М. Ундорф с коллегами (Undorf, Livneh, Ackerman, 2021) провели исследование связи уверенности и точности при ответе на количественные вопросы из сферы общих знаний с наличием опций отказа от решения

и обращения за помощью. Согласно выводам данного исследования, и обращение за помощью, и отказ от ответа связаны с низким уровнем субъективной уверенности, причем для отказов от ответа эта связь выражена сильнее. Мы предполагали проверить основные результаты этих авторов на материале задач, подразумевающих не знание или припоминание, а поиск ответа, и допускающих инсайтные решения. Кроме того, исследовался вопрос о связи времени принятия решения (об ответе или отказе от ответа) и наличия возможности получить помощь.

Методика. Эксперимент проводился онлайн. Испытуемые (40 чел., $M = 25$; $SD = 8,5$) решали в ходе эксперимента 30 вербальных задач, где требовалось найти слово, составляющее с каждым из трех предъявленных устойчивые словосочетания (задачи CRA). Время решения задач не ограничивалось. При решении первых 10 задач испытуемые могли либо ввести ответ, либо отказаться от решения, нажав кнопку «Не знаю». Далее к этим опциям добавлялась опция обращения за помощью: в этом случае предъявлялось дополнительное четвертое слово, после чего, как и в первых пробах, можно было дать ответ или отказаться отвечать. Сразу после каждого действия (ответ, отказ или обращение за помощью) испытуемые оценивали свою текущую уверенность по непрерывной шкале от 0 до 100 %. Время от предъявления стимулов до нажатия клавиши выбора действия фиксировалось.

Результаты и обсуждение. Во второй части эксперимента обращения за помощью были зафиксированы в 289 пробах из 800. Только один испытуемый ни разу не воспользовался возможностью получить помощь, при этом 27 испытуемых из 40 ни разу не отказывались от ответа без предварительного обращения за помощью.

Как показали результаты анализа (ANOVA с последующим тестом Тьюки), уверенность при обращении за помощью оказалась более низкой, чем при готовности дать ответ ($p < 0,0001$), и выше, чем при отказах от ответа ($p < 0,05$), что в целом согласуется с результатами предыдущих исследований (Undorf, Livneh, Ackerman, 2021). Время до обращения за помощью было

больше, чем среднее время проб во второй части, в которых ответ давался без обращения за помощью ($p < 0,001$), и не отличалось от времени отказов от ответа. Полное время решения задачи при обращении за помощью оказалось больше, чем время решения без использования этой опции. Это верно как для ответов, так и для отказов в первой и второй частях эксперимента. Таким образом, обращение за помощью в нашем случае действительно было связано с выделением дополнительного времени на решение задачи, что подтверждает предыдущие выводы (Santos et al., 2020). Также нас интересовала связь времени принятия решения обратиться за помощью и уверенности. Была выявлена отрицательная корреляция этих величин, что позволяет предположить наличие некоторого, ослабевающего с течением времени, критерия для обращения за помощью, аналогично подобному критерию для ответов при разной степени уверенности (Ackerman, 2014).

Литература

- Ackerman R.* The diminishing criterion model for metacognitive regulation of time investment // *Journal of experimental psychology: General*. 2014. V. 143. No. 3. P. 1349.
- Santos M. M.L., Tricot A., Bonnefon J. F.* Do learners declining to seek help conform to rational principles? // *Thinking & Reasoning*. 2020. V. 26. P. 87–117.
- Undorf M., Livneh I., Ackerman R.* Metacognitive control processes in question answering: Help seeking and withholding answers // *Metacognition and Learning*. 2021. V. 16. No. 2. P. 431–458.

Вклад лингвистических характеристик задач на поиск отдаленных ассоциаций в вероятность возникновения ага-переживания*

А. В. Косякова

Институт мозга человека им. Н. П. Бехтеревой
РАН, Санкт-Петербург
annakos.1811@gmail.com

А. П. Ошканова

Независимый исследователь, Санкт-Петербург
al.oshkanova@gmail.com

И. С. Князева

Институт мозга человека им. Н. П. Бехтеревой
РАН, Санкт-Петербург
knyazeva@ihb.spb.ru

Факторы возникновения ага-переживания остаются неизвестными. Оно может возникать в результате ошибки метакогнитивного прогноза относительно процесса решения, появление которой может быть связано с объективными характеристиками задачи. Цель работы: выявление лингвистических характеристик задач на поиск отдаленных ассоциаций, связанных с вероятностью возникновения ага-переживания. В исследовании принял участие 71 человек. Участники решали задачи двух типов: конвергентные и дивергентные. Обнаружено, что семантическая удаленность слов, составляющих задачу, положительно связана с вероятностью Ага!, а семантическая близость слов задачи к ответу — отрицательно. Частотность ответа также была

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-01018, <https://rscf.ru/project/25-18-01018/>

отрицательно связана с вероятностью Ага!. Большая вероятность Ага! наблюдалась для дивергентных триад.

Ключевые слова: ага-переживание, тест на поиск отдаленных ассоциаций, ошибка метакогнитивного прогноза, чувство когерентности, лингвистические характеристики вербальных задач.

Ага-переживание — метакогнитивный феномен, сопровождающий процесс решения задачи и включающий ощущение внезапности появления решения, уверенности в его правильности и позитивные эмоции (Danek, 2014). Единого представления о факторах его возникновения нет. Согласно предположению Морошкиной и коллег, Ага! возникает в результате ошибки метакогнитивного прогноза относительно процесса решения задачи (Moroshkina et al., 2024). При первом знакомстве с задачей метакогнитивная система строит прогноз о том, как будет разворачиваться процесс ее решения, основанный на чувстве когерентности первичной репрезентации задачи. Интенсивность этого чувства меняется в процессе решения и может резко возрасти при обнаружении ответа на задачу (когда удастся обнаружить связь ее элементов). Особенно яркий всплеск возникает, если на предшествующих обнаружению ответа этапах решения чувство когерентности было низким. В такой ситуации будет констатирована ошибка метакогнитивного прогноза и будет возникать Ага!. Какие объективные характеристики задач связаны с этой ошибкой прогноза?

Цель: выявление объективных лингвистических характеристик задач на поиск отдаленных ассоциаций, связанных с вероятностью возникновения ага-переживания при обнаружении ответа. Данные задачи представляют собой триады слов, для которых необходимо подобрать четвертое общее (Mednick, 1962). Низкое чувство когерентности при первом знакомстве с ними может возникать, если слова триады семантически удалены друг от друга. Боуэрс добился этого, предложив разделение триад на два типа: конвергентные и дивергентные. Для первых четвертое слово-ответ должно было выступать в одном значении по отношению ко всем трем словам триады, в то время как

в дивергентных слово-ответ выступало в нескольких значениях (Bowers et al., 1990). Вслед за этим подходом нами было создано два типа триад: конвергентные (КТ) и дивергентные (ДТ) (по 30 каждого типа). Каждая триада состояла из трех существительных, для которых необходимо найти общее прилагательное так, чтобы оно образовывало устойчивое словосочетание со словами триады. Дополнительный отбор: в ДТ семантическая связность слов внутри триады должна была быть меньше семантической связности слов триады с ответом. В КТ данные показатели не должны были отличаться. Также типы триад не должны были отличаться по объективной трудности: были выравнены по частотности первого слова триады, частотности ответа и устойчивости словосочетаний, образуемых словами триады и ответом.

Гипотеза: вероятность ага-переживания тем выше, чем больше семантическая удаленность слов внутри триады, провоцирующая низкое чувство когерентности на начальных этапах решения; и вероятность Ага! тем выше, чем больше семантическая близость слов триады к ответу, связанная с интенсивностью чувства когерентности при обнаружении ответа.

Выборка: 71 человек (35 женщин) от 18 до 35 лет ($M=23,1$), носители русского языка.

Процедура: участникам предлагалось в течение 30 сек. искать общее притягательное для каждой из 60 триад (могли перейти к ответу в любой момент). После обнаружения ответа участники отвечали на вопрос о наличии Ага!

Результаты. Была построена байесовская иерархическая модель с группировкой по участнику. Зависимая переменная (бинарная): наличие Ага!. Предикторы: тип триады, семантическая удаленность слов внутри триады, семантическая близость слов триады к ответу, частотность первого слова, частотность ответа, устойчивость словосочетаний, образуемых словами триады и ответом. Вероятность Ага! оказалась положительно связана с семантической удаленностью слов внутри триады ($\text{mean} = 0,210$; 95 % hdi = $[0,099; 0,328]$) и отрицательно с семантической близостью слов триады к ответу ($\text{mean} = -0,153$; 95 % hdi = $[-0,286; -0,017]$). Также она была отрицательно связана

с частностью ответа (mean = $-0,194$; 95 % hdi = $[-0,326;-0,070]$). Для ДТ наблюдалась большая вероятность Ага! по сравнению с КТ (mean = $0,505$; 95 % hdi = $[0,290;0,733]$). Остальные предикторы оказались незначимы. Данные частично согласуются с гипотезой. В настоящей работе были выявлены лингвистические характеристики задач на поиск отдаленных ассоциаций, предсказывающие возникновение Ага!.

Литература

- Bowers K. S., Regehr G., Balthazard C., Parker K.* Intuition in the context of discovery // *Cognitive Psychology*. 1990. V. 22. No. 1. P. 72–110.
- Danek A. H., Fraps T., von Müller A., Grothe B., Öllinger M.* It's a kind of magic — what self-reports can reveal about the phenomenology of insight problem solving // *Frontiers in psychology*. 2014. V. 5. Art. 1408.
- Mednick S.* The associative basis of the creative process // *Psychological review*. 1962. V. 69. No. 3. P. 220–232.
- Moroshkina N. V., Pavliuchik E. I., Ammalainen A. V., Gershkovich V. A., Lvova O. V.* The Aha! experience is associated with a drop in the perceived difficulty of the problem // *Frontiers in psychology*. 2024. V. 15. Art. 1314531.

Можно ли увидеть инсайт? Сравнение экспертных и наивных оценок поведенческих признаков*

Н. С. Кулиев

ГБОУ «Школа в Некрасовке», Москва
kuliev.nikolaj@bk.ru

Е. А. Валуева

Институт психологии РАН, Москва
valuevaea@ipran.ru

Р. В. Курьянов

Казанский (Приволжский) федеральный
университет, КНИТУ, Казань
kroman1@mail.ru

Исследование посвящено разработке методологии объективной регистрации инсайтных решений на примере задач на поиск отдаленных ассоциаций (RAT-RUS). В исследовании приняли участие эксперты по проблематике инсайта и студенты в роли наивных оценщиков. Им было предложено оценить наличие инсайта и выраженность восьми поведенческих параметров по видеофрагментам, снятым перед моментом ответа. Как у экспертов, так и у студентов основным поведенческим предиктором инсайтности является положительная экспрессия. Полученные данные подтверждают возможность использования наивных оценок для прогнозирования экспертных оценок инсайтности. Перспективы исследования включают сопоставление поведенческих оценок с субъективными отчетами участников, а также валидацию полученных данных на других типах задач.

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 23-18-01059, <https://rscf.ru/project/23-18-01059/>

Ключевые слова: инсайт, видеопротоколы, поведенческие маркеры, экспертные оценки, предикторы инсайтных решений.

Для регистрации инсайта в процессе решения мыслительных задач исследователи применяют как объективные, так и субъективные методы, а также их сочетания (Чистопольская и др., 2021). Одним из способов объективной фиксации инсайтных решений является идентификация поведенческих маркеров (Филяева, Коровкин, 2015). В рамках настоящего исследования мы попытались ответить на следующие вопросы: 1) По каким поведенческим проявлениям можно предсказать экспертные оценки инсайтности? 2) Сходны ли оценки поведенческих проявлений у экспертов и наивных испытуемых? 3) С какой точностью можно предсказать экспертные оценки инсайтности, опираясь на оценки поведенческих проявлений, данных наивными испытуемыми?

Методы. В эксперименте по решению задач с видеорегистрацией участвовали 30 человек (3 муж. и 27 жен.) в возрасте 22–54 лет ($M = 35,4$; $SD = 6,95$). Использовались 22 задачи на поиск отдаленных ассоциаций (Moroshkina et al., 2022). Для исследования отобрано 90 видеофрагментов продолжительностью 5–7 сек., запечатлевших испытуемых непосредственно перед моментом решения.

Процедура. Для оценки видеофрагментов был спроектирован чат-бот в Telegram. По каждому видео экспертам и студентам было предложено ответить на вопрос «Был ли у решающего инсайт?», а также оценить выраженность поведенческих проявлений (позитивные и негативные эмоции, удивление, внезапность, двигательные реакции, жестикуляция и мимика) по шкале от 0 до 5. В исследовании участвовали 6 экспертов с профессиональным опытом изучения инсайта и 10 студентов специальности «Социальная работа».

Результаты. Наблюдались значительные расхождения в оценках инсайтности решений между экспертами. Коэффициент каппа Флейса для всех экспертов составил $K = 0,419$ (умеренная согласованность). Выделение подгруппы из трех наиболее

согласованных экспертов позволило повысить согласованность ($K = 0,617$). На основе усредненных экспертных оценок (от 3 экспертов) восьми поведенческих параметров проведен эксплораторный факторный анализ. Выделено 2 фактора: «Позитивная экспрессия» (включает позитивные эмоции, мимику, удивление, внезапность) и «Негативная экспрессия» (включает жестикуляцию, движения, негативные эмоции).

Предсказание инсайтности по экспертным оценкам поведения. Были отобраны только те видеофрагменты ($n = 67$), по которым все три эксперта признавали решения инсайтным или неинсайтным. Регрессионный анализ для этих видео продемонстрировал значимое влияние фактора «Позитивная экспрессия» ($\beta = 7,78$; $p = 0,038$) и незначимое влияние фактора «Негативная экспрессия» ($\beta = 1,90$; $p = 0,261$). Процент объясняемой дисперсии модели составил 0,92.

Оценка поведенческих проявлений студентами. Факторный анализ выявил 2 фактора, но с отличной от экспертов структурой: «Активность и экспрессивность» (включает большинство переменных, кроме негативных эмоций) и «Негативные эмоции».

Предсказание экспертных оценок инсайтности по студенческим оценкам поведения. Логистический регрессионный анализ на 67 «эталонных» видеофрагментах выявил значимое влияние фактора Активность и экспрессивность ($\beta = 2,72$; $p < 0,001$). Процент объясняемой дисперсии модели составил 0,57. Использование полученных в последней модели регрессионных коэффициентов позволило нам получить предсказанные вероятности для всех 90 видео. Для определения оптимального порога была построена ROC-кривая. Оптимальное значение порога составило 0,34 ($AUC = 0,88$), при нем общее количество ошибок составило 13,3 % (7 «пропусков» и 5 «ложных тревог»).

Обсуждение результатов. Исследование выявило вариабельность экспертной оценки инсайта, при этом выделение подгруппы согласованных экспертов повысило надежность результатов. Несмотря на различия в восприятии поведенческих проявлений между экспертами и наивными испытуемыми, предикторы оценки инсайтности оказались схожими: ключевым фактором является позитивная экспрессия, тогда как

негативные эмоции незначимы. Полученные данные подтверждают возможность использования наивных оценок поведения для прогнозирования экспертных оценок инсайтности, что открывает перспективы автоматизированной обработки видеоматериалов в исследованиях инсайта.

Литература

- Чистопольская А. В., Савинова А. Д., Лазарева Н. Ю. Экспликация критериев инсайта и обзор методов их измерения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 4. С. 907–929.
- Филяева О. В., Коровкин С. Ю. Объективные маркеры инсайтного решения // Творчество: наука, искусство, жизнь. М.: Институт психологии РАН, 2015. С. 367–371.
- Moroshkina N., Savina A., Ammalainen A., Gershkovich V., Zverev I., Lvova O. How difficult was it? Metacognitive judgments about problems and their solutions after the Aha moment // *Frontiers in psychology*. 2022. V. 13. Art. 911904.

Влияние ошибки метакогнитивного прогнозирования на возникновение инсайтного решения

Е. С. Лапшина

Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова, Ярославль
katya.lapshina.76@gmail.com

Н. Ю. Лазарева

Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова, Ярославль
natalia.lazareva93@yandex.ru

Сторонники процессно-ориентированного подхода рассматривают инсайт как результат внезапного одномоментного переструктурирования задачи. Однако ряд исследователей смещает акцент на метакогнитивные процессы: возникновение инсайта проявляется в особенностях мониторинга и оценки найденного решения, а не в специфике процессуальных характеристик решения задачи. В исследовании Н. В. Морошкиной было продемонстрировано, что инсайт возникает, когда задача оказывается проще, чем было предсказано ранее, и требует меньше времени на решение (Moroshkina et al., 2024), то есть возникает несоответствие между прогнозируемой и фактической сложностями. Таким образом, мы предположили, что на возникновение инсайтного решения в процессе формирования мыслительной установки влияет ошибка метакогнитивного прогноза

Ключевые слова: инсайт, метакогнитивная ошибка прогнозирования, мыслительная установка, решение задач.

Эффект мыслительной установки при решении серии однотипных задач неизменно формируется у большинства людей. В диссертационной работе Н. Ю. Лазаревой было

продемонстрировано возникновение инсайтного решения на материале неинсайтных задач после провокации возникновения неверной репрезентации путем создания мыслительной установки (Лазарева, 2024). Так, ряд исследователей придерживаются процессно-ориентированного подхода, согласно которому инсайт возникает вследствие переструктурирования неверной репрезентации (Ohlsson, 1992). Тем не менее появляются исследования, которые смещают акцент на метакогнитивные процессы: возникновение инсайта проявляется в особенностях мониторинга и оценки найденного решения, а не в специфике процессуальных характеристик решения задачи. В исследовании Н. В. Морошкиной было продемонстрировано, что инсайт возникает, когда задача оказывается проще, чем было предсказано ранее, и требует меньше времени на решение (Moroshkina et al., 2024). Мы предположили, что на неинсайтных задачах, наоборот, разрушение установочной схемы решения объективно приведет к увеличению времени решения и чувству непонимания, то есть повысит сложность задачи: задача окажется сложнее, чем было предсказано, и будет требовать больше времени на решение, что приведет к различиям между прогнозируемой и фактической сложностями. Таким образом, на возникновение инсайтного решения в процессе формирования мыслительной установки влияет ошибка метакогнитивного прогноза.

Методика. Выборка: 31 человек ($M = 21,8$; $Med = 19$; $\sigma = 6,1$), 26 женщин, 5 мужчин.

Испытуемым необходимо было решать видоизмененную серию арифметических задач Лачинсов на переливание воды в сосудах, состоящую из тренировочной задачи, 8 установочных задач и 1 критической задачи (Лазарева, Владимиров, 2019). Первые восемь задач решаются единственно верным способом в три арифметических действия и вырабатывают фиксированную схему решения; девятая задача критическая, имеет один, отличный от установочного, формально более простой способ решения и не соответствует выработанной схеме решения.

1. Через 5 сек. после предъявления каждой задачи испытуемые оценивали ее сложность до решения (Moroshkina

et al., 2024), им необходимо было поставить штрих на визуальной горизонтальной шкале (100 мм). После оценки сложности до решения задача вновь появлялась на экране.

2. После решения каждой задачи испытуемые оценивали ее сложность.
3. После решения каждой задачи испытуемые оценивали ее инсайтность. Для оценки инсайтности используются показатели по шкале оценки озарения опросника А. Данек и Дж. Вайли (Danek, Wiley, 2017).

По положению штриха оценивались сложность до решения, сложность после решения, степень инсайтности решения по 100-балльной шкале.

Гипотезы:

1. Различие между прогнозируемой и фактической сложностями будет значимо больше при решении критической задачи, чем при решении последней установочной задачи.
2. Различие в прогнозируемой и фактической сложностях положительно коррелирует с показателями инсайтности.

Результаты. Гипотеза 1 подтвердилась: различие между прогнозируемой и фактической сложностями значимо больше при решении критической задачи, чем при решении последней установочной задачи, $t(9) = -2,078$; $p = 0,046$; Cohen's $d = -0,373$; $\text{mean}(8 \text{ task}) = 10,290$; $\text{mean}(9 \text{ task}) = 18,097$. Гипотеза 2 подтвердилась: между различием в прогнозируемой и фактической сложностях и показателями инсайтности наблюдается значительная умеренная положительная корреляция, $r = 0,308$; $p < 0,001$.

Вывод. Было продемонстрировано, что на задачах, формирующих мыслительную установку, инсайт возникает вследствие метакогнитивной ошибки прогнозирования, когда задача оказывается сложнее, чем было предсказано, и требует больше времени на решение. Таким образом, инсайт представляет собой многогранный феномен, который находит свое объяснение как в процессно-ориентированной парадигме, так и в рамках метакогнитивного подхода. Однако остается актуальной задача совершенствования способов объективации инсайтных процессов.

Литература

- Лазарева Н. Ю.* Роль рабочей памяти в процессе формирования эффекта серии и возникновении инсайтного решения: дис. ... канд. психол. наук. М., 2024.
- Лазарева Н. Ю., Владимиров И. Ю.* Влияние фиксированности на формирование неверной репрезентации задачи и возникновение инсайтного решения // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2019. Т. 18. № 4. С. 22–30.
- Danek A. H., Wiley J.* What about false insights? Deconstructing the Aha! experience along its multiple dimensions for correct and incorrect solutions separately // *Frontiers in Psychology*. 2017. V. 7. Art. 2077.
- Moroshkina N. V., Pavliuchik E. I., Ammalainen A. V., Gershkovich V. A., Lvova O. V.* The Aha! experience is associated with a drop in the perceived difficulty of the problem // *Frontiers in psychology*. 2024. V. 15. Art. 1314531.
- Ohlsson S.* Information-processing explanations of insight and related phenomena // *Advances in the psychology of thinking* / Eds. M. T. Keane, K. J. Gilhooly. N. Y., NY: Harvester-Wheatsheaf, 1992. P. 1–44.

Роль метакогнитивных чувств в регуляции аналитических процессов при решении мыслительных задач

Н. И. Логинов

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Москва
lognikita@yandex.ru

А. А. Агаджанян

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Москва
agadzhanayanna03@gmail.com

Целью настоящего исследования стало выявление того, какие метакогнитивные чувства и как предсказывают выбор аналитической стратегии при решении CRA-задач. С помощью пилотажа были выделены три метакогнитивных чувства: пустоты, конфликта и неопределенности. В основном исследовании использовалась парадигма двойного ответа. Результаты показали, что высокая интенсивность чувств пустоты и конфликта предсказывает выбор аналитической стратегии решения. Полученные данные показывают применимость парадигмы двойного ответа для инсайтных задач, а также расширяют существующие модели метакогнитивной регуляции новыми чувствами, которые выступают регуляторами подключения аналитических процессов при решении мыслительных задач.

Ключевые слова: метакогниции, CRA, парадигма двойного ответа, двухпроцессные теории, аналитические процессы.

Двухпроцессные теории мышления рассматривают различие между интуитивными и аналитическими процессами (Stanovich, West, 2000). В рамках новых моделей подчеркивается роль метакогнитивных чувств, запускающих аналитическую переработку (Ackerman, Thompson, 2017). Чувства правильности

и уверенности позволяют предсказывать вовлечение аналитической переработки при решении различных задач (Thompson et al., 2011). Но парадигма двойного ответа не применялась к CRA-задачам, которые используются для изучения инсайта, хотя она позволяет проверить гипотезы о том, какие метакогнитивные чувства предсказывают типы решения, связанные с аналитической переработкой (Spiridonov et al., 2021).

Был проведен пилотаж ($n = 12$), где участники решали CRA-задачи и описывали переживания в процессе решения. Анализ протоколов выделил три метакогнитивных чувства: пустоты (отсутствие идей для решения), конфликта (частичное соответствие ответа условиям) и неопределенности (наличие нескольких решений). Они были использованы в основном эксперименте, в нем приняли участие 75 человек (84 % женщин) ($M = 23,3$; $SD = 7,04$). Они решали 39 CRA-задач, каждая предъявлялась дважды. Сначала давался интуитивный ответ, затем подтверждалась его интуитивность и в зависимости от результата оценивалось одно из чувств по шкале от 1 до 7, а также уверенность. На втором этапе решалась та же задача без ограничения по времени, оценивались уверенность, усилия и выбирался график решения (Spiridonov et al., 2021).

Гипотезы:

1. Высокая интенсивность метакогнитивных чувств будет предсказывать выбор графика аналитического решения.
2. Количество времени, затраченное на второе решение, будет тем больше, чем выше интенсивность метакогнитивного чувства.
3. Вероятность изменения ответа будет тем выше, чем выше интенсивность метакогнитивного чувства.
4. Высокая интенсивность метакогнитивного чувства после первого ответа приведет к снижению уверенности на данном этапе.

Исключены неподходящие пробы (849), проанализировано 2076: конфликт — 1445, пустота — 485, неопределенность — 146.

Гипотеза 1: чувство пустоты: $\chi^2(3) = 12,1$; $R^2 = 0,0130$, $p = 0,007$, предиктор аналитического решения ($B = 0,1708$; $p = 0,007$; $OR = 1,186$). Чувство конфликта: $\chi^2(3) = 167$; $R^2 = 0,0674$; $p < 0,001$.

Предиктор аналитического решения ($B = 0,465$; $p < 0,001$; $OR = 1,593$) и истинного инсайта ($B = 0,347$; $p < 0,001$; $OR = 1,414$). Чувство неопределенности: $\chi^2(3) = 4$; $p = 0,262$, эффект для аналитического решения на уровне тенденции ($B = 0,282$; $p = 0,050$; $OR = 1,325$).

Гипотеза 2: положительная корреляция между интенсивностью чувства конфликта и временем второго решения $r_s(1443) = 0,214$; $p < 0,001$. Пустота: $r_s(483) = 0,025$; $p = 0,583$, неопределенность: $r_s(144) = 0,040$; $p = 0,635$.

Гипотеза 3: чувство пустоты: $\chi^2(1) = 11,8$; $R^2 = 0,07$; $p < 0,001$; $OR = 1,39$. Конфликт: $\chi^2(1) = 90,9$; $R^2 = 0,104$; $p < 0,001$; $OR = 1,5$. Неопределенность: $\chi^2(1) = 0,613$; $p < 0,433$.

Интенсивность чувства конфликта ($F(1, 1443) = 370$; $R^2 = 0,204$; $p < 0,001$) и неопределенности ($F(1, 144) = 12,2$; $R^2 = 0,078$; $p < 0,001$) предсказывает снижение уверенности после первого ответа.

Результаты свидетельствуют, что интенсивность метакогнитивных чувств предсказывает изменение стратегии решения CRA на аналитическую, показывают применимость парадигмы двойного ответа к CRA и поднимают вопрос о дифференциальной роли различных метакогнитивных чувств в регуляции мыслительных процессов, так как такое распределение эффектов позволяет предположить, что разные метакогнитивные чувства запускают аналитическую переработку через разные механизмы.

Литература

- Ackerman R., Thompson V.* Meta-reasoning: Monitoring and control of thinking and reasoning // Trends in cognitive sciences. 2017. V. 21. No. 8. P. 607–617.
- Spiridonov V., Loginov N., Ardislamov V.* Dissociation between the subjective experience of insight and performance in the CRA paradigm // Journal of Cognitive Psychology. 2021. V. 33. P. 1–15.
- Stanovich K. E., West R. F.* Individual differences in reasoning: implications for the rationality debate? // The Behavioral and brain sciences. 2000. V. 23, No. 5. P. 645–726.
- Thompson V. A., Prowse Turner J. A., Pennycook G.* Intuition, reason, and metacognition // Cognitive Psychology. 2011. V. 63, No. 3. P. 107–140.

Особенность ага!-переживания младших школьников при изучении английского языка

В. И. Локшина

Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова, Ярославль
vika.lokshina.98@mail.ru

Статья направлена на изучение ага!-переживания, которое может способствовать улучшению последующего припоминания слов на английском языке, с обработкой которого оно было связано у младших школьников. Ага!-переживание рассматривается как фактор, оказывающий влияние на результаты когнитивной деятельности. В рамках данного исследования мы планируем исследовать феномена ага!-переживания у младших школьников в понимании значения названия на английском языке.

Ключевые слова: ага!-переживание, младшие школьники, метакогнитивные переживания, контекст, индуцированный инсайт, английский язык.

Под ага!-переживанием понимают аффективный компонент инсайта — внезапного озарения, перехода от непонимания к пониманию в результате объединения нескольких элементов предыдущего опыта. В исследованиях мышления было показано, что ага!-переживание часто, хотя и не всегда, сопровождает решение творческих задач, оно также может возникать при опознании фрагментированных или зашумленных изображений, при разрешении многозначности или противоречий, создании изобретений и т.д. (Danek, 2018). В ряде работ было описано, что ага!-переживание может быть индуцировано как изнутри в процессе самостоятельной генерации решения задачи, так и извне — при предъявлении правильного ответа после неуспешной генерации или при чтении задачи с ответом. Однако ряд авторов ставят под сомнение тождественность этих

феноменов и предлагают разделять внутренне и внешне индуцированные инсайты, а также сопровождающие их переживания («Ага!» и «Ох, да!» соответственно), опираясь на данные нейрopsихологических исследований (Rothmaler et al., 2017).

Проанализировав современные научные исследования, можно увидеть, что ага!-переживание рассматривается как фактор, оказывающий влияние на результаты когнитивной деятельности. Так, было высказано предположение, что ага!-переживание может способствовать улучшению последующего припоминания материала, с обработкой которого оно было связано. Одно из первых экспериментальных исследований, направленных на проверку этого предположения, было проведено П. Обл и коллегами на материале двойственных предложений с подсказками (Auble, Franks, Soraci, 1979). Авторы пришли к выводу, что именно возникновение ага!-переживания, а не усилия, затраченные на обработку предложенного материала, способствовало его лучшему припоминанию.

В работах Я. Кизилрмак и коллег была предпринята попытка совместного исследования влияния фактора успешной генерации и фактора ага!-переживания на припоминание задач и их решений. В качестве материала авторы использовали задачи на распознавание зашумленных изображений, а также задания на поиск отдаленных ассоциаций, в которых к трем предъявленным словам нужно подобрать четвертое, образующее с каждым из них составное слово. Опираясь на предположение, что ага!-переживание может возникнуть не только при самостоятельном обнаружении решения, но и при предъявлении правильного ответа, авторы показали, что генерация решения и ага!-переживание являются аддитивными факторами, каждый из которых вносит позитивный вклад в запоминание решения. Однако во втором исследовании эффект воспроизвести не удалось (Kizilirmak, 2016; Kizilirmak, 2018). Ага!-переживание у младших школьников в процессе преподавания английского языка ранее не изучалось.

Таким образом, *цель работы* — исследование феномена ага!-переживания у младших школьников в понимании значения названия на английском языке.

Была выдвинута *гипотеза*: на основании полученных данных о влиянии эффекта генерации и метакогнитивных переживаний на эффективность запоминания перевода слов на английском языке, индуцирующих инсайт, мы ожидаем, что предикторами эффективности узнавания ранее встречаемых названий на английском языке могут являться успешность/неуспешность исходной генерации ответа и ага!-переживания, сопровождающие понимание значения названия на английском языке.

Для проверки выдвинутой гипотезы мы создали задания с известными младшим школьникам картинками героев, игр, приложений, компаний и их названиями на английском языке, а также подходящими по контексту словами на английском языке. Создание указанных заданий обусловлено тем, что их решение может происходить разными способами, как сопровождаясь, так и не сопровождаясь ага!-переживанием, что позволит нам сопоставить особенности их припоминания. Мы также опираемся на исследования Я. Кизилрмак с коллегами, свидетельствующие, что ага!-переживание может возникнуть и в ответ на предъявление решения.

Литература

- Auble P. M., Franks J. J., Soraci S. A. Effort toward comprehension: Elaboration or "aha"? // *Memory & Cognition*. 1979. V. 7. P. 426–434.
- Danek A. H. Magic tricks, sudden restructuring, and the Aha! experience: a new model of nonmonotonic problem solving // *Insight: on the Origins of New Ideas* / ed. by F. Vallée-Tourangeau. London: Routledge, 2018. P. 51–78.
- Kizilirmak J. M., Da Silva J. G.G., Imamoglu F., Richardson-Klavehn A. Generation and the subjective feeling of "aha!" are independently related to learning from insight // *Psychological research*. 2016. V. 80, No. 6. P. 1059–1074.
- Kizilirmak J. M., Serger V., Kehl J., Öllinger M., Foltz-Schoofs K., Richardson-Klavehn A. Feelings-of-warmth increase more abruptly for verbal riddles solved with in contrast to without Aha! experience // *Frontiers in Psychology*. 2018. V. 9. Art. 1404.
- Rothmaler K., Nigbur R., Ivanova G. New insights into insight: Neu-

rophysiological correlates of the difference between the intrinsic “aha” and the extrinsic “oh yes” moment // *Neuropsychologia*. 2017. V. 95. P. 204–214.

Роль метакогнитивной атрибуции ошибок в переструктурировании репрезентации при решении задачи «9 точек»

В. А. Овечкин

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Москва
owetschkin_wa@mail.ru

Исследование направлено на изучение роли метакогнитивного механизма атрибуции ошибок как механизма переструктурирования репрезентации в процессе инсайтного решения мыслительных задач. На материале классической инсайтной задачи «9 точек» проверяется гипотеза о том, что объяснение собственных ошибок через используемую стратегию приводит к смене репрезентации. Было проведено эксплораторное эмпирическое исследование с участием 34 испытуемых, в котором после каждой ошибочной пробы испытуемые должны были отвечать на вопрос о причине ошибки. Результаты показали, что атрибуция ошибок неверной стратегии значительно ускоряет первый выход за пределы перцептивного квадрата. Также был выделен ряд атрибуций ошибок, наличие которых приводит к более позднему переструктурированию.

Ключевые слова: метакогниции, атрибуция ошибок, переструктурирование, инсайт, задача «9 точек».

Когнитивный компонент инсайтного решения представлен в первую очередь переструктурированием исходной репрезентации. Однако вопрос о том, какие процессы инициируют переструктурирование, остается открытым. Одним из возможных ответов на этот вопрос является гипотеза о кумулятивном накоплении негативной обратной связи (Ohlsson, 2011). Однако, как показывают недавние экспериментальные исследования, простой негативной обратной связи недостаточно для того, чтобы инициировать изменение репрезентации. Исходя из этого, предлагается необходимость дополнения гипотезы Олссона метакогнитивными механизмами атрибуции ошибки, о которой становится известно в результате негативной обратной связи. В исследовании проверяются две гипотезы:

Гипотеза 1: Атрибуция ошибок через неверную стратегию влияет на скорость переструктурирования.

Гипотеза 2: Тип вопросов об атрибуции ошибки влияет на скорость переструктурирования. Проспективные вопросы могут быть эффективнее ретроспективных в инициации переструктурирования.

В исследовании участвовали 34 студента (средний возраст — 21 год), не знакомые с решением задачи «9 точек». Испытуемые были случайно разделены на две группы:

- Группа 1 получала ретроспективные вопросы (Как вам кажется, почему у вас не получилось решить задачу в предыдущей пробе?»).
- Группа 2 получала проспективные («Как вам кажется, чем должно отличаться решение задачи в следующей пробе, чтобы у вас получилось ее решить?»).

Процедура включала:

1. Решение задачи на планшете с фиксацией времени и количества попыток, а также пробу, в ходе которой решатель вышел за пределы перцептивного квадрата.
2. Ответ на вопрос после каждой неудачной попытки (в зависимости от группы).
3. Разметку тремя экспертами ответов испытуемых о причинах ошибок и классификацию объяснений ошибок (через стратегию, механику рисования линий, состояние

решателя и др.), а также дальнейшее согласование разметок экспертов.

Для проверки основных гипотез была использована линейная регрессия, t-критерий Стьюдента для независимых выборок и корреляция Спирмена.

1. Порядковый номер пробы первого появления атрибуции ошибки через неверную стратегию оказался ключевым предиктором пробы с первым выходом за пределы перцептивного квадрата ($\beta = 0,743$; $p < 0,001$), объясняя 55 % дисперсии.
2. Проспективные вопросы не показали значимого преимущества перед ретроспективными ($p > 0,05$).
3. Порядковый номер пробы первого появления атрибуции ошибки через состояние решателя ($r = 0,376$; $p = 0,03$), а также категорий ответов испытуемых, получивших название «бездумные попытки» ($r = 0,357$; $p = 0,042$) и «резонерство» ($r = 0,348$; $p = 0,047$), коррелировали с номером пробы первого выхода за пределы перцептивного квадрата, на котором оно возникло, был тем выше, чем больше данных атрибуций было среди ответов испытуемого.

Результаты исследования показывают, что изменение репрезентации предсказывается первым появлением атрибуции ошибки через неверную стратегию, что согласуется с гипотезой атрибуции ошибки в возникновении переструктурирования, а также трендом на включение метакогниций в психологические теории когнитивных процессов (Koriat, 2006; Ackerman, Thompson, 2017). Практическое значение работы связано с разработкой методов метакогнитивных подсказок для решения инсайтных задач.

Литература

- Ackerman R., Thompson V. A. Meta-reasoning: Monitoring and control of thinking and reasoning // Trends in cognitive sciences. 2017. V. 21. No. 8. P. 607–617.
- Ohlsson S. Deep Learning. How the mind overrides experience. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2011.
- Koriat A., et al. Metacognition and Consciousness // The Cambridge

Handbook of Consciousness / Ed.: by P. D. Zelazo, M. Moscovitch, E. Thompson. NY.: Cambridge University Press, 2006. P. 289–325.

Перцептивный фактор границ квадрата в задаче «9 точек»

А. Д. Савинова

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Москва
anuta1334@yandex.ru

И. Н. Макаров

Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова, Ярославль
reoge@mail.ru

С. Ю. Коровкин

Институт психологии РАН, Москва
korovkinsu@ipran.ru

Доклад посвящен эксперименту, направленному на проверку роли перцептивного фактора выхода за пределы квадрата в решении классической задачи «9 точек». Для проверки роли перцептивного фактора были созданы модификации этой задачи под разными углами и в разных плоскостях, так чтобы сохранялась структура задачи, но менялась ее перцептивная репрезентация. Результаты показали, что такая экспериментальная манипуляция статистически значимо не влияет ни на процент решений, ни на время решения задачи. В то же время значимыми

предикторами времени решения задачи являются ранние действия, демонстрирующие изменение репрезентации. *Ключевые слова:* инсайт, решение задач, «9 точек», перцепция, перцептивные ограничения, изменение репрезентации.

Краеугольным камнем в объяснении феномена инсайта является классическая задача «9 точек». Традиционное понимание трудности этой задачи, идущее от гештальтпсихологов, — трудность выхода за пределы квадрата, образуемого внешним контуром фигуры. В то же время это утверждение неоднократно подвергалось сомнению. Компромиссное решение, распространенное в современной литературе, состоит в том, что в данной задаче есть несколько источников трудности (Kershaw, Ohlsson, 2004; Spiridonov et al., 2019), среди которых занимает место и перцептивное ограничение в виде визуального контура фигуры.

Мы предположили, что определенные модификации формы задачи должны повысить заметность релевантных для решения свойств и таким образом способствовать как более быстрому изменению репрезентации, так и скорейшему нахождению решения. Варьирование перцептивного фактора контура фигуры возможно благодаря модификации расположения точек относительно друг друга (Коровкин, 2024) или через изменение количества точек (MacGregor et al., 2001). С одной стороны, такие модификации приводят к заметному росту эффективности, однако, с другой стороны, они вызывают резонные возражения о принципиальном изменении структуры самой задачи, что может повлиять не только на перцептивные источники сложности, но и на процессуальные.

Для того чтобы изменить перцептивную репрезентацию задачи, но при этом сохранить ее структуру мы предложили такую модификацию задачи «9 точек», в которой меняются плоскость и угол фигуры относительно наблюдателя, при этом сохраняется структура точек, но меняется угол восприятия фигуры. Были использованы четыре положения фигуры, варьирующиеся по двум признакам — угол фигуры (классический

квадрат или ромб (квадрат, повернутый на 45 градусов, стоящий на вершине)) и перспектива изображения (изображение плоское или в изображении есть удаляющаяся перспектива (трапезоид)). Мы предполагали, что модифицированные варианты должны в большей степени способствовать нахождению решения (успешности решения) и изменению репрезентации задачи, которое проявится в том, что действия, связанные с изменением репрезентации, появятся в модификациях раньше, чем в классическом варианте. Под действиями, связанными с изменением репрезентации, имеются в виду: а) выходы за пределы фигуры, образованной точками; б) повороты вне точек; в) проведение диагональной линии и т. д.

Выборку составили 344 человека (317 женщин, 27 мужчин) в возрасте от 16 до 48 лет ($M = 20,9$; $SD = 5,4$). Данные были собраны онлайн с помощью платформы Jatos. Испытуемые случайным образом распределялись в одну из 4 групп и решали одну из возможных модификаций задачи. После решения они отчитывались о субъективных переживаниях после нахождения решения (наличие ага-переживания, удовольствие, удивление, внезапность, облегчение и т. д.).

Всего задачу решили 206 человек, из которых 113 человек решали задачу впервые, 93 человека решали классическую задачу ранее. Полученные результаты показали следующую частоту правильных решений: классический вариант (24 из 88; 27,3 %), ромб (37 из 78; 47,4 %), трапезоид (31 из 89; 34,8 %), ромб-трапезоид (21 из 89; 23,6 %). Данное распределение значимо не отличается от нормального. Сравнение времени решения с помощью обобщенных линейных моделей не выявило различий модифицированных вариантов с классической задачей. Не было обнаружено и различий между модификациями задачи по наличию и выраженности ага-переживания. Однако время решения задач значимо предсказывается временем первого изменения репрезентации, в частности временем продления линии за пределы точек, поворота вне точек, рисованием необычных углов.

Таким образом, полученные результаты показали, что перцептивное изменение фактора контура фигуры (квадрата) в задаче «9 точек» не оказывает значимого эффекта на успешность

ее решения. Значимыми предикторами времени решения задачи являются ранние действия, демонстрирующие изменение репрезентации.

Литература

- Коровкин С. Ю. Мыслительные схемы в инсайтном решении задач. М.: ИП РАН, 2024.
- Kershaw T. C., Ohlsson S. Multiple causes of difficulty in insight: The case of the nine-dot problem // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. 2004. V. 30. No. 1. P. 3–13.
- MacGregor J. N., Ormerod T. C., Chronicle E. P. Information processing and insight: A process model of performance on the nine-dot and related problems // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. 2001. V. 27. No. 1. P. 176–201.
- Spiridonov V., Loginov N., Ivanchei I., Kurgansky A. V. The role of motor activity in insight problem solving (the case of the nine-dot problem) // *Frontiers in Psychology*. 2019. V. 10. No. 2. P. 1–17.

Критическое мышление: изучение вклада логических компонентов

А. С. Садохина
ГБОУ школа 1541, Москва
sadohinaas@my.msu.ru

Поднимается проблема взаимосвязи использования логических операций и критического мышления у школьников. Анализируется влияние компонентов логического мышления (сериация, классификация и др.) на уровень развития критического мышления. Эмпирически выявлена взаимосвязь между компонентами логического и критического мышления. Практическая значимость исследования

заключается в возможности разработки более эффективных стратегий формирования критического мышления, основанных на развитии логических операций.

Ключевые слова: мышление, критическое мышление, логическое мышление, связь компонентов.

XXI век — век технологий, век открытий. В современном обществе роль знаний неуклонно возрастает. Это приводит к серьезным изменениям в академической среде (Коротаева, 2017). Критическое мышление — ключевой навык XXI века, позволяющий анализировать нескончаемый поток информации, отделять правду от лжи, взвешенно принимать решения (Талов, Орлова, 2021). Однако по сей день среди психологов ведется дискуссия о том, как правильно определить концепцию «критического мышления» (Barnett, 2012). Если в определении логического мышления консенсус найден: его можно рассматривать как способность учащихся анализировать, оценивать и синтезировать информацию на основе логических законов (Пиаже, 1994), то с критическим мышлением все обстоит гораздо сложнее. Основываясь на изучении различных определений критического мышления, можно составить их классификацию: 1) по научному подходу; 2) по компонентам; 3) по трактовке термина «критический»; 4) по области применения (Солодихина, 2022).

На сегодняшний день образование на всех уровнях стремится ввести методы и приемы, которые способствуют развитию навыков критического мышления у учащихся. Понимание того, как один компонент может влиять на другой, даст возможность педагогам и ученым разрабатывать более эффективные стратегии обучения, способствующие формированию полноценной системы мышления у молодежи (Коротаева, 2017).

Критическое мышление рассматривается в трех связках с логическим мышлением. Выделяют три основных подхода к пониманию взаимосвязи: 1) приравнивание критического мышления к неформальной логике; 2) рассмотрение логических операций как основы для критического мышления; 3) отрицание прямой связи между двумя видами мышления (Солодихина, 2022).

При изучении связи между этими видами мышления рассматривался второй подход, а именно вопрос: является ли логическое мышление базой для формирования критического. На данный момент в существующих исследованиях уровень влияния отдельных компонентов логического мышления (например, сериации, комбинаторных операций) на различные аспекты критического мышления остается недостаточно изученным. Было проведено исследование связи между показателями развития логических операций ($N = 94$): сериации, классификации, комбинаторных операций, определения понятий и показателями уровня развитости критического мышления у учащихся средней школы, с результатом: чем выше уровень развитости логических операций, тем выше показатели развития критического мышления. Научная новизна заключается в системном подходе изучения вклада компонентов логического мышления в степень развитости критического. В исследовании выявлены статистически значимые связи между отдельными компонентами логического мышления и уровнем развития критического мышления. Результаты исследования подтверждают гипотезу о существовании взаимосвязи между использованием/применением компонентов логического мышления и уровнем развитости критического мышления, что дает возможность в будущем формировать детям это мышление.

Литература

- Коротаева И. В. Уровни логического развития студентов // Человек. Искусство. Вселенная. 2017. № 1. С. 99–104.
- Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Международная педагогическая академия, 1994.
- Солодихина М. В. Критическое мышление в высшем естественнонаучном образовании: определение и содержание понятия. М., 2022.
- Талов Д. П., Орлова А. В. Взаимосвязь уровня развития критического мышления подростков с их личностными характеристиками и показателями интеллекта // Психология человека в образовании. 2021. Т. 3. № 2. С. 153–161.
- Barnett J. E., Francis A. L. Using higher order thinking questions to

Интеллектуальное событие как основа творчества*

В. В. Селиванов

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва
vvsel@list.ru

Интеллектуальное событие — это аналог перцептивному событию в восприятии (В. А. Барабанщиков) только в мышлении, в условиях познавательной, прежде всего мыслительной деятельности, которая обеспечивает решение комплексных личностных проблем. Термин «событие» используется для отражения интеллектуальной системы субъекта, которая оказывается задействованной при решении различных задач. Решение задач и творчество осуществляется человеком через интеллектуальное событие. *Ключевые слова:* интеллектуальное событие, креативность, перцептивное событие.

Интеллектуальное событие — это аналог перцептивному событию в восприятии (В. А. Барабанщиков) только в мышлении, в условиях познавательной, прежде всего мыслительной деятельности, которая обеспечивает решение комплексных личностных проблем. Термин «событие» используется для отражения интеллектуальной системы субъекта, которая оказывается

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 25–18–00885, <https://rscf.ru/project/25-18-00885/>

задействованной при решении различных задач. В нашей модели интеллекта свыше 56 компонентов, при решении сложных задач, в том числе и малых латеральных, субъект задействует все эти элементы. В ней решающую роль играет такой познавательный процесс, как мышление, вектор «мотив-цель», а также мыслительные процессы, умственные действия, формы мышления, смысловые установки, бессознательные слои психики, оценочные суждения, сформировавшиеся когнитивные стили, психические состояния.

Основным содержанием интеллектуального события выступает информационное, которое строится в способах организации интеллектуальных решений аналогично перцепции — интеллектуальный строй, схема, план. Спецификой по отношению к восприятию является большая представленность обобщенных действий, движение смыслов условий и требований актуальных задач, а также креативность, т.е. создание оригинальных решений проблемы.

Решение задач осуществляется человеком через интеллектуальное событие, главным в последнем выступает мышление. Мы разделяем позицию Д. В. Ушакова, который определяет интеллект как способность к мышлению. Он считает, что мышление, представляя собой процесс, реализует интеллект. «В паре терминов, где один выражает процесс, а другой — способность к нему, возникает необходимость определить один термин через другой. Базовым должен быть термин, относящийся к процессу. Поэтому оптимальным является определение интеллекта через мышление», — указывал Д. В. Ушаков (Ушаков, 2003, с. 14).

Мышление имеет сложную структуру. Компоненты, входящие в вышеназванные уровни мыслительного функционирования, специфичны, качественно отличны от таких же в сенсорно-перцептивной сфере. Основным механизмом мышления как процесса является анализ через синтез, обеспечивающий открытие нового знания, новой информации об объекте. В перцепции креации мало, если она и осуществляется, то на другом уровне обобщения.

Я. А. Пономарёв понимал это: фазы и уровни функционирования мышления образуют центральное звено творчества. Современные исследования подтверждают зависимость высших психологических образований (в том числе интеллекта), играющих решающую роль в творчестве, от процессов их формирования (Барабанщиков, Селиванов, 2022; Влияние технологий, 2022; Селиванов, 2016; Davidson, 2003). Центральное и периферическое звенья творчества необходимы человеку, чтобы творить. Творчество строится у Я. А. Пономарёва подобно интеллектуальному событию.

Планы интеллектуального события — натуральный (нейродинамические мозговые процессы, активированные при решении задач); предметный (выраженность основного объекта задачи; понятийная и образная представленность объекта); смысловой (отражение объекта в смысле); оценочный (диспозиционный); опытный (актуализация прошлых знаний, умений, навыков, использование психических состояний); когнитивный (это задействованные познавательные процессы) — участвуют в творческом решении.

Креативные решения обеспечиваются способами организации интеллектуальных событий: интеллектуальный строй (направленность мышления, определяемая задачей), интеллектуальная схема (сформировавшиеся установки); интеллектуальный план (стратегия и тактика субъекта мышления по решению задачи).

Литература

Барабанщиков В. А., Селиванов В. В. Психические состояния и креативность субъекта в дидактической VR-среде различной иммерсивности // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 2. С. 4–19.

Влияние технологий виртуальной реальности высшего уровня на изменение психического в юношестве / под ред. Барабанщикова В. А., Селиванова В. В. М.: Универсум, 2022.

Селиванов В. В. Механизмы актуализации когнитивных и личностных ресурсов субъекта в виртуальной среде // Ментальные ресурсы личности. Материалы третьего

- международного симпозиума. М.: ИП РАН, 2016. С. 333–347.
- Ушаков, Д. В. Интеллект (структурно-динамическая теория). М.: ИП РАН, 2003.
- Davidson J. E. Insights about insightful problem solving // The psychology of problem solving / Edited by J. E. Davidson, R. I. Sternberg. Cambridge University Press, 2003. P. 149–176.

Самоэффективность и сложность задачи как предикторы успешности решений CRA-задач в зависимости от типа их решения

И. Ю. Скрынникова

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Москва
irina.skrynnikovaa@yandex.ru

А. О. Мадни

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Москва
madni.anna@gmail.com

Цель исследования — выяснить, являются ли самоэффективность и сложность задачи (операционализованный в виде семантической дистанции) предикторами успешности при решении задач на отдаленное ассоциирование (CRA) разного типа. Анализ опирается на различия аналитических, инсайтных и выскакивающих решений. Результаты показали, что семантическая дистанция значимо предсказывает успешность решения CRA-задач в целом. При этом самоэффективность не оказалась значимым

фактором, что ставит под вопрос ее влияние в контексте CRA-задач.

Ключевые слова: семантическая дистанция, самоэффективность, инсайт, задачи CRA, психология мышления.

Целью данного исследования было выявление влияния самоэффективности и семантической сложности задачи на успешность решения задач на отдаленное ассоциирование (CRA) в зависимости от типа решения. CRA-задачи могут решаться тремя типами решений: высказывающим, аналитическим и инсайтным (Spiridonov et al., 2021). Высказывающее решение возникает автоматически и быстро, за счет спонтанной активации семантической сети (Collins, Loftus, 1975). Аналитическое решение осуществляется посредством контролируемого поиска и удержания гипотез в рабочей памяти. Инсайтное решение предполагает столкновение с тупиком и последующую реструктуризацию задачи, сопровождающуюся внезапным озарением.

Семантическая сложность определялась через дистанцию между первым словом задачи и целевым словом. Предполагается, что чем ближе опорное слово к целевому, тем уже пространство поиска и выше вероятность успеха. Мы опираемся на модель семантического поиска, ограниченного условиями задачи (Öllinger, von Muller, 2017). Самоэффективность рассматривалась как субъективный ресурс, поддерживающий усилия при решении. Нами предполагалось, что указанные предикторы будут актуальны преимущественно для аналитических и инсайтных решений, поскольку они предполагают активное участие когнитивного контроля.

В дополнение к когнитивным ресурсам существенную роль в процессе решения задач могут играть метакогнитивные установки, в частности — самоэффективность, отражающая субъективную оценку человеком собственной способности успешно справляться с задачами. Этот конструкт включает не только уверенность в успехе, но и готовность к преодолению трудностей. Согласно теории социального научения (Bandura, 1989), самоэффективность определяет уровень усилий, которые человек

готов вложить, устойчивость перед неудачами и общую направленность на достижение цели.

Методы. В исследовании приняли участие 36 испытуемых. Тип решения определялся с помощью визуальной ретроспективной самооценки (Spiridonov et al., 2021). Зависимой переменной было количество верных решений. Самоэффективность оценивалась по двум шкалам: общей самоэффективности и по шкале прогноза успешности и являлась предиктором в рамках модели. Семантическая дистанция рассчитывалась как расстояние между первым словом задачи и целевым словом на основе данных лексических корпусов и также выступала предиктором. Группирующей переменной был тип решения, зависимой — успешность (количество правильных ответов). Для анализа использовалась обобщенная линейная смешанная модель (GLMM).

Результаты. Анализ выявил значимый главный эффект типа решения ($\chi^2(2) = 29,85$; $p < 0,001$): высказывающие решения оказались успешнее аналитических ($\beta = -1,229$; $p < 0,001$) и инсайтных ($\beta = -1,688$; $p < 0,001$). Семантическая дистанция продемонстрировала значимое влияние на успешность ($p = 0,024$). Показатели самоэффективности не продемонстрировали значимого влияния: общий уровень ($p = 0,372$) и прогноз успешности ($p = 0,583$). Взаимодействия между предикторами и типами решений также оказались статистически незначимыми.

Обсуждение результатов. Полученные результаты демонстрируют, что семантическая дистанция является предиктором успешности решения CRA-задач в целом. Результат оказался любопытным: чем больше расстояние между опорным и целевым словами, тем выше вероятность правильности ответа, что не согласуется с нашими предположениями. Мы предполагаем, что испытуемые могли не справляться с более сложными задачами, а решать наиболее легкие, соответственно результаты могут быть искажены. Если брать во внимание разные типы решений, ни один результат не оказался значимым. В то же время отсутствие связи между самоэффективностью и успешностью решений указывает на то, что субъективная уверенность не всегда сопряжена с объективной успешностью в мыслительных

задачах. Особенно интересен эффект высказывающих решений, которые показали наивысшую успешность при отсутствии влияния со стороны предикторов, что еще раз подчеркивает их автоматический характер и релевантность классических моделей активации семантической сети (Collins, Loftus, 1975).

Литература

- Bandura A.* Human agency in social cognitive theory // *American Psychologist*. 1989. V. 44. No. 9. P. 1175–1184.
- Collins A. M., Loftus E. F.* A spreading-activation theory of semantic processing // *Psychological Review*. 1975. V. 82. No. 6. P. 407–428.
- Spiridonov V., Loginov N., Ardislamov V.* Dissociation between the subjective experience of insight and performance in the CRA paradigm // *Journal of Cognitive Psychology*. 2021. V. 33. No. 6–7. P. 685–699.
- Öllinger M., von Müller A.* Search and coherence-building in intuition and insight problem solving // *Frontiers in psychology*. 2017. V. 8. Art. 827.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ОСОЗНАВАЕМЫХ
И НЕОСОЗНАВАЕМЫХ
ПРОЦЕССОВ ПРИ РЕШЕНИИ
КОГНИТИВНЫХ ЗАДАЧ**

Иллюзорная беспричинность интуитивных чувств: «не знаю почему, но кажется, что так»

А. Ю. Агафонов

Самарский университет, Самара
aa181067@yandex.ru

Рассматривается феномен интуиции как направляемый имплицитным знанием неосознаваемый процесс, результатом которого является эксплицитное чувство «кажется, что так». Обозначены релевантные направления изучения феноменологии интуиции, в частности исследование экспертного знания в русле натуралистического подхода и экспериментальные исследования когнитивного бессознательного (некоторые виды имплицитного научения, прайминг и пр.).

Ключевые слова: интуиция, интуитивные чувства, экспертное знание, когнитивное бессознательное.

В жизни мы часто руководствуемся не формальной логикой и вычислениями, а более или менее отчетливыми чувствами, которые ситуативно побуждают нас выносить суждения, принимать решения, определенным образом оценивать или действовать. Эти чувства (назову их интуитивными): а) задают вектор ментальной или поведенческой активности в условиях дефицита информации и б) субъективно переживаются так, как если бы они не имели причинных оснований. Главная их особенность — иллюзорная беспричинность. Невозможность объяснения «почему это так, откуда я знаю, что это так» — ключевой маркер для кодификации свидетельств интуитивного знания.

Интуицию можно определить как неосознаваемый процесс, основанием которого является имплицитное знание, а результатом — осознаваемое чувство. Иными словами, это проявление имплицитного знания в эксплицитном чувстве «кажется, что так».

Как мы можем эмпирически изучать интуицию, которую А. Эйнштейн именовал «священным даром»? Обозначу только две основные области исследований.

1. Изучение специфики принятия решений профильными экспертами в русле натуралистического подхода (Клайн, 2022). Этот подход прежде всего ассоциируется с именем Г. Клайна, который исследовал опытных пожарных, пилотов реактивных самолетов, медицинских работников, трейдеров и т. д. Анализируя опыт профессионалов, он приходит к выводу, что интуиция — это следствие выработанных перцептивных навыков. Эксперты способны неосознанно фиксировать те детали контекста ситуации, которые не замечают новички. И напротив, автоматически обнаруживать отсутствие ожидаемых элементов перцептивного контекста. Вместе с тем эксперты иначе, чем новички, репрезентируют ситуацию: у них происходит укрупнение оперативных единиц восприятия.

2. Исследования когнитивного бессознательного: усвоение искусственных грамматик и ковариаций (но не других видов имплицитного научения), эффект привязки, задачи лексического решения в сочетании с техникой прайминга и др. Так, например, А. Марсел в своем эксперименте демонстрировал на 15 мс или слово, или бессмысленный набор букв, напоминающий слово. Испытуемым надо было определить, слово предъявлено или псевдослово. В этом случае количество правильных ответов не превышало вероятность случайного угадывания. Но когда перед словом предъявлялся маскированный прайм — слово, семантически связанное со словом в задаче лексического решения, — испытуемый не ошибался в идентификации стимула как слова.

При экспериментальном исследовании интуиции важны два условия. Во-первых, сформированные неосознаваемые основания для выбора варианта решения задачи. Во-вторых, высокая степень неопределенности при выборе варианта решения. Интуитивный выбор в экспериментальных задачах хотя и осознается как случайный, но при этом он опирается на неосознаваемые основания, в то время как собственно случайный не имеет таких оснований. В этом отношении особый интерес

представляют клинические случаи: слепозрение и синдром неглекта (см., например, Marshall, Halligan, 1988).

Парефразируя слова Г. Саймона, можно следующим образом описать работу интуиции: ситуация дала неосознаваемую подсказку, неосознаваемая подсказка дала неосознаваемый доступ к неосознаваемой информации, хранящейся в имплицитной памяти, а неосознаваемая информация дала осознаваемый ответ. Интуиция — не что иное, как узнавание.

Литература

- Клайн Г. Источники силы: как люди принимают решения. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022.
- Marshall J., Halligan P. W. Blindsight and Insight in the Visuospatial Neglect // Nature. 1988. V. 336. P. 766–767.

Роль эвристики доступности в атрибуции источника иллюзорных воспоминаний*

В. А. Гершкович

Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург
valeria.gershkovich@gmail.com

Тезисы посвящены проблеме атрибуции источника иллюзорных воспоминаний, а именно вынесения суждения об авторстве. Рассматривается ассоциативная иллюзия памяти (методика Диза — Ройдигера — МакДермотт), которая провоцирует беглость обработки информации за счет

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–28–00931, <https://rscf.ru/project/25-28-00931/>

семантического прайминг-эффекта. Обосновывается положение, что высокая доступность информации в памяти, провоцируемая в случае семантической иллюзии памяти нерелевантным источником беглости, может на этапе извлечения приводить к ошибочному суждению об авторстве. *Ключевые слова:* иллюзии памяти, мониторинг источника, эвристика доступности, суждение об авторстве, методика Диза — Ройдигера — МакДермотт.

В исследованиях памяти отдельное место занимают ошибки мониторинга источника воспоминаний, к которым, в частности, относят ложное воспроизведение или узнавание информации, которая никогда не была предъявлена (иллюзорные воспоминания), а также ситуации, когда человек корректно вспоминает содержание информации, но атрибутирует воспоминание или идею неправильному источнику (ошибается в том, откуда она стала ему известна) (Schacter, 1999), в том числе атрибутируя себе мысль или решение, высказанные ранее другим человеком (ошибки неосознанного плагиата) (Brown, Murphy, 1989).

Одной из самых известных методик изучения иллюзорных воспоминаний является методика Диза — Ройдигера — МакДермотт (Roediger, MacDermott, 1995). Согласно этой методике, участникам предъявляют списки слов, ассоциативно связанных с общим ключевым словом, которое при этом не предъявляется. Показано, что в дальнейшем люди ошибочно воспроизводят/опознают ключевое слово как ранее предъявленное. Фактически возникающий за счет последовательного предъявления ассоциативно связанных слов семантический прайминг-эффект провоцирует беглость обработки информации на этапе узнавания, большую доступность репрезентации и соответственно переживание легкости извлечения информации из памяти. При этом ложное воспоминание на этапе извлечения часто сопровождается метакогнитивными переживаниями (высокой уверенностью в истинности воспоминания, специфическим чувством «помню»), а также ему атрибутируются ложные эпизодические детали (например, голос человека, которым она была произнесена). Однако

исследований особенностей атрибуции источника иллюзорных воспоминаний в связи с припоминанием авторства фактически не проводилось.

Согласно теории мониторинга источника, за определение источника воспоминаний ответственны два независимых механизма принятия решений. Принятие решения, основанное на эвристиках, в первую очередь на чувстве знакомости, и более систематический, контролируемый процесс принятия решения, который анализирует характеристики воспоминаний для оценки их источника (Johnson et al., 1993). Показано, например, что доступность информации в памяти может провоцировать ошибочную атрибуцию ответственности за совместные действия (Ross, Sicoly, 1979). Авторы связывают, в частности, с тем, что информация, которая сгенерирована самостоятельно, является более доступной, человек вспоминает ее с большей легкостью и, следовательно, оценивает свой вклад в дискуссию, например, как более значимый.

Мы полагаем, что высокая доступность информации в памяти, провоцируемая в случае семантической иллюзии памяти нерелевантным источником беглости, может на этапе извлечения приводить к ошибочному суждению об авторстве. В пользу такого предположения свидетельствуют результаты серии наших экспериментов, проведенных с помощью модифицированной методики Диза — Ройдигера — МакДермотт. Вероятность атрибутировать себе произнесение сгенерированного, но не вербализованного в процессе коммуникации ассоциативного слова-прототипа увеличивается со временем (что соответствует данным о сохранении доступности иллюзорных воспоминаний при снижении доступности истинных). В условиях, когда слово-прототип действительно произносится партнером по коммуникации, вопреки наличию перцептивных деталей, позволяющих корректно атрибутировать источник, участники ошибочно атрибутируют его себе (что соответствует данным о том, что повышенная беглость обработки может препятствовать опоре на реальные перцептивные детали). Появление ключевого стимула на этапе узнавания, а не варьирование предсказуемости его появления на этапе

кодирования приводит к ошибочной атрибуции источника (что свидетельствует о вынесении суждения именно на основе легкости извлечения из памяти). В целом атрибуция источника любых воспоминаний себе сопровождается более высокой уверенностью в ответе (что косвенно свидетельствует об опоре на легкость извлечения информации из памяти при вынесении суждений).

Литература

- Brown A. S., Murphy D. R.* Cryptomnesia: Delineating inadvertent plagiarism // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1989. V. 15. No. 3. P. 432–442.
- Johnson M. K., Hashtroudi S., Lindsay D. S.* Source monitoring // *Psychological Bulletin*. 1993. V. 114. P. 3–28.
- Roediger H. L., McDermott K. B.* Creating false memories: Remembering words not resented in lists // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1995. V. 21. No. 4. P. 803–814.
- Ross M., Sicoly F.* Egocentric biases in availability and attribution // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1979. V. 37. No. 3. P. 322–336.
- Schacter D. L.* The seven sins of memory: Insights from psychology and cognitive neuroscience // *American Psychologist*. 1999. V. 54. No. 3. P. 182–203.

Опросник для определения уровня обратной интуиции

П. Е. Григорьев

Севастопольский государственный
университет, Севастополь
mhnty@ya.ru

Обсуждается феномен и вводится конструкт обратной интуиции, которая феноменологически проявляется в том, что информация от нее содержательна, но привносит в сознание или трактуется индивидом с точностью до наоборот. Обратная интуиция — не отсутствие интуиции, а инверсия верной информации от «прямой интуиции». Для изучения обратной интуиции поставлена цель создать опросник. Приводятся этапы его психометрической проверки, стандартизация, текст, ключ, специфика интерпретации и, при регистрации у респондента высокого уровня признака обратной интуиции, — направления для возможной проработки его с психологом, чтобы улучшить качество жизни и деятельности личности.

Ключевые слова: обратная интуиция, «интуиция наоборот», творчество, деятельность, опросник для определения уровня обратной интуиции.

Творчество и эффективная деятельность связаны с интуицией, что часто дает новую и верную информацию. Однако не осмыслен феномен обратной интуиции (ОИ), которая преподносит информацию с точностью до наоборот.

Вычленение и изучение ОИ практически значимо и требует методического обеспечения. Поэтому была поставлена цель создать опросник для определения ее уровня. Выборка психометрической проверки — 268 взрослых респондентов, уравновешенных по возрасту и полу. В итем-анализе вопросов индекс дискриминативности — 0,38–0,70; трудности — 0,49–0,84,

что определяет их диагностическую пригодность. Надежность по однородности +0,68; ретестовая надежность +0,60.

Очевидная валидность обеспечена формулировкой вопросов, когда респондент обращается к ситуациям с активной интуицией и оценивает частоту ее неверных подсказок.

Опросники интуитивного стиля Эпстайна и параметров интуиции в структуре саморегуляции деятельности (ИССД) (Васильева, Григорьев, 2017; Григорьев и др., 2017) использованы для выявления связей с ними уровня ОИ на выборке 95 респондентов.

Нет связи ОИ со шкалой «интуитивная способность», однако есть негативная корреляция ОИ $-0,31$ с «использованием интуиции» опросника Эпстайна: испытуемые с высокой ОИ не отрицают у себя интуиции как таковой, но стараются ею не пользоваться, что свидетельствует в пользу содержания конструкта ОИ (ОИ – не отсутствие интуиции, а инверсия верной информации от «прямой интуиции»).

В опроснике ИССД, где содержательными областями являются этапы саморегуляции деятельности (по О. А. Конопкину), есть значимая корреляция ОИ с уровнем интуиции по шкале «принятие модели значимых условий» +0,30.

Следовательно, респонденты с высокой ОИ зачастую планируют действия в соответствии с неверной подсказкой ОИ; либо игнорируют подсказки ОИ как раз по причине понимания их непродуктивности и вовсе не используют интуицию.

В представляемом ниже опроснике респондент оценивает утверждения по выраженности: 0 (редко), 1 (иногда), 2 (часто), 3 (всегда). Суммирование оценок по всем вопросам дает сырой балл (СБ).

Инструкция испытуемому: Вам предлагается оценить проявления интуиции в Вашей жизни. Выберите для каждого вопроса вариант ответа, который лучше всего отражает Ваш жизненный опыт.

1. Из-за неверных подсказок интуиции Вам случалось попадать в беду.
2. Когда Вы поступаете вопреки интуиции, у Вас все складывается хорошо.

3. Вы попадали впросак из-за того, что следовали интуиции.
4. Когда речь идет о чем-то важном лично для Вас, интуиция Вас подводит.
5. Когда речь идет о Вас самих, у Вас нет уверенности в Вашей интуиции.
6. Интуиция дает Вам подсказки в работе с точностью до наоборот.
7. Подсказки Вашей интуиции ошибочны.
8. В трудных ситуациях Вас выручает правило: «Послушай интуицию и сделай наоборот».
9. Когда речь идет о близких Вам людях, интуиция дает неверные подсказки.
10. Интуиция Вас подводит в отношении Ваших планов.
11. Ваши сны нужно толковать наоборот.

Стандартизация проведена на 459 взрослых испытуемых, уравновешенных по полу и возрасту. СБ переводили в шкалу стенов.

[Сырые баллы] — стенов:

[0–2] — 1; [3–5] — 2; [6–8] — 3; [9–10] — 4; [11–12] — 5; [13–14] — 6; [15–17] — 7; [17–18] — 8; [19–20] — 9; [≥ 21] — 10.

При значениях стенов 8–10 вероятна выраженная ОИ, среди причин которой могут быть нарушения переработки эмоций; когнитивные искажения; тревожные, депрессивные состояния; нарушения обработки телесных сигналов и т. д.

Однако ОИ может быть индивидуальной чертой с наследственной и даже архетипической составляющими, определяющей устойчивый паттерн личности в сфере интуиции. Тогда индивид может обратить невезение из-за высокого ОИ во благо, научившись верно трактовать и использовать ОИ, которая поставляет точную и содержательную, но инвертированную информацию.

Проработка и конструктивное использование ОИ улучшат качество жизни и уверенность в себе. Поэтому важно отразифицировать ОИ, выявить и проработать с психологом ее причины, научиться конструктивно взаимодействовать с ОИ. Разработанный опросник станет подспорьем в исследовании ОИ.

Литература

- Васильева И. В., Григорьев П. Е.* Опросник параметров интуиции в структуре саморегуляции деятельности: психометрическая проверка // Саморегуляция личности в контексте жизнедеятельности: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Омск, 5–6 октября 2017 г.). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. С. 17–20.
- Григорьев П. Е., Васильева И. В., Иванцов С. В., Игнатов А. Н.* Опросник интуиции в структуре саморегуляции деятельности: процедура валидизации на выборке сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний // Прикладная юридическая психология. 2017. № 4 (41). С. 65–73.

Когнитивные стратегии и окулomotorные показатели при распознавании искусственных грамматических конструкций

А. И. Измалкова

Высшая школа экономики, Москва
aizmalkova@hse.ru

В. В. Черникова

Высшая школа экономики, Москва
chernvsls@gmail.com

О. В. Щербакова

Высшая школа экономики, Москва
o.scherbakova@gmail.com

Изучалась связь когнитивных стратегий распознавания грамматических конструкций и окулomotorных

показателей. Воспроизводился протокол И. И. Иванчя и Н. В. Морошкиной с использованием атрибуции стратегии принятия решения. Обнаружены различия во времени выполнения задачи при отчете о принятии решения на основе интуиции и опоре на выделенный алгоритм. Различий в длительности фиксаций и амплитуде саккад не обнаружено; обнаружено большее количество переходов между областями интереса при отчете об использовании аналитической стратегии в последней 1/4 проб.

Ключевые слова: искусственная грамматика, когнитивные стратегии, аналитическая стратегия, холистическая стратегия, окуломоторные показатели.

Исследование когнитивных стратегий распознавания искусственной грамматики и их окуломоторных коррелятов представляет интерес для экспериментальной психологии и лингвистики. Классическая парадигма искусственной грамматики (Reber, 1967) позволяет моделировать процессы имплицитного и эксплицитного научения, но вопрос о связи применяемых когнитивных стратегий с окуломоторными паттернами остается недостаточно изученным, что затрудняет выявление объективных маркеров использования аналитической и холистической стратегий обработки информации.

Для решения этой задачи был воспроизведен протокол И. И. Иванчя и Н. В. Морошкиной (Ivanchei, Moroshkina, 2018) с атрибуцией стратегии принятия решения (Dienes, Scott, 2005), дополненный записью окуломоторной активности. Участникам (N = 18) предъявлялись 15 обучающих и 40 тестовых строк латинских букв (V, X, J, T) на 5 секунд каждая. Требовалось оценить грамматичность предъявленной последовательности (согласуется / не согласуется с грамматическим правилом). Для каждой последовательности регистрировались время реакции, правильность/неправильность решения и стратегия его принятия. Для атрибуции стратегии принятия решения после предъявления каждой последовательности испытуемого просили выбрать, отвечал ли он: 1 — наугад; 2 — по интуиции; 3 — с опорой на искомую систему правил; 4 — по памяти. Было записано

и проанализировано 720 проб, в обработку были включены 443 пробы.

Для регистрации окулоmotorных параметров (времени выполнения задачи, количества переходов между буквами в строке, длительности фиксации, амплитуды саккад) использовался EyeLink 1000 Plus (2000 Hz). Ожидалось, что при аналитической стратегии будет наблюдаться меньшая длительность фиксации и большая амплитуда саккад (Меньшикова, Пичугина, 2020), большее количество переходов между областями интереса и более длительное время выполнения задачи (Nitzan-Tamar et al., 2023).

Были обнаружены различия во времени выполнения задачи при принятии решения на основе интуиции (Mdn = 1094 мс) и опоре на выделенный алгоритм (Mdn = 783 мс), $z = 3,35$; $p < 0,01$. Различий в показателях окулоmotorной активности обнаружено не было: длительность фиксации ($z = 1,04$; $p = 0,29$) и амплитуда саккад ($z = 0,20$; $p = 0,84$) при холистическом и аналитическом способе переработки информации не различались. При анализе показателей движений глаз и субъективных post-hoc отчетов в динамике было обнаружено большее количество переходов между областями интереса при использовании аналитической стратегии (Mean = 6,42), чем холистической (Mean = 6,0) (в последней 1/4 проб ($F(7;443) = 4,1$; $p < 0,01$)).

Эти результаты противоречат данным об окулоmotorной активности при холистической и аналитической переработке информации (Nitzan-Tamar et al., 2023; Меньшикова, Пичугина, 2020), что может быть связано с особенностями процедуры: в нашей работе предполагалось не решение новой зрительной задачи, а распознавание «грамматичности» конструкций на основе удерживаемых в памяти алгоритмов.

Литература

- Меньшикова Г. Я., Пичугина А. О. Холистические процессы восприятия лица: метод айтрекинга // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13. № 4. С. 72–87.
- Dienes Z., Scott R. Measuring unconscious knowledge: distinguishing structural knowledge and judgment knowledge // Psychological Research. 2005. No. 69. P. 338–351.

- Ivanchei I. I., Moroshkina N. V.* The effect of subjective awareness measures on performance in artificial grammar learning task // *Consciousness and Cognition*. 2018. V. 57. P. 116–133.
- Laurinavichyute A. K., Sekerina I. A., Alexeeva S., et al.* Russian Sentence Corpus: Benchmark measures of eye movements in reading in Russian // *Behavior research methods*. 2019. V. 51. P. 1161–1178.
- Nitzan-Tamar O., Kramarski B., Vakil E.* The flexibility of the intermediate vs. wholistic/analytic styles—an eye tracking study // *Journal of Cognitive Psychology*. 2023. V. 35. No. 2. P. 205–216.
- Reber A. S.* Implicit learning of artificial grammars // *Journal of verbal learning and verbal behavior*. 1967. V. 6. No. 6. P. 855–863.

КОГНИТИВНЫЙ КОНФЛИКТ В ДВИЖЕНИИ МЫШЬЮ ПРИ ВЫБОРЕ ИЗ АЛЬТЕРНАТИВ*

С. Ю. Коровкин

Институт психологии РАН, Москва
korovkinsu@ipran.ru

А. Р. Сидорчук

Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова, Ярославль
alexandrasidor4uk@gmail.com

Доклад посвящен анализу парадигмы отслеживания движений компьютерной мыши в ситуации альтернативного выбора. Эта парадигма позволяет выявлять отклонения траектории движения мыши от движения в сторону

* Исследование выполнено в рамках государственного задания № 0138–2024–0019

выбранного ответа, что может трактоваться как наличие внутреннего конфликта между ответами. Такой подход позволяет проследить динамику выбора, скрывающуюся внутри времени реакции, выявлять наличие конфликта ответов даже в ситуации выбора ожидаемого ответа, а также выявлять факторы, влияющие на усиление или ослабление этого конфликта.

Ключевые слова: отслеживание движений мыши, маус-трекинг, конфликт, динамика познавательных процессов, двигательные реакции.

В научном психологическом инструментарии мало практических, недорогих и достаточно чувствительных методов, способных конкретизировать динамику психических явлений в реальном времени. Это подтолкнуло к поиску метода, который позволял бы отслеживать психические процессы в динамике. Таким методом стал маус-трекинг (метод регистрации траектории движения мыши на мониторе компьютера), с помощью которого можно делать выводы о динамике когнитивных процессов по регистрируемым двигательным реакциям испытуемого (Сидорчук, Коровкин, 2025).

Маус-трекинг используется в широком диапазоне психологических областей, таких как UX-исследования, взаимодействие человека и компьютера, оценка функциональных состояний, регистрация движений при решении задач и т.д. Для разных задач требуются разные метрики, интервалы и программное обеспечение. Однако во многих исследованиях, дизайн которых построен на простом выборе между альтернативами с регистрацией ответа и времени реакции, может быть реализована базовая парадигма отслеживания движений мыши при альтернативном выборе. В самой простой версии испытуемые выбирают между двумя альтернативами, которые представлены в виде кнопок в верхнем левом и верхнем правом углах экрана компьютера. Испытуемые выбирают кнопку, наводя на нее курсор, положение которого постоянно записывается, что приводит к записи полноценной траектории мыши для каждой пробы. Считается, что курсор мыши имеет тенденцию

сдвигаться к варианту с более высокой активацией в каждый момент времени (Spivey et al., 2005). В основе парадигмы лежит общее теоретическое допущение, что наблюдаемое отклонение траектории является результатом конфликта между интуитивными и аналитическими процессами, между Системой 1 и Системой 2 (Travers et al., 2016). Соответственно отслеживание движений мыши можно использовать для определения степени конфликта между вариантами ответа во время принятия решения.

Для создания экспериментов по отслеживанию движений мыши разработаны компьютерные программы, среди которых модуль Mousetrap (Kieslich, Henninger, 2017) для создания экспериментов в среде OpenSesame. На сегодняшний день все актуальнее становится возможность проведения онлайн-экспериментов. Наиболее доступными на текущий момент ресурсами являются jsPsych и lab.js — это среды Java Script для создания поведенческих экспериментов, которые можно запускать в браузере. Возможность записи и отслеживания движений мыши представлена в jsPsych в виде расширения mouse-tracking, а в lab.js в виде плагина Mousetrap, которые позволяют записывать движения мыши, визуализировать их траектории и записывать их координаты. Для обработки, анализа и визуализации данных отслеживания движений мыши разработан программный пакет mousetrap для языка статистического программирования R (Wulff et al., 2019).

Парадигма маус-трекинга при альтернативном выборе используется в решении различных психологических задач, таких как исследования социального познания, контроля действий, исследования принятия экономических решений, памяти, предвзятости суждений, самоконтроля. Она предоставила две основные возможности для проверки психологических теорий. Во-первых, отслеживание движения мыши позволяет проверить влияние индивидуальных различий и контекстуальных факторов, которые могут влиять на конфликт, связанный с генерацией решения. Во-вторых, отслеживание движения мыши позволяет исследователям оценить развитие и разрешение этого конфликта в ходе процесса принятия решения. Несмотря

на заметные успехи в получении новых данных, пока остается открытым вопрос о том, каким образом познание перетекает в действие. Также пока нет четкого понимания конкретных когнитивных процессов, непосредственно определяемых движениями рук. Выводы, полученные в результате исследований с использованием маус-трекинга, могут послужить связью между различными областями психологической науки и помогать отслеживать динамику психических процессов в реальном времени.

Литература

- Сидорчук А. Р., Коровкин С. Ю.* Обзор применения технологии маус-трекинга в психологических исследованиях // Экспериментальная психология. 2025 (в печати).
- Kieslich P. J., Henninger F.* Mousetrap: An integrated, open-source mouse-tracking package // Behavior research methods. 2017. V. 49. P. 1652–1667.
- Spivey M. J., Grosjean M., Knoblich G.* Continuous attraction toward phonological competitors // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2005. V. 102. № 29. P. 10393–10398.
- Travers E., Rolison J. J., Feeney A.* The time course of conflict on the Cognitive Reflection Test // Cognition. 2016. V. 150. P. 109–118.
- Wulff D. U., Haslbeck J. M.B., Kieslich P. J., Henninger F., Schulte-Mecklenbeck M.* Mouse-tracking: Detecting types in movement trajectories // A Handbook of Process Tracing Methods. 2019. Routledge. P. 131–145.

Эмпирическая верификация эффекта конкретизации при разрешении многозначности*

М. И. Курьянова

Институт мозга человека им. Н. П. Бехтеревой
РАН, Санкт-Петербург
M79069963567@yandex.ru

Д. Ю. Чопчик

Институт мозга человека им. Н. П. Бехтеревой
РАН, Санкт-Петербург
dianachopchik@yandex.ru

М. Г. Филиппова

Институт мозга человека им. Н. П. Бехтеревой
РАН, Санкт-Петербург
box4fox@yandex.ru

В. М. Аллахвердов

Институт мозга человека им. Н. П. Бехтеревой
РАН, Санкт-Петербург
vimiall@gmail.com

Работа посвящена вопросу о том, вызывает ли неосознаваемая многозначность (двойственные изображения, омонимы) конкретизацию осознаваемого значения и возможностям его экспериментальной проверки. Особое внимание уделяется вопросу о том, затрагивает ли конкретизация только характеристики воспринимаемых стимулов, связанные напрямую со смыслом, или же

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-01119, <https://rscf.ru/project/25-18-01119/>

распространяется также на иррелевантные характеристики, такие как цвет, форма и локализация в пространстве. *Ключевые слова:* отождествление нетождественного, различение неразличимого, конкретизация, осознание, разрешение многозначности, двойственные изображения.

Познание основано на способности отождествлять нетождественное. Если бы каждый знак имел только одно значение, то значения нельзя было бы отождествлять между собой и логика была бы парализована (Frege, 1997). Но при этом отождествление требует и обратного процесса: различения неразличимого. Ведь даже отождествленные значения в сознании тем не менее остаются разными значениями и в другом контексте могли бы быть дифференцированы. Современные исследования показывают, что при восприятии многозначных стимулов (например, омонимов или двойственных изображений) осуществляется неосознаваемый выбор того, какую из интерпретаций воспринимаемого стимула осознавать (см. Dehaene, Changeux, 2011; Tal et al., 2014; O'Callaghan et al., 2017). А в концепции В. М. Аллахвердова прямо утверждается, что, воспринимая какой-либо объект, мы непременно определяем не только то, чем он является, но и то, чем он не является (Аллахвердов, 2021). В этой перспективе процессы различения не просто исключают из осознания отвергнутые альтернативы, но формируют контекст, в котором удерживается осознанная интерпретация («неизменные берега, куда мысль не может заплывать» (Аллахвердов, 2021)). Это наиболее очевидно в условиях разрешения многозначности, где требуется усиленная дифференциация наиболее релевантного значения, подлежащего осознанию, от конкурирующих с ним менее релевантных альтернатив. В этом случае система как бы вынуждена усиливать различие между осознаваемым содержанием и отвергнутыми альтернативами, делая осознаваемое значение более специфичным, защищенным от смысловых «вторжений». Означает ли это, что наличие неосознанной альтернативы сопровождается выбором более узкой, устойчивой интерпретации, ее большей

конкретизацией, — и если да, то с помощью какого механизма это осуществляется?

Проблема в том, что само понятие конкретизации нельзя измерить напрямую, но можно пытаться описать через эмпирические следствия, подлежащие экспериментальной проверке.

Так, можно предположить, что наличие конкурирующих за осознание значений может приводить к сужению семантического поля осознаваемого.

В этом случае проверяемым следствием может стать снижение числа свободных ассоциаций к осознаваемому значению при наличии конкурирующих альтернатив. Также могут быть проверены следствия о:

- сокращении численности классов, содержащих неосознаваемую двойственность, в задаче свободной сортировки объектов;
- увеличении выраженности прайминг-эффекта для осознаваемого значения неосознаваемой многозначности;
- повышении доступности и устойчивости осознаваемых значений неосознаваемой многозначности в памяти.

Эти и другие следствия мы проверяем в своих исследованиях, пытаюсь понять, затрагивает ли конкретизация только те характеристики, которые напрямую связаны со смыслом воспринимаемых стимулов, или она распространяется и на так называемые иррелевантные характеристики, такие как цвет, форма, локализация.

Ответы на эти вопросы позволят глубже понять, как процессы отождествления и различения устанавливают границы осознаваемого при восприятии многозначных стимулов.

Литература

- Аллахвердов В. М. Собрание сочинений в семи томах. СПб.: Владимир Даль, 2021. Т. 7.
- Фреге Г. Мысль: логическое исследование. Томск: Водолей, 1997.
- Dehaene S., Changeux J. P. Experimental and theoretical approaches to conscious processing // *Neuron*. 2011. V. 70. No. 2. P. 200–227.
- O'Callaghan C., Kveraga K., Shine J. M., Adams Jr R. B., Bar M. Predictions penetrate perception: Converging insights from brain,

behaviour and disorder // Consciousness and cognition. 2017. V. 47. P. 63–74.

Tal A., Bar M. The proactive brain and the fate of dead hypotheses // Frontiers in Computational Neuroscience. 2014. V. 8. Art. 138.

Влияние осознанного наблюдения за собственным состоянием на успешность решения задач

Н. М. Лаптева

Институт психологии РАН, Москва
n.m.lapteva@mail.ru

В работе описан пилотажный эксперимент, направленный на изучение когнитивных механизмов влияния практики осознанности на решение задач. Мы предположили, что осознанность усиливает внимание к телесным и эмоциональным сигналам в момент активации ключевого для решения задачи элемента памяти, повышая вероятность нахождения ответа. Экспериментальная группа между решениями двух наборов анаграмм проходила 5 тренировок осознанности, а контрольная группа делала перерыв. Результаты сравнения двух групп не показали значимого влияния тренинга на точность, время решения и на число решений, оцененных как инсайтные. Однако обнаружена тенденция к сокращению времени решения и росту числа инсайтов в первой части заданий, что обосновывает необходимость дальнейшего исследования с увеличением выборки.

Ключевые слова: осознанность, инсайт, эмоциональное состояние, сигнальная модель инсайта, анаграмма.

Выявление факторов, повышающих успешность решения мыслительных задач, является актуальной задачей для психологии. Одним из них является осознанность («Mindfulness»), под которой понимают способность произвольной безоценочной концентрации внимания на текущих событиях и ощущениях (Путовкина, Шильникова, 2014). Одна из наиболее известных технологий тренировки осознанности была направлена на снижение стресса (Kabat-Zinn, 1990), однако было показано, что она оказывает положительное влияние также на когнитивную сферу (Дьяков, Слонова, 2019) и креативность, что подтверждают метаанализы (Lebuda et al., 2016; Hughes et al., 2023).

Вопрос о когнитивных механизмах, лежащих в основе эффекта осознанности на креативность, все еще остается дискуссионным, его прояснение является целью нашего эксперимента. Наша теоретическая гипотеза опирается на сигнальную модель инсайта, согласно которой чувство инсайта является сигналом, указывающим на активацию ключевого для решения задачи элемента памяти. Мы полагаем, что осознанность может помочь решателю обращать больше внимания на это чувство, что способствует нахождению ответа (Валуева, Ушаков, 2015).

Гипотезы. Мы предположили, что в группе испытуемых с тренингом осознанности будет наблюдаться повышение успешности решения анаграмм, уменьшение времени их решения, а также увеличение числа ответов, оцененных испытуемыми как инсайтные, по сравнению с контрольной группой.

Методы. Испытуемыми пилотажного эксперимента были 63 человека ($M = 35,4$ года; $SD = 9,4$).

Для предъявления стимульного материала использовалась онлайн-платформа «PsyToolkit». Основное задание — 42 анаграммы, разделенные на 2 набора по 21 анаграмме. В экспериментальной группе между решением 2 наборов анаграмм проводился видеотренинг, состоящий из 5 видео с медитациями «Сканирование тела» длительностью 12–20 мин. Видео предъявлялись с помощью чат-бота в мессенджере «Telegram» таким образом, что 1 видео предъявлялось 1 раз в сутки. В контрольной группе между решением 2 наборов анаграмм был перерыв 5 дней без экспериментальных воздействий. После

решения каждой анаграммы испытуемые отчитывались о том, был ли у них инсайт. До и после решения анаграмм они заполняли опросник эмоционального состояния (Valueva, Lapteva, 2023).

Результаты. Были подсчитаны точность (доля верных решений) и время решения анаграмм, а также доля решений, оцененных как инсайтные. Для отслеживания динамики угасания эффекта тренинга все показатели считались отдельно для первой и второй половины задач. Сравнение групп испытуемых производилось при помощи двухфакторного дисперсионного анализа с повторными измерениями. По точности решения не было обнаружено статистически значимых различий между контрольной и экспериментальной группами по всем анаграммам ($p = 0,28$), по 1-й половине анаграмм ($p = 0,54$) и по 2-й половине ($p = 0,27$). По времени решения не было обнаружено различий по всем анаграммам ($p = 0,39$), по 1-й половине ($p = 0,12$) и по 2-й половине ($p = 0,78$). По инсайтности решений также не было выявлено различий по всем анаграммам ($p = 0,26$), по 1-й половине ($p = 0,1$) и по 2-й половине ($p = 0,69$).

Обработка результатов по опроснику эмоционального состояния показала, что в экспериментальной группе не было статистически значимого влияния видеотренинга на настроение ($p = 0,67$), внимательность ($p = 0,57$), тревожность ($p = 0,12$) и усталость ($p = 0,35$).

Обсуждение результатов. В пилотажном эксперименте выдвинутые нами гипотезы не подтвердились, отсутствовал эффект тренинга осознанности в отношении точности и времени решения анаграмм, а также в отношении оценки инсайтности решений. Однако необходимо обратить внимание на тот факт, что при решении первой половины анаграмм время решения в экспериментальной группе уменьшается по сравнению с контрольной, а инсайтность увеличивается, при этом уровень статистической значимости приближен к уровню тенденции. Также наблюдалась тенденция к снижению тревожности после тренинга. Эти данные представляют интерес и указывают на необходимость дальнейшего исследования с увеличением выборки.

Литература

- Валуева Е. А., Ушаков Д. В. Сигнальная модель инсайта: от исторических предпосылок к эмпирическим предсказаниям // Современные исследования интеллекта и творчества / Под ред. А. Л. Журавлёва, Д. В. Ушакова, М. А. Холодной. М.: ИП РАН, 2015. С. 15–47.
- Пуговкина О. Д., Шильникова З. Н. Концепция mindfulness (осознанность): неспецифический фактор психологического благополучия // Современная зарубежная психология. 2014. Т. 3. № 2. С. 18–28.
- Hughes Z., Ball L. J., Richardson C., Judge J. A meta-analytical review of the impact of mindfulness on creativity: Framing current lines of research and defining moderator variables // Psychonomic bulletin & review. 2023. V. 30. No. 6. P. 2155–2186.
- Kabat-Zinn J. Full catastrophe living: A practical guide to mindfulness, meditation, and healing. New York: Delacorte, 1990.
- Lebuda I., Zabelina D., Karwowski M. Mind full of ideas: A meta-analysis of the mindfulness–creativity // Personality and Individual Differences. 2016. V. 93. P. 22–26.

Неосознанное предвосхищение правильности/ошибочности решений в разных видах когнитивных задач*

И. Г. Скотникова

Институт психологии РАН, Москва
iris236@yandex.ru

В. М. Шендяпин

Институт психологии РАН, Москва
valsend@yandex.ru

Т. С. Князева

Институт психологии РАН, Москва
tknyazeva@inbox.ru

В сенсорно-перцептивных и музыкально-когнитивных задачах рассматриваются основные характеристики принятия решения: правильность/ошибочность, время и степень уверенности. В экспериментах авторов и других исследователей ошибочные решения оказались более медленными и чаще неуверенными, чем правильные. Неосознанная задержка и неуверенность ошибок соответствуют активности до их совершения нейронов-детерминаторов ошибок, а после совершения — нейронов-детекторов ошибок. Согласно нашей модели принятия решения и уверенности в сенсорно-перцептивных задачах, для идеального наблюдателя ошибки решений и их неуверенность — результат недостаточности накопленных информационных свидетельств (относительно оптимального критерия выбора решения).

Ключевые слова: принятие решения, ошибки решений, время и уверенность решений, сенсорно-перцептивные

* Исследование выполнено в рамках государственного задания № 0138–2025–0012.

и музыкально-когнитивные задачи, нейроны-детерминаторы и нейроны-детекторы ошибок, математическая модель, информационные свидетельства.

Основные характеристики принятия решения (ПР): правильность/ошибочность, время, степень уверенности (Luce, 1986; Fetch et al., 2014; цит. по: Скотникова, 2021). Мы изучаем эти характеристики и психологические механизмы когнитивных решений у человека и животных. В зрительных пороговых задачах ошибочные ответы человека более медленные и чаще не уверенные, чем верные. Т.е. перед ошибкой, не зная, что ошибется, он сомневается и потому медлит, а верно отвечает быстро и чаще уверенно, неосознанно предвосхищая правильность/ошибочность ответа (Скотникова, 2005).

Аналогичные факты получены на кинестетической модальности (Lubin et al., 1998), зрительной с другими стимулами и слуховой (неосознанное различение стимулов в зоне субъективного неразличения; Владыкина, 2009). Неосознанное предвосхищение ответа проявилось также в отрицательной аффективной оценке ошибочного ответа и положительной оценке верного (Четвериков, 2014). Положение критерия ПР маркирует соотношение осознаваемых и неосознаваемых компонентов имплицитного научения (Иванчей, 2015). Различия между стимулами не осознаются внутри сенсорно-перцептивных категорий, но могут осознаваться с изменением категоризации (Карпинская, 2015). Эти переходы от неосознанного к осознанному на всех уровнях когнитивной сферы изучаются в школе В. М. Аллахвердова (2021).

В музыкально-когнитивных задачах чем точнее, тем быстрее и чаще уверенно участники отмечали эмоционально-смысловые изменения в музыкальных отрывках. Точность оценивалась по степени согласованности их меток и экспертных. Эмоциональные паттерны выступают аналогами сенсорных сигналов, их распознают как смысловые коды лица с развитой эмоционально-смысловой музыкальностью (Князева, 2025).

В мозгу обнаружены нейроны-детерминаторы и нейроны-детекторы ошибок, активирующиеся перед ошибкой и после

нее соответственно. Текущее состояние постоянно сравнивается с моделью в памяти. При их рассогласовании активируются те и другие нейроны, а у человека возникает дискомфорт, ощущение, что он что-то забыл, или иная реакция на неверное поведение (Bechtereva et al., 2005).

Даже рыбки данио минимизируют ошибки прогнозирования будущего состояния, что улучшает избегание ими опасности в виртуальной среде; даны ссылки на 6 статей о нейронных субстратах прогнозирования и его ошибок у животных (Torigoe et al., 2021).

Большая частота верных решений среди уверенных обоснована в модели ПР в сенсорно-перцептивных задачах и подтверждена в эксперименте (Шендяпин, Скотникова, 2015). В парадигме Байеса показано, что идеальный наблюдатель принимает решение на основе информационного свидетельства (генерируемой при восприятии неосознаваемой переменной) и оптимального критерия ПР, определяемого потерями при ошибках и выигрышами при верных ответах. Выбор верного ответа зависит от величины и знака отклонения свидетельства от критерия. Отклонение субъективно переживается как степень уверенности (Ув) в правильности ответа, осознаваемой при требовании ее оценить. Чем оно больше, тем выше Ув и вероятность правильности ответа.

Экспериментально выделены «Ув в процессе решения» и «Ув после решения» (Petrušić, Baranski, 2000; цит. по: Скотникова, 2021). Мы развели первичное переживание неосознанной «Ув»: субъективный индикатор того, какой вариант решения выбрать, и вторичную осознанную Ув: субъективную оценку правильности принятого решения. Т.е. в наблюдении вначале появляется «Ув во время решения» (в модели это соответствует свидетельству до сравнения с критерием), затем «Ув после решения» (величина отклонения свидетельства от критерия).

Решения, основанные на четких сенсорных сигналах и эмоциональных смыслах, требуют минимальной когнитивной обработки. А ошибки возникают при нечетко определенных критериях и слабых входных сигналах, что повышает время

накопления свидетельств при наблюдении и снижает точность оценки Ув после ПР. Видимо, и в сложные когнитивные решения в искусстве включены базовые механизмы: накопление свидетельств, априорная оценка величин оптимальных критериев ПР, сравнение накопленных свидетельств с критериями.

Литература

- Скотникова И. Г. Экспериментальное исследование уверенности в решении сенсорных задач // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 3. С. 84–99.
- Скотникова И. Г. Принятие решения — ключевое звено психической деятельности // Разработка понятий в современной психологии. 2021. Т. 3. С. 162–200.
- Шендяпин В. М., Скотникова И. Г. Моделирование принятия решения и уверенности в сенсорных задачах. М.: ИП РАН, 2015. 201 с.
- Bechtereva N. P., Shemyakina N. V., Starchenko M. G., Danko S. G., Medvedev S. V. Error detection mechanisms of the brain: Background and prospects // International journal of psychophysiology. 2005. V. 58. No. 2–3. P. 227–234.
- Torigoe M., et al. Zebrafish capable of generating future state prediction error show improved active avoidance behavior in virtual reality // Nature Communications. 2021. V. 12. No. 1. P. 5712.

Граница осознаваемых и неосознаваемых процессов при решении мнемической задачи

Л. В. Черемошкина

Независимый исследователь, Москва

LVCH2007@yandex.ru

Обобщенные результаты исследования качественного своеобразия мнемических способностей лиц разного возраста (от 7 лет до 80) позволили рассматривать временной интервал до 4 с в качестве периода неосознаваемого (относительно неосознаваемого) анализа дискретно предъявляемой фигуры из четырех пересекающихся линий. Совокупный объем выборки за период исследований с 1984 по 2019 г. составил около 1900 человек. Границей осознаваемого и неосознаваемого (относительно неосознаваемого) анализа при запоминании невербального бессмысленного материала, состоящего из четырех пересекающихся линий, предъявляемого по 1 с, можно считать 4 с.

Ключевые слова: граница, осознаваемый анализ, неосознаваемый (относительно неосознаваемый) анализ, невербальный бессмысленный материал, метод развертывания мнемической деятельности.

Дискретное предъявление невербального бессмысленного материала для запоминания позволяет исследовать взаимодействие осознаваемых и относительно неосознаваемых перцептивно-мнемических процессов. Двойственный характер психического отражения в теории Я. А. Пономарёва рассматривается как сущностное его свойство (Пономарёв, 1976). Различные режимы функционирования когнитивных процессов обеспечивают многоуровневость индивидуального опыта (Ушаков, 2010). Интуитивный и сознательный опыт взаимодействуют в зависимости от произвольного запроса и условий его реализации. Как правило, механизмы интуитивного

(неосознаваемого) решения и целенаправленного поиска рассматриваются как дихотомические механизмы или как бинарная оппозиция. С помощью метода развертывания мнемической деятельности можно исследовать микрогенез процессов от неосознаваемого (относительно неосознаваемого) до осознаваемого перцептивно-мнемического анализа сигнала.

Обобщенные результаты исследования качественного своеобразия мнемических способностей лиц разного возраста (от 7 лет до 80) позволили рассматривать временной интервал до 4 с в качестве периода неосознаваемого (относительно неосознаваемого) анализа дискретно предъявляемой фигуры из четырех пересекающихся линий. Совокупный объем выборки за период исследований с 1984 по 2019 г. составил около 1900 человек. Критерии выделения условной границы осознаваемого и неосознаваемого (относительно неосознаваемого) анализа дискретно предъявляемого невербального бессмысленного материала: 1) наличие сенсорно-перцептивной или понятийно-смысловой категоризации стимула по ответам испытуемых; 2) наличие осознанного запоминания как конструирования целостного предметного образа фигуры из четырех пересекающихся линий по результатам сравнительного анализа ее изображений и самоотчетов; 3) наличие правильного повторного воспроизведения фигуры (без дополнительной экспозиции) через 5–10 мин. после правильного запоминания; 4) отсутствие различий в ответах о предмете и способах запоминания у справившихся с заданием и тех, кто не сумел достичь результата за 1–4 сек.; 5) данные ретестирования 11–12-летних испытуемых с интервалом в шесть месяцев, показывающие: запоминание фигуры из четырех пересекающихся линий совершается с опорой на природную основу мнемических способностей; 6) результаты срисовывания фигуры из четырех пересекающихся линий лицами разных возрастов после ее правильного воспроизведения.

Литература

Ушаков Д. В. Платонов парадокс и структурно-уровневая концепция творчества // Психология интеллекта и творчества: традиции и инновации. М.: ИП РАН. 2010. С. 67–79.

- Черемошкина Л. В.* Память и природа психики. М.: ИНФРА-М, 2025. 356 с.
- Черемошкина Л. В.* Обработка и запоминание невербального бессмысленного материала при ограничении времени экспозиции // Сенсорные системы. 2022. Т. 36. № 4. С. 322–337.
- Cheremoshkina L. V.* Processing and memorization of meaningless nonverbal material in conditions of limited exposure time // Neuroscience and Behavioral Physiology. 2023. V. 53. No. 6. P. 1002–1013.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА

Пупиллометрия как психофизиологический метод исследования креативности у детей с нарушениями речи

Н. И. Алиева

Детский реабилитационный центр, Рига, Латвия
nataljaalijeva@inbox.lv

Пупиллометрия — психофизиологический метод изучения реакций зрачка. Зрачок — это круглое отверстие в центре радужки, через которое свет попадает на сетчатку. В представленной статье будут описаны промежуточные результаты пупиллометрии, полученные во время исследования креативности у детей в возрасте от четырех до шести лет с различными нарушениями речи. В исследовании приняли участие шестьдесят человек — экспериментальная группа и тридцать человек — контрольная группа. Исследование проводилось при помощи айтрекинга — видеокамеры системы Eyegaze Analysis System (Система анализа движения глаз), LC Technologies, Inc. (США), которая подсвечивает роговицу глаза. Все результаты занесены в сводную таблицу.

Ключевые слова: пупиллометрия, айтрекинг, креативность, сужение и расширение зрачка, движение глаз.

В рамках изучения формирования модели психического у детей в дошкольном возрасте с различными нарушениями речи была использована психофизиологическая методика — пупиллометрия, представляющая интерес не только с точки зрения понимания детьми обращенной речи, но и развития у них креативности. Исходя из знаний о межполушарной асимметрии и корреляции колебания диаметра зрачка с психоэмоциональным состоянием человека, при помощи айтрекинга — инфракрасной камеры — было проведено исследование с детьми, не понимающими обращенную речь, понимающими

ее в малом объеме или выборочно, но имеющими по предыдущим исследованиям (прогрессивные матрицы Равена) высокий процент невербального интеллектуального развития и взаимодействия.

В рамках исследования детям предлагались задания на понимание обращенной речи и творческие задания. При этом все испытуемые находились в равных условиях (присутствие родителей, освещенность помещения и монитора компьютера, степень эмоционального возбуждения на момент проведения эксперимента, длительность ночного или дневного сна, прием пищи, неврологический статус), отличались по возрасту.

На экране монитора появлялась картинка, в центре которой изображен мальчик, в нижнем правом углу — конфета, в верхнем левом — машинка. Взгляд мальчика направлен на конфету. Ребенку был задан вопрос: «Что хочет мальчик?» Неговорящему малышу, при условии, что он понял задание на слух, необходимо было посмотреть на конфету (правильный ответ). За направлением взгляда ребенка неотрывно следила инфракрасная камера, которая регистрировала не только время фиксации взгляда ребенка на правильном или неправильном варианте ответа, но и выполняла замеры зрачка, записывала время его расширения и сужения. По такому же принципу детям были представлены еще две картинки на мониторе компьютера и заданы вопросы на понимание обращенной речи и формирование модели психического. В результате этого эксперимента мы выяснили, что у всех детей с нарушениями экспрессивной и импрессивной речи независимо от возраста зрачок расширялся в момент показа новой картинки (нового задания) через три секунды и через десять секунд сужался до своего первоначального состояния (физиологическая функция — реакция на новизну). Практически все дети на этапе работы в этой части эксперимента выполнили задание неверно. Однако, когда мы приступили ко второй части, где необходимо было выполнить творческое задание — сложить машинку из изображенных на экране частей, затем раскрасить, камера фиксировала расширение зрачка более длительный период времени. Дети проявляли активность, сосредоточенность и повышенный интерес

к выполнению задания независимо от возраста. По полученным в результате проведения эксперимента данным был высчитан индекс когнитивной активности. Он рассчитывался по числу быстрых расширений зрачка за определенный период времени относительно среднего диаметра зрачка и позволял дифференцировать расширение зрачка в результате влияния света от расширения зрачка в результате когнитивной нагрузки.

Заключение. Из вышесказанного был сделан предварительный вывод, что расширение зрачка связано с повышенной церебральной активностью ребенка, при этом проявляется произвольная зрительная активность (ребенок смотрит на предмет, интересуется заданием, ищет что-то конкретное, сохраняет повышенное внимание, прикладывает определенные когнитивные усилия для решения задачи, осуществляет сиюминутный контроль). Таким образом, степень расширения зрачка коррелирует со степенью усилия и эмоциональной составляющей (интересом и пониманием задания, творческим процессом), которые ребенок затрачивает для выполнения поставленной задачи. Данный эксперимент будет продолжаться и уточняться в рамках написания диссертации.

Литература

- Девятко И. Ф., Богданов М. Б., Лебедев Д. В.* Динамика диаметра зрачка как индикатор когнитивной нагрузки респондента: методический эксперимент по сравнению CASI и P&PSI вопросников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 1. С. 36–49.
- Ошоров А. В., Александрова Е. В., Мурадян К. Р., Сосновская О. Ю., Соколова Е. Ю., Савин И. А.* Пупиллометрия как метод мониторинга фотореакции в нейрореанимации // Вопросы нейрохирургии им. Н. Н. Бурденко. 2021. Т. 85. № 3. С. 117–123.
- Походай М. Ю., Бермудес-Маргаретто Б., Штыров Ю. Ю., Мячиков А. В.* Методика айтрекинга в психолингвистике и параллельная регистрация с ЭЭГ // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. 2022. Т. 72. № 5. С. 609–622.
- Пучкова А. Н., Ткаченко О. Н., Дорохов В. Б.* Специфика динамики размера зрачка в процессе работы с арифметическими

задачами // Социально-экологические технологии. 2017. № 3. С. 80–91.

Steinhauer S. R., Siegle G. J., Condray R., Pless M. Sympathetic and parasympathetic innervation of pupillary dilation during sustained processing // International journal of psychophysiology. 2004. V. 52. No. 1. P. 77–86.

Влияние экспериментального музыкального направления «алеаторика» на психофизиологическое состояние здоровых мужчин и женщин

О. С. Булгакова

Научно-практический центр «Психосоматическая
нормализация», Санкт-Петербург
bulgak_os@mail.ru

С. А. Буркова

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург
nrcpcn@gmail.com

При воздействии музыкального направления «алеаторика» можно видеть достоверные отличия в психофизиологических параметрах. Достоверно выросли цифры уровня реактивной тревожности у девушек по сравнению с фоном; наблюдаются признаки межсистемного рассогласования. Все это демонстрирует изменение психофизиологического состояния девушек в сторону дезадаптационных проявлений. На фоне недостоверного уменьшения тревоги у молодых людей наблюдается достоверное увеличение порога болевой чувствительности; обратная корреляция

изменений артериального систолического и диастолического давления носит не ярко выраженный характер. У всей выборки достоверно снизился уровень мотивации к проведению подобного рода экспериментов, что является достоверным показателем изменения психического состояния студентов.

Ключевые слова: психофизиологические параметры, функциональное состояние, алеаторика.

Для проведения данной работы была выбрана экспериментальная музыка — «алеаторика», которую слушали с применением наушников в течение часа. Стимулы окружающей среды были резко ограничены, поза свободной. Были обследованы 46 студентов, возраст $20,1 \pm 0,4$ года.

Методы и алгоритм исследования: 1) наблюдение за исследуемыми в течение эксперимента — оценивались мотивация к проведению исследования, поведение, активность, уровень возбуждения. За единицу (1 балла) принимался показатель поведения в группе на обычном семинарском занятии в данной аудитории, с данным преподавателем, в то же самое время суток; 2) тест на определение уровня реактивной тревожности; 3) измерение артериального давления стандартным способом; 4) субъективное время; 5) измерение порога болевой чувствительности с помощью алгезиметра, кг/мм². Тесты и измерения проводились дважды: в фоне и после музыкального воздействия.

Результаты и обсуждение. В начале занятия все студенты были мотивированы к проведению нетрадиционного занятия ($1,0 \pm 0,0$ б.), активны ($1,1 \pm 0,4$ б.), немного возбуждены ($1,4 \pm 0,2$ б.), отличались достаточно спокойным поведением ($1,1 \pm 0,4$ б.) и рабочим настроением. 30% студентов заснули через 20 минут после начала эксперимента; 50% не спали, спокойно слушали музыку; поведение оставшихся 20% студентов было беспокойным на протяжении всего эксперимента.

Через 45 минут после начала прослушивания 30% студентов начали беспокоиться (из них 50% молодые люди, 50% девушки).

Результаты наблюдения после проведения эксперимента следующие: 1) постфоновая мотивация к проведению подобных занятий $0,6 \pm 1,2$ б.; 2) активность $0,7 \pm 0,3$ б.; 3) уровень возбуждения — средний показатель $0,5 \pm 0,2$ б., но у 11% молодых людей проявилось резкое негативное отношение к этой музыке, а у 9% студенток, наоборот, резкое позитивное отношение; 4) поведение — на прежнем уровне.

Средняя фоновая реактивная тревожность у молодых людей была $25,0 \pm 0,1$ б., стала $23,0 \pm 0,01$ б., у девушек в фоне — $27,0 \pm 0,2$ б., после воздействия музыки — $38,1 \pm 0,02$ б. Субъективное время девушек соответственно $56,3 \pm 0,4$ сек и $43,7 \pm 0,4$ сек, у юношей — $51,4 \pm 0,7$ сек и $43,9 \pm 0,6$ сек.

Среднее значение артериального давления молодых людей до музыкальной нагрузки было $120,0 \pm 0,2/88,0 \pm 0,2$ мм рт. ст., после музыкальной нагрузки стало $122,5 \pm 2,1/82,5 \pm 1,3$ мм рт. ст. Среднее значение артериального давления девушек до музыкальной нагрузки было $110,0 \pm 0,3/80,0 \pm 0,1$ мм рт. ст., после музыкальной нагрузки стало $116,3 \pm 1,1/72,5 \pm 1,1$ мм рт. ст. Обращает на себя внимание тенденция увеличения систолического давления и понижения диастолического давления. Это является показателем межсистемного рассогласования.

Уровень болевого порога в фоне у молодых людей составляет $1,8 \pm 0,2$ кг/мм², после воздействия музыки $3,4 \pm 1,2$ кг/мм². Этот же показатель в фоне у девушек — $2,2 \pm 0,1$ кг/мм², после — $2,9 \pm 1,2$ кг/мм². Таким образом, степень изменения болевого порога у девушек составляет всего 24% от первоначального, а у молодых людей — 56% в сторону увеличения.

Заключение. Достоверно выросли цифры уровня реактивной тревожности у девушек по сравнению с фоном; наблюдаются признаки межсистемного рассогласования (обратная корреляция изменения артериального систолического и диастолического давления), что является показателем напряжения работы адаптивных механизмов защиты. Все это демонстрирует изменение психофизиологического состояния девушек в сторону дезадаптационных проявлений.

На фоне недостоверного уменьшения тревоги у молодых людей наблюдается достоверное увеличение порога болевой

чувствительности; обратная корреляция изменений артериального систолического и диастолического давления носит не ярко выраженный характер. Все это демонстрирует состояние мобилизации и готовности к преодолению неблагоприятных условий, в которые попал организм.

У всей выборки достоверно снизился уровень мотивации к проведению подобного рода экспериментов, что является достоверным показателем изменения психического состояния студентов и подтверждается тестом «Субъективное время».

Литература

Хегай М. Д., Сибилев О. П., Булгакова О. С. Изменение психофизиологических параметров под воздействием музыки разного ритма, мелодики, тональности // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* 2015. № 7. Ч. 1. С. 133–136.

Вызванные потенциалы при решении арифметических и логических задач, корреляция успешности их решения с показателями креативности*

В. А. Галкин

Институт эволюционной физиологии и биохимии
им. И. М. Сеченова РАН, Санкт-Петербург
30galkin98@gmail.com

Ж. В. Нагорнова

Институт эволюционной физиологии и биохимии
им. И. М. Сеченова РАН, Санкт-Петербург
nagornova_zh@mail.ru

В работе представлены результаты психофизиологического исследования решения арифметических и логических задач подростками. Целью исследования было сравнить вызванные потенциалы при решении арифметических и логических задач на дискриминацию верного/неверного ответа и провести анализ связи креативности по показателям теста альтернативного использования и результативности выполнения задач. Было получено, что при предъявлении верного ответа по сравнению с ошибочным в арифметических задачах была большая амплитуда компонента P300, а в логических — компонента N200. Также успешность дискриминации верного ответа в арифметическом задании обратно коррелировала с беглостью (кол-во ответов) и гибкостью (разнообразие ответов) в тесте на альтернативное использование.

Ключевые слова: ЭЭГ, ВП, креативность, логика, арифметика, АУТ.

* Исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-00263-25-00.

ЭЭГ/ВП широко используется как для изучения креативности (Shemyakina, Nagornova, 2023), так и для изучения математического мышления (Grenier et al., 2020). Однако в исследованиях математического мышления в основном опираются на «арифметические» и «геометрические» аспекты, мало затрагивая математическую логику, и хотя исследования решения логико-математических задач тоже проводятся (Иваницкий, 1997), непосредственное сравнение процессов решения арифметических и логических задач все еще представляет интерес.

В исследовании приняли участие 20 добровольцев (м/ж, 15–17 лет), ЭЭГ регистрировали монополярно от 19 отведений, расположенных по системе «10–20» электроэнцефалографа SmartBCI24 (ООО «Мицар», Россия) в полосе пропускания от 0,53–150 Гц, с режекторным фильтром 50 Гц, с частотой оцифровки 250 Гц, с использованием программного пакета WinEEG (В. А. Пономарёв, Ю. Д. Кропотова, гос. рег. № 2001610516 от 05/08/2001). Референтом служил объединенный ушной электрод, заземляющий электрод был расположен в передне-центральной отведении. Импеданс не превышал 5 кОм. Данные отфильтровывались в полосе 0,53–30 Гц, артефакты горизонтальных и вертикальных движений глаз корректировались методом пространственной фильтрации путем обнуления соответствующих независимых компонентов ЭЭГ (Vigario, 1997). Статистический анализ ВП проводился в программе WinEGG при помощи основанного на кластерах анализа с перемешиванием (Maris, Oostenveld, 2007)

Перед ЭЭГ/ВП исследованием доброволец проходил тесты на креативность (тест альтернативного использования (Е. Торренс 1983 г., адаптация Туник 1998 г.)) и интеллект (Д. Равен 1947 г., адаптация 1996 г.). ЭЭГ/ВП исследование состояло из арифметического и логического заданий. Они были организованы в пробы, предъявлявшийся в текстовом виде. С 300-й по 2700-ю мс предъявлялось условие (пример: 5×25 — арифметическое; САША ВЫШЕ ПЕТИ, ПЕТЯ ВЫШЕ ВАНИ — логическое), с 4000-й по 5400-ю мс ответ (пример: 125 — арифметическое; САША ВЫШЕ ВАНИ — логическое), после предъявления ответа испытуемый должен был нажать

на кнопку если он верный (утверждение истинно в логическом задании), и не нажимать, если неверный (утверждение ложно в логическом задании), общая длительность пробы составляла 5700 мс. В каждом из заданий было по 40 примеров/условий, каждое из которых предъявлялось по разу с верным и неверным ответом, таким образом, в каждом из заданий было по 80 проб.

В среднем при дискриминации верного ответа в математическом задании добровольцы реагировали правильно в 81 % случаев, с временем реакции 682,47 мс, при дискриминации неверных — в 82 % случаев. В логическом задании: при дискриминации верного ответа в 65 % случаев с временем реакции 1147,93 мс, при дискриминации неверного ответа в 77 % случаев. При проведении корреляционного анализа было отмечено, что в математическом задании количество верных дискриминаций верного ответа обратно коррелировало с беглостью ($Z = -0,66$), гибкостью ($Z = -0,63$) и суммарной оригинальностью ($Z = -0,74$) в тесте альтернативного использования. В логическом задании количество верных дискриминаций как верного, так и неверного ответа коррелировало с результатами теста на интеллект ($Z = 0,53$ и $Z = 0,68$ соответственно).

Анализ ВП показал, что в арифметических задачах наблюдалась бóльшая амплитуда компонента P300 в случае предъявления верного ответа на промежутке 276–384 мс, с максимумом в центральном теменном отведении (Pz; 7,325 мкВ). А в логических задачах более негативная амплитуда компонента N200 в случае предъявления верного утверждения на промежутке 140–216 мс, с максимумом в центральном лобном отведении (Fz; -3,205 мкВ).

Полученные данные показывают, что в случае решения математических задач испытуемые показывали стандартную реакцию на целевой стимул (P300 (Luck, Karemann 2012)), в то время как более негативная амплитуда компонента N200 в случае предъявления верного ответа в логическом задании может говорить о том, что у добровольцев активнее происходили процессы сопоставления памяти (Luck, Karemann, 2012).

Литература

- Иваницкий Г. А. Распознавание типа решаемой в уме задачи по нескольким секундам ЭЭГ с помощью обучаемого классификатора // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. 1997. Т. 47. № 4. С. 743–747.
- Grenier A. E., Dickson D. S., Spark C. S., Wicha N. Y. Y. Meaning to multiply: Electrophysiological evidence that children and adults treat multiplication facts differently // Developmental cognitive neuroscience. 2020. V. 46. Art. 100873.
- Kappenman E., Luck S. Commonly studied ERP components // The Oxford Handbook of Event-Related Potential Components. Oxford University press. 2012. P. 143–190.
- Maris E., Oostenveld R. Nonparametric statistical testing of EEG- and MEG-data // Journal of Neuroscience Methods. 2007. V. 164. No. 1. P. 177–190.
- Nagornova Zh., Shemyakina N. Neurophysiology of creativity in conditions of competitive social interaction: data of EEG hyperscanning study // Genes & Cells. 2023. V. 18. P. 625–628.

Оценка эффекта одной сессии альфа-нейробиоуправления на спектральные характеристики выполнения задания на альтернативное использование у подростков 15–17 лет*

А. В. Грохотова

Институт эволюционной физиологии и биохимии
им. И. М. Сеченова РАН, Санкт-Петербург
anya.annie@yandex.ru

Н. В. Шемякина

Институт эволюционной физиологии и биохимии
им. И. М. Сеченова РАН, Санкт-Петербург
shemyakina_n@mail.ru

Исследование эффекта одной нБОС/SHAM сессии у 24 подростков (15–17 лет) (тестовая (нБОС) и контрольная (SHAM) группы) показало: а) группы не различались перед тренировкой; б) снижение мощности в бета-2-диапазоне при закрытых глазах у тестовой группы после нБОС по сравнению с контрольной; в) уменьшение мощности в дельта-диапазоне в лобно-височных областях и увеличение мощности в альфа-2-диапазоне при открытых глазах отдельно у тестовой группы. В SHAM-группе изменений после прохождения фиктивной тренировки нет. При выполнении АУТ в тестовой группе после нБОС: десинхронизация в диапазоне 17,5–30 Гц (220–300 мс, лобные зоны) и синхронизация в диапазоне 4–9,8 Гц (540–1400 мс, лобные зоны). В контрольной группе: синхронизация в диапазоне 9,5–26 Гц (520–760 мс, центральные и лобные зоны).

* Исследование выполнено в рамках государственного задания № 075–00264–24–00.

Ключевые слова: творческая деятельность, нейробиоуправление/биологическая обратная связь (нБОС), электроэнцефалография (ЭЭГ), вызванные потенциалы (ВП), тест на альтернативное использование (Alternative Uses Task, AUT).

В работах, посвященных изучению ЭЭГ характеристик во время выполнения творческой деятельности (Benedek et al., 2011; Mölle et al., 1999), преимущественно показано, что при большей/лучшей результативности и просто при выполнении творческих задач в сравнении с контрольными к ним может происходить увеличение мощности альфа-ритма. Направленная тренировка управления ритмами ЭЭГ возможна в задачах с биологической обратной связью — данный метод позволяет человеку научиться контролировать биоэлектрическую активность своего мозга, а в случае только БОС — биологической обратной связи — другие функции своего организма (Clinical applications..., 1979).

Вербальная творческая задача на альтернативное использование (Alternative Uses Task, AUT) (Guilford, 1967) предполагает нахождение большого количества возможных решений и является заданием на дивергентное мышление. В нашем исследовании методика адаптирована под парадигму исследования вызванных потенциалов (ВП) — многократного предъявления стимулов, при которой участник устно выполняет задание во время записи ЭЭГ/ВП.

ЭЭГ регистрировали монополярно от 19 или 31 отведений (использовали гелевые электроды, расположенные по системе 10–20) мобильных энцефалографов SmartBCI24 или SmartBCI32 (ООО «Мицар», Санкт-Петербург) в программном пакете WinEEG (Пономарёв В. А., Кропотов Ю. Д., № государственной регистрации 2001610516 от 08.05.2001), в полосе DC-150 Гц с частотой дискретизации 250 Гц, режекторным фильтром 50 Гц. Объединенный референт располагался на мочках обеих ушей, электрод «земля» располагался между Fpz и Fz.

Данные анализировали в полосе 0,53–30 Гц. Артефакты удаляли методом пространственной фильтрации (Vigário, 1997),

исключая фрагменты с амплитудами > 35 мкВ (0–2 Гц, 20–35 Гц) и > 100 мкВ.

Достоверных различий между группами при открытых/закрытых глазах до тренировки не было. После нБОС в состоянии закрытых глаз обнаружено снижение мощности в бета-2-диапазоне в тестовой группе (Т5, Р3, Р4, Т6, О1, О2; $F_{18,396} = 2,3$; $p < 0,05$) по сравнению с группой SHAM. Это может свидетельствовать о более расслабленном состоянии испытуемых тестовой группы после прохождения тренировки и о влиянии альфа-тренинга на характеристики состояния испытуемых.

В тестовой группе после нБОС выявлены: увеличение мощности в альфа-2 (открытые глаза): $F_{1,11} = 9,2$; $p < 0,05$ и уменьшение мощности в дельта-диапазоне (закрытые глаза): взаимодействие СОСТОЯНИЕ \times ЗОНА ($F_{18,198} = 3,5$; $p < 0,001$) в лобно-височных отведениях — что, вероятно, характеризует эффект тренировки, направленной на увеличение мощности индивидуально-го альфа-ритма испытуемого, так как в контрольной группе различий спектральной мощности после SHAM-тренировки по сравнению с состоянием до выявлено не было.

При выполнении АУТ после нБОС и SHAM тренировки по сравнению с состоянием до у тестовой группы наблюдалась десинхронизация 17,5–30 Гц (220–300 мс, лобно-центральные области) и синхронизация 4–9,8 Гц (540–1400 мс, лобные зоны), у контрольной группы наблюдалась: синхронизация 9,5–26 Гц (520–760 мс, лобно-центральные отведения).

Полученные только внутригрупповые различия и отсутствие межгрупповых различий при анализе вызванной синхронизации/десинхронизации могут быть обусловлены различиями эффектов настоящей и фиктивной тренировки и большим количеством инсайтов у тестовой группы после прохождения тренировки.

Литература

Benedek M., et al. EEG alpha synchronization is related to top-down processing in convergent and divergent thinking // *Neuropsychologia*. 2011. V. 49. No. 12. P. 3505–3511.

Clinical applications of biofeedback: appraisal and status / Ed. by R. J. Gatchel, K. P. Price. Pergamon general psychology series, 1979.

Guilford J. P. The nature of human intelligence. New York: McGraw-Hill, 1967.

Mölle M., et al. EEG complexity and performance measures of creative thinking // *Psychophysiology*. 1999. V. 36. No. 1. P. 95–104.

Vigário R. N. Extraction of ocular artefacts from EEG using independent component analysis // *Electroencephalography and clinical neurophysiology*. 1997. V. 103. No. 3. P. 395–404.

**Преодоление фиксации на неверной
репрезентации и реструктурирование
задачи при решении анаграмм:
фМРТ исследование***

М. В. Киреев

Институт мозга человека им. Н. П. Бехтеревой
РАН, Санкт-Петербург
kireev@ihb.spb.ru

Н. В. Морошкина

Институт мозга человека им. Н. П. Бехтеревой
РАН, Санкт-Петербург
moroshkina.n@gmail.com

Е. И. Павлючик

Институт мозга человека им. Н. П. Бехтеревой
РАН, Санкт-Петербург
lena.pavlyuchik@yandex.ru

Р. С. Машарипов

Институт мозга человека им. Н. П. Бехтеревой
РАН, Санкт-Петербург
masharipov@ihb.spb.ru

А. Д. Коротков

Институт мозга человека им. Н. П. Бехтеревой
РАН, Санкт-Петербург
korotkov@ihb.spb.ru

Настоящее фМРТ исследование было посвящено выявлению и описанию закономерностей активности головного мозга человека, связанной с обеспечением психологических

* Работа выполнена в рамках государственного задания ИМЧ РАН (125030703331-8).

процессов, являющихся важными компонентами инсайтной стратегии решения задач: преодоления фиксации на неверной подсказке и перехода к генерации верного решения (переструктурирования). В качестве тестового задания была использована задача по решению шестибуквенных анаграмм двух видов — с ложными подсказками, моделирующими ситуацию фиксации на неверном решении, и без подсказок. Кроме того, впервые нами применялось контрольное условие с ложными подсказками к анаграммам, не имеющим решения. В результате анализа фМРТ данных 36 здоровых праворуких испытуемых были получены новые данные, которые позволили дифференцировать эффекты изменения активности префронтальной и теменной коры мозга человека относительно предполагаемых процессов преодоления фиксации на неверном решении и переструктурирования, являющихся ключевыми психологическими операциями, связанными с инсайтом. *Ключевые слова:* инсайт, переструктурирование, функциональная МРТ, префронтальная кора, теменная кора.

Несмотря на активный рост числа исследований последних лет, посвященных изучению психологических механизмов инсайтного решения задач, его нейрофизиологические механизмы по-прежнему остаются малоизученными. Чаще всего под инсайтом понимается обнаружение решения вследствие переструктурирования (смены репрезентации) решаемой проблемы после некоторого периода тупика (Ohlsson, 1992). Состояние тупика, в свою очередь, может быть вызвано предварительной фиксацией на неверной репрезентации задачи или способе ее решения.

В настоящей работе предпринята попытка выявить и описать активность мозга, связанную с процессами преодоления фиксации на неверной подсказке, с одной стороны, и перехода к генерации верного решения (переструктурирования) — с другой. Одним из популярных тестовых заданий в исследованиях инсайта является решение анаграмм, которое позволяет искусственно создавать условия для появления инсайтной стратегии

решения задачи. При этом для создания фиксации на неверной репрезентации анаграммы может использоваться подсказка, когда часть букв анаграммы образует слово, не соответствующее решению анаграммы. Тогда корректное решение анаграммы будет зависеть от двух процессов, которые ассоциируются с когнитивными механизмами инсайта, — подавлением неверной репрезентации и переструктурированием проблемы для поиска правильного варианта решения. При этом, для того чтобы дифференцировать процессы подавления неверной репрезентации и переструктурирования, необходимо использовать такой тип экспериментального условия, при котором попытки подавления ложной подсказки тем не менее не будут приводить к нахождению решения. Вариантом такого типа условия является предъявление принципиально нерешаемых анаграмм с ложной подсказкой, который, ранее не использовался в исследованиях инсайта, поскольку в таком условии в рамках психологического исследования невозможно получение интерпретируемых поведенческих данных. Однако такое ограничение может быть преодолено в рамках психофизиологического фМРТ исследования, которое принципиально позволяет дифференцировать активность мозга, связанную с гипотетическими психологическими операциями преодоления действия неверной репрезентации (подсказки) и переструктурирования (как успешного, так и нет).

Таким образом, с целью преодоления вышеуказанного ограничения на 36 здоровых праворуких испытуемых нами было проведено фМРТ исследование, в котором в качестве тестового задания был использован ранее разработанный экспериментальный макет с решением шестибуквенных анаграмм (Amalainen, Moroshkina, 2021) с разными вариантами подсказок: 1) имеющие решение шестибуквенные анаграммы с ложными подсказками (подсказка из пяти букв образует слово на букву короче анаграммы — 1-й тип условия); 2)-й анаграммы с ложными подсказками, но не имеющие решения, — 2-й тип условия; 3)-й решаемые шестибуквенные анаграммы без подсказки (предъявлялся набор из 5 букв, которые невозможно было прочесть как слово) — 3-й тип условия. Пятибуквенная подсказка использовалась для создания условий фиксированности

на неверном решении анаграммы, которую необходимо преодолеть для нахождения решения. Использование подсказки аналогичного типа в условии с анаграммами, не имеющими решения, позволяло создать контрольное условие для сопоставления с тестовыми условиями 1-го типа, что дало возможность выявить структуры головного мозга, предположительно связанные с процессами смены репрезентации решаемой проблемы, ведущими к нахождению решения анаграммы после преодоления фиксации на неверном решении.

В результате проведенного исследования удалось продемонстрировать, что преодоление фиксации на неверном решении анаграмм связано с увеличением активности нижней и средней извилин префронтальной коры и надкраевой извилины левого полушария головного мозга человека. При этом с процессами переструктурирования (генерации верного решения) связано увеличение BOLD сигнала средней лобной извилины и надкраевой извилины теменной коры правого полушария. Полученные результаты впервые позволяют уточнить предполагаемую роль структур префронтальной и теменной коры мозга человека в обеспечении инсайтных решений, которые были выявлены за последние несколько лет в нейрофизиологических исследованиях инсайта (Kuang et al., 2022).

Литература

- Ammalainen A., Moroshkina N.* The effect of true and false unreportable hints on anagram problem solving, restructuring, and the Aha!-experience // *Journal of Cognitive Psychology*. 2021. V. 33(6–7). P. 644–658.
- Ohlsson S.* Information-processing explanations of insight and related phenomena // *Advances in the psychology of thinking*. 1992. V. 1. P. 1–44.
- Kuang C., Chen J., Chen, J., Shi, et al.* Uncovering neural distinctions and commodities between two creativity subsets: A meta-analysis of fMRI studies in divergent thinking and insight using activation likelihood estimation // *Human Brain Mapping*. 2022. V. 43(16). P. 4864–4885.

Роль телесности и телесного Я в познавательной деятельности человека

О. В. Махтумова

Институт психологии и психосоматической
терапии, Москва
boleee@yandex.ru

В статье рассматривается роль телесности и телесного Я в познавательной деятельности человека. Исследуется влияние телесного опыта на когнитивные процессы, а также рассматриваются подходы — Л. С. Выготского, Б. М. Теплова и А. Ш. Тхостова и других авторов. Обсуждаются понятия способностей по Теплову, натуральных и опосредованных функций по Выготскому, а также телесного опыта согласно Тхостову. В статье подчеркивается важность телесности в формировании познавательных способностей и взаимодействия с окружающей средой, что открывает новые горизонты для исследований в области психологии и образования.

Ключевые слова: тело, телесность, познание, высшие психические функции.

Вопрос о телесности и ее роли в познавательной деятельности человека остается важным в рамках психологической и философской науки (Бородай, 2022). Телесное Я, как особая форма самосознания, оказывает значительное влияние на общение, восприятие и познание мира (Мерло-Понти, 1999). Для глубокого понимания этого явления необходимо обратиться к работам таких исследователей, как Л. С. Выготский, А. Ш. Тхостов и Б. М. Теплов.

Телесность и познание. Телесность человека — это не просто физическое тело, но и источник субъективного опыта, который влияет на восприятие и когнитивные процессы. В этой связи мы рассматриваем идеи А. Ш. Тхостова о том, что телесный опыт является основой для формирования первых когнитивных

структур. Он подчеркивал, что именно через телесные ощущения человек взаимодействует с окружающим миром, и этот аспект необходимо учитывать в изучении познания (Тхостов, 2002).

Способности как критерий познания. Б. М. Теплов (Теплов, 2009) в своих трудах говорит о «способностях», рассматривая их как индивидуально-психологические характеристики, которые определяют успешность в различных видах деятельности. Способности формируются на основе как природных данных, так и опыта. Телесность здесь играет ключевую роль, так как многие способности связаны с моторными навыками и координацией, которые в свою очередь зависят от состояния тела. Б. М. Теплов выделяет несколько видов способностей, среди которых можно упомянуть интеллектуальные, физические и эстетические. Все они проявляются через телесное Я, которое формирует индивидуальный стиль познания и взаимодействия с окружающим миром.

Натуральные и опосредованные функции. Л. С. Выготский в своей лабораторной работе выделял понятия «натуральные» и «опосредованные» функции (Выготский, 2023). Натуральные функции связаны с непосредственным взаимодействием с окружающей средой, тогда как опосредованные функции требуют более сложной когнитивной обработки и социального контекста. Телесное Я участвует в обоих типах функций: от непосредственного восприятия объектов до освоения абстрактных понятий через взаимодействие с другими людьми. Например, при изучении нового навыка, такого как игра на музыкальном инструменте, человек сначала воспроизводит движения, затем начинает осознавать и анализировать свои действия, что является переходом от натуральных к опосредованным функциям. Телесность служит основой для первых шагов на этом пути, и без нее невозможно развить более сложные когнитивные способности.

Взаимосвязь телесности и познавательных процессов. Телесность также связана с эмоциональным восприятием, что в свою очередь влияет на познавательные процессы. Эмоции, возникающие в теле, могут усиливать или ослаблять способность

к пониманию информации. Например, страх или тревога могут затруднять восприятие, в то время как положительные чувства могут способствовать лучшему усвоению материала и развитию креативности. Это подводит нас к выводу о том, что телесное Я — это не просто контейнер для разума, но активный участник в процессе познания. Как показывают исследования, более развитое осознание своего тела и его эмоций может привести к улучшению когнитивных функций и способностей.

Заключение. Роль телесности и телесного Я в познавательной деятельности человека нельзя недооценивать. Работы Б. М. Теплова о способностях, Л. С. Выготского о натуральных и опосредованных функциях и идеи А. Ш. Тхостова о телесном опыте предоставляют важное теоретическое обоснование для дальнейших исследований. Человеческое познание не может быть полностью понято без учета той роли, которую играет тело и связанные с ним эмоции на всех этапах познавательной деятельности. Таким образом, осознание телесного Я как важного компонента познания открывает новые горизонты в психологии и образовании, предлагая более интегрированный подход к изучению человеческого опыта.

Литература

- Бородай С. Ю.* Язык, концептуализация и воплощенное познание // *Человек.* 2022. № 2. С. 46–64.
- Выготский Л. С.* История развития высших психических функций. М.: Юрайт, 2023.
- Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия: пер. с фр. / Под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. М.: Ювента; Наука, 1999.
- Теплов Б. М.* Психология и психофизиология индивидуальных различий: Избранные психологические труды. М.: НПО «МОДЭК», 2009.
- Тхостов А. Ш.* Психология телесности. М.: Смысл, 2002.

Особенности восприятия произведений живописи у экспертов и новичков: метод айтрекинга

Г. Я. Меньшикова

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва
gmenshikova@gmail.com

К. А. Брагинец

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва
braginets.88@mail.ru

Исследование посвящено изучению различий в восприятии произведений живописи между группами экспертов (художники и искусствоведы) и новичков. Участники (50 человек) выполняли три задачи — на распознавание размытых изображений, свободное рассматривание и рисование взором. Анализировались успешность выполнения задачи, глазодвигательные показатели (длительность фиксаций, амплитуда саккад, длина сканирования), а также k -коэффициент, позволяющий оценить соотношение длительности фиксаций и амплитуды саккад. Результаты показали, что стабильным, независимым от задачи показателем различий оказался k -коэффициент, отражающий преобладание глобальных стратегий рассматривания изображений для экспертов по сравнению с новичками.

Ключевые слова: восприятие изображений, эксперты, новички, глобальные стратегии рассматривания, движения глаз.

За последнее десятилетие в области когнитивной психологии активно развивается новое направление — нейроэстетика, изучающее мозговые процессы эстетических переживаний человека при восприятии произведений искусства (Pearce et al., 2016). В рамках этого направления большое число исследований

посвящено эстетическим оценкам и реакциям при восприятии живописи. В частности, удалось собрать убедительные данные о том, что художники обладают рядом перцептивных преимуществ в зрительном анализе, непосредственно связанных с развитым навыком рисования (Kozbelt, Seeley, 2007).

Целью данного исследования является выявление различий в восприятии изображений между группами экспертов (художники и искусствоведы) и новичков. Его особенностью являлось использование разных задач, связанных инициацией глобальных и локальных процессов распределения внимания, во время выполнения которых проводилась регистрация движения глаз.

Процедура исследования. Исследование состояло из 3 сессий, в которых все участники выполняли три задачи — на распознавание размытых изображений, свободное рассматривание и рисование взором. Первая задача была выбрана как перцептивная задача, релевантная процессу выделения формы при восприятии рисования (локальные процессы распределения внимания). Предполагалось, что в процессе ее решения будут выявлены ряд преимуществ экспертов, предсказанные в модели вклада премоторной коры в перцептивный анализ и распознавание формы (Kozbelt, Seeley, 2008). Вторая задача предполагала сравнение процессов восприятия у экспертов и новичков в условиях, не требующих специальных знаний и навыков. Третья задача включала процесс рисования натюрмортов «взором» по экрану во время предъявления изображений натюрмортов (Ostrowsky, 2020). Предполагалось, что эта задача аналогична перцептивному процессу реального рисования с натуры, и именно в такого рода задачах более явно выявятся перцептивные преимущества экспертов. Предполагалось, что 2-я и 3-я задачи требуют включения глобальных процессов распределения внимания. Были выдвинуты следующие гипотезы: эксперты (художники и искусствоведы) точнее будут выполнять предложенные задания, при этом будут использовать глобальную стратегию восприятия, отличающуюся более короткими фиксациями и длинными саккадами. Для оценки преобладания локальных или глобальных стратегий распределения внимания использовался k -коэффициент (Krejtz et al., 2016), позволяющий оценить

соотношение длительности фиксаций и амплитуды саккад в относительных единицах.

В исследовании приняли участие 50 человек (21 муж., 29 жен., средний возраст $26,1 \pm 2,4$ года). В группу экспертов вошли 10 искусствоведов и 15 художников, а в группу новичков — 25 человек. В 1 задаче на 10 сек. предъявлялись размытые изображения, которые надо было опознать. Во 2-й и 3-й задачах на 40 сек. предъявлялись изображения натюрмортов, которые надо было рассматривать в свободном режиме (2) и «рисовать» взором (3). Изображения натюрмортов для 2-й и 3-й задач были разными.

Результаты. В задаче распознавания размытых изображений анализ сравнения групп показал незначимые различия по успешности распознавания, а также по длительности фиксаций и амплитуде саккад ($p > 0,05$). При этом были выявлены значимые различия по длине сканирования изображений ($p < 0,003$) и к-коэффициенту ($p < 0,001$). Результаты задачи свободного рассматривания показали значимые различия ($p < 0,003$) по всем показателям движений глаз (длительность фиксаций, амплитуда саккад, длина сканирования), а также по к-коэффициенту ($p < 0,001$). Аналогичные результаты значимости различий двух групп были получены и в задаче «рисования» взором.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в оценке различий процессов восприятия между экспертами и новичками тип задачи может оказывать влияние на распределение внимания по сцене. Однако во всех трех заданиях неизменным оказался показатель к-коэффициента, отражающего преобладание глобальных стратегий рассматривания изображений для экспертов по сравнению с новичками.

Литература

- Kozbelt A., Seeley W. P.* Integrating art historical, psychological, and neuroscientific explanations of artists' advantages in drawing and perception // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. 2007. V. 1(2). P. 80–90.
- Kozbelt A., Seeley W. P.* Art, Artists, and Perception: A Model for Premotor Contributions to Perceptual Analysis and Form Recognition // *Philosophical Psychology*. 2008. V. 21. P. 149–171.

- Krejtz K., Duchowski A., Krejtz I., Szarkowska A., Kopacz A.* Discerning Ambient/Focal Attention with Coefficient K // ACM Transactions on Applied Perception (TAP). 2016. V. 13(3). P. 1–20.
- Ostrowsky J.* Observational Drawing Research Methods // Oxford Handbook of Empirical Aesthetics. 2020. P. 235–255.
- Pearce M. T., Zaidel D. W., Vartanian O., Skov M., Leder H., Chatterjee A., Nadal M.* Neuroaesthetics: The cognitive neuroscience of aesthetic experience // Perspectives on Psychological Science. 2016. V. 11(2). P. 265–279.

Нейрофизиологические корреляты неосознанной оценки зрительных стимулов у здоровых мужчин и женщин

Е. В. Мнацаканян

Институт высшей нервной деятельности
и нейрофизиологии РАН, Москва
mnazak@ihna.ru

Неосознанные процессы обработки информации играют важную роль как в творческом процессе, так и в восприятии произведений искусства. В нашем исследовании изучались: 1) имплицитная оценка привлекательности женского лица (ПЛ); 2) эксплицитная оценка ПЛ; 3) имплицитное различение цветов и бабочек. В исследовании принимали участие здоровые добровольцы (41 женщина и 44 мужчины). ЭЭГ записывалась от 128 электродов, анализировались вызванные ответы на участке 0–1000 мс от начала стимула (Т-тест, $p = 0,01$). Различия в компонентах вызванной активности между всеми парными категориями наблюдались в группах мужчин и женщин. В нашем исследовании сознательная (на ранних латентностях) и неосознанная оценка

привлекательности женских лиц вызвала большие различия в активности мозга у женщин, чем у мужчин.

Ключевые слова: ЭЭГ, зрительные вызванные потенциалы, неосознанное восприятие, лицо, объекты, привлекательность.

Неосознанные процессы обработки информации играют важную роль как в творческом процессе, так и в восприятии произведений искусства. Мы изучали вызванную электрическую активность мозга (ВП) на зрительные стимулы, которые содержали женские лица, цветы и бабочек. Эти объекты часто используются в изобразительном искусстве, вызывают эмоции и притягивают взгляд. Особое внимание как в реальной жизни, так и на картинах привлекает лицо человека. С оценкой привлекательности лица (ПЛ) связана активация орбитофронтальной коры и амигдалы (Ishai, 2007; Chatterjee, 2009), а также модуляция ВП (Schacht, 2008; van Hoof, 2011; Rever, 2023). Отмечают различия между мужчинами и женщинами как в компонентах ВП (van Hoof, 2011), так и в активации структур мозга (Ishai, 2007). Оценка ПЛ может проходить автоматически (неосознанно) — сообщается об изменениях в ВП (van Hoof, 2011) и в активации структур мозга (Chatterjee, 2009). С другой стороны, это не подтверждается (Schacht, 2008).

В наших исследованиях было использовано задание (Имплицитная задача, ИЗ), в котором испытуемые должны были отличать женские лица от других объектов. Половина лиц была привлекательной по нашей версии. В качестве «других объектов» использовались бабочки и цветы, и их неосознанное различение тоже представляло интерес для сравнения с тем, что будет получено для лиц. После этого испытуемым предлагалось оценить эти же лица по привлекательности без градаций, по принципу «да — нет» (Эксплицитная задача, ЭЗ).

В исследовании принимали участие здоровые добровольцы (41 женщина и 44 мужчины). Средний возраст у женщин — 22,5 года, у мужчин — 22 года. В ИЗ было 240 стимулов, в ЭЗ — 120 лиц из ИЗ. В обоих заданиях требовался моторный ответ — нажатие на одну из двух кнопок. Стимулы представлялись с помощью программы E-Prime2. Использовались

фотографии женских лиц из Интернета, половина из них привлекательные (WB), остальные нет (WU), а также фотографии цветов (FL) и бабочек (BF). В каждой категории было по 60 стимулов. Все стимулы — монохромные изображения на сером фоне — появлялись в случайном порядке и без повторов на экране компьютера до момента нажатия испытуемым на кнопку. После этого на экране в течение 2–2,5 сек. до начала следующей реализации была фиксационная точка.

ЭЭГ записывалась от 128 электродов с частотой оцифровки 500 Гц (система Electrical Geodesics Inc, Oregon, USA). Запись фильтровали в диапазоне 0,3–30 Гц, сегментировали на участке 100 мс от начала стимула и 1000 после него, очищали от артефактов, корректировали изолинию. Усреднение проводили по 6 категориям (4 в первом задании и 2 во втором) и использовали парный Т-тест ($p = 0,01$) для сравнения парных категорий отдельно для мужчин и женщин.

Выполнение ИЗ было на уровне 98–98,7 % в каждой категории и не различалось у мужчин и женщин. В ЭЗ расхождение между категорией по сценарию задачи и субъективной оценкой составляло 11,6 % по категории WB и 10,7 % по категории WU у женщин, и у мужчин 19,4 и 6,8 % соответственно.

Различия в компонентах вызванной активности между парными категориями наблюдались в обеих группах испытуемых. Для женщин в ЭЗ эффект ПЛ был больше выражен в локусе 70–200 мс, чем у мужчин, хотя по топографии они были похожи. Различия по ПЛ в ИЗ были больше выражены для женщин и на поздних, и на ранних латентностях, при этом топографическое распределение их по скальпу больше различалось по группам испытуемых, чем в ЭЗ, где привлекалось внимание к ПЛ. Ранние различия в ИЗ, хоть и менее выраженные, чем в ЭЗ, были обнаружены в нашем исследовании, и топография их сильно различалась по группам: у женщин топография эффекта ПЛ напоминала ЭЗ, хоть и со смещением вправо, а у мужчин эффект ПЛ локализовался в левой центрально-париетальной области.

В нашем исследовании сознательная (на ранних латентностях) и неосознанная оценка привлекательности женских лиц

вызвала большие различия в активности мозга у женщин, чем у мужчин. Неосознанное различие цветов и бабочек также оказалось зависимым от пола испытуемых.

Литература

- Chatterjee A., Thomas A., Smith S.E., Aguirre G. K.* The neural response to facial attractiveness // *Neuropsychology*. 2009. V. 23. No. 2. P. 135–143.
- Ishai A.* Sex, beauty and the orbitofrontal cortex // *International journal of Psychophysiology*. 2007. V. 63. No. 2. P. 181–185.
- Revers H., Van Deun, K., Vroomen, J., Bastiaansen M.* Neural responses to facial attractiveness: Event-related potentials differentiate between salience and valence effects // *Biological Psychology*. 2023. V. 179. Art. 108549.
- Schacht A., Werheid K., Sommer W.* The appraisal of facial beauty is rapid but not mandatory // *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*. 2008. V. 8. No. 2. P. 132–142.
- Van Hooff J. C., Crawford H., Van Vugt M.* The wandering mind of men: ERP evidence for gender differences in attention bias towards attractive opposite sex faces // *Social cognitive and affective neuroscience*. 2011. V. 6. No. 4. P. 477–485.

Пространственное восприятие и креативность: роль вестибулярной системы в когнитивных функциях

Н. О. Николаева

ООО «Прогноз», Санкт-Петербург
prognoz.med@yandex.ru

Вестибулярная система, обеспечивая восприятие пространства и равновесия, вносит вклад в когнитивные функции,

включая творческое мышление. Теоретическое исследование раскрывает, как вестибулярные сигналы, интегрирующиеся в мозжечке и коре, поддерживают пространственное воображение, внимание и память, необходимые для креативности. Нарушения вестибулярной функции могут снижать когнитивную гибкость, ограничивая творческий потенциал. Обсуждаются психофизиологические механизмы, связывающие пространственное восприятие с творчеством, и перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: вестибулярная система, пространственное восприятие, креативность, когнитивные функции, сенсомоторная интеграция, творческое мышление, психофизиология.

Вестибулярная система, расположенная во внутреннем ухе, включает полукружные каналы, реагирующие на угловые ускорения, и отолитовые органы, чувствительные к линейным ускорениям и гравитации. Она формирует восприятие пространства, обеспечивая равновесие и ориентацию тела. Через сенсомоторную интеграцию вестибулярные сигналы взаимодействуют со зрительной и проприоцептивной системами, создавая целостное представление о пространстве, что является основой для когнитивных процессов, включая творческое мышление (Ефимова, Волкова, 2023). Исследования показывают, что вестибулярная система связана с корковыми и подкорковыми структурами, такими как гиппокамп, стриатум и неокортекс, которые обеспечивают когнитивную деятельность (Bigelow, Agrawal, 2015).

Пространственное восприятие, поддерживаемое вестибулярной системой, играет ключевую роль в творчестве, особенно в задачах, требующих дивергентного мышления и воображения. Вестибулярные сигналы, интегрирующиеся в мозжечке, модулируют внимание, память и пространственное воображение, которые являются основой для генерации идей. Например, исследования демонстрируют, что вестибулярная стимуляция улучшает пространственную и вербальную память, что может способствовать креативности (Kumar и др., 2017).

Поствращательный нистагм, как индикатор вестибулярной активности, отражает обработку пространственной информации, связанную с когнитивной гибкостью (Hanes, McCollum, 2006).

Нарушения вестибулярной функции, такие как гипofункция или вестибулярная дисфункция, приводят к когнитивным дефицитам. Вестибулярная гипofункция у детей коррелирует с трудностями в обучении и внимании, что указывает на связь с когнитивной обработкой (Braswell, Rine, 2006). У взрослых вестибулярные нарушения связаны с ухудшением пространственной памяти и исполнительных функций, что может ограничивать способность к творческому решению задач (Brandt et al., 2005). Эти данные подтверждают гипотезу, что вестибулярная система создает нейрофизиологический фон для когнитивных процессов, включая креативность.

Психофизиология творчества подчеркивает роль сенсомоторной интеграции в формировании творческого потенциала. Вестибулярные сигналы, взаимодействуя с мозжечком и корой, поддерживают неосознаваемые процессы, которые, согласно концепциям Я. А. Пономарёва, лежат в основе творчества. Нарушения вестибулярной системы могут нарушать эти процессы, снижая когнитивную гибкость и способность к инсайтам. Теоретически вестибулярная система выступает связующим звеном между физической ориентацией и когнитивными функциями, обеспечивая целостность творческого процесса.

Перспективы исследования включают изучение влияния вестибулярной функции на креативность с использованием методов постурографии, цервикальных вестибулярных миогенных вызванных потенциалов и анализа поствращательного нистагма. Такие исследования могут уточнить механизмы, связывающие пространственное восприятие с когнитивными аспектами творчества, и предложить новые подходы к стимуляции творческого потенциала. Теоретический анализ подчеркивает необходимость междисциплинарного подхода, объединяющего психологию, нейрофизиологию и когнитивные науки, для понимания психофизиологических основ креативности.

Литература

- Braswell J., Rine R. M.* Evidence that vestibular hypofunction affects reading acuity in children // *International journal of pediatric otorhinolaryngology*. 2006. V. 70. No. 11. P. 1957–1965.
- Ефимова В. Л., Волкова И. П.* Связь функционального состояния вестибулярной системы человека с когнитивными функциями // *Педиатр*. 2023. Т. 14. № 6. С. 71–78.
- Bigelow R. T., Agrawal Y.* Vestibular involvement in cognition: Visuospatial ability, attention, executive function, and memory // *Journal of vestibular research*. 2015. V. 25. No. 2. P. 73–89.
- Brandt T., et al.* Vestibular loss causes hippocampal atrophy and impaired spatial memory in humans // *Brain*. 2005. V. 128. No. 11. P. 2732–2741.
- Kumar S. S., Archana R., Mukkadan J. K.* Effect of vestibular stimulation on spatial and verbal memory in college students // *The National medical journal of India*. 2017. V. 30. No. 6. P. 337–339.

Связь тормозного контроля и креативности у подростков-лицейстов

А. Е. Славутская

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург
aliseslav@gmail.com

Представлены результаты эмпирического исследования связи тормозного контроля, как одной из основных исполнительных функций, и креативности у подростков, обучающихся в физико-математическом лицее (N = 98). Для оценки тормозного контроля применялась компьютерная методика, для оценки креативности «Краткий тест творческого мышления. Фигурная форма». В работе была

показана связь характеристик тормозного контроля и параметров креативности.

Ключевые слова: тормозный контроль, исполнительные функции, креативность, подростки, углубленное обучение.

Исполнительные функции (ИФ, в других источниках — управляющие функции) — это совокупность когнитивных процессов, необходимых, когда инстинктивное поведение неэффективно или невозможно (Николаева, 2017). ИФ представляют собой элемент более сложного уровня познания, который играет ключевую роль в развитии различных навыков и умений, включая общение, академическую подготовку и управление эмоциями. Эти функции относятся к группе высокоуровневых когнитивных процессов, необходимых для поддержания физического и психического благополучия, а также для достижения успеха в учебе и профессиональной деятельности. Основными исполнительными функциями являются тормозный контроль, рабочая память и когнитивная гибкость.

Тормозный контроль отвечает за контроль поведения и мысли. Необходимость в контроле поведения в подростковом возрасте вызвана не только учебной деятельностью, но и потребностью в социализации, поскольку позволяет подавлять неуместные реакции и обеспечивает соответствие поведения намерениям и мотивам. В предыдущих исследованиях было показано, что характерной особенностью тормозного контроля в подростковом возрасте является сокращение времени и количества ошибок в действиях, требующих сложной сенсомоторной реакции, с увеличением возраста респондентов (Славутская, 2023).

Также существует ряд исследований, показывающих взаимосвязь исполнительных функций с дивергентным (творческим) мышлением. Однако показано (Белова, 2021), что исследования взаимосвязи креативности и ИФ в подростковом возрасте носят несистематический характер и фокусируются преимущественно на дивергентной продуктивности. В связи с этим научный интерес представляют практические исследования. Актуальность работы заключается в дополнении уже существующих данных.

Цель исследования: выявить взаимосвязь между исполнительными функциями и креативностью у подростков-лицеистов.

Эмпирическое исследование было осуществлено на базе ГБНОУ «Президентский физико-математический лицей № 239» в Санкт-Петербурге. В учреждении реализуются образовательные программы основного общего и среднего общего образования, обеспечивающие углубленное изучение отдельных учебных предметов естественно-научного цикла. В исследовании участвовали 98 обучающихся от 12 до 17 лет.

Методика. Для анализа тормозного контроля (времени и особенностей простой и сложной сенсомоторной реакции) применялась компьютеризированная методика Николаевой Е. И. и Вергунова Е. Г. Для оценки креативности применялся «Краткий тест творческого мышления. Фигурная форма» (П. Торренс, в обработке Е. И. Щеблановой).

Результаты. Была выявлена корреляционная связь тормозного контроля и креативности. Время сложной сенсомоторной реакции влияет на параметр «беглость», который отражает способность к созданию большого числа идей, продуктивность ($r = -0,26$; $p \leq 0,01$). Качество сложной сенсомоторной реакции (уменьшение ошибок) во второй серии связано с параметром «гибкость», который оценивает способность генерировать новые идеи ($r = -0,23$; $p \leq 0,05$).

Литература

- Белова С. С. Креативность и управляющие функции: обзор зарубежных дифференциально-психологических исследований // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 4. С. 44–54.
- Николаева Е. И., Вергунов Е. Г. Что такое «executive functions» и их развитие в онтогенезе // Теоретическая и экспериментальная психология. 2017. № 2. С. 62–81.
- Славутская А. Е. Особенности тормозного контроля в подростковом возрасте // Современные вопросы биомедицины. 2023. Т. 7. № 4. С. 168–173.

Исследование целесообразности применения вокалотерапии в психологической реабилитации военнослужащих

Е. Е. Смагина

Военно-медицинская академия
им. С. М. Кирова, Санкт-Петербург
ekak@mail.ru

Представлены доказательства целесообразности применения метода групповой вокалотерапии в системе медико-психологической реабилитации военнослужащих. Перечислены данные исследований, свидетельствующие о влиянии совместного пения на физическое здоровье, когнитивные функции, психоэмоциональное состояние и социальную адаптацию. Указаны методы исследования воздействия пения на психоэмоциональное и физическое состояние, представлена структура тренинга по вокалотерапии.

Ключевые слова: музыкотерапия, вокалотерапия, песнетерапия, военнослужащие, психологическая реабилитация.

Военная служба, особенно участие в боевых действиях, может приводить к возникновению психических и физических травм. Эффективная реабилитация помогает вернуть военнослужащих к нормальной жизни, снизить риски суицидов и улучшить качество их социальной адаптации. Психологическое воздействие пения давно используется во всех армиях. Совместное исполнение вокальных произведений объединяет поющих, организует группу в единое целое, задает настроение, помогает отреагировать эмоции, настроиться на нужный лад. Хоровое пение и музыкальные программы становятся все более популярными в качестве психологической и социальной поддержки военнослужащих и ветеранов. Проводятся регулярные концерты в отделениях для раненых и фестивали военной песни.

Вокалотерапия — это направление музыкотерапии, использующее голос и вокальные техники для улучшения физического, эмоционального и когнитивного здоровья. Термин «вокалотерапия» (от лат. *vocalis* — «голосовой» и греч. *therapeia* — «лечение») ввел в научный оборот российский исследователь С. В. Шушарджан — врач-отоларинголог, певец и основатель Научно-исследовательского центра музыкальной терапии и медико-акустических технологий. Психологическое воздействие вокалотерапии происходит через влияние ритма, темпа, громкости, строение музыкального лада (мажорный, минорный) и смысл текста песенного произведения. Эффективность групповой вокалотерапии подтверждается исследованиями в области медицины, физиологии и психологии.

Участие в вокалотерапии оказывает комплексное влияние на состояние человека. Пение в группе воздействует на физическое здоровье (влияет на дыхание, иммунитет, сердечный ритм) (Шушарджан, 2005), психоэмоциональное состояние (через снижение стресса, выработку эндорфинов, окситоцина) (Fancourt, 2016), когнитивные функции (на память, внимание, речь через активизацию деятельности головного мозга) (Wan et al., 2010) и социальную адаптацию (через общее дело, групповую поддержку, снижение чувства изоляции) (Pearce, 2015).

Для исследований влияния вокалотерапии применяются следующие методы: лабораторные (анализ крови, слюны, мочи) для анализа гормонов и иммунных маркеров; инструментальные (ЭЭГ, ЭКГ, МРТ) для изучения изменений в работе мозга при пении, оценки релаксационного эффекта, вариабельности сердечного ритма, порога болевой чувствительности и психологические (наблюдение, опросники) для определения состояния психических функций и личностных качеств. Из психологических методик применяются: Шкала тревожности Спилбергера — Ханина, «САН» А. Доскина, «Шкала дифференциальных эмоций» К. Изарда, опросник Кеттелла, тесты на память и внимание и др.

ЭЭГ-исследования показывают синхронизацию активности обоих полушарий при хоровом пении: левое полушарие отвечает за обработку ритма (префронтальная кора) и анализ текста

(зона Брока, угловая извилина), правое полушарие отвечает за мелодию (верхняя височная извилина) и распознает эмоции в музыке (миндалевидное тело). У пациентов после сеансов вокалотерапии наблюдается снижение бета-ритмов (проявляющихся при хроническом стрессе, тревожном расстройстве др.) и рост альфа-ритмов (состояние расслабления) (Шушарджан, 2005). Групповое пение повышает уровень эндорфинов, окситоцина и дофамина (Fancourt, 2016). Большое значение имеет влияние семантики текста исполняемых песен. Исполнение знакомых народных, патриотических и военных песен вызывает ностальгию, улучшая настроение, усиливая эмпатию и чувство принадлежности (Pearce, 2015).

Структура тренинга по вокалотерапии может включать в себя дыхательную и артикуляционную гимнастику, вокализацию гласных и согласных звуков, хоровое пропевание песен (Гринцов, 2009).

Перечисленные данные исследований указывают на подтвержденные положительные эффекты от участия в групповых занятиях вокалотерапией, что свидетельствует о целесообразности внедрения данного метода в систему медико-психологической реабилитации военнослужащих.

Литература

- Гринцов М. И., Серебрякова Е. А. Лечение пением как метод гармонизации психофизиологического и соматического здоровья человека // Известия высших учебных заведений. 2009. № 1. С. 70–78.
- Шушарджан С. В. Руководство по музыкотерапии. М.: Медицина, 2005.
- Fancourt D., Williamon A., Carvalho L. A., Steptoe A., Dow R., Lewis I. Singing modulates mood, stress, cortisol, cytokine and neuropeptide activity in cancer patients and carers // *Ecancel-medicalscience*. 2016. V. 10. P. 631.
- Pearce E., Launay J., Dunbar R. I. M. The ice-breaker effect: Singing mediates fast social bonding // *Royal Society open science*. 2015. V. 2. No. 10. Art. 150221.
- Wan C. Y., et al. The therapeutic effects of singing in neurological

Динамика сложности сердечного ритма человека при формировании нового поведения*

А. А. Созинов

Институт психологии РАН, Москва
sozinovaa@ipran.ru

Ю. И. Александров

Институт психологии РАН, Москва
aleksandrovji@ipran.ru

Одним из компонентов решения творческих задач является научение, то есть фиксация новой внутренней модели (по Я. А. Пономарёву). На основе представлений об увеличении степени дифференцированности взаимодействия индивида со средой по мере научения мы проводили оценку дифференцированности и ее связи со сложностью сердечного ритма. Проведены регистрация ритмограммы сердца при обучении студентов выполнению двух заданий, доучивании выполнению новых заданий, а также повторном чередовании первых двух заданий. Обнаружено соответствие между увеличением количества известных участнику заданий и повышением выборочной энтропии. Результаты будут обсуждаться в терминах системной организации поведения, а также с учетом понимания взаимодействия и развития как единого процесса.

* Работа выполнена в рамках Госзадания Минобрнауки № 0138–2025–0013.

Ключевые слова: научение, индивидуальный опыт, дифференцированность взаимодействия, реорганизация поведения, энтропия сердечного ритма, чередование заданий.

На основе принципа взаимодействия и развития Я. А. Пономарёва (1983) и представления о дифференциации индивидуального опыта в последовательных процессах научения за счет добавления новых элементов опыта (систем) (Александров, 2011; Швырков, 1983) научение выполнению заданий и их последующее чередование можно описать как формирование все более дифференцированного нового опыта. В то же время данные о связи различных показателей variability сердечного ритма, отражающих динамику системной организации нейро-висцеральных отношений (Бахчина и др., 2024), с научением противоречивы (Kim et al., 2024), и описание фундаментальных системных основ этой связи могло бы снять эти противоречия.

Представление о связи между сложностью сердечного ритма (СР) и дифференцированностью взаимодействия со средой в нашем исследовании, сформированное на основе положений теории функциональных систем об общеорганизменном характере систем, подтверждается рядом исследований (см. цит. ниже). СР отражает включенность сердца в качестве компонента в системную организацию поведения, и сложность СР оказывается больше при выполнении того поведения, которое связывается нами с большей дифференцированностью взаимодействия со средой (Бахчина, Александров, 2017; Bakhchina et al., 2018). Эти исследования проводились через сравнение энтропии СР между двумя контрастными группами. В настоящей работе для установления соответствия между дифференцированностью и показателями сложности СР дифференцированность варьировали градуально для создания трех, а не двух групп участников, ожидая градуального же роста энтропии по мере увеличения дифференцированности.

Проведена регистрация ритмограммы сердца и поведенческих событий у участников (45 студентов), которые обучались выполнять новые для них задания (для разных групп: два, три

или четыре задания) на компьютере и чередовать их. Для обоснования различий дифференцированности между группами на основе показателей поведения использован подход, реализованный в работах с чередованием разного количества заданий: как правило, «цена переключения» увеличивается с увеличением количества чередуемых заданий («эффект количества заданий», подробнее см. Созинов и др., 2023).

Эффект количества заданий был получен только после доучивания, когда участники разных групп чередовали разное количество заданий. Также выявлено, что выборочная энтропия СР у всех участников повышается при чередовании заданий после доучивания по отношению к первому периоду чередования двух заданий и снижается (незначимо) при повторном чередовании двух первых заданий. В то же время межгрупповых различий выборочной энтропии не выявлено.

Таким образом, в рамках настоящей работы получен эффект количества заданий и обнаружено соответствие между увеличением количества заданий и повышением выборочной энтропии, что согласуется с нашим предположением о показателях сложности СР как связанных с дифференцированностью взаимодействия индивида со средой, в том числе при решении задач (Bakhchina et al., 2021). В то же время межгрупповое сравнение сложности СР не показало увеличения энтропии с увеличением количества чередуемых заданий. В докладе будут обсуждены интерпретации полученных результатов на основе представлений о системной организации поведения и принципа взаимодействия и развития.

Литература

- Александров Ю. И. Закономерности актуализации индивидуального опыта и реорганизации его системной структуры: комплексное исследование // Труды ИСА РАН. 2011. Т. 61. № 3. С. 3–25.
- Бахчина А. В., Созинова И. М., Александров Ю. И. Динамика нейровисцеральных взаимодействий в индивидуальном

и филогенетическом развитии: анализ variability сердечного ритма // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. 2024. Т. 74. № 2. С. 131–149.

Пономарёв Я. А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.

Швырков В. Б. Системная детерминация активности нейронов в поведении // Успехи физиологических наук. 1983. Т. 14. № 1. С. 45–66.

Bakhchina A., Arutyunova K., Sozinov A., Demidovsky A., Alexandrov Y. Sample entropy of the heart rate reflects properties of the system organization of behaviour // Entropy. 2018. V. 20. No. 6. Art. 449. P. 1–22.

Типы мышления при выполнении разных умственных действий студентами вуза

Р. Ф. Сулейманов

Казанский инновационный университет

им. В. Г. Тимирязова, Казань

souleimanov@ieml.ru

Типы мышления рассматриваются как результат функциональной асимметрии полушарий головного мозга. При выполнении разных заданий (восприятие музыки, решение сканворда, чтение научной книги) активность полушарий отражает адекватность/неадекватность умственных действий, что влияет на продуктивность самой деятельности. Были выделены типы мышления на основе взаимодействия и реципрокности полушарий головного мозга: абстрактно-логический, эмоционально-образный, взаимодействующий и универсальный. Результаты выявили закономерности в проявлении типов мышления, что важно использовать на практике в плане коррекции

адекватности мышления при выполнении определенных умственных действий.

Ключевые слова: типы мышления, функциональная асимметрия полушарий, студенты.

Актуальность исследования обусловлена недостаточным знанием о том, как взаимодействуют разные умственные действия с активностью полушарий головного мозга, что связано с разными типами мышления. *Целью исследования* явилось выявление закономерностей в связях между умственными действиями (восприятие классической музыки, чтение научной книги, решение сканворда) и типами мышления (абстрактно-логический, эмоционально-образный, взаимодействующий и универсальный). *Задачей исследования* явилось выявление особенностей умственных действий в зависимости от содержания обрабатываемого материала.

Методы. Для выявления взаимодействия и реципрокности полушарий головного мозга при выполнении разных умственных действий (восприятие музыкального произведения, чтение научного текста, решение сканворда) у испытуемых (студентов; $n = 60$) использовалась методика диагностики функциональной асимметрии полушарий головного мозга (Цагарелли, 2009). Процедура исследования заключалась в следующем. У испытуемого при выполнении умственного действия в индивидуальном порядке фиксировалась функциональная асимметрия полушарий головного мозга (ФАП) через каждые 10–15 сек. Таким образом, строилась кривая ФАП, на основе которой и делался вывод о том, преимущественно каким полушарием (левым, связанным с абстрактно-логическим мышлением, правым, связанным с эмоционально-образным, с межполушарной симметрией или чередованием активности то левого, то правого полушария) выполняет умственное действие испытуемый. В качестве музыкального произведения использовался «Вокализ» Рахманинова, в качестве научной информации — книга П. Н. Шихирева «Современная социальная психология». Для решения сканвордов использовались журналы «Сканворды».

Результаты. Распределение испытуемых по типам мыслительной деятельности при сопоставлении эмпирического распределения с теоретическим при выполнении разных умственных действий показало значимые различия по решению сканворда ($\chi^2 = 17,200$; $p = 0,001$) и чтению научной книги ($\chi^2 = 9,733$; $p = 0,021$). При решении сканворда доминировали испытуемые с абстрактно-логическим типом мышления (23 чел.) и универсальным типом (20 чел.). Опросы испытуемых показали, что решение сканворда обусловлено логической операцией по воспроизведению слов, что является адекватным мышлением. Доминирование универсального типа можно объяснить сложностью выполнения задания, когда решение неочевидно, поэтому доминирует то левое, то правое полушарие мозга. При чтении научной книги доминировали испытуемые с эмоционально-образным и универсальным типами мышления (20 и 21 чел. соответственно). Видимо, установка на понимание прочитанного текста сыграла решающую роль. В этом случае смысл прочитанного текста был обусловлен эмоционально-образными операциями, с одной стороны, и универсальным типом, связанным с разными приемами сохранения информации, — с другой. При восприятии музыки превосходство испытуемых с доминированием эмоционально-образного типа мышления (20 чел.) выглядит вполне логично (мышление адекватно выполняемому заданию). Но в целом мы вынуждены принять гипотезу о равномерном распределении (16 чел. с абстрактно-логическим и 17 — с универсальным типами мышления) между разными типами мышления ($\chi^2 = 6,267$; $p = 0,099$). Видится проблема в неадекватности восприятия образного содержания студентами музыкального произведения.

Корреляция, проведенная между тремя умственными действиями, показала значимую связь между решением сканворда и чтением научной книги ($r = 0,339$; $p = 0,008$). Это говорит о том, что эти виды умственных действий близки между собой по содержанию обрабатываемого материала. А восприятие музыки связано с другой стратегией умственной активности.

Заключение. Выявлено 4 типа мышления, обусловленных активностью правого и левого полушарий головного мозга. Несмотря на то что умственные действия различаются по специфике обрабатываемого материала, наблюдаются закономерности, связанные с разными способами выполнения заданий.

Литература

Цагарелли Ю. А. Системная диагностика человека и развитие психических функций. Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2009.

**МЕНТАЛЬНЫЕ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
И КОГНИТИВНЫЕ
ПРОЦЕССЫ**

Различия в оценках индивидуально-психологических особенностей незнакомого человека по его видеоизображению и в ситуации зрительного контакта*

В. А. Барабанщиков

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва
vladimir.barabanschikov@gmail.com

А. С. Агеева

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва
ageevans371@gmail.com

Сравнивались особенности восприятия личности незнакомого человека по его видеоизображению и в условиях личного зрительного контакта — «лицом к лицу». С помощью методики Личностный дифференциал (ЛД) показано, что различия оценок личностных черт одного человека в условиях экспозиций: 1) не превышают трети выполненных проб; 2) зависят от содержания оцениваемых черт и их группировок; 3) закономерно меняются с ростом длительности экспозиции.

Ключевые слова: взаимное восприятие, зрительный контакт, перцептивно-коммуникативная ситуация, оценка личностных черт.

В рамках когнитивной психологии визуальные оценки межличностного восприятия проводятся на материалах

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00904, <https://rscf.ru/project/24-18-00904/>

фото- и видеоизображений людей. Невольно допускается, что данные, полученные в этих исследованиях, сохраняют валидность в условиях невербального общения — «глаза в глаза» (Барабанщиков, 2009, 2012; Барабанщиков, Королькова, 2020; Барабанщиков, Агеева, 2024; Argyle, Cook, 1976). Проверять это предположение, мы провели эксперимент, в котором натурщик в одном случае находился лично перед наблюдателем ($N = 100$; $M = 19,6$; $SD = 1,4$), в другом — демонстрировался на экране монитора ($N = 100$; $M = 19,6$; $SD = 1,7$). Требовалось оценить индивидуально-психологические особенности натурщика по методике ЛД. Испытуемые разделялись на 10 независимых групп. Варьировались: тип когнитивно-коммуникативной ситуации, система черт личности, продолжительность экспозиции натурщика (10–60 сек. с шагом 10–15 сек.). Анализировались: сходства и различия оценок натурщика в зависимости от заданных условий в контексте представлений наблюдателей об имплицитной структуре личности.

Результаты исследования показывают, что значимые различия в оценках личностных характеристик незнакомого человека по его видеоизображению и в условиях личного зрительного контакта имеют место в 27 % ($SD = \pm 14,18$) выполненных проб. Статистически различимые значения по факторам ЛД: Оценка — 52 %, Активность — 37 %, Сила — 11 %. Факторы Оценка и Активность имеют высокую чувствительность к типу экспериментальной ситуации вне зависимости от ее продолжительности. Различия проявляются в соотношении условно положительных и отрицательных черт натурщика в представлениях респондентов: в ситуации зрительного контакта личность оценивается исключительно положительными характеристиками; при экспозиции видеоизображений оценки распределены поровну. Прослеживается реципрокное отношение положительных и отрицательных оценок одних и тех же шкал. При увеличении продолжительности экспозиции зарегистрирован немонотонный рост числа различий до 48 % (45 сек.) и их резкое падение (60 сек.), указывающий на динамику использования познавательных ресурсов наблюдателей. В условиях зрительного контакта незнакомый человек вызывает у наблюдателей

большую симпатию, создавая впечатление доминантного экстраверта. По видеоизображению он выглядит менее симпатичным с элементами интроверсии и подчинения.

Литература

- Барабанищikov В. А.* Восприятие выражений лица. М.: ИП РАН, 2009.
- Барабанищikov В. А.* Коммуникативный подход в исследованиях восприятия // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 3. С. 14–32.
- Барабанищikov, В.А., Агеева А. С.* Характер оценок индивидуально-психологических особенностей незнакомого человека по его видеоизображению и в условиях визуального межличностного контакта // Психология когнитивных процессов. 2024. № 13. С. 47–55.
- Барабанищikov В. А., Королькова О. А.* Восприятие экспрессий «живого» лица // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13. № 3. С. 55–73.
- Argyle M., Cook M.* Gaze and mutual gaze. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

Ментальные и визуальные репрезентации трудных жизненных ситуаций: тематический анализ схематических изображений*

Е. В. Битюцкая

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Федеральный научный
центр психологических и междисциплинарных
исследований (Психологический институт), Москва
bityutskaya_ew@mail.ru

В статье представлены результаты политекстуального тематического анализа данных, которые получены при помощи разработанной автором методики «Схема трудной жизненной ситуации». В ходе исследования выделены следующие смысловые темы: констатация трудности, рефлексия сути проблемы и внутренних глубинных причин, описание динамики, символы, передающие личностные смыслы. Результаты соотносятся с идеями Я. А. Пономарёва об интуитивном опыте. Являясь «культурным орудием», облегчающим ориентировку в ситуации, схемы при их использовании в психологическом исследовании могут быть продуктом деятельности и отражать ментальные и визуальные репрезентации смыслов ситуации для субъекта. *Ключевые слова:* трудная жизненная ситуация, критерии трудности, восприятие ситуации, копинг, схема, рисунок.

Рассмотрение схематических изображений в данной работе связано с их возможностями как «средств мышления и сознания», отражающих знания, опыт, образ действия в ситуации, ее смыслы для человека (Розин, 2023). В недавнем исследовании

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–01255, <https://rscf.ru/project/23–28–01255/>

нами был проведен контент-анализ 401 схематического изображения трудных жизненных ситуаций (далее ТЖС). Было показано, что схемы позволяют изучать следующие составляющие структуры образа ТЖС: ситуационный контекст, факторы трудности, цель, смыслы ситуации для человека, оценку, копинг-стратегии, ресурсы, динамику. Эти результаты отражены в статье «Репрезентация трудных жизненных ситуаций в схематических изображениях» (Битюцкая, Миронов, в печати).

В настоящем исследовании мы апробируем возможности применения политекстуального тематического анализа, позволяющего синтезировать вербальные и визуальные данные, связанные общей темой (Gleeson, 2011; Пляскина, Поддьяков, 2022). В нашем исследовании по каждому анализируемому случаю использовались следующие данные: 1) вербальное описание респондентом актуальной для него ТЖС; 2) схема об этой ситуации, выполненная по инструкции: «Изобразите схему ТЖС так, чтобы в ней отразились структурные элементы самой жизненной ситуации и те компоненты, в состав которых она входит»; 3) письменное пояснение к схеме и протокол краткого интервью, направленного на прояснение смыслов, заложенных в схему участником исследования. Всего проанализированы 70 случаев взрослых людей в возрасте от 20 до 45 лет.

Выделены следующие смысловые темы.

- Схемы, констатирующие трудность, передают вербальными и образными средствами, что происходит (ситуационный контекст).
- Схемы, рефлексирующие суть проблемы, показывают, из-за чего произошла ТЖС, а также каковы внутренние глубинные причины.
- Схемы, описывающие динамику как путь к решению задачи или, наоборот, к негативному исходу, который фрустрирует субъекта.
- Схемы, символически передающие личностные смыслы или значение этой ситуации для субъекта. К наиболее часто встречающимся аллегориям ТЖС в схематических изображениях можно отнести стены, барьеры и рамки как преграды на жизненном пути; падающий на голову

кирпич как внезапная опасность, способная нанести ущерб, боль; тяжелая ноша (камень Сизифа) как сверхзатраты усилий и чувство бесконечности подобных затрат; «гора проблем» как множество (иногда непосильных) задач, требующих решения; тупик как безвыходность и отсутствие подходящих вариантов решения задачи; обрыв, крест как внезапное прекращение того, что было стабильным и важным.

Выделенные смысловые категории могут быть рассмотрены как стадии анализа ситуации: 1) констатирующий этап — анализ контекста; 2) целевой — анализ причин и способов достижения определенных результатов, выявление собственных глубинных причин, которые помогают достичь цели или ограничивают этот процесс («рамки и барьеры во мне»), а также определение копинг-стратегий; 3) динамический — описание пути к разрешению ситуации; 4) смысловой этап — нахождение смыслов ситуации для субъекта.

Отметим, что ряд часто встречающихся в схемах смысловых категорий являются редкими для вербальных описаний ТЖС, то есть эти категории были выявлены в схемах благодаря использованию графического материала. К ним относятся динамические характеристики и образная репрезентация смыслов. Исходя из этих результатов, возникает вопрос о механизмах, позволяющих субъекту отрефлексировать такие характеристики ТЖС. При объяснении подобных механизмов интересно обратиться к подходу Я. А. Пономарёва: «Ключ к интуитивному опыту находится на уровне действия. <...> Интуитивный опыт может проявиться, ведя за собой субъекта, направляя его руку» (Ушаков, 2006, с. 31). Вероятно, действия по созданию графического образа в сочетании с рефлексией опыта создают предпосылки для экспликации интуитивных знаний. Существует и обратная связь: выполненная схема является затем ориентиром, «обеспечивающим» построение практических действий (Розин, 2023).

Литература

- Пляскина А. С., Поддьяков А. Н. Визуальные репрезентации «проблемы вагонетки» в интернет-мемах: политекстуальный тематический анализ // Вопросы психологии. 2022. Т. 68. № 6. С. 64–79.
- Розин В. М. Введение в схемологию: схемы в философии, культуре, науке, проектировании. М.: Ленанд, 2023.
- Ушаков Д. В. Языки психологии творчества: Яков Александрович Пономарёв и его научная школа // Психология творчества: школа Я. А. Пономарёва / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: ИП РАН, 2006. С. 19–142.
- Gleeson K. Polytextual thematic analysis for visual data — Pinning down the analytic // P. Reavey (Ed.), Visual methods in psychology: Using and interpreting images in qualitative research. 2011. P. 314–329.

Творение как фундаментальное свойство живых систем

Н. Б. Горюнова

Институт психологии РАН, Москва
gorjunovanb@ipran.ru

В работе анализируется творчество как универсальный процесс развития, охватывающий все уровни организации природы. Творческие акты рассматриваются как проявления индивидуальной уникальности, а когнитивная функциональная избыточность человека — как основа культурных и инновационных достижений. Обсуждается роль накопленного опыта в формировании индивидуальности и в бесконечном процессе самотворения.

Ключевые слова: творчество, когнитивный ресурс, когнитивная функциональная избыточность.

В концепции Я. А. Пономарёва творчество рассматривается как развивающееся взаимодействие, как взаимодействие, ведущее к развитию, проявляющееся и распространяющееся на все формы живого движения, как системное свойство консолидированных структурных уровней организации развитой живой системы. Уже в начале XX века предлагалось широкое понимание творчества, распространяющееся на неживую природу, живые организмы, человека и общество. Творчество рассматривалось как основа эволюции мира, а человеческое творчество — как этап общего процесса перехода от старого к новому, продолжающий творчество природы и образующий с ним непрерывную цепь (Пономарёв, 2006).

В малоизвестной работе С. И. Метальникова (1915) подчеркивается уникальность рефлекторных реакций живых организмов, где каждый рефлекс рассматривается как результат взаимодействия трех факторов: природы раздражителя, условий окружающей среды и внутреннего регулирующего механизма. Первые два фактора поддаются объективному измерению, тогда как внутренний фактор охватывает наследственные и приобретенные особенности, формирующие индивидуальность организма. Любое внешнее воздействие и последующая реакция изменяют внутреннюю структуру организма, оставляя отпечаток, который влияет на все будущие реакции. Ключевая идея автора заключается в том, что ни один рефлекс не может быть полностью повторен, так как каждый раз организм уже изменен предыдущим опытом. Таким образом, любая деятельность и реакция представляют собой творческий акт, отражающий процесс непрерывного «самотворения» индивидуальности. Такой подход объясняет уникальность и многообразие проявлений живых существ, исключая возможность абсолютных повторов в их поведении и развитии.

Интересная гипотеза высказана в работе В. Н. Дружинина (2000), согласно которой наличие избыточного когнитивного ресурса (КР) относительно требований к адаптации в природной среде, возможно, является ключевым отличием человека от других живых систем. Когнитивные способности человека значительно превосходят необходимые для выживания задачи,

что позволяет генерировать множество гипотез, моделей поведения и образов будущего мира, большая часть которых остается невостребованной в рамках адаптации. Эта когнитивная функциональная избыточность (КФИ) становится фундаментом для развития человеческой культуры, включающей в себя творчество, инновации и создание объектов, выходящих за пределы базовых потребностей.

По мере развития общества меняется характер требований к КР: снижаются адаптационные вызовы со стороны природы, но возрастают требования, связанные с освоением и воспроизводством культурных норм и ценностей. Профессиональное творчество и полноценное участие в культурном производстве оказываются доступными лишь индивидам, обладающим высоким уровнем КФИ. Возможно, это объясняет распространение и потребление суррогатов типа «массовой культуры», снижение способности воспринимать и понимать смысл изобретений, теорий и открытий для большинства людей, которым удается реализовать свой творческий потенциал лишь в форме любительства, хобби или «творчества на досуге».

В работе В. Н. Дружинина творчество рассматривается в социокультурном контексте как изобретение, возникшее в ответ на необходимость реализации избыточных когнитивных возможностей человека. КФИ объясняет склонность творческих личностей к надситуативной (Богоявленская, 1995) или сверхнормативной (Петровский, 1996) активности, когда они выходят за рамки непосредственных адаптивных задач и иницируют новые направления деятельности. Эта гипотеза позволяет по-новому взглянуть на психологические механизмы творчества.

Если опыт постоянно накапливается и сохраняется в структуре личности, формируя ее уникальность в каждый момент времени, то жизнь может рассматриваться как бесконечный процесс творчества, в котором индивидуальное развитие и разнообразие форм есть проявление общего мирового творчества — эволюции (Бергсон, 2001). Таким образом, индивидуальность каждого организма и его творческие проявления

становятся частью глобального процесса непрерывного обновления и разнообразия жизни на Земле.

Литература

- Бергсон А.* Творческая эволюция. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2001.
- Дружинин В.* Метафорические модели интеллекта // Творчество в искусстве — искусство творчества / Под ред. Л. Дорфмана и др. М.: Наука; Смысл, 2000. С. 171–185.
- Метальников С. И.* Рефлексы как творческий акт // Извѣстія Императорской Академіи Наук. Серия VI. Т. 9. Вып. 16. С. 1801–1819.
- Психология творчества: школа Я. А. Пономарёва / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: ИП РАН, 2006.

Религиозный опыт в составе воспринимаемого качества церковной музыки*

Е. С. Еголаева

Институт психологии РАН, Москва
katya.egolaeva@gmail.com

В данном исследовании изучается роль религиозного опыта в воспринимаемом качестве церковной музыки. Эмпирическая часть исследования направлена на изучение воспринимаемого качества церковной музыки. Исследование производится в рамках

* Исследование выполнено в рамках Госзадания, проект № 0138–2025–0012 «Познавательные процессы в экологически валидных контекстах».

когнитивно-коммуникативного подхода и парадигмы воспринимаемого качества. Один из важных аспектов работы — изучение возможностей применения искусственного интеллекта для анализа вербальных данных.

Ключевые слова: церковная музыка, религиозный опыт, воспринимаемое качество, индуктивный подход, большие языковые модели.

Церковная музыка занимает важное место не только в процессе богослужения, но и в религиозной жизни человека в целом. Внутри каждой из ветвей христианской церкви существуют уникальные особенности музыки, которые могут вызывать разный отклик со стороны слушателя, в зависимости от того опыта, который формируется у человека в его религиозной жизни. Проведенный анализ научной литературы показал широкое распространение понятия «религиозный опыт» в психологических исследованиях благодаря работе Уильяма Джеймса (1910). Это понятие является многоаспектным и не имеет однозначного определения. Были рассмотрены различные его трактовки и вопросы связи с более широкими представлениями об опыте как одной из составляющих воспринимаемого качества объектов и событий окружающей человека среды (Носуленко, 2007, 2016). Наша работа в целом связана с определением места религиозного опыта в содержании воспринимаемого качества церковной музыки, а эмпирическое исследование направлено на воспринимаемое качество церковной музыки.

В парадигме воспринимаемого качества отправной точкой для анализа становятся не параметры формируемого исследователем стимула, а воспринимающий субъект и субъективно значимые характеристики образа, возникающего у него при взаимодействии с миром. В содержании воспринимаемого качества проявляется актуальное отношение индивида к воспринимаемым объектам и событиям, а также опыт взаимодействия с миром, накапливаемый в процессе всей его жизни. Соответственно в воспринимаемом качестве музыки могут проявиться те составляющие, которые связаны с религиозным опытом. Как было показано в работах В. Н. Носуленко (2007),

анализ с позиции воспринимаемого качества может быть отнесен к абстрактно-аналитической ветви системного подхода (Пономарёв, 1983).

В рамках нашего исследования подготовлена общая схема сбора эмпирических данных (наблюдение, полуструктурированные интервью, подбор и акустическая обработка музыкальных фрагментов). Разработан дизайн эксперимента, в котором участникам будут попарно предъявляться для прослушивания разные музыкальные фрагменты. Основным источником информации о содержании воспринимаемого качества музыкальных звуков являются свободные вербализации сходства и различия разных фрагментов. В процессе эксперимента участник самостоятельно выявляет, сопоставляет и оценивает характеристики музыкальных фрагментов. Сравнивая их, он определяет, в чем они сходны, чем различаются и в рамках каких категорий могут быть объединены. Эти данные, структурированные самим участником, могут быть переданы исследователю вербальными средствами (Носуленко, Самойленко, 2016). Таким образом, парадигма воспринимаемого качества становится инструментом изучения восприятия человеком внешнего мира и категоризации субъективно значимых характеристик воспринятого. Инструментарий парадигмы воспринимаемого качества обеспечивает возможность индуктивного анализа получаемых вербализаций (категории анализа не являются исходно заданными, а формируются в процессе получения новых данных) и количественной интерпретации составляющих воспринимаемого качества.

Такой анализ будет направлен на проверку нашей рабочей гипотезы исследования: в воспринимаемом качестве разной церковной музыки по-разному представлены атрибуты, связанные с религиозным опытом слушателя.

В процессе обработки эмпирического материала будут протестированы возможности применения больших языковых моделей (LLM) для анализа вербализаций, прежде всего на этапах выделения вербальных единиц и формирования дескрипторов путем укрупнения семантических групп. Планируется сравнить

качество и трудоемкость обработки данных с помощью LLM и результатов обработки тех же данных человеком.

Литература

- Джеймс У.* Многообразие религиозного опыта. М.: Изд-во АСТ, 2022.
- Носуленко В. Н.* Воспринимаемое качество объектов и событий человеческой деятельности // Технологии сохранения и воспроизведения когни-тивного опыта / Под ред. В. Н. Носуленко. М.: ИП РАН, 2016. С. 228–247.
- Носуленко В. Н.* Психофизика восприятия естественной среды. Проблема воспринимаемого качества. М.: ИП РАН, 2007.
- Носуленко В. Н., Самойленко Е. С.* Вербальный метод в парадигме воспринимаемого качества // Технологии сохранения и воспроизведения когнитивного опыта / Под ред. В. Н. Носуленко. М.: ИП РАН, 2016. С. 248–260.
- Пономарёв Я. А.* Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.

Влияние загрузки активированной долговременной памяти на процесс верификации в зрительном поиске*

В. В. Калошина

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва
vasilisa.kaloshina@gmail.com

Исследование посвящено изучению влияния репрезентаций в активированной долговременной памяти (АДП) на время верификации целевого стимула. В эксперименте приняли участие 38 человек (34 женщины), средний возраст — 20 лет. Регистрация глазодвигательной активности осуществлялась при помощи айтрекера EyeLink Portable Duo. Исследование показало, что удержание в АДП изображений объектов, принадлежащих к одной категории с целевым стимулом, увеличивает время верификации. Это может свидетельствовать об интерференции между перцептивными репрезентациями в АДП и шаблоном целевого стимула. Напротив, вербальная информация, семантически связанная с названием целевой категории, не оказывала значимого влияния.

Ключевые слова: внимание, зрительный поиск, айтрекер, шаблон целевого стимула, активированная долговременная память.

В рамках изучения механизмов внимания и восприятия было проведено множество исследований, посвященных выявлению связи между зрительным вниманием и системой памяти. В АДП, согласно модели управляемого поиска Дж. Вольфа (Wolfe, 2021), содержится шаблон целевого стимула. Сличение объекта-кандидата с шаблоном целевого стимула

* Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

в АДП приводит к принятию стимула как целевого и завершению поиска, либо к отвержению стимула и продолжению поиска. Этот этап зрительного поиска называют верификацией целевого стимула.

В своем исследовании мы опираемся на описание архитектуры АДП в модели рабочей памяти К. Оберауэра (Oberauer, 2009). Исследования рабочей памяти показывают, что информация, не релевантная для текущей задачи, удаляется из рабочей памяти, но продолжает храниться в АДП (Lewis-Peacock, Kessler, Oberauer, 2018). Мы предположили, что репрезентации, удерживаемые в АДП, могут оказывать влияние на процесс верификации целевого стимула. С одной стороны, перцептивные репрезентации, принадлежащие к одной базовой категории с целевым объектом, могут интерферировать с шаблоном целевого стимула. С другой стороны, вербальная информация в АДП, семантически связанная с названием категории целевого объекта, может помогать удерживать шаблон целевого стимула.

Выборка. В исследовании приняли участие 38 человек (34 женщины) в возрасте от 18 до 26 лет (средний возраст — 20 лет).

Процедура исследования. Был проведен лабораторный эксперимент по внутригрупповому экспериментальному плану $3 \times 2 \times 3$ со следующими независимыми переменными: тип загрузки АДП (перцептивная; вербальная; отсутствие загрузки); связь загрузки АДП с шаблоном целевого стимула (есть; нет); количество объектов на экране поиска (4; 6; 8). Зависимой переменной является время верификации целевого стимула. Регистрация глазодвигательной активности осуществлялась при помощи айтрекера EyeLink Portable Duo (SR Research, Canada). Последовательность предъявления стимулов в каждой пробе с загрузкой АДП была следующей: 1) представление трех картинок или слов, которые нужно было запомнить; 2) появление названия категории целевого стимула (например, «вилка»); 3) экран поиска с несколькими изображениями, среди которых было одно изображение целевого объекта; 4) клик мышью на целевое изображение; 5) появление экрана с 6 изображениями или 6 тройками слов для выбора запомненных стимулов. Для анализа времени верификации была построена смешанная

линейная модель с преобразованной зависимой переменной (Вох-Сох, $\lambda = 0,8$) и тремя фиксированными факторами: тип загрузки АДП, наличие связи с шаблоном целевого стимула и количество объектов на экране поиска. В качестве случайного фактора был добавлен случайный перехват по испытуемому.

Результаты. Запоминание слов сопровождалось увеличением времени верификации целевого стимула по сравнению с удержанием в памяти изображений ($b = 15,4$; $SE = 3,74$; $t = 4,14$; $p < 0,0001$). Время верификации было больше в условии связанной с шаблоном целевого объекта загрузки АДП ($b = 14,75$; $SE = 3,73$; $t = 3,95$; $p < 0,0001$). Модель также выявила значимое взаимодействие всех трех предикторов при повышении количества стимулов ($b = 25,871$; $SE = 8,23$; $t = 3,14$; $p = 0,0016$). Пост-хок анализ с поправкой по Холму выявил, что в условии запоминания изображений, принадлежащих к той же базовой категории, что и целевой объект, время верификации выше ($estimate = -5,31$; $SE = 2,39$; $z = -2,22$; $p = 0,026$). Вербальные репрезентации в АДП не влияют на время верификации цели и не способствуют удержанию шаблона целевого стимула в АДП. Результаты настоящего исследования показали, что перцептивные репрезентации, удерживаемые в АДП, могут интерферировать с шаблоном целевого стимула и увеличивать время верификации. Этот эффект наблюдается в условии запоминания изображений объектов, принадлежащих к одной базовой категории, что и целевой стимул. Значимое трехфакторное взаимодействие предположительно может быть обусловлено разной работой механизма удержания объектов в АДП для слов и изображений в зависимости от времени их удержания.

Литература

- Lewis-Peacock J. A., Kessler Y., Oberauer K. The removal of information from working memory // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2018. V. 1424. No. 1. P. 33–44.
- Oberauer K. Design for a working memory // *Psychology of Learning and Motivation*. 2009. V. 51. P. 45–100.
- Wolfe J. M. Guided Search 6.0: An updated model of visual search // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2021. V. 28. No. 4. P. 1060–1092.

**Возрастные изменения обновления
и удержания материала в рабочей памяти
при здоровом старении: исследование
с эквивалентными вербальными
и невербальными задачами***

О. А. Королькова

МЦНМО, Московский государственный психолого-
педагогический университет, Москва
olga.kurakova@gmail.com

Я. Р. Паникратова

Московский Центр непрерывного
математического образования, Москва
panikratova@mail.ru

М. Е. Пчелинцева

Московский Центр непрерывного
математического образования, Москва
merchelintseva@edu.hse.ru

А. В. Смирнова

Московский Центр непрерывного
математического образования, Москва
avsmirnova_14@edu.hse.ru

Е. В. Печенкова

Московский Центр непрерывного
математического образования, Москва
epchenkova@hse.ru

Изучались возрастные изменения таких процессов рабочей

* Исследование поддержано грантом Российского научного фонда № 23-78-00008, <https://rscf.ru/project/23-78-00008/>

памяти (РП), как обновление и кратковременное удержание информации. Использовались задача Стернберга (для оценки удержания информации) и задача «N шагов назад» (для оценки обновления информации) с вербальными (заглавные согласные русские буквы) и невербальными (символы искусственного алфавита) стимулами. Точность и время ответа анализировались с помощью регрессионных моделей со смешанными эффектами. Несмотря на то что пожилым участникам требовалось больше времени для выполнения обеих задач на РП, чем молодым, точность снижалась с возрастом только для задачи «N шагов назад», которая требует постоянного обновления содержания РП. *Ключевые слова:* рабочая память, вербальная рабочая память, невербальная рабочая память, обновление, здоровое старение.

Рабочая память (РП), система кратковременного удержания и обработки информации, существенно ухудшается с возрастом (Naveh-Benjamin, Cowan, 2023), однако мозговые механизмы этого ухудшения еще недостаточно прояснены. Для исследования снижения РП в процессе старения совместно методами фМРТ и МЭГ мы использовали 4 задачи, независимо оценивающие способности удерживать и обновлять информацию (Королькова и др., 2024): задачу «N шагов назад» (Kirchner, 1958) и задачу Стернберга (Sternberg, 1966) с вербальным и эквивалентным невербальным материалом. Каждый участник выполнил все задачи дважды в разные дни в условиях фМРТ и МЭГ. В настоящей работе приводятся поведенческие результаты исследования.

В анализ включены данные 16 молодых (средний возраст 23 ± 5 лет, 13 ж.) и 16 пожилых (средний возраст 66 ± 4 года, 13 ж.) участников. Все они были правшами, имели нормальное или скорректированное до нормального зрение и нормальный слух, не имели неврологических или психических расстройств, не имели анамнеза онкологических или сердечно-сосудистых заболеваний и противопоказаний к фМРТ/МЭГ.

Стимулами в вербальной задаче Стернберга были 4, 6 или 8 заглавных согласных русских букв (длительность предъявления — 2 с), за которыми следовал пустой экран (6 с) и целевая буква (3 с). Контрольное условие включало 8 символов решетки (#). Стимулами в невербальной задаче были 2, 4 или 6 символов искусственного алфавита, обеспечивающего визуальный контроль для вербальных стимулов без артикуляции (Vidal et al., 2017).

Каждый блок вербальной задачи «N шагов назад» состоял из последовательности из 9 букв (по 2,1 с каждая). В блоке «2 шага назад» участники отвечали, совпадает ли текущая буква с позапрошлой, а в блоке «0 шагов назад» — совпадает ли текущая буква с первой буквой в этом блоке. Невербальная задача «N шагов назад» содержала символы искусственного алфавита.

Точность и время ответа анализировались с помощью регрессионных моделей со смешанными эффектами. В задаче Стернберга фиксированными факторами были Группа (молодые/пожилые), Метод (фМРТ/МЭГ), Стимулы (вербальные/невербальные) и Длина строки (контрольная/маленькая/средняя/большая). В задаче «N шагов назад» фиксированными факторами были Группа, Метод, Стимулы и Блок (0/2 шага назад). Взаимодействия всех факторов и случайный эффект участника были включены во все модели. Для сравнения между отдельными условиями использовались одновременные контрасты с поправкой FDR.

В задаче Стернберга время ответа было меньше в молодой группе по сравнению с группой пожилых ($z = -3,442$; $p < 0,001$), для точности различий не обнаружено ($z = -1,03$; $p = 0,302$). Время ответа в фМРТ было больше, чем в МЭГ ($z = 9,922$; $p < 0,001$), для точности различий не обнаружено ($z = 1,24$; $p = 0,215$). Невербальная задача выполнялась хуже ($z = -3,046$; $p = 0,002$) и медленнее ($z = 4,416$; $p < 0,001$), чем вербальная. Увеличение длины строки приводило к снижению точности ($z > 3,190$; $p < 0,006$) и увеличению времени ответа ($z < 6,395$; $p < 0,001$).

В задаче «N шагов назад» точность была выше ($z = 3,348$; $p < 0,001$), а время меньше ($z = -4,51$; $p < 0,001$) у молодых участников по сравнению с пожилыми. Точность снижалась ($z = -2,734$; $p =$

0,006), а время возрастало ($z = 14,14$; $p < 0,001$) в фМРТ по сравнению с МЭГ. Невербальная задача выполнялась хуже ($z = -3,621$; $p < 0,001$) и медленнее ($z = 9,409$; $p < 0,001$), чем вербальная. Точность в блоках «0 шагов назад» была выше, чем в блоках «2 шага назад» ($z = 13,19$; $p < 0,001$), а время было меньше ($z = -55,6$; $p < 0,001$).

Таким образом, хотя пожилым участникам требовалось больше времени для выполнения задач на РП, чем молодым, точность снижалась с возрастом только для задачи «N шагов назад», требующей постоянного обновления содержания РП, но не в задаче Стернберга, которая оценивает удержание материала. Полученный паттерн результатов согласуется с текущей литературой и, таким образом, показывает валидность предлагаемых методов для нейрофизиологического исследования с использованием МЭГ и фМРТ.

Литература

- Королькова О. А., Паникратова Я. Р., Смирнова А. В., Менинг С. М., Пчелинцева М. Е., Симицын В. Е., Печенкова Е. В. Разработка сопоставимых по сложности задач для изучения вербальной и невербальной рабочей памяти в фМРТ- и МЭГ-исследованиях // Десятая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Пятигорск, 26–30 июня 2024 г. Часть II / Отв. ред. Киреев М. В. Пятигорск, 2024. С. 216–217.
- Kirchner W. K. Age differences in short-term retention of rapidly changing information // *Journal of Experimental Psychology*. 1958. V. 55. No. 4. P. 352–358.
- Naveh-Benjamin M., Cowan N. The roles of attention, executive function and knowledge in cognitive ageing of working memory // *Nature Reviews Psychology*. 2023. V. 2. P. 151–165.
- Sternberg S. High-Speed Scanning in Human Memory // *Science*. 1966. V. 153. No. 3736. P. 652–654.
- Vidal C., Content A., Chetail F. BACS: The Brussels Artificial Character Sets for studies in cognitive psychology and neuroscience // *Behavior Research Methods*. 2017. V. 49. P. 2093–2112.

Конфликт ментальных моделей, правильность и время ответа

К. А. Курбанов

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Москва
kurbanov-ka@mail.ru

В настоящей работе изучалось, различаются ли метакогнитивные оценки для стимулов, которые соответствуют четырем типам вывода: 1) *modus ponens* (MP); 2) *modus tollens* (MT); 3) подтверждение следствия (AC); 4) отрицание antecedента (DA). А также соответствуют интуитивным и контринтуитивным типам ответов. В настоящем исследовании приняли участие 27 испытуемых. Было обнаружено, что тип стимула (интуитивный / контринтуитивный) никак не влиял на оценки правильности ответа и вероятность верного ответа. Значимым фактором являлся только тип логической посылки. Эти данные частично подтверждают гипотезу о роли логической структуры задачи в возникновении когнитивного конфликта и изменении ответа.

Ключевые слова: ментальные модели, интуиция, наивные теории, метакогниции, чувство правильности, когнитивный конфликт.

Оценка истинности утверждений типа «кораллы живые» занимает у испытуемых больше времени и приводит к росту количества ошибок по сравнению с утверждениями «волки живые» (Shtulman, Harrington, 2016). Предполагается наличие когнитивного конфликта между интуитивными и научными теориями. Однако проблема в том, что, хотя увеличение времени проверки может служить индикатором сложности рассуждений, природа возникающей сложности остается неясна. Один из способов изучить когнитивный конфликт основан на парадигме двойного ответа (*two-response paradigm*) (De Neys, 2014). В условии достаточного количества времени для решения

и сомнении в корректности ответа в работу включается система 2, которая приводит к корректному ответу (Thompson, Johnson, 2014). Можно предположить, что, поскольку контринтуитивные стимулы типа «кораллы живые» требуют дополнительных когнитивных ресурсов, это может отражаться на метакогнитивных оценках.

Были выдвинуты следующие гипотезы: 1) различия между оценками правильности для проб, где первый ответ менялся; 2) отрицательная взаимосвязь между временем первого ответа и правильностью в зависимости от типа утверждения и логического вывода; 3) взаимодействие между типом вывода и типом утверждения для вероятности верной смены ответа.

Методы. Выборку составили 27 человек (4 мужского пола). В исследовании в качестве задач выступают утверждения, которые по форме соответствуют четырем типам вывода (1) *modus ponens* (MP); 2) *modus tollens* (MT); 3) подтверждение следствия (AC); 4) отрицание антецедента (DA). Каждому испытуемому предъявляется набор из 72 утверждений основной серии и 4 в тренировочной серии. Задача испытуемого дважды ответить на одну и ту же пробу: в первый раз ответ должен быть интуитивный, во второй раз аналитический. Фиксируются ответы да/нет, оценка правильности по семибалльной шкале и время реакции.

Результаты. Если оценка правильности первого ответа низкая, то испытуемые чаще меняют свой ответ во второй пробе ($W = 29702$; $p > 0,001$). Для анализа взаимосвязи между первым ответом и оценкой правильности была построена смешанная регрессионная модель. Зависимая переменная — оценка правильности, фиксированные факторы — время реакции, тип посылки, тип стимула и их взаимодействие. Случайные — испытуемые и стимулы. Взаимодействие факторов не наблюдается ($p = 0,4$), не наблюдается влияния типа стимула ($p = 0,9$). В модели учитывались только время реакции и тип посылки ($\chi^2(3) = 22,32$; $p < 0,001$).

Время первого ответа отрицательно связано с оценкой правильности ответа в зависимости от типа логического вывода ($\beta = -0,16$; $SE = 0,02$; $t(1654,6) = -26,8$; $p < 0,001$). Связь между

временем реакции и правильностью варьировалась в зависимости от посылки: МТ ($\beta = -0,40$; $SE = 0,08$; $t(67,4) = -4,53$; $p < 0,001$). Для DA ($\beta = -0,33$; $SE = 0,08$; $t(69,02) = -3,72$; $p < 0,001$). Для AC ($\beta = -0,14$; $SE = 0,08$; $t(64,9) = -1,67$; $p = 0,09$).

Анализ вероятности верного ответа при смене ответа анализировался с помощью смешанной логистической регрессии. Тип стимула не был значим ($p = 0,7$), в качестве фиксированных факторов учитывались смена ответа, посылки и их взаимодействие ($\chi^2(3) = 30,57$; $p < 0,001$). Если испытуемые не меняли первый ответ, то вероятность верного ответа была выше для посылок МР (OR) = 3,92; 95 % CI [0,99; 1,73]. Для посылок AC, напротив, смена ответа слабо повышала вероятность верного ответа (OR) = 1,02; 95 % CI [-0,48; 0,53]. Для посылок DA смена ответа немного повышала вероятность верного ответа (OR) = 1,02; 95 % CI [-0,48; 0,52]. Для посылок типа МТ смена ответа слабо влияла на правильность (OR) = 1,59; 95 % CI [-0,01; 0,95].

Обсуждение и выводы. Полученные результаты частично подтверждают гипотезы о влиянии типа стимула на чувство конфликта и вероятность верной смены ответа. Наблюдается эффект для типа посылки и оценок правильности, а также для типа посылки и вероятности верной смены ответа. Тип утверждения не влиял на результаты метакогнитивных оценок и правильности. Вероятно, что варьирование типа стимула путем логических посылок нивелировало эффект их соответствия наивным или научным теориям (Markovits, Quinn, 2002).

Литература

- De Neys W.* Conflict detection, dual processes, and logical intuitions: Some clarifications // *Thinking & Reasoning*. 2014. V. 20. No. 2. P. 169–187.
- Markovits H., Quinn S.* Efficiency of retrieval correlates with “logical” reasoning from causal conditional premises // *Memory & Cognition*. 2002. V. 30. No. 5. P. 696–706.
- Shtulman A., Harrington K.* Tensions between science and intuition across the lifespan // *Topics in cognitive science*. 2016. V. 8. No. 1. P. 118–137.

Shtulman A., Valcarcel J. Scientific knowledge suppresses but does not supplant earlier intuitions // *Cognition*. 2012. V. 124. No. 2. P. 209–215.

Thompson V. A., Johnson S. C. Conflict, metacognition, and analytic thinking // *Thinking & Reasoning*. 2014. V. 20. No. 2. P. 215–244.

Восприятие и оценка индивидуально-психологических характеристик человека по видеоизображению его поведения

Е. А. Лупенко

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва
elena-lupenko@yandex.ru

В. А. Волкова

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва
vika0002010@mail.ru

О. А. Королькова

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва
olga.kurakova@gmail.com

Е. Г. Хозе

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва
house.yu@gmail.com

Изучалось взаимодействие визуальной и аудиальной информации при восприятии индивидуально-психологических характеристик незнакомого человека

по коротким видеофрагментам его поведения. Показано, что тип стимульного материала (уни- либо мультимодальный) значительно влияет на оценку натурщиков по методике «Личностный дифференциал». Выделены шкалы ЛД, «чувствительные» к аудиальной составляющей. При уни-модальном предъявлении в вербальном описании преобладают индивидуально-психологические характеристики и характеристики эмоциональных состояний; при мультимодальном — наличие голосового сопровождения смещает фокус внимания на внешние проявления и коммуникативные особенности. Наблюдается индивидуальная вариативность вклада визуального и акустического компонентов в зависимости от особенностей натурщика.

Ключевые слова: восприятие индивидуально-психологических характеристик человека, взаимодействие визуальной и аудиальной информации, унимодальный и мультимодальный тип стимульного материала, личностный дифференциал, вербальное описание.

Важным умением для успешной коммуникации является адекватное и объективное восприятие и понимание другого человека. При этом большую роль играет то, насколько точно оцениваются интеллектуальные, эмоционально-волевые, коммуникативные и другие индивидуально-психологические особенности человека по его невербальным и вербальным проявлениям (Барабанщиков, 2017). Показано, что ключевые черты личности неосознаваемо проявляются в невербальном поведении (Fleeson, Law, 2015). В частности, оценка такого качества, как экстраверсия, связана с тем, насколько часто оцениваемый натурщик улыбается, а также насколько быстрыми являются его движения.

Результаты ряда исследований показывают, что значительное влияние на восприятие личности человека и социальные суждения оказывает взаимодействие визуальной и аудиальной информации. Данные результаты свидетельствуют о том, что информация, содержащаяся как в лице, так и в голосе, способствует формированию первого впечатления о человеке. Эта

комбинация находится вне сознательного контроля, а вклад каждой модальности зависит от воспринимаемой черты (Mileva et al., 2018). Данные аналогичных исследований демонстрируют, что интеграция лицевой и голосовой информации является сложным процессом, включающим, в частности, взаимодействие различных областей мозга и обеспечивающим эффективное социальное взаимодействие (Campanella, Belin, 2007).

Мы провели исследование, целью которого явилось изучение восприятия и оценки индивидуально-психологических характеристик человека по коротким фрагментам видеоизображения его поведения в ситуации демонстрации невербального поведения (униmodalное предъявление) и в ситуации демонстрации поведения со звуковым сопровождением (мультиmodalное предъявление).

Участники исследования: 216 человек (179 жен. и 37 муж. в возрасте от 18 до 62 лет, медиана возраста 33 года), преимущественно студенты московских вузов.

Стимульный материал: 6 фрагментов видеозаписей натурщиков (до плечевого пояса) длительностью 1 минута в ситуации сдачи экзамена. Натурщиками выступили 6 женщин в возрасте от 19 до 22 лет, медиана возраста 20,5 года — студенты московского вуза психолого-педагогического профиля (МГППУ). В процессе видеозаписи натурщики отвечали на вопросы экзаменатора. Оценка индивидуально-психологических характеристик проводилась по методике «Личностный дифференциал» (ЛД), а также использовалась методика вербального описания.

Полученные результаты свидетельствуют о различиях в оценках индивидуально-психологических характеристик натурщиков по методике ЛД (значимость оценивалась по критерию U Манна – Уитни) при униmodalном и мультиmodalном предъявлении стимульного материала, что имеет ключевое значение для интерпретации результатов эксперимента. Количество и состав шкал ЛД, по которым были получены значимые различия, варьируют в зависимости от особенностей конкретного натурщика. В целом наибольшее количество значимых различий получено по шкалам: «обаятельный – непривлекательный», «решительный – нерешительный», «суетливый – спокойный»,

«несамостоятельный – самостоятельный». То есть можно предположить, что данные шкалы оказались наиболее «чувствительными» к наличию аудиальной составляющей, мультимодальному типу стимульного материала.

При вербальном описании наблюдаются различия в общем количестве используемых индивидуально-психологических характеристик в ситуации унимодального ($\Sigma = 889$) и мультимодального восприятия ($\Sigma = 807$). При анализе данных каждого отдельного натурщика получена та же закономерность: при мультимодальном восприятии во всех случаях, за исключением натурщика № 6, наблюдается снижение количества характеристик при описании индивидуально-психологических особенностей личности по сравнению с унимодальным восприятием. Также полученные данные показывают, что при описании личности по чисто невербальному поведению основное внимание уделяется индивидуально-психологическим характеристикам и эмоциональному состоянию натурщиков. Наличие голосового сопровождения смещает фокус внимания на внешние проявления и коммуникативные особенности.

Литература

- Барабанщиков В. А. Коммуникативный подход в исследованиях восприятия // Когнитивные механизмы невербальной коммуникации / Ред. В. А. Барабанщиков. М.: Когито-Центр, 2017. С. 14–47.
- Campanella S., Belin P. Integrating face and voice in person perception // Trends in Cognitive Sciences. 2007. V. 11. № 12. P. 536–543.
- Fleeson W., Law M. K. Trait enactments as density distributions: The role of actors, situations, and observers in explaining stability and variability // Journal of Personality and Social Psychology. 2015. V. 109. № 6. P. 1090–1104.
- Mileva M., Tompkinson J., Watt D., Burton A. M. Audiovisual integration in social evaluation // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. 2018. V. 44. № 1. P. 128–138.

Может ли загрузка активированной долговременной памяти замедлять верификацию цели при зрительном поиске?*

М. И. Морозов

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Москва
morozovmaksimmm@gmail.com

Может. Но для этого необходимо два условия: перцептивный формат кодирования и высокий уровень активации. При выполнении этих условий репрезентации, хранящиеся в АДП, будут интерферировать с шаблоном цели, что будет приводить к увеличению времени верификации целевого объекта. В нашем эксперименте испытуемые выполняли задачу зрительного поиска, одновременно удерживая в памяти дополнительный объект, который мог быть связан или не связан с шаблоном цели. Было обнаружено, что при запоминании объекта, связанного с шаблоном цели, время верификации было дольше, чем при запоминании не связанного. Полученные данные позволяют заключить, что перцептивные репрезентации, хранящиеся в АДП и связанные с шаблоном цели, приводят к возникновению интерференции и замедлению процесса верификации цели. *Ключевые слова:* зрительный поиск, шаблон цели, активированная долговременная память, интерференция, верификация цели, айтрекинг.

Согласно современным представлениям, зрительный поиск состоит из двух процессов — гайденса и верификации. Процесс гайденса представляет собой отбор объектов, обладающих одним или несколькими зрительными признаками

* Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

целевого объекта. Этот процесс управляется с помощью «шаблона гайденса» — репрезентации нескольких зрительных признаков целевого объекта, хранящегося в рабочей памяти (РП). Все отобранные на этапе гайденса объекты-кандидаты проходят процесс верификации, в ходе которого определяется, является ли данный кандидат целью поиска или нет. Процесс верификации цели управляется с помощью «шаблона цели» — репрезентации целевого объекта, которая хранится в активированной долговременной памяти (АДП) (Wolfe, 2021).

В процессе осуществления зрительного поиска в РП и АДП могут храниться не только шаблон гайденса и шаблон цели, но и другие репрезентации. В ряде исследований было показано, что объект, удерживаемый в РП в процессе осуществления поиска, может заменять собой шаблон гайденса. Это приводит к привлечению внимания к объектам, обладающим зрительными признаками запомненного объекта, а не изначальной цели поиска (Carlisle, Woodman, 2019). Однако на материале АДП памяти таких исследований проведено не было.

Данная работа посвящена изучению того, каким образом репрезентации, хранящиеся в АДП в процессе осуществления поиска, влияют на процесс верификации целевого объекта. Мы предполагаем, что процесс верификации в качестве шаблона цели использует ту репрезентацию, которая обладает наибольшим уровнем активации среди всего содержимого АДП. Следовательно, наличие в АДП репрезентации, обладающей двумя этими характеристиками (высоким уровнем активации и перцептивным форматом кодирования), может приводить к интерференции между этой репрезентацией и шаблоном цели. Это будет выражаться в увеличении времени, необходимого для верификации целевого объекта.

Для проверки наших предположений мы использовали задачу зрительного поиска повседневных объектов, в которой просили испытуемых удерживать в памяти помимо цели поиска еще один объект. Мы варьировали связь запомненного объекта с шаблоном цели. В одном условии испытуемые запоминали

такой же объект как целевой, но в другом состоянии (открытый ноутбук, закрытый ноутбук). В другом условии испытуемые запоминали объект из другой категории, не связанной с шаблоном цели.

Гипотеза: время верификации целевого объекта будет дольше в условии удержания в АДП такого же объекта, как целевой, но в другом состоянии, по сравнению с условием удержания в АДП объекта из другой категории.

Методика. Для проверки выдвинутых гипотез мы использовали однофакторный внутрисубъектный план. Независимой переменной выступал Тип запоминаемого объекта (целевой объект в другом состоянии / объект из другой категории). Зависимыми переменными были время верификации целевого объекта и время верификации объекта, удерживаемого в АДП.

Выборка составила 19 человек (2 муж.) в возрасте от 18 до 26 лет (ср. возраст = 20 лет). Все участники были добровольцами, студентами РАНХиГС, получившими за участие баллы по учебным дисциплинам.

Результаты, обсуждение и выводы. Результаты проведенного эксперимента свидетельствуют в пользу выдвинутой нами гипотезы. Удержание в АДП целевого объекта в другом состоянии приводит к интерференции между ним и шаблоном цели, что увеличивает время, необходимое для процесса верификации целевого объекта ($F(1,18) = 5,3$; $p = 0,034$; $\eta^2 = 0,055$). Также мы обнаружили, что время верификации запомненного объекта было дольше в условии удержания в АДП целевого объекта в другом состоянии ($F(1,18) = 16,02$; $p = 0,0008$; $\eta^2 = 0,206$). Это также свидетельствует в пользу наличия интерференции между шаблоном цели и запомненным объектом. Полученные нами результаты свидетельствуют в пользу нашего предположения о том, что необходимыми условиями для возникновения интерференции между репрезентациями, хранящимися в АДП, и шаблоном цели являются перцептивный формат кодирования и высокий уровень активации репрезентаций, обусловленный наличием связи с шаблоном цели.

Литература

- Carlisle N. B., Woodman G. F.* Quantifying the attentional impact of working memory matching targets and distractors // *Visual Cognition*. 2019. V. 27. No. 5–8. P. 452–466.
- Wolfe J. M.* Guided Search 6.0: An updated model of visual search // *Psychonomic bulletin & review*. 2021. V. 28. No. 4. P. 1060–1092.

Концептуальная модель, искусственный интеллект и воспринимаемое качество*

В. Н. Носуленко

Институт психологии РАН, Москва
valery.nosulenko@gmail.com

Обсуждаются вопросы построения концептуальной модели технической системы, элементом которой является «черный ящик» искусственного интеллекта. Проблема видится в том, что априорный выбор наиболее значимых параметров концептуальной модели остается за разработчиком системы. Рассмотрены особенности содержания концептуальной модели и перспективы решения возникающих вопросов в рамках парадигмы воспринимаемого качества. Представление концептуальной модели на языке пользователя будет способствовать более понятной и явной передаче информации о работающей системе.

Ключевые слова: концептуальная модель, искусственный интеллект, воспринимаемое качество.

* Исследование выполнено в рамках государственного задания № 0138–2025–0012.

В инженерной психологии широко применяется понятие «концептуальная модель», предложенное А. Т. Велфордом (Welford, 1958). Автор отмечал, что, не имея возможности непосредственно наблюдать за управляемым объектом, оператор получает информацию в закодированном виде, на основании которой он конструирует концептуальную модель управляемого процесса.

Концептуальная модель оказалась удобным объяснительным средством при разработке сложных технологических систем, а анализ ее роли в процессах управления таких систем человеком стал объектом многих исследований. Согласно многим авторам (см., например, Guarino et al., 2020), назначение концептуальной модели — передать основные принципы работы и функциональность системы, которую она представляет. Это должно помочь оператору лучше интерпретировать актуальное состояние системы и потенциал его возможных изменений. Практически концептуальная модель отражает представление проектировщиков системы о том, что необходимо передать пользователю о ее функциональности и поведении. Показатели правильности концептуальной модели отражены в таких категориях, как понятность (насколько она помогает понять систему), передаваемость знаний (насколько полно она передает сведения о системе), общая отправная точка (насколько эффективно модель показывает точку отсчета для определения спецификаций системы), ссылаемость (дает ли она возможность документирования системы средства совместной работы для будущего использования). Выбор наиболее значимых параметров концептуальной модели остается за разработчиком системы.

При таком понимании возникает сложность интерпретации концептуальной модели при создании систем, предполагающих использование в качестве одного из элементов искусственного интеллекта. Находясь в статусе «черного ящика», этот элемент не может быть представлен как совокупность конкретных параметров, описанных в физических терминах. А значит, невозможно использовать традиционные методы построения концептуальной модели для оператора, которые предполагают

предварительную выработку категорий для описания свойств системы. А мы ничего не знаем о ее внутреннем содержании.

Здесь тесно переплетаются вопросы построения концептуальной модели и встраивания в нее ментальных моделей (Guarino et al., 2020), проблемы объяснимости искусственного интеллекта и встраивания в концептуальную модель моделей машинного обучения (Ali et al., 2023).

Нам представляется, что в решении этих вопросов определенную перспективу дает подход воспринимаемого качества объектов, с которыми взаимодействует человек (Носуленко, 2007). Воспринимаемое качество — это совокупность субъективно-значимых свойств внешней среды, определяющая для человека качественную определенность различных элементов среды и позволяющая ему отличать одни элементы среды от других. Специфика подхода воспринимаемого качества и его инструментария заключается в том, что содержание воспринимаемого качества отражает только наиболее значимые для субъекта характеристики в процессе его целостного восприятия. В этом смысле анализ с позиции воспринимаемого качества может быть отнесен к абстрактно-аналитической ветви системного подхода (Пономарёв, 1999). Поскольку невозможно изначально установить элементы или компоненты изучаемой системы, значимые для субъекта характеристики системы должны выявляться в самом процессе оценки воспринимаемого качества. Выявив эти характеристики, можно определить те внешне наблюдаемые параметры системы, которые будут связаны с ее субъективно значимыми признаками. Эти параметры и должны войти в концептуальную модель, характеризующую функционирование системы и те ее свойства, которые в воспринимаемом качестве системы связываются с работой «черного ящика». Концептуальная модель частично отражает воспринимаемое качество сложного технического объекта, особенно в отношении восприятия его функциональных свойств. Ее представление на языке пользователя будет способствовать более понятной и явной передаче информации о работающей системе.

Литература

- Носуленко В. Н. Психофизика восприятия естественной среды. Проблема воспринимаемого качества. М.: ИП РАН, 2007.
- Пономарёв Я. А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
- Ali S., Abuhmed T., El-Sappagh S., Muhammad K., Alonso-Moral J. M., Confalonieri R., Guidotti R., Del Ser J., Díaz-Rodríguez N., Herrera F. Explainable Artificial Intelligence (XAI): What we know and what is left to attain Trustworthy Artificial Intelligence // Information Fusion. 2023. V. 99. Art. 101805. P. 1–52.
- Guarino N., Guizzardi G., Mylopoulos J. On the Philosophical Foundations of Conceptual Models // Information Modelling and Knowledge Bases XXXI, Series “Frontiers in Artificial Intelligence and Applications”. 2020. P. 1–15.
- Welford A. T. Some Preliminary Thoughts on the Human Demands of Automation // British Journal of Industrial Medicine. 1958. V. 15 No. 2. P. 99–104.

Связь интеллектуального поведения реципиента с полнотой понимания текста

В. А. Обольская
Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург
varavery@gmail.com

О. В. Щербакова
Высшая школа экономики, Москва
o.scherbakova@gmail.com

Исследовалась связь паттернов интеллектуального поведения реципиентов с полнотой понимания текста при

чтении. По полученным данным, полнота понимания текста положительно связана с содержанием в вербальном отчете реципиента продуктивных единиц мысли ($R^2 = 0,26$; $p = < 0,001$) и отрицательно — с содержанием проективных единиц мысли ($\rho = -0,331$; $p = 0,003$), также был выявлен не прямой вклад общего количества единиц мысли.

Ключевые слова: понимание текста, интеллектуальное поведение, единицы мысли, проекции, глубинное интервью, ментальная репрезентация.

На фоне выявляемых затруднений в понимании текстов при чтении актуальным является анализ интеллектуального поведения читателей в процессе работы с текстом. Он требует учета: 1) градуальности самого понимания как психического явления и 2) градуальности смысловой структуры текста (Аверьянова (Обольская), Щербакова, 2022; Щербакова, Обольская, 2023).

Для наблюдения за работой реципиента с семантическими элементами разных уровней в качестве стимульного материала был выбран художественный текст со сложной организацией имплицитных смыслов — рассказ Г. Грина «Невидимые японские джентльмены». Оценка специфики интеллектуального поведения респондентов ($N = 42$, $M = 37$ лет) при понимании текста проводилась посредством глубинного полуструктурированного интервью по содержанию текста. Транскрибированные протоколы интервью были разделены на единицы мысли (ЕМ) — вербализованные единицы мышления с единым тематическим содержанием (Graesser et al., 1994). ЕМ может как включать только один тип мыслительной операции, так и быть собирательной — включать несколько мыслительных операций, связанных единой целью. Были выделены три группы ЕМ, отражающих направления мышления реципиента в процессе взаимодействия с текстом: 1) продуктивные: направлены на получение информации извне (из текста): интерпретативные, прогностические; 2) ориентировочные: направлены на регуляцию своей работы с текстом: метакогнитивные, фатические, пересказ; 3) проективные: направлены на получение знаний изнутри (обращение к собственному опыту): ассоциативные,

эмоционально-оценочные, метатекстовые. В качестве показателей паттернов интеллектуального поведения реципиента использовались: относительное количество каждой из трех групп ЕМ в вербальном отчете, общее количество ЕМ всех типов, плотность ЕМ (отношение числа отдельных ЕМ к сумме количества ЕМ каждого типа).

Вклад в полноту понимания текста был обнаружен для содержания продуктивных ЕМ; наиболее значимо связаны были интерпретативные ЕМ (регрессионный анализ: $R^2 = 0,276$; $F(1,40) = 15,281$; $p < 0,001$; корреляционный анализ: продуктивные ЕМ: $\rho = 0,445$; $p = 0,003$; интерпретативные ЕМ: $\rho = 0,461$; $p = 0,002$), что согласуется с данными о лучшем понимании текста при построении прогностических и интерпретативных выводов (Graesser et al., 1994; Miall, 2008).

Для содержания проективных ЕМ выявлены отрицательные связи с полнотой понимания текста ($\rho = -0,331$; $p = 0,032$), показателями продуктивных ($\rho = -0,68$; $p < 0,001$) и ориентировочных ЕМ ($\rho = -0,708$; $p < 0,001$). Эти связи не являются взаимоисключающими, однако склонность к опоре на определенные ЕМ при затруднениях может быть причиной отрицательной связи.

Обнаружены непрямые свидетельства связи количества ЕМ с полнотой понимания: положительные связи с показателем проективных ЕМ показателей плотности ЕМ ($\rho = 0,490$; $p < 0,001$) и содержания всех ЕМ ($\rho = 0,419$; $p = 0,006$). Вероятно, общее количество ЕМ негативно влияет на полноту понимания текста, т.к. оно связано с большим содержанием в вербальном отчете реципиента проективного материала, способного исказить ментальную репрезентацию (Щербакова, 2009). Эту интерпретацию также поддерживает отрицательная связь показателя плотности ЕМ с содержанием ориентировочных ЕМ ($\rho = -0,482$; $p = 0,001$).

Наши данные указывают на значимость параметров выстраиваемых реципиентов ЕМ для полноты понимания текста, причем важно учитывать количество ЕМ, их взаимодействие и качественные характеристики.

Литература

- Аверьянова (Обольская) В.А., Щербакова О. В.* Между текстом и читателем: инструментарий для изучения понимания имплицитных смыслов вербальных текстов. Часть 1 // Вопросы психолингвистики. 2022. Т. 3. № 53. С. 42–61.
- Щербакова О. В.* Когнитивные механизмы понимания комического: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2009.
- Щербакова О. В., Обольская В. А.* Между читателем и текстом: инструментарий для изучения понимания имплицитных смыслов вербальных текстов. Часть 2 // Вопросы психолингвистики. 2023. Т. 1. № 55. С. 112–127.
- Graesser A. C., Singer M., Trabasso T.* Constructing inferences during narrative text comprehension // *Psychological Review*. 1994. V. 101. No. 3. P. 371–395.
- Miall D. S.* Beyond the schema given: Affective comprehension of literary narratives // *Cognition and Emotion*. 2008. V. 3. No. 4. P. 55–78.

Вопросы изучения воспринимаемого качества обоняния*

Р. В. Романенко

ООО «Аромалюкс», Москва
r.v.romanenko@gmail.com

В. Н. Носуленко

Институт психологии РАН, Москва
nosulenkovn@ipran.ru

Обсуждаются вопросы психологического исследования восприятия запахов в естественных ситуациях жизни человека. Показано ограничение психофизического подхода к выявлению связи между характеристиками ощущений и компонентами ольфакторной среды. Оно определяется невозможностью сформировать для эксперимента однозначного набора стимульного материала и необходимостью применения в исследовании только простого материала. Для дифференциации объектов ольфакторной среды в их сложных сочетаниях предложен подход воспринимаемого качества, в котором исходными данными являются субъективные категории, характеризующие опыт взаимодействия индивида со средой. Дан пример экспериментального изучения воспринимаемого качества сложных парфюмерных композиций

Ключевые слова: обоняние, запах, первичный запах, классификация, ощущение, восприятие, воспринимаемое качество.

Обоняние играет важную роль в жизни человека, участвуя в процессах выживания, питания, социального взаимодействия. Традиционно для его изучения применяются психофизические

* Исследование выполнено в рамках государственного задания № 0138–2025–0012.

методы, определяющие абсолютные и дифференциальные пороги при ощущениях запахов. Эти методы ограничены использованием простых стимулов — отдельных пахучих веществ (одорантов), что не позволяет применить получаемые результаты для интерпретации восприятия сложных комбинаций одорантов. Психофизический подход направлен на сопоставление двух сторон ольфакторных явлений: их «объективно» измеряемых характеристик (химических) и характеристик их ощущений. Описания этих двух составляющих можно рассматривать в рамках двух моделей — физической и перцептивной (Носуленко, 2007). Первая включает описание химического состава, молекулярной структуры и физических свойств (летучесть, агрегатное состояние) одоранта. Вторая объединяет субъективные признаки, позволяющие человеку дифференцировать запахи. Попытки выявления жестких (психофизических) связей между этими моделями перспективны только для простых одорантов, учитывая большое разнообразие возможных описаний свойств сложных композиций. Поэтому существующие классификации запахов опираются либо только на химические свойства, что не всегда объясняет восприятие (химически разные вещества могут пахнуть одинаково), либо используют только субъективные признаки, что не позволяет установить источник запаха.

Внимание на этой проблеме акцентировал Я. А. Пономарёв, говоря, что уровни психического отражения не изолированы, а взаимодействуют по принципу «целое определяет части» (Пономарёв, 1999). Эта идея была реализована в подходе воспринимаемого качества, предлагающего линию анализа «от сложного к простому» (Носуленко, 2007): на первый план ставится перцептивная модель. Только после определения ее содержания (воспринимаемого качества) можно строить гипотезы об ответственности параметров физической модели. Когнитивно-коммуникативный подход Б. Ф. Ломова (1984) лег в основу инструментария для изучения воспринимаемого качества, определив его исследовательскую парадигму. Субъект сам определяет содержание воспринимаемого качества объектов,

продуцируя вербализации в когнитивно-коммуникативной ситуации.

В проведенном нами экспериментальном исследовании участники ($n = 45$) сравнивали и описывали особенности попарно предъявляемых ароматов (Носуленко, Романенко, 2023). Сравнивались 6 ароматов в 15 предъявлениях. Кроме задачи на вербализацию, оценивались различия ароматов в паре по 9-балльной шкале, а также выбирали предпочитаемый запах.

В результате в базе данных выделено и закодировано 9672 вербальные единицы, каждая из которых представляет одно «измерение» комплексной характеристики одного из ароматов. На базе полученных вербализаций были построены «вербальные портреты», включающие в себя субъективно-значимые дескрипторы, позволяющие хорошо дифференцировать разные композиции ароматов (Носуленко, 2007; Самойленко, 2010). Словарь используемых признаков оказался существенно разнообразнее, чем в стандартных экспертных процедурах. Было выделено 11 главных параметров сравнения: качество («свежий»), состав («ванильный»), отношение («приятный»), интенсивность («заметный»), вкус («горький»), применимость («вечерний»), воздействие («навязчивый»), тип («освежитель»), сложность («простой»), группа («восточный»), распространение («стойкий»). Обнаружена связь между шкальной оценкой различия ароматов в паре и частотой использования описаний их сходства и различия. Показатели предпочтения оказались связаны с представленностью таких аффективных признаков, как «нравится», «приятный» или «надоедливый».

Выводы и перспективы. Парадигма воспринимаемого качества предлагает инструмент для исследования запахов в контексте целостного опыта. В перспективе предстоит ответить на ряд вопросов. Например, как опыт восприятия ароматов формирует новые полимодальные перцептивные схемы, какие особенности ольфакторного восприятия специфичны в процессе творчества, каковы механизмы интуитивной обработки и эмоциональной оценки запаха предшествуют его осознанной идентификации.

Литература

- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Носуленко В. Н.* Психофизика восприятия естественной среды. М.: ИП РАН, 2007.
- Носуленко В. Н., Романенко Р. В.* Парадигма воспринимаемого качества в изучении обоняния // Человек, субъект, личность: перспективы психологических исследований: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. В. Брушлинского и 300-летию основания Российской академии наук, 12–14 октября 2023 г., Москва / Отв. ред. Д. В. Ушаков, А. Л. Журавлёв, Н. Е. Харламенкова, А. В. Махнач, Г. А. Виленская, Н. Н. Казымова. М.: ИП РАН, 2023. С. 183–187.
- Пономарёв Я. А.* Психология творчества. М.-Воронеж: Изд-во НПО «МодЭК», 1999.
- Самойленко Е. С.* Проблемы сравнения в психологическом исследовании. М.: ИП РАН, 2010.

**СИМПОЗИУМ
«КРЕАТИВНОСТЬ
И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ
ФУНКЦИИ»**

Связь креативности с тормозным контролем у подростков

Е. М. Беляева

Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина, Елец, Липецкая область
evgeniyabely@yandex.ru

Представлены результаты изучения взаимосвязи уровня креативности и параметров сенсомоторной интеграции у детей подросткового возраста. Выявлена нелинейная связь между уровнем креативности, оцененной с помощью методики Дж. Гилфорда, и агрессивностью. Результаты позволяют говорить о том, что при снижении креативности растет уровень агрессивности, а при высоком уровне креативности агрессивность наблюдается только в том случае, если одновременно снижен тормозный контроль.

Ключевые слова: подростки, агрессивность, креативность, тормозный контроль, сенсомоторная интеграция.

Творчество детей сложно оценивать, так как их результаты редко бывают принципиально новыми для общества, несмотря на их новизну для самого ребенка (Николаева, 2017). В связи с этим акцент смещается на оценку креативности — потенциальной способности к творческому мышлению.

Креативность — это сложное единство множества факторов, не сводящихся к линейным связям. В данной работе акцент сделан на психофизиологических особенностях, лежащих в ее основе. Главным фактором считается пластичность нервной системы (Pascual-Leone et al., 2005), реализуемая через сенсомоторную интеграцию — объединение сенсорного входа и моторного ответа. Эффективная ориентация в сенсорном потоке и способность предсказывать его структуру могут быть маркерами креативности. Однако точные реакции возможны только при зрелом тормозном контроле, исключающем нерелевантные ответы (Разумникова, Николаева, 2019).

Параметры простой и сложной сенсомоторных реакций позволяют оценить как ориентацию в сенсорном потоке, так и уровень тормозного контроля (Иванченко, Малых, 1994). Для выявления креативных механизмов подходит фрактальная структура стимульного потока: она мешает осознанному обучению, но может быть распознана неосознанно — что типично для креативных решений.

Уровень тормозного контроля оценивается по числу ошибок при подавлении ранее усвоенной реакции. Кроме этого, изучался фактор агрессивности, который, согласно литературе, также связан с креативностью и имеет психофизиологическую основу (Луткова и др., 2020).

В исследовании приняли участие 158 учеников 6–7-х классов (12–13 лет). *Методы:* тесты креативности Торренса и Гилфорда, методика оценки тормозных процессов (рефлексометрия), опросник Басса – Дарки для измерения агрессивности.

Результаты. Сначала испытуемые были распределены по уровням креативности. Анализ показал, что оба теста оценивают разные ее аспекты, требующие отдельного рассмотрения.

Только уровень, выявленный по невербальному тесту Торренса, коррелировал с ориентацией в сенсорном потоке: чем выше креативность, тем лучше подросток ориентировался в сигнале. Чем выше уровень, тем больше снижение ошибок во второй части сложной сенсомоторной реакции — показатель точного предсказания сенсорной структуры.

Меньшее количество ошибок в обеих частях сложной реакции указывает на высокий тормозный контроль и способность подавлять лишние реакции. Также выявлено: при низкой креативности уровень агрессивности возрастает; при высокой — агрессивность проявляется только при сниженном тормозном контроле.

Подростки, оцененные по методике Гилфорда как креативные, показывали высокий тормозный контроль (меньше ошибок). Связь между креативностью по Гилфорду и агрессивностью оказалась нелинейной: только сочетание высокого уровня креативности и сформированного тормозного контроля надежно предсказывает низкую агрессивность.

Литература

- Иванченко С. Н., Малых С. Б. Природа изменчивости скоростных характеристик сенсомоторных реакций в различных экспериментальных условиях // Вопросы психологии. 1994. № 6. С. 80–86.
- Луткова Н. В., Макаров Ю. М., Минкин В. А., Николаенко Я. Н. Системный характер параметра агрессивности в оценке психофизиологического состояния квалифицированных спортсменов игровиков // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2020. № 5 (183). С. 253–258.
- Николаева Е. И. Психология детского творчества. СПб.: Питер, 2017.
- Разумникова О. М., Николаева Е. И. Тормозные функции мозга и возрастные особенности организации когнитивной деятельности // Успехи физиологических наук. 2019. Т. 50. № 1. С. 75–89.
- Pascual-Leone A., Amedi A., Fregni F., Merabet L. B. The Plastic Human Brain Cortex // Annual Review of Neuroscience. 2005. V. 28. P. 377–401.

Методы оценки креативности детей в раннем возрасте

В. Н. Виногорова

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург
vik.25@bk.ru

Е. И. Николаева

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург
klemtina@yandex.ru

Современные исследования направлены в основном на изучение креативности детей с 5 лет и взрослых. Креативность детей раннего возраста исследована мало, в том числе в связи с отсутствием необходимых для этого диагностических инструментов. Описаны манипулятивные тесты «Необычная коробка» (The Unusual Box Test) и «Мяч и банка» (The Ball and Jar Task), которые предлагается использовать для оценки креативности детей в возрасте с 2 лет.
Ключевые слова: креативность, дети, ранний возраст, диагностические инструменты.

Благодаря креативности мы адаптируемся к новым условиям, мы меняемся и подстраиваемся, мы решаем задачи нестандартным способом, пробуя различные варианты решения. Креативность — качество, возникшее и закрепившееся в эволюции именно потому, что позволяет ребенку адаптироваться к социуму, в котором он рожден. Малыш должен обучиться с нуля всему тому, чего достигло человечество (Николаева, 2017). Дети создают свое малое творчество каждый день (Lilly, 2014). Это творчество нельзя измерить, но можно оценить креативность как потенциал, возможности к творческому процессу. Кроме того, креативность в отличие от творчества имеет критический период развития — 5 лет. Уже в возрасте 6 месяцев дети,

как показано, исследуют и осознают доступность различных предметов и поверхностей (например, Bourgeois et al., 2005). Это говорит о том, что младенцы и малыши раннего возраста обладают способностью к творчеству посредством действий и изучения объектов. В основе креативности лежит дивергентное мышление. Для оценки дивергентного мышления существует большое количество тестов. Но эти тесты ориентированы на оценку креативности детей в возрасте от 3–4 лет и взрослых и не подходят для детей более раннего возраста в связи с тем, что вербальные, сложные для ребенка и продолжительные. Креативность детей в раннем возрасте изучена мало. В связи с этим представляется интересным и значимым изучить развитие креативности детей в раннем онтогенезе. Для этого могут быть использованы следующие тесты: «Необычная коробка» (Hoicka et al., 2013), «Мяч и банка» (Evans et al., 2021).

В основе теста «Необычная коробка» лежит естественное любопытство и исследовательское поведение детей. Это тест на дивергентное мышление для раннего возраста, который является не имитационным и не опирается на вербальное понимание.

В этом тесте ребенку предоставляется коробка с различными приспособлениями (веревки, лестницы и пр.). Ребенку предлагается играть с коробкой вместе с пятью незнакомыми для ребенка предметами по 90 секунд с каждым, предметы выдаются в хаотичном порядке. Действия ребенка кодируются и затем оцениваются в соответствии с критериями беглости и оригинальности.

В тесте «Мяч и банка» ребенку предлагается достать мяч из банки, используя предметы (12 различных предметов), которые ребенку предоставляются все и сразу. На решение задачи ребенку дается 8 минут. Благодаря данному тесту можно оценить исследовательское поведение, дивергентное (по критериям беглости и оригинальности) и конвергентное мышление детей независимо друг от друга и в тандеме друг с другом. Чтобы добиться успеха в задаче «Мяч и банка», дети должны исследовать и манипулировать свойствами объектов (исследовательское поведение) для того, чтобы найти несколько решений проблемы

(дивергентное мышление), а затем выбрать, какое решение будет наиболее полезным (конвергентное мышление).

Представленные тесты видятся действенными инструментами для оценки креативности детей в раннем возрасте в связи с тем, что они невербальные, не имитационные, непродолжительные и доступные для проведения.

Литература

- Николаева Е. И.* Психология детского творчества. СПб.: Речь, 2006.
- Bourgeois K. S., et al.* Infant manual exploration of objects, surfaces, and their interrelations // *Infancy*. 2005. V. 8. No. 3. P. 233–252.
- Evans N. S., et al.* Examining the impact of children's exploration behaviors on creativity // *Journal of Experimental Child Psychology*. 2021. V. 207. Art. 105091.
- Hoicka E., et al.* The Unusual Box Test: A non-verbal, non-representational divergent thinking test for toddlers // *AAAI Spring Symposium: Creativity and (Early) Cognitive Development*. 2013. Palo Alto, CA.
- Lilly F. R.* Creativity in early childhood // *Encyclopedia of Primary Prevention and Health Promotion*. New York, NY: Springer, 2014. P. 598–609.

Внимание и креативность: инвертированная U-образная зависимость у здоровых лиц и пациентов с рассеянным склерозом

П. А. Виноградова

Институт мозга человека РАН
им. Н. П. Бехтеревой, Санкт-Петербург
polinauzlovenko@mail.ru

Представлено исследование взаимосвязи между концентрацией внимания, осознанием неявного контекста и креативностью у здоровых лиц и пациентов с рассеянным склерозом (РС). Результаты указывают на наличие инвертированной U-образной зависимости между точностью выполнения когнитивной задачи, требующей концентрации внимания, и уровнем креативности: умеренные отклонения от оптимальной точности связаны с более высокими показателями креативности. Обнаружена положительная корреляция между осознанием неявного контекста и уровнем креативности.

Ключевые слова: внимание, когнитивные способности, креативность, рассеянный склероз.

В современной психологии активно обсуждается роль внимания в творческой деятельности (Zabelina, 2018). Некоторые исследования указывают на влияние рассеянного внимания на генерацию новых идей, в то время как другие подчеркивают важность фокусированного внимания для реализации креативных концепций. Изучение креативных способностей у пациентов с заболеваниями, характеризующимися когнитивным дефицитом, представляет особый интерес. Креативность — способность создавать новые и ценные идеи. Для этого требуется трансформация имеющихся знаний. Осознание контекста ситуации, как правило, происходит неявно и требует смещения фокуса внимания, предполагая изменение содержания

сознания, что может быть сопоставимо по механизму с творческим процессом.

Цель исследования. Определение взаимосвязи концентрации внимания и способности к осознанию неявного контекста с креативностью у здоровых лиц и пациентов с рассеянным склерозом.

Методы. В исследовании приняли участие 20 здоровых испытуемых и 20 пациентов с РС. Каждую группу случайным образом разделили на две подгруппы (А и В). Подгруппам предлагалось задание на подсчет букв «а» в тексте. В подгруппе В контекст (текст задания) был визуально приближен к основному тексту, что повышало вероятность включения букв из текста задания в подсчет. Затем все участники выполняли тесты на креативность, включающие завершение нелогичных высказываний и оригинальное изменение смысла известных пословиц. Оценка креативности осуществлялась двумя экспертами независимо друг от друга по критериям новизны, неожиданности и осмысленности (максимальная сумма баллов за креативные задания — 21).

Результаты. Участники были разделены на три группы по выявленному уровню креативности: высокая (15–21 балл), средняя (8–14 баллов) и низкая (0–7 баллов). Выявлена прямо пропорциональная связь между осознанием контекста и оригинальностью, что может быть связано со способностью к изменению фокуса внимания. Полученные данные демонстрируют, что максимальные баллы оригинальности получили лица, заметившие контекст. Безошибочность подсчетов коррелировала с низкой оригинальностью ответов, равно как и низкая точность. Небольшое количество ошибок при подсчете коррелировало с высокой оригинальностью. У пациентов с РС наблюдалось большее число крайних значений по количеству ошибок, что коррелировало со снижением креативности (прямая корреляция с баллом EDSS).

Обсуждение. Результаты демонстрируют явную взаимосвязь между вниманием, осознанием контекста и креативностью. Показано, что умеренное рассеяние внимания и осознание контекста может служить признаком когнитивной гибкости,

необходимой для креативного процесса. Высокая точность выполнения задания может свидетельствовать о ригидности мышления, тогда как большое количество ошибок указывает на снижение когнитивных функций. Полученные данные подчеркивают роль внимания в креативном процессе и открывают перспективы для дальнейших исследований креативности у здоровых лиц и пациентов с нейродегенеративными заболеваниями.

Литература

Zabelina D. L. Attention and creativity // *The Cambridge Handbook of the Neuroscience of Creativity* / Eds. R. Jung, O. Vartanian. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 161–179.

Оценка межсубъектной синхронизации у зрителей в условиях театральной репетиции. Пилотное ЭЭГ исследование*

Е. М. Заводова

Институт эволюционной физиологии и биохимии
им. И. М. Сеченова РАН, Санкт-Петербург
catherine.zavodova@itmo.ru

Ж. В. Нагорнова

Институт эволюционной физиологии и биохимии
им. И. М. Сеченова РАН, Санкт-Петербург
nagornova_zh@mail.ru

Представлены результаты анализа межсубъектной синхронизации зрителей при просмотре театральной постановки. Данные анализировали индивидуально и в парах. Индивидуально оценивали спектральную мощность в состояниях спокойного бодрствования в дельта, тета, альфа1, альфа2, бета1 и бета2 диапазонах ЭЭГ до, после и во время просмотра. В 21 сформированной паре проводилась оценка фазовой синхронизации (phase locking value, PLV) и коэффициентов круговой корреляции (circular correlation coefficient, CCorr). Спектральный анализ выявил уменьшение мощности в альфа1 и 2 диапазонах частот на разных этапах просмотра. Показатели межсубъектной синхронизации показали увеличение синхронизации в тета, альфа1, 2 диапазонах частот для центрально-теменно-затылочных областей и уменьшение в лобных зонах мозга.

Ключевые слова: ЭЭГ, синхронизация, гиперсканнинг, театр, зрители, PLV, CCorr.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01797, <https://rscf.ru/project/24-28-01797/>

Изучение нейрофизиологических характеристик различных типов взаимодействия двух/нескольких людей стало возможным (Montague, 2002) с развитием методологии «гиперсканнинга». Целью работы была оценка межсубъектной синхронизации биоэлектрической активности мозга зрителей театральной постановки. В исследовании проанализирована межсубъектная синхронизация у 21 сформированной пары (семь зрителей 20–57 лет, пары для оценки синхронизации формировали по принципу «каждый с каждым»). Участники находились на генеральной репетиции театральной постановки «Африканская сказка» (50 мин) в театральной студии КоЗА (г. Санкт-Петербург).

ЭЭГ от 19 отведений мобильного электроэнцефалографа SmartBCI24 (ООО «Мицар», Россия) регистрировали монополярно в полосе пропускания 0,53–150 Гц, с режекторным фильтром 50 Гц, с частотой оцифровки сигнала 250 Гц с использованием программного пакета WinEEG (В. А. Пономарёв, Ю. Д. Кропотова, гос. рег. № 2001610516 от 05/08/2001). На поверхности головы каждого испытуемого размещали 19 AgCl электродов по схеме 10–20 (Fp1, Fp2, F7, F3, Fz, F4, F8, T3, C3, Cz, C4, T4, T5, P3, Pz, P4, T6, O1, O2). Объединенный ушной электрод располагался на мочках обеих ушей, заземляющий электрод был расположен в передне-центральной отведении. Импеданс электродов не превышал 5 кОм. Синхронизацию данных проводили с использованием программно-аппаратных комплексов SmartBCI24, программного пакета WinEEG и ИК-отметчика, программного обеспечения Psytask (Пономарёв, 2001). Артефакты горизонтальных и вертикальных движений глаз корректировались методом пространственной фильтрации путем обнуления соответствующих независимых компонентов ЭЭГ (Vigario, 1997).

Спектральную мощность ЭЭГ вычисляли для 19 отведений в шести частотных диапазонах ЭЭГ: Δ (1,5–4 Гц), θ (4–8 Гц) $\alpha 1$ (8–10 Гц), $\alpha 2$ (10–13 Гц), $\beta 1$ (13–18 Гц), $\beta 2$ (18–30 Гц) с разбиением на 4-секундные эпохи анализа, окно Ханна с 50 %-м перекрытием (Bendat, 1989). Для статистического анализа данные спектральной мощности преобразовывали с использованием

десятичного логарифма. Для определения межсубъектной синхронизации между двумя участниками с использованием модуля НурР для Python (Ayrolles et al., 2021) были рассчитаны коэффициенты коннективности: значения фазовой синхронизации (Phase Locking Value, PLV) и коэффициенты круговой корреляции (Circular Correlation Coefficient, CCorr). Данные индексы рассчитывались на безартефактных для обоих участников из пары эпохах анализа 4 с без перекрывания в θ (4–8 Гц), α_1 (8–10 Гц), α_2 (10–13 Гц) диапазонах частот и усреднялись для каждой пары испытуемых в каждом состоянии. Для статистической оценки показателей коннективности сравнение проводили с показателями в «случайных» данных, сформированных путем случайной перестановки 4-секундных эпох (1000 перестановок) для каждой пары. Сравнение показателей коннективности реальных данных и случайных проводилось с использованием критерия Манна — Уитни.

При анализе спектральной мощности ЭЭГ (RM ANOVA для 4 состояний (спокойное бодрствование с открытыми глазами и трех разных периодов просмотра)) выявлен основной эффект по фактору СОСТОЯНИЕ в — α_1 : $F(3, 18) = 3,8$, $\varepsilon(H-F) = 0,9$; $p < 0,03$ и α_2 : $F(3, 18) = 4,6$, $\varepsilon(H-F) = 0,7$; $p < 0,03$ частотных диапазонах ЭЭГ.

Показатели фазовой синхронизации (PLV) и круговой корреляции (CCorr) имели схожую картину эффектов. Динамика межсубъектной синхронизации между зрителями на протяжении просмотра театральной постановки в θ , α_1 и α_2 диапазонах ЭЭГ была связана с увеличением синхронизации между центральными и теменными областями коры участников, что может отражать активацию системы зеркальных нейронов. Анализ межсубъектной синхронизации выявил меньшие ее значения по сравнению со случайными данными в θ , α_1 и α_2 диапазонах ЭЭГ между лобными областями участников в паре. Это может быть связано с вариативностью «верхнеуровневых» механизмов анализа информации у участников при просмотре и индивидуальными различиями в интерпретации постановки.

Литература

- Ayrolles A., et al.* HyPyP: a Hyperscanning Python Pipeline for inter-brain connectivity analysis // *Social Cognitive and Affective Neuroscience*. 2021. V. 16. No. 1–2. P. 72–83.
- Bendat J. S., Piersol A. G., Saunders H.* Random Data-analysis and measurement procedures // *Journal of Vibration Acoustics Stress and Reliability in Design*. 1989. V. 111. No. 3. P. 354–355.
- Montague P. R., et al.* Hyperscanning: simultaneous fMRI during linked social interactions // *Neuroimage*. 2002. V. 16. No. 4. P. 1159–1164.
- Vigário R. N.* Extraction of ocular artefacts from EEG using independent component analysis // *Electroencephalography and Clinical Neurophysiology*. 1997. V. 103. No. 3. P. 395–404.

Анализ межсубъектной синхронизации при изменении субъективной оценки творческого продукта в условиях социального взаимодействия. Пилотное исследование*

Ж. В. Нагорнова

Институт эволюционной физиологии и биохимии
им. И. М. Сеченова РАН, Санкт-Петербург
nagornova_zh@mail.ru

Проведена оценка межсубъектной синхронизации
биоэлектрической активности мозга при изменении

* Исследование выполнено за счет гранта Российского
научного фонда № 24–28–01797, [https://rscf.ru/
project/24–28–01797/](https://rscf.ru/project/24–28–01797/)

субъективного мнения о живописном полотне после его обсуждения в парах участников. Исследование проводилось в условиях посещения моновыставки современного художника. ЭЭГ регистрировали при помощи мобильных электроэнцефалографов smartBCI при восприятии и обсуждении картин. Рассчитывали значения фазовой синхронности (PLV) и круговой корреляции (Ccorr) при первом совместном просмотре картины и просмотре этой же картины после обсуждения — в Θ (4–8 Гц), α -1 (8–10 Гц), α -2 (10–13 Гц), β -1 (13–18 Гц) и β -2 (18–30 Гц) диапазонах ЭЭГ. После обсуждения выбранной картины наблюдалось генерализованное увеличение межсубъектной синхронизации в α -1 и β -2 диапазонах частот и снижение — в θ и β -1 диапазонах.

Ключевые слова: ЭЭГ, синхронизация, гиперсканнинг, субъективное мнение, PLV, CCorr.

Восприятие творческого продукта — субъективный процесс, основанный на эмоциональной и когнитивной оценке произведения. При восприятии произведений живописи эстетические эмоции и связанная с ними активация мозговых сетей определяются общекультурным опытом и личными предпочтениями (Nadal, Chatterjee, 2019). При восприятии нового для зрителя искусства, например, абстрактного, знакомство с описанием контекста создания работы и особенностей живописной техники повышало эстетическую оценку (Darda, Chatterjee, 2023). Помимо общей информации, оценку незнакомой картины значимо повышает обсуждение этой картины с партнером, которому она нравится (Nagornova, Shemyakina, 2024), то есть на поведенческом уровне мы можем предположить, что в ходе обсуждения формируется некоторый общий «взгляд» на представленную картину. Исходя из наблюдений об увеличении синхронизации биоэлектрической активности у людей в условиях совместной кооперативной деятельности (Ciaramidaro et al., 2024), мы проверяли гипотезу об увеличении межсубъектной синхронизации при просмотре и оценки картины

после совместного обсуждения по сравнению с просмотром до обсуждения.

Процедура исследования. В анализ вошли 12 пар испытуемых (6 человек, 3 муж. и 3 жен., 20–26 лет). Исследование проводилось в условиях посещения испытуемыми выставки современного художника, (г. Санкт-Петербург). Согласно инструкции, при посещении выставки участники выбирали три картины, которые они хотели бы показать и обсудить с партнером. В каждой паре участников один из них представлял картину, выбранную им для обсуждения. Испытуемые вместе молча рассматривали картину в течение минуты, после этого высказывали свое мнение о ней (первым начинал участник, не выбиравший эту картину) и затем также рассматривали эту картину молча в течение минуты. ЭЭГ регистрировали монополярно от 19 AgCl электродов, расположенных на поверхности головы по системе 10–20 при помощи носимого электроэнцефалографа SmartBCI (ООО Мицар, Санкт-Петербург, Россия) с частотой дискретизации 250 Гц, в программном пакете WinEEG (Пономарёв В. А., Кропотов Ю. Д., № государственной регистрации 2001610516 от 08.05.2001). Фильтры высоких-низких частот устанавливались на 0,53–30 Гц соответственно; режекторный фильтр 50 Гц. Объединенный референт располагался на мочках обеих ушей, заземляющий электрод — между отведениями Fpz и Fz. Для определения межсубъектной синхронизации между двумя участниками с использованием модуля NuPyR для Python (Ayrolles et al., 2021) были рассчитаны значения фазовой синхронизации (PLV) и коэффициенты круговой корреляции (CCorr). Данные индексы рассчитывались на безартефактных для обоих участников из пары эпохах анализа 2 с без перекрытия в тета (4–8 Гц), альфа-1 (8–10 Гц), альфа-2 (10–13 Гц), бета-1 (13–18 Гц) и бета-2 (18–30 Гц) диапазонах частот и усреднялись для каждой пары испытуемых в каждом состоянии. Для группового сравнения показателей синхронизации при восприятии картины после обсуждения по сравнению с состоянием до обсуждения использовали критерий Манна — Уитни.

Результаты. Показатели фазовой синхронизации (PLV) и круговой корреляции (CCorr) имели схожую картину эффектов. После обсуждения восприятие картины сопровождалось генерализованным снижением синхронизации в тета и бета-1 частотных диапазонах ЭЭГ и увеличением межсубъектной синхронизации в альфа-1 и бета-2 частотных диапазонах. Динамика синхронизации в альфа-2 диапазоне носила разнонаправленный характер (уменьшение между лобными областями и увеличение — между отдельными электродами сенсомоторных и теменных областей). Таким образом, первоначальная гипотеза подтвердилась частично, так как увеличение синхронизации наблюдалось только в отдельных диапазонах ЭЭГ. Можно предположить, что обсуждение картины приводит к поиску общего эмоционального отношения к картине, но сопровождается различиями в ее смысловой интерпретации. В дальнейшем планируется оценить степень согласованности оценок в парах испытуемых до и после обсуждения.

Литература

- Ayrolles A., et al.* HyPyP: a Hyperscanning Python Pipeline for inter-brain connectivity analysis // *Social Cognitive and Affective Neuroscience*. 2021. V. 16. No. 1–2. P. 72–83.
- Ciaramidaro A., et al.* Synergy of the mirror neuron system and the mentalizing system in a single brain and between brains during joint actions // *NeuroImage*. 2024. V. 299. Art. 120783.
- Darda K. M., Chatterjee A.* The impact of contextual information on aesthetic engagement of artworks // *Scientific reports*. 2023. V. 13. No 1. Art. 4273.
- Nadal M., Chatterjee A.* Neuroaesthetics and art's diversity and universality // *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science*. 2019. V. 10. No. 3. Art. e1487.
- Nagornova Z. V., Shemyakina N. V.* Neurophysiological correlates of the aesthetic judgment formation in conditions of joint paintings perception // *Journal of Evolutionary Biochemistry and Physiology*. 2024. V. 60. No. S. 1. P. S89–S101.

Связь креативности с параметрами исполнительных функций

Е. И. Николаева

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург
klemtina@yandex.ru

А. Е. Славутская

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург
aliseslav@gmail.com

В работе сравниваются характеристики креативности и тормозного контроля 152 учеников, обучающихся в обычных классах средней школы и физико-математических классах специализированного лицея. Использовались методики оценки тормозного контроля (парадигма go/no go), объема и механизмов рабочей памяти и анкетирование (для описания особенностей семьи ребенка и его дополнительных занятий). В рамках регрессионного анализа показано, что дети, обучающиеся в специализированных классах, отличаются только по параметру разработанности от детей, обучающихся в классах общей направленности. Объем рабочей памяти для всей выборки также был связан с разработанностью, а тормозный контроль — с беглостью. Обсуждается причина несвязанности этих параметров в данном возрасте с оригинальностью.

Ключевые слова: тормозный контроль, исполнительные функции, креативность, дети.

Центральная проблема связи креативности с параметрами исполнительных функций состоит в том, что существуют множественные и весьма противоречивые описания как параметров креативности, так и параметров исполнительных функций. Тем не менее большинство авторов сходятся на том, что тесты,

направленные на оценку креативности, должны включать переменные оригинальность, беглость, гибкость, разработанность (Шумакова, 2021). В свою очередь тройка исполнительных функций — тормозный контроль, рабочая память и когнитивная гибкость — признаются также большинством заинтересованных исследователей (Николаева, Вергунов, 2017). Однако наличие разных подходов к каждому из этих понятий приводит к большому спектру самых разных связей между ними.

Именно поэтому целью исследования стало выявление связей между параметрами креативности и исполнительных функций.

В исследовании приняли участие 152 ученика 12–17 лет, 98 человек из которых обучались в ГБНОУ «Президентский физико-математический лицей № 239», остальные — в одной из средних школ г. Санкт-Петербурга.

Были использованы для анализа тормозного контроля парадигма go/no go (Вергунов и др., 2019), методика оценки объема и механизмов рабочей памяти (Разумникова, Николаева, 2019), а также применялась анкета, с помощью которой описывались параметры семьи и дополнительные занятия детей.

Регрессионный анализ, где зависимой переменной была специфика класса (физико-математический или обычный), в котором обучались дети, обнаружил, что дети, обучающиеся в физико-математическом классе, отличаются от детей, обучающихся в обычной школе, только одним параметром креативности — разработанностью. При этом на переменную «тормозный контроль» оказывают влияние только 2 переменные: беглость и возраст, то есть тормозный контроль тем выше, чем выраженнее у ребенка (вне зависимости от учебного заведения) беглость и чем он старше. Эти две переменные объясняли 15,4 % дисперсии зависимой переменной. На объем рабочей памяти в свою очередь влияла только переменная «разработанность».

Мы предполагаем, что разработанность — это тот параметр, который успешно поддается обучению, что и происходит в специализированной гимназии. Основной параметр креативности — оригинальность — закладывается достаточно рано, и его формирование зависит от условий развития,

когда формируются основы внешнего и самонаправленного когнитивного контроля (Munakata, Michaelson, 2021). Именно самонаправленный когнитивный контроль предопределяет возможности ребенка к самостоятельной постановке цели и внутренней мотивации ее достигать.

Литература

- Вергунов Е. Г., Николаева Е. И., Боброва Ю. В.* К вопросу о психометрической надежности некоторых психологических методик // Теоретическая и экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 1. С. 61–68.
- Николаева Е. И., Вергунов Е. Г.* Что такое «executive functions» и их развитие в онтогенезе // Теоретическая и экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 2. С. 62–81.
- Разумникова О. М., Николаева Е. И.* Возрастные особенности тормозного контроля и проактивная интерференция при запоминании зрительной информации // Вопросы психологии. 2019. № 2. С. 124–132.
- Шумакова Н. Б.* Творческий потенциал и его измерение в современных зарубежных исследованиях // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 4. С. 8–16.
- Munakata Y., Michaelson L. E.* Executive functions in social context: Implications for conceptualizing, measuring, and supporting developmental trajectories // Annual Review of Developmental Psychology. 2021. V. 3. No. 1. P. 139–163.

К вопросу о личностных и интеллектуальных характеристиках креативности

О. М. Разумникова

Новосибирский государственный технический
университет, Новосибирск
razoum@mail.ru

Проанализирована взаимосвязь оригинальности, психометрически оцененная при тестировании компонентов вербальной и образной креативности, интеллекта и личностных черт студентов. Установлены корреляции показателей оригинальности образной и вербальной креативности; положительный вклад интеллекта в креативность в большей мере представлен для его вербального компонента, личностная черта «поиск новизны» оказывает влияние на оригинальность независимо от формы тестирования, а психотизм (положительно) и зависимость от награды (негативно) связаны с оригинальностью при выполнении субтеста «Незавершенные фигуры». Предложена иерархическая модель интеллектуально-личностной организации оригинальности при тестировании креативности. *Ключевые слова:* вербальная и образная креативность, интеллект, личностные черты.

Несмотря на интенсивные исследования связи интеллекта и креативности и личностных черт и креативности, вопрос этот остается открытым и продолжает изучаться с применением как психометрических, так и нейрофизиологических инструментов (Dumas et al., 2024; Frith et al., 2021; Grajzel et al., 2023; Sadana et al., 2024). Разнообразие полученных результатов определяется не только методическими проблемами психометрической оценки показателей креативности и связанной с ней функциональной активностью мозга, но и многочисленными личностными характеристиками участников исследования,

каждая из которых может повлиять на реализацию креативных способностей в экспериментальных условиях.

В связи с этим взаимосвязи показателей креативности и интеллекта проанализированы с учетом их вербальной или образной формы тестирования и связь креативности с личностными чертами рассмотрена с использованием нейробиологических моделей личности Г. Айзенка и Р. Клонинджера.

Общая выборка исследования включала 1100 студентов университета разных специальностей в возрасте 17–23 лет. Для определения креативности использовали батарею методик, в том числе субтесты Торренса, Гилфорда и составление предложений из слов, относящихся к отдаленным семантическим категориям (Разумникова, 2002). Число участников разных форм тестирования изменялось от 146 до 593 человек.

В результате статистического анализа собранного массива данных установлены положительные связи между всеми показателями оригинальности при тестировании вербальной и невербальной креативности ($244 < n < 593$; $0,17 < R_s < 30$; $p < 0,001$). Результаты корреляционного анализа интеллекта и креативности свидетельствуют об устойчиво положительной, но количественно индивидуально разнообразной связи вербального компонента IQ как с вербальной, так и с образной оригинальностью ($208 < n < 581$; $0,15 < R_s < 0,24$; $p < 0,0001$), для образного компонента IQ значимые корреляции обнаружены только с показателями оригинальности при выполнении тестов «Незавершенные фигуры» и «Когнитивный синтез» ($287 < n < 576$; $0,15 < R_s < 0,16$; $p < 0,0001$).

При анализе личностных черт значимые связи обнаружены между психотизмом и образной оригинальностью (субтест «Незавершенные фигуры»), которая значимо коррелировала с такими личностными чертами, согласно модели Клонинджера, как поиск новизны ($n = 146$; $R_s = 0,18$; $p < 0,03$) и зависимость от награды ($R_s = -0,27$; $p < 0,001$).

Таким образом, можно заключить, что показатели оригинальности образной и вербальной креативности тесно взаимосвязаны; положительный вклад интеллекта в креативность в большей мере представлен для его вербального компонента,

личностная черта «поиск новизны» оказывает влияние на оригинальность при тестировании как вербальной, так и образной креативности, а психотизм (положительно) и зависимость от награды (негативно) связаны с оригинальностью при выполнении субтеста «Незавершенные фигуры». Следовательно, психометрически оцененная оригинальность при тестировании креативности в первую очередь определяется общими творческими способностями, далее — интеллектом (его вербальным компонентом) и, наконец, личностными характеристиками, среди которых наибольшее значение имеет поиск новизны.

На основе выявленных взаимосвязей показателей креативности, интеллекта и личностных черт можно схематически представить «пирамиду» организации творческой деятельности, в основании которой лежат способности к поиску оригинального решения на основе отказа от стереотипа и критического выбора ответа среди отдаленных как вербальных, так и образных ассоциаций. Следующий уровень представляют интеллектуальные способности, причем, согласно полученным результатам, вербальные имеют большее значение. И наконец, «вершину» как более генерализованную характеристику креативности представляют такие личностные черты, как психотизм, поиск новизны и зависимость от награды. По-видимому, разные индивидуальные комбинации перечисленных психологических характеристик определяют широкий диапазон количественно выраженной взаимосвязи между перечисленными параметрами.

Литература

- Разумникова О. М.* Способы определения креативности. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2002.
- Dumas D., Dong Y., Kagan S., Campbell W. K.* Exploring the creative personality: Using machine learning to predict fluency and originality in divergent thinking // *Creativity Research Journal*. 2024. P. 1–10.
- Grajzel K., Acar S., Singer G.* The Big Five and divergent thinking: A meta-analysis // *Personality and Individual Differences*. 2023. V. 214. Art. 112338.

Frith E., et al. Intelligence and creativity share a common cognitive and neural basis // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2021. V. 150. No. 4. P. 609–632.

Sadana D., et al. Correlates of creativity: An association between creativity, personality, and intelligence // *Gifted and Talented International*. 2024. V. 39. No. 2. P. 101–110.

Вызванная биоэлектрическая активность мозга в разных моделях вербальной творческой деятельности как показатель вовлечения системы когнитивного контроля

Н. В. Шемякина

Институт эволюционной физиологии и биохимии
им. И. М. Сеченова РАН, Санкт-Петербург
shemyakina_n@mail.ru

Испытуемые придумывали оригинальные окончания известных пословиц, искали слово, подходящее к трем предъявленным понятиям из разных семантических полей («отдаленные ассоциации»), придумывали оригинальные способы использования обычных предметов («альтернативное использование»). Анализировали амплитуды ВП и связанную с событием синхронизацию/десинхронизацию ЭЭГ. Выявили бóльшую негативность N300 в лобных зонах коры («пословицы» — 280–346мс). В заданиях «пословицы» и «отдаленные ассоциации» семантический поиск и интеграция новой информации характеризовались меньшими значениями амплитуды поздних компонентов

ВП (698–786 мс) в сравнении с извлечением известной информации из памяти.

Ключевые слова: вербальное творчество, вызванные потенциалы, отдаленные ассоциации (RAT), пословицы, альтернативное использование (AUT).

Исследовали модели дивергентного мышления (Guilford, 1967), ассоциативного поиска (Mednick, 1962) и преодоления стереотипа (Bechtereva, 2009). В исследованиях приняли участие 109 испытуемых (18–35 лет). Испытуемые придумывали оригинальное использование общеизвестного предмета (например: газета, скрепка и др.) в модифицированном тесте «AUT» (дивергентное мышление), а в контрольном к нему задании перечисляли предметы из предложенной категории (например: мебель, посуда и др.). При выполнении модификации теста «отдаленных ассоциаций» С. Медника испытуемые подбирали слово, которое могло использоваться с каждым из трех предъявленных понятий (например: случайная-гора-долгожданная — ответ «беседа»). В задании «пословицы» необходимо было придумать оригинальное окончание, меняющее ее пословицы, а в контрольном задании — вспомнить окончание.

Мы использовали один дизайн проб ВП (длительность 5400 мс): через 300 мс от начала пробы — стимул (400 мс), потом — фиксационная точка. При нахождении ответа испытуемый должен был мысленно его проговорить и нажать на кнопку, а после предъявления знака вопроса (на 5100 мс) — озвучить ответ. В отсутствие ответа, испытуемый на кнопку не нажимал, а после предъявления знака вопроса говорил «нет».

ЭЭГ/ВП регистрировали монополярно (объединенный ушной электрод, земля в передне-лобном отведении) 15–31 отведение 32/24-канальных электроэнцефалографов ООО Мицар, ЧД 500/250 Гц в программе WinEEG (Пономарёв В. А., Кропотов Ю. Д., № государственной регистрации 2001610516 от 08.05.2001). Анализ ЭЭГ/ВП проводили в полосе 1,6–30 Гц при ИСА коррекции глаздвигательных артефактов. Рассчитывали ВП в заданиях «альтернативное использование» и «пословицы» при наличии/отсутствии ответа (в RAT).

Результаты. Количество (%) ответов в задании «альтернативное использование» ($59 \pm 17\%$) не отличался от задания «пословицы» ($53 \pm 22\%$) и было большим, чем в задании «отдаленные ассоциации» ($43 \pm 20\%$). Время ответа в задании «альтернативное использование» (2042 ± 536 мс) было значимо ниже, чем в заданиях «пословицы» (3207 ± 437 мс) и «отдаленные ассоциации» (2946 ± 486 мс), между которыми время ответа не отличалось.

Выявлена большая негативность компонента N300 в лобных зонах коры в задании «пословицы» (280–346 мс после стимула) по сравнению с заданием «отдаленные ассоциации». Вероятно, отражает торможение стереотипа долговременной памяти. В заданиях «пословицы», «отдаленные ассоциации» семантический поиск в сравнении с извлечением известной информации из памяти характеризовался меньшими значениями амплитуды поздних компонентов ВП (698–786 мс). Задание на дивергентное мышление — «альтернативное использование» — характеризовалось большими амплитудами ВП в теменных областях (524–624 мс), что, вероятно, связано с большей образностью данного задания (возникновение зрительных образов) по сравнению с вербально-абстрактными заданиями на ассоциации и изменение смысла пословиц.

В условиях «найден или не найден ответ» анализировали ERS/ERD для 1000 мс после предъявления стимула в моделях «отдаленные ассоциации» и «пословицы». При сравнении ERS/ERD для проб с ответом vs пробы без ответа выявлены большая синхронизации (2–8,5 Гц от 0–980 мс) и уменьшение синхронизации (9–29 Гц для 620–980 мс). Синхронизация в низких частотах выражена в большей степени в лобных областях (Fp1–F8), но захватывает и центральные, теменные и затылочные области. Десинхронизация в более высокочастотных диапазонах выражена в центральных, лобных и теменных диапазонах билатерально. Можно предположить, что большая синхронизация в тета диапазоне сразу после предъявления стимула отражает вовлечение рабочей памяти, обеспечивающей быстрое нахождение ответа в задании (Herweg et al., 2020), и когнитивного контроля (Eisma et al., 2021), необходимого для торможения

близких ассоциаций и нахождения более отдаленных, связывающих понятия из разных семантических полей.

Литература

- Bechtereva N. P.* The usefulness of psychophysiology in the maintenance of cognitive life // International journal of psychophysiology. 2009. V. 73. No. 2. P. 83–87.
- Eisma J., Rawls E., Long S., Mach R., Lamm C.* Frontal midline theta differentiates separate cognitive control strategies while still generalizing the need for cognitive control // Scientific reports. 2021. V. 11. No. 1. Art. 14641.
- Guilford J. P.* The nature of human intelligence. New York: McGraw-Hill, 1967.
- Herweg N. A., Solomon E. A., Kahana M. J.* Theta oscillations in human memory // Trends in cognitive sciences. 2020. V. 24. No. 3. P. 208–227.
- Mednick S.* The associative basis of the creative process // Psychological review. 1962. V. 69. No. 3. P. 220–232.

**ЭМОЦИИ
И МЕТАКОГНИЦИИ
В РЕГУЛЯЦИИ ТВОРЧЕСКИХ
ПРОЦЕССОВ**

Перенос неспецифического эмоционального сигнала с перцептивной задачи на творческую

Н. В. Андриянова

Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург
andriyanova89@mail.ru

Н. В. Матюнина

ООО ЯЦПР, Санкт-Петербург
matyunina.nv@gmail.com

Изучалось влияние позитивного эмоционального сигнала, возникающего при решении перцептивной задачи, на решение творческой задачи. Участники решали 48 задач, состоящих из перцептивной задачи с эмоциональным стимулом и творческой задачи на поиск отдаленных ассоциаций. Результаты показали, что позитивный стимул не повлиял на общую точность решения, но точность решений с когерентными триадами была статистически значимо выше после позитивного стимула. В нерешаемых задачах сигнал от позитивного стимула ложно атрибутировался как сигнал о когерентности триады, приводя к неверным решениям. Кроме того, после негативных стимулов скорость ответов была статистически значимо ниже, чем после позитивных и нейтральных, а точность ответов значимо коррелировала с уверенностью и скоростью.

Ключевые слова: творческие задачи, неспецифический сигнал, метакогнитивные чувства, уверенность, чувство когерентности.

Метакогнитивными чувствами называют переживания, которые сопровождают когнитивную деятельность и относятся к процессу ее протекания. Р. В. Тихонов, А. В. Аммайнен и Н. В. Морошкина (2018) предлагают выделить два подхода

к пониманию метакогнитивных чувств. «Специфический» подход предполагает, что различные метакогнитивные чувства изначально несут информацию о том, какие когнитивные процессы их вызвали. В «неспецифическом» подходе метакогнитивные чувства несут информацию о состоянии познавательной системы в целом без указаний на конкретные когнитивные процессы. Согласно концепции В. М. Аллахвердова (2016), процесс познания происходит сразу несколькими способами, не зависящими друг от друга, главным критерием подтверждения гипотезы служит согласованность полученных результатов. Исследования С. Тополински и Ф. Страка (Topolinski, Strack, 2009) показывают, что суждения о семантической когерентности выносятся с большой точностью в связи с кратковременной положительной реакцией, вызванной повышением беглости обработки информации. Эта реакция служит сигналом о семантической связности трех слов.

В данной работе мы будем опираться на неспецифический подход и исследовать влияние эмоций на интуитивное чувство когерентности. Мы предполагаем, что позитивный стимул в дополнительной задаче повысит беглость обработки, а негативный стимул, наоборот, не позволит этому сигналу актуализироваться в сознании. Также мы можем говорить о том, что сам процесс решения дополнительной задачи поможет решить основную задачу. При решении задачи сознание получает эмоциональный сигнал «задача решена», который может быть «перенесен» с дополнительной задачи идентификации на творческую задачу, облегчая ее решение.

В рамках исследования был проведен эксперимент, который включал 48 блоков задач, состоящих из дополнительной и основной. Основной задачей была задача на поиск отдаленных ассоциаций. Наборы из трех слов предъявлялись на 3 секунды и в половине случаев имели решение (общее слово, которое образует устойчивое словосочетание с каждым из них) (конгруэнтные триады), а в половине — нет (неконгруэнтные триады). Задача испытуемого была угадать, есть ли общее слово, а затем определить степень уверенности в ответе от 1 до 5. Дополнительной задачей была задача идентификации — определить, является ли

объект на картинке одушевленным или неодушевленным. Объекты были позитивными, негативными (например, кошечка или паук, мороженое или куча мусора) или нейтральными. Задачи предъявлялись по очереди — сначала дополнительная, далее основная. Регистрировались точность, скорость и уверенность решения творческой задачи. Ожидалось, что после задачи с позитивным объектом творческая задача будет решаться быстрее, увереннее и точнее.

Выборка исследования составила 53 человека (35 женщин) в возрасте от 18 до 35 лет ($M = 24,02$; $SD = 4,42$).

Были выявлены значимые статистические различия в успешности решения творческой задачи после позитивных стимулов в дополнительной задаче. Парное сравнение решения когерентных и некогерентных задач после позитивного стимула с использованием критерия Т-Вилкоксона показало значимые различия ($T = 434$; $p < 0,05$). То есть позитивный стимул улучшал решение когерентных триад, усиливая положительный сигнал от повышения беглости обработки и ухудшал решение некогерентных триад, ложно атрибутируясь как сигнал о когерентности. При этом, по результатам корреляционного анализа, правильные ответы давались быстрее ($r_s = -0,283$; $p < 0,05$) и с большей уверенностью ($r_s = 0,376$; $p < 0,01$), чем неправильные.

Таким образом, позитивный эмоциональный сигнал улучшает чувствительность к метакогнитивным сигналам, но также может интерпретироваться как сигнал, полученный от другой задачи, и приводить к ее неверному решению. Однако для верных решений характерны большая скорость и уверенность, что косвенно подтверждает возможность переноса неспецифического сигнала с перцептивной на творческую задачу.

Литература

Аллахвердов В. М. Психика и сознание в логике познания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16. № 1. С. 35–46.

Тихонов Р. В., Аммалайнен А. В., Морошкина Н. В. Многообразие метакогнитивных чувств: разные феномены или разные

термины? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Т. 8. № 3. С. 214–242.

Topolinski S., Strack F. The analysis of intuition: Processing fluency and affect in judgements of semantic coherence // *Cognition and Emotion*. 2009. V. 23. No. 8. P. 1465–1503.

Связь семантических и перцептивных характеристик задач с вероятностью ага-переживания в тесте на поиск отдаленных ассоциаций*

Н. С. Батуев

Институт мозга человека им. Н. П. Бехтеревой
РАН, Санкт-Петербург
n.s.batuev@mail.ru

В настоящей работе рассматриваются предикторы ага-переживания с опорой на теорию беглости обработки информации, в которой связь между когнитивными процессами и метакогнитивными переживаниями является косвенной. Эксперимент проверял гипотезу о влиянии релевантных (семантических) и нерелевантных (перцептивных) источников беглости на вероятность возникновения ага-переживания. Результаты: высокая семантическая предсказуемость (фактор: тип триады) влияет на восприятие задачи как более легкой, увеличивая частоту оценивания ответа как верного. Тогда как низкая семантическая предсказуемость (факторы: тип триады и порядок предъявления слов)

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–18–01018, <https://rscf.ru/project/25-18-01018/>

влияла на формирование ошибки метакогнитивного прогноза относительно трудности задачи, увеличивая частоту ага-переживания при демонстрации правильного ответа. *Ключевые слова:* ага-переживание, беглость обработки информации, семантическая предсказуемость, перцептивная предсказуемость, метакогнитивные оценки, тест отдаленных ассоциаций.

Настоящая работа направлена на изучение предикторов ага-переживания в задачах на поиск отдаленных ассоциаций, для объяснения природы которого используется теория беглости обработки информации. Согласно нашему подходу, возникновение ага-переживания связано с резким сдвигом в беглости обработки информации, когда фактическая беглость превосходит ожидаемую (Moroshkina et al., 2022). Однако остается неясно, какие характеристики задачи могут влиять на беглость ее обработки. Согласно теории (Topolinski, Reber, 2010), предполагается, что на беглость обработки задачи могут влиять как ее семантические, так и перцептивные характеристики (которые могут быть релевантны/нерелевантны содержанию ответа). Ранее гипотеза о влиянии нерелевантных источников беглости на возникновение ага-переживания проверялась в работе Аммайненена (Аммалайнен, 2022), однако были получены лишь ее частичные подтверждения. Мы предположили, что семантическая предсказуемость, формируемая типом триады и порядком предъявления входящих в нее слов, а также перцептивная предсказуемость, связанная со способом предъявления ответа, будут влиять на вероятность возникновения и интенсивность ага-переживания при знакомстве с ответом.

В качестве стимульного материала использовались 60 задач на поиск отдаленных ассоциаций (Савина и др., 2021), которые разделяются на конвергентные и дивергентные (по 30 каждого типа). В конвергентных триадах слово-решение используется в одном лексическом значении, а в дивергентных — в нескольких. Семантическая предсказуемость варьировалась на основе значений косинусной близости между словами триады (Kutuzov, Kuzmenko, 2016), посредством изменения порядка

предъявления слов триады (следующее слово сильнее/слабее связано с предыдущим) и типом триады (средние значения косинусной близости в конвергентных триадах выше, чем в дивергентных). Перцептивная предсказуемость варьировалась посредством изменения местоположения ответа (над/под триадой).

В исследовании приняли участие 64 человека (24 мужчины) в возрасте от 18 до 25 лет ($M = 19,39$; $SD = 1,68$), носители русского языка. Участникам последовательно предъявлялись слова из триады с интервалом в 1,5 сек., а через 2 сек. — слово-решение (верное/неверное). Задачей было оценить правильность ответа, а также наличие и интенсивность ага-переживания. При этом задачи были случайно разбиты на филлеры и целевые. Сначала было показано случайное количество (от 1 до 3) «триад-филлеров» (слово-решение снизу), затем предъявлялись 2 «триады-цели» (сначала слово-решение снизу, затем сверху).

Анализ показал, что на вероятность оценивания слова-решения как верного влияет тип триады: на конвергентные триады, в которых семантическая близость слов выше, чем в дивергентных, участники чаще сообщают, что ответ подходит ($\beta = 0,44$; $SE = 0,12$; $z = 3,57$; $p < 0,001$). Вероятность ага-переживания при правильных ответах выше в дивергентных триадах ($\beta = -0,47$; $SE = 0,19$; $z = -2,4$; $p = 0,016$), а также при предъявлении триад с меньшей семантической предсказуемостью ($\beta = -0,64$; $SE = 0,3$; $z = -2,06$; $p = 0,038$). Не обнаружено влияния нерелевантного источника беглости (предсказуемости появления ответа) как на оценивание слова-решения, так и на ага-переживание.

Мы полагаем, что в триадах, где слово-решение используется в одном лексическом значении, а средняя семантическая близость слов внутри триады выше, участники формируют восприятие задачи как более легкой и, как следствие, чаще оценивают показанное решение как верное. При этом низкая семантическая предсказуемость, формируемая как порядком предъявления, так и типом триады, влияет на формирование ошибки метакогнитивного прогноза относительно трудности задачи, что проявляется в увеличении частотности отчетов об ага-переживании при демонстрации правильного ответа.

Литература

- Аммалайнен А. В. Влияние беглости обработки информации на оценки Ага!-переживания в инсайтных решениях: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2022.
- Савина А. И., Морошкина Н. В., Ошканова А. П. Интуиция и инсайт: связь интуитивного чувства когерентности и Ага!-переживания при решении задач на поиск отдаленных ассоциаций // Когнитивная наука в Москве: новые исследования / Под ред. Е. В. Печенковой, М. В. Фаликман. М., БукиВеди, 2021. С. 375–380.
- Kutuzov A., Kuzmenko E. WebVectors: a toolkit for building web interfaces for vector semantic models // In Analysis of Images, Social Networks and Texts: 5TH International Conference, 2016. P. 155–161.
- Moroshkina N., Savina A., Ammalainen A., Gershkovich V., Zverev I., Lvova O. How difficult was it? Metacognitive judgments about problems and their solutions after the Aha moment // Frontiers in psychology. 2022. V. 13. Art. 911904.
- Topolinski S., Reber R. Gaining insight into the “Aha” experience // Current Directions in Psychological Science. 2010. V. 19. No. 6. P. 402–405.

Динамика взаимодействия метакогниций «Я-концепции» и «Смысл жизни» как фактор самоуправления

Г. В. Валеева

Южноуральский государственный гуманитарно-
педагогический университет, Челябинск
valeeva-chel@mail.ru

В статье рассматривается развитие личности как процесс ко-адаптации личности и среды, которая невозможна вне процесса самоуправления, основанного на метакогнициях, отражающих субъективную реальность личности: «Я-концепция», «Смысл жизни». Динамика этих метакогниций и их взаимодействие определяют процесс личностного самоуправления. Исследование включает проективную моторно-экспрессивную методику и стандартизованные методы: опросники состояний. Основное содержание статьи составляет анализ динамики взаимодействия «Я-концепции» и «Смысла жизни», определяющей развитие субъективных состояний. В результате проведенного исследования выявлено, как взаимодействие между «Я-концепцией», «Смыслом жизни» определяет особенности ко-адаптации личности и среды.

Ключевые слова: метакогниции, психические состояния, «Я-концепция», «Смысл жизни», психоэмоциональный показатель, психофизический показатель.

Согласно пониманию Пономарёва, творчество есть всякое взаимодействие, ведущее к развитию, которое осуществляется как на полюсе субъекта, так и на полюсе объекта (Попов, 2016). В этом аспекте развитие личности протекает как ко-адаптация личности и среды, которая невозможна вне процесса самоуправления, основанного на метакогнициях, отражающих субъективную реальность личности.

Такими метакогнициями являются «Я-концепция» и «Смысл жизни», определяющие сохранение субъектом динамического равновесия между своими адаптационными возможностями и изменяющейся средой и выражающиеся в психоэмоциональном (выраженность тревожности, фрустрации, ригидности, истощаемости), когнитивном (сформированность представления о самоуправлении и потребностного напряжения нем), психофизическом (удовлетворенность состоянием костно-мышечной и сердечно-сосудистой системы, сформированность потребностного напряжения в самоуправлении) и ценностно-мотивационном (ценности: цели и средства; уровень агрессии) показателях (Валеева, Тюмасева, 2014).

«Я-концепция» — это существующая в сознании система субъективного отражения самоосознанным и целостным индивидом объективной реальности самого себя, определяющая характеристики его бытия в любые моменты времени. Она состоит из «Я-идеального» (проблема развития — актуальная потребность — программы развития — мечта), «Я-зеркального» (установка, страхи), «Я-реального» (ресурсы).

Сохранение динамического равновесия между мечтой и страхом на основе внутренних ресурсов формирует «смысл жизни» как витальную метакогницию (Валеева, Тюмасева, 2022).

Цель исследования: изучить, как метакогниции определяют процесс самоуправления личности.

Исследование проводилось на базе ЮУрГППУ в 2 этапа в 2022 г. (респонденту 18 лет) и в 2025 г. (респонденту 21 год). Респондент успешный, активный, профессионально реализующийся и принимающий себя юноша, имеющий поддержку в студенческой группе.

Для изучения «Я-концепции» и выявления «Смысла жизни» использовались «Технология личностного развития «Психология образа» (Валеева, 2022).

2022 г. «Я-концепция» «Жизнь» (рисунок и авторская сказка). «Я интересная и красивая/радостная жизнь, но иногда я боюсь, что придется уйти, но крепко стою на верном пути, пытаюсь найти свою силу в любви». «Я-концепция» «Жизнь» носит всеобъемлющий характер, внешние и внутренние границы

не сформированы, поэтому не выполняет функцию самоуправления. «Смысл жизни» он сформулировал как «самосохранение на основе постоянства».

2025 г. «Я-концепция» «Домик» (рисунок и авторская сказка). «Я домик на солнечной опушке, мечтаю, чтобы всегда был нужен, боюсь, что меня забросят, и я обрасту травой и мхом, но я уверен, что всегда буду востребован, ведь сила моя в моей привлекательности и индивидуальности». Сформирована внутренняя структура, внешние и внутренние границы четкие, но «неодушевленность» «Я-концепции» позволяет только реагировать на воздействие, а не управлять им. Смысл жизни: «востребованность на основе уникальности». Конфликт метакогниций «Я-концепция» и «Смысл жизни».

Динамика состояния респондента изучалась с использованием программы комплексной диагностики субъективной составляющей здоровья «Гармония» (свидетельство № 2014661107, 2014 г.) (Валеева, 2014). Показатели психоэмоционального состояния (истощаемость, ригидность) и психофизического самочувствия перешли из нормы в дезадаптивную зону; сохраняется повышенная агрессия. Стрессонапряженность снизилась с 523 до 155 баллов (переход от ранимости к высокой сопротивляемости стрессу).

В процессе развития происходит структуризация «Я-концепции», «Смысл жизни» меняется в сторону социальной активности, но отсутствие личной активности в «Я-концепции» приводит к конфликту метакогниций, провоцирующему внутренний конфликт и сопротивление (это подтверждается динамикой субъективной составляющей здоровья), что ведет к невозможности самоуправления, а соответственно и развития личности, протекающего как ко-адаптация личности и среды, которая невозможна вне процесса самоуправления.

Литература

Валеева Г. В., Тюмасева З. И. Психологическая готовность к оздоровительной деятельности: монография. Челябинск: Изд-во ЗАО «Цицеро», 2014.

Валеева Г. В., Тюмасева З. И. Технология консультирования

в области субъективного здоровья. Челябинск: Южно-Урал. науч. центр РАО, 2022.

Попов Л. М., Ибрагимова Е. Н., Устин П. Н. Концепция психологии творчества Я. А. Пономарёва и ее применение в изучении саморазвития // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 1. С. 35–47.

Связь эффекта генерации и ага-переживания с припоминанием идей в дивергентной творческой задаче*

А. В. Гулькин

Институт мозга человека им. Н. П. Бехтеревой
РАН, Санкт-Петербург
agulkin2001@mail.ru

В. А. Гершкович

Институт мозга человека им. Н. П. Бехтеревой
РАН, Санкт-Петербург
valeria.gershkovich@gmail.com

Н. В. Морошкина

Институт мозга человека им. Н. П. Бехтеревой
РАН, Санкт-Петербург
moroshkina.n@gmail.com

Несмотря на большой интерес к мнемической функции ага-переживания, она практически не исследовалась

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–18–01018, <https://rscf.ru/project/25-18-01018/>

на материале дивергентных задач, в большей степени соответствующих реальной творческой деятельности. Мы провели эксперимент с использованием теста Гилфорда, где предложили участникам придумать необычные варианты использования газеты, ознакомиться с чужими идеями и оценить возникающие в процессе ага-переживания. Через две недели участников попросили вспомнить собственные и прочитанные идеи. Участники чаще воспроизводили собственные идеи, чем чужие. Мы не смогли обнаружить положительный вклад ага-переживания в вероятность воспроизведения идей, а одна из групп участников продемонстрировала снижение вероятности воспроизведения собственных идей, придуманных с ага-переживанием.

Ключевые слова: ага-переживание, долговременная память, эффект генерации, дивергентная задача, тест Гилфорда, необычное использование предметов.

Известно, что ага-переживание может вносить положительный вклад в запоминание решений задач, как самостоятельно найденных, так и предъявленных (Kizilirmak et al., 2016; Danek, Wiley, 2020). При этом подобные результаты были получены преимущественно на материале конвергентных задач (имеющих лишь одно верное решение), в то время как в реальной творческой деятельности мы чаще сталкиваемся с решением задач другого типа — дивергентных. Целью нашего исследования является проверка мнемической функции ага-переживания на материале дивергентной задачи. Мы предполагаем, что придуманные и прочитанные идеи, вызвавшие ага-переживание в процессе выполнения дивергентной творческой задачи, будут чаще припоминаться в задаче отсроченного воспроизведения.

Мы провели эксперимент с использованием теста Гилфорда на необычное использование предметов (Guilford's Alternate Uses Task (Christensen et al., 1960)). На первом этапе участникам предлагалось за 15 минут придумать как можно большее количество вариантов необычного использования газеты, а также отмечать возникающие в процессе ага-переживания.

По истечении 15 минут предлагалось ознакомиться с идеями других людей. Всего по очереди предъявлялось 20 идей, участников просили отметить, испытали ли они ага-переживание при прочтении каждой из них.

Второй этап проводился через 2 недели. В зависимости от экспериментальной группы предлагалось в течение 10 минут выполнить одно из трех заданий: вспомнить собственные идеи, придуманные на 1-м этапе; вспомнить чужие идеи, прочитанные на 1-м этапе; вновь предложить как можно большее количество идей, при этом разрешалось предлагать старые идеи, придуманные или прочитанные на 1-м этапе. Участников последней группы просили отмечать источник записанной идеи (старая своя, старая чужая или новая).

В исследовании приняли участие 82 человека (50 женщин; $M = 21,3$ года), равным образом распределенных по 3 экспериментальным группам. Для анализа связи наличия ага-переживания с вероятностью припоминания идеи были построены логистические регрессионные модели со смешанными эффектами для каждой из трех групп.

В среднем каждый участник предлагал около 16 идей. Доля сгенерированных с ага-переживанием идей 0,55; чужих, прочитанных с ага-переживанием, — 0,41. Было обнаружено, что участники, вновь предлагавшие как можно большее количество идей, значительно реже воспроизводили собственные идеи, придуманные на 1-м этапе с ага-переживанием ($M = 0,4$), по сравнению с идеями, придуманными без ага-переживания ($M = 0,52$); $OR = 0,54$; $CI = 0,36-0,82$; $p = 0,004$. Участники этой группы также значимо реже воспроизводили чужие идеи ($M = 0,09$), по сравнению с собственными ($M = 0,46$); $OR = 0,12$; $CI = 0,07-0,20$; $p < 0,001$. Значимое влияние ага-переживания на вероятность воспроизведения идей в других группах не было обнаружено. Группа, вспоминая свои идеи, воспроизвела значимо больше идей ($M = 0,56$), чем группа, вспоминая чужие ($M = 0,22$), $\chi^2 = 153,3$; $df = 1$; $p < 0,001$.

Участники исследования успешно выполняли поставленную задачу и могли отслеживать возникающие в процессе ага-переживания. Мы обнаружили эффект генерации: участники

чаще воспроизводили собственные идеи, чем чужие. При этом мы не обнаружили положительный вклад ага-переживания в вероятность воспроизведения идей на 2-м этапе; напротив, в одной из групп эффект был обратным. Мы объясняем данный результат тем, что наличие ага-переживания может быть частично сцеплено с частотностью идей: более редкие, оригинальные идеи чаще вызывали у участников ага-переживание при генерации. Поскольку участники группы, в которой был обнаружен эффект, в отличие от двух других групп занимались повторной генерацией идей, а не их вспоминанием, им было проще вновь придумать более частотные собственные идеи, чем менее частотные, чем и объясняется отрицательная связь ага-переживания с вероятностью их воспроизведения. В дальнейшем для оценки мнемической функции ага-переживания в дивергентных задачах необходимо включать в модели фактор частотности решения.

Литература

- Christensen P. R., Guilford J. P., Merrifield P. R., Wilson R. C.* Alternate uses. Beverly Hills, CA: Sheridan Psychological Services, 1960.
- Dane K. A., Wiley J.* What causes the insight memory advantage? // *Cognition*. 2020. V. 205. Art. 104411.
- Kizilirmak J. M., Galvao Gomes da Silva J., Imamoglu F., Richardson-Klavehn A.* Generation and the subjective feeling of "aha!" are independently related to learning from insight // *Psychological Research*. 2016. V. 80. P. 1059–1074.

Влияние арт-терапевтических онлайн методик на эмоциональный интеллект подростков

Ж. Ю. Кара

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону
kara_j@mail.ru

Л. Ю. Крутелёва

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону
kruteleva@sfedu.ru

В статье описывается пилотажное исследование эмоционального интеллекта подростков с апробацией арт-терапевтической программы-онлайн по развитию эмоционального интеллекта и раскрывающей творческие способности подростков. Представлена схема модели арт-терапевтической программы-онлайн для подростков. Измерительным инструментом был опросник «Эмоциональный интеллект» (Н. Холл). Сравнение данных до и после проведения программы показало значимые различия с повышением показателя эмоционального интеллекта по завершении прохождения программы.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, арт-терапия, творческие способности, подростки.

Наиболее динамичный, непредсказуемый, интересный, проблемный подростковый возраст не сдает своих позиций и в настоящее непредсказуемое время, полное неожиданностей и сюрпризов. Уже много лет в образовательных учреждениях ведется работа психологов, которые, помимо отслеживания текущего состояния детей, вступивших в пубертат, проводят различные профилактические программы, но также мы видим, что до сих пор многими недооценивается психолого-педагогическая профилактическая и ситуативная работа с детьми подросткового возраста. В нашем исследовании мы обратились к изучению

эмоциональной сферы подростков, от которой в этом возрасте зависит поведение подростка, его самовыражение, к так называемому эмоциональному интеллекту. И наиболее интересным, творческим подходом в работе с подростками может быть такое направление в психологии, как арт-терапия, дополнительно раскрывающая творческие способности. Для критично и негативно настроенного подростка такая форма работы может являться более комфортной, так как нет необходимости сразу подробно рассказывать об обычно скрывааемых проблемах. Посредник в виде красок и бумаги (или других материалов, в зависимости от техник) делает атмосферу более неформальной, метафоричной и несет расслабляющий эффект (Копытин, 2018; Ильин, 2001; Минюрова, 2021).

Целью нашей работы выступило изучение влияния арт-терапевтических методик, проводимых в онлайн-формате, на эмоциональный интеллект подростков. В качестве измерительного инструмента нами был взят опросник «Эмоциональный интеллект» (Н. Холл) из-за его простоты, доступности, открытости. В исследовании приняли участие 40 подростков старшего школьного возраста (15–17 лет). При предварительной диагностике, на основании наблюдения и опроса, было выявлено наличие предположительно низкого уровня эмоционального интеллекта, самочувствия, настроения и негативного самовосприятия подростками. Далее было выдвинуто и проверено предположение о том, что арт-терапевтическая работа в онлайн-формате благотворно влияет на текущее эмоциональное состояние подростков. Проанализировав психологические программы для подростков, мы предложили свою арт-терапевтическую программу-онлайн, содержание которой было направлено на развитие у подростков эмоционального интеллекта. Модель арт-терапевтической программы структурирована в виде модулей по направленности: эмоциональный интеллект (осведомленность, саморегуляция), ценностная сфера, личностные проблемы (индивидуальные проблемы в социальной сфере), гармонизация общего психологического состояния. Представим результаты сравнения до занятий (по арт-терапевтической программе) и после по опроснику «Эмоциональный интеллект» (Н.

Холл). Были обнаружены следующие значимые различия между показателями первичной и вторичной диагностики (среднее значение) с повышением показателя по представленным шкалам: «Эмоциональная осведомленность» ($p = 0,000$), (среднее значение = 22; 26); «Управление своими эмоциями» ($p = 0,000$) (среднее значение = 17; 19); «Самомотивация» ($p = 0,000$) (среднее значение = 18,8; 21,8); «Эмпатия» ($p = 0,008$) (среднее значение = 22; 26); (среднее значение = 20,4; 22,7); «Управление эмоциями других людей» ($p = 0,039$) (среднее значение = 18; 19,9).

Таким образом, на период вторичной диагностики, после проведения арт-терапевтической программы-онлайн, у респондентов такие составляющие эмоционального интеллекта, как способность управления своими эмоциями, самомотивация, эмпатия и способность управления эмоциями других людей, улучшились, а уровень эмоциональной осведомленности перешел из низкого в средний. Занятия по арт-терапевтической программе-онлайн являются эффективным способом взаимодействия и диалога на языке подростков с учетом их возможностей, творческих способностей и интересов, что располагает критично настроенных подростков к сотрудничеству со взрослыми, принимая свои способности и желание их развивать. В продолжении исследования предполагается расширение выборки и исследовательского инструментария.

Литература

- Копытин А. И., Свистовская Е. Е. Арт-терапия детей и подростков. М.: Когито-Центр, 2018.
- Методика Н. Холла оценки «эмоционального интеллекта» (опросник EQ) // Е. И. Ильин. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. С. 633–634.
- Минюрова С. А., Басюк В. С., Брель Е. Ю., Воробьева И. В., Кружкова О. В., Матвеева А. И. Эмоциональный интеллект субъектов образовательной среды в условиях цифровизации: обзор исследований // Сибирский психологический журнал. 2021. № 82. С. 153–173.

Влияние ага-переживания на возникновение односторонней предвзятости

Н. И. Логинов

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Москва
lognikita@yandex.ru

А. П. Бобырёва

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Москва
bobyreva.ap@gmail.com

И. А. Чесноков

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Москва
ilusa7610@gmail.com

Целью исследования было изучение влияния ага-переживания на выраженность когнитивного искажения односторонней предвзятости (*myside bias*). В рамках двухсистемной модели мышления была выдвинута гипотеза, согласно которой ага-переживание, сопровождающееся позитивным аффектом, может усиливать интуитивные стратегии обработки информации и тем самым способствовать возникновению односторонней предвзятости. Эксперимент, в котором приняли участие 100 человек, включал предъявление задач на инсайт (CRA) и утверждений о курении. Участники оценивали выраженность ага-переживания и степень согласия с утверждениями. Результаты показали влияние ага-переживания на согласие с утверждениями. Однако взаимодействие между наличием ага-переживания и позицией участника по вопросу курения не было значимым.

Ключевые слова: ага-переживание, односторонняя предвзятость, когнитивные искажения, инсайт, CRA-задачи.

В последние несколько лет наблюдается рост исследований аффективного компонента инсайтного решения — Ага-переживания. Отдельным направлением исследования сейчас можно считать изучение последствий Ага-переживания для последующей обработки. В частности, уже обнаружен эффект изменения вероятности рискованного выбора, качества запоминания информации и оценки правдоподобности ошибочных утверждений после Ага-переживания (Danek, Wiley, 2020; Laukkonen et al., 2020). Данная работа направлена на изучение возможных последствий Ага-переживания в области когнитивных искажений. В частности, нами будет использовано такое когнитивное искажение, как односторонняя предвзятость (*myside bias*) — склонность оценивать и интерпретировать информацию таким образом, чтобы она подтверждала уже существующие убеждения (Stanovich, West, 2007).

Целью данного исследования стало эмпирически проверить, усиливает ли Ага-переживание выраженность односторонней предвзятости. Предполагалось, что позитивная аффективная окраска Ага-переживания может повышать вероятность интуитивных ответов, опирающихся на эвристики, и тем самым усиливать предвзятость в оценке утверждений, связанных с личной позицией.

Экспериментальное исследование проводилось с использованием платформы Pavlovía и включало 39 CRA-задач и 39 утверждений о курении (позитивных, негативных и нейтральных). Участники ($N = 100$, 18–55 лет) в каждой пробе решали задачу, указывали наличие и интенсивность Ага-переживания, а затем оценивали степень согласия с утверждением о курении. Односторонняя предвзятость операционализировалась как более высокое согласие с утверждениями, соответствующими собственной позиции (курит / не курит).

Трехфакторный дисперсионный анализ с повторными измерениями не выявил эффекта взаимодействия между типом утверждения (за курение, против курения, нейтральные), позицией относительно курения (курит / не курит) и наличием Ага-переживания ($p > 0,05$). Однако был выявлен общий эффект Ага-переживания: в условиях его возникновения участники

демонстрировали в среднем более высокий уровень согласия с утверждениями вне зависимости от их содержания ($F(1, 364) = 12,07$; $p < 0,001$).

Таким образом, Ага-переживание не усиливает одностороннюю предвзятость (*myside bias*) напрямую, но повышает субъективную убежденность, независимо от типа утверждения. Это позволяет рассматривать его как фактор, модулирующий уверенность, но не повышающий опору на эвристики при оценке утверждений.

Литература

- Danek A. H., Wiley J.* What causes the insight memory advantage? // *Cognition*. 2020. V. 205. Art. 104411.
- Laukkonen R. E., et al.* The dark side of Eureka: Artificially induced Aha moments make facts feel true // *Cognition*. 2020. V. 196. Art. 104122.
- Stanovich K. E., West R. F.* Natural *myside bias* is independent of cognitive ability // *Thinking & Reasoning*. 2007. V. 13. No. 3. P. 225–247.

Оценка стратегий регуляции эмоций в художественно- творческой деятельности

Г. Г. Марковская

Санкт-Петербургский государственный институт
психологии и социальной работы, Санкт-Петербург
markovskaia.galina@mail.ru

Д. А. Косенко

Санкт-Петербургский государственный институт
психологии и социальной работы, Санкт-Петербург
diarbus@yandex.ru

В статье раскрыты результаты первого этапа русскоязычной валидации опросника стратегий регуляции эмоций в художественно-творческой деятельности (ERS-ACA). Методы исследования включали опросник ERS-ACA, краткий опросник COPE-30, опросник эмоциональной дисрегуляции, шкалу тревоги ГТР-7, шкалу депрессии PHQ-2. Опрос ста взрослых, регулярно занимающихся художественной творческой деятельностью, выявил прямую значимую корреляцию эмоциональной регуляции посредством художественно-творческой деятельности с адаптивными копинг-стратегиями и обратную значимую связь с уровнем эмоциональной дисрегуляции, а также с показателями депрессии и тревоги

Ключевые слова: стратегии регуляции эмоций, художественно-творческая деятельность, валидация опросника, эмоциональная дисрегуляция, копинг-стратегии.

Регуляция эмоций средствами художественно-творческой деятельности получила многочисленные теоретические объяснения. Однако почти полное отсутствие валидных психологических методов оценки регуляции эмоций в художественно-творческой деятельности затрудняет

проведение эмпирических исследований и приращение научных знаний по теме. *Целью данной работы* является первый пилотный этап валидации опросника ERS-ACA (EmoRegulation Skills — Artistic Creative Activities), предназначенного для оценки стратегий регуляции эмоций в художественно-творческой деятельности (Fancourt, 2019). Шкала включает 18 утверждений, каждое из которых оценивается по 5-балльной шкале Лайкерта, где 1 означает — «я определенно не согласен», а 5 — «я определенно согласен». Она рассчитана на подростков старше 14 лет и взрослых лиц. ERS-ACA содержит три шкалы — стратегии избегания, стратегии подхода, стратегии саморазвития — и суммарный балл, отражающий результат общей стратегии совладания с эмоциями в процессе занятия художественно-творческой деятельностью.

Методы исследования включали социально-демографическую анкету, опросник ERS-ACA, краткий опросник COPE-30 (Рассказова, 2013), опросник эмоциональной дисрегуляции (Польская, 2017), шкалу тревоги ГТР-7, шкалу депрессии PHQ-2.

Выборка. В исследовании приняли участие взрослые люди, занимающиеся творческой деятельностью. Первоначально были опрошены 124 респондента. Были исключены из исследования ответы тех респондентов, которые занимались творческой деятельностью слишком редко (реже, чем раз в полгода), а также ответы тех респондентов, чью деятельность было проблематично связать с творческой. Таким образом, итоговая выборка составила 100 человек. Из них 88 % составили женщины, 12 % мужчин, в возрасте от 18 до 35 лет ($M = 21$; $SD = 3,52$).

Результаты исследования. Шкала ERS-ACA показала, что 38 % респондентов имеют средний уровень эмоциональной регуляции методом художественно-творческой деятельности, высокий уровень — 28 %, низкий — 28 %, очень низкий уровень — 6 %. Наиболее дифференцирующей выборку стало избегание в качестве стратегии регуляции эмоций через художественно-творческую деятельность. 30 % участников показали низкий уровень избегания, а 32 % — высокий уровень избегания. 51 % респондентов демонстрируют высокий уровень

стратегии подхода, т. е. склонности к активной регуляции эмоций путем принятия и поиска способов решения проблемы в процессе художественно-творческой деятельности. 41 % участников рассматривают художественно-творческую деятельность как саморазвитие, что может указывать на их творческое самовыражение, повышение самооценки и чувства субъектности.

Выявлен значительный разброс в уровнях эмоциональной дисрегуляции участников. Гипотеза о прямой связи эмоциональной регуляции посредством художественно-творческой деятельности с адаптивными копинг-стратегиями и об обратной связи с уровнем эмоциональной дисрегуляции, а также с показателями депрессии и тревоги подтвердилась.

Таким образом, исследование показало, что творческая деятельность играет существенную роль в регуляции эмоций, причем способы этой регуляции разнообразны. Шкала ERS-ACA была хорошо воспринята участниками исследования, показала ожидаемые результаты и будет использована для дальнейшей русскоязычной валидации.

Литература

- Польская Н. А., Разваляева А. Ю. Разработка опросника эмоциональной дисрегуляции // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25. № 4(98). С. 71–93.
- Рассказова Е. И., Гордеева Т. О., Осин Е. Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 82–118.
- Fancourt D., Garnett C., Spiro N., West R., Müllensiefen D. How do artistic creative activities regulate our emotions? Validation of the Emotion Regulation Strategies for Artistic Creative Activities Scale (ERS-ACA) // PLoS One. 2019. Т. 14. No. 2. Art. e0211362.

«Ага!» и «Ой-ой»-переживания: положительные и негативные инсайты в контексте индуцированных эмоциональных состояний

К. И. Меркушкин

Высшая школа экономики, Москва
kos-merkush@yandex.ru

А. Н. Поддьяков

Высшая школа экономики, Москва
apoddiakov@hse.ru

Исследование посвящено влиянию положительного аффекта на разные типы инсайтов (положительные и негативные), а также на аналитические решения в логической игре «Четыре в ряд». Было показано, что индуцированный положительный аффект снижает количество негативных инсайтов и увеличивает число аналитических ходов, отражая расширение объема внимания и повышение креативности. Кроме того, феноменологические оценки после игр показали, что положительные ходы (как инсайты, так и поиски) оценивались как более приятные, а инсайтные ходы оценивались как более неожиданные, чем аналитические ходы. Полученные результаты подтверждают роль аффективного компонента в процессах принятия решений и открывают новые перспективы для дальнейших исследований в когнитивной и аффективной науках.

Ключевые слова: положительный инсайт, негативный инсайт, положительный поиск, негативный поиск, «четыре в ряд».

Исследование опирается на работу Хилл и Кемп (Hill, Kemp, 2018a), которые ввели понятие негативного инсайта. Он характеризуется внезапным осознанием неприятной проблемы и сопровождается негативным аффектом («Ой-ой»-переживанием). В пределе этот тип инсайта может быть описан словами

«ужасное озарение», «внезапно он с ужасом понял, что...» и т.п. Он отличается от традиционного изучаемого положительного инсайта, который характеризуется решением задачи или проблемы, и сопровождается положительным аффектом («Ага!»-переживанием).

В нашем исследовании изучается влияние индуцированного (методом автобиографических воспоминаний) позитивного аффекта на феноменологию и частоту двух типов инсайтов — положительных и негативных, — а также аналитических ходов (положительных и негативных поисков) в контексте диадной позиционной логической игры «Четыре в ряд» (отчасти напоминающей «крестики-нолики», но более сложной). В исследовании использовалась специально созданная для эксперимента модифицированная версия игры «Четыре в ряд» (методика К. И. Меркушкина). Методические усовершенствования, созданные для данного эксперимента, по сравнению с исследованием Хилл и Кемп (2018b) включали полностью автоматизированный сбор данных, исключающий фиксацию результатов вручную и предвзятость экспериментаторов. Во время игры после каждого своего хода испытуемые давали программе самоотчет о том, чем был обусловлен ход, который они только что сделали. У них было 5 доступных вариантов ответа: положительный инсайт; негативный инсайт; положительный поиск; негативный поиск; нейтральный.

Выборка составила 82 участника, которые были разделены на две группы: экспериментальную, в которой позитивный аффект индуцировался с помощью метода автобиографических воспоминаний, и контрольную, в которой аффект не индуцировался вовсе. Зависимые переменные включали в себя частоту и продолжительность каждого типа ходов, а также феноменологические оценки (приятность, удивительность, внезапность и уверенность), которые испытуемые давали после окончания всех 5 игр.

Основные результаты: 1) Экспериментальная группа продемонстрировала значительно меньшее количество негативных инсайтов, что подтверждает гипотезу о том, что положительный аффект расширяет объем внимания, уменьшая вероятность

внезапного осознания проблемы. 2) Позитивный аффект способствовал большему количеству позитивных и негативных поисков, что согласуется с теориями, связывающими позитивные эмоции с повышенной креативностью и способностью к творческому решению проблем. 3) Положительные ходы (как инсайты, так и поиски) оценивались как более приятные, чем негативные ходы. 4) Инсайты воспринимались как более неожиданные, чем поиски, хотя различия в оценках удивительности скорее зависели от валентности, чем от типа хода. 5) Среднее время на ход не отличалось значимо между инсайтами и поисками (независимо от валентности).

Ограничения исследования: размер выборки; гендерный дисбаланс в ней; высокая эффективность бота, выигравшего у участников абсолютное большинство партий, что вызывало фрустрацию.

Исследование подтверждает существование различий между положительными инсайтами с позитивными «Ага!»-переживаниями и негативными инсайтами с негативными «Ой-ой»-переживаниями, с новой стороны показывает роль аффекта в решении проблем и предлагает новые ходы в методологии изучения инсайта. В будущих исследованиях планируется увеличить объем выборки, сделать изменяемым качество игры бота и включить в экспериментальные воздействия индуцирование нейтральных и негативных эмоций наряду с положительными.

Литература

- Hill G., Kemp S. M.* Connect 4: A novel paradigm to elicit positive and negative insight and search problem solving // *Frontiers in psychology*. 2018a. V. 9. Art. 1755.
- Hill G., Kemp S. M.* Uh-oh! What have we missed? A qualitative investigation into everyday insight experience // *The Journal of Creative Behavior*. 2018b. V. 52. No. 3. P. 201–211.

Способствует ли Ага-переживание переносу найденного принципа решения на новые задачи?*

Н. В. Морошкина

Институт мозга человека им. Н. П. Бехтеревой
РАН, Санкт-Петербург
moroshkina.n@gmail.com

П. Г. Чиняева

Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург
p.chinyaeva@mail.ru

Исследование посвящено выявлению и описанию вклада Ага-переживания в вероятность переноса усвоенного принципа решения на новые структурно сходные задачи. Исследование проводилось в два этапа. Участники решали ребусы и отчитывались об Ага-переживании как при нахождении решения, так и при знакомстве с ним. Спустя сутки они решали ребусы, половина которых была аналогична ребусам из первого этапа, а вторая половина основывалась на новых принципах. Обнаружено, что аналогичные ребусы в среднем решались быстрее, чем новые, и участники чаще сообщали, что нашли их решение по аналогии, вспомнив ребус с первого этапа. Интенсивность Ага-переживания на первом этапе оказалась значимым предиктором отчета о решении по аналогии на втором этапе, т.е. осознанного переноса знакомого принципа решения.

Ключевые слова: решение задач, Ага-переживание, мнемическое преимущество инсайта, эффект переноса.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-01018, <https://rscf.ru/project/25-18-01018/>

Обучение новым принципам решения задач часто буксует из-за того, что обучающиеся испытывают трудности в переносе полученных знаний на аналогичные по сути, но отличные по внешним признакам задачи (Спиридонов, Логинов, 2017). Исследователями инсайта было показано, что решения задач, сопровождавшиеся Ага-переживанием, запоминаются лучше (эффект мнемического преимущества инсайта, Danek, Wiley, 2020). Однако большинство исследований демонстрируют мнемическое преимущество инсайта при повторном решении тех же самых задач, тогда как вклад Ага-переживания в вероятность переноса найденного принципа решения на новые структурно схожие задачи остается открытым. Чтобы восполнить данный пробел, был проведен эксперимент, включающий два этапа.

Гипотезы:

1. Решение новых задач, сходных по структуре с задачами, решенными ранее, будет более успешным по сравнению с задачами нового типа (эффект переноса знаний).

2. Эффект переноса знаний на втором этапе будет положительно связан с интенсивностью Ага-переживания, испытанного при понимании принципа решения аналогичной задачи на первом этапе.

В исследовании приняли участие 80 добровольцев, носители русского языка (из них 42 женщины, средний возраст: $M = 22,79$ года ($SD = 4,89$)). В качестве задач были отобраны 84 поликодовых ребуса из базы, разработанной нами ранее (Moroshkina et al., 2024). Ответом на каждый ребус является устойчивое выражение (например, в ребусе «ЗНА НИЯ» зашифровано выражение «пробел в знаниях»). Задачи были сгруппированы в 2 набора (по 42 задачи) парных ребусов, содержащих общий принцип шифровки.

Эксперимент проводился по внутрисубъектному плану с балансировкой по стимулам. На первом этапе участники решали 21 ребус из первого набора и оценивали силу Ага-переживания, после чего знакомились с правильными ответами и также отмечали силу Ага-переживания. На следующий день участники решали 42 ребуса из второго набора (21 ребус составлен

по тем же принципам, что и ребусы из набора 1, 21 — по новым). После этого участникам были показаны решенные ими ребусы с просьбой указать способ решения (решил сам / решил по аналогии, вспомнив ребус из 1-го этапа) и если решение было по аналогии, то указать сходный ребус.

Результаты. Анализ доли правильных ответов на втором этапе в зависимости от того, решали ли участники аналогичные ребусы на первом, не выявил значимых различий (аналогичные ребусы: $M = 0,59$; $SD = 0,26$, новые ребусы: $M = 0,57$; $SD = 0,27$; $F(1,41) = 0,797$; $p = 0,377$; $\eta^2 = 0,019$). Анализ времени правильных ответов на втором этапе показал, что аналогичные по структуре ребусы решались значимо быстрее ($M = 11,6$ с; $SD = 4,0$), чем новые ($M = 12,9$ с; $SD = 4,2$); $F(1,40) = 6,559$; $p = 0,014$; $\eta^2 = 0,141$. Согласно отчетам участников, решения по аналогии использовались ими чаще в ребусах со знакомыми принципами ($M = 0,39$; $SD = 0,27$), чем с новыми ($M = 0,09$; $SD = 0,14$); $F(1,41) = 56,709$; $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,580$. Корреляционный анализ показал, что ребусы, в которых участники чаще распознавали аналогию с первым этапом, демонстрировали большую разницу по доле правильных ответов ($r = 0,49$; $p < 0,001$) и по среднему времени решения ($r = -0,52$; $p < 0,001$) между условиями (знакомые vs новые). Затем был проведен анализ взаимосвязи оценок Ага-переживаний на первом этапе с отчетами о решениях по аналогии на втором. Оценки Ага-переживаний после самостоятельного решения и после предъявления решения были объединены в одну переменную и стандартизированы. Обнаружено, что решения «по аналогии» отмечались после более высоких оценок Ага-переживания ($M = 0,12$; $SD = 0,97$), чем «самостоятельные» решения ($M = -0,11$; $SD = 0,95$); $F(1, 960) = 12,389$; $p < 0,001$).

Выводы. Обнаружен эффект переноса принципа решения на материале поликодовых ребусов, который проявился в ускорении времени решения аналогичных ребусов и в отчетах о решении по аналогии. Также зафиксирован положительный вклад Ага-переживания в эффект осознанного переноса знаний (доля решений по аналогии), что позволяет сделать вывод о том, что эффект мнемического преимущества инсайта проявляется при решении структурно сходных задач.

Литература

- Спиридонов В. Ф., Логинов Н. И. Феномен переноса в решении мыслительных задач. Избранные разделы психологии научения: коллективная монография / отв. ред. В. Ф. Спиридонов. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. С. 276–301.
- DaneK A. H., Wiley J. What causes the insight memory advantage? // *Cognition*. 2020. V. 205. P. 104411.
- Moroshkina N. V., Pavliuchik E. I., Ammalainen A. V., Gershkovich V. A., Lvova O. V. The Aha! experience is associated with a drop in the perceived difficulty of the problem // *Frontiers in psychology*. 2024. V. 15. Art. 1314531.

Проявления концептуальных способностей в контексте успешности интеллектуальной деятельности и креативности

Я. И. Сиповская

Институт психологии РАН, Москва
sipovskayayi@ipran.ru

В статье рассматривается роль концептуальных способностей в успешности интеллектуальной деятельности и креативных способностей. Концептуальные способности анализируются в контексте их соотношения с проявлениями успешности интеллектуальной и креативной деятельности. На основе проведенного среди 113 старших подростков корреляционного анализа показателей концептуальных и категориальных способностей, психометрического интеллекта, семантических способностей к образованию интерпретаций и порождению признаков неопределенных визуальных форм, проявлений креативности делается

вывод о том, что развитые концептуальные способности являются важным фактором успешности как в интеллектуальной деятельности, так и в сфере креативности.

Ключевые слова: концептуальные способности, интеллект, креативность, старший подростковый возраст.

Концептуальные способности определяются как психические свойства, проявляющиеся в избирательности и индивидуальной вариативности процесса порождения новых ментальных содержаний, что указывает на их регуляторную, метакогнитивную составляющую понятийной деятельности. Они являются проявлениями понятийных способностей, «...обеспечивающих возможность порождения новых ментальных содержаний, эксплицитно не представленных в актуальных внешних обстоятельствах и усвоенных индивидуальных знаниях» (Холодная, Сиповская, 2023, с. 42).

Теоретическая гипотеза исследования: показатели концептуальных способностей как проявления понятийного опыта связаны с успешностью интеллектуальной деятельности и креативностью.

Ввиду того, что наиболее вариативно эти показатели представлены в сензитивные периоды, представляется перспективным проведение исследования именно в эти возрастные периоды, например, в старшем подростковом возрасте.

Цель данной статьи — определение связи показателей концептуальных способностей и успешной интеллектуальной и креативной деятельности.

Выборку составили 113 школьников в возрасте 15–16 лет.

Методики исследования: субтест «Незаконченные рисунки» из шкалы Торренса (адаптация Туник Е. Е., 2006); модифицированная методика «Визуальная семантика» (Артемьева, 1980); методика «Обобщение трех слов» (Холодная, Сиповская, 2023), методика «Понятийный синтез» (Холодная, Сиповская, 2023), тест Равена «Прогрессивные матрицы» (Равен, Равен, Курт, 1997).

Результаты. В ходе проведения корреляционного анализа показателей концептуальных способностей, психометрического

интеллекта, семантических способностей к образованию интерпретаций и порождению признаков неопределенных визуальных форм, показателей креативности были получены значимые связи ряда переменных, а именно связь показателей концептуальных способностей с проявлениями психометрического интеллекта как характеристиками высокой успешности интеллектуальной деятельности. Кроме того, методика диагностики концептуальных способностей предполагает качественный анализ и дает большую свободу при порождении ментального содержания, что проводит параллели с творческой деятельностью. Этот факт также находит свой аргумент при анализе значимой корреляционной связи показателей концептуальных способностей с показателями креативности.

Кроме того, следует отметить выделение корреляционных связей концептуальных способностей с показателями семантических способностей, но только с семантическими способностями к порождению признаков, являющихся более обобщенной и концептуально нагруженной интеллектуальной деятельностью в сравнении с более простой семантической способностью к образованию интерпретации неопределенных визуальных форм. Этот факт может быть проинтерпретирован, с одной стороны, усложнением понятийной деятельности на уровне концептуальных способностей, когда недостаточно осуществления простой номенативной функции.

С другой стороны, за дополнительным аргументом можно обратиться к другим исследованиям, например, Кулешова О. В., Шульга Т. И. (Кулешова, Шульга, 2023) указывают на то, что прослеживается влияние степени сформированности понятийных способностей на успеваемость ребенка в социальной среде. Уровень развития когнитивных способностей является одним из главных факторов результативности процесса обучения, который в свою очередь формирует основу будущей успешной деятельности.

Заключение. Концептуальные способности играют важную роль в успешности интеллектуальной деятельности и креативности. Они позволяют эффективно структурировать информацию, снижать когнитивную нагрузку и порождать новые идеи.

Развитие этих способностей может стать важным направлением в образовании и профессиональной подготовке, способствуя повышению продуктивности и инновационности в различных сферах деятельности.

Литература

- Артемьева Е. Ю.* Психология субъективной семантики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
- Кулешова О. В., Шульга Т. И.* Социально-психологические условия развития когнитивных способностей учащихся // Человеческий капитал. 2023. № 4(172). С. 259–265.
- Тунник Е. Е.* Диагностика креативности. Тест Е. Торренса. Адаптированный вариант. СПб.: Речь, 2006.
- Холодная М. А., Синовская Я. И.* Понятийные способности: теория, диагностика, эмпирика. М.: ИП РАН, 2023.

Позитивный аффект как компонент Ага!-переживания: данные аффективного прайминга

А. В. Сладкоштиева
Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург
quartet01@mail.ru

Н. В. Морошкина
ИКИ Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург
moroshkina.n@gmail.com

В настоящем исследовании проверялась гипотеза о том, что Ага!-переживание сопровождается позитивным аффектом,

который влияет на последующую обработку эмоциональной информации. Использовалась методика аффективно-го прайминга. Участникам предлагалось решать ребусы, оценивать валентность предъявленных изображений, общаться о силе Ага!-переживания и уверенности в ответе на ребус. Анализ результатов показал, что при высоких оценках Ага!-переживания участники быстрее определяли валентность позитивных изображений и медленнее — негативных. Взаимосвязи между оценками уверенности и скоростью определения валентности не обнаружено. Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что Ага!-переживание сопровождается позитивным аффектом, который модулирует скорость обработки эмоциональных стимулов.

Ключевые слова: Ага!-переживание, аффективный прайминг, позитивный аффект, ребусы, компоненты Ага!-переживания.

Решение различных головоломок часто сопровождается Ага!-переживанием, которое предположительно может служить своего рода внутренним вознаграждением, поддерживающим интерес к данному занятию. Исследования Ага!-переживания с помощью субъективных отчетов показывают, что оно включает такие переживания, как удивление, радость, уверенность, облегчение (Shen et al., 2016). Однако метод субъективных отчетов для измерения Ага!-переживания и его компонентов имеет ряд недостатков и не всегда применим (Danek et al., 2014). *Цель настоящего исследования* — выяснить, является ли позитивный аффект компонентом Ага!-переживания и можно ли его зарегистрировать на поведенческом уровне, используя методику аффективного прайминга (Klauer, 1997).

Гипотеза. Чем сильнее Ага!-переживание, тем быстрее обрабатывается последующая положительно окрашенная информация и тем медленнее — отрицательная (позитивный аффект способствует обработке конгруэнтного эмоционального переживания и препятствует обработке неконгруэнтного).

Методика. Участники исследования. В исследовании приняли участие 38 добровольцев. В анализ включены 30 человек (6 мужчин; $M = 26,2$; $SD = 9,55$). Критерии отсева: доля правильных ответов менее 60 % и/или отсутствие вариативности в оценках Ага!-переживания.

Стимулы. 48 поликодовых ребусов для индуцирования Ага-переживания (Moroshkina et al., 2024). 48 изображений базы OASIS (Kurdi et al., 2017), уравненных по валентности, возбуждению и категории изображенного.

Процедура. Участнику были предъявлены инструкции по решению ребусов, оценке валентности изображений и описанию Ага!-переживания. В каждой пробе участнику предлагалось решить ребус (за 30 с максимум). Как только участник отмечал нажатием на кнопку, что нашел решение, ему предъявлялось изображение с просьбой оценить его валентность (позитивная/негативная) нажатием соответствующей клавиши. После чего предлагалось записать ответ на ребус, оценить силу возникшего Ага!-переживания (от 1 до 100) и уверенность в ответе (от 1 до 100). Всего участник решал 48 ребусов и оценивал 48 изображений, их последовательность была рандомизирована.

Результаты. Участники успешно решили в среднем 68,5 % ребусов и правильно оценили валентность 93,7 % изображений. Оценка Ага!-переживания ($M = 48,8$; $SD = 24,3$), уровень уверенности ($M = 73,2$; $SD = 18,7$), корреляция оценок 0,05; $p = 0,13$. В анализ вошли пробы с верными ответами со скоростью ответа на изображение более 200 мс и менее верхней границы по критерию Тьюки. Использовалась смешанная регрессионная модель с фиксированными предикторами «Оценка Ага!-переживания», «Валентность» и случайными факторами участников и ребусов. Зависимой переменной выступало логарифмированное время ответа при определении валентности изображения. Наблюдается значимое влияние фактора «Валентность» ($B = 0,076$; $SE = 0,04$; $t = 2,12$; $p < 0,05$). Участники быстрее отвечают на позитивно окрашенные изображения по сравнению с негативными. Значимо взаимодействие факторов «Валентность» \times «Оценка Ага!-переживания» ($B = -0,001$; $SE = 0,0005$; $t = -2,86$, $p < 0,01$). Чем выше оценка

Ага!-переживания, тем быстрее участники определяют валентность позитивно окрашенных изображений и тем медленнее негативно окрашенных. Затем была построена аналогичная модель, где вместо оценок Ага!-переживания в качестве предиктора использовались оценки уверенности. Значимого взаимодействия уверенности и валентности не обнаружено.

Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что Ага!-переживание включает в себя позитивный аффект, который может вызывать эффект аффективного прайминга, т.е. способствовать последующей обработке позитивно окрашенных стимулов (конгруэнтных валентности аффекта) и затруднять обработку негативных. Так как при дополнительной проверке фактора уверенности не наблюдается взаимодействия уверенности и валентности в модели, мы предполагаем, что позитивный аффект вызван не оценкой правильности решения, а увеличением беглости когнитивных процессов при обработке задачи (Moroshkina et al., 2024).

Литература

- Danek A. H., Fraps T., von Müller A., Grothe B., Öllinger M. It's a kind of magic — what self-reports can reveal about the phenomenology of insight problem solving // *Frontiers in psychology*. 2014. V. 5. Art. 1408.
- Klauer K. C. Affective priming // *European review of social psychology*. 1997. V. 8. No 1. P. 67–103.
- Kurdi B., Lozano S., Banaji M. R. Introducing the open affective standardized image set (OASIS) // *Behavior Research Methods*. 2017. V. 49. P. 457–470.
- Moroshkina N. V., Pavliuchik E. I., Ammalainen A. V., Gershkovich V. A., Lvova O. V. The Aha! experience is associated with a drop in the perceived difficulty of the problem // *Frontiers in Psychology*. 2024. V. 15. Art. 1314531.
- Shen W., Yuan Y., Liu C., Luo J. In search of the 'Aha!' experience: Elucidating the emotionality of insight problem-solving // *British Journal of Psychology*. 2016. V. 107. No 2. P. 281–298.

АФФЕКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОЗНАНИИ

Творчество как ресурс преодоления аффективного состояния созависимых родителей, воспитывающих детей с аутизмом*

Н. Г. Артёмцева

Институт психологии РАН, Москва
artemcevang@ipran.ru

М. И. Лынская

ООО «Институт Лынской», Москва
malyn@bk.ru

Опираясь на концепцию творчества Я. А. Пономарёва, в рамках которой креативность рассматривается как источник личного развития, показано, что творчество также может служить позитивным ресурсом для преодоления различных тревожных и депрессивных состояний. Отмечается роль творчества в преодолении аффективного состояния созависимых родителей, воспитывающих детей с аутизмом, отмечена необходимость включения творческой деятельности в программы коррекции созависимости. *Ключевые слова:* созависимость, творческие способности, мышление созависимых родителей детей с аутизмом.

Не вызывает сомнений, что творческая деятельность человека детерминирована не только его когнитивной организацией, но и актуальным психическим состоянием, режимом жизнедеятельности личности. Современный мировой контекст определяет значительный прирост тревожных и депрессивных расстройств среди населения. Опираясь на взгляд Я. А. Пономарёва, который понимал творчество как источник и механизм личного развития, можно сказать, что творчество также может служить позитивным ресурсом для

* Работа выполнена в рамках Госзадания № 0138–2025–0012.

преодоления различных тревожных и депрессивных состояний, особенно в ситуации наличия ребенка с аутизмом.

Одним из психических состояний, снижающих возможности к творческому самовыражению, является актуализированная созависимость. Созависимость нами определяется как проблема межличностных отношений, в которых субъект имеет определенные поведенческие, аффективные и когнитивные паттерны. Актуализированная созависимость указывает на наличие аффективных процессов в познавательной деятельности.

Многие исследования, проведенные под руководством Я. А. Пономарёва, показывают, что для решения творческих задач необходима эмоциональная оценка, именно эмоциональный фактор позволяет подключить интуитивный уровень мышления. Так, например, Ожигановой Г. В. показано, что для подлинного творчества необходимы определенные личностные параметры, среди которых: высокий уровень самооценки, чувство самодетерминации в качестве награды, внутренне воспринимаемый локус каузальности, акцент на внутренние сигналы при идентификации эмоций. Для того чтобы заниматься творчеством, человеку должно быть доступно чувство удовольствия от самой деятельности, когда наслаждение приносит сам процесс творчества, независимо от вознаграждения.

Творческое решение задачи требует опоры на интуицию, спонтанности поведения. При созависимости мышление и поведение отличаются ригидностью, в мышлении созависимых преобладают рационализация и интеллектуализация. В ситуациях, требующих активных действий, для созависимого характерно снижение способности к когнитивной переоценке, что отрицательно влияет на способность преобразовывать ситуацию. Созависимые не склонны к позитивной перефокусировке, у них снижена способность к отвлечению и характерен недостаток персональных ценностей. Все перечисленные особенности отражают дефицит когнитивных ресурсов, у созависимых в целом снижена когнитивная гибкость. Как известно, критериями определения актуализированной созависимости являются: концентрированность на проблемах другого человека, сниженная способность к рефлексии, низкие показатели и уязвимость

самооценки; искажения мышления, иррациональные установки (дихотомичное мышление, установки максимализма и персонализации, руминация); негативный эмоциональный фон.

Таким образом, для актуализированных созависимых творческая деятельность оказывается фактически недоступной, что обусловлено их психическим состоянием. С учетом того, что креативность является одним из основных ресурсов для культурно-экономического развития общества, существует необходимость в разработке дополнительных программ по психологической коррекции созависимости, в том числе с целью освобождения личностных ресурсов для творческой деятельности. В то же время само творчество является ресурсом для жизнедеятельности, в связи с чем включение творческой деятельности и творческих задач в программы коррекции созависимости родителей детей, имеющих аутизм, будет способствовать ее деактуализации.

Литература

- Артёмцева Н. Г.* Феномен созависимости: общее, типологическое, индивидуальное. М.: ИП РАН, 2017.
- Ожиганова Г. В.* Высшие творческие способности как ресурс жизнедеятельности // Современные исследования интеллекта и творчества / Под ред. А. Л. Журавлёва, Д. В. Ушакова, М. А. Холодной. М.: ИП РАН, 2015. С. 241–249.
- Пономарёв Я. А.* Психика и интуиция. Неопубликованные материалы, рисунки и фотографии / Редакторы-составители А. Л. Журавлёв, Т. В. Галкина. М.: ООО «ТИД «АРИС», 2010.
- Психология творчества: школа Я. А. Пономарёва / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: ИП РАН, 2006.

Восприятие экспрессий подвижного лица в системе мультимодальных эмоциональных состояний*

В. А. Барабанщиков

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва
vladimir.barabanschikov@gmail.com

Е. В. Суворова

Институт экспериментальной психологии,
Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва
esresearch@yandex.ru

Экспериментально изучались закономерности выражения и восприятия мультимодальных аффективных состояний человека при решении перцептивно-коммуникативных задач. Проведен анализ характеристик точности и семантической структуры выражения и идентификации эмоциональных состояний. Показано, что в рамках бимодальных (лицо + голос) выражений эмоций подвижное лицо обладает более высоким экспрессивным потенциалом и является основой кроссмодальной интеграции.

Ключевые слова: мультимодальные аффективные состояния, лицевые экспрессии, вокальные экспрессии, точность выражения и идентификации эмоций, структура категориальных полей.

В ранее опубликованной работе (Барабанщиков, Суворова, Малионик, 2024) мы рассмотрели круг возможностей, которыми обладает просодическая образующая бимодального

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00904, <https://rscf.ru/project/24-18-00904/>

аффективного состояния, включающего интонации голоса и выражения лица. Цель данной работы состоит в том, чтобы раскрыть специфику выражения и восприятия лицевой образующей этой же системы мультимодальных состояний. Нас интересовали: 1) характеристики точности и семантической структуры выражения и идентификации лицевых экспрессий и их зависимости от условий экспозиции; 2) соотношение основных метрик выражения и идентификации лицевых, просодических и мультимодальных эмоциональных состояний.

В основу методики положен Женевский тест распознавания эмоций (GERT), который создавался при участии профессиональных актеров (Bänziger, Mortillaro, Scherer, 2012; Барабанчиков, Суворова, 2020). В одной серии испытуемым демонстрировались короткие аудиовидеоролики 14 аффективных состояний, в другой — эти же видеоролики без звукового сопровождения (интонаций голоса при псевдолингвистических высказываниях). Испытуемые — 72 женщины в каждой серии, возраст: 18–45 лет ($M_1 = 22,4$ года, $SD_1 = 5,4$; $M_2 = 27,47$ года, $SD_2 = 5,7$) — идентифицировали состояния актеров-натурщиков (пять женщин и пять мужчин), используя для оценки интерактивное изображение Женевского колеса эмоций на экране дисплея. Каждая экспозиция демонстрировалась один раз на 2–5 с без возможности повтора. Анализировались усредненные показатели распознавания предъявляемых стимулов, их отношения и зависимости. В качестве статистических критериев применялись: критерий Фридмана, критерий Манна – Уитни, Краскелла – Уолиса с уровнем значимости $p < 0,05$.

Согласно полученным данным, средняя точность распознавания эмоций по выражению подвижного лица ($M = 0,53$; $SD = \pm 0,09$) в 1,24 раза ниже аналогичных оценок мультимодальных ($M = 0,66$; $SD = \pm 0,1$), но в 1,36 раза выше просодических ($M = 0,39$; $SD = 0,16$) экспрессий одного и того же пула аффективных состояний. Объединения выражений лица и интонаций голоса способны не только повышать, но и понижать точность идентификации. Кроссмодальные отношения не ограничены суммированием возможностей унимодальных образующих.

Рейтинги точности выражения аффективных состояний разными натурщиками обусловлены модальностью и содержанием эмоций. Выражение эмоции мимикой лица и интонацией голоса одним и тем же человеком требует разных способностей и их интеграции в условиях мультимодальных отношений. Значимые корреляции между точностью выражения эмоций мимикой лица и полом натурщика не обнаружены.

Конфигурация категориальных полей подвижных лицевых экспрессий занимает положение между соответствующими образованиями просодических и мультимодальных состояний, ближе к последним. Обладая в целом хорошо дифференцированным ядром, по ширине охвата дополнительных компонентов лицевые экспрессии напоминают вокальные, но ограничены их количеством и возможностью смены валентности. Так же, как и ядра унимодальных состояний, дополнительные эмоции включены в процесс кроссмодальной интеграции и в рамках нового целого подвержены преобразованиям.

Обозначен экспрессивный потенциал лицевой образующей в системе мультимодальных отношений интонаций голоса и динамических экспрессий лица. Обладая более широкими возможностями, лицевая образующая становится основой кроссмодальной интеграции. Благодаря просодической образующей этот процесс не просто дополняется и корректируется, но и развивается как относительно самостоятельное аффективное целое. Открывается перспектива более глубокого изучения механизмов восприятия мультимодальных эмоциональных состояний человека в процессах решения когнитивно-коммуникативных задач.

Литература

- Барабанищikov В. А., Королькова О. А.* Восприятие экспрессий «живого» лица // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13. № 3. С. 55–73.
- Барабанищikov В. А., Суворова Е. В.* Оценка эмоционального состояния человека по его видеоизображениям // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13. № 4. С. 4–24.

Барабаничиков В. А., Суворова Е. В., Малионок А. В. Восприятие просодической образующей мультимодальных аффективных состояний // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 3. С. 30–51.

Bänziger T., Mortillaro M., Scherer K. R. Introducing the Geneva Multimodal Expression Corpus for experimental research on emotion perception // Emotion. 2012. V. 12. No. 5. P. 1161–1179.

Характеристики наблюдаемых признаков и предпосылок проявления эмоций при восприятии динамического экспрессивного поведения*

О. А. Королькова

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва
olga.kurakova@gmail.com

Изучалось, какой вклад в восприятие динамических эмоциональных экспрессий лица и тела вносят описание внешних признаков проявления эмоций и интерпретация их возможных причин. В качестве предикторов точности оценки эмоций в анализ включены вербальные описания, данные наблюдателями. Значимыми оказались дескрипторы, описывающие: рот; направление взгляда; руки; движения и их характеристики; прыжки; спокойствие / отсутствие эмоций; парфюм; интерпретация ситуации; отсутствие действий; субъект; живой объект; событие; информация;

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–18–00904, <https://rscf.ru/project/24-18-00904/>

место; время; запах; часть тела; спокойствие; позитивная эмоция. Таким образом, выявлены признаки эмоциональных состояний, на которые ориентируются наблюдатели при восприятии экспрессий лица и тела, а также способы интерпретации возможных причин выраженных эмоций. *Ключевые слова:* эмоции, восприятие, экспрессии лица, движения тела, невербальное поведение.

Исследования восприятия эмоций традиционно проводятся на материале экспрессий лица, демонстрируемых наблюдателям изолированно, что не соответствует естественным ситуациям коммуникации. Вместе с тем существует взаимное влияние мимики лица и движений тела на точность распознавания выраженных эмоций (Albohn et al., 2022). Ранее мы показали, что при ограничении информации о лице, но доступности информации о жестах и движениях тела точность оценки выраженной эмоции существенно не снижается (Королькова, 2024).

Цель настоящей работы — уточнить ранее полученные результаты и определить, какой вклад в восприятие эмоциональных экспрессий лица и тела вносят описание внешних признаков эмоций и интерпретация их возможных причин. Мы провели дополнительный анализ данных, включив вербальные описания в качестве предикторов точности оценки эмоций. В анализ вошли результаты 120 участников (111 — жен., 9 — муж., 22–60 лет, медиана 36 лет; средний балл по Торонтской шкале алекситимии TAS-20 — 43,4 (Старостина и др., 2010).

Стимульный материал — видеофрагменты из базы EU-ESM (O'Reilly et al., 2016), на которых каждый из трех натурщиков демонстрировал динамическое экспрессивное поведение: выражения радости, страха, отвращения, возбуждения, разочарования, скуки и спокойствия. На оригинальные видео накладывалась расфокусирующая маска, закрывающая либо лицо натурщика, либо его тело и все остальное изображение, но оставляющая открытым лицо. Тип стимула варьировался как межгрупповой фактор (полная информация; расфокусированное лицо; расфокусированное тело; расфокусированное тело x2). Экспрессия варьировалась как внутригрупповой фактор.

Видеофрагменты демонстрировались последовательно в случайном порядке. После однократного просмотра каждого видеофрагмента участники отвечали на три вопроса: 1) В каком эмоциональном состоянии находится человек из видеоролика? 2) По каким признакам Вы определили эмоциональное состояние? 3) Как Вы думаете, что вызвало это состояние? Ответ на первый вопрос давался в форме выбора одного из пяти вариантов либо варианта «другое», на второй и третий вопросы — письменно в свободной форме. Исследование проводилось онлайн при помощи платформы jatos 3.5.8 и библиотеки jspsych 6.3.0.

Анализ данных проводился в среде R 4.0.0 с использованием пакетов lme4 1.1.35.5, lmerTest 3.1.3 и emmeans 1.10.4. Построена обобщенная линейная модель со смешанными эффектами. Фиксированными факторами являлись «Тип стимула» и «Экспрессия», случайными — номер испытуемого, его пол, возраст, балл по шкале TAS-20 и номер видеофрагмента. Также в модель включались вербальные дескрипторы, выделенные на основании ответов на вопросы 2 и 3. Значимость каждого из фиксированных факторов оценивалась путем сопоставления максимальной модели и модели, в которой данный фактор отсутствовал; уровень значимости рассчитывался при помощи критерия хи-квадрат.

В финальную модель вошли случайные эффекты испытуемого, балла по шкале TAS и номера видеофрагмента, фиксированные факторы «Тип стимула» и «Экспрессия» и следующие дескрипторы: рот/губы; взгляд / направление взгляда; руки; движения; отсутствие движений; прыжки; резкие/энергичные/активные; скованные/нерешительные; расслабленные/открытые; спокойствие / отсутствие эмоций; духи/аромат/парфюм; интерпретация ситуации; отсутствие действий; субъект; живой объект; событие; информация; место; время; запах; часть тела; спокойствие; позитивная эмоция.

Проведенный анализ позволил выявить признаки эмоциональных состояний, на которые ориентируются наблюдатели при восприятии экспрессий лица и тела, а также способы интерпретации возможных причин выраженных эмоций.

Важность вербализаций для целостного восприятия и категоризации экспрессий подчеркивается и в других исследованиях: в частности, показано, что эффект конгруэнтности при восприятии экспрессий лица и тела возрастает, если ответ дается путем выбора вербального обозначения, по сравнению с выбором подходящего изображения (Lecker, Aviezer, 2021). В дальнейшем планируется детальный анализ категорий ошибочных ответов.

Литература

- Королькова О. А. Восприятие эмоционального состояния коммуниканта на основе информации об экспрессиях его лица и тела // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 4. С. 28–43.
- Старостина Е. Г., Тэйлор Г. Д., Квилти Л. К., Бобров А. Е., Мошняга Е. Н., Пузырёва Н. В., Боброва М. А., Ивашкина М. Г., Кривчикова М. Н., Шаврикова Е. П., Бэгби Р. М. Торонтская Шкала Алекситимии (20 пунктов): Валидизация русскоязычной версии на выборке терапевтических больных // Социальная и клиническая психиатрия. 2010. Т. 20. № 4. С. 31–38.
- Albohn D. N., Brandenburg J. C., Kveraga K., Adams R. B. The shared signal hypothesis: Facial and bodily expressions of emotion mutually inform one another // Attention, Perception, & Psychophysics. 2022. V. 84. No. 7. P. 2271–2280.
- Lecker M., Aviezer H. More than Words? Semantic Emotion Labels Boost Context Effects on Faces // Affective Science. 2021. V. 2. No. 2. P. 163–170.
- O'Reilly H., Pigat D., Fridenson S., Berggren S., Tal S., Golan O., Bölte S., Baron-Cohen S., Lundqvist D. The EU-Emotion Stimulus Set: A validation study // Behavior Research Methods. 2016. V. 48. No. 2. P. 567–576.

Влияние состояния тревоги на восприятие одного и множества негативных эмоциональных экспрессий*

Д. А. Кох

Высшая школа экономики, Москва
kochdcs@gmail.com

Е. Ф. Фёдорова

Высшая школа экономики, Москва
effyodorova@edu.hse.ru

В исследовании изучалось влияние состояния тревоги на восприятие негативных эмоциональных выражений (гнева и страха) одного лица и множества лиц (ансамбля). Участники оценивали интенсивность выражений в нейтральном и тревожном состоянии. Результаты показали, что состояние тревоги усиливает воспринимаемую интенсивность эмоций, особенно при низкой интенсивности и для выражений страха. Эффект проявлялся как при восприятии одного лица, так и множества.

Ключевые слова: восприятие эмоций, восприятие ансамбля лиц, тревога, эмоциональная конгруэнтность.

Нарушение в распознавании эмоциональных экспрессий лиц может приводить к различным трудностям в социальном взаимодействии, что особенно заметно у людей с тревожностью. Одним из возможных механизмов этого искажения является эффект эмоциональной конгруэнтности — тенденции воспринимать внешние эмоциональные стимулы интенсивнее, когда наше эмоциональное состояние совпадает с воспринимаемой эмоцией (Rusting, 1998). Предыдущие исследования рассматривали влияние тревоги лишь на восприятие одного

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

лица, тогда как в рассмотрении особенностей восприятия группы (ансамбля) (Whitney, Leib, 2018) осталось малоизученной.

Цель нашего исследования — изучить влияние состояния тревоги на восприятие негативных эмоциональных экспрессий как у одного лица, так и в ансамбле лиц. Мы предполагаем, что в состоянии тревоги участники будут преувеличивать оценку интенсивности негативных эмоций (гнева и страха) по сравнению с нейтральным состоянием при восприятии как одного лица, так и ансамблей лиц. Формальное рассмотрение этого эффекта происходило через оценку среднего и стандартного отклонения ответа участников, которые дальше использовались как отклонение ответа и неточность ответа соответственно.

В эксперименте участники проходили две сессии: первая сессия проходила в нейтральном состоянии, тогда как вторая в состоянии тревоги. Далее для анализа были взяты участники ($N = 44$), у которых успешно индуцировалось состояние тревоги, подтвержденной увеличением показателей шкалы Эмос-15 (Люсин, 2019) после индукции ($t(43) = 13,594$; $p < 0,001$; Cohen's $d = 2,27$). Для оценки эффекта преувеличения использовался двухфакторный дисперсионный анализ с повторными измерениями для отклонения ответа и неточности ответа в нейтральном и тревожном состоянии, а также уровней интенсивности (15, 30, 60, 75) эмоциональных экспрессий при предъявлении одного лица и ансамбля.

При предъявлении одного лица тревожность значительно увеличивала отклонение ответа ($F(1,858) = 38,21$; $p < 0,001$; $\eta^2_p = 0,04$), т.е. участники оценивали негативные выражения как более интенсивные. Значимое взаимодействие между тревожностью и интенсивностью ($F(4,858) = 2,47$; $p = 0,04$; $\eta^2_p = 0,01$) показало более сильное влияние тревожности при низкой интенсивности (15, 30, 45). Неточность ответа варьировалась в зависимости от интенсивности ($F(4,858)$; $p < 0,001$; $\eta^2_p = 0,07$), а именно точность была меньше при интенсивности 15, 30 и 45 по сравнению с 60 и 75. Неточность ответа не зависела от тревожности.

При восприятии ансамбля тревожность также увеличивала отклонение ответа ($F(1,860) = 35,77$; $p < 0,001$; $\eta^2_p = 0,04$) со значимым взаимодействием с интенсивностью ($F(4,860) = 2,655$;

$p = 0,03$; $\eta^2_p = 0,01$). Неточность ответа имела U-образную зависимость от интенсивности ($F(4,860) = 29,93$; $p < 0,001$; $\eta^2_p = 0,12$) с наименьшей точностью на средних уровнях, но без влияния тревожности. Трехфакторный дисперсионный анализ показал более высокое искажение ответа для ансамблей страха по сравнению с гневом ($F(1,860) = 62,07$; $p < 0,001$; $\eta^2_p = 0,07$) с более сильным эффектом тревожности для лиц со страхом ($F(1,860) = 5,41$; $p = 0,02$; $\eta^2_p = 0,001$). Неточность ответа была чуть выше для ансамблей гнева ($F(1,860) = 4,157$; $p = 0,04$; $\eta^2_p < 0,001$).

Так, результаты нашего эксперимента подтверждают, что состояние тревоги увеличивает оценку интенсивности негативных эмоциональных выражений как при предъявлении одного лица, так и в ансамбле, но лишь при низкой интенсивности. Этот эффект сильнее для лиц, выражающих страх, чем гнев, вероятно, из-за большей конгруэнтности с тревожностью. Неточность ответа не изменялась в зависимости от состояния тревоги. Однако связан ли эффект преувеличения с когнитивными искажениями в памяти или суждениях, а не с чисто перцептивным восприятием, остается вопросом для будущих исследований (Firestone, Scholl, 2016).

Литература

- Люсин Д. В. Эмос-15: самоотчетная методика для измерения ядерного аффекта // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 97–106.
- Firestone C., Scholl B. J. Cognition does not affect perception: Evaluating the evidence for “top-down” effects // The Behavioral and Brain Sciences. 2016. V. 39. Art. e229.
- Rusting C. L. Personality, mood, and cognitive processing of emotional information: Three conceptual frameworks // Psychological Bulletin. 1998. V. 124. No. 2. P. 165–196.
- Whitney D., Leib A. Y. Ensemble perception // Annual Review of Psychology. 2018. V. 69. P. 105–129.

Влияние типа задачи на скорость обработки эмоциональных слов*

Е. Н. Мартынова

Высшая школа экономики, Москва
enmartynova@outlook.com

В исследовании оценивалось влияние типа задачи на связь между валентностью и скоростью обработки слов. Отрицательные слова обычно обрабатываются медленнее из-за способности захватывать внимание, однако гипотеза релевантности ответа предполагает, что в задачах, где валентность слова является релевантным параметром для ответа, отрицательные слова могут обрабатываться быстрее. Эксперимент включал задачи на лексическое решение и эмоциональную категоризацию с отрицательными, положительными и нейтральными словами. Результаты показали, что обработка отрицательных слов ускорилась в задаче на эмоциональную категоризацию по сравнению с лексическим решением; а отрицательные и положительные слова обрабатывались быстрее, чем нейтральные, при выполнении задачи на эмоциональную категоризацию. *Ключевые слова:* эмоциональная категоризация, лексическое решение, обработка слов, эмоциональные слова, валентность, эмоции и познание.

Положительные, отрицательные и нейтральные стимулы обрабатываются по-разному — это проявляется, в первую очередь, в скорости их обработки. Отрицательные стимулы обычно обрабатываются медленнее из-за того, что они удерживают внимание (Pratto, John, 1991). Положительные стимулы больше похожи друг на друга, чем отрицательные, поэтому легче воспринимаются и быстрее обрабатываются (Unkelbach et al., 2008).

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Однако отрицательные стимулы не всегда обрабатываются медленнее. Согласно гипотезе релевантности ответа, в задачах же, где валентность слова релевантна ответу (в эмоциональной категоризации, где нужно назвать валентность), вниманию не нужно переключаться с валентности, поэтому время ответа должно ускориться (Estes, Verges, 2008).

Целью исследования была оценка влияния типа задачи на связь между валентностью и скоростью обработки слов. Во-первых, мы предполагаем, что в лексическом решении ВР будет иметь линейную связь: положительные стимулы будут обрабатываться быстрее, чем нейтральные, а нейтральные быстрее, чем отрицательные. Во-вторых, в эмоциональной категоризации ВР будет иметь U-образную связь: положительные и отрицательные стимулы будут обрабатываться быстрее, чем нейтральные. Также исследование направлено на проверку гипотезы релевантности ответа.

Метод. В эксперименте приняли участие 70 человек от 18 до 25 лет ($M = 19,31$; $SD = 1,65$), 60 женщин. Эксперимент включал 20 нейтральных, 20 отрицательных и 20 положительных и 60 псевдослов. Слова были взяты из базы ENRuN (Люсин, Сысоева, 2017). Последовательность задач варьировалась между испытуемым.

Результаты. Для проверки основных гипотез использовался дисперсионный анализ для модели со смешанными эффектами. Фиксированными эффектами были задача ($p = 0,51$) и валентность слов ($p < 0,001$; $p = 0,01$). Случайными эффектами были слова и испытуемые. Зависимой переменной выступали ВР, трансформированные в z-оценки.

Для попарных сравнений использовался метод наименьших квадратов. Были выявлены различия между z-оценками для эмоциональной категоризации и лексического решения. Нейтральные слова обрабатывались быстрее во время лексического решения ($p_{\text{Tukey}} = 0,02$), а отрицательные во время эмоциональной категоризации ($p_{\text{Tukey}} = 0,02$). Также во время эмоциональной категоризации положительные ($p_{\text{Tukey}} < 0,001$) и отрицательные ($p_{\text{Tukey}} < 0,001$) слова обрабатывались быстрее нейтральных. Для лексического решения значимых различий получено не было.

Обсуждение результатов. Гипотеза о связи валентности и скорости обработки для лексического решения не подтвердилась: положительные, отрицательные и нейтральные слова обрабатывались с одинаковой скоростью. Гипотеза о связи валентности и скорости обработки для эмоциональной категоризации подтвердилась: положительные и отрицательные слова обрабатывались быстрее, чем нейтральные. Гипотеза релевантности ответа также подтвердилась: z-оценки для отрицательных слов в эмоциональной категоризации были меньше, чем в лексическом решении.

Специфика обработки эмоциональных слов зависит, в первую очередь, от контекста (задачи), в которой они обрабатываются, а их валентность не ускоряет и не замедляет скорость обработки по умолчанию. Так, обработка эмоциональных слов в эмоциональной категоризации ускоряется, потому что валентность становится приоритетным параметром, а валентность у эмоциональных слов более очевидна, чем у нейтральных. В лексическом решении различия в скорости отсутствуют, потому что ключевым параметром там выступает отсутствие или наличие смысла у слова, что может определяться раньше, чем валентность (например, по внешним признакам слова).

Зависимость скорости обработки эмоциональных слов от задачи связана с процессами творчества, потому что гибкость мышления и чувствительность к контексту являются важными компонентами креативности. Отсутствие автоматического влияния валентности указывает на активную роль когнитивной системы в выборе приоритетных признаков, что важно для дивергентного мышления.

Литература

- Сысоева Т. А., Люсин Д. В. ENRuN: база данных с нормативными оценками эмоциональной окраски существительных русского языка // Процедуры и методы экспериментально-психологический исследований. 2016. С. 126–131.
- Estes Z., Verges M. Freeze or flee? Negative stimuli elicit selective responding // Cognition. 2008. V. 108. No. 2. P. 557–565.
- Pratto F., John O. P. Automatic vigilance: the attention-grabbing

power of negative social information // Journal of personality and social psychology. 1991. V. 61. No. 3. P. 380–391.

Unkelbach C., et al. Why positive information is processed faster: the density hypothesis // Journal of personality and social psychology. 2008. V. 95. No. 1. P. 36–49.

Эмоциональные процессы и понимание людьми друг друга

Т. Б. Позднякова

Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург
tat_pozdnyakova@mail.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи отдельных параметров развития эмоциональной сферы субъектов познания и их способности к пониманию других людей. На основе полученных результатов сделан вывод о ведущей роли эмоциональной стабильности личности в понимании другого человека, а также наличии специфических связей между отдельными составляющими способности к пониманию других людей и параметрами развития эмоциональной сферы субъекта познания.

Ключевые слова: межличностное понимание, субъект познания, способность к пониманию других людей, эмоциональная сфера личности.

Понимание другого человека, являясь в первую очередь познавательным процессом, во многом зависит от эмоциональных, выступающих в качестве фона, на котором

разворачивается познание людьми друг друга (Познание человека..., 2005; Панфёров, 1983).

«Эмоции, возникающие уже на этапе восприятия внешнего облика другого человека, воздействуя на активность протекания познавательных процессов, влияют на характер формируемого понятия о нем» (Позднякова, 2024, С. 59).

Цель нашего исследования состояла в изучении взаимосвязи между отдельными параметрами развития эмоциональной сферы субъекта познания и его способности к пониманию других людей.

Респондентами выступили студенты вуза в количестве 120 человек.

Были использованы 16-факторный опросник Р. Кеттелла, а также методика КОСКОМ, опросник СУМО, тест «Притчи», методика СТАЛЬ, тест «Экспрессия», разработанные В. Н. Куницыной.

Результаты исследования показали, что понимание других людей сочетается с эмоциональной стабильностью субъекта познания. При этом в отношении понимания невербального поведения эта связь значима на уровне статистической достоверности ($p = 0,031$), а в отношении понимания логики развития ситуации межличностного взаимодействия только на уровне тенденции ($p = 0,543$).

По остальным изучаемым параметрам выявлены различия. В частности, способность к прогнозированию развития ситуации взаимодействия людей отрицательно коррелирует с сенситивностью личности ($p = 0,048$), а также на уровне тенденции отрицательно связана с чувствительностью (фактор I), эмпатией и в целом с проявлениями эмоциональной незрелости. Таким образом, процесс понимания в данном случае предполагает минимум эмоциональной включенности: эмоциональную сдержанность, нечувствительность, несклонность к сочувствию и сопереживанию. Можно предположить, что именно низкие показатели этих параметров в большей степени способствуют точности понимания. Излишняя эмоциональность и чувствительность только мешают непредвзятому

анализу и просчитыванию возможных вариантов развития взаимодействия объектов познания.

В то же время способность к пониманию состояния другого человека по его невербальному поведению на уровне тенденции, напротив, чаще всего положительно коррелирует с чувствительностью, чувствительностью (фактор I), эмпатией и в целом проявлениями эмоциональной незрелости. Исходя из этого, можно предположить, что процесс понимания экспрессии в большей степени эмоционально опосредован. Повышенное внимание к изменениям во внешнем облике и контуре поведения воспринимаемого человека и как следствие более точное распознавание по внешним признакам состояния, в котором находится человек, наблюдается при большей включенности эмоциональной сферы субъекта в процесс познания. Переживаемые эмоции и чувствительность к проявлениям эмоций других людей помогают идентификации состояния объекта познания по его невербальным реакциям.

Таким образом, проведенное исследование расширяет представление о роли эмоциональных процессов в понимании людьми друг друга. На основе полученных результатов можно сделать выводы о важности эмоциональной стабильности личности в познании другого человека, а также о наличии специфических связей между отдельными составляющими способности к пониманию других людей и параметрами развития эмоциональной сферы субъекта познания.

Литература

- Панферов В. Н. Проблема взаимосвязи объектных и субъектных свойств человека // Вопросы психологии межличностного познания и общения / Под ред. О. Г. Кукосян. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1983. С. 78–86.
- Позднякова Т. Б. Понимание людьми друг друга в контексте проблем современной психологии. СПб.: Скифия-принт, 2024.
- Познание человека человеком (возрастной, гендерный, этнический и профессиональный аспекты) / Под ред. А. А. Бодалева, Н. В. Васиной. СПб.: Речь, 2005.

Теоретические и эмпирические различия семантического и аффективного модусов валентности*

А. А. Пушкинов

Высшая школа экономики, Москва,
aapushnikov_1@edu.hse.ru

Семантическая валентность, знание о валентности объекта, и аффективная валентность, валентность аффекта, определяются как модусы общего понятия «валентность». Модусы различны концептуально, однако возможность их эмпирической диссоциации спорна. Поставив перед собой цель определить, существуют ли эмпирические различия между модусами и в чем они заключаются, мы рассмотрели некоторые их характеристики: вариативность, величину и смешанность оценок. Также мы провели эмпирическое исследование, в ходе которого собрали униполярные оценки валентности слов по соответствующим инструкциям и оценили пригодность названных характеристик для диссоциации. Мы наблюдали большую вариативность и меньшую смешанность аффективных оценок, в то время как величина оценок значимо не различалась между модусами. *Ключевые слова:* семантическая валентность, аффективная валентность.

Конструкты семантическая и аффективная валентность предложены Иткес с соавт. (Itkes et al., 2019) как «модусы» валентности (Russell, 2003) и определялись как «сохраненное знание о валентности объекта» и «валентность эмоциональной реакции» соответственно. Теоретически мы имеем дело с различными конструктами, однако их эмпирическая диссоциация сложна. Наша исследовательская цель — выявить теоретические различия

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

между модусами валентности, которые будут вызывать эмпирические различия, и проверить их пригодность для диссоциации.

Валентность рассматривается рядом авторов как семантический признак (Itkes et al., 2019), поэтому можно предположить, что вариативность семантических оценок должна быть довольно низкой и все носители некоторой культуры дадут схожие оценки (Patterson, Nestor, Rogers, 2007).

Согласно Расселу, базовый аффект человека в определенный момент не может быть смешанным, то есть одновременно положительным и отрицательным; аффективное качество же представляет собой сохраненное знание базовом аффекте в разные моменты прошлого, поэтому может быть смешанным (Russell, 2003). О. Иткес, З. Эвиатар и А. Крон с опорой на Дж. Рассела сделали сходное предположение и оценили его эмпирически (Itkes, Eviatar, Kron, 2019).

М. Робинсон и Г. Клор наблюдали, что знание об эмоции может влиять на ее оценки в большей мере, нежели собственно оцениваемые переживания (Robinson, Clore, 2002). Можно предположить, таким образом, что аффективные оценки реже достигают своего «эталонного» значения, зафиксированного семантической валентностью объекта.

Гипотезы: 1) аффективные оценки сильнее различаются между участниками; 2) семантические оценки чаще оказываются смешанными; 3) семантические оценки в среднем больше по величине.

В исследовании приняли участие 103 носителя русского языка (73 женщины) в возрасте от 15 до 63 лет ($M = 27,0$; $SD = 12,3$).

72 двухсложных слова были отобраны из базы ENRuN и разделены между первой и второй половинами списка.

Общая инструкция состояла в объяснении различий между модусами валентности, аффективная и семантическая — в более подробном объяснении, что именно необходимо оценивать в каждом случае. Для оценки было 2 шкалы: положительная и отрицательная.

После общей инструкции и сбора демографических данных участники, проходившие первый вариант процедуры, читали семантическую инструкцию и давали семантические оценки

для стимулов из первой половины списка, а после — аффективную инструкцию и аффективные оценки для второй половины. Второй вариант процедуры предполагал, напротив, сначала аффективную, а после семантическую оценку тех же стимулов.

По положительной шкале SD аффективных оценок слов были значимо больше SD семантических оценок, $z = 1,649$; $p = 0,050$; $r = 0,22$. По отрицательной шкале SD аффективных оценок слов не были значимо больше SD семантических, $z = 0,819$; $p = 0,207$; $r = 0,11$.

Для оценки гипотезы 2 мы использовали обобщенную линейную смешанную модель, где фиксированным фактором выступал модус, а случайными — участники и слова. Зависимой переменной выступали коды смешанности, где пара положительной и отрицательной оценок кодировалась как смешанная оценка, если хотя бы одна оценка в паре была равна нулю; в противном случае пара кодировалась как смешанная оценка. Было обнаружено, что семантические оценки значимо чаще бывают смешанными, нежели аффективные, $Est. = -0,207$; $SE = 0,005$; $t = 441,538$; $p < 0,001$.

Значимых различий в величине оценок не было обнаружено ни для положительных, $z = 0,075$; $p = 0,471$; $r = 0,01$, ни для отрицательных, $z = 0,926$; $p = 0,178$; $r = 0,13$, оценок.

Результаты проверки первой и второй гипотез в целом согласуются с предсказаниями известных нам теорий, озвученными выше. Неподтверждение гипотезы 3, вероятно, говорит, во-первых, о неверной идентификации нами интенсивности и отчетливости валентности или, во-вторых, об ином, нежели мы предполагали, способе хранения и обобщения аффективной информации в семантической памяти.

Литература

- Itkes O., Eviatar Z., Kron A.* Semantic and affective manifestations of ambi (valence) // *Cognition and Emotion*. 2019. V. 33. No. 7. P. 1356–1369.
- Itkes O., Kron A.* Affective and semantic representations of valence: A conceptual framework // *Emotion Review*. 2019. V. 11. No.4. P. 283–293.

- Patterson K., Nestor P. J., Rogers T. T.* Where do you know what you know? The representation of semantic knowledge in the human brain // *Nature reviews neuroscience*. 2007. V. 8. No. 12. P. 976–987.
- Robinson M. D., Clore G. L.* Episodic and semantic knowledge in emotional self-report: evidence for two judgment processes // *Journal of personality and social psychology*. 2002. V. 83. No. 1. P. 198.
- Russell J. A.* Core affect and the psychological construction of emotion // *Psychological review*. 2003. V. 110. No. 1. P. 145.

База данных ENRuN-2 с оценками эмоциональной окраски русских существительных и возможности ее применения в исследованиях творческих процессов*

Т. А. Сысоева

Высшая школа экономики, Москва
tatiana.sysoeva@mail.ru

Д. В. Люсин

Высшая школа экономики, Институт
психологии РАН, Москва
ooch@mail.ru

Цель данного проекта — создать базу данных с оценками эмоциональной окраски для существительных русского языка, включающую более 6000 слов. Подобные базы могут использоваться в различных исследованиях, включая исследования творческих процессов, для отбора и уравнивания вербального стимульного материала по эмоциональным параметрам, и данная работа компенсирует отсутствие таких баз на русском языке. Каждое слово в представленной базе было предъявлено как минимум 10 респондентам мужского и 10 респондентам женского пола, каждый из которых оценивал слова либо в многомерном подходе (по параметрам «валентность» и «возбуждение»), либо в категориальном (по параметрам «радость», «грусть», «злость», «страх», «отвращение»). База данных распространяется свободно.

Ключевые слова: эмоциональная окраска слов, валентность, возбуждение, эмоциональные категории, база ENRuN-2.

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Исследования показывают, что переработка информации может зависеть как от эмоционального состояния перерабатывающего субъекта, так и от эмоционального содержания перерабатываемого материала, хотя конкретная специфика таких связей все еще требует дальнейших прояснений. Работа творческих процессов также не свободна от подобных влияний.

Одним из ключевых методических приемов при изучении особенностей переработки эмоционально окрашенных стимулов является экспериментальная манипуляция эмоциональным содержанием перерабатываемого материала с последующим сравнением показателей эффективности переработки (например, времени реакции или точности) для стимулов разных эмоциональных категорий.

Наиболее часто используются два основных подхода к характеристике эмоциональных параметров стимулов: многомерный (стимулы характеризуются по ключевым эмоциональным измерениям, например, валентность (положительная vs отрицательная) и эмоциональное возбуждение) и категориальный (стимулы характеризуются по их связи с конкретными эмоциями, например, радостью, злостью и т.п.).

Чтобы иметь возможность отбирать стимулы, различные по эмоциональной окраске, исследователи могут либо самостоятельно провести предварительный сбор данных, либо воспользоваться уже готовыми базами. К настоящему времени для разных культур и языков разработано много таких баз с изображениями, словами и т.п. (Diconne et al., 2022), однако для русскоязычных исследователей подобные базы почти не представлены.

Цель данного проекта — разработать базу данных с оценками эмоциональной окраски для существительных русского языка ENRuN-2 (Emotional Norms for Russian Nouns 2), расширив ее предыдущую версию, содержащую 378 слов (Люсин, Сысоева, 2017), до более 6000.

В базу отбирались слова длиной от 2 до 14 букв, предположительно различающиеся по эмоциональной окраске; не включались редкие и устаревшие слова, омонимы, многозначные слова, диминутивы и аугментативы, а также некоторые другие

категории слов. Каждое слово оценено как в многомерном (параметры «валентность» по шкале от -3 до $+3$ и «возбуждение» по шкале от 1 до 7), так и в категориальном (по шкале от 0 до 5 оценено, насколько слово связано с каждой из пяти эмоциональных категорий — радость, грусть, злость, страх и отвращение) подходах.

В исследовании приняли участие более 3500 респондентов в возрасте от 18 до 77 лет, для которых русский язык является родным. Каждый респондент оценивал все параметры в рамках одного подхода для каждого предъявленного слова, выставляя оценки около 250 словам, если работа велась в многомерном подходе, и около 100 словам, если работа велась в категориальном подходе. Каждое слово было предъявлено как минимум 10 мужчинам и 10 женщинам. Из анализа исключались ответы респондентов, которые указали, что не знают более 25 % из предъявленных слов, а также тех, кто не выбрал вариант «я не знаю это слово» для хотя бы одного из двух включенных в предъявленный список псевдослов.

Для оценки надежности собранных данных подсчитаны коэффициенты межклассовой корреляции (они не опускаются ниже 0,8). Для оценки валидности рассчитаны коэффициенты корреляции Спирмена оценок, полученных в текущем исследовании, с оценками, полученными в предыдущих исследованиях для подвыборок совпадающих слов.

В базе для каждого слова по каждому параметру представлены минимум, максимум, среднее и стандартное отклонение, а также количество полученных оценок — как на выборке в целом, так и отдельно для подвыборок мужчин и женщин. Дополнительно приведена информация о частотности (из словаря Ляшевской и Шарова (2009) и длине слов в буквах и слогах. База данных распространяется свободно.

База ENRuN-2 может применяться в исследованиях решения творческих задач, использующих вербальный стимульный материал (например, CRA-задачи), в частности для уравнивания предъявляемых слов по разным эмоциональным параметрам, а также для выявления вклада этих параметров в обнаружение таких феноменов, как ага-реакция.

Литература

- Люсин Д. В., Сысоева Т. А. Эмоциональная окраска имен существительных: база данных EnRun // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 2. С. 122–131.
- Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Новый частотный словарь русской лексики. М.: Азбуковник, 2009.
- Diconne K., Kountouriotis G. K., Paltoglou A. E., Parker A., Hostler T. J. Presenting KAPODI — The searchable database of emotional stimuli sets. *Emotion Review*. 2022. V. 14. No. 1. P. 84–95.

Влияние знакомства с индивидуальными паттернами речи на распознавание вокальных эмоциональных экспрессий

М. В. Юрьева

Высшая школа экономики, Москва
mavyur99@gmail.com

Данное исследование посвящено изучению влияния предварительного ознакомления с голосом диктора на точность и время последующего распознавания его эмоциональных состояний. В исследовании приняли участие 80 испытуемых-женщин. На этапе ознакомления участники прослушивали ~3,5 минуты нейтральной или эмоционально окрашенной речи (10 эмоций), произнесенной одним из двух дикторов-женщин (Целевым/Нецелевым). Затем оценивалась их способность распознавать эмоции в коротких аудиозаписях дикторов. Двухфакторный ANOVA не выявил значимого влияния факторов и их взаимодействия на общую точность распознавания, однако тип ознакомления показал тенденцию к влиянию на точность

распознавания ($p = 0,06$). Результаты обсуждаются в контексте моделей диссоциации обработки вокальной информации.

Ключевые слова: вокальные экспрессии, знакомство с голосом, восприятие эмоций в голосе.

Вокальное выражение эмоций характеризуется значительной индивидуальной вариативностью (Scherer, Banse, 1996). Это поднимает вопрос о том, в какой степени слушатели способны использовать эти индивидуальные паттерны для более точного восприятия эмоций. Известно, что знакомство с голосом диктора значительно улучшает обработку самой речи, например, ее разборчивость (Nygaard, Pisoni, 1994). Однако теоретические модели обработки голоса предполагают наличие по крайней мере частично отдельных нейронных путей для установления личности (которое становится доступным благодаря знакомству) и анализа аффективной информации (Belin et al., 2004). В отличие от лицевой модальности, где было показано наличие диссоциации восприятия личности и эмоциональных экспрессий (Young et al., 1986), подобных исследований в аудиальной модальности не проводилось.

Таким образом, мы предполагаем, что, несмотря на возможную диссоциацию на низких уровнях обработки, в более экологически валидных задачах знакомство с голосом диктора будет способствовать более точному распознаванию его эмоций, подобно тому, как это происходит при обработке речи. Данное исследование направлено на изучение специфического вклада двух типов знакомства с голосом — с нейтральной речью (представление о базовых вокальных характеристиках диктора) и с эмоционально окрашенной речью (знакомящей с индивидуальными паттернами выражения эмоций) — на точность последующего распознавания эмоциональных состояний.

Методы. Участники ($N = 80$, женщины, возраст $M = 18,9$; $SD = 1,55$) случайным образом распределялись в одну из 8 экспериментальных групп. Для данного исследования были созданы и апробированы стимулы, состоящие из контекстно эмоционально нейтральных предложений с повторяющимися

персонажами, произносимые дикторами нейтрально или с экспрессией одной из 10 эмоций. В исследовании использовался межгрупповой дизайн 2 (Тип ознакомления: Нейтральный, Эмоциональный) × 2 (Соответствие диктора на этапе теста: Целевой, Нецелевой). На этапе ознакомления участники прослушивали ~3,5 минуты аудиозаписей (нейтральных или эмоциональных предложений, произнесенных одним из двух дикторов-женщин), задачей участников было следить за сюжетом (маскирующее задание). Сразу после этого следовал этап тестирования, где участникам предъявлялись для распознавания короткие аудиозаписи (10 эмоций × 3 предложения × 2 повторения), произнесенные либо тем же диктором, что и на этапе ознакомления (целевой), либо другим (нецелевой) диктором. Участники выбирали одну из 12 опций ответа (10 эмоций, «нейтрально», «ничего не подходит»). Регистрировались точность и скорость ответов.

Результаты. Двухфакторный дисперсионный анализ (ANOVA) не выявил статистически значимых главных эффектов: типа ознакомления (нейтральный или эмоциональный) ($F = 3,5$; $p = 0,06$; $\eta^2_p = 0,04$); соответствия диктора (целевой и нецелевой) ($F = 2,0$; $p = 0,16$; $\eta^2_p = 0,03$) и взаимодействия между факторами ($F = 2,3$; $p = 0,13$; $\eta^2_p = 0,03$) на общую точность распознавания эмоций. Несмотря на то что тип ознакомления имел лишь тенденцию к более высокой точности распознавания эмоций, был показан статистически значимый эффект меньшего времени реакции после прослушивания эмоциональной речи, нежели нейтральной ($F = 5,2$; $p = 0,025$; $\eta^2_p = 0,06$).

Обсуждение и выводы. Полученные результаты подтверждают теоретическую модель, предполагающую различные пути обработки информации личности диктора и его эмоциональных экспрессий, демонстрируют схожую с обработкой лицевых экспрессий диссоциацию для аудиальной модальности. Наблюдаемая тенденция для типа ознакомления при анализе точности распознавания, а также статистически значимые различия в скорости реакции могут указывать на эффект эмоционального прайминга в дальнейшей обработке эмоциональных стимулов. Отсутствие эффектов для соответствия диктора

может быть связано с недостаточной длительностью ознакомления, а также в связи с имплицитностью ознакомления с голосом диктора. Необходимы дальнейшие исследования, варьирующие длительность и характер ознакомления с голосом диктора.

Литература

- Banse R., Scherer K. R.* Acoustic profiles in vocal emotion expression // *Journal of personality and social psychology*. 1996. V. 70. No. 3. P. 614.
- Belin P., Fecteau S., Bedard C.* Thinking the voice: neural correlates of voice perception // *Trends in cognitive sciences*. 2004. V. 8. No. 3. P. 129–135.
- Nygaard L. C., Sommers M. S., Pisoni D. B.* Speech perception as a talker-contingent process // *Psychological Science*. 1994. V. 5. No. 1. P. 42–46.
- Young A. W., McWeeny K. H., Hay D. C., Ellis A. W.* Matching familiar and unfamiliar faces on identity and expression // *Psychological research*. 1986. V. 48. No. 2. P. 63–68.
- Zhang F., Parmley M.* Emotion attention and recognition of facial expressions among close friends and casual acquaintances // *Journal of Social and Personal Relationships*. 2015. V. 32. No. 5. P. 633–649.

**КОГНИТИВНО-
ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
РАЗВИТИЕ И ТВОРЧЕСТВО**

Индивидуальные предпосылки контроля поведения у младших школьников*

Г. А. Виленская

Институт психологии РАН, Москва
vga2001@mail.ru

В работе изучался вклад индивидуальных особенностей младших школьников в их контроль поведения. Выборку составили 116 учеников 3–4-х классов. Использовались методики ССПДМ, Опросник социально-эмоциональных навыков, Шкала явной тревожности для детей, «Большая пятерка — детский вариант». Наибольший вклад индивидуальные особенности вносят в показатели эмоционального контроля, волевой контроль предсказывается значительно слабее, отдельные составляющие когнитивного контроля предсказываются с различной силой и разными показателями. Наряду с добросовестностью заметный вклад в контроль поведения вносят экстраверсия и открытость опыту, причем вклад экстраверсии в разные компоненты контроля поведения противоположен по знаку. Такие различия могут отражать возрастную специфику становления регуляции.

Ключевые слова: контроль поведения, большая пятерка, младшие школьники, ресурсы контроля поведения, экстраверсия.

Одно из положений, на которых основывается концепция контроля поведения — индивидуализированность, уникальная композиция ресурсов субъекта и способности их использовать (Сергиенко, Виленская, 2018). Она возникает достаточно рано, так, было показано, что уже младенцы и дети раннего возраста имеют индивидуальные различия в контроле поведения в зависимости от типа темперамента (Виленская, 2022). Однако

* Работа выполнена в рамках Госзадания № 0138–2025–0009.

дальнейшее развитие индивидуальных траекторий контроля поведения пока прослежено весьма фрагментарно. В работе изучался вклад индивидуальных особенностей младших школьников в их контроль поведения.

Выборку составили 116 учеников 3–4-х классов ($M = 10$ лет, $SD = 0,67$), 54 девочки.

Для оценки контроля поведения применялись: 1) методика ССПДМ — когнитивный контроль; 2) опросник социально-эмоциональных навыков (СЭН), разработанный Орёл Е. А. и Куликовой А. А., использовались шкалы Достижение цели — волевой контроль и Управление эмоциями — эмоциональный контроль; 3) шкала явной тревожности для детей (СМАС) — эмоциональный контроль. Для оценки индивидуальных особенностей использовался опросник «Большая пятерка — детский вариант» (в адаптации Малых и др.).

Наибольший вклад индивидуальные особенности вносят в показатели эмоционального контроля: Управление эмоциями (R -квадрат (далее R^2) = 0,333; $F = 10,78$; $df = 5,90$; $p < 0,00001$) предсказывается Экстраверсией (0,322) и Добросовестностью (0,228), а Тревожность ($R^2 = 0,172$; $F = 5,06$; $df = 5,90$; $p = 0,0004$) — Нейротизмом (0,413). Волевой контроль (Достижение цели) предсказывается значительно слабее ($R^2 = 0,069$; $F = 2,46$; $df = 5,90$; $p = 0,038$, самый большой вклад вносят Экстраверсия (0,158) и Открытость опыту (0,155). Отдельные составляющие когнитивного контроля предсказываются с различной силой и разными показателями. Наиболее заметный вклад индивидуальные особенности вносят в Программирование ($R^2 = 0,172$; $F = 5,62$; $df = 5,90$; $p = 0,00012$) — это Открытость опыту (0,279) и Добросовестность (0,315). Далее следуют Планирование ($R^2 = 0,117$; $F = 3,94$; $df = 5,90$; $p = 0,0026$), предсказываемое Открытостью опыту (0,294), и Моделирование ($R^2 = 0,099$; $F = 3,46$; $df = 5,90$; $p = 0,006$), предсказываемое Экстраверсией (–0,338) и Добросовестностью (0,224). Наименее надежно личностные особенности предсказывают Оценку обратной связи ($R^2 = 0,061$; $F = 2,44$; $df = 5,90$; $p = 0,038$), здесь наибольший вклад вносят Дружелюбие (0,354) и Экстраверсия (–0,28).

Здесь можно отметить, что, наряду с добросовестностью, заметный вклад в контроль поведения вносят экстраверсия и открытость опыту, причем для экстраверсии в разных компонентах контроля поведения он оказывается противоположен по знаку. Ее вклад в эмоциональный контроль (управление эмоциями) положителен, а в когнитивный контроль (моделирование и оценка обратной связи) — отрицателен.

Полученные результаты до некоторой степени противоречат литературным данным. Так, отмечается, что регуляторный профиль экстраверта характеризуется высокими значениями моделирования и сниженными — планирования и программирования (Моросанова и др., 2024). Также отмечено, что экстраверты не склонны активно контролировать свои эмоции при в целом высоком уровне саморегуляции (Дорофеева, 2012). Однако эти данные получены на взрослых и старших подростках, и такие различия могут отражать возрастную специфику становления регуляции. Так, дети-экстраверты могут иметь более высокие показатели управления эмоциями не потому, что они хорошо регулируют эмоции, а потому что, чаще находясь в хорошем настроении, реже испытывают необходимость в эмоциональной саморегуляции. В силу повышенного эмоционального фона такие дети могут быть менее чувствительны к изменениям ситуации, что приводит к снижению показателей моделирования и оценки обратной связи, которые связаны именно с умением оценивать происходящее и гибко изменять поведение в соответствии с оценкой.

Таким образом, вклад индивидуальных особенностей в контроль поведения может быть различен на разных этапах онтогенеза.

Литература

- Виленская Г. А. Контроль поведения — психическая регуляция в развитии субъекта // Онто- и субъектогенез психического развития человека. М.: ИП РАН, 2022. С. 167–185.
- Дорофеева И. Н. Связь признаков латеральной организации мозга и темперамента с особенностями саморегуляции // Экспериментальная психология. 2012. Т. 5. № 3. С. 71–85.

Моросанова В. И., Бондаренко И. Н., Фомина Т. Г., Кондратюк Н. Г., Потанина А. М., Филиппова Е. В., Цыганов И. Ю. Благополучие, саморегуляция и успеваемость младших подростков. М.: Изд-во МГУ, 2024.

Сергиенко Е. А., Виленская Г. А. Контроль поведения — интегративное понятие психической регуляции // В сб.: Разработка понятий современной психологии / Под ред. Е. А. Сергиенко, А. Л. Журавлёва. М.: ИП РАН, 2018. С. 343–378.

Репрезентация эмоций у детей 15–18 мес.: возможности по построению ожиданий о действиях на основе наблюдавшейся эмоциональной экспрессии

Я. С. Дергачёв

Высшая школа экономики, Москва
ysdergachev@hse.ru

А. А. Котов

Высшая школа экономики, Москва
akotov@hse.ru

Т. Н. Котова

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Москва
kotova-tn@ranepa.ru

Данное исследование направлено на изучение репрезентации эмоций — способности испытывать определенную эмоцию при отсутствии актуальной стимуляции, провоцирующей эту эмоцию, у детей 15–18 мес. Для исследования мы разработали два эксперимента. В эксперименте 1 мы

оценивали разницу в длительности просмотра на тестовое видео в условии, когда выбор объекта был согласованным или несогласованным с предыдущей эмоциональной экспрессией. Результаты показали статистически значимые различия в этих условиях. Эксперимент 2 проведен с усложненными условиями: демонстрируемые эмоции были положительными, но содержательно разными (интерес и симпатия), на тестовом этапе они могли соответствовать или не соответствовать намерениям демонстрирующего: исследовать и погладить объект соответственно.

Ключевые слова: репрезентация эмоций, социальное научение, эмоциональное развитие, восприятие намерения, ранний возраст.

Сложность изучения раннего эмоционального развития состоит в том, что одновременно происходит изменение возможностей по использованию эмоций как компонента построения действия и самих форм эмоций как психологических явлений. В отношении момента включения знаковых средств в ту или иную форму эмоционального явления в литературе представлены преимущественно две точки зрения — модель Д. Гергея и Дж. С. Уотсона (Gergely, Watson, 1996) и модель М. Холодински (Holodynski, 2013), — обе видят в качестве первичного опосредования эмоций экспрессию эмоции в поведении значимого взрослого, но различаются возрастом, к которому относят это изменение. Согласно модели Холодински это происходит только около трех лет и проявляется в росте возможностей ребенка по регуляции своей эмоциональной экспрессии. В модели Гергея и Уотсона такое опосредование происходит в начале второго года жизни и представляет собой момент возникновения полноценных эмоций через включение внешнего знака во внутренний процесс управления своими действиями на основе эмоций. Таким образом, в этой модели идет речь о возникновении на втором году жизни репрезентации эмоций. Это согласуется с эмпирическими данными: о феномене социально-референтной оценки у детей в возрасте 6–14 месяцев (Moses, Baldwin, Rosicky, Tidball, 2001), о социально-референтной

оценке при формировании последующего эмоционального отношения к объектам, без актуальной экспрессии взрослого (Hornik, Risenhoover, Gunnar, 1987). При этом из представления о репрезентации эмоций как о способности удерживать и переживать эмоцию вне ситуации, ее провоцирующей, следует и возможность использовать эту способность для того, чтобы опираться на прежде проявленные эмоции других людей при понимании их намерений. Перед нами стояла задача проверить, могут ли дети опираться на продемонстрированные другим человеком эмоциональные оценки объекта при построении ожиданий о его поведении по отношению к данному объекту.

Исследование 1. Методика. В рамках эксперимента дети наблюдали за действиями актрисы по отношению к нейтральным объектам, воспроизводимым в видеоформате на планшете. На этапе фамильяризации актриса демонстрировала эмоциональную оценку (позитивную к одному, негативную — к другому) к объектам, скрытым коробками от ребенка. В тестовом этапе актриса выбирала объект соответственно или несоответственно эмоциональной реакции. Во время эксперимента фиксировалась продолжительность взгляда участника.

Результаты. Участники значимо дольше смотрели на неконгруэнтный выбор объекта относительно продемонстрированной эмоциональной оценки. Результаты указывают на возможность ребенка этого возраста опираться на валентность продемонстрированной эмоции по отношению к объекту, но не говорят о содержательной интерпретации ребенком значения эмоции другого. В связи с этим в методике 2 используются эмоции одной валентности.

Исследование 2. Методика. Эксперимент проходит аналогичным образом, как и в Исследовании 1. Однако предъявленные эмоциональные оценки имеют одинаковую положительную валентность, но различны по значению (интерес и симпатия). Конгруэнтным интересу намерением было выбрано намерение исследовать объект, конгруэнтным симпатии — погладить объект.

Результаты. Участники значимо дольше смотрели на неконгруэнтное поведение, но только в отношении одной из двух

положительных эмоций: если объект, к которому был продемонстрирован интерес, актриса гладит.

Обсуждение и выводы. Мы обнаружили, что дети в возрасте 15–18 месяцев опираются на эмоциональные оценки другого в адрес объекта для построения ожиданий относительно его намерения по отношению к этому объекту, то есть способны к репрезентации эмоций. Результаты эксперимента 2 мы связываем с тем, что симпатия может являться более широкой по смыслу эмоцией, а соответственно, по отношению к «симпатичному» объекту можно продемонстрировать более широкий спектр действий. Дальнейшие перспективы исследования касаются взаимосвязи данного феномена с типом привязанности, который формируется в зависимости от последовательности поведения взрослого.

Литература

- Gergely G., Watson J. S.* The social biofeedback theory of parental affect-mirroring: The development of emotional self-awareness and self-control in infancy // *The International Journal of Psychoanalysis*. 1996. V. 77. No. 6. P. 1181–1212.
- Holodynski M.* The internalization theory of emotions: A cultural historical approach to the development of emotions // *Mind, Culture, and Activity*. 2013. V. 20 No. 1. P. 4–38.
- Hornik R., Risenhoover N., Gunnar M.* The effects of maternal positive, neutral, and negative affective communications on infant responses to new toys // *Child Development*. 1987. V. 58. No. 4. P. 937–944.
- Moses L. J., Baldwin D. A., Rosicky J. G., Tidball G.* Evidence for referential understanding in the emotions domain at twelve and eighteen months // *Child Development*. 2001. V. 72. No. 3. P. 718–35.

Особенности развития чувства юмора у людей с расстройствами аутистического спектра

А. А. Корсак

Пироговский университет, Москва
a.a.korsak97@gmail.com

Е. М. Иванова

Научный центр психического здоровья, Москва
ivalenka13@gmail.com

Рассматриваются особенности развития чувства юмора у людей с расстройствами аутистического спектра. Анализируются трудности понимания ими юмора и их влияние на социальную изоляцию. Цель исследования — анализ и систематизация данных исследований о развитии чувства юмора у людей с РАС. Особенности развития чувства юмора у людей с РАС становятся заметны с самого рождения: позднее появление улыбки, ограниченное использование смеха, а в подростковом и взрослом возрасте — сложности с пониманием иронии и шуток, недостаточное использование различных стилей юмора. Это может привести к гелотофобии и социальной изоляции. Однако люди с РАС могут проявлять и неординарное остроумие при развитии соответствующих навыков, что может выступать в роли компенсаторных возможностей. *Ключевые слова:* юмор, развитие чувства юмора, нарушение психического развития, дизонтогенез, расстройства аутистического спектра.

В научной литературе отмечается недостаток исследований нарушения развития чувства юмора у людей с расстройствами аутистического спектра, далее РАС (Cai, 2024). Сложности с пониманием шуток становятся одной из причин социальной изоляции. Однако исследования показали, что понимание этого

дефицита, своевременная коррекция и обучение юмору способствуют улучшению понимания и оценки юмора людьми с РАС (Wu, 2016). С другой стороны, есть данные о том, что остроумие как форма креативности у людей с РАС может развиваться с опережающими темпами (Werth, 2001). В связи с этим становится важным изучение особенностей развития чувства юмора у людей с данной патологией.

Цель работы — анализ и систематизация данных об особенностях развития чувства юмора у людей с РАС.

Исследования демонстрируют, что младенцы с риском аутизма реже улыбаются, чем здоровые дети. При РАС в 75 % первая улыбка появляется в нормативные сроки (1–1,5 месяца), но она «отстраненная» и не связана с реакцией на мать. А в 25 % случаев дети практически не улыбаются до 1 года (Альбицкая, 2017). Младенцы с аутизмом не реагируют на смешные рожицы родителей, на их несоответствующие действия, такие как питье из детской бутылочки или надевание детского горшка на голову (Reddy, 2001).

Дети с аутизмом реже присоединяются к смеху других или вызывают смех у других, дурачась или поддразнивая. Они чаще используют «смех в голос», который связан с выражением позитивных эмоций, но реже используют «беззвучный смех», характерный для социального взаимодействия, который, напротив, с возрастом все чаще используется детьми с нормотипичным развитием (Cai, 2024).

Взрослые с аутизмом получают меньше удовольствия от смеха других и хуже понимают его социальное значение. Они плохо различают наигранный и искренний смех (Cai, 2024).

Для людей с РАС характерны трудности учета контекста ситуации, поэтому они могут не понять соль шутки и не засмеяться (Treichel, 2021). Также у них есть сложности с пониманием социальных функций иронии (Рехман, 2011), что затрудняет целостное восприятие шуток.

Однако если понимание шуток у людей с РАС может быть ограниченным, то создание юмора, напротив, может быть успешным. В одном исследовании (Werth, 2001) описывается пример неординарного развития остроумия у девочки

с аутизмом. Во взрослом возрасте она обладала уникальным чувством юмора. Она использовала различные формы юмора, такие как каламбуры, игру слов и неологизмы, а также придумывала бессмысленные названия. В более сложных формах она применяла словесные поддразнивания и замечала непреднамеренные двойные значения в речи. В свои 29 лет девушка любила подшучивать над уважаемыми людьми. Один из примеров — Уинстон Черчилль, которому она придумывала прозвища, например «Уинстон Черчипус». Такое неординарное остроумие можно сравнить с известными примерами высокоразвитых математических способностей у аутистов.

Дети с аутизмом предпочитают невербальный и фарсовый юмор (Werth, 2001). При просмотре мультфильмов дети с аутизмом находят закадровый смех менее приятным, и он вызывает у них меньше улыбок и смеха, чем у здоровых детей (Cai, 2024).

Для людей с аутизмом характерны трудности с эмпатией и дефицит модели психического. Возможно, в связи с этим взрослым с аутизмом свойственен высокий уровень гелотофобии (боязнь насмешки) — 45 % в сравнении со здоровыми людьми — 6 % (Treichel, 2021).

У людей с РАС наблюдается более низкий уровень аффилиативного и самоподдерживающего юмора по сравнению с людьми без этого диагноза. Однако в плане агрессивного и самоуничижительного юмора они не отличаются от других людей. Также показано, что в плане черт темперамента люди с РАС менее жизнерадостны, более серьезны и чаще пребывают в плохом настроении, по сравнению со здоровыми людьми (Treichel, 2021).

Описанные выше особенности развития чувства юмора у людей с РАС демонстрируют возможные ограничения в течение жизни. Однако это не означает, что такие люди не способны проявлять креативность в форме юмора и интегрироваться в общество при развитии соответствующих навыков.

Литература

Альбицкая Ж. В. Возрастные особенности нарушений эмоциональной сферы у детей с различными психическими

- расстройствами // Медицинский альманах. 2017. № 5 (50). С. 144–146.
- Cai C. Q., White S. J., Chen Sinead H. Y., Mueller Marie A. E., Scott S. K.* Autistic adults perceive and experience laughter differently to non-autistic adults // *Scientific Reports*. 2024. V. 14. No. 1. Art. 11590.
- Pexman P. M., Rostad K. R., McMorris C. A., Climie E. A., Stowkowy J., Glenwright M. R.* Processing of ironic language in children with a high-functioning autism spectrum disorder // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2011. V. 41. No. 8. P. 1097–1112.
- Reddy V., Williams E., Vaughan A.* Sharing laughter: The humour of pre-school children with Down syndrome // *The Down Syndrome Educational Trust. All Rights Reserved. Down Syndrome Research and Practice*. 2001. V. 7. No. 3. P. 125–128.
- Treichel N., Dukes D., Barisnikov K., Samson A. C.* How cognitive, social, and emotional profiles impact humor appreciation: sense of humor in autism spectrum disorder and Williams syndrome // *HUMOR*. 2022. V. 35. No. 1. P. 113–133.
- Werth A., Perkins M., Boucher J.* 'Here's the weavery looming up' Verbal humour in a woman with high-functioning autism // *SAGE Publications and the national Autistic Society*. 2001. V. 5. No. 2. P. 111–125.
- Wu C. L., Liu Y. R., Kuo C. C., Chen H. C., Chang Y. L.* Effectiveness of humor training among adolescents with autism // *Psychiatry Research*. 2016. P. 25–31.

Креативность и модель психического в младшем школьном возрасте*

Е. И. Лебедева

Высшая школа экономики, Москва
evlebedeva@yandex.ru

Е. В. Бушина

Высшая школа экономики, Москва
evbushina@hse.ru

Младший школьный возраст является сензитивным периодом развития навыков социального познания, и важность исследования социального контекста для реализации творческих способностей в этом возрасте кажется обоснованной. Для оценки навыков социального познания использовались тесты на модель психического, а оценка креативности проводилась с помощью рисуночного теста Э. Торренса. В исследовании приняли участие 250 детей с 7 до 10 лет. Результаты исследования показали достоверные взаимосвязи между пониманием намерений говорящего в сложных социальных ситуациях и показателями гибкости и оригинальности выдвигаемых идей при выполнении теста Э. Торренса. Продемонстрированы возрастная и гендерная специфики взаимосвязей.

Ключевые слова: модель психического, креативность, гибкость, оригинальность, младший школьный возраст.

Результаты предыдущих исследований, включая недавние метааналитические обзоры, отмечают общий рост креативности на протяжении младшего школьного возраста (Potters et al., 2023). Однако этот рост касается в первую очередь показателей

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–18–00544, <https://rscf.ru/project/25-18-00544/>

гибкости и беглости, но не оригинальности (Potters et al., 2023). Это расхождение в развитии отдельных аспектов творческого мышления может быть связано как с когнитивным развитием в младшем школьном возрасте, так и с ориентацией на сверстников и социальным климатом в группе. Систематический анализ социальных факторов развития креативности в подростковом возрасте показывает позитивное влияние отношений со сверстниками на реализацию творческих способностей (van der Zanden et al., 2020).

В настоящий момент роль навыков социального познания, а конкретно, модели психического в развитии креативности в детском возрасте только начинает исследоваться. В работе польских коллег была выявлена взаимосвязь успешности понимания коммуникативных интенций в ситуации сложных социальных взаимодействий и продуктивной креативности детей (по показателям оригинальности и гибкости) (Smogorzewska et al., 2024). В то время как результаты исследований с участием взрослых демонстрируют роль модели психического как фасилитатора при решении творческих задач во взаимодействии с другими людьми (Korovkin et al., 2024). Таким образом, модель психического может выступить важным инструментом для стимулирования креативности, помогая генерировать новые идеи, адаптироваться к изменяющимся условиям и эффективно решать творческие задачи.

Цель исследования — оценить взаимосвязи в развитии модели психического и креативности у детей младшего школьного возраста.

Участники исследования — 250 детей с 7 до 10 лет ($M = 8,41$; 125 девочек), ученики 2-х и 3-х классов.

Для оценки модели психического использовались две методики: тест «Взгляд» («Reading the Mind in the Eyes») для оценки понимания ментальных состояний других людей по выражению глаз и задания из теста Ф. Аппе «Удивительные истории» на понимание коммуникативных намерений говорящего в ситуациях неправдивых высказываний (обмана, «белой лжи», иронии, блефа, шантажа и недоразумения).

Оценка креативности участников исследования проводилась с помощью краткой формы теста творческого мышления Э. Торренса, представляющей собой рисуночные задания. Для оценки креативности были взяты следующие показатели: гибкость (оценивает разнообразие идей и стратегий, возможность переключения от одной категории к другой) и оригинальность (характеризует способность выдвигать идеи, отличающиеся от очевидных и общеизвестных).

Анализ описательных статистик показал достоверное снижение оригинальности выдвигаемых идей при выполнении рисуночного теста Торренса у учеников 3-х классов по сравнению с учениками 2-х классов ($t = 2,55$; $p = 0,011$). Эти данные согласуются с данными предыдущих исследований и подтверждают снижение показателя оригинальности в третьем классе, что может быть связано в первую очередь с переходом к абстрактно-логическому мышлению в этом возрасте. Данные различия позволяют рассматривать взаимосвязи показателей креативности и модели психического отдельно у детей, обучающихся во 2-х и 3-х классах.

Результаты корреляционного анализа демонстрируют достоверные взаимосвязи между показателем гибкости и пониманием намерений говорящего в ситуации шантажа, как для мальчиков ($r = 0,309$; $p = 0,037$), так и для девочек ($r = 0,346$; $p = 0,015$) во 2-м классе. В то время как в 3-м классе у мальчиков гибкость была связана с пониманием блефа ($r = 0,317$; $p = 0,05$) и иронии ($r = 0,361$; $p = 0,026$), а у девочек показатель оригинальности идей был связан с пониманием шантажа ($r = 0,303$; $p = 0,05$). Данные результаты согласуются с результатами недавних работ по взаимосвязи развития модели психического и креативности в младшем школьном и подростковом возрастах (Smogorzewska et al., 2024) и дают основания для предположения, что понимание перспектив и точек зрения других людей имеет значение для развития креативности в детском возрасте.

Литература

Korovkin S. Y., Morozova E. N., Nikiforova O. S. Funny? Think About It! Selective effect of cognitive mechanisms of humour on in-

- sight problems // *Cognition and Emotion*. 2024. V. 38. No. 5. P. 768–788.
- Potters O. T., van Schijndel T. J., Jak S., Voogt J.* Two decades of research on children's creativity development during primary education in relation to task characteristics // *Educational Research Review*. 2023. V. 39. P. 100532.
- Smogorzewska J., Szumski G., Grygiel P., Bosacki S., Karwowski M.* Creativity, theory of mind and loneliness—The links between cognitive and social abilities of school-age children // *Learning and Individual Differences*. 2024. V. 115. Art. 102541.
- van der Zanden P. J., Meijer P. C., Beghetto R. A.* A review study about creativity in adolescence: Where is the social context? // *Thinking Skills and Creativity*. 2020. V. 38. Art. 100702.

Эффект выученного невнимания у детей с РАС: результаты эмпирического исследования*

К. Н. Лужнова

Высшая школа экономики, Москва
kluzhnova@hse.ru

А. А. Котов

Высшая школа экономики, Москва
akotov@hse.ru

При научении новым категориям задействуются разные режимы распределения внимания: взрослые и дети старше 9 лет используют селективное внимание, сосредотачиваясь

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

на небольшом количестве релевантных признаков, тогда как дети — распределенное внимание. Дети с РАС демонстрируют сравнительно иные паттерны внимания. В исследовании участвовали 39 человек: нейротипичные дети, взрослые, а также дети с РАС. Участники сначала обучались одному правилу категоризации, а затем по требованиям задачи нужно было отказаться от него и сформировать новое. Результаты показали, что взрослые и дети с РАС испытывали больше трудностей при смене правил, а у детей с РАС успешность снижалась до критического уровня. Это указывает на сложности у детей с РАС с переработкой новой информации из-за селективного внимания.

Ключевые слова: категориальное научение, расстройство аутистического спектра, когнитивные механизмы, селективное внимание.

Категориальное научение — важнейший когнитивный процесс, лежащий в основе формирования понятий и принятия решений. Исследования выявляют возрастные различия в стратегиях категоризации: взрослые и дети старше 9–10 лет используют селективное внимание, концентрируясь на ключевых признаках, тогда как младшие дети применяют распределенное внимание, анализируя множество характеристик одновременно. Это обеспечивает им большую гибкость при изменении правил категоризации (Deng, Sloutsky, 2016; Wan, Sloutsky, 2024).

Важным феноменом в исследованиях категориального научения является эффект выученного невнимания. Он проявляется, когда человек, научившись игнорировать определенные признаки как нерелевантные, продолжает их игнорировать даже после изменения значимости этих признаков. Взрослые демонстрируют более выраженный эффект выученного невнимания по сравнению с детьми, что связано с их склонностью к вербализации и жесткой фиксации на выявленных правилах категоризации (Жердева, Котов, 2022; Rabi, Miles, Minda, 2015). У детей с РАС наблюдаются уникальные паттерны научения: выраженная склонность к селективному вниманию, трудности переключения между признаками и ригидность когнитивных

стратегий. Эти особенности связаны с нарушениями исполнительных функций (Happé, Ronald, Plomin, 2006).

В исследовании участвовали 39 человек: нейротипичные дети (6–12 лет), взрослые (18–50 лет) и дети с РАС (9–15 лет). Использовалась методика категоризации искусственных существ («Блорки» / «Загеты») по визуальным признакам. Стимульный материал включал 7 бинарных признаков, среди которых выделялся один детерминирующий признак с абсолютной диагностической значимостью, пять вероятностных признаков с неравномерным распределением и один нерелевантный признак.

Экспериментальная процедура состояла из двух последовательных фаз. На первой фазе участники осваивали первоначальное правило категоризации, на второй — должны были научиться новому правилу после изменения значимого признака. Каждая фаза включала этап научения с предоставлением обратной связи и последующий тестовый этап без нее. Особое внимание уделялось анализу успешности выполнения как конгруэнтных примеров, полностью соответствующих обучающей выборке, так и конфликтных примеров с противоречивыми сочетаниями значимых признаков.

Все группы успешно освоили первоначальное правило (более 80 % правильных ответов). После смены признака наибольшее снижение успешности показали дети с РАС — до уровня случайного угадывания. Нейротипичные дети лучше адаптировались благодаря учету множества признаков, тогда как взрослые и дети с РАС фиксировались на первоначальном правиле.

Результаты исследования подтвердили наличие эффекта выученного невнимания. Нейротипичные дети показали наименьшую подверженность этому эффекту, в то время как взрослые и дети с РАС демонстрировали сходные трудности при необходимости переключения на новое правило категоризации. Особенно показательным оказалось снижение успешности у детей с РАС после смены правила до уровня, не превышающего случайное угадывание.

Полученные данные подтверждают выдвинутую гипотезу о сходстве паттернов категориального научения у детей с РАС

и взрослых. Это сходство проявляется в преобладании стратегии избирательного внимания, выраженном эффекте выученного невнимания и трудностях с когнитивной гибкостью при необходимости изменения усвоенных правил. Это явление может объясняться комплексом факторов, включая специфические трудности переключения внимания, нарушения механизмов исполнительного контроля и характерную ригидность когнитивных стратегий.

Результаты исследования имеют важное практическое значение для разработки образовательных программ и коррекционных методик для детей с расстройствами аутистического спектра.

Дети с РАС демонстрируют «взрослый» тип селективного внимания с характерной ригидностью стратегий. Полученные данные важны для разработки образовательных программ, учитывающих особенности когнитивного функционирования при РАС. Перспективны исследования нейрофизиологических механизмов категоризации и разработка методов коррекции эффекта выученного невнимания.

Литература

- Жердева М. П., Котов А. А.* Эффект выученного невнимания в задаче на понятийную гибкость: роль называемости частей объекта // Психологические исследования. 2022. Т. 15. № 84. С. 6.
- Deng W. S., Sloutsky V. M.* Selective attention, diffused attention, and the development of categorization // Cognitive psychology. 2016. V. 91. P. 24–62.
- Happé F., Ronald A., Plomin R.* Time to give up on a single explanation for autism // Nature neuroscience. 2006. V. 9. No. 10. P. 1218–1220.
- Rabi R., Miles S. J., Minda J. P.* Learning categories via rules and similarity: Comparing adults and children // Journal of experimental child psychology. 2015. V. 131. P. 149–169.
- Wan Q., Sloutsky V. M.* Exploration, distributed attention, and development of category learning // Psychological science. 2024. V. 35. No. 10. P. 1164–1177.

Развитие способности детей различать вербальные и визуальные форматы репрезентации: новый метод изучения метакогнитивных функций в раннем детстве

П. Р. Пушко

Высшая школа экономики, Москва
prpushko@edu.hse.ru

Я. С. Дергачёв

Высшая школа экономики, Москва
ysdergachev@gmail.com

А. А. Котов

Высшая школа экономики, Москва
akotov@hse.ru

Т. Н. Котова

Высшая школа экономики, Российская академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, Москва
kotova-tn@ranepa.ru

Понимание чужих представлений, сравнение их с собственными — важная метакогнитивная функция, развивающаяся в дошкольном возрасте. В предыдущих исследованиях эта функция была изучена как в контексте развития разных типов репрезентации, так и в плане понимания детьми устройства репрезентации. В настоящем исследовании мы изучали новый тип представлений детей — способность отличить формат репрезентации, вербальный и визуальный. Для исследования данной способности мы разработали две методики: 1) собственную методику, в которой дети сначала выучивали новые знаки для форматов репрезентации,

а потом ими пользовались; 2) перевели и адаптировали методику для оценки разных аспектов ТоМ. В докладе будут представлены результаты эмпирического исследования и обсуждение методических аспектов обоих методов.

Ключевые слова: метакогниции, репрезентация, внутренняя речь, мысленные образы, онтогенез, theory of mind (ТоМ).

Понимание чужих представлений и сравнение их с собственными — важная метакогнитивная функция, которая развивается в дошкольном возрасте. Исследования Дж. Флейвелла показывают, что в возрасте от 2 до 4 лет дети начинают формировать представления о ментальных состояниях, осознавая различия между истинными и ложными убеждениями (Flavell, 1999). Дж. Флейвелл указывает, что около трех лет дети начинают различать реальные события и воображаемые ситуации (Flavell et al., 1987). В его экспериментах также демонстрируется, как дети начинают осознавать свои и чужие ментальные состояния (Flavell et al., 1990).

Мы продолжили линию исследования метакогниций, начатую Дж. Флейвеллом, и расширили вопросы изучения нового типа представлений детей — способность отличить формат репрезентации, вербальный (на основе внутренней речи) и визуальный (на основе мысленных образов). Мы предположили, что дети четырех лет могут различать форматы репрезентации и правильно использовать их для разных аспектов воображаемой ситуации. Для исследования данной способности мы разработали две методики: 1) собственную методику — задачу, в которой дети сначала выучивали новые знаки для форматов репрезентации, а потом ими пользовались (наподобие формирующего эксперимента); 2) перевели и адаптировали методику для оценки разных аспектов ТоМ в формате буклета (Biańska et al., 2024).

Выборка. В исследовании приняли участие 70 детей (N = 70; M = 6,7), среди которых учащиеся общеобразовательных школ и детского сада: 33 девочки и 37 мальчиков. Участники были распределены по следующим возрастным группам: первая группа

4–5 лет ($N = 20$; $M = 4,7$), вторая группа 6–7 лет ($N = 26$; $M = 6,5$), третья группа 8–9 лет ($N = 24$; $M = 8,4$).

Методика. Методика на измерение понимания различий между вербальным и визуальным форматами репрезентации. На основе экспериментов Дж. Флейвелла мы разработали новую методику для оценки того, как дети понимают разные форматы репрезентации. Наша методика представляла собой частично формирующий эксперимент, в первой части которого мы обучили их использованию новых знаков для обозначения разных форматов репрезентации, а во второй части оценивали, как они используют эти знаки в новых ситуациях.

Методика на измерение способности theory of mind (ТоМ) и связанных с нею аспектов репрезентаций. Дополнительной задачей нашего исследования была разработка (перевод и адаптация) методики на измерение способности к пониманию репрезентаций, которая проводится в похожей манере, с помощью слайдов (Białecka M. et al., 2024). Данная методика позволяет измерить в формате беседы с ребенком разные компоненты theory of mind (ТоМ) и представляет собой буклет для детей 5–10 лет, состоящий из двух историй: первая об уроке чтения в школе/детском саду, а вторая о семье, играющей в парке. Задания по буклету были разработаны так, чтобы было ощущение натуралистического повествования.

Обсуждение и выводы. Мы обнаружили в проведенном исследовании, что дети, начиная с четырех лет, могут различать форматы репрезентации (вербальный и визуальный), а с пяти лет использовать это знание для анализа, сравнения представлений других людей. Потенциально данная способность развивается в разных направлениях. Наше исследование показывает без использования субъективных самоотчетов, как появляется, с чем связана и каково развитие этой метакогнитивной способности. В докладе мы обсудим не только эмпирические результаты на детской выборке, но и методические и методологические аспекты измерения когнитивных функций при разных форматах репрезентации у взрослых и детей.

Литература

- Biatecka M., et al.* Beyond the false belief task: How children develop their knowledge about the mind // *Infant and Child Development*. 2024. V. 33. No. 5. Art. e2528.
- Flavell J. H.* Cognitive development: Children's knowledge about the mind // *Annual review of psychology*. 1999. V. 50. No. 1. P. 21–45.
- Flavell J. H., Flavell E. R., Green F. L.* Young children's knowledge about the apparent-real and pretend-real distinctions // *Developmental Psychology*. 1987. V. 23. No. 6. P. 816.
- Flavell J. H., Green F. L., Flavell E. R.* Developmental changes in young children's knowledge about the mind // *Cognitive Development*. 1990. V. 5. No. 1. P. 1–27.
- Roebuck H., Lupyán G.* The internal representations questionnaire: Measuring modes of thinking // *Behavior Research Methods*. 2020. V. 52. No. 5. P. 2053–2070.

Интуиция и контринтуиция в когнитивном развитии

Е. А. Сергиенко

Институт психологии РАН, Москва
elenas13@mail.ru

Раскрываются истоки интуитивного и контринтуитивного знания на разных этапах онтогенеза. Интуитивные принципы являются основой житейских теорий о физическом и ментальном мире, контринтуитивные — нарушающие эти законы, допускающие сверхъестественные силы. Изучение этих концепций о физическом, биологическом и ментальном мире позволяет расширить не только понимание истоков познания, но и изучать такие феномены,

как религиозные представления и верования, их конструктивное когнитивное развитие, имеющее универсальные принципы.

Ключевые слова: интуиция, контринтуиция, когнитивное развитие, сверхъестественное, житейские теории, физического мира, ментального мира.

В творческом мышлении важнейшее место отводится интуиции, которая включена как в процесс инсайтных решений, так и в процесс творческого поиска. Я. А. Пономарёв рассматривал интуицию — рефлексию как антиномичные, но взаимосвязанные процессы в творческом мышлении человека. Однако мало известно о природе и развитии интуиции и ее роли в когнитивном развитии человека. Становление человеческого знания на его ранних этапах базируется на интуитивных концепциях физического, биологического и психического мира. Исследования в области раннего онтогенеза познавательного развития свидетельствуют о наличии корней или ядерных систем знаний (Spelke, Kinzler, 2007; Сергиенко, 2014).

При этом на основе данных базовых когнитивных концепций складывается система интуитивных представлений о мире, нарушение которых ведет к рассогласованию ожиданий и предсказаний. Например, объекты не могут висеть в воздухе без поддержки, а только живые агенты способны к самодвижению. Нарушение житейской, интуитивной концепции мира, его законов обозначается как контринтуиция (Lane, 2021). Допущение контринтуитивных принципов ведет к вере в сверхъестественное. Приписывание сверхъестественной силы обычно влечет за собой способность эффективно достигать целей контринтуитивными методами, нарушающими интуитивную физику (например, левитацию), биологию (например, исцеление) и психологию (например, чтение мыслей) (Meng et al., 2022). В последние десятилетия научный интерес к природе сверхъестественного существенно вырос. Общество когнитивного развития посвятило в 2019 году пленарное заседание теме «Религиозное познание». Проведение этого симпозиума отражает относительно недавний сдвиг в отношении к изучению

«религиозной» или «сверхъестественной» мысли. Недавние исследования показали, что два основополагающих аспекта религиозных убеждений — вера в божественных агентов, а вера в дуализм разума и тела — естественна для маленьких детей. Так, сравнительные исследования детей (2–10 лет) и взрослых канадской популяции и острова Фуджи продемонстрировали, что дуалистические интерпретации появляются рано и повсеместно, что противоречит утверждениям об их постепенном развитии под воздействием западных культурных традиций (Chudek et al., 2018). Нарушение интуитивных ожиданий и принятие контринтуитивных имеют свои ограничения. Дети в возрасте от семи до девяти лет, которые слушали историю, включающую как интуитивные, так и контринтуитивные концепции, вспоминали контринтуитивные концепции, содержащие одно или два, но не три нарушения интуитивных онтологических ожиданий (Banerjee et al., 2013). Изучение довербальных младенцев 12–16 мес. показывает, что они допускают контринтуитивные достижения (путем телепортации, левитации) вознаграждения в противовес интуитивным принципам, не нарушающим физические законы), тем самым устанавливая связь между сверхъестественной силой и мирской властью, имеющей ранние корни в развитии. Наши представления о скрытых ментальных состояниях людей (модель психического) и ошибки в их интерпретации приводят к развитию контринтуитивных заключений. Детям 4,5 лет интуиция подсказывала, что Бог обладает склонностью к ошибкам, в задаче на неверное мнение, как и все другие люди, с которыми они сталкивались в своей повседневной жизни. К 5–6 годам дети, как правило, начинают отличать Бога от обычных людей, чаще сообщая, что Бог знает действительное содержимое коробки (шарики), в то время как девочка придерживается неверного мнения о ее содержимом (цветные карандаши). В настоящее время несколько исследовательских лабораторий, используя различные задания ТоМ, выявили сходные закономерности развития у детей, выросших в разных культурах, где распространен теизм (Lane, 2021). Интуиция и контринтуиция развиваются в раннем онтогенезе, становясь основой интуитивного познания.

Литература

- Banerjee K., Haque O. S., Spelke E. S.* Melting lizards and crying mailboxes: Children's preferential recall of minimally counterintuitive concepts // *Cognitive science*. 2013. V. 37. No. 7. P. 1251–1289.
- Chudek M., McNamara R. A., Birch S., Bloom P., Henrich J.* Do minds switch bodies? Dualist interpretations across ages and societies // *Religion, Brain & Behavior*. 2017. V. 8. No. 4. P. 354–368.
- Lane J. D.* Constructing ideas of the supernatural // *Journal of Cognition and Development*. 2021. V. 22. No. 3. P. 343–355.
- Meng X., Nakawake Y., Hashiya K., et al.* Preverbal infants expect agents exhibiting counterintuitive capacities to gain access to contested resources // *Scientific Reports*. 2021. V. 11. Art. 10884
- Spelke E., Kinzler K.* Core knowledge // *Developmental Science*. 2007. V. 10. No. 1. P. 89–96.

Развитие эмоционального интеллекта у младших подростков в норме и патологии

В. Д. Сухарев

Московский институт психоанализа, Москва
vasia.sukharev@yandex.ru

И. И. Ветрова

Институт психологии РАН, Москва
vetrovaii@ipran.ru

Исследование посвящено изучению особенностей развития эмоционального интеллекта у детей с нормотипичным развитием и в случае психических патологий. В исследовании приняли участие 90 детей в возрасте 10–13 лет (44 мальчика

и 46 девочек), из них 50 детей с нормотипичным развитием, 24 ребенка с шизофренией и 16 детей с расстройством аутистического спектра (РАС). Были использованы методики: тест эмоционального интеллекта Барчард; опросник эмоционального интеллекта ЭМИн-Кр; цветные прогрессивные матрицы Равена. В результате было выявлено, что у детей с нормотипичным развитием уровень как психометрического, так и отдельных областей эмоционального интеллекта значительно выше, чем у детей с шизофренией и РАС. Также выявлена специфика профиля эмоционального интеллекта у детей с шизофренией и РАС.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, развитие, младшие подростки, шизофрения, расстройство аутистического спектра.

Несмотря на то, что активная научная деятельность Якова Александровича Пономарёва не совпадает по временным рамкам с развитием концепции эмоционального интеллекта, подход к эмоциональному интеллекту как способности (Mayer, Salovey, Caruso, 2016) позволяет использовать принцип «ЭУС» (Пономарёв, 1976) для описания специфики развития эмоционального интеллекта в онтогенезе.

В нашем исследовании рассматривается актуальность изучения эмоционального интеллекта в контексте психического благополучия и социальной адаптации на примере нормотипично развивающихся детей и детей с ОВЗ, изучение эмоционального интеллекта которых обычно сопровождается диагностическими сложностями.

Цель исследования: изучить особенности формирования и проявления эмоционального интеллекта у детей в норме и при таких патологиях, как шизофрения и расстройства аутистического спектра (РАС).

Гипотеза исследования: у детей с нормальным развитием уровень эмоционального интеллекта выше, чем у детей с шизофренией и РАС, что проявляется в их более развитой способности распознавать и выражать эмоции.

Методики исследования: для оценки эмоционального интеллекта использовались тест эмоционального интеллекта К. Барчард (Князев и др., 2012) и опросник эмоционального интеллекта ЭМИн-Кр (Панкратова, Корниенко, Люсин, 2022); также были использованы цветные прогрессивные матрицы Равена (Равен, Равен, Корт, 2012) для оценки базового интеллектуального уровня респондентов.

В исследовании приняли участие младшие подростки (от 10 до 13 лет, средний возраст 11,4 года), из них 50 детей с нормотипичным развитием (21 мальчик и 29 девочек); 24 ребенка с шизофренией (14 мальчиков и 10 девочек); 16 детей с РАС (9 мальчиков и 7 девочек). Для сравнения показателей в исследуемых группах использовали U-критерий Манна-Уитни, для поиска взаимосвязей использовался коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты. При сравнении показателей эмоционального и психометрического интеллекта у мальчиков и девочек не было выявлено статистически значимых различий по полу ни в одной исследуемой группе. При сравнении уровня выраженности психометрического интеллекта было обнаружено, что группа нормотипичных детей закономерно статистически значимо превосходит как детей с РАС ($U = 0$; $p = 0,000$), так и детей с шизофренией ($U = 34,5$; $p = 0,000$). При этом дети с шизофренией имеют статистически значимо более высокий уровень показателя психометрического интеллекта по сравнению с детьми с РАС ($U = 28$; $p = 0,000$).

При сравнении нормотипично развивающихся детей с детьми с РАС по шкалам эмоционального интеллекта было выявлено, что в случае нормы характерен более высокий уровень понимания чужих эмоций ($U = 223,5$; $p = 0,007$) и общего уровня эмоционального интеллекта ($U = 235$; $p = 0,013$) по методике ЭМИн-Кр.

При сравнении нормотипично развивающихся детей с детьми с шизофренией по шкалам эмоционального интеллекта было выявлено, что в случае нормы характерен более высокий уровень управления своими эмоциями ($U = 418,5$; $p = 0,036$) и внутриличностного эмоционального интеллекта ($U = 429$; $p =$

0,049) по методике ЭМИн-Кр, а также показателя сопереживания радости по методике Барчард ($U = 379$; $p = 0,01$).

При сравнении детей с РАС и детей с шизофренией также были выявлены различия: у детей с шизофренией статистически значимо выше уровень межличностного эмоционального интеллекта ($U = 119,5$; $p = 0,044$) по методике ЭМИн-Кр и уровень показателя позитивной экспрессивности по методике Барчард ($U = 106,5$; $p = 0,017$). При этом данные показатели не имеют статистически значимых различий с показателями нормотипичных детей, что объясняется гораздо более широким разбросом данных у них.

Корреляционный анализ показал преобладание отрицательных взаимосвязей психометрического интеллекта с эмоциональным интеллектом по методике ЭМИн-Кр у нормотипичных детей при почти полном отсутствии таковых у детей с патологиями.

Литература

- Равен Дж. К., Равен К., Корт Дж. Руководство для Прогрессивных Матриц Равена и Словарных Шкал. М.: Когито-Центр, 2012.
- Князев Г. Г., Митрофанова Л. Г., Разумникова О. М., Барчард К. Адаптация русскоязычной версии опросника эмоционального интеллекта К. Барчард // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 112–120.
- Панкратова А. А., Корниенко Д. С., Люсин Д. В. Апробация краткой версии опросника ЭМИн // Психология. Журнал ВШЭ, 2022. № 4. С. 822–834.
- Пономарёв Я. А. Психология творчества. М.: Наука, 1976.
- Mayer J. D., Salovey P., Caruso D. R. The Ability Model of Emotional Intelligence: Principles and Updates // Emotion Review. 2016. V. 8. No. 4. P. 290–300.

Эмоциональный интеллект и творчество в образовательном процессе

С. М. Шингаев

Санкт-Петербургская академия
постдипломного педагогического образования
им. К. Д. Ушинского, Санкт-Петербург
sshingaev@mail.ru

Опираясь на личностно ориентированный и системно-деятельностный подходы, идеи Я. А. Пономарёва о роли творчества в развитии детей, описываются ключевые идеи формирования эмоционального интеллекта у обучающихся в процессе формирования универсальных учебных действий. Описывается развитие эмоциональной сферы учащихся через универсальные учебные действия: личностные, регулятивные, познавательные, коммуникативные.
Ключевые слова: творчество, эмоции, эмоциональный интеллект, личностно ориентированный подход, универсальные учебные действия.

Применение современных педагогических технологий, развивающих эмоциональный интеллект на уроках в образовательной организации, осуществляется с учетом главной тенденции развития школьного образования в современных условиях — акценте на личностно ориентированный и системно-деятельностный подходы.

Отметим, что личностно ориентированный подход основывается на учете индивидуальных особенностей обучаемых. Обучение при этом предполагает: возможность учащимся самостоятельно выбирать приемы при решении учебных задач; поддержка инициативности школьников, их стремления проявлять свою индивидуальность; учет имеющихся у школьников знаний, умений, некоторого жизненного опыта; принятие во внимание эмоциональных состояний, эмоций, чувств, нравственных ценностей учащихся; понимание

и учет индивидуально-психологических, социокультурных и национально-психологических особенностей обучающихся; гибкий подход педагогов в использовании той или иной роли в образовательном процессе (от ментора к советнику, консультанту, помощнику, тьютору) (Андреев, 2007).

По нашему мнению, проводя работу по формированию и развитию эмоционального интеллекта у обучающихся, педагогам важно опираться на творческий компонент, тем самым помогая учащемуся в осознании себя личностью, в выявлении, раскрытии своих возможностей. Принцип творчества, лежащий в основе проектирования уроков, дает возможность развивать индивидуально-психологические особенности каждого учащегося, а ученик, опираясь на творческие способности и свои сильные стороны, имеет возможность добиваться успеха именно в тех видах деятельности, где он наиболее успешен, тем самым стимулируется дальнейшая работа ученика по самосовершенствованию и саморазвитию.

В работах Я. А. Пономарёва мы находим подтверждение идеи о роли творчества в развитии детей, в частности о поэтапном развитии внутреннего плана действий (Пономарёв, 1976, 1999), что применялось нами в реализации проекта формирования и развития эмоционального интеллекта у участников образовательного процесса и ранее представленного научной общественности (Шингаев, 2020).

Эмоциональная сфера школьника в ходе учебной деятельности активно развивается и усложняется. Формируя и развивая эмоциональный интеллект, мы развиваем следующие универсальные учебные действия (УУД).

Личностные УУД связаны с ценностно-смысловой ориентацией обучающихся. Развивая эмоциональный интеллект, мы создаем условия открытому проявлению эмоций различными социально приемлемыми способами (словесными, физическими и т. д.); условия для проявления ценностно-смысловой ориентации учащихся — умения соотносить поступки и события с принятыми этическими принципами, знанием моральных норм и умением выделить нравственный аспект поведения.

Регулятивные УУД обеспечивают обучающимся организацию своей учебной деятельности. Создаются условия для проявления познавательной инициативы в сотрудничестве с одноклассниками; для саморегуляции как способности к мобилизации сил и энергии, способности к волевому усилию.

Познавательные УУД. Знакомство учеников с основными эмоциями; создание условий для рефлексии эмоционального состояния и творческого проявления обучающихся в условиях командной работы в классе.

Коммуникативные УУД. Школьники учатся учитывать позицию партнеров по общению и деятельности; развивают умение слушать и вступать в диалог; участвовать в коллективном обсуждении проблем; интегрироваться в группу сверстников и строить продуктивное взаимодействие и сотрудничество со сверстниками и взрослыми (Шингаев, 2020).

Развивая эмоциональный интеллект ученика, важно создать условия для возникновения дружеских, партнерских отношений в классе. Обучающиеся начинают лучше понимать собственные эмоции, учатся управлять ими, тем самым укрепляя свое психологическое и соматическое здоровье. В рамках урочной деятельности развиваются следующие составляющие эмоционального интеллекта: мотивация (интерес), навыки коммуникации, навыки саморегуляции, эмпатия, самосознание.

Литература

- Андреева И. Н. Предпосылки развития эмоционального интеллекта // Вопросы психологии. 2007. № 5. С. 57–65.
- Пономарёв Я. А. Психология творчества и педагогика. М.: Педагогика, 1976.
- Пономарёв Я. А. Психология творения. Москва, Воронеж: МПСИ, МОДЭК, 1999.
- Пономарёв Я. А. Психология творчества. М.: Наука, 1976.
- Шингаев С. М., Юркова Е. В. Развитие эмоционального интеллекта у детей младшего школьного возраста. СПб.: СПб АППО, 2020.

ЛИЧНОСТЬ, МОТИВАЦИЯ И КРЕАТИВНОСТЬ

Представления о творческом кризисе у опытных и начинающих специалистов разных областей творчества

Я. И. Варваричева

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва
yanavarv@gmail.com

А. А. Матюшкина

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва
aam_msu@mail.ru

Приводятся результаты исследования представлений о творческом кризисе у опытных и начинающих специалистов разных областей творчества. Приводятся основания для выделения видов творческого кризиса: «кризис целей» и «кризис средств»; ставится вопрос о домен-специфичности переживания творческого кризиса; описаны представления специалистов творческой деятельности об основных причинах творческого кризиса; с позиций деятельностного подхода к изучению мышления предлагается понимание творческого кризиса как «расхождения» между целями и средствами решения проблемы. Контент-анализ интервью с 20 респондентами показал, что начинающие специалисты реже подвергают сомнению существование творческого кризиса, чаще переживают «кризис средств». *Ключевые слова:* креативность, творческий кризис, творческая деятельность.

Несмотря на интерес психологов к изучению креативности и условий, способствующих творчеству, меньше внимания уделяется факторам, затрудняющим творческую деятельность. Так, феномен творческого кризиса (ТК) часто упоминается

в обыденной речи, но редко становится предметом научно-психологического исследования (Gallay, 2013).

Возможным препятствием является сложность отграничения ТК как кризиса творческой деятельности от личностного кризиса. Также существует понятийное расхождение в отечественной и зарубежной психологии в определении ТК. В англоязычной литературе используют термин «творческий блок» — «результат субъективного восприятия несоответствия имеющихся ресурсов воспринимаемым требованиям задачи» (Głaziewicz, Golonka, 2024, p. 2); «неспособность начать или продолжить писать по причинам иным, чем недостаток базовых навыков или желания» (Rose, 1984, p. 18). В отечественной психологии ТК с позиции деятельностного подхода к изучению мышления может быть понят как «расхождение» между целями и средствами решения проблемы: кризис целей и кризис средств. Он проявляется в том числе в форме особых интеллектуальных переживаний (интеллектуальных эмоций), возникающих у субъекта интеллектуальной творческой деятельности, связанных с недостижением желаемого творческого результата. Разнообразие феноменологии и причин ТК нуждается в изучении и объяснении.

Выявление психологических особенностей представлений о ТК у специалистов разных областей творчества стало целью исследования.

Гипотезы: 1) Представления о ТК различаются в зависимости от опыта творческой деятельности. 2) Причины ТК, по оценкам специалистов, различны в связи со спецификой интеллектуальной творческой деятельности: кризис целей («кризис вдохновения») и кризис средств («кризис воплощения»).

Выборка: 20 участников — специалистов творческой деятельности: актеры (8), режиссеры (2), музыканты (8), поэт (1), писатель (1); 14 мужчин, 6 женщин; 19–57 лет. В группу начинающих вошли студенты актеры и режиссеры (9); в группу опытных вошли 11 человек с опытом работы от 3 лет. Данные собраны совместно со студенткой ф-та психологии МГУ В. Мазановой. Проводилось интервью, включавшее вопросы о ТК и опыте его переживания (Бабаева и др., 2013).

Результаты качественного анализа. 6 респондентов (5 опытных, 1 начинающий; из разных областей) отрицают (2) или не уверены (4) в его существовании, считая, что это усталость или кризис личности. 14 человек (6 опытных, 8 начинающих) переживали ТК, некоторые многократно. Причины ТК 6 из 9 начинающих связали с нехваткой средств творческой деятельности («хочется делать, но не понимаешь — как»). Группа ответов (4 начинающих) связывает ТК с профессиональными трудностями, переживаниями «неуспеха», в т. ч. из-за критики. Опытные специалисты (7 из 11), независимо от позиции по существованию ТК, описывают спад или невозможность творить как этап творческой биографии, требующий паузы, переосмысления целей. Основными причинами для опытных специалистов являются «нехватка сил, истощение, отсутствие условий для творчества» (6 упоминаний). Есть и общие для опытных и начинающих специалистов представления о ТК как кризисе целей, ранее обозначенном нами как «кризис вдохновения» (Бабаева и др., 2013). Его описывают как утрату специфического состояния, используя метафоры («иссякший источник», «заглохший мотор»). Два специалиста (поэт, музыкант) переживали ТК как личностный кризис («нет гармонии с собой, все бессмысленно»). Ряд испытуемых (музыканты, режиссеры), не связывают отсутствие специфического состояния (вдохновение, озарение) с ТК. Для них творческий процесс — это «производство», а вдохновение — эмоциональное состояние, которое может появиться в процессе творчества. Это указывает на домен-специфичность переживания ТК.

Анализ интервью выявил различия в представлениях о ТК у опытных и начинающих специалистов, а также у представителей разных областей творческой деятельности. При этом предложенная ранее классификация ТК вдохновения и воплощения может быть переосмыслена как «кризис целей» и «кризис средств».

Литература

Бабаева Ю. Д., Варваричева Я. И., Мазанова В. С. Творческий кризис как трудная жизненная ситуация // Психология стресса

- и совладающего поведения: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Кострома, 26–28 сент. 2013 г.: в 2 т. Т. 1. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013. С. 163–165.
- Gallay L. H.* Understanding and treating creative block in professional artists. Alliant International University, 2013.
- Głaziewicz K., Golonka K.* When the creative well dries up—burnout syndrome and art block in artists' sample // *Thinking Skills and Creativity*. 2024. V. 54. P. 1–18
- Rose M.* *Writer's block: The cognitive dimension*. SIU Press, 1984.

Кинематографические предпочтения как отражение ценностно- смысловой ориентации личности

М. В. Гельвих

Кубанский государственный университет, Краснодар
navasa2010@yandex.ru

Н. А. Васильченко

Кубанский государственный университет,
КВВАУЛ, Краснодар
vasilch_nat@mail.ru

Представлены результаты исследования кинематографических предпочтений респондентов разного возраста. В исследовании приняли участие 147 человек, проживающих на территории России, в возрасте 18–58 лет. Выявлены личностные особенности респондентов, которые проявляются в выборе киножанров. Комедийный жанр предпочитают зрители с ценностями: самостоятельность, гедонизм, достижение, безопасность и доброта. Фильм-биографию выбирают зрители, стремящиеся к новизне и глубоким

переживаниям, кому важны традиционные ценности, уважение и принятие. Триллер смотрят зрители, ориентированные на творчество и исследования, достижение социального статуса и признание, и т.д.

Ключевые слова: кинематографические предпочтения, личность, ценности, ценностно-смысловые ориентации.

Современное кинопространство транслирует противоречивые нравственные идеалы, ценности, образцы поведения, что влияет на ценностные ориентации потребителей кинопродукции. Следовательно, изучение и формирование ценностных и смысложизненных ориентаций на основе кинопродукции — актуальная тема. Проведение теоретических и прикладных исследований позволяет определить ценностные ориентации как выражение основных жизненных принципов человека, мировоззренческой и нравственной направленности его интересов, поступков, способов построения межличностных отношений.

Исследованиями в области киноведения, ценностных ориентаций и смыслов занимались различные отечественные и зарубежные авторы: В. Г. Асеев, А. Г. Асмолов, Ю. Б. Борев, Б. С. Братусь, Ф. Е. Василюк, Е. И. Головаха, Ж. Делёз, А. А. Деркач, А. И. Донцов, Б. С. Круглов, Т. А. Кубрак, Д. А. Леонтьев, Б. С. Мейлах, А. Менегетти, К. Метц, Н. И. Непомнящая, К. К. Платонов, Д. В. Пивоваров, А. В. Серый, П. В. Симонов, А. Тарковский, Г. А. Товстоногов, Р. Х. Шакуров, С. Эйзенштейн, В. А. Ядов, М. С. Яницкий, Ф. Б. Яшин и другие.

Предположение состояло в том, что существует связь между кинематографическими предпочтениями и базовыми личностными чертами и ценностно-смысловыми ориентациями. Исследование проводилось в октябре 2024 г. с помощью методик: 16PF Кеттелла (форма С), адаптация А. Н. Капустиной; Шварца для изучения ценностей личности, адаптация Н. М. Лебедевой; тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева (СЖО); авторская анкета кинопредпочтений. Математическая обработка данных осуществлялась с помощью SPSS версия 27.

В исследовании приняли добровольное участие 147 человек (79 % женщины и 21 % мужчины) в возрасте 18–58 лет (средний возраст 33 года). Респонденты с высшим образованием составляют 82 %.

Обработка результатов авторской анкеты показала, что большинство опрошенных отдает предпочтение просмотру художественных фильмов (88 %). На втором месте — мультипликационные, на третьем — документальные и на четвертом — научно-популярные. Респонденты также оценивали киножанры: боевик, триллер, драма, вестерн, мелодрама, криминал, приключения, фильм-биография, фантастика/фэнтези, историческое кино, фильм ужасов, фильм-катастрофа, комедия, мистика, артхаус (Кубрак, 2017). Молодые люди (18–25 лет) отдают предпочтение триллеру и фантастике/фэнтези. Взрослые (26–44 года) предпочитают криминал и комедию и не смотрят ужасы и артхаус. Люди старшего возраста (45–58 лет) предпочитают драму и детектив и не любят вестерны.

Самыми значимыми ценностями (тест Шварца) оказались Универсализм и Безопасность, а малозначимыми Традиции и Власть. То есть для респондентов наиболее важными являются забота о других, сохранение природы, равенство, принятие отличий других людей.

Результаты методики СЖО выявили, что общий показатель осмысленности жизни имеет высокое значение у 17 % испытуемых, среднее у 67 %, низкое у 16 %.

Приведем некоторые данные корреляционного анализа: комедийный жанр предпочитают зрители с ценностями: самостоятельность (0,17; $p \leq 0,05$), гедонизм (0,29; $p \leq 0,01$), достижение (0,25; $p \leq 0,01$), безопасность (0,22; $p \leq 0,01$) и доброта (0,21; $p \leq 0,01$), то есть стремятся улучшить мир, получить удовольствие и достигнуть успеха и одобрения.

Мелодраму предпочтут зрители, нацеленные на получение удовольствия (0,20; $p \leq 0,05$), а также те, кому важно социальное одобрение, ввиду чего они стремятся к успеху через проявление компетентностей (0,16; $p \leq 0,05$).

Таким образом, можно сделать вывод, что кинематографические предпочтения в значительной степени зависят

от личностных качеств, ценностей и смысложизненных ориентаций личности.

Литература

Кубрак Т. А., Гребенщикова Т. А. Психологический портрет современного кинозрителя: структура и связи кинопредпочтений // Экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 4. С. 5–19.

Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 1992.

Серый А. В., Яницкий М. С. Ценностно-смысловая сфера личности. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999.

Стратегии творческого мышления в условиях дефицита времени: анализ динамических паттернов теста Торренса*

В. Г. Грязева-Добшинская
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск
vdobshinya@mail.ru

Ю. А. Дмитриева
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск
dmitrieva.julia.86@mail.ru

С. Ю. Коробова
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск,
k.svetlana-1991@mail.ru

Тест креативного мышления Торренса (ТТСТ) имеет определенную историю отбора показателей, валидных для решения различных задач. Цель исследования: выявить дополнительные показатели теста Торренса на выборке взрослых, значимые для профессиональной деятельности. Выборка исследования: 332 человека. Динамические паттерны данных теста Торренса по трем заданиям оценивались на основе линейной, квадратичной и экспоненциальной моделей. Метод психологической диагностики динамических паттернов креативного мышления позволяет выявить значимые показатели креативной продуктивности в стрессовых условиях деятельности. Адаптивные стратегии творческого мышления представлены наиболее часто встречающимися паттернами по разработанности,

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 23-18-01059, <https://rscf.ru/project/23-18-01059/>

а инновационные стратегии — редкими паттернами по гибкости и оригинальности.

Ключевые слова: творческое мышление, креативность, тест Торренса (ТТСТ), динамические паттерны, адаптивная стратегия, инновационная стратегия.

Современные интегративные исследования креативности включают в совокупность анализируемых переменных показатели креативного мышления, личности, ситуации — специфику задачи, организации взаимодействия, материальных ресурсов (Corazza, Glăveanu, 2020; Tromp, Sternberg, 2022; Lubart, Barbot, Besancon, 2019).

Тест креативного мышления Торренса (ТТСТ) имеет определенную историю отбора показателей, валидных для решения различных задач. В исследованиях факторной структуры креативного мышления чаще включены показатели беглости, гибкости, оригинальности, разработанности (Грязева-Добшинская, Коробова, Дмитриева, Глухова, Колтунов, 2025). Обзор поздних версий диагностики креативного мышления включает показатели абстрактность названия, сопротивление замыканию и ряд дополнительных характеристик: эмоциональная выразительность, юмор, расширение границ и др. (Alabbasi, Paek, Kim, Cramond, 2022).

Цель: выявить дополнительные показатели теста Торренса на выборке взрослых, значимые для профессиональной деятельности. Данные показатели ориентируются на специфику выполнения трех заданий фигурного теста ТТСТ по 10 минут каждое: 1-е задание — один рисунок; 2-е задание — 10 рисунков; 3-е задание — 30 рисунков. Третье задание можно интерпретировать как творческое решение в ситуации дефицита времени и монотонной стимуляции, которое позволяет изучать динамические паттерны показателей креативности.

Выборка исследования: 332 человека (возраст: $M = 37,49$; $SD = 14,20$), 103 мужчины (31,02 %) и 229 женщин (68,98 %). По результатам беглости в 3-м задании — M и SD ($M = 14,66$; $SD = 6,63$) вся выборка разделена на 5 групп субъектов: 1) с минимальной беглостью (1–8 баллов, $n_1 = 56$); 2) с беглостью ниже среднего

(9–14 баллов, $n_2 = 123$); 3) с беглостью выше среднего (15–21 балла, $n_3 = 105$); 4) с высокой беглостью (22–27 баллов, $n_4 = 26$); 5) с максимально возможной беглостью (28–30 баллов, $n_5 = 22$).

Рисунки 3-го задания делились на 10 частей, по каждой из которых рассчитывались показатели гибкости, оригинальности, разработанности. Динамические паттерны креативного мышления анализировались по данным диагностики пятой группы субъектов на основе линейной, квадратичной и экспоненциальной моделей (метод подгонки кривых, IBM SPSS Statistics 23.0).

У 7 субъектов по всем 3 показателям отсутствует достоверное соответствие с какой-либо моделью, что свидетельствует о больших колебаниях показателей, несформированности паттернов креативного мышления. У 15 субъектов сформированы тенденции динамических паттернов по одному (13 человек) или двум показателям (2 человека).

Наиболее часто представлен динамический паттерн по показателю разработанности. У 9 человек получены достоверные модели (R^2 в диапазоне 0,446–0,810): 4 квадратичные, 3 линейные, 2 экспоненциальные. У 4 человек наблюдается рост разработанности.

Реже представлен сформированный паттерн по показателю гибкости. У 6 человек получены достоверные модели (R^2 в диапазоне 0,424–0,749) преимущественно линейного вида — 4, 1 квадратичная, 1 экспоненциальная. У всех субъектов наблюдается снижение способности переключаться, предлагать разнообразные идеи.

Наиболее редко встречается паттерн по показателю оригинальности. Только у 2 человек получены достоверные модели — экспоненциальная и квадратичная (R^2 0,522 и 0,576). У 1 респондента выявлен рост оригинальности предлагаемых идей.

Метод психологической диагностики динамических паттернов креативного мышления позволяет выявить значимые показатели креативной продуктивности в стрессовых условиях деятельности. Применение данного метода в психологии креативности основывается на анализе и прогнозе динамических показателей в рамках исследований типов тенденций временных рядов. Адаптивные стратегии творческого мышления

представлены наиболее часто встречающимися паттернами по разработанности, а инновационные стратегии — редкими паттернами по гибкости и оригинальности, что согласуется с исследованиями двухфакторной структуры креативного мышления (Грязева-Добшинская, Коробова, Дмитриева, Глухова, Колтунов, 2025).

Литература

- Грязева-Добшинская В. Г., Коробова С. Ю., Дмитриева Ю. А., Глухова В. А., Колтунов Е. И. Обобщенные факторы креативного мышления в контексте разнообразия социокультурной идентичности субъектов // Социальная психология и общество. 2025. Т. 16. № 1. С. 28–50.
- Alabbasi A. M.A., Paek S. H., Kim D., Cramond B. What do educators need to know about the Torrance Tests of Creative Thinking: A comprehensive review // *Frontiers in psychology*. 2022. V. 13. Art. 1000385.
- Corazza G. E., Glăveanu V. P. Potential in creativity: Individual, social, material perspectives, and a dynamic integrative framework // *Creativity Research Journal*. 2020. V. 32. No. 1. P. 81–91.
- Lubart T., Barbot B., Besancon M. Creative potential: assessment issues and the EPoC Battery // *Estudios de Psicología*. 2019. V. 40. No. 3. P. 1–23.
- Tromp C., Sternberg R. J. Dynamic Creativity: A Person × Task × Situation Interaction Framework // *The Journal of Creative Behavior*. 2022. V. 56. No. 4. P. 553–565.

Взаимосвязь креативности как ключевого навыка будущего и исследовательского потенциала у студентов вузов*

Л. А. Дикая

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону
dikaya@sfnedu.ru

И. С. Дикий

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону
isdikiy@sfnedu.ru

В работе изучены взаимосвязи между уровнем креативности, навыками будущего и исследовательским потенциалом у студентов вузов. В исследовании приняли участие 162 студента бакалавриата и магистратуры вузов Юга России в возрасте 17–24 лет. Выявлена взаимосвязь креативности, эмоционального интеллекта, культурного интеллекта, а также готовности к сотрудничеству с исследовательским потенциалом у студентов. Достоверные взаимосвязи показателей исследовательского потенциала с навыками будущего выявлены у студентов со средним уровнем исследовательского потенциала. Сделан вывод о возможности развития исследовательского потенциала у студентов со средним его уровнем на основе формирования навыков будущего и прежде всего креативности.

Ключевые слова: креативность, исследовательский потенциал, навыки будущего, студенты, взаимосвязь.

Актуальность исследования обусловлена противоречием между растущими требованиями к креативным и исследовательским компетенциям выпускников вузов и недостаточной

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы развития Академии психологии и педагогики Южного федерального университета (ВнГр/24–02–ПП)

изученностью механизмов их формирования. В современных научных работах показано, что исследовательский потенциал формируется на основе комплексного сочетания когнитивных, эмоционально-волевых и коммуникативных качеств личности (Бордовская и др., 2017; Григорьева, Садоха, 2023 и др.). Обоснована необходимость интеграции цифровых инструментов в исследовательскую деятельность для развития креативного мышления (Канарейко, 2022; Просолупова, 2020 и др.).

Цель исследования — изучить характер взаимосвязи между уровнем креативности, навыками будущего и исследовательским потенциалом у студентов вузов.

Методы. В исследовании приняли участие 162 студента бакалавриата и магистратуры вузов Юга России в возрасте 17–24 лет, из них 36 студентов мужского и 126 женского пола. По уровню исследовательского потенциала (ИП) студенты были разделены на три группы: 1) с высоким (31 человек), 2) со средним (70 человек) и 3) с низким (61 человек) уровнем ИП.

Методы эмпирического исследования — психологическое тестирование, анкетирование.

Методический инструментарий: методика оценки исследовательского потенциала студента (Бордовская и др., 2017). В качестве навыков будущего в работе изучены креативность (Малышев, 2014), эмоциональный интеллект (ЭИ) (Холл); культурный интеллект (Эрли и Анг); готовность к сотрудничеству в совместной деятельности (Курунов, Айнулина); когнитивная флексибельность (Кургинян, Осаволук); самоконтроль (Гордеева и др.); цифровая грамотность (авторская анкета). Статистическая обработка данных включала описательный, корреляционный и сравнительный анализ (непараметрические критерии).

Результаты. Выявлены достоверные прямые взаимосвязи показателя креативности с общим показателем ИП ($r_s = 0,25$; $p < 0,05$), причем с его мотивационным компонентом ($r_s = 0,3$; $p < 0,05$) и с составляющим его личностным фактором «Потребность в новизне» ($r_s = 0,26$; $p < 0,05$), а также с поведенческим компонентом ИП ($r_s = 0,26$; $p < 0,05$) и с составляющими его личностными факторами «Ресурсное обеспечение исследовательской

деятельности» ($r_s = 0,27$; $p < 0,05$) и «Самоорганизация исследовательской деятельности» ($r_s = 0,23$; $p < 0,05$). Взаимосвязи креативности с когнитивным компонентом ИП и с личностным фактором «Исследовательская креативность» не достоверны. При этом связь креативности с фактором «Научная гибкость» когнитивного компонента ИП статистически значима ($r_s = 0,29$; $p < 0,05$).

Что касается взаимосвязей ИП с навыками будущего, то, помимо креативности, выявлены достоверные положительные взаимосвязи ИП с ЭИ ($r_s = 0,397$; $p < 0,05$), с культурным интеллектом ($r_s = 0,316$; $p < 0,05$) и с готовностью к сотрудничеству ($r_s = 0,33$; $p < 0,05$).

У студентов с высоким и с низким уровнем ИП не выявлены достоверные его взаимосвязи с показателями навыков будущего. Однако у студентов с высоким ИП выражены взаимосвязи готовности к сотрудничеству с эмоциональным интеллектом ($r_s = 0,412$; $p < 0,05$) и с креативностью ($r_s = 0,43$; $p < 0,05$). А у студентов с низким ИП выражены взаимосвязи ЭИ с культурным интеллектом ($r_s = 0,27$; $p < 0,05$) и с готовностью к сотрудничеству ($r_s = 0,43$; $p < 0,05$).

У студентов со средним уровнем ИП выражены его взаимосвязи с такими навыками будущего, как культурный интеллект ($r_s = 0,32$; $p < 0,05$), когнитивная гибкость ($r_s = 0,31$; $p < 0,05$) и цифровая грамотность ($r_s = 0,307$; $p < 0,05$). Также для них характерна взаимосвязь готовности к сотрудничеству с ЭИ ($r_s = 0,33$; $p < 0,05$) и с уровнем самоконтроля ($r_s = 0,309$; $p < 0,05$).

Заключение. Креативность, а также такие навыки будущего, как ЭИ, культурный интеллект и готовность к сотрудничеству, взаимосвязаны с ИП. Достоверные взаимосвязи показателей исследовательского потенциала с навыками будущего выявлены для студентов со средним уровнем исследовательского потенциала. Развитие ИП на основе формирования навыков будущего наиболее оптимально для студентов со средним уровнем ИП.

Литература

Бордовская Н. В., Костромина С. В., Розум С. И., Москвичёва Н. Л. Исследовательский потенциал студента:

- содержание конструкта и методика его оценки // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 2. С. 89–103.
- Григорьева Е. В., Садоха Е. И.* Личностные предикторы развития исследовательского потенциала студентов вуза // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. № 4. С. 559–569.
- Канарейко Д. А.* Креативность как ключевой навык будущего и фактор совершенствования внутренней среды организации // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2022. № 4. С. 635–340.
- Малышев К. Б.* Изучение мышления с помощью многомерного типологического подхода // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2. № 2. С. 218–222.
- Просолупова Н. А.* Формирование исследовательских умений студентов посредством проектирования и реализации системы учебно-исследовательских заданий // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. № 4 (56). С. 264–270.

Особенности переживания времени у подростков с высоким уровнем творческих способностей

А. А. Дьячук

Красноярский государственный педагогический
университет им. В. П. Астафьева, Красноярск
danna@kspu.ru

В рамках данного исследования рассматриваются переживания разных временных периодов в зависимости от творческих способностей. Отмечается, что определенные переживания свойств времени связаны

с разными творческими факторами. Выделено, что связь когнитивных творческих факторов в отношении переживания характеристик прошлого увеличивается, в отношении будущего наблюдается большее количество связей с личностно-индивидуальными свойствами.

Ключевые слова: переживание времени, творческие способности, когнитивные факторы, личностно-индивидуальные творческие факторы, креативность.

Творческая деятельность — процесс, разворачивающийся во времени. «Временная структура действий составляет саму суть деятельности как таковой» (Карпов, 2023, С. 4). Организация деятельности во временном аспекте связана не только с тем, как выстраивается последовательность действий, что можно зафиксировать в динамке, скорости действий, но и с тем, как время конструируется, как оно переживается. Эти свойства выделяются неслучайно, являются идеализациями, которые необходимы для решения различных задач (Пономарёв, 2006). В процессе творческой деятельности происходит построение темпоральной организации, в котором прошлое и будущее интегрировано в настоящем и придает новое смысловое измерение настоящему (Shostrom, 1968). В связи с чем мы полагаем, что высокому уровню творческих способностей соответствуют особые переживания времени.

На выборке 33 девятиклассников 15–16 лет была проведена оценка творческих способностей с помощью набора креативных тестов Ф. Вильямса (CAP) в адаптации Е. Е. Туник. В результате соотношения когнитивно-интеллектуальных и личностно-индивидуальных творческих факторов были выделены группы подростков с низким (18,2 %), средним (66,7 %) и высоким (15,2 %) уровнем творческих способностей. Относительно выделенных групп был проведен сравнительный и корреляционный анализ шкал семантического дифференциала времени Л. И. Вассермана.

По переживанию времени подростки с высоким уровнем творческих способностей отличаются переживанием динамичности, структурированности, взаимосвязанности событий

и смысловой наполненности, связанной с ощущением внутренней свободы прошлого, а также переживанием динамичности, активности будущего.

Переживания динамичности, энергичности, смысловой наполненности, «широта» прошлого связаны с когнитивно-интеллектуальными творческими факторами (оригинальность, разработанность), а структурированность, упорядоченность и величина прошлого с личностным свойством — способность идти на риск — делать догадки, действовать в неструктурированных условиях.

Структурированность настоящего отрицательно связана с разработанностью мышления, меньшим приукрашиванием идеи, т.е. более реалистичным представлением.

В отношении переживания будущего выделены следующие связи: смысловая наполненность будущего связана с оригинальностью и разработанностью мышления. Оптимистичность, преобладание положительных эмоций в отношении будущего обратно связано с гибкостью мышления. Активность (динамичность) будущего связана со сложностью, а структурированность будущего со сложностью и стремлением к риску.

Творческие факторы связаны с переживанием периода прошлого и будущего, в отношении настоящего практически не выделены связи. При этом определенные свойства времени связаны с дивергентным мышлением (величина, длительность, широта и пр.), другие связаны с личностными свойствами (структура, упорядоченность). Когнитивные творческие факторы дают возможность расширить «пространство» деятельности, выделить различные перспективы, связи с различными сторонами действительности, что приводит к переживанию «глубины» и «объемности» психологического времени. Последовательность, упорядоченность событий не есть построение причинно-следственных связей, а способность видеть разные возможности, альтернативы и быть готовым к воплощению разных вариантов.

В отношении активности времени наблюдается интересная особенность: активность прошлого связана с когнитивно-интеллектуальными факторами, а активность

будущего — с личностно-индивидуальными. Это может характеризоваться тем, что в отношении прошлого активность реконструируется, преобразуется, тем самым прошлое выступает как опыт и ресурс (в связи с чем роль когнитивных факторов увеличивается), а будущее конструируется как поле возможностей, вариативное (что актуализирует роль личностных свойств). В данном случае может проявляться специфическая система взаимодействия, связанная с преобразованием и конструированием (проектированием), при организации творческой деятельности как временного объекта.

Литература

- Карпов А. В. Психика и время. В 2 т. Т. 1. История. Методология. Структура. Ярославль: Филигрань, 2023.
- Пономарёв Я. А. Перспективы развития психологии творчества. Психология творчества. Школа Я. А. Пономарёва / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: ИП РАН, 2006. С. 145–276.
- Shostrom E. L. Time as an integrating factor. The course of human life. A study of goals in the humanistic perspective / Eds. C. Buhler, F. Massarik. NY.: Springer, 1968. P. 351–359.

Современное жизнетворчество или ребрендинг: борьба за суггестивность текста личной истории вместо ее протяженности

Ю. Е. Зайцева

Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург
julia.psys@gmail.com

Статья исследует трансформацию концепта жизнетворчества в контексте смены социокультурных парадигм — от традиции до метамодерна. В премодерне жизнь воспринималась как предопределенная судьба, где герой выступал свидетелем уже написанной истории. Модерн акцентировал авторство личности: жизненный путь строится через выбор, преодоление испытаний и этическое самосовершенствование. Постмодерн переосмысливает нарратив: жизнь становится конкуренцией за внимание, где ключевым является создание «вирусного» контента личной истории, а авторство сводится к ребрендингу — конструированию запоминающегося образа. Метамодерн предлагает гибридный подход: комбинирование нарративных стратегий под конкретные задачи с акцентом на коллективные решения.

Ключевые слова: социально-культурная парадигма, жизненный путь, метамодерн, социальное конструирование.

Императив жизнетворчества, конструирования своего жизненного пути, авторства своей жизни, громко зазвучал в XX веке в практиках гуманистической и экзистенциальной психологии (Гришина, 2020). Нарративная психология подхватила призыв, фундировав его в методологии социального конструирования (Fivush, Haden, 2003). Однако одинаково ли прочтение этих концептов в модерне и постмодерне? Ответ может быть найден в анализе социальных практик автобиографирования.

Социокультурная парадигма традиции (премодерна) предлагает модель судьбы как написанной истории, прочитываемой по мере ее проживания. Практики предсказаний и истолкований могут дать героям подсказки, но исправление уже написанной истории невозможно. Герой — часть мира, свидетель контекста, чей взгляд делает его проявленным, заметным.

Парадигма модерна актуализирует идею спора Создания с Творцом ради реализации его замысла. Герой видит судьбу в выборе пути (развилки сюжета) и исходах столкновений с препятствиями. Героя ждут искушения (свернуть с пути, выбрать более легкую или менее страшную дорогу, поддаться обману, подкупу, устраситься угрозы или смерти) и испытания (инструменты решения которых, включая союзников, он готовит на протяжении всех предыдущих шагов). Мораль истории поведает слушателям, оставил ли герой после себя лучший мир и стал ли лучше сам. А значит, история должна сохранить диакронический модус: как было — как стало; и гипотетическую альтернативу — как могло бы быть. Экзистенциальное авторство истории жизни — право на со-творчество в произведении непослушного, но любимого героя.

Постмодерн видит «авторство» истории жизни как «работу копирайтером и криэйтором», обязанность по созданию контента, который привлечет внимание читателя. Если любой социальный мир может быть создан или воссоздан (пусть локально, для небольшой группы и на небольшое время) и не обязан согласовываться с другими мирами, то главное — реклама. Герой (сериала, комикса) должен запоминаться, вызывать интерес уникальным опытом, откликаться на нужды самых разных сообществ, перемещаться в пространстве и времени, мгновенно оказываться в узнаваемых из историй модерна мизансценах, локациях, сюжетных точках, чтобы «поймать свой шанс» — то уникальное сочетание свойств, инструментов персонажа и нужд большого контекста, которое даст максимальный отклик. Все варианты истории пишутся одновременно, поэтому неудача невозможна. Проблему создает конкуренция — другой суперГерой, который успеет «спасти мир» первым, получит свидетельство массовой аудитории, изменит контекст в свою

пользу, получит временное преимущество в дискурсивном праве на видение мира, других персонажей и запуск модных трендов. Таким образом, суггестивность (проникающая способность и охват аудитории), а не протяженность жизненной истории, — в фокусе внимания. Авторство такой истории — копирайт на личный бренд.

Парадигма метамодерна только складывается вокруг функциональности решения групповых задач в условиях перспективного нарастания дефицитов. Жизнетворчество — в свободном сочетании традиционных и новых дискурсивных форм под конкретную задачу. Авторство этих решений может снова уйти в тень коллективного псевдонима.

В настоящий момент мы встречаемся с когнитивными схемами, реализованными в каждой из этих парадигм. Я-нарративы «Кратких жизненных историй», данные нарративных интервью клиентов полинарративной практики и студентов, истории профессионального становления и близости, а также анализ личных фотографий и текстов самопрезентаций показывают, что вне явного отнесения к возрасту, поколению мы встречаем эти стратегии автобиографирования.

Литература

- Гришина Н. В. Жизненное событие: сила обстоятельств и авторство личности // Российский социально-гуманитарный журнал. 2020. № 4. С. 164–182.
- Fivush R., Haden C. A. (ed.) *Autobiographical memory and the construction of a narrative self: Developmental and cultural perspectives*. Psychology Press, 2003.

Личные фотографии в постмодерне: брендинг или иллюстрация личной истории?

Ю. Е. Зайцева

Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург
julia.psyst@gmail.com

Ю. В. Скороходова

СПбГУ, Санкт-Петербург
yg1991@mail.ru

В работе представлен обзор особенностей социальных практик создания и использования личных фотографий как конструирующих идентичность в эпоху постмодерна и их отличие от практик модерна. Анализ фотографий пользователей социальной сети «ВКонтакте» выявил изменения в подходах к автобиографированию с помощью личных фотографий: от фиксации личной истории и ее продления в более широкой истории и идентичности к созданию фрагментарной идентичности личного бренда и его продвижению по правилам коммерческого дискурса.

Ключевые слова: личная фотография, автобиографическая память, культурно-историческая парадигма, самопрезентация.

Личные фотографии с момента широкого распространения практик создания, хранения и использования фотографий для личного пользования служили инструментом для автобиографирования, «якорями» для автобиографической памяти, помогая сохранять и восстанавливать важные жизненные события. Визуальные образы, запечатленные на фотографиях, способствуют не только реконструкции прошлого, но, являясь средством знакового опосредования разнообразных форм идентичности (Нуркова, 2025), выступают и инструментом

конструирования знания человека о себе — прошлом и будущем, а также способом создания совместно разделяемого знания о своей личной истории.

При анализе КЖС современных молодых людей можно выявить тенденцию к индивидуализации перечня жизненных событий, склонности описывать эти события через язык переживаний, а также к заметному возрастанию количества событий, фиксируемых на жизненных линиях, по сравнению с более ранними исследованиями (Скороходова, 2023).

Как это отразилось на создании визуальной репрезентации личной истории?

Цель исследования — обзор особенностей социальных практик создания и использования личных фотографий как конструирующих идентичность в эпоху постмодерна и их отличие от практик модерна.

Выборка: N = 32 (23 — жен., 9 = муж., в возрасте от 18 до 54 лет, активные пользователи социальной сети «ВКонтакте». Участникам исследования предлагалось написать автобиографию в формате краткой истории своей жизни, после чего выбрать несколько фото, выложенных ими на свои личные страницы в социальной сети «ВКонтакте», проиллюстрировав ими личную историю, и прокомментировать этот процесс (трудности, ресурсы, стратегии, валюации, т.е. аффективная значимость (Hermans, 1987). Всего было проанализировано 166 фотографий.

Анализ полученных данных показал, что современные практики создания и использования личных фотографий, как конструирующих идентичность в эпоху постмодерна, отличаются от практик модерна:

- 1) минимальностью затрат на создание и хранение снимков, и как следствие — их широким разнообразием и затруднениями в связи с этим в выборе фотографий, которые лучше бы иллюстрировали КИЖ;
- 2) ориентацией на фотофиксацию предпочитаемого контекста вместо характерной для эпохи модерна фиксации предпочитаемой позиции, что выразилось в часто

- встречающихся «безличных» фотографиях контекстов — закатов, фото еды, вида из окна и пр.;
- 3) монополией на управление впечатлением о себе, о чем свидетельствуют часто встречающиеся фотографии в стиле селфи, а также использованием инструментов для улучшения снимка (от ретуши, использования масок и фильтров до использования инструментов искусственного интеллекта для генерации снимков);
 - 4) ориентацией на фотофиксацию фрагментарной идентичности, прочитываемой через коммерческий дискурс как товар или личный бренд, который нуждается в рекламировании по законам рынка, о чем, в частности, может говорить социальная практика проставления тегов к снимкам как инструментов поиска аналогичных снимков (#работамечты; #лето; #выпускной) по принципу каталога онлайн-маркетплейсов.
 - 5) экспрессивным характером фотографии, нацеленным на передачу образа переживаемого состояния здесь и теперь вместо символизма фотографий модерна, раскрывающегося за пределами изображенного на фотографии;
 - 6) ориентацией фотографий постмодерна на включение в общую историю дискурса с ярко выраженной тенденцией к обеспечению высокой суггестивности текста вместо фиксации и продолжения личной истории в модерне с его ориентацией на протяженность;
 - 7) трудно реализуемым в условиях цифровизации различных сторон жизни современного человека правом на забвение и уничтожение личных фотографий.

Литература

- Нуркова В. В. Психология фотографии. Культурно-исторический анализ. М.: Юрайт, 2025.
- Скороходова Ю. В. Особенности представлений о культурно-жизненном сценарии у представителей разных поколений // Ананьевские чтения — 2023. Человек в современном мире: потенциалы и перспективы психологии развития. СПб.: СПбГУ, 2023. С. 198.

Hermans H. J.M. Self as an organized system of valuations: Toward a dialogue with the person // *Journal of Counseling Psychology*. 1987. V. 34. No. 1. P. 10–19.

Цифровизация как детерминанта развития креативности*

А. В. Карпов

Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова, Ярославль
anvikar56@yandex.ru

Представлены результаты, раскрывающие специфику влияния цифровизации на количественные изменения и качественные трансформации креативности. В материалах приведены результаты исследования сравнительного анализа показателей креативности у студентов, обучавшихся на гуманитарных и естественных факультетах г. Ярославля в 2012 и 2024 годах. Эксплицирован факт значимого снижения ее уровня, что позволяет констатировать новое явление — синдром снижения креативности под детерминационным воздействием цифровизации.

Ключевые слова: креативность, цифровизация, личность, способности, снижение креативности.

Важной тенденцией развития общества являются радикальные трансформации, которые обусловлены тотальной цифровизацией. Это приводит к становлению новой реальности — виртуальной. Она порождает комплекс когнитивных

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 24–18–00675, <https://rscf.ru/project/24-18-00675/>

трансформаций, обозначаемых понятием снижения когнитивности (Karr, 2012; Attrill, Fullwood, 2016). Кроме того, нами установлены и сходные с ним явления, обозначенные понятиями снижения метакогнитивности и снижения регулятивности (Карпов, 2021).

Их установление ставит новые задачи, открывая и новые перспективы исследований в этой области. Так, в плане этой проблемы нами было выполнено исследование, результаты которого состоят в следующем. Оно было построено по принципу сравнительного анализа результатов исследования креативности, выполненных нами ранее (Карпов, 2015) и в настоящее время. Одна группа включала студентов, обучавшихся на гуманитарных и естественных факультетах Ярославля в 2012 году, а вторая — обучавшихся в 2024 году. В исследовании участвовали 320 человек (142 и 178 в каждой из групп, включавших подгруппы двух указанных профилей) Диагностика креативности приводилась посредством методики Е. Торренса.

Основным итогом этого исследования явилось достаточно существенное и статистически значимое ($p < 0,05$) снижение показателей креативности во второй группе — в диапазоне от 12 % до 17 % в зависимости от профиля специальностей. В связи с этим, по-видимому, следует констатировать функционально сходный с отмеченными выше феномен, который можно обозначить как синдром снижения креативности. Разумеется, данное заключение носит предварительный характер и нуждается в дополнительных исследованиях. Однако уже сейчас могут быть сформулированы положения, содействующие его осмыслению и эксплицирующие факторы его возникновения.

Так, поскольку когнитивная подсистема психики является важнейшей и определяющей в ее структуре, то можно полагать, что ее трансформации не могут проходить бесследно и для всех иных ее подсистем, равно как и других — в особенности базовых характеристик и в первую очередь для общих способностей, одной из которых и является креативность. Важной причиной этого являются и трансформации, инициируемые цифровизацией в отношении такого ключевого фактора креативности, как уровень развития воображения. Цифровая среда, возможности

инфографики обеспечивают беспрецедентные средства генерации таких новых, оригинальных и необычных образов, которые выходят далеко за пределы самого развитого воображения. Это избавляет пользователя от «труда воображения», влияя на креативность.

Изменяются и принципы — стратегии и способы поиска информации. Одной из отличительных особенностей компьютеризации является резкая смена стратегий по типу активного добывания стратегиями по типу запроса. Погруженность в контакты с гаджетами практически не оставляет времени и желания ни для чего другого — в том числе и для того, чтобы «побыть самому с собой», для самоанализа, для рефлексии. Редукция рефлексии приводит к минимизации мощного источника саморазвития — индуктивного опыта, получаемого личностью от «работы над собой» и тех результатов, которыми он обогащает ее. Рефлексия перестает выступать средством самораскрытия и саморазвития; внутренний мир утрачивает важный источник самообогащения, а личность в итоге примитивизируется. Это не может проходить бесследно для такой базовой ее способности, как креативность.

Наконец, тотальная цифровизация и, как следствие этого, становление новой реальности — виртуальной, возможно, привели и к качественным трансформациям самой креативности, которые проявились в констатированных выше количественных изменениях. Адаптируясь к ней, она приобретает черты оперативности и предстает как цифровая креативность. В силу этого она обретает новые свойства и, не исключено, преимущества, которые, однако, не выявляются методиками, разработанными в «доцифровую» эпоху.

Литература

Карпов А. В. Психология деятельности. В 5 т. Москва: Изд. дом РАО, 2015.

Карпов А. В. Методологические основы психологии информационной деятельности. Москва: РАО, 2021.

Карр Н. Пустышка: Что Интернет делает с нашими мозгами. СПб.: Best Business Books, 2012.

Attrill A., Fullwood C. Applied Cyberpsychology. Practical Applications of Cyberpsychological. Theory and Research. Palgrave Macmillan, 2016.

Понимание пантомимического номера и его рефрейминг: разнообразие формирующихся смыслов

Е. М. Кларина

Независимый исследователь, Москва
eklarina@mail.ru

А. Н. Поддьяков

Высшая школа экономики, Москва
apoddiakov@hse.ru

Пантомимический номер, вызывающий сильные эмоции зрителей, — это целостное произведение искусства, характеризующееся высоким уровнем творческого мышления его создателя, побуждающее замечать образы и метафоры различной глубины и направленности. Непредсказуемый автором номера вклад в его понимание зрителями может вноситься при рефрейминге, например включении номера в контекст реальной предыстории. Разработана методика, раскрывающая эмоциональное восприятие и понимание драматургического пантомимического номера без рефрейминга и при рефрейминге. Установлено, что некоторые участники не находят в пантомиме смысла, другие погружаются в пространство смыслов, видят в ней метафору жизни и потенциальное средство влияния на свою жизнь.

Рефрейминг может принципиально изменять понимание пантомимы.

Ключевые слова: драматургия, пантомимический номер, смысл, метафора, рефрейминг.

Оригинальный пантомимический номер, вызывающий сильные эмоции зрителей, — это целостное произведение искусства, характеризующееся высоким уровнем творческого мышления его создателя. Хороший пантомимический номер побуждает зрителей находить в нем образы и метафоры различной глубины и направленности (Богданов, Виноградский, 2009) — как предусмотренные, так и не предусмотренные режиссером и исполнителем. Непредсказуемый создателем номера вклад в его понимание может возникать при рефрейминге, например включении номера в контекст реальной предыстории.

Как подчеркивает А. Лэнгле (2009) в рамках динамической концепции смысла, важна вписанность конкретной ситуации в более широкий контекст (в нашем случае — в реальную предысторию событий). Анализ респондентом материала опосредован социокультурным контекстом и субъективным состоянием участника (Гусельцева, 2023).

Цель исследования — изучение изменения отношения к пантомимическому номеру и изменение понимания его смысла при рефрейминге.

Участники: 30 человек 30–44 лет, интересующиеся пантомимой и не имеющие отношения к психологии и театральному делу.

Метод: полуструктурированное интервью.

Методика. В первой серии участнику демонстрировалась видеозапись пантомимы «Забег на 10 000 метров» В. Полунина 1984 г. Участнику предлагалось поделиться впечатлениями от пантомимы, рассказать о своем понимании этого номера и его смысле.

Во второй серии тем же респондентам (20 человек) демонстрировались материалы с показом и описанием реального предшествующего события. Это соревнование советских

и американских бегунов в 1959 г. в Филадельфии в условиях аномальной жары и влажности, получившее название «Забег смерти». Использовались видеохроника и заметка в газете. В материалах сообщалось о пережитой коме и клинической смерти. В наиболее драматичном эпизоде хроники были показаны спортсмены в состоянии предельного утомления, с дискоординацией движений и падениями.

При просмотре этих кадров участники замечали, что движения мима были схожи с некоторыми движениями спортсменов, запечатленными в хронике. Хроника и заметка о забеге задавали новый контекст восприятия пантомимы. После предоставления материалов участника снова спрашивали о впечатлениях от номера и его понимании.

В анализе интервью участвовали три приглашенных эксперта с законченным высшим психологическим образованием и стажем работы психологом не менее 15 лет.

Исследовательский проект был одобрен Комиссией по этической оценке эмпирических исследовательских проектов департамента психологии НИУ ВШЭ.

Результаты. Анализ интервью показал, что участников обобщенно можно поделить на две группы: 1. участники, чье понимание смысла и отношение к пантомиме не изменились, 2. участники, чье понимание смысла и отношение к пантомиме претерпели кардинальные изменения. Отношение к пантомиме менялось и в позитивную, и в негативную стороны. Диапазон изменений понимания смысла варьировался от потери смысла до его существенного углубления.

У некоторых участников менялось и отношение к пантомиме, и понимание ее смысла. При этом были участники, у которых менялось отношение при сохранении смысла неизменным, и участники, сообщавшие об изменении смысла при сохранении отношения к номеру.

Раскрытие участниками смысла пантомимы и своего отношения к ней в ходе интервью, даваемого исследователю в диалоге, характеризовалось творческими составляющими индивидуального самовыражения — оригинальными обобщениями, рассказом и показом.

Выводы:

1. Разработанная методика позволяет исследовать эмоциональное восприятие и понимание пантомимического драматургического произведения.
2. Участники показали разную степень вовлеченности в задачу на поиск смысла и проработанности его глубины.
3. Выявлены различные траектории влияния рефрейминга на понимание смысла и отношение к пантомиме.
4. Раскрытие участниками смысла пантомимы и своего отношения к ней в ходе интервью, даваемого исследователю в диалоге с ним, характеризовалось творческими составляющими индивидуального самовыражения — оригинальными обобщениями, рассказом и показом.

Литература

- Богданов И. А., Виноградский И. А.* Драматургия эстрадного представления. СПб.: Изд-во СПбГАТИ, 2009.
- Гусельцева М. С.* Искусство в социализации человека: диалектика субъекта и культуры // Новые психологические исследования. 2023. № 3. С. 7–29.
- Лэнгле А.* Концепция смысла В. Франкла // Экзистенциальный анализ. 2009. № 1. С. 47–77.

Структура креативных ресурсов личностного выбора студентов: кросс-культурный аспект*

Е. И. Колтунов

Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск
aspiraintgle@gmail.com

В. Г. Грязева-Добшинская

Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск
griazevadobshinskaiavg@susu.ru

Ю. А. Дмитриева

Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск
dmitrieva.julia.86@mail.ru

В мультикультурном мире актуально изучение креативных ресурсов, опосредованных кросс-культурными контекстами и личностным выбором. *Цель:* изучить структуры креативных ресурсов личностного выбора у студентов из России и Китая. *Выборка:* учащиеся из России (127) и Китая (54). *Методики:* «Типология личностного выбора жизненного пути» В. Г. Грязевой-Добшинской, А. С. Мальцевой, «Мультисубъектная метаимпликативная модель рефлексивного выбора» В. А. Петровского. Дискриминантным анализом определены значимые для дифференциации показатели, определена ее точность. Выявлены особенности факторных структур креативных ресурсов личностного выбора: у студентов из России показатели личностного выбора не связаны с ценностями, у студентов

* Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 23-18-01059, <https://rscf.ru/project/23-18-01059/>

из Китая — стратегии жизненного пути подкреплены реализуемыми ценностями.

Ключевые слова: кросс-культурная психология, креативность, креативные ресурсы, личностный выбор, стратегии жизненного пути.

Изучение взаимосвязи креативных ресурсов личности в кросс- и социокультурном контексте представляет одно из приоритетных направлений исследований творчества (Glăveanu et al., 2020), анализируется роль ценностей как фактора формирования и развития креативной личности (Shao, Zhang, Zhou, Gu, Yuan, 2019). Ресурсы и барьеры развития креативности рассматриваются как опосредованные социально-культурными факторами и выборами, совершаемыми субъектом в условиях окружающих его контекстов (Грязева-Добшинская, 2024). Актуальным является изучение взаимосвязей реализуемости выбираемых субъектом ценностей и особенностей личностного выбора в кросс-культурном аспекте.

Цель: изучить структуры креативных ресурсов личностного выбора студентов из России и Китая, обучающихся в российском университете.

Выборку исследования составил 181 студент ЮУрГУ (127 учащихся из России, 54 — из Китая).

Для анализа особенностей личностного выбора использовалась методика «Типология личностного выбора жизненного пути» В. Г. Грязевой-Добшинской, А. С. Мальцевой, диагностирующая стратегии жизненного пути по 2 шкалам: «Рефлексия и поддержка внутренней сложности» (РПВС) и «Осознание и принятие внешней трудности» (ОПВТ) (Грязева-Добшинская, Мальцева, 2016).

Для изучения выбора ценностей студентов использовалась методика «Мультисубъектная метаимплицативная модель рефлексивного выбора» В. А. Петровского, оценивающая реализуемость личных потребностей субъекта в отношении 16 ценностей: Здоровье, Достаток, Любовь, Жизнь, Свобода, Семья,

Дружба, Творчество, Познание, Успех, Власть, Игра, Красота, Развитие, Уверенность в себе, Образование (Петровский, 2008).

Дифференциация групп студентов из России и Китая подтверждена с помощью дискриминантного анализа с точностью классификации 77,9 %. Значимыми для разделения этих двух групп студентов являются: шкала ОТВМ (-0,22) и реализуемость ценностей — здоровье (0,42), семья (0,19), дружба (0,18), власть (0,19), красота (0,87) и уверенность в себе (0,35).

Структура креативных ресурсов личностного выбора групп студентов из России и Китая исследовалась с помощью факторного анализа. При анализе использовались показатели личностного выбора (РПВС, ОПВТ), показатели реализуемости ценностей, выявленных с помощью дискриминантного анализа, и ценностей творчества и познания как «драйверов креативности».

В группе студентов из России структура креативных ресурсов личностного выбора представлена 5 факторами, общая доля объясненной дисперсии 65,5 %. 1-й фактор — биполярный, включает на одном полюсе ценности творчества и познания, а на другом — ценность семьи; 2-й фактор — включает оба показателя личностного выбора (РПВС и ОПВТ); 3-й фактор — ценности власти и уверенности в себе; 4-й фактор — биполярный, ценность здоровья противопоставлена ценностям власти и красоты; 5-й фактор — биполярный, ценность дружбы противопоставлена ценности здоровья.

Структура креативных ресурсов личностного выбора студентов из Китая сформирована 4 биполярными факторами, общая доля объясненной дисперсии 63,2 %. 1-й фактор — ценности творчества и познания противопоставлены ценностям здоровья и семьи; 2-й фактор — на одном полюсе включает ценность дружбы, а на другом — власти; 3-й фактор — показатель личностного выбора РПВС и ценность красоты противопоставлены ценности уверенности в себе; 4-й фактор — показатели личностного выбора противопоставлены ценности познания.

По результатам исследования выявлены особенности структуры креативных ресурсов личностного выбора студентов из России и Китая. У студентов из России показатели

личностного выбора формируют самостоятельный фактор, не связанный с реализуемостью выбираемых ценностей.

В группе студентов из Китая каждый из показателей стратегий жизненного пути связан с выбором ценностей. Студенты из Китая, выбирающие сложные, уникальные и самостоятельные стратегии жизненного пути, более склонны к успешной реализации персональных эстетических потребностей в прекрасном и менее — к успешной реализации потребностей в уверенности в себе и получению новых знаний.

Литература

- Грязева-Добшинская В. Г.* Культурный дифференциал креативности: теоретические основания исследований творчества субъектов в динамичной культуре // Психология. Психофизиология. 2024. Т. 17. № 4. С. 34–49.
- Грязева-Добшинская В. Г., Мальцева А. С.* «Типология личностного выбора жизненного пути»: описание методики и результаты психометрической проверки // Психология. Психофизиология. 2016. Т. 9. № 2. С. 14–21.
- Петровский В. А.* Состоятельность и рефлексия: модель четырех ресурсов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 1. С. 77–100.
- Glăveanu V. P., et al.* Advancing creativity theory and research: A socio-cultural manifesto // The Journal of Creative Behavior. 2020. V. 54. No. 3. P. 741–745.
- Shao Y., Zhang C., Zhou J., Gu T., Yuan Y.* How does culture shape creativity? A mini-review // Frontiers in psychology. 2019. V. 10. Art. 1219.

Личностные и мотивационные предикторы самооценки интеллекта*

Д. С. Корниенко

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Москва,
kornienko-ds@ranepa.ru

Н. П. Ячменёва

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Москва
yachmeneva-np@ranepa.ru

А. В. Богданова

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Москва
arinabogdanova142002@gmail.com

Исследование направлено на изучение вклада академической мотивации и личностных черт в самооценку интеллекта. В выборку вошли студенты в возрасте от 18 до 27 лет. Использовались Шкала самооценки интеллекта, Шкала академической мотивации и краткий опросник «Большой пятерки». Выявлено, что внутренняя мотивация является значимым положительным предиктором самооценки интеллекта, тогда как внешняя мотивация теряет прогностическую силу после учета личностных факторов. Полученные результаты указывают на роль внутренней мотивации и эмоциональной стабильности в формировании представлений о собственном интеллекте. Результаты подчеркивают комплексное влияние мотивационных и личностных факторов на самооценку интеллекта, что

* Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы по государственному заданию РАНХиГС.

может иметь значение для понимания академических достижений.

Ключевые слова: самооценка интеллекта, черты личности, академическая мотивация.

Самооценка интеллекта является феноменом, который характеризует уверенность человека в собственных когнитивных способностях и их непосредственную оценку, однако в большей степени связан с личностными чертами (например, открытостью опыту и сознательностью), чем непосредственно с объективно измеренным интеллектом (Howard, Cogswell, 2018). В предыдущих исследованиях было показано, что наряду с чертами личности мотивационные характеристики могут оказываться значимыми для формирования представлений о собственном интеллекте, что в конечном счете может приводить к более высоким достижениям, например в академической сфере (Kornilova et al., 2009). В данном исследовании предпринята попытка выявить, насколько черты «Большой пятерки» совместно с академической мотивацией вносят вклад в самооценку интеллекта.

Выборку исследования составляли 343 человека, студенты бакалавры и магистры в возрасте от 18 до 27 лет ($M = 22,26$; $SD = 1,98$), 49 % мужчины. В исследовании использовались: Шкала самооценки интеллекта, включающая утверждения, характеризующие различные стороны когнитивных процессов; Шкала академической мотивации, из которой использовались показатели внешней и внутренней мотивации; Краткий пятифакторный опросник личности TIPI-RU.

На основании корреляционного анализа была обнаружена положительная взаимосвязь самооценки интеллекта с интернальной мотивацией ($r = 0,298$; $p < 0,01$) и отрицательная связь с экстернальной мотивацией ($r = -0,198$; $p < 0,01$). Все пять личностных черт обнаруживают отрицательные взаимосвязи с самооценкой интеллекта ($r = -0,325$; $-0,174$; $p < 0,05$). Регрессионный анализ позволил уточнить вклад интернальной и экстернальной академической мотивации и личностных черт в самооценку интеллекта. Были пошагово построены модели регрессии,

в которые последовательно были включены экстерналистическая и интерналистическая мотивация (шаг 1) и черты личности (шаг 2) при контроле возраста и пола. В результате на первом шаге модель предикторов для самооценки интеллекта ($R^2 = 0,194$; $F(4, 285) = 17,2$; $p < 0,001$) включает интерналистическую и экстерналистическую мотивацию как значимые предикторы. Однако добавление черт личности на втором шаге снижает значимость экстерналистической мотивации. Итоговая модель ($R^2 = 0,268$; $F(9, 280) = 11,4$; $p < 0,001$) для самооценки интеллекта содержит интерналистическую мотивацию ($b = 0,163$; $t = 4,07$; $p < 0,001$) как значимый положительный предиктор и нейротизм ($b = -0,118$; $t = -3,84$; $p < 0,001$) как отрицательный предиктор. Пол (мужской) является значимым предиктором ($b = -0,266$; $t = -2,488$; $p < 0,01$).

Полученный результат позволяет утверждать, что высокая внутренняя мотивация в сочетании с низкой эмоциональностью и мужским полом будут предрасполагать к более высокой оценке собственного интеллекта. Более высокие оценки собственного интеллекта у мужчин воспроизводят результаты предыдущих исследований (Howard, Cogswell, 2018). Наличие связей с мотивацией может объясняться именно ориентацией на внутренние факторы важности обучения, и это согласуется с фактами экспериментального исследования (Yan et al., 2020). Вклад эмоциональной стабильности, несмотря на значимость и подтверждение в других исследованиях (Chamorro-Premuzic et al., 2010), остается дискуссионным, так как более обоснованной является связь с экстраверсией, открытостью опыту и сознательностью (Howard, Cogswell, 2018). В целом сочетание ориентации на внутренние цели при эмоциональной стабильности может способствовать формированию представлений о собственном интеллекте как о достаточно высоком и, вероятно, приводить к более высоким достижениям.

Литература

Chamorro-Premuzic T., Harlaar N., Grewen C., Plomin R. More than just IQ: A longitudinal examination of self-perceived abilities as predictors of academic performance in a large sample of UK twins // *Intelligence*. 2010. V. 38. No. 4. P. 385–392.

- Howard M. C., Cogswell J. E.* The “other” relationships of self-assessed intelligence: A meta-analysis // *Journal of Research in Personality*. 2018. V. 77. P. 31–46.
- Kornilova T. V., Kornilov S. A., Chumakova M. A.* Subjective evaluations of intelligence and academic self-concept predict academic achievement: Evidence from a selective student population // *Learning and Individual Differences*. 2009. V. 19. No. 4. P. 596–608.
- Yan Z., Chiu M. M., Ko P. Y.* Effects of self-assessment diaries on academic achievement, self-regulation, and motivation // *Assessment in Education: Principles, Policy & Practice*. 2020. V. 27. No. 5. P. 562–583.

Антисоциальная креативность: вклад черт темной тетрады и светлой триады*

Д. С. Корниенко

Федеральный научный центр психологических
и междисциплинарных исследований
(Психологический институт), Москва
corney@yandex.ru

Н. А. Руднова

Федеральный научный центр психологических
и междисциплинарных исследований
(Психологический институт), Москва
rudnova.na@yandex.ru

Исследование посвящено изучению вкладов личностных черт, темной тетрады и светлой триады, в антисоциальную креативность как способности генерировать вредоносные решения в социальных взаимодействиях. В исследовании приняли участие люди в возрасте от 18 до 26 лет. Результаты показали, что антисоциальная креативность положительно связана с чертами темной тетрады, особенно с психопатией и садизмом, и отрицательно — с чертами светлой триады. Психопатия и садизм являются значимыми предикторами антисоциальной креативности, тогда как кантианизм (компонент светлой триады) снижает ее проявления. Полученные данные расширяют понимание антисоциальной креативности, подчеркивая доминирующую роль «темных» черт в ее формировании и ограниченную способность светлых черт противодействовать этому эффекту.

Ключевые слова: антисоциальная креативность, темная триада, темная тетрада, светлая триада.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, проект FNRE-2024-0016.

Антисоциальная креативность основана на дивергентном мышлении, однако проявляется для решения проблем в ситуациях социального взаимодействия как нанесение вреда другим людям (Мешкова и др., 2018). В основе антисоциальной креативности могут лежать личностные черты, описывающие антагонистическое отношение к другим и относящиеся к темной триаде или тетраде (Кароор, Kaufman, 2021). Наряду с «темными» чертами можно говорить о наличии черт светлой триады, которые вносят вклад в просоциальное поведение и снижение антисоциального поведения (March, Marrington, 2021). Учитывая то, что черты светлой и темной триады могут рассматриваться как оппозиционные (Kaufman et al., 2019), перспективным является установление их совместного вклада в антисоциальную креативность.

Исследование выполнено на выборке 451 человека в возрасте от 18 до 26 лет ($M=20$; $SD = 2.00$), 84 % женщины. Использовались методики: опросник Поведенческие особенности антисоциальной креативности, Короткий опросник темной тетрады, опросник светлой триады.

Корреляционный анализ позволил обнаружить взаимосвязи между исследуемыми параметрами. Все характеристики антисоциальной креативности обнаруживают положительные взаимосвязи с чертами темной тетрады ($r = 0,236; 0,571$; $p < 0,01$) и отрицательные с чертами светлой триады ($r = -0,351; -0,312$; $p < 0,01$). При этом наиболее тесные взаимосвязи обнаружены для показателей нанесение вреда и злые шутки с психопатией ($гнв = 0,492$; $гзш = 0,552$; $p < 0,01$) и садизмом ($гнв = 0,472$; $гзш = 0,515$; $p < 0,01$). Макиавеллизм и нарциссизм демонстрируют низкие коэффициенты корреляций. Ложь как показатель антисоциальной креативности слабо связана как с чертами темной тетрады ($r = 0,140; 0,296$; $p < 0,01$), так и светлой триады ($r = -0,219; -0,125$; $p < 0,01$). Далее был проведен пошаговый регрессионный анализ, в который в качестве зависимой переменной был включен общий показатель антисоциальной креативности на основании сходных паттернов корреляций как для отдельных шкал, так и для общего показателя. На первом шаге в анализ включались черты темной тетрады, на втором черты светлой триады при

контроле возраста и пола. В результате итоговая модель для антисоциальной креативности объясняет 44 % дисперсии ($R^2 = 0,407$; $F(6, 444) = 50,8$; $p < 0,001$), при этом 40 % было получено на первом шаге и оставшиеся проценты были получены при включении черт светлой триады ($\Delta R^2 = 0,032$; $F(3, 441) = 8,23$; $p < 0,001$). В целом значимыми положительными предикторами являются психопатия ($b = 0,236$; $t = 5,67$; $p < 0,01$) и садизм ($b = 0,255$; $t = 6,51$; $p < 0,01$), а отрицательным — кантианизм ($b = -0,104$; $t = -3,03$; $p < 0,01$). Значимость психопатии и садизма как предикторов примерно одинакова. Таким образом, более высокая импульсивность, готовность нарушать нормы, жестокость и пренебрежение к чувствам других совместно со склонностью относиться к другим людям как средствам достижения собственных целей и допущение манипуляций в отношении других предрасполагают к проявлению антисоциальной креативности. Отрицательный вклад кантианизма в негативные характеристики согласуется, например, с исследованием неверности в романтических отношениях, в котором также было показано, что отсутствие стремления использовать партнера в своих целях предсказывается кантианизмом (Sevi et al., 2020). Вклад черт темной тетрады, в частности психопатии и садизма, аналогичен результатам исследования самооценки антисоциальной креативности (Кароог, Kaufman, 2021). Полученные результаты имеют значение: во-первых, для понимания антисоциальной креативности как характеристики обусловленной преимущественно «темными» чертами личности; во-вторых, для уточнения роли отдельных черт темной тетрады в структуре симптомокомплекса; в-третьих, для понимания содержания черт светлой триады, в частности, данное исследование показывает, что светлые черты только в незначительной степени могут противостоять выраженности психопатии и садизма.

Литература

Мешкова Н. В., Ениколопов С. Н., Митина О. В., Мешков И. А. Адаптация опросника «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 6. С. 25–40.

- Kapoor H., Kaufman J. C.* Unbound: The relationship among creativity, moral foundations, and dark personality // *The Journal of Creative Behavior*. 2022. V. 56. No. 2. P. 182–193.
- Kaufman S. B., Yaden D. B., Hyde E., Tsukayama E.* The light vs. dark triad of personality: Contrasting two very different profiles of human nature // *Frontiers in psychology*. 2019. V. 10. Art. 467.
- March E., Marrington J. Z.* Antisocial and prosocial online behaviour: Exploring the roles of the dark and light triads // *Current Psychology*. 2023. V. 42. № 2. P. 1390–1393.
- Sevi B., Urganci B., Sakman E.* Who cheats? An examination of light and dark personality traits as predictors of infidelity // *Personality and Individual Differences*. 2020. V. 164. Art. 110126.

Злонамеренная креативность: роль интеллекта, стилей принятия решений и черт темной триады

Л. Б. Максарова

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва
maksarovalydia@gmail.com

Т. В. Корнилова

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва
tvkornilova@mail.ru

В исследовании изучаются связи злонамеренной креативности с интеллектом, стилями принятия решений и чертами Темной триады. Установлено, что макиавеллизм является значимым предиктором злонамеренной креативности, его влияние опосредовано склонностью к нанесению вреда.

Вербальная и злонамеренная креативность не были связаны с интеллектом. Вербальная креативность связана с интуитивным стилем принятия решений, но для злонамеренной креативности этой связи не установлено. Множественная регуляция злонамеренной креативности имеет особенности, отличающие ее от описанных в исследованиях общей креативности. Это указывает на специфическую структуру личностных предикторов и поведенческие компоненты, уникальные для асоциального творчества.

Ключевые слова: злонамеренная креативность, креативность, интеллект, стили принятия решений, черты темной триады, malevolent creativity.

В исследованиях злонамеренной креативности внимание направлено на роль личностных и когнитивных факторов, направляющих креативный потенциал человека в асоциальное русло. Несмотря на растущее количество работ по выявлению предикторов и медиаторов ЗК (агрессивность, моральные установки, черты Темной триады и др.), до сих пор не изучена ее связь с интеллектом и стилями принятия решений — факторами, ранее обнаруженными в исследованиях креативности, но, возможно, проявляющими себя иначе в контексте «темного» творчества.

Целью исследования стало выявление связей между злонамеренной креативностью и личностными характеристиками: чертами Темной триады (макиавеллизм, нарциссизм, психопатия), когнитивными стилями (интуитивный и рациональный), интеллектом (вербальным и флюидным), а также определение их предикторной возможности.

Методика. В исследовании приняли участие 73 студента факультета психологии МГУ (58 девушек, 15 юношей, $M = 22,9$; $SD = 6,4$). Использовались следующие методики: опросник «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» (Мешкова и др., 2018); шкала «Темная дюжина» (Корнилова и др., 2015); тест отдаленных ассоциаций С. Медника (Ушаков, 2011); опросник стилей мышления (Корнилова, Разваляева, 2017), ICAR-батарея на оценку вербального и флюидного

интеллекта. Участие было добровольным. Тест Медника и ICAR проводились в аудиториях, часть опросников — с использованием онлайн-форм.

Данные анализировали с помощью корреляции Спирмена в SPSS 22 и медиационного анализа в Mplus 8 (MLE, стандартизированные данные).

Результаты. Общий показатель ЗК и его поведенческий компонент «Нанесение вреда» положительно связаны с макиавеллизмом и нарциссизмом. Вербальная креативность, напротив, отрицательно связана с макиавеллизмом, указывая на возможную связь между вербальной креативностью и моральными аспектами личности, регулирующими направление творческого потенциала человека.

Не обнаружено связи между видами креативности, а также их связи с интеллектом. Оригинальность — показатель креативности по тесту Медника — положительно связана с интуитивным стилем мышления; повышенному макиавеллизму сопутствует снижение рационального стиля. Прямые связи между ЗК и интеллектом не выявлены. Вербальный интеллект оказался положительно связан с психопатией.

Модель взаимодействия видов креативности характеристики пригодности $\chi^2(2) = 1,515$; $p = 0,469$; CFI = 1; TLI = 1; SRMR = 0,038; RMSEA = 0(0–0,214).

Макиавеллизм выступил значимым предиктором злонамеренной креативности, влияние которого полностью опосредовано поведенческим компонентом ЗК — «Нанесением вреда» ($B = 0,803$; $p < 0,001$). Хотя обнаружена положительная связь между нарциссизмом и ЗК, нарциссизм не является предиктором ЗК и может играть более конструктивную роль в творчестве в сравнении с макиавеллизмом, выступая «светлым» свойством Темной триады.

Вербальная креативность оказывается отрицательным предиктором макиавеллизма ($B = -0,247$; $p = 0,025$), а ее влияние на ЗК через макиавеллизм оказалось слабым, отрицательным и незначимым, на уровне тенденции ($B = -0,082$; $p = 0,071$).

Хотя модель эффективно объясняет вариативность ЗК ($R^2 = 0,621$; $p < 0,001$), механизм ее формирования через макиавеллизм

и вредоносные поведенческие проявления требует дальнейшего уточнения.

Выводы. Злонамеренная креативность опирается на особую личностную структуру с выраженными чертами Темной триады. Впервые сопоставлена самоотчетная ЗК с интеллектом и стилями принятия решений. В отличие от «общей» креативности, ЗК демонстрирует иной характер связей с интеллектуально-личностными факторами, подчеркивая роль личности в направлении творчества в асоциальное русло. Отрицательная связь вербальной креативности и макиавеллизма, а также слабое отрицательное влияние на ЗК могут отражать особенности методики и разные когнитивные процессы. Помимо изучения связей ЗК с другими характеристиками, требуется уточнение соотношения со «светлой» креативностью. Вопрос о существовании «темного» творчества или лишь использовании общего потенциала во вред остается открытым.

Литература

- Мешкова Н. В., Ениколопов С. Н., Митина О. В., Мешков И. А. Адаптация опросника «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 6. С. 25–40.
- Корнилова Т. В., Корнилов С. А., Чумакова М. А., Талмач М. С. Методика диагностики личностных черт Темной триады: апробация опросника «Темная дюжина» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 2. 99–112.
- Корнилова Т. В., Разваляева А. Ю. Апробация русскоязычного варианта полного опросника С. Эпстайна «Рациональный-Опытный» (Rational-Experiential Inventory) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 92–107.
- Корнилова Т. В., Корнилов С. А., Зиренко М. С., Чумакова М. А. Психометрические свойства модифицированной батареи Интернационального Ресурса Когнитивных Способностей (ICAR) // Национальный психологический журнал. 2019. № 3(35). С. 32–45.
- Ушаков Д. В. Психология интеллекта и одаренности. М.: ИП РАН, 2011.

Личностные характеристики и успешность разрешения жизненных проблем

А. А. Матюшкина

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва
aam_msu@mail.ru

М. А. Зубарева

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва
zubareva.mariia@gmail.com

Исследование посвящено изучению личностных характеристик субъекта, связанных с успешным разрешением им жизненных проблем — особых проблемных ситуаций мышления. Выявлены статистически значимые положительные связи успешности разрешения жизненных проблем с доброжелательностью и сочувствием как личностными характеристиками; субъективными оценками участников исследования собственной самостоятельности и ответственности.

Ключевые слова: проблемная ситуация мышления, жизненные проблемы, доброжелательность, сочувствие, самостоятельность, ответственность, воля.

Проблема связи личностных характеристик субъекта с успешностью разрешения им мыслительных проблем является классической и актуальной для психологии мышления. Особое значение она приобретает в контексте изучения такого объекта мышления, как жизненные проблемы — особый вид проблемных ситуаций, основу которых составляет понимание и разрешение жизненных противоречий. Проблемы жизни как объект мышления анализируются К. А. Абульхановой-Славской в контексте идей С. Л. Рубинштейна о субъекте

жизни, жизненном пути личности, связывая мышление субъекта с его личностными характеристиками, такими как самостоятельность, воля, ответственность за собственные решения, включающая понимание последствий собственных решений по отношению к другим людям. Самостоятельность в постановке и решении проблем как значимая личностная характеристика, связанная с успешностью решения, отмечается исследователями творческого мышления — Я. А. Пономарёвым (Пономарёв, 1960), А. М. Матюшкиным (Матюшкин, 2017), О. К. Тихомировым (Васильев, Поплужный, Тихомиров, 1980). Опираясь на представления о мышлении как процессе разрешения проблемных ситуаций субъектом, нами выполнено исследование, цель которого — выявление связей личностных характеристик с успешностью разрешения жизненных проблем.

Объект исследования — процесс разрешения субъектом жизненных проблем. *Предмет* исследования — связь личностных характеристик субъекта с успешностью разрешения жизненных проблем. *Гипотезы* исследования: личностные характеристики, связанные с взаимодействием с другими людьми (доброжелательность, сочувствие), а также волевые качества (настойчивость), самостоятельность и ответственность — положительно связаны с успешностью разрешения жизненных проблем. Объем выборки эмпирического исследования составил 75 человек: 29 мужчин, 46 женщин. Возраст участников исследования — 18–57 лет. *Процедура* исследования включала: 1) самостоятельное заполнение методик «Big Five Inventory — 2» (Калугин, Щебетенко, Мишкевич, Сото, Джон, 2021); 2) самостоятельное или в процессе беседы с экспериментатором заполнение разработанной для данного исследования методики, направленной на изучение особенностей успешного разрешения субъектом жизненных проблем, включающей субъективные шкалы оценки степени самостоятельности и ответственности (Матюшкина, Зубарева, 2024).

Проведенный корреляционный анализ данных (коэффициент Спирмена) обнаружил статистически значимые положительные связи успешности разрешения жизненных проблем

с Доброжелательностью ($r = 0,25$; $p = 0,033$) и ее аспектом — Сочувствием ($r = 0,30$; $p = 0,009$) — чертами «Большой пятерки». Анализ различий (критерий Манна-Уитни) для групп с наиболее и менее успешными решениями ($U = 0$; $p < 0,001$) выявил, что участникам из первой группы в большей степени свойственно Сочувствие ($U = 484$; $p = 0,011$). В отношении данной группы наблюдаются тенденции большей выраженности Доброжелательности ($U = 526,50$; $p = 0,07$) и аспекта Экстраверсии — Настойчивости ($U = 548$; $p = 0,056$). С успешностью разрешения жизненных проблем коррелируют (коэффициент Спирмена) субъективные оценки участников собственной самостоятельности ($r = 0,31$; $p = 0,003$), ответственности ($r = 0,42$; $p < 0,001$). Группы с наиболее и менее успешными решениями ($U = 0$; $p < 0,001$) имеют статистически значимые различия (критерий Манна-Уитни): участники из первой группы выше оценивают степень собственной самостоятельности ($U = 526,5$; $p = 0,032$), ответственности ($U = 416$; $p < 0,001$). Нами также были проанализированы ответы участников исследования на вопрос о том, что, по их мнению, способствовало успешному разрешению жизненных проблем. Большинство в качестве наиболее значимых условий выделили собственную волю (76 %); самостоятельность в поиске способов решения (75 %); выраженное желание решить проблему (75 %). Реже всего участники отмечали, что успешному результату способствовало найденное «готовое» решение (17 %). Таким образом, полученные результаты позволяют принять заявленные гипотезы.

Литература

- Васильев И. А., Поплужный В. Л., Тихомиров О. К. Эмоции и мышление. М.: МГУ, 1980.
- Калугин А. Ю., Щебетенко С. А., Мишкевич А. М., Сото К. Дж., Джон О. П. Психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory-2 // Психология. Журнал ВШЭ. 2021. № 1. С. 7–32.
- Матюшкин А. М. Психология мышления. Мышление как разрешение проблемных ситуаций. М.: ИД «Международные отношения», 2017.
- Матюшкина А. А., Зубарева М. А. Динамика интеллектуальных

эмоций в разрешении трудных лично значимых проблемных ситуаций // Психология когнитивных процессов: сборник научных статей. Смоленск: СмолГУ, 2024. С. 172–183.
Пономарёв Я. А. Психология творческого мышления. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960.

Визуальные практики как ресурс креативности

Т. Ю. Мельник
Московское академическое
художественное училище, Москва
tmelnik05@mail.ru

На материале тематических выставок художников русского авангарда делается попытка рассмотреть и зафиксировать новаторский опыт визуальных практик как специфический интертекстуальный формат ризоматического характера. Особое внимание обращается на так называемую мотивационную интерпретацию. Исследуемое культурное пространство способно менять формат реального объекта, и, придавая ему новые черты, пролонгировать его в зону современных смыслов, учитывая психологические особенности своей референтной, преимущественно молодежной, аудитории.

Ключевые слова: «амазонки русского авангарда», рецепция, ризома, креативность.

Сегодня выставочное пространство, представляющее русский авангард, дает широкие возможности для рецепции как со стороны реципиента, так и со стороны кураторов проекта. Личности «амазонок русского авангарда», удаленные от нас

на столетие и фактически отчужденные от своего исторического момента, оставаясь на долгие годы фигурами умолчания, в настоящий момент активно включаются в массовую, по сути, чужую культуру. Идентифицировать подлинное своеобразие их художественного стиля могли бы только современники в контексте общей эпохи, поэтому так важны документальные свидетельства и их комментарии, которые вводятся в визуальное пространство экспозиции.

В современных условиях суждения о данном явлении и его представителях приближаются по вероятности к практике реконструкций, на уровне понимания которых рецепция вынуждена вступить в преимущественно герменевтическое поле, учитывая антропологические, мировоззренческие и другие аспекты. Каждая выставка стилистически организована как сложная ризоматическая конструкция, составленная из множества элементов: документов, фотографий, вещей, предметов и объектов творчества, аудиоматериалов. Собранные вместе, артефакты имеют возможность идентифицироваться как особая «мнемоническая» форма творческого мышления, функционирующая практически на всем культурологическом поле. В этом случае формат исторических ассоциаций и современных интерпретаций может весьма широко использоваться в зависимости от рецептивной установки. Обращает на себя внимание семантика названий, что позволяет в символической форме обозначить проблематику и заложить рецептивный ресурс выставки. Если название такую функцию выполняет, то мы вправе говорить о его содержательном механизме. Именно с момента идентификации смысла заглавия происходит понимание того, что за этим стоит, например: «Кубок созвучий. По направлению к Розановой» о творчестве Ольги Розановой (ГЭС-2, 2023), «Подруги. К юбилею Варвары Степановой» (ГМИИ имени А. С. Пушкина, 2024), «Люба, Любочка. Любовь Сергеевна Попова. 1889–1924» (Еврейский музей, 2024–2025), «Русское невероятное» о конструктивистах (Зотов-Центр, 2024–2025), «Любовь в авангарде» о Елене Гуро и Михаиле Матюшине (Зотов-Центр, 2025). Пространство выстраивается по принципу диалога.

Важнейшим организующим компонентом сюжетной канвы часто выступает не только свободная форма хроники жизни художника, но также система мотивов, в том числе интертекстуального характера. На первый план, как правило, выходит сфера чувств, мотивируя рецепцию событий и судеб. Мотивы дружбы, надежды, страха, любви становятся главным компонентом собирательного портрета эпохи, отражающего поляризацию идей и поиск новых путей развития искусства. Формат своеобразного байопика позволяет совместить интертекстуальность с рецептивностью и поэтикой отношений. Так, любовная линия Розанова — Хлебников, Степанова — Родченко, Гуро — Матюшин продуктивно вписывается в ряд мотиваций креативного порядка.

Таким образом, личность и созданные ею объекты предстают перед массовым зрителем как смесь рефлексий в разные этапы жизни в сопоставлении с реальной эпохой. Рецепиенту создаются необходимые условия, чтобы при желании определить в этой совокупности основную линию развития духовного или морального облика каждой личности, приблизиться к пониманию ее замыслов и позиции по отношению к своему творчеству, где даже семантическая наполненность названия работ сама по себе выступает многозначным символом среди бесконечного числа рецептивных решений. Следует отметить, что исследуемое культурное пространство способно менять формат реального объекта и, придавая ему новые черты, пролонгировать его в зону современных смыслов, учитывая психологические особенности своей референтной, преимущественно молодежной, аудитории. Выставки доказывают, что за подлинным новаторством может стоять и креативность рецепции как смыслообразующий ресурс.

Литература

- Власов В. Г. Реминисценция как мнемоника архитектуры // Архитектон: известия вузов. 2017. № 3(59). С. 1.
- Червинская О. В. Акмеизм в контексте Серебряного века и традиции. Черновцы: Alexandru cei Bun, Рута, 1997.

Методика «Линия жизни» в творческом развитии автобиографического нарратива младших школьников*

Т. И. Мирзамедова
Институт психологии РАН, Москва
mirzamedovati@ipran.ru

В работе рисование рассмотрено как инструмент творческого развития автобиографической памяти у детей в контексте перехода от фрагментарных воспоминаний к жизненной истории. На основании тезиса Л. С. Выготского о детском рисунке как «графической речи» предполагается, что графическая методика «Линия жизни» служит адекватным инструментом активизации развития нарративной формы автобиографической памяти. На выборке младших школьников (1–4-й классы, N = 198) получены результаты в поддержку гипотез о возрастной динамике формирования истории жизни, замещении изобразительных средств вербальными в ходе освоения нарративного формата, смены структурирующего принципа эмоционально-аффективной привлекательности принципом сценарности, нарастании эффектов позитивной конструктивности автобиографической памяти.

Ключевые слова: детское рисование, автобиографическая память, культурно-исторический подход, развитие нарратива, зона ближайшего развития.

Рисование является одним из наиболее распространенных видов детского творчества. Развитие сигнификативной функции детского рисунка Л. С. Выготский описывает как переход от рисунка как аналога указательного жеста к рисунку как

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (тема № 0138–2025–0015).

к «графической речи» (Выготский, 1983). Ранее было показано, что включение рисования как вспомогательного средства в конструирование рассказа об уникальном единичном эпизоде личного прошлого существенно повышало детальность воспоминания сразу и через месяц после него у детей 5–6 лет, что свидетельствует в пользу рисования как творческого инструмента развития автобиографического нарратива (Нуркова, Мирзамедова, 2022). Кажется обоснованным утверждать, что рисование, будучи адекватной возрасту творческой практикой, создает благоприятные условия для прогресса способности к нарративизации своего опыта (Nelson, Fivush, 2004). Детский рисунок в своей нарративной функции потенциально может воплощать не только содержание окружающей ситуации, но и намечать временную перспективу, т.е. воплощать в себе ретроспективный и проспективный компоненты автобиографической памяти. Можно ожидать, что с опорой на рисунок дети смогут продуцировать более сложные формы автобиографической продукции, чем при решении задачи исключительно вербальными средствами. Возникает вопрос, каковы должны быть оптимальные характеристики запроса к изобразительной деятельности ребенка, для того чтобы задействовать свойственную определенному возрасту зону ближайшего развития автобиографической памяти?

В проведенном эмпирическом исследовании младшим школьникам, учащимся 1–4-го классов (1й класс — 25 человек; 2-й класс — 85 человек; 3-й класс — 29 человек; 4-й класс — 59 человек), предлагался модифицированный в соответствии с возрастом вариант графической методики «Линия жизни», зарекомендовавший себя эффективным диагностическим и развивающим инструментом в работе со взрослыми (Нуркова, 2009).

Целью исследования стало выявление возрастной динамики развития автобиографической памяти в аспекте ее перехода от существования в форме несогласованных единичных воспоминаний об эмоционально насыщенных эпизодах прошлого к тематической и хронологически согласованной истории жизни.

Результаты. Тенденция дополнять вербальные подписи событий рисунком постепенно снижается у детей при переходе из класса в класс (1-й класс — 56 %, 2-й класс — 31 %, 3-й класс — 28 %, 4-й класс — 0 %). При переходе из класса в класс увеличиваются событийный объем автобиографического прошлого ($F = 7,182$; $p = 0,000$), его тематический репертуар ($F = 8,141$; $p = 0,001$), количество сценарных ($F = 7,126$; $p = 0,000$) и автономных ($F = 6,181$; $p = 0,001$) воспоминаний. Характерным для младшего школьного возраста оказался эффект позитивного сдвига (преобладание позитивных воспоминаний над негативными в соотношении 80 % к 20 %) в общем количестве воспоминаний ($F = 8,870$; $p = 0,000$). Возраст первого воспоминания детей был устойчив по всей выборке, варьируя от 3,5 до 4,5 лет. С возрастом возрастала частота включения событий «Мое рождение» ($F = 4,450$; $p = 0,005$) и «Поступление в школу» ($F = 4,735$; $p = 0,003$) в корпус значимых автобиографических воспоминаний, что свидетельствует об освоении детьми культурного жизненного сценария.

Выводы:

1. Обнаружен переход форм автобиографической памяти от отдельных несогласованных между собой эпизодов к хронологически упорядоченной, событийно-насыщенной истории в младшем школьном возрасте.
2. Установлена возрастная динамика в освоении культурных средств актуализации автобиографического опыта, проявляющаяся в постепенном замещении изобразительной деятельности (рисунка) вербальными средствами (письменной речью).
3. Обнаружен факт реорганизации макроструктуры автобиографической памяти от принципа эмоционально-аффективной привлекательности к принципу сценарности.
4. Зафиксировано развитие эффекта позитивной конструктивности автобиографической памяти, заключающийся в планомерном росте абсолютного и относительного количества позитивных воспоминаний.

Литература

- Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики / Под ред. А. М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. С. 273–291.
- Нуркова В. В. Культурно-исторический подход к автобиографической памяти: дис. ... д-ра психол. наук. МГУ им. М. В. Ломоносова. 2009.
- Нуркова В. В., Мирзамедова Т. И. Рисунок и фотография в опосредствовании генеза автобиографической памяти у старших дошкольников // Л. С. Выготский и А. Р. Лурия: культурно-историческая психология и вопросы цифровизации в социальных практиках. 2022. С. 220–230.
- Nelson K., Fivush R. The emergence of autobiographical memory: a social cultural developmental theory // Psychological review. 2004. V. 111. No. 2. P. 486–511.

Креативность как фактор, способствующий преодолению стресса в пожилом возрасте*

Е. А. Никитина

Институт психологии РАН, Москва

NikitinaEA@ipran.ru

Результаты эмпирического исследования показывают, что творческая деятельность, понимаемая в широком смысле слова, позволяет респондентам поздних возрастов чувствовать свою ценность и поддержку со стороны окружающих и, тем самым, помогает преодолевать трудные жизненные

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 25–18–00366, <https://rscf.ru/project/25-18-00-366/>

ситуации, снижает воспринимаемый стресс. В то же время можно предположить, что при высоком уровне стресса ресурсов пожилого человека может быть недостаточно для включения в разнообразные активности.

Ключевые слова: пожилой возраст, стресс, креативность, творческая активность, удовлетворенность жизнью.

До недавнего времени изучение творческих способностей обычно приводилось на детях, подростках, а также респондентах периода юности и ранней и средней зрелости за редкими исключениями, когда исследовались характеристики выдающихся людей — признанных талантов. Говорить о креативности людей пожилого и старшего возраста казалось как минимум странным, исходя из результатов многочисленных работ, подтверждающих снижение интеллекта, особенно флюидного (McArdle et al., 2001), открытости к новому (Donnellan, Lucas, 2008) и т. д. с возрастом. Однако увеличение доли активных людей старшего возраста в структуре населения развитых стран ставит вопрос и об их способности к творчеству. Таким образом, как и в середине XX века (Пономарёв, 1976), так и в настоящий момент исследования психологии творчества вызываются не только внутренним ходом развития науки, но и социальным заказом.

С одной стороны, многочисленные исследования подтверждают значимый вклад творческой активности, в том числе занятий искусством, в увеличение психологического благополучия старшего поколения через повышение самооценности, компетентности и снижение одиночества (см. обзор в статье Wood, Jepson, Stadler, 2023). В то же время творческие возможности людей поздних возрастов остаются недооцененным ресурсом в разных сферах общественной жизни.

К. Тромп и В. Главеню отмечают, что пожилой возраст, несмотря на некоторое снижение и замедление функционирования, дает и важные преимущества для креативности — увеличение знаний и наличие времени. Авторы отмечают, что, несмотря на стереотип о важности свободы для творчества, показано, что и ограничения, часто свойственные людям

поздних возрастов, также играют положительную роль (Gromp, Glaveanu, 2025).

Таким образом, переходя к пониманию креативности не только как дивергентной продуктивности, но и как способности к созданию нового в широком смысле (Богоявленская Д. Б., Холодная М. А. и др.), было бы важно исследовать взаимосвязи этой характеристики с индивидуально-личностными особенностями и показателями психологического благополучия респондентов пожилого и старческого возраста.

Гипотеза: у пожилых респондентов склонность к творчеству сопряжена с меньшей выраженностью стресса и с большей удовлетворенностью жизнью и оценкой социальной поддержки.

Выборка: 38 респондентов пожилого и старческого возраста (26 женщин, 12 мужчин, средний возраст — 69,6 года).

Методики: Шкала воспринимаемого стресса ШВС-10 (в адаптации В. А. Абабкова, 2016), Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера (в адаптации Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева, 2020), Опросник социальной поддержки SOZU-22 (в адаптации А. Б. Холмогоровой, 2006), методика Дембо-Рубинштейн для определения самооценки, свободные описания по 4 фотографиям незнакомых людей, анкета (вопрос о свободном времени и увлечениях).

Результаты: на основании экспертной оценки творческой активности (указание в качестве хобби творческих увлечений и занятий, а также подробность и оригинальность описаний по лицам) респонденты были разделены на 2 группы: с большей (1-я группа, N=22) или меньшей (2-я группа, N=16) выраженностью креативности. При сравнении с помощью критерия Манна-Уитни результатов данных групп были подтверждены значимые различия в пользу «творческой группы» по шкалам Удовлетворенность жизнью ($p < 0,05$), Самооценка ($p < 0,01$) и Эмоциональная поддержка ($p < 0,05$). Воспринимаемый стресс, оцениваемый шкалой «Перенапряжение» методики ШВС, в этой группе оказался ниже, чем у респондентов группы 2 (тех, кто указал на предпочтение пассивного проведения

времени, а при описаниях лиц давал краткие поверхностные ответы).

Выводы: на основании полученных данных можно предположить, что вовлеченность в разнообразные творческие активности позволяет респондентам поздних возрастов чувствовать свою ценность и поддержку со стороны окружающих и, тем самым, помогает преодолевать трудные жизненные ситуации, снижает воспринимаемый стресс.

Литература

- Пономарёв Я. А. Психология творчества и педагогика. М.: Педагогика, 1976.
- Donnellan M. B., Lucas R. E. Age differences in the big five across the life span: Evidence from two national samples // *Psychology and Aging*. 2008. V. 23. No. 3. P. 558–566
- McArdle J. J., Ferrer-Caja E., Hamagami F., Woodcock R. W. Comparative longitudinal structural analyses of the growth and decline of multiple intellectual abilities over the life span // *Developmental Psychology*. 2002. V. 38. No. 1. P. 115–142.
- Tromp C., Glaveanu V. P. A model of creative aging (MOCA): Unlocking the potential of constraints for creativity in older adults // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. 2025. V. 19. No. 2. P. 247–256.
- Wood E. H., Jepson A., Stadler R. Doing and feeling together in older age: self-worth and belonging through social creative activities // *Ageing and Society*. 2023. V. 43. No. 9. P. 2190–2210.

Автобиографическая память в системе взаимодействий творческой генерации нарративной идентичности*

В. В. Нуркова

Институт психологии РАН, Москва
nourkovavv@ipran.ru

Работа посвящена применению положения Я. А. Пономарёва о творчестве как «развивающем взаимодействии» к анализу автобиографической памяти (АП). В предложенной модели развивающее взаимодействие реализуется между четырьмя инстанциями: эмпирикой жизни, АП, Я-концепцией и актуальной задачей. Эти элементы системы связаны реципрокно, что создает потенциал для побочных творческих эффектов. Результирующим взаимодействием когнитивно-личностным новообразованием является нарративная идентичность — как динамическое самопонимание личности через отождествление с авторским рассказом о себе как протагонисте разворачивающегося во времени жизненного сюжета. Творческий потенциал АП раскрывается в трех планах: как источник, средство и прямой продукт творчества.

Ключевые слова: творчество, развивающее взаимодействие, автобиографическая память, нарративная идентичность, Я-концепция, самотворчество.

Целью работы является ассимиляция оптикой положения Я. А. Пономарёва о творчестве как «развивающем взаимодействии» (2006, С. 147) феномена автобиографической памяти (АП), лишь фрагментарно представленного в контексте психологии творчества. АП — это уникально человеческая

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (тема № 0138–2025–0015).

способность использовать в текущей деятельности объединенную индивидуальным смыслом жизни конфигурацию доступных осознанию репрезентаций событий («воспоминаний»), представляющую собой результат трансформации пережитого (или воображаемого) опыта в личную историю (Нуркова, 2022). Подчеркнем, что обращение к данной форме памяти не ограничивается ситуациями автобиографической рефлексии, но вплетено в ткань жизни как эксплицитно (когда человек отдает себе отчет в том, что действует с учетом «урока» прошлого), так и имплицитно (без понимания причин эмоциональной и поведенческой реакции на происходящее). Предпосылкой творческого модуса функционирования автобиографической памяти являются субъективная достоверность ее осознаваемых содержаний в сочетании со спонтанной сензитивностью к запросам актуального ценностно-мотивационного состояния личности, которая проявляется высокой пластичностью.

В предлагаемой концептуальной модели сторонами развивающего взаимодействия выступают четыре инстанции: эмпирика жизни, АП, система самооценочно значимых качеств личности (Я-концепция) и актуальная задача. Важно отметить, что данные инстанции взаимодействия находятся в реципрокных отношениях, каждое из которых обладает потенциалом генерации эффектов творческого. Я-концепция складывается в результате интерпретации конкретных жизненных обстоятельств в свете культурных ценностей и норм, в частности культурного жизненного сценария. Пополняющие АП смысловые единицы событий форматируются актуальными показателями Я-концепции. Адекватность Я-концепции верифицируется конструированием и актуализацией конгруэнтных воспоминаний. Принятие ситуации как условий задачи является следствием ее предварительной оценки на релевантность Я-концепции. Содержание АП служит селектором выбора стратегий и тактик решения задач.

Результирующим указанное комплексное взаимодействие когнитивно-личностным новообразованием становится нарративная идентичность (Нуркова, 2014). Следуя за мыслью П. Рикера о «герменевтике себя» (2008), то есть порождении

субъектности в постоянно обновляющемся процессе повествовательного исследования диалектической напряженности между диахронической самоотжественностью (*mêmeté*) и агентностью (самостью, *ipséité*), определим нарративную идентичность как динамическое самопонимание личности через отождествление с авторским рассказом о себе как протагонисте разворачивающегося во времени жизненного сюжета. В качестве индикаторов прогрессивного развития нарративной идентичности кажется разумным рассматривать согласованное нарастание ее сложности (мерности) и когерентности (в данном конструкте А. Антоновский объединяет параметры осмысленности, постижимости и управляемости).

АП может функционировать и как источник, и как средство, и как финальный продукт творчества. В первом случае речь идет о смыслообразующей роли кристаллизованного в жизненной истории опыта, определяющего параметры целеобразования в различных сферах предметной деятельности. Во втором случае автобиографический ресурс используется для самовыражения. Так, автобиографический жанр в литературе, музыке и пластических искусствах предполагает опредмечивание нарративной идентичности автора в вещных объектах. Иными словами, творец использует его для того, чтобы оставить отпечаток своего Я в мире. В третьем случае изменение АП выступает компонентом особой формы творчества — самотворчества (Горелов, 2018), где творческие эффекты обнаруживаются в когнитивной и мотивационной динамике личности, в частности в модификациях версий личной истории.

Таким образом, АП включена в функционирование личности как компонент системы взаимодействий, приводящих к творческой генерации нарративной идентичности.

Литература

- Горелов А. А. Творчество и самотворчество // Творчество, человек, наука / Под ред. А. А. Горелова, С. А. Филипенко, Е. И. Ярославцевой. М.: ИФ РАН, 2018. С. 9–45.
- Нуркова В. В. Автобиографическая память // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный

портал. URL: <https://bigenc.ru/c/avtobiograficheskaia-ramiat-41043a/?v=7906964>

Нуркова В. В. Самоопределяющие нарративы в развитии личности // Психологическая наука и образование. 2014. № 4. С. 22–30.

Пономарёв Я. А. Перспективы развития психологии творчества // Психология творчества: школа Я. А. Пономарёва /Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2006. С. 145–276.

Рикёр П. Я-сам как другой. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008.

Исследование взаимосвязи меры жизнестойкости и метакогнитивных свойств у подростков с творческой направленностью

О. Д. Одинцова

Детско-юношеский центр, Челябинск
oleksa34@mail.ru

Е. В. Забелина

Челябинский государственный университет, Челябинск
katya_k@mail.ru

Авторы статьи представляют результаты исследования взаимосвязи меры жизнестойкости и метакогнитивных свойств у подростков с творческой направленностью. По результатам корреляционного анализа выявлены сильные и умеренные разнонаправленные связи жизнестойкости с различными метакогнитивными свойствами личности, что характеризует устойчивость природы отношений

между этими феноменами. Описывается их характер и содержание.

Ключевые слова: жизнестойкость, метакогнитивные свойства, метакогнитивные знания, метакогнитивная регуляция, рефлексия деятельности, стресс, творческая направленность.

Актуальность исследования отражает ориентиры системы дополнительного образования на развитие у обучающихся способности адаптироваться и справляться со стрессом. Адаптация подразумевает осознание происходящих изменений, оценку последствий и совладание с реакцией на стресс, при этом не изменяя саму ситуацию. Развитая мера жизнестойкости позволяет человеку справляться и преодолевать саму ситуацию, воспринимать ее как вызов, требующий ответных мер, корректировать принятые решения, действовать в отсутствие гарантий на успех, находить в произошедшем новые возможности для развития своего потенциала (Леонтьев, 2011). Метакогнитивные свойства как способности активно контролировать, отслеживать и изменять когнитивные процессы (Brown, DeLoache, 2013) могут рассматриваться в качестве стратегий преодоления стресса, или как составляющие жизнестойкости. Несмотря на актуальность, проблема связи жизнестойкости и метакогниций не получила глубокого изучения в науке. В частности, недостаточно изучены особенности этой связи у личности с творческой направленностью.

Согласно выдвинутой гипотезе, уровень жизнестойкости у подростков с творческой направленностью связан с уровнем развития метакогнитивных свойств. Для проверки выдвинутой гипотезы проведен констатирующий эксперимент с применением психодиагностических методик: «Тест жизнестойкости» (С. Мадди, в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой); опросник «Метакогнитивная включенность в деятельность» (G. Shraw, R. Dennison, в адаптации Е. И. Периковой, В. М. Бызовой); тест «Рефлексии деятельности» (В. Д. Шадрикова, С. С. Кургиян); опросник «Контроля мыслей» (A. Wells, M. Davies); шкала метакогнитивной регуляции трудных жизненных ситуаций (И. А. Филенко, С. А. Богомаз).

База исследования: МБУДО «ДЮЦ» г. Челябинска, ЮУрГИИ им. П. И. Чайковского. Всего в исследовании участвовал 461 обучающийся, из них юноши составляют 16,3 % (75 человек), девушки — 83,7 % (386 человек).

По результатам корреляционного анализа выявлены сильные и умеренные разнонаправленные связи жизнестойкости с различными метакогнитивными свойствами личности, что характеризует устойчивость природы отношений между этими феноменами. Найдены положительные корреляционные связи между жизнестойкостью, включая компоненты (вовлеченность, контроль и принятие риска) и метакогнитивной включенностью в деятельность, включая метакогнитивные знания ($r = 0,493$ при $p < 0,01$) и метакогнитивное регулирование ($r = 0,390$ при $p < 0,01$). Существует отрицательная связь жизнестойкости и рефлексии деятельности ($r = -0,464$ при $p < 0,01$): чем больше обучающиеся рефлексиируют по поводу собственной информационной несостоятельности, по типу «не знаю, почему так произошло», больше сил тратят на обдумывание деятельности, взвешивают принимаемые решения, тем ниже уровень их активности и реальных возможностей. Рефлексия, направленная у обучающихся на мотивацию и целеполагание ($r = 0,547$ при $p < 0,01$), положительно связана с жизнестойкостью. Стратегии контроля тревожных мыслей, такие как наказание ($r = -0,430$ при $p < 0,01$) и беспокойство ($r = -0,167$ при $p < 0,01$), отрицательно связаны с жизнестойкостью, а стратегия отвлечения ($r = 0,234$ при $p < 0,01$) — положительно. В нашей выборке у подростков в ситуациях, которые могут быть охарактеризованы как стрессовые или конфликтные, метакогнитивная регуляция путем самоконтроля поведения ($r = 0,432$ при $p < 0,01$), контроля тревожности ($r = 0,443$ при $p < 0,01$), функционирования памяти ($r = 0,341$ при $p < 0,01$), интуитивного познания людей ($r = 0,118$ при $p < 0,01$) положительно связана с их жизнестойкостью.

Результаты исследования открывают новые грани жизнестойкости личности с творческой направленностью через взаимосвязь с метакогнитивными свойствами.

Литература

- Бызова В. М., Перикова Е. И. Психология метакогнитивизма: вызовы современности. СПб.: ООО «Скифия-принт», 2020.
- Карпов А. А. Феноменология и диагностика метакогнитивной сферы личности. Ярославль: ЯрГУ, 2016. Т. 208.
- Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости: методическое руководство. М.: Смысл, 2006.
- Одинцова О. Д. Метакогнитивные составляющие жизнестойкости // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2024. № 4(28). С. 39–44.
- Brown A. L., DeLoache J. S. Skills, plans, and self-regulation // Children's thinking. What Develops? / Ed. by R. Siegler. NY: Psychology Press, 2013. P. 3–35.

Роль компонентов креативности личности в изменяющемся мире

С. Г. Погосян

Академия государственного управления
Республики Армения, Ереван, Армения
sona.poghosyan@paara.am

Во всех сферах самым востребованным качеством специалиста считается креативность как способ противостояния современным вызовам, как способ выживания. Но креативность как системное качество личности позволяет не только адаптироваться в новой среде, но и создавать что-то новое для этой среды. Мы предлагаем модель креативности, в которой креативность имеет структурные компоненты: уровень и критерии, личностные качества, способствующие креативности, и самооценка креативности, способствующие факторы и барьеры креативности, мотивация,

личностные качества. Для развития креативности личности нужно особое внимание уделять всем компонентам, особенно тем личностным качествам, которые способствуют проявлению креативности.

Ключевые слова: креативность, личность, исследование, модель, развитие.

Современный мир требует соответствующего мышления, создания новой парадигмы. Она в профессиональной сфере всегда открывает новые идеи, знания и понимание. Отказ от прежнего образа мышления — сложный процесс, который приводит с собой много неопределенности и неустойчивости. И в такой парадигме компетенции современного специалиста неустойчивы, через несколько лет нужны будут совсем иные. И тогда встает вопрос: как подготовить специалистов, какие именно качества развивать, чтобы соответствовать изменчивым требованиям. Во всех сферах самым востребованным качеством специалиста считается креативность как способ противостояния современным вызовам, как способ выживания. Но креативность как системное качество личности позволяет не только адаптироваться в новой среде, но и создавать что-то новое для этой среды. С одной стороны, креативность способствует быстрой адаптации к переменам, так как креативная личность со своей гибкостью, со своей способностью выдвижения неожиданных идей может находить выход для изменчивых ситуаций. С другой стороны, личность может не использовать один и тот же метод и тогда делает креативный прыжок и выходит за рамки всех условностей. И встает вопрос, когда именно личность проявляет адаптивную креативность, когда созидательную креативность. Мы считаем, что для проявления созидательной креативности важными компонентами являются личностные качества, наличие которых и способствует проявлению креативности.

Анализ научной литературы указывает, что есть разные модели составляющих креативности. Одна из известных моделей сегодня — трехфакторная модель Т. Амабайл, в которой выделяются внутренняя мотивация, опыт и креативные

навыки (Креативность, 2023). Мы предлагаем модель креативности, в которой креативность имеет структурные компоненты: уровень и критерии, личностные качества, способствующие креативности, и самооценка креативности, способствующие факторы и барьеры креативности, мотивация, личностные качества. Личностные качества, способствующие проявлению креативности: любознательность, сложность (умение решать сложные задачи), склонность к риску, воображение. Для специалиста, принимающего решения, самым важным качеством является любознательность, которая вводит в неизвестность. Такой специалист готов встретиться с неопределенностью, устойчив к стрессам, решает сложные задачи. Для открытия нового и неизведанного нужно развивать любознательность.

Наши исследования показали, что креативность проявляется в разных взаимосвязях этих критериев (Погосян и др., 2023). Мы поставили цель изучить, как проявляется уровень креативности у тех, у кого высокий уровень самооценки и высокие показатели по личностным качествам, способствующим креативности. Исследование проводилось среди 285 специалистов управленческой сферы. Результаты исследования показали, что только у 86 (30 %) специалистов высокий уровень самооценки креативности $M=67$, высокие показатели любознательности $M=19$, сложности $M=17$, склонности к риску $M=17$, показатели воображения средние $M=14$. Для нас было интересно узнать, какой уровень креативности у тех, у кого высокий уровень самооценки креативности. Из 86 специалистов результаты теста креативности были валидными у 78. Сопоставление данных показало, что у тех, у кого высокий уровень самооценки креативности уровень креативности ($M=77$) и показатели беглости, оригинальности высокие. У имеющих невысокие показатели самооценки креативности уровень креативности среднее $M=67$, разница средних значима по t-критерию Стьюдента $t=4,5$; $p < 0,001$. Для проявления креативности как системного качества важными компонентами являются личные качества: любознательность, склонность решить сложные задачи способствуют заняться чем-то новым и неизведанным. Расширяя круг интересов, личность не только сохраняет любознательность, но и обретает уверенность в том,

что может достичь большего, поэтому работает успешнее, находит разнообразные решения, подходы, имеет многочисленные идеи.

Литература

Креативность. М.: Альпина Паблишер, 2023.
Погосян С. Г., Агузумцян Р. В., Петросян Л. А., Хачатрян А. Р., Казеян Х. А. Модель психологического исследования креативности личности // Вопросы психологии. 2023. Т. 69. № 6. С. 43–54.

Мимесис и творчество: создание вирусных видео на цифровой социальной платформе ТикТок*

Н. К. Радина

Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, Высшая школа
экономики, Нижний Новгород
rasv@yandex.ru

Правила создания видео на ТикТок (творчество на ТикТок) ориентированы на подражание через «повторение трендов». Обсуждаются результаты использования метода анализа продуктов деятельности применительно к 359 вирусным видео с цифровой социальной платформы ТикТок (русскоязычный сегмент), размещенным до блокировки пользователей домена RU в 2022 году и после блокировки.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–00204, <https://rscf.ru/project/24–28–00204/>

Заключается, что мимесис творчества на ТикТок вариативен и зависим от состава оценивающей аудитории, ее мотивационных потребностей.

Ключевые слова: творчество, мимесис, подражание, репликация, вирусные видео, ТикТок, анализ продуктов деятельности.

ТикТок — цифровое социальное медиа, ориентированное на обмен короткими видео, «творческими продуктами», созданными по особым правилам. Ряд исследователей именно возможность творчества и самовыражения считают основным механизмом притяжения молодежи на платформу ТикТок (Dankowska-Kosman, 2021).

Функционирование на ТикТок имеет две основные стратегии — активную и пассивную. Согласно пассивной стратегии, пользователь просматривает интересующий контент, может одобрять, комментировать или пересылать понравившееся видео. Пассивная стратегия ориентирована на удовольствие, а алгоритмы ТикТок считывают действия пользователя, подбирают новые видео для просмотра на основе проявленной заинтересованности.

Активная стратегия предполагает, что пользователь создает видео согласно правилам, выбирает для него хештег (обозначение, указывающее на тему видео) и размещает продукт на ресурсе. Если созданное видео вызывает интерес (просмотры, «лайки», «репосты») со стороны других пользователей, это также «продвигает» создателя видео (увеличивается число его «подписчиков» с дальнейшей монетизацией популярности).

Правила создания видео на платформе ТикТок разъяснены и детализированы, они ориентируют пользователя на подражание, особенно если речь идет о тиктокере-новичке. Интегрируя творчество и подражание, ТикТок проблематизирует эту связку.

Подражание — одна из непосредственных форм адаптивного поведения, умение подражать — маркер социализированности индивида. Подражание содействует изобретению и является ведущим механизмом по продвижению инноваций (Тард, 2011),

а также важным компонентом развития высших психических функций, включая развитие детского творчества (Божович, Славина, 2007). Согласно статистике, 97,8 % доходов от использования инноваций поступает организациям, следовавшим стратегии подражания (Максимов, 2014).

Творчество в процессе создания видео на ТикТок опирается на подражание и повторение, то есть на мимесис (имитацию и репликацию): следуя правилам и образцам тиктокеры не только повторяют хештеги, но также повторяют темы и сюжеты на новом материале (создают бесконечные истории). В психологических исследованиях высказывается точка зрения, согласно которой мимесис в повторениях и репликациях отражает и выражает реальность, сам рассказ о реальности — есть проявление миметической деятельности (Хорошилов, 2014).

Цель представляемого исследования — охарактеризовать мимесис вирусных видео, мимесис творчества тиктокеров в изменяющихся условиях. Метод работы с эмпирикой — анализ продуктов деятельности. Материал — видео с русскоязычного сегмента ТикТок.

После начала специальной военной операции (СВО) в 2022 году ТикТок был заблокирован для пользователей домена RU, что повлияло на его аудиторию. В процессе исследования были сформированы две коллекции видео с русскоязычным контентом или хештегами: 2520 до СВО (2018–2022) и 851 после начала СВО (2022–2024). Далее были идентифицированы вирусные видео — видео с максимальными показателями по просмотрам, «лайкам», «репостам» (215 до СВО и 144 после начала СВО). Вирусные видео были закодированы и проанализированы в сравнительном контексте. Выяснилось, что до СВО мимесис видео ТикТок включал разные аспекты — от (само)выражения до игровой репликации (создание «игровых» видео с повторениями). После начала СВО мимесис оказался ориентированным на выражение, часть вирусных видео создавалась в формате репортажа (отражение). Изменения мимесиса объясняются изменениями аудитории (после блокировки ресурса подростковая аудитория значительно сократилась, объем игр-повторений сократился), а также изменениями мотивационной составляющей

пользователей (ТикТок использовался для отражения чувств).
Заключается, что «вирусное» творчество пользователей ТикТок
может выступать в качестве диагностического материала для
определения психологического самочувствия общества.

Литература

- Божович Л. И., Славина Л. С.* Психология детского подражания: (экспериментально-психологическое исследование) // Культурно-историческая психология. 2007. Т. 3. № 2. С. 101–106.
- Максимов А. А.* Стратегия подражания как инструмент организационного развития // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 4. С. 253–260.
- Тард Г.* Законы подражания. М.: Академический проект, 2011.
- Хорошилов Д. А.* Мимесис как объяснительный принцип в психологии и эстетике // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 36. С. 1–1.
- Dankowska-Kosman M.* TikTok is a new space for teenager's communication // Rozprawy Społeczne. 2021. V. 15. № 3. P. 166–176.

Перфекционизм в оценке трудных жизненных задач у одаренных подростков*

К. И. Сайкина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань
karinaildarovna23@gmail.com

Актуальность исследования заключается в необходимости понимания особенностей, присущих одаренным, и их взаимосвязи с оценкой и ориентацией при столкновении с трудностями. Среди особенностей исследователи часто отмечают проблему перфекционизма. Цель исследования — выявить взаимосвязь между показателями перфекционизма, оценкой трудных жизненных задач и ориентацией в трудных ситуациях у одаренных подростков. Данное исследование является пилотажным. В исследовании приняли участие 20 одаренных подростков. Результаты показывают, что патологический перфекционизм связан с оценкой ситуации как неподконтрольной, что может приводить к выученной беспомощности и избеганию деятельности. В то время как нормальный перфекционизм связан со стремлением к трудностям и ориентацией на возможности.

Ключевые слова: одаренность, способности, перфекционизм, трудности, трудные жизненные задачи, подростковый возраст.

В настоящее время развитие и реализация потенциала одаренных детей, а также их успешная социализация являются важными и актуальными задачами, как для психологов,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного Фонда и Академии наук Республики Татарстан по проекту № 25-28-20052.

педагогов, родителей, так и для общества в целом. Среди особенностей одаренных наиболее дискуссионным и амбивалентным феноменом является перфекционизм. Современными исследователями выделяются нормальный (адаптивный) и патологический (дезадаптивный) перфекционизм (Золотарева, 2013).

В. А. Ясная и С. Н. Ениколопов рассматривают перфекционизм как комплексный феномен, который содержит адаптивные и дезадаптивные компоненты. Было выявлено, что низкий уровень толерантности к неопределенности является важной характеристикой дезадаптивного перфекционизма. Авторы отмечают, что дезадаптивные перфекционисты более подвержены негативным эмоциям и избеганию действий, что может негативно сказываться на их развитии (Ясная, Ениколопов, 2013).

По мнению зарубежных исследователей, такие уникальные социально-эмоциональные особенности одаренных, как повышенная чувствительность к ожиданиям, эмоциональная возбудимость, могут влиять на проявление перфекционизма. Перфекционизм, в свою очередь, может влиять на то, как человек подходит к решению проблем и справляется с неудачами (Mofield, Peters, Chakraborti-Ghosh, 2016).

В нашем исследовании приняли участие 20 одаренных подростков (10 девочек и 10 мальчиков), являющихся победителями и призерами высокоуровневых олимпиад и конкурсов, обучающиеся в общеобразовательных организациях города Казани. Использовались следующие методики: «Дифференциальный тест перфекционизма» А. А. Золотаревой, опросник «Субъективного оценивания трудных жизненных задач» Е. В. Битюцкой, А. А. Корнеева, опросник «Типы ориентаций в трудной ситуации» Е. В. Битюцкой, А. А. Корнеева. Для выявления взаимосвязей между исследуемыми характеристиками использовался коэффициент корреляции Спирмена.

Корреляционный анализ выявил прямые взаимосвязи между показателями патологического перфекционизма и неподконтрольности ситуации ($r = 0,589$; $p \leq 0,01$), избеганием трудностей (потерь) ($r = 0,793$; $p \leq 0,01$), ориентацией на препятствия ($r =$

0,680; $p \leq 0,01$). Чем выше показатель патологического перфекционизма, тем выше невозможность контроля и управления ситуацией. Одаренные подростки с высоким уровнем патологического перфекционизма могут рассматривать широкий спектр ситуаций как неподконтрольных, что может приводить к снижению мотивации, отказу от деятельности. В то же время чем больше одаренные попадают в ситуации, которые невозможно контролировать, тем выше патологический перфекционизм. Одаренные подростки могут начать устанавливать более высокую планку для компенсации ощущения беспомощности, что будет приводить к еще более негативным последствиям. Респонденты с высоким уровнем патологического перфекционизма стремятся к избеганию трудностей, у них повышается уровень тревоги, они прогнозируют отрицательные исходы ситуации, цель смещается с решения трудной задачи на устранение тревоги, предотвращение потерь ресурсов.

Были выявлены прямые взаимосвязи между нормальным перфекционизмом и драйвом (стремлением к трудностям) ($r = 0,700$; $p \leq 0,01$), ориентацией на возможности ($r = 0,717$; $p \leq 0,01$). Чем выше нормальный перфекционизм, тем больше одаренные стремятся к трудностям, у них преобладают позитивные эмоции (интерес, любопытство, воодушевление), одаренные прилагают больше усилий, чем требовала первоначальная цель, фокусируясь на самопознании и саморазвитии. При достижении цели испытуемые испытывают радость, удовольствие, выбирают оптимальные по трудности и соответствующие требованиям ситуации цели, совершают целенаправленные действия, анализируя условия для достижения результата.

Таким образом, в пилотажном исследовании выявлены значимые прямые взаимосвязи между показателями патологического перфекционизма и неподконтрольностью ситуации, избеганием трудностей (потерь) и препятствий, а также значимые прямые взаимосвязи между нормальным перфекционизмом и драйвом (стремлением к трудностям), ориентацией на возможности.

Литература

- Золотарева А. А. Дифференциальная диагностика перфекционизма // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 117–128.
- Ясная В. А., Ениколопов С. Н. Современные модели перфекционизма // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 29. С. 1–1.
- Mofield E., Parker Peters M., Chakraborti-Ghosh S. Perfectionism, coping, and underachievement in gifted adolescents: Avoidance vs. approach orientations // Education sciences. 2016. V. 6. No. 3. Art. 21.

Когнитивная иллюзия возраста при переживании посттравматического стресса*

Е. А. Сергиенко

Институт психологии РАН, Москва
sergienkoea@ipran.ru

Н. Е. Харламенкова

Институт психологии РАН, Москва
nataly.kharlamenkova@gmail.com

Н. С. Павлова

Институт психологии РАН, Москва
pavlovans@ipran.ru

Теоретически обоснована и эмпирически исследована сопряженность когнитивной иллюзии оценки возраста и переживаемого субъектом отсроченного, посттравматического стресса (ПТС). На значительной по объему выборке (n=195 чел.), уравненной по полу, установлено, что высокий уровень посттравматического стресса связан с негативной когнитивной иллюзией оценки возраста (КИВ). Гипотеза о наличии связи между негативной КИВ и уровнем ПТС верифицируется в группах респондентов, имеющих в анамнезе угрожающее жизни заболевание и опыт переживания эмоционального насилия. Гипотеза фальсифицируется при переживании события, связанного с утратой близкого. *Ключевые слова:* посттравматический стресс, субъективный возраст, когнитивная иллюзия оценки возраста, утрата, эмоциональное насилие, угрожающее жизни заболевание.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00366, <https://rscf.ru/project/25-18-00366/>

Воздействие интенсивного стресса, как известно, оказывает негативное влияние на психологическое благополучие человека, его эмоциональную и когнитивную сферу, мотивацию и коммуникативную активность. В группу симптомов посттравматического стресса — одного из психологических последствий переживания травматического стресса — включают такие признаки нарушения когнитивного и эмоционального функционирования, как психогенная амнезия, переживание чувства вины, гнева, страха, стыда, отсутствие эмоциональной включенности в общение и деятельность, неспособность испытывать положительные эмоции, преувеличенные негативные убеждения в отношении себя, других, мира и др. (Тарабрина и др., 2017).

«Убеждения в отношении себя» включают в том числе самовосприятие собственного возраста, обозначаемого как субъективный возраст (СВ) человека (Сергиенко, 2011). «Когнитивная иллюзия возраста — разница между хронологическим и субъективным возрастом человека, которая возникает в процессе жизни, она может быть как негативной, т.е. человек чувствует себя старше, так и позитивной — моложе своих лет» (Сергиенко, Харламенкова, 2018, С. 248). Исследования показывают, что положительная когнитивная иллюзия оценки возраста связана с переживанием психологического благополучия и качеством жизни в пожилом возрасте. В молодости когнитивная иллюзия возраста выражена незначительно (Эйдельман, 2019).

Сопряженность показателя субъективного возраста с тревогой, депрессией, снижением уровня активности, ухудшением здоровья позволяет сформулировать предположение о появлении негативной когнитивной иллюзии оценки возраста (КИВ) (negative illusion of age) (Barak, 2009) при высоком уровне посттравматического стресса (ПТС), вызванного воздействием интенсивных стрессоров. Дополнительно была сформулирована гипотеза о различиях в сопряженности негативной когнитивной иллюзии оценки возраста и уровня ПТС в зависимости от типа травматического стрессора.

Участники исследования: мужчины и женщины в возрасте 22–32 лет, n = 195 чел. Выборка уравнена по полу.

Методики: Опросник оценки посттравматического стресса (Posttraumatic Stress Disorder Checklist, PCL-5, F. Weathers et al.) (Тарабрина и др., 2017); Опросник выраженности психопатологической симптоматики (Symptom Checklist-90-Revised, SCL-90-R, L. Derogatis), Опросник «Диагностика субъективного возраста» (Age-of-Me, B. Barak) (Сергиенко, 2011). Методы статистического анализа данных: расчет коэффициента корреляции Спирмена (r), U -критерий Манна-Уитни.

Результаты статистического анализа данных позволили верифицировать гипотезу о связи негативной когнитивной иллюзии оценки возраста и уровня посттравматического стресса ($r = 0,89$; $p \leq 0,01$). Контроль фактора пола не показал различий в сопряженности анализируемых признаков.

При сравнении трех групп респондентов, отметивших в опроснике PCL-5 разные травматические события, такие как утрата близкого, эмоциональное насилие, угрожающее жизни заболевание, предположение о различиях в сопряженности негативной когнитивной иллюзии оценки возраста и уровня ПТС также подтвердилось. Значимая корреляция выявлена в группах, указавших такие события, как угрожающее жизни заболевание и эмоциональное насилие. Попарное сравнение показателя субъективного возраста (СВ) в трех группах респондентов позволило обнаружить значимо более высокие значения СВ в группе респондентов, имеющих в анамнезе угрожающее жизни заболевание, по сравнению с двумя остальными группами ($p \leq 0,05$).

Вывод: психологические последствия переживания травматических событий сопровождаются изменениями в восприятии человеком своего возраста — показатели субъективного возраста превышают хронологический. Отсутствие связи между негативной когнитивной иллюзией оценки возраста и ПТС у людей, переживших утрату близкого, свидетельствует о важности учета дополнительных переменных — типа утраты, характера прижизненных отношений в диаде, давности утраты.

Литература

- Сергиенко Е. А. Субъективный возраст в самоопределении человека на временной дистанции его жизнедеятельности // Мир психологии. 2011. № 3 (67). С. 104–119.
- Сергиенко Е. А., Харламенкова Н. Е. Психологические факторы благополучного старения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Педагогика и психология. 2018. Т. 8. Вып. 3. С. 243–257.
- Тарабрина Н. В., Харламенкова Н. Е., Падун М. А., Хажуев И. С., Казымова Н. Н., Быховец Ю. В., Дан М. В. Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности. М.: ИП РАН, 2017.
- Эйдельман А. Б. Особенности субъективного возраста и психологического благополучия в молодом возрасте // Вестник Костромского государственного университета. Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. № 2. С. 30–35.
- Barak B. Age identity: A cross-cultural global approach // International Journal of Behavioral Development. 2009. V. 33. No. 1. P. 2–11.

Образ будущего как продукт творческого переосмысления жизни в периоды глобальных кризисов (на примере пандемии COVID-19 и СВО)*

О. С. Сулим

Институт психологии РАН, Москва
sulimos@ipran.ru

Исследование посвящено изучению пластичности событийной временной перспективы (СВП) будущего в условиях пандемии COVID-19 и специальной военной операции (СВО). Предыдущие работы не раскрывают проблемы динамики СВП на при переходе от стресса к устойчивой адаптации, а также влияния специфики кризиса на конструирование СВП будущего. В рамках данной работы проанализированы 512 протоколов методики «Линия жизни будущего» за пять временных срезов (2019–2023 гг.). В период кризисов зафиксированы рост событийной насыщенности и длины горизонта будущего, снижение позитивности, а также динамика СВП будущего при переходе от «фазы шока» к «фазе адаптации». Полученные результаты обсуждаются в свете рассмотрения СВП как когнитивно-мотивационного ресурса личности в условиях кризиса.
Ключевые слова: событийная временная перспектива, образ будущего, глобальные угрозы, кризис, адаптация.

Переживание российским обществом глобальных кризисов пандемии COVID-19 и специальной военной операции (СВО) создает уникальные условия для изучения психологических механизмов адаптации. Подобные аномальные обстоятельства зачастую делают привычные жизненные сценарии

* Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (тема № 0138–2025–0015).

нерелевантными, что приводит к необходимости выработки новых способов действия. В таком случае конструирование личностью событийной временной перспективы (СВП), т. е. расширенного представления о своем субъективном прошлом, настоящем и будущем, может выступать в качестве «побочного продукта» творческого переосмысления собственной жизни и выработки новых ценностных ориентиров.

В концепции творчества Я. А. Пономарёва подчеркивается, что творческий процесс включает этап интуитивного поиска (Пономарёв, 1976), который в условиях кризиса может проявляться в спонтанном структурировании образа будущего, что согласуется с результатами недавних эмпирических работ. Например, в исследовании на выборке китайских респондентов было показано, что в ходе адаптации к последствиям пандемии COVID-19 участники демонстрировали расширение горизонта будущего и повышение его событийной насыщенности при сохранении высокой доли упоминания позитивных событий (Nourkova, Gofman, 2022). Похожие результаты были получены в нашем исследовании трансформации СВП будущего в ходе пандемии и СВО на российской выборке, с отличием лишь в снижении уровня позитивности образов будущего у российских респондентов в периоды кризисов (Сулим, 2024). В связи с этим предполагается, что СВП служит когнитивно-мотивационным ресурсом, помогающим личности преодолеть кризисные ситуации, сохраняя стабильное и согласованное чувство Я вопреки давлению внешних факторов.

Однако на основании предыдущих результатов возникает ряд новых исследовательских задач. Во-первых, в упомянутых ранее работах использовался только один замер СВП будущего в период кризисов, что позволяет говорить о реактивной перестройке индивидуальных СВП будущего в ответ на внешние угрозы. В то же время остается открытым вопрос о последующей динамике образов будущего при переходе от «фазы шока» к «фазе адаптации» к глобальным угрозам. Во-вторых, логическим продолжением развития идеи о СВП как средстве адаптации к кризисным условиям, на наш взгляд, может стать выявление особенностей трансформаций СВП будущего в связи

со спецификой кризисной ситуации. Так, пандемия COVID-19 и начало СВО, несмотря на некоторые общие аспекты, являются качественно различными ситуациями, которые по-разному отразились на психологическом состоянии общества (Шестопап, Рогач, 2023). Следовательно, можно предположить, что и на индивидуально-адаптивном уровне подобные угрозы будут провоцировать трансформации СВП будущего, характеризующиеся разной феноменологией.

Данная работа нацелена на изучение динамических аспектов трансформации СВП будущего в условиях адаптации к качественно разным глобальным угрозам. В ходе кросс-секционного исследования сравниваются образы будущего респондентов, полученные с помощью графической методики «Линия жизни будущего». Были проанализированы данные 5 временных срезов: «спокойного» времени (2019 год, N = 106), начала пандемии COVID-19 (2020 год, N = 119), адаптации к условиям пандемии (2021 год, N = 72), начала СВО (2022 год, N = 95), адаптации к условиям СВО (2023 год, N = 120). Результаты показали планомерное увеличение количества событий ($F = 19,9$; $p < 0,001$) и длины горизонта будущего ($F = 8,41$; $p < 0,001$) с 2019 по 2021 год. В то же время уровень позитивности ($F = 12,49$; $p < 0,001$) и степень ассимиляции культурного жизненного сценария (сценарность) ($F = 26,81$; $p < 0,001$) образов будущего, значимо снизившиеся в начале пандемии, снова повысились в период адаптации в 2021 году, причем уровень сценарности превысил докризисные показатели. В докладе будут также представлены данные о трансформации СВП в период СВО, качественный анализ событийного содержания образов будущего, сравнение динамики образов будущего в адаптации к условиям пандемии COVID-19 и СВО.

Литература

- Пономарёв Я. А. Психология творчества. М.: Наука, 1976.
- Сулим О. С. Событийная временная перспектива будущего как адаптационный ресурс в условиях социальных кризисов // Психологические исследования. 2024. Т. 17. № 93. С. 2.
- Шестопап Е. Б., Рогач Н. Н. Этапы трансформации психологического состояния российского общества:

- политико-психологический анализ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19. № 2. С. 150–165.
- Nourkova V. V., Gofman A. A.* Event Time Perspective in Adaptation to the COVID-19 Pandemic: Preliminary Insights from Two Chinese Samples // *Timing & Time Perception*. 2022. Т. 1. № 1. С. 1–28.

Переживание и творческая направленность личности

Л. Р. Фахрутдинова

Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань
liliarf@mail.ru

Т. Н. Сабиров

Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань
vivger@mail.ru

Актуальность исследования связана с востребованностью исследований закономерностей организации субъективности человека через его переживания. Цель исследования изучить особенности структурной организации переживания субъектов высокого и низкого уровней творческой направленности в условиях религиозного ритуала поминовения усопших мусульманами. Обнаружено значимое различие в структурной организации переживания субъектов с низким и высоким уровнем творческой направленности личности. Высокий уровень направленности на творчество субъекта проявляет его особую восприимчивость к религиозным ритуалам. Испытуемые с творческой

направленностью испытывают насыщенное внутренними и внешними событиями, обогащающее их внутренний мир переживаемое впечатление во время ритуала, свежесть впечатления.

Ключевые слова: переживание, творчество, ценности, впечатление, религиозные ритуалы.

Актуальность исследования связана с востребованностью исследований закономерностей организации субъективности человека через его переживания. Исследования А. Лэнгле (2007) определяют природу творчества как связанную с центральными Я-функциями. А. Адлер (2011) определяет творческое Я как важнейшую часть неделимой индивидуальности, Я. А. Пономарёв (2006) — как «механизм» ее развития. Наши исследования показали тесную онтологическую, структурную взаимосвязь Я-структур, направленности личности с переживаниями субъекта (Фахрутдинова, 2015). Ранее наши исследования показали влияние структурной организации переживания на самоорганизацию личности (Фахрутдинова, Сабиров, 2024). Нами исследованы особенности структурной организации переживания религиозных ритуалов таджиков и татар (Фахрутдинова, 2018). Предмет переживания в нашем исследовании представлен мусульманским молитвенным ритуалом поминовения усопших. Направленность личности операционализована через творческую направленность личности.

Цель исследования изучить особенности структурной организации переживания субъектов высокого и низкого уровней творческой направленности в условиях религиозного ритуала поминовения усопших мусульманами.

Испытуемые: в исследовании участвовали 80 человек мужского и женского пола, участвующих в мусульманских религиозных ритуалах в возрасте 20–22 лет.

Методы исследования: «Опросник переживания ТЭК» Л. Р. Фахрутдиновой (2012), включающий шкалы «Телесная характеристика», «Эмоциональная характеристика», «Когнитивная характеристика». Опросник переживания ПВЭИ» Л. Р. Фахрутдиновой (2012), включающий шкалы

«Энергетическая характеристика», «Временная характеристика», «Пространственная характеристика», «Информационная характеристика», тест «Ценностные ориентации Рокича», включающий шкалу «Творчество».

Результаты исследования и их обсуждение. Вначале мы провели описательную статистику, выделили группу испытуемых, для которых терминальная ценность творчества на первых трех местах ($N=23$), и группу испытуемых, для которых данная ценность на последних местах ($N=23$). Далее сравнили показатели характеристик переживания при помощи критерия Ливиня, t -критерия Стьюдента для испытуемых с высокой и низкой творческой направленностью личности.

Исследования показали, что значимые различия ($p = 0,024$) выявлены для шкалы «Временная характеристика» «Опросника переживания ПВЭИ» Л. Р. Фахрутдиновой (2012). Для испытуемых с высоким уровнем творческой направленности время в молитвенном религиозном ритуале поминовения усопших течет быстрее, чем обычно (3,4 балла), а для испытуемых с низким уровнем творческой направленности время течет медленнее, чем обычно (2,4 балла). 3 балла — время течет обычным образом. Испытуемые с творческой направленностью испытывают насыщенное внутренними и внешними событиями, обогащающее их внутренний мир переживаемое впечатление во время ритуала. Для респондентов с низкими показателями наблюдается деструктивный, мучительный характер переживания.

Значимые различия ($p = 0,022$) показали телесные, эмоциональные и когнитивные характеристики переживания. Телесные характеристики испытуемых с высокой творческой направленностью показали значительную долю в переживании как целом (66 %), в отличие от респондентов с низким уровнем творческой направленности (48 %), что показывает свежесть впечатления от ритуала у тех, кто проявляет творческие склонности личности. Доля эмоционального и когнитивного компонентов в едином целом переживания значимо выше у тех, кто проявил низкий уровень творческой направленности личности, что показывает низкий «следовой» эффект впечатления в переживании ритуала поминовения усопших мусульманами.

Вывод: обнаружено значимое различие в структурной организации переживания субъектов с низким и высоким уровнем творческой направленности личности. Высокий уровень направленности на творчество субъекта проявляет его особую восприимчивость к религиозным ритуалам.

Литература

- Лэнгле А.* Эмоции и экзистенция. Харьков: Гуманитарный центр, 2007.
- Психология творчества: школа Я. А. Пономарёва / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: ИП РАН, 2006.
- Фахрутдинова Л. Р.* Теория переживания субъекта. Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 2015.
- Фахрутдинова Л. Р., Сабиров Т. Н.* Личность и значимые переживания // Материалы всероссийской конференции «Психология личности: методология, теория, практика» / Отв. ред. Д. В. Ушаков и др. М.: ИП РАН, 2024. С. 113–118.
- Фахрутдинова Л. Р.* Переживание социальных впечатлений и человеческое бытие // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. В. Журавлёв. М.: ИП РАН, 2018. С. 1731–1739.

Исследование взаимосвязей открытости опыту и переживаний в деятельности

М. Н. Юртаева

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург
myurtaeva_82@mail.ru

Н. С. Глуханюк

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург
profi.n@mail.ru

Настоящее исследование посвящено изучению открытости опыту как фактора «Большой пятерки» и его связи с переживаниями в деятельности. Поток и осознанность показывают противоречивые связи с открытостью опыту. В настоящей работе установлена взаимосвязь открытости опыту с показателями осознанности. Дезавтоматизация и сосредоточенность трактуются как условия, ограничивающие самопроизвольные и неконтролируемые процессы. Ставится вопрос о возможности управления потоком и открытостью опыту посредством практик активного внимания.

Ключевые слова: открытость опыту, переживания в деятельности, поток, осознанность, активное внимание.

Открытость опыту является малоизученным фактором «Большой пятерки», связанным с интеллектом, креативностью, познавательными процессами и личностными характеристиками. Компоненты открытости опыту входят в состав метанавыков аутотелической личности (Tse et al., 2020). Несмотря на теоретическую взаимосвязь между открытостью опыту и потоковыми переживаниями, эмпирически она далеко не всегда подтверждается. В качестве причин данного явления отмечается проблема шкал измерения, разделение склонности к потоку

и черт, его поддерживающих, неустойчивость признаков самого феномена потока, сложность конструкта оптимального переживания (Sheldon, Prentice, Halusic, 2014; Tse et al., 2020).

Цель настоящего исследования состояла в изучении взаимосвязей открытости опыту и переживаний в деятельности. В качестве операциональной модели для изучения потоковых переживаний использована комбинаторная модель оптимального переживания Д. А. Леонтьева (Осин, Леонтьев, 2017).

Выборка и методы. В исследовании приняли участие 65 студентов Уральского федерального университета, из них 25 мужчин и 40 женщин в возрасте 18–22 лет ($M = 19,8$; $SD = 1,2$).

Методики исследования: опросник «Большой пятерки» — BF-2- XS (Щебетенко, Калугин, Мишкевич, 2022); опросник переживаний в профессиональной деятельности (Осин, Леонтьев, 2017), модифицированный под выборку исследования; методика оценки осознанного присутствия (Митина и др., 2021).

Методы статистической обработки данных: описательные статистики, корреляционный анализ. Для обработки данных использовался пакет SPSS.27.

Результаты. Применение критерия Шапиро-Уилка показало, что распределение ряда показателей отклоняется от нормальности, поэтому использовались непараметрические методы (критерий Манна-Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмена). Различия в исследуемых показателях между группами мужчин и женщин не были установлены. Обнаружены связи между показателями удовольствия и дезавтоматизации, сосредоточенности ($r = 0,268$; $p \leq 0,05$; $r = 0,268$; $p \leq 0,05$, соответственно). Показатель смысла положительно коррелировал с показателем дезавтоматизации ($r = 0,364$; $p \leq 0,01$), показателем сосредоточенности ($r = 0,364$; $p \leq 0,01$) и показателем распределения внимания ($r = 0,278$; $p \leq 0,05$). Для показателя усилия не обнаружены взаимосвязи ни с компонентами переживания, ни с показателями осознанного присутствия. Показатель пустоты отрицательно коррелировал с показателем дезавтоматизации ($r = -0,258$; $p \leq 0,05$), показателем сосредоточенности ($r = -0,258$; $p \leq 0,05$) и показателем распределения внимания ($r = -0,257$; $p \leq 0,05$). Показатель открытости опыту

был взаимосвязан с показателем дезавтоматизации ($r = 0,315$; $p \leq 0,05$) и показателем сосредоточенности ($r = 0,315$; $p \leq 0,05$).

Выводы. Таким образом, потоковые переживания и осознанность взаимосвязаны. Установлена взаимосвязь открытости опыту и показателей осознанности. Дезавтоматизация и сосредоточенность соотносятся с ограничением самопроизвольных и неконтролируемых процессов, сопоставимых с состоянием блуждающего ума (Mrazek, Smallwood, Schooler, 2012). Открытость опыту соотносится с качественно различающимися явлениями внимания, значимыми для понимания механизмов креативности (Carson, Peterson, Higgins, 2003). Полученные результаты позволяют поставить вопрос об использовании интеллектуальных техник осознанности для управления оптимальными переживаниями в деятельности и открытостью опыту.

Литература

- Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Диагностика переживаний в профессиональной деятельности: валидизация методики // Организационная психология. 2017. Т. 7. № 2. С. 30–51.
- Mrazek M. D., Smallwood J., Schooler J. W. Mindfulness and mind-wandering: Finding convergence through opposing constructs // *Emotion*. 2012. V. 12. No. 3. P. 442–448.
- Carson S. H., Peterson J. B., Higgins D. M. Decreased latent inhibition is associated with increased creative achievement in high-functioning individuals // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003. V. 85 No. 3. P. 499–506.
- Sheldon K. M., Prentice M., Halusic M. The experiential incompatibility of mindfulness and flow absorption // *Social Psychological and Personality Science*. 2014. V. 6. No. 3. P. 276–283.
- Tse D. C. K., Lau V. W., Perlman R., McLaughlin M. The development and validation of the Autotelic Personality Questionnaire // *Journal of Personality Assessment*. 2020. V. 102. No. 1. P. 88–101.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ТВОРЧЕСТВО

Борьба с метакогнитивной близорукостью больших языковых моделей на примере генерации новых научных проблем

М. А. Бодрова

Высшая школа экономики, Москва
mabodrova_1@edu.hse.ru

Большие языковые модели в генерации текстов нередко склонны к галлюцинациям и ошибкам. Более того, так как в отличие от человека они предположительно не имеют способности к метапознанию, они также лишены возможности обнаружения ошибок в собственных рассуждениях. В данной работе в качестве одного из способов борьбы с подобного рода метакогнитивной близорукостью языковых моделей предлагается добавление в текст промпта о постановке новой научной проблемы задачи метакогнитивно оценить собственный ответ. Затем от модели требуется переформулировать собственный ответ с опорой на субъективные оценки. Благодаря метакогнитивной интервенции процесс генерации текстов моделями в полученных ответах демонстрирует схожие черты с метакогнитивными переживаниями людей.

Ключевые слова: большие языковые модели, постановка научных проблем, мышление, метапознание, метакогнитивная близорукость.

Введение. В современном мире нейросети постепенно становятся LLM научными агентами: ученые используют их как инструмент для создания стимульного материала, генерации гипотез, научных проблем и дизайнов экспериментов для исследований (Ren et al., 2025). Но с усложнением задач, стоящих перед языковыми моделями, увеличивается и число ошибок, совершаемых ими в процессе работы. Следовательно, перед исследователями и разработчиками моделей искусственного интеллекта встает задача по увеличению точности их ответов.

Процессы мышления и рассуждения людей сопровождаются метакогнитивными переживаниями и оценками, позволяющими оценивать точность и эффективность протекающих когнитивных процессов и корректировать их направление (Ackerman, Thompson, 2017). Так как процессы рассуждения больших языковых моделей в процессе генерации текстов предположительно построены на тех же механизмах, что и процессы мышления людей, положительное влияние метакогнитивных интервенций можно ожидать и для рассуждения языковых моделей.

Процедура. В психологии мышления, помимо уже ставших классическими для этой области исследований решения проблем (problem solving), отдельное место занимает изучение процесса постановки проблем (problem posing). Фокусом данной работы является генерация новых научных проблем большими языковыми моделями. Исходно это было учебным заданием в курсе «Психология мышления» А. Н. Поддьякова. Цель работы — проверить, возможна ли метакогнитивная оценка собственных ответов у нейросетей и также возможно ли качественное улучшение ответа языковой модели после добавления в промпт задачи метакогнитивно оценить изначальный ответ. Ожидается, что метакогнитивные оценки позволят снизить негативное влияние метакогнитивной близорукости нейросетей — склонности обрабатывать информацию, не подвергая сомнению ее достоверность или источник (Fiedler, 2019), которую исследователи выделяют как одну из причин галлюцинаций и ошибок в ответах языковых моделей (Scholten, Rebholz, Hütter, 2024).

В качестве языковых моделей были выбраны Google Gemini 2.0 Flash и DeepSeek (R1). Текст промпта с метакогнитивными суждениями создавался с опорой на описание метакогнитивных чувств и методов их измерения в работе Тихонова и коллег (Тихонов, Аммалайнен, Морошкина, 2018).

Промпт № 1: Сформулируй научную проблему в области когнитивной психологии, которую еще никто никогда не изучал. Сначала сгенерируй ответ на мой вопрос. Затем создай второй текст, где ты проведешь пошаговый анализ своей работы и ответишь на вопросы:

Насколько ты уверен в том, что задача действительно решается?
Насколько сложно тебе было решать задачу?
Ощущал ли ты в процессе решения задачи чувство близости к решению?
Насколько тебе кажется правильным собственный ответ?
Насколько ты уверен в собственном ответе?
Насколько ты удовлетворен собственным ответом?

Промпт № 2: Переформулируй ответ на основе анализа собственного ответа и описываемых субъективных переживаний.

Результаты и обсуждение. После вынесения метакогнитивных суждений о собственных ответах модели изменили свои ответы в соответствии с обнаруженными ими в них слабыми местами и трудностями. Кроме того, после переформулирования ответов субъективное ощущение их правильности возросло у обеих нейросетей (в случае Google Gemini 2.0 Flash метакогнитивная оценка правильности возросла с 7 до 8, а в случае DeepSeek (R1) — с 6 до 7).

Выдержка из ответа Google Gemini 2.0 Flash: «Я значительно более удовлетворен своим ответом (оценка удовлетворенности: 9/10). Переформулировка проблемы сделала ее более четкой, конкретной и потенциально интересной для научного сообщества».

Выдержка из ответа DeepSeek (R1): «Чувство близости к решению теперь более стабильно... Удовлетворенность возросла до 80 %... Ревизия усилила реализм гипотезы, интегрировав критические замечания из самоанализа».

На основе анализа ответов нейросетей можно предположить, что они оценивают качество собственного процесса рассуждения, что может быть проинтерпретировано как аналог метакогнитивных переживаний человека. В дополнение к этому метакогнитивная интервенция, как и ожидалось, помогла качественно улучшить данные моделями ответы.

Литература

- Тихонов Р. В., Аммайнен А. В., Морошкина Н. В. Многообразие метакогнитивных чувств: разные феномены или разные термины? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Т. 8. № 3. С. 214–242.
- Ackerman R., Thompson V. A. Meta-reasoning: Monitoring and control of thinking and reasoning // Trends in cognitive sciences. 2017. V. 21. No. 8. P. 607–617.
- Fiedler K. Metacognitive Myopia // The Social Psychology of Gullibility: Conspiracy Theories, Fake News and Irrational Beliefs. 2019. P. 123.
- Ren, S., Jian, P., Ren, Z., Leng, C., Xie, C., Zhang, J. Towards Scientific Intelligence: A Survey of LLM-based Scientific Agents // arXiv preprint arXiv:2503.24047. 2025.
- Scholten F., Rebholz T. R., Hütter M. Metacognitive myopia in large language models // arXiv preprint arXiv:2408.05568. 2024.

Связь антисоциальной креативности и вовлеченности в сферу искусственного интеллекта*

И. В. Васильева

Тюменский государственный университет,
Тюменский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России, Тюмень
i.v.vasileva@utmn.ru

С. С. Тихонова

Московский государственный психолого-
педагогический университет, Москва
tihonovasofa@mail.ru

Исследование посвящено поиску связей между показателями антисоциальной креативности и вовлеченности в сферу искусственного интеллекта. Показаны связи между когнитивным (-0,19) и аффективным (0,21) компонентами вовлеченности и ложью как компонентом антисоциальной креативности. Результаты могут быть использованы для организации профилактической работы с кибербуллингом и социальным онлайн-мошенничеством.

Ключевые слова: антисоциальная креативность, искусственный интеллект, вовлеченность, профилактика, риски.

Развитие информационных технологий в целом и систем искусственного интеллекта в частности дает не только массу положительных эффектов для общества и производства,

* Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках проекта «Фундаментальные проблемы методики разработки и связанного с ней правового и этического регулирования в сфере применения систем и моделей искусственного интеллекта» (FEWZ-2024-0052).

но и несет неизбежные риски, связанные с нарушением приватности. Возможность анонимизации пользователя меняет его социальное поведение. Исследователи (Мешкова и др., 2018) указывают на то, что фактор анонимности является провоцирующим креативность, направленную на причинение вреда.

Было проведено исследование связи показателей антисоциальной креативности и вовлеченности в сферу искусственного интеллекта. Участвовали 126 человек, в возрасте от 15 до 38 лет ($M = 21,93$; $SD = 3,75$), из них 36 участников мужского пола, 90 — женского пола. Использовались методики: «Поведенческие особенности антисоциальной креативности», авторы Н. В. Мешкова, С. Н. Ениколопов, О. В. Митина, И. А. Мешков, оцениваемые показатели: нанесение вреда, ложь, злые шутки, интегральный показатель (Мешкова и др., 2018); и «Вовлеченность в сферу искусственного интеллекта», авторы С. Л. Леньков, Н. Е. Рубцова, Е. С. Низамова, оцениваемые показатели: когнитивная, поведенческая, аффективная, мотивационная вовлеченность (Леньков и др., 2025).

Проверка эмпирических данных критерием Колмогорова-Смирнова и поправкой Лиллиефорса на предмет соответствия закону нормального распределения показала несоответствие некоторых шкал, поэтому оценка связей между показателями проводилась χ^2 -критерием Спирмена. Были обнаружены слабые, но статистически значимые связи (при $p < 0,05$) между показателями когнитивной вовлеченности в использование искусственного интеллекта и ложью как проявлением антисоциальной креативности ($-0,19$); между показателями аффективной вовлеченности в использование искусственного интеллекта и ложью как проявлением антисоциальной креативности ($0,21$).

Возможно, что чем лучше люди понимают, как работает искусственный интеллект, тем меньше обманывают, в том числе при общении в интернет-пространстве. Одновременно с этим чем больше человек испытывает трудностей с пониманием принципов работы искусственного интеллекта, тем чаще он использует ложь.

Полученные данные могут быть интересны для исследований, связанных с профилактикой кибербуллинга, онлайн-мошенничества.

Литература

- Леньков С. Л., Рубцова Н. Е., Низамова Е. С.* Опросник «Вовлеченность в сферу искусственного интеллекта» и его психометрические свойства // Ярославский педагогический вестник. 2025. № 1 (142). С. 179–196.
- Мешкова Н. В., Ениколопов С. Н., Митина О. В., Мешков И. А.* Адаптация опросника «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» // Психологическая наука и образование. 2018. № 23(6). С. 25–40.

Концептуализация мудрости через семантическую призму ChatGPT*

А. Н. Воронин

Институт психологии РАН, Москва
voroninan@bk.ru

А. С. Рафикова

Институт психологии РАН, Москва
antoninaraf@yandex.ru

Представлен новый подход к исследованию концепта мудрости с использованием языковой модели ChatGPT. На основе полуформализованного интервью и анализа 191 концептуального дескриптора выполнена кластеризация эмбедингов с применением косинусного расстояния и графового анализа. Выделены пять метакластеров: интеграция знаний, эмоционально-социальный интеллект, контекстуально-этическая чувствительность, рост и адаптация, взвешенное принятие решений. Предложена модель WSP (Wisdom through the Semantic Prism), объединяющая научные и обыденные представления о мудрости. Показано, что ИИ может служить инструментом реконструкции гуманитарных понятий и основой для оценки «мудрости» в ИИ-системах.

Ключевые слова: мудрость, ChatGPT, LLM, эмбединги, семантическая кластеризация, концептуальные дескрипторы.

В работе реализован новый подход к изучению феномена мудрости, основанный на возможностях больших языковых моделей. В качестве исследуемого объекта выступает ChatGPT — модель, способная отражать и воспроизводить

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00364, <https://rscf.ru/project/24-28-00364/>

культурно и лингвистически укоренённые представления о сложных психологических конструктах (Lakoff, Johnson, 1980; Wierzbicka, 1997). Методологически исследование опирается на сочетание полужормализованного интервью с ИИ и анализа 191 концептуального дескриптора, охватывающих как обыденные (folk theories), так и научные (psychological theories) трактовки мудрости (Glück, Bluck, 2011; Sternberg, 1998). Эти дескрипторы были извлечены из ответов ChatGPT на вопросы о природе, функциях и проявлениях мудрости. Для оценки семантической близости применялись эмбединги text-embedding-ada-002, косинусная метрика, иерархическая кластеризация и графовый анализ.

Кластеризация позволила выделить 24 кластера, сгруппированных в пять метакластеров: интеграция знаний и смыслообразование, эмоционально-социальный интеллект, контекстуальная и этическая осознанность, личностный рост и адаптация, прагматическая мудрость и сбалансированное принятие решений. Модель ChatGPT отражает способность к интеграции как обыденных (folk theories), так и научных (psychological theories) представлений о мудрости. В большинстве кластеров наблюдается синтез FT и PT-дескрипторов, что говорит о гибридной структуре концепта мудрости в модели. В частности, такие понятия, как «эмпатия», «осознание ограниченности знаний», «поиск смысла» и «баланс интуиции и логики», выступают узловыми точками (bridge nodes), соединяющими различные смысловые поля и обеспечивающими когнитивную и этическую целостность модели.

На основе результатов предложена модель WSP (Wisdom through the Semantic Prism), представляющая мудрость как динамическую и многоуровневую конструкцию (Grossmann, 2017). WSP включает пять измерений: когнитивно-эмоциональная интеграция, социальный и моральный интеллект, контекстуально-этическая чувствительность, рефлексия и адаптация, а также ситуационная взвешенность. Помимо структурных компонентов, в модели выделены три процессуальных аспекта: эволюция знаний, мультиперспективность и временная осознанность, а также реальное воздействие на социальную среду.

Исследование поднимает вопрос: может ли ИИ «мыслить мудро»? Не приписывая ChatGPT собственно мудрость, предлагается рассматривать его как эмпирический инструмент выявления и моделирования концептов, зафиксированных в языковом опыте общества. Модель WSP позволяет формализовать такие представления и использовать их как основу для построения эталонов оценки «мудрого мышления» ИИ — например, в задачах этического выбора, межкультурной чувствительности или прагматических решений в неопределенных ситуациях. Таким образом, исследование вносит вклад не только в психологию мудрости, но и в развитие метакогнитивных стратегий в системах ИИ и формирование гуманитарно ориентированного ИИ-дизайна.

Литература

- Glück J., Bluck S.* Laypeople's conceptions of wisdom and its development: Cognitive and integrative views // *Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. 2011. V. 66. No. 3. P. 321–324.
- Grossmann I.* Wisdom in context // *Perspectives on psychological science*. 2017. V. 12. No. 2. P. 233–257.
- Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors we live by*. University of Chicago Press, 1980.
- Sternberg R. J.* A balance theory of wisdom // *Review of general psychology*. 1998. V. 2. No 4. P. 347–365.
- Wierzbicka A.* *Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. NY: Oxford University Press, 1997.

Потенциал LLM в оценке креативных рассказов: сравнение оценок LLM на основе инструкций с экспертными оценками

А. О. Голинец

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Федеральный научный
центр психологических и междисциплинарных
исследований (Психологический институт), Москва
apolgolin@gmail.com

Настоящее исследование посвящено изучению возможностей больших языковых моделей (LLM) в оценке креативных нарративов посредством инструкций, в качестве альтернативы обучению на экспертных оценках. На материале Креативных рассказов сравниваются оценки экспертов-людей и оценки, полученные от LLM (GPT-4, Claude 3.7 Sonnet, R+). Результаты демонстрируют значимую положительную корреляцию между оценками ИИ и оценками экспертов-людей. Полученные данные свидетельствуют о потенциале LLM в оценке креативности, однако существует необходимость дальнейшей доработки моделей и тщательного контроля со стороны человека для обеспечения надежной работы модели.

Ключевые слова: креативность, экспертная оценка, большие языковые модели, креативные рассказы, автоматизированная оценка креативности.

В условиях растущей значимости креативности для инноваций и решения глобальных проблем оценка креативных текстов остается важной задачей. Экспертная оценка трудоемка и требует привлечения людей, обладающих соответствующей предметной экспертизой. В связи с этим автоматизированная оценка креативности текстов с помощью больших языковых моделей (LLM) представляет собой перспективное направление

исследований. Недавнее исследование (Luchini et al., 2025) продемонстрировало возможность LLM прогнозировать оригинальность текстов на 11 языках, включая русский. Обучение моделей на данных, оцененных экспертами, позволяет модели выявить скрытые факторы, влияющие на оценку креативности, однако для исследователя основания оценок LLM-экспертов остаются скрыты, затрудняя анализ применяемых моделью принципов и оценку их соответствия экспертным критериям.

В настоящем исследовании изучается применение искусственного интеллекта для оценки творческих нарративов с использованием задания инструкции (Prompt Engineering) в качестве альтернативы обучению LLM на экспертных оценках. Учитывая ограничения, выявленные в предыдущих исследованиях (Haim et al., 2024), которые предостерегают от слепого использования «экспертов» на основе LLM из-за расхождений с оценками экспертов, в данном исследовании изучается потенциал более современных моделей LLM при предоставлении подробных инструкций оценки и заданием единой темы креативных рассказов.

Методы. В исследовании приняли участие 50 студентов факультета психологии Московского государственного университета от 19 до 23 лет ($M = 19,92$; $SD = 0,79$).

Методика: «Креативные рассказы» (в апробации Е. М. Павловой, 2015) из психодиагностической батареи ROADS (Корнилов, Григоренко, 2010). Инструкция просит испытуемого написать как можно более необычный и креативный рассказ на одну из пяти тем на выбор.

На первом этапе исследования рассматривались рассказы, написанные по теме «Читающий дракон». Рассказы были оценены тремя экспертами.

Для оценки рассказов с применением искусственного интеллекта использовались модели на основе GPT-4, Claude 3.7 Sonnet и R+.

Результаты. Оценки, выставленные «экспертами» на основе ИИ, значительно положительно коррелируют с оценками экспертов-людей по всем шкалам ($r = 0,48$ при $p < 0,001$ для суммарного балла, $r = 0,461$ при $p = 0,001$ для Оригинальности, $r =$

0,393 при $p = 0,005$ для Эмоциональности и $r = 0,41$ при $p = 0,004$ для Описательности).

Обсуждение результатов. Оценки LLM-экспертов демонстрируют некоторую степень согласованности с оценками экспертов-людей, что позволяет предполагать возможность дальнейшего применения экспертных оценок на базе больших языковых моделей. Однако на данный момент их использование далеко от желаемой автоматизации процесса и требует повышенного контроля со стороны человека, а также содержит много нюансов, требующих дальнейшего изучения.

Заключение. Текущее исследование выступило первым этапом более масштабного исследования по автоматизации оценки креативности на материале креативных рассказов. В дальнейшей перспективе корректировка модели и ее проверка на других темах методики, а также сравнение с моделью, обученной на экспертных оценках.

Литература

- Корнилов С. А., Григоренко Е. А. Методический комплекс для диагностики академических, творческих и практических способностей // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 2. С. 90–103.
- Павлова Е. М. Креативность и эмоциональный интеллект в структуре интеллектуально-личностного потенциала человека: дис. ... канд. психол. наук. М., 2015.
- Haim E., et al. Forma mentis networks predict creativity ratings of short texts via interpretable artificial intelligence in human and GPT-simulated raters // arXiv preprint arXiv:2412.00530. 2024.
- Luchini S. A., et al. Automated assessment of creativity in multilingual narratives // Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts. 2025. doi.org/10.1037/aca0000725

Человек против машины — кто креативнее?

А. О. Голинец

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Федеральный научный
центр психологических и междисциплинарных
исследований (Психологический институт), Москва
apolgolin@gmail.com

Д. А. Баженова

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва
bazhenova03@list.ru

Н. Н. Наумов

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва
niknaum2003@yandex.ru

А. В. Седых

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва
av_sedykh@mail.ru

Целью исследования является сравнительная оценка вербальной креативности, проявляемой людьми и ИИ. Проводится анализ текстов, созданных студентами и ИИ-моделями (GPT4, DeepSeek, GigaChat, Character.ai), по критериям оригинальности, сложности, эмоциональности и описательности. Выдвигаются гипотезы о различиях в показателях креативности, вариативности оценок, изучается возможность экспертной идентификации авторства текста (человек/ИИ). Методология включает экспертную оценку текстов с использованием методики «Креативные рассказы». Ожидается определение сильных и слабых сторон ИИ

в создании оригинальных нарративных текстов и оценка возможности дифференциации текстов, созданных человеком и ИИ.

Ключевые слова: креативность, креативные тексты, большие языковые системы, искусственный интеллект, экспертная оценка.

Креативность рассматривается как одно из ключевых качеств, характеризующих человека как вид. Именно креативность во многом определяет научный прогресс, развитие искусств и технологий (Runco, Jaeger, 2012). Появление и развитие систем искусственного интеллекта, особенно нейронных сетей и больших языковых моделей (LLM), поставило под сомнение, действительно ли креативность свойственна лишь людям. Была продемонстрирована способность ИИ к созданию не только связного текста, но и оригинальных концепций (Boden, 2016). Качество идей и текстов, создаваемых моделями искусственного интеллекта, со временем только растет, в том числе в направлении повышения оригинальности и креативности создаваемого ИИ контента. Было выявлено, что чат-боты, функционирующие на базе современных ИИ-моделей, способны генерировать идеи, сопоставимые по качеству с идеями, предложенными человеком (Haase, Hanel, 2023). Важным вопросом выступает то, действительно ли искусственный интеллект создает что-то новое или генерирует сложную комбинацию существующих данных и концептов, и этот момент требует отдельного изучения (McCormack, d'Inverno, 2012).

Текущее исследование предполагает сравнение креативных текстов, написанных человеком и искусственным интеллектом, а также изучение возможности определения ИИ-авторства креативного контента.

Целью данного исследования является оценка и сопоставление вербальной креативности, проявляемой людьми и искусственным интеллектом, на материале креативных рассказов.

Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

1. Провести сравнительный анализ нарративных текстов, разработанных людьми и искусственным

интеллектом, с акцентом на различные аспекты креативности (Оригинальность, Сложность, Эмоциональность, Описательность).

2. Выявить, существуют ли статистически значимые различия в степени вербальной креативности между группами текстов, сгенерированных людьми и искусственным интеллектом.
3. Определить, обладает ли эксперт способностью отличать тексты, созданные искусственным интеллектом, от текстов, созданных человеком, на основе анализа их креативных характеристик.
4. Проанализировать сильные и слабые стороны искусственного интеллекта в контексте разработки оригинальных нарративных текстов, выявляя области, в которых ИИ превосходит или уступает человеческому творческому потенциалу.

В качестве гипотез выдвинуты следующие предположения:

Гипотеза 1: Существуют статистически подтверждаемые различия в показателях креативности между текстами, созданными искусственным интеллектом, и текстами, созданными людьми.

Гипотеза 2: Распределение показателей креативности у людей демонстрирует более высокую степень вариативности по сравнению с распределением показателей креативности у искусственного интеллекта.

Гипотеза 3: Эксперт способен надежно идентифицировать авторство креативного текста (человек или ИИ) на основе анализа характеристик текста.

Методы. Планируется проведение исследования на студенческой выборке, а также использование генеративных моделей GPT4, DeepSeek, GigaChat, Character.ai.

Методики. «Креативные рассказы» (в апробации Е. М. Павловой, 2015) из психодиагностической батареи ROADS (Корнилов, Григоренко, 2010).

Процедура. Равное количество креативных рассказов, написанных студентами и нейросетями, предъявляется в случайном порядке без указания авторства независимым экспертам, оценивающим рассказ по критериям Оригинальности, Сложности,

Эмоциональности и Описательности согласно методике, а также определяющим, написан рассказ человеком или нейросетью.

Предполагается сравнение уровня креативности рассказов, написанных студентами и написанных нейросетями, определение точности различения работы человека и нейросети со стороны экспертов, а также анализ комментариев экспертов о текстах нейросети.

Литература

Корнилов С. А., Григоренко Е. Л. Методический комплекс для диагностики академических, творческих и практических способностей // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 2. С. 90–103.

Павлова Е. М. Креативность и эмоциональный интеллект в структуре интеллектуально-личностного потенциала человека: дис. ... канд. психол. наук. М., 2015.

Haase J., Hanel P. Artificial muses: Generative Artificial Intelligence Chatbots Have Risen to Human-Level Creativity // arXiv:2303.12003. 2023

Когнитивные архитектуры как способ моделирования творческого мышления

Е. А. Лукашкина

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Москва
lukashkina.kate@yandex.ru

В работе рассматривается потенциал когнитивных архитектур как инструмента моделирования творческого мышления. Предлагается систематический анализ трех типов задач — на аналогии, поиск отдаленных ассоциаций

(Compound Remote Associates, CRA) и дивергентное мышление (Alternative Uses Test, AUT) — с параллельной реализацией в когнитивных архитектурах Soruscat, ACT-R и CLARION. Предусмотрено сопоставление моделей с экспериментальными данными от испытуемых.

Ключевые слова: когнитивные архитектуры, творческое мышление, аналогия, инсайт, дивергентность, ACT-R, Soruscat, CLARION.

Вопрос о когнитивной природе творческого мышления остается центральным в психологии творчества. При этом его моделирование средствами когнитивных архитектур остается на периферии как в психологической, так и в ИИ-повестке. Современные когнитивные архитектуры позволяют «воспроизводить» отдельные модули мышления — память, внимание, ассоциации, принятие решений и т.д., что делает их перспективными для построения формальных моделей процессов творческого мышления.

Цели и постановка проблемы. Целью исследования является эмпирическая и теоретическая оценка потенциала архитектур ACT-R, CLARION и Soruscat в качестве моделей творческого мышления. Проблема заключается в отсутствии сопоставимого тестирования архитектур на различных типах креативных задач с привлечением поведенческих данных от испытуемых. Это затрудняет валидацию архитектур как когнитивно-правдоподобных моделей творчества.

Теоретические основания. Творческое мышление в психологии определяется как процесс генерации оригинальных и функциональных решений, не сводимых к репродуктивным стратегиям (Пономарёв, 1976). В нашем исследовании в роли проверки особенностей процесса творческого решения будут выступать: задачи на поиск аналогий (Holyoak, Thagard, 1996), задачи, на поиск отдаленных ассоциаций (CRA), дивергентные задания на продуктивность и оригинальность (AUT — тест на альтернативные применения).

Архитектура Soruscat (Hofstadter et al., 1995) разработана для моделирования аналогий в ограниченных микромирах. Ее

основа — динамическая система взаимодействия перцептивных, ассоциативных и управляющих модулей с акцентом на «ментальную текучесть» и конкуренцию между кодлетами (независимые процессы, которые работают параллельно, конкурируют или сотрудничают). Она позволяет воспроизводить спонтанное структурированное решение и переструктурированное в задачах на аналогии. АСТ-R (Anderson et al., 2004) — модульная архитектура, в которой рабочая память, декларативная память и продукционные правила взаимодействуют в рамках ограничений, приближенных к человеческому когнитивному исполнению. Архитектура позволяет моделировать стратегическое решение задач, включая инсайтное решение (некое его подобие), возникающие при активации новых ассоциативных связей в памяти. CLARION (Sun, 2006) реализует двухуровневую организацию когнитивных процессов — эксплицитную (символическую) и имплицитную (нейроподобную). Это позволяет моделировать как осознанные, так и неосознаваемые процессы генерации идей, что делает ее особенно подходящей для задач на дивергентное мышление.

Методологический подход. Будет реализовано тройное моделирование: каждая архитектура будет протестирована на трех типах задач —

1. Аналогии (по типу задач, на которых тестировалась архитектура Сорусат: « $abc \rightarrow abd; ijk \rightarrow ?$ »),
2. CRA (нахождение общего слова, которое составит с каждым из трех предложенных словосочетание: «лёд, сладость, пакетик», ответ — чай (чай со льдом, сладкий чай, чайный пакетик),
3. AUT (генерация оригинальных способов использования предметов: «Назовите как можно больше нестандартных способов использования кирпича»).

Параллельно проводится поведенческий эксперимент с участием испытуемых: те же задачи предлагаются людям. Фиксируются время, успешность, оценки Ага-переживания (0–7), оригинальность решения (для AUT).

Архитектуры оцениваются по: когнитивной правдоподобности решений, полноте и качеству вывода, типу ошибок

и стратегии, возможности моделировать субъективные аспекты (например, подобие Ага-реакции и прочих аспектов инсайтного решения).

Ожидаемые результаты и выводы. Ожидается, что Сорусат будет наиболее адекватно моделировать аналогии, АСТ-R — задачи CRA, а CLARION — AUT. Сопоставление моделей с человеческими данными позволит уточнить границы применимости каждой архитектуры и определить перспективные направления для интеграции символических и нейросетевых компонентов в моделировании творчества. Исследование может способствовать построению когнитивно-достоверных ИИ-моделей творческого мышления.

Литература

- Пономарёв Я. А. Психология творчества. М.: Наука, 1976.
- Anderson J. R., Bothell D., Byrne M. D., Douglass S., Lebiere C., Qin Y. An integrated theory of the mind // Psychological review. 2004. V. 111. No. 4. P. 1036–1060.
- Hofstadter D. R., Mitchell M. The copycat project: A model of mental fluidity and analogy-making // Advances in connectionist and neural computation theory. 1994. V. 2. P. 31–112.
- Holyoak K. J., Thagard P. Mental leaps: Analogy in creative thought. Cambridge, MA, USA: MIT press, 1996.
- Sun R. The CLARION cognitive architecture: Extending cognitive modeling to social simulation // Cognition and multi-agent Interaction / Ed. by R. Sun. NY: Cambridge University Press, 2006. P. 79–99.

Влияние технологий искусственного интеллекта на креативное мышление человека

А. И. Минин
ООО «САОТРОН», Москва
aminin@saotron.ru

Р. В. Козьяков
Московский инновационный университет, Москва
kozyakovroman@yandex.ru

В статье рассматривается влияние технологий искусственного интеллекта (ИИ) на креативное мышление человека с позиций общей психологии. Анализируются когнитивные и эмоционально-мотивационные последствия взаимодействия с ИИ, включая снижение самостоятельного мышления, рост тревожности и кризис профессиональной идентичности. Особое внимание уделяется этико-психологическим дилеммам, связанным с авторством и оригинальностью ИИ-генерируемого контента. Предлагаются стратегии гармонизации взаимодействия человека и ИИ через образовательные инициативы, психологическую адаптацию и этическое регулирование. На основе междисциплинарного подхода формулируются рекомендации по сохранению уникальности человеческого творчества в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, креативное мышление, когнитивные эффекты, психология творчества, профессиональная идентичность, человеко-машинное взаимодействие, цифровая трансформация.

Искусственный интеллект как инструмент расширения креативных возможностей. Современные системы искусственного интеллекта (ИИ) (Deep Dream, AIVA, DALL-E) демонстрируют значительный потенциал в различных творческих сферах:

- Визуальное искусство: генерация уникальных стилей и композиций
- Музыка: создание оригинальных аранжировок
- Литература: автоматизация написания текстов
- Дизайн: оптимизация творческого процесса
- Научные исследования: инструменты моделирования процессов и анализа данных.

Согласно исследованию Adobe (2019), 74 % креативных специалистов отмечают, что ИИ расширяет их профессиональные возможности, позволяя сосредоточиться на концептуальных аспектах работы.

Искусственный интеллект играет ключевую роль и в современных научных исследованиях, предоставляя ученым мощные инструменты для анализа данных и моделирования сложных процессов, становится двигателем инновации в науке и бизнесе. Например, алгоритмы машинного обучения помогли в открытии нового антибиотика Halicin, что стало возможным благодаря анализу огромного объема данных о химических соединениях. Это открытие подчеркивает, как ИИ ускоряет научный прогресс, позволяя находить решения, которые ранее были недоступны.

Эмоционально-мотивационные последствия влияния ИИ на креативность. Эмпирические исследования свидетельствуют о значительном психологическом воздействии ИИ-технологий на творческих специалистов: 62 % профессионалов испытывают повышенную тревожность, 45 % — страх профессиональной невостребованности, а также наблюдается заметное снижение уверенности в собственных креативных способностях. Эти негативные эмоциональные реакции обусловлены как объективными рисками автоматизации творческих процессов, так и субъективным восприятием ИИ как конкурента, что требует разработки специальных психологических программ поддержки для адаптации креативных специалистов к новым технологическим реалиям (Козьяков, 2024).

Этико-психологические дилеммы влияния ИИ на креативность. Современное внедрение ИИ в творческие процессы порождает комплекс этико-психологических проблем: во-первых,

проблему авторства, где размываются границы между человеческим и машинным творчеством (на примере проданной на Christie's за \$ 432 500 картины «Эдмон де Белами»); во-вторых, вопрос оригинальности, так как около 30 % ИИ-генерируемых работ демонстрируют сомнительную уникальность, ставя под сомнение ценность алгоритмического творчества; и в-третьих, кризис профессиональной идентичности, требующий от творческих специалистов переосмысления своих ролей в условиях технологической трансформации креативных индустрий (Floridi, 2019). Эти вызовы актуализируют необходимость разработки новых этических и профессиональных ориентиров в эпоху цифрового творчества.

Стратегии гармонизации взаимодействия человека и ИИ в творческой деятельности. Для эффективной интеграции ИИ в креативные процессы необходима комплексная стратегия, включающая три ключевых направления: образовательные инициативы (внедрение междисциплинарных программ, отмечаемое в 50 % вузов США, и развитие гибридных технико-креативных навыков), психологическую адаптацию (формирование адаптивного мышления и метакогнитивных навыков для работы с ИИ-инструментами), а также разработку этических регуляторов (стандартов использования ИИ и правового оформления концепции «соавторства» человека и искусственного интеллекта) (Dweck, 2006). Такой многоуровневый подход позволяет минимизировать психологические риски и максимизировать творческий потенциал симбиоза человеческого и искусственного интеллекта (Минин, 2025).

Заключение. Технологии ИИ представляют собой мощный инструмент, который при грамотном использовании способен расширить креативные возможности человека. Однако ключевым условием сохранения уникальности человеческого творчества является осознанное управление этим взаимодействием (Козьяков, 2022).

Литература

Козьяков Р. В. Концепции креативного мышления и основные подходы к его изучению // Современная зарубежная

- психология. 2022. Т. 11. № 4. С. 117–126.
- Козьяков Р. В., Минин А. И.* Неподирективные методы развития креативности, для решения сложных управленческих задач // *International Journal of Medicine and Psychology*. 2024. Т. 7. № 8. С. 67–78.
- Минин А. И., Козьяков Р. В.* Психологический гомеостаз группы, в корпоративной среде при адаптации к ситуации креативной деятельности // *Проблемы современного педагогического образования*. 2025. № 86(1). С. 485–489.
- Dweck C. S.* *Mindset: the new psychology of success*. Random house publishing group, 2006.
- Floridi L.* *The logic of information: a theory of philosophy as conceptual design*. Oxford University Press, 2019.

К вопросу о методах моделирования творческих процессов в искусственном интеллекте

Д. А. Стельмахов
Институт философии РАН, Москва
denis.stelmakhov@mail.ru

Теоретическая основа психологии творчества Я. А. Пономарёва предлагает интересную оптику для изучения современных подходов к проблеме творчества в искусственном интеллекте (далее — ИИ). В докладе рассматриваются методологические проблемы моделирования творческих процессов в системах ИИ, проводятся параллели между поэтапной моделью творческого мышления Пономарёва и современными вычислительными подходами к искусственному творчеству, а также выдвигается

симбиотическая модель совместного творчества человека и ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, творчество, моделирование, инсайт, симбиоз, психология мышления.

Концептуализация Я. А. Пономарёвым творчества как преобразующего взаимодействия между сознательными и бессознательными когнитивными процессами применима для современной разработки творческого ИИ. Предложенное им различие между логическими (сознательными) и интуитивными (бессознательными) фазами творческого решения проблем (Пономарёв, 1976) перекликается с недавними разработками в области архитектур машинного обучения, которые пытаются совместить явное рассуждение с эмерджентным распознаванием образов. Напряжение между этими модальностями, которые Пономарёв определил как центральные для человеческого творчества, представляет собой значительную проблему для воссоздания творческого процесса в ИИ.

В настоящее время можно выделить три преобладающих методологических подхода к моделированию творчества в системах ИИ: 1) комбинаторные методы, которые реконфигурируют существующие знания в новые механизмы; 2) трансформационные подходы, которые изменяют концептуальные пространства; и 3) эмерджентные методы, способствующие непредсказуемым результатам посредством сложных системных взаимодействий (Boden, 2009). Каждый подход анализируется в отношении теоретической структуры Пономарёва, в частности его концепции «бисоциации» и принципа побочного продукта творческого озарения. Каждый из обозначенных подходов имеет существенные ограничения, вытекающие в первую очередь из неспособности систем ИИ переживать феноменологические аспекты творческих процессов. Моделирование подлинно творческого процесса в ИИ требует не просто моделирования творческих результатов, но и включения механизмов, которые параллельны психологическим трансформациям.

Сущностно важным для данного доклада является демаркация форм продуктивной деятельности, демонстрируемых

машинами и людьми. Необходимо разграничивать вычислительную (генеративную) новизну и подлинный творческий акт с присущей ему субъективной вовлеченностью. Вместо того чтобы приписывать творчество самим системам ИИ, целесообразно использовать симбиотическую модель, в которой технические системы функционируют как среды, катализаторы и инструменты, расширяющие поле возможностей для творческого самовыражения человека, а не как автономные носители творчества.

Выводы доклада носят теоретико-методологический и прикладной характер. С одной стороны, они способствуют прояснению границ применимости понятий «творчество» и «новизна» к искусственным системам, с другой — открывают перспективы для проектирования ИИ, способного эффективно взаимодействовать с человеком в процессе решения творческих задач.

Литература

- Пономарёв Я. А.* Психология творчества. М.: Наука, 1976.
- Voden M. A.* Computer models of creativity // *Ai Magazine*. 2009. V. 30. No. 3. P. 23–34.

Ощущение как основа субъективности и катализатор творчества (по Я. А. Пономарёву)

В. В. Суворов

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Федеральный научный
центр психологических и междисциплинарных
исследований (Психологический институт), Москва
v.suvorov@rcc.msu.ru

Характеристики ощущений в произведениях Я. А. Пономарёва немногочисленны, но являются весьма значимыми. Они раскрывают роль ощущений в качестве основы субъективности и творческого мышления. Полученные результаты приобретают сегодня дополнительную актуальность в качестве концептуальных оснований для компьютерного моделирования творческого мышления. В свете идей Я. А. Пономарёва, ощущения: а) являются каналом получения информации о реальности; б) характеризуются простотой в качестве сигналов сознанию о наступлении событий и в) составляют среду для формирования более высоких уровней, включая творческое мышление. Каждый уровень может быть предметом моделирования в компьютерной среде, а в совокупности они могут рассматриваться в качестве основы для моделирования субъективного качества.

Ключевые слова: ощущение, творчество, сознание, искусственный интеллект, компьютерное моделирование.

Ощущение формирует базовый уровень субъективности. В нейронауке, психологии и феноменологии оно рассматривается не просто как периферический канал ввода информации, но как универсальная форма осознания содержания. Нейрофизиологические исследования показывают, что любое осознаваемое состояние сопряжено с активацией сенсорных

и интероцептивных сетей, кодирующих не только телесные сигналы, но также эмоциональные, концептуальные и воображаемые состояния. Все, что осознается, прежде всего ощущается — будь то внутреннее напряжение, импульс, тональность или плотность присутствия. Исследования с вызванными потенциалами подтверждают первичность ощущения по отношению к воспринимаемому содержанию.

В контексте творчества универсальная роль ощущения получает особую значимость. В теории «творческого отражения», разработанной Я. А. Пономарёвым, ощущение понимается как: (а) нижний уровень отражения без осмысленного содержания; (б) базовый сенсорный материал для развертывания действий; (в) источник побочных раздражителей, способных инициировать творческое озарение в процессе осмысленного действия. Пономарёв подчеркивает важность целостного и одновременно дифференцированного восприятия мира («неразделимость» восприятия). Ощущение трактуется им как целостный результат активности, где «мы не должны противопоставлять психологический процесс и физиологический» (Пономарёв, 1976). При этом «ощущения... и т. п., понимаемые как явления идеальные, трактуются вместе с тем, как результат деятельности материального органа — мозга» (Пономарёв, 1976), а на высших уровнях «ощущения уже предполагают наличие узнавания и развитого мышления» (Пономарёв, 1976).

Хотя ощущение классифицируется как низший и наименее структурированный тип отражения, оно играет роль триггера когнитивных процессов, особенно в творческом мышлении. Случайные или периферийные сенсорные сигналы могут вызывать неожиданные инсайты — как побочный продукт поиска решений. Даже не обладая структурой готового ответа, ощущение способно инициировать реорганизацию ментальных операций. Его простота и непосредственность создают благоприятные условия для спонтанных резонансов и когнитивных реконфигураций. Таким образом, ощущение выступает не только физиологическим основанием сознания, но и психогенетическим триггером возникновения новизны. Оно обеспечивает

начальный акт различения — исходную степень дифференциации, из которой развиваются мысль, понимание и творчество.

В теории творчества Пономарёва ощущение занимает центральное место как возможный источник инсайта (Галкина, 2019), способный инициировать пересборку смыслов в условиях затрудненного мышления. Ощущение — самая простая и одновременно фундаментальная форма субъективного присутствия, создающая предпосылки для творческого акта. Пономарёв показывает, что творчество происходит на стыке мысли и чувства, логики и ощущения. Ощущение — будь то чувство неудовлетворенности, зрительный образ или пробное физическое действие — катализирует процесс творческой перестройки, помогая системе выйти на новый уровень. Именно благодаря чувственному восприятию сознание получает импульс к реорганизации и порождению нового опыта. Без ощущений невозможны ни интуиция, ни созидательная активность.

Заключение. Характеристики ощущения в контексте творчества, данные Я. А. Пономарёвым, помимо их значимости в психологии, приобретают особую актуальность ввиду прогресса искусственного интеллекта (ChatGPT LLM). Перспектива создания сильного ИИ предполагает модель сознания, в которой ощущение выступает важнейшим содержательным уровнем (Suvorov, 2024, 2025). Ощущение способно инициировать процесс поиска творческих решений, делая функционирование ИИ в реальности адаптивным и продуктивным. Выполненное Я. А. Пономарёвым представление во взаимосвязи ощущения и действий по достижению творческого результата оказывается в фокусе актуальной проблемы.

Литература

- Галкина Т. В., Журавлёв А. Л. Основные научные идеи Я. А. Пономарёва в области теории и методологии психологии // Ярославский педагогический вестник, 2019. № 2(107). С. 73–81.
- Пономарёв Я. А. Психология творчества. М.: Наука, 1976.
- Suvorov V. V. Consciousness as sensation — a breakthrough approach to Artificial General Intelligence (AGI) // In Cybernetics and Control Theory in Systems: Proceedings of 13th Computer

Science On-line Conference 2024, V. 2. P. 406–415.
Modeling AGI Consciousness: Principle, Theories, Tools and Implementation Prospects. Lecture Notes in Networks and Systems, 2025. (В печати.)

Принцип ЭУС в самообучении «цифрового субъекта» средствами искусственного интеллекта*

П. Н. Устин

Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань
pavust@mail.ru

А. М. Попов

Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань
leonid.popov@inbox.ru

Развитие информационно-цифровых технологий определило появление нового феномена — цифрового виртуального поведения. В работе показан подход, открывающий возможности моделирования поведения субъекта в цифровой среде с помощью методов и технологий искусственного интеллекта. На примере нейросетевого моделирования показаны возможности самообучения «цифрового субъекта» и его адаптации в виртуальном пространстве через принцип ЭУС (этапы-уровни-ступени), предложенный Я. А. Пономарёвым.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-01125, <https://rscf.ru/project/24-18-01125/>

Ключевые слова: поведение, искусственный интеллект, искусственная нейронная сеть, цифровая среда, моделирование.

Поведение авторами понимается как аффективная и когнитивная характеристика процессуально-динамических действий личности, являющаяся одной из форм субъект-объектного и субъект-субъектного взаимодействия, которое используется в естественных и гуманитарных науках для характеристики двунаправленной активности участников. В зависимости от ситуации во взаимодействующей системе в контексте «фигура-фон» выделяется один из аспектов интегрального образования «поведение» (Б. Ф. Ломов): движение, действие, отношение, деятельность, общение, познание, преобразование (Попов, Устин, 2025).

Появление и развитие информационно-цифровых технологий, интернета и искусственного интеллекта определили появление нового феномена — цифрового виртуального поведения. Появление данного феномена раскрывает новые формы активности человека, который проводит значительную часть своей жизни в виртуальной реальности. При этом к настоящему времени отсутствует теоретически обоснованная и экспериментально подтвержденная психологическая модель, раскрывающая поведение как систему взаимосвязанных действий субъекта в реальной и цифровой среде.

Обозначенная проблема решается авторами через использование междисциплинарного подхода и активное включение технологий и методов компьютерных наук и информатики. Это соотносится с позициями Б. Ф. Ломова о том, что математика может выступать в качестве средств построения психологической теории и моделирования психической реальности (Ломов, 1984). В исследовании были рассмотрены возможности использования инструментов искусственного интеллекта для переноса экспериментальных исследований поведения в цифровую среду, что открывает широкие возможности моделирования данного феномена и понимания стимулов, его вызывающих.

Для исследования возможностей моделирования поведения в цифровой среде была использована широко распространенная игра, где змейка постоянно ползает и растет, поедая

яблоки, а игрок может направлять ее в разные стороны (Устин, Валеева, Гафаров, 2024). Задача заключается в том, чтобы змейка не умерла при столкновении со своим хвостом или с границами игрового поля. В исследовании силами IT-специалистов были использованы нейросетевые технологии для обучения змейки самостоятельной двигательной активности в цифровой среде без участия игрока. Особенность такой змейки в том, что в этом случае ею никто не управляет — ее мозгами выступает искусственный интеллект и она является «самостоятельным цифровым субъектом», в котором заложена способность к самообучению через поощрения или наказания при выполнении правильных или неправильных действий. Через определенное количество попыток змейка начинает самостоятельно обучаться новым правилам, которые изначально в нее не были заложены, и адаптироваться к новой среде.

На примере нейросетевого моделирования игры «Змейка» мы наблюдаем расширенный вариант явления поведения, где действия выполняются уже искусственным интеллектом, и выполняются эти действия в цифровой среде. Динамика обучения «цифрового субъекта» отражает скачкообразный характер качественных преобразований. Первые 50 попыток мы наблюдали минимальную эффективность обучения, а затем примерно через каждые 10 попыток эффективность самообучения змейки начинает резко возрастать. Данная закономерность может быть описана принципом ЭУС (этапы — уровни — ступени), предложенным Я. А. Пономарёвым для стратегии комплексного исследования явления творчества (Пономарёв, 1976). Данный принцип описывает трансформацию этапов развития явления в структурные уровни его организации и функциональные ступени дальнейших развивающих взаимодействий. Попытки змейки в данном варианте — это этапы ее обучения, которые переходят в уровневую организацию поведения «цифрового субъекта».

Исследование показывает, что использование методов искусственного интеллекта значительно расширяет возможности моделирования различных психических феноменов, в частности поведения, и выступает одним из наиболее перспективных направлений в развитии психологической науки.

Литература

- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Пономарёв Я. А. Психология творчества. М.: Наука, 1976.
- Попов Л. М., Устин П. Н. Поведение как процессуально-динамическая характеристика субъекта // Психологический журнал. 2025. Т. 46. № 2. С. 24–34.
- Устин П. Н., Валеева Р. А., Гафаров Ф. М. Возможности нейросетевого моделирования поведения личности // Доминанты психолого-педагогического мастерства в сфере физической культуры и спорта: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Казань: Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, 2024. С. 463–469.

Диагностика стремления к творчеству у детей и подростков с помощью экспертных оценок и языковой модели DeepSeek-V3*

Н. А. Хохлов

Институт психологии РАН, Москва
khokhlovna@ipran.ru

В работе обсуждается, насколько большая языковая модель DeepSeek-V3 может оценивать стремление к творчеству у детей и подростков по их описанию своих занятий

* Работа выполнена в рамках государственного задания № 0138–2024–0019 «Творчество человека в условиях развития информационных технологий и искусственного интеллекта».

в свободное время. Выборка — 839 человек в возрасте 4–17 лет, из них 303 девочки и 536 мальчиков. Участники исследования отвечали на вопросы о своих интересах и увлечениях в прошлом, настоящем и будущем. Ответы респондентов были проанализированы экспертами, которые оценили выраженность их стремления к творчеству. Аналогичную оценку провел чат-бот DeepSeek-V3. Выяснилось, что оценки DeepSeek-V3 хорошо согласуются с оценками экспертов (коэффициент конкордации Кендалла от 0,749 до 0,831). Полученные результаты подтверждают возможность применения искусственного интеллекта для автоматизации анализа протоколов психодиагностических опросов.

Ключевые слова: автоматизация психодиагностики, анализ текста, искусственный интеллект, метод экспертных оценок, детский досуг, интересы, увлечения.

Изучение рассказа человека о своем досуге используется для оценки базовых стремлений. В процессе обсуждения интересов и увлечений респондент меньше ориентируется на социальную желательность, чем при заполнении тематических опросников. Предполагается, что анализ протоколов можно проводить с помощью искусственного интеллекта (Mladenić, Grobelnik, 2013; Moreno, Redondo, 2016; Ушаков, 2024).

Цель работы — выяснить, может ли большая языковая модель DeepSeek-V3 оценивать стремление к творчеству у детей и подростков по их описанию своих занятий в свободное время.

В исследовании приняли участие 839 человек в возрасте 4–17 лет ($10,3 \pm 3,7$), из них 303 девочки и 536 мальчиков, которые в 2014–2024 гг. проходили нейропсихологическую диагностику в Центре тестирования и развития «Гуманитарные технологии» и Психологическом центре «Гальтон».

Участникам исследования задавались следующие вопросы: 1) Что ты любишь делать в свободное время? 2) А что любил делать год назад? 3) Чем хотел бы заниматься в будущем?

Полученные ответы были переданы экспертам (В. Ю. Важенина, А. Е. Васильева, Е. Д. Фёдорова), которые

независимо друг от друга выделили наиболее распространенные смысловые группы. В совокупности было получено 57 наименований, которые могли повторяться. Для каждой пары групп автор работы дважды (с перерывом) оценил степень различия по 4-балльной шкале, благодаря чему была получена квадратная асимметричная матрица расстояний.

Первая система категорий была получена с помощью многомерного шкалирования. Она состоит из 6 биполярных шкал: «Работа — Развлечение», «Познание — Общественная деятельность», «Физическая активность — Потребление и накопление ресурсов», «Творчество — Повседневность», «Определенность — Неопределенность», «Коллективизм — Индивидуализм». Составляющие полюса категории чаще всего исключают друг друга, но иногда могут присутствовать оба противоположных стремления. Для решения этой проблемы с помощью кластерного анализа была получена вторая система категорий из 8 униполярных шкал: «Профессии», «Познание», «Отдых», «Общение», «Творчество», «Неопределенность», «Физическая активность», «Еда и потребление». Далее обсуждаются четвертая биполярная (ТП) и пятая униполярная (Т) шкалы, оценивающие стремление к творчеству.

Ответы респондентов независимо обрабатывались другими экспертами. Т. А. Копытина, О. В. Морозова и Н. А. Хохлов оценили ответы по биполярным шкалам, применяя 11-балльную систему оценок от -5 до 5. Е. В. Васюра, О. В. Морозова и Н. А. Хохлов оценили ответы по униполярным шкалам, применяя 6-балльную систему оценок от 0 до 5. В большинстве случаев (90,3 %) ответ оценивали 2 эксперта.

Ответы также были предложены для анализа чат-боту DeepSeek-V3. Искусственному интеллекту требовалось оценить, насколько каждый респондент стремится к творчеству, используя 6-балльную систему оценок от 0 до 5.

Обработка данных проводилась с помощью программы RStudio 2024.12.1+563 (пакет DescTools). Вычислялись коэффициенты корреляции Спирмена (ρ) и конкордации Кендалла (W).

Получены следующие показатели согласованности и связи между оценками. По шкале ТП: Копытина и Морозова — $W =$

0,81; $\varrho = 0,647$; $p < 0,001$; $n = 602$; Копытина и Хохлов — $W = 0,8$; $\varrho = 0,632$; $p < 0,001$; $n = 207$. По шкале Т: Васюра и Морозова — $W = 0,778$; $\varrho = 0,81$; $p < 0,001$; $n = 692$; Васюра и Хохлов — $W = 0,806$; $\varrho = 0,88$; $p < 0,001$; $n = 15$; Васюра и DeepSeek — $W = 0,773$; $\varrho = 0,687$; $p < 0,001$; $n = 707$; Морозова и DeepSeek — $W = 0,749$; $\varrho = 0,69$; $p < 0,001$; $n = 692$; Хохлов и DeepSeek — $W = 0,831$; $\varrho = 0,76$; $p < 0,001$; $n = 147$. Корреляции при усреднении оценок экспертов: ТП и Т — $\varrho = 0,779$; $p < 0,001$; $n = 839$; ТП и DeepSeek — $\varrho = 0,65$; $p < 0,001$; $n = 839$; Т и DeepSeek — $\varrho = 0,729$; $p < 0,001$; $n = 839$.

Хотя в среднем оценки экспертов чуть более связаны между собой, чем с оценками DeepSeek, все оценки хорошо согласованы между собой по представленным в литературе критериям (Landis, Koch, 1977; Schmidt, 1997). Таким образом, DeepSeek-V3 может оценивать стремление к творчеству наравне с психологами.

Литература

- Ушаков Д. В. Технологии искусственного интеллекта в психологии // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 4. С. 182–189.
- Landis J. R., Koch G. G. The measurement of observer agreement for categorical data // Biometrics. 1977. V. 33. No. 1. P. 159–174.
- Mladenić D., Grobelnik M. Automatic Text Analysis by Artificial Intelligence // Informatica. 2013. V. 37. No. 1. P. 27–33.
- Moreno A., Redondo T. Text Analytics: the convergence of Big Data and Artificial Intelligence // International Journal of Interactive Multimedia and Artificial Intelligence. 2016. V. 3. No. 6. P. 57–64.
- Schmidt R. C. Managing Delphi Surveys Using Nonparametric Statistical Techniques // Decision Sciences. 1997. V. 28. No. 3. P. 763–774.

**ТВОРЧЕСТВО
И ОБРАЗОВАНИЕ**

Динамика личностно-индивидуальных творческих характеристик детей младшего школьного возраста

Т. В. Архиреева

Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород
tarxireeva@mail.ru

В статье рассматривается динамика личностных творческих характеристик у детей младшего школьного возраста. Теоретической основой исследования послужила разработанная Ф. Вильямсом модель творческих способностей детей, включающая не только дивергентное мышление, но и особые личностные характеристики. В работе представлены результаты эмпирического исследования развития выделенных ученым личностных особенностей — способности пойти на риск, сложности, любознательности и развитого воображения у школьников первого, второго, третьего и четвертого классов. Результаты показали разную динамику перечисленных характеристик.

Ключевые слова: личностно-индивидуальные творческие характеристики, рискованность, сложность, любознательность, воображение, младший школьный возраст.

В настоящее время много внимания уделяется изучению развития творческих способностей детей разного возраста как в зарубежной (Любарт, 2009; Fielding, 2022), так и в отечественной науке (Богоявленская, 2017; Чурбанова, 2018). Исследования показывают сложную динамику данных способностей в период детства, включающую периоды активного развития, спадов и качественных изменений.

Большинство исследований основаны на понимании творчества как особой интеллектуальной способности. Но есть и другие подходы к разработке модели творческих способностей. Ф. Вильямс разработал модель творческих способностей детей,

которая включает характеристики, связанные как с творческим мышлением, так и с личностными чертами. На основе своей модели автор предложил методики диагностики и развития творческих способностей у детей (по Туник, 2003).

Целью данного исследования было выявление динамики выделенных Ф. Вильямсом личностно-индивидуальных творческих характеристик у учащихся младшего школьного возраста. К личностно-индивидуальным творческим факторам ученый отнес следующие: рискованность, сложность, любознательность и воображение как способность визуализировать и строить мысленные образы.

Выявление индивидуально-личностных творческих характеристик проводилось нами с помощью опросника, разработанного Ф. Вильямсом и стандартизированного в нашей стране Е. Е. Туник (Туник, 2003). Исследование было организовано методом срезов. В нем участвовали 69 учеников первого класса, 70 учеников второго класса, 63 ученика третьего класса, 47 учеников четвертого класса школы — гимназии «Эврика» г. Великого Новгорода. Отдельно выявлялись различия между показателями детей в первом и во втором классах, затем сравнивали результаты детей во втором и третьем классах и, наконец, результаты детей в третьем и четвертом классах. Сравнение осуществлялось с помощью *t*-критерия Стьюдента.

В результате исследования обнаружено, что способность детей рисковать растет от первого класса ко второму, далее при переходе от второго класса к третьему остается примерно на том же уровне, что и раньше, а при переходе в четвертый класс можно снова увидеть рост данного показателя. Таким образом, наши данные позволяют говорить о том, что способность к риску в младшем школьном возрасте растет, но не равномерно, есть два пика — второй класс и четвертый.

Далее мы исследовали динамику такой индивидуально-личностной творческой характеристики, как любознательность. Выявлено, что рост данного показателя происходит только при переходе от первого класса ко второму и далее уровень любознательности остается стабильным на всем протяжении изучаемого возрастного периода.

Динамика такой характеристики, как сложность (комплексность), отличается от предыдущих характеристик. На нашей выборке обнаружено, что на протяжении первого, второго и третьего классов уровень данного показателя остается стабильным. Только при переходе от третьего класса к четвертому виден рост.

Четвертая характеристика, составляющая комплекс индивидуально-личностных творческих характеристик — развитое воображение, по нашим данным, на протяжении возрастного периода остается стабильной, не выявлено ни значительного ее роста, ни снижения.

Полученные *результаты* показали сложный характер динамики индивидуально-личностных творческих характеристик у младших школьников. Мы полагаем, что далее важно разобраться в причинах, которые обуславливают описанные изменения в характеристиках, а также понять, каковы следствия такой динамики личностных творческих особенностей для личности ребенка и особенно для учебной деятельности (ведущей в младшем школьном возрасте).

Литература

- Богоявленская Д. Б., Жукова Е. С. Лонгитюдное исследование становления творческих способностей на протяжении младшего и раннего подросткового возраста // *Образование личности*. 2017. № 3. С. 80–88.
- Любарт Т., Муширу К., Торджман С., Зенасни Ф. Психология креативности. М.: Когито-центр, 2009.
- Туник Е. Е. Модифицированные креативные тесты Вильямса. СПб.: Речь. 2003.
- Чурбанова С. М. Развитие творческого мышления в детском возрасте // *Национальный психологический журнал*. 2018. № 1 (29). С. 88–97.
- Fielding K., Murcia K. Research linking digital technologies to young children's creativity: An interpretive framework and systematic review // *Issues in Educational Research*. 2022. V. 32. No. 1. P. 105–125.

Возможности использования кейс-метода в развитии креативности студентов

Л. И. Еремина

Ульяновский государственный педагогический
университет им. И. Н. Ульянова, Ульяновск
lariv73@mail.ru

В статье представлен опыт использования кейс-метода в процессе обучения будущих специалистов социальной сферы. Раскрываются возможности данного метода в развитии креативности обучающихся. Описаны действия студентов по изобретению взаимовыгодных вариантов решения конфликтной ситуации при изучении стратегии сотрудничества. Изложены обобщенные результаты эмпирического исследования с учетом гендерных особенностей студентов. *Ключевые слова:* творчество, креативность, взаимодействие, кейс-метод, ситуация.

Идеи Я. А. Пономарёва о роли взаимодействия логического и интуитивного опыта в едином процессе творческого мышления; психологических механизмах творческой деятельности человека: взаимосвязь внешнего (предметного) и внутреннего (модельного) планов действий (Пономарёв, 1976); о принципах решения задач: в любом действии человека способности и знания, умения, навыки неотделимы друг от друга (Галкина, 2020); о понимании творчества как развивающего взаимодействия (Пономарёв, 1983) послужили основанием для изучения кейс-метода, который учит искать нетривиальные подходы к решению проблемы и не имеет единственно правильного решения.

Кейс-метод как один из методов активного обучения представляет собой групповой анализ представленной ситуации, разработку разных вариантов причин проблемы, выбор наиболее приемлемой причины, поиск практического решения,

оценка предложенных алгоритмов, выбор оптимального варианта действий в контексте поставленной проблемы.

Грамотный подбор ситуации определяется степенью ее соответствия изучаемой области знаний (в нашем случае — конфликтология в социальной работе), наличие в ней нестандартности, что побуждает к развитию креативности студентов, проявление которой практически невозможно вне социального взаимодействия (Журавлёв, Нестик, 2011). Специфика обучения студентов направления подготовки «Социальная работа» предполагает «работу со случаем» с разными категориями клиентов. Понятие «ситуация» отражает результаты социальных изменений и имеет процессуальные характеристики, поскольку является результатом предыдущих ситуаций и следствием последующих. Решение конфликтных ситуаций позволяет операциональное использование взаимодействия, где студенты проявляют активность по отношению к ситуации жизнедеятельности, ее анализ и разрешение влияют на развитие психических свойств личности. Косвенный путь управления творчеством — это создание условий, благоприятствующих ему (Пономарёв, 1976).

На занятиях применяли кейсы, обучающие решению проблем и принятию решений, и практические кейсы, дающие возможность моделирования реального события. Акцент был сделан на ситуационный анализ кейсов, представляющий собой совокупность методов и приемов осмысления конфликтной ситуации, причины ее возникновения, тенденции развития и пр.

В обучении студентов стратегии сотрудничества использовали метод принципиальных переговоров, включающий в себя в том числе такой прием, как изобретение взаимовыгодных вариантов решения конфликта. Студенты в микрогруппах описывали структурные и динамические характеристики конфликтной ситуации, полученной из реальной жизни. Осуществляли поиск, придумывали взаимовыгодные варианты решения. Далее представляли и обосновывали свои нестандартные идеи. В ходе обсуждения выбирали наиболее оригинальные, при этом реализуемые варианты решения проблемы. Сложность возникла в выборе нестандартного и оптимального варианта,

поскольку характерно принципиальное отсутствие единственно верного решения. Завершалась работа над кейсом рефлексивной деятельностью. Взаимовыгодное решение не всегда возможно, следовательно, важно понимание использования других стратегий и тактик поведения в конфликте.

Методы исследования: анализ продуктов деятельности (результаты выполнения кейсов), опросник креативности Д. Джонсона. Анализ результатов выявил многообразие идей у студентов, которые совмещают работу и учебу, у них выше показатели по использованию различных стратегий решения проблемы, их отличает независимость мышления и ответственность за свою позицию. Для девушек характерна эмоциональная заинтересованность, чувствительность к проблеме, для юношей — способность структурировать с опорой на смысловое содержание ситуации. Не выявлены различия по показателю продуктивности; неповторяющиеся, необычные, оригинальные ответы отмечены в различных выборках. Русскоговорящие иностранные студенты при поиске решения исходили из социокультурных особенностей своей страны и сложившегося менталитета. Анализ полученных данных в исследовании продолжается.

Литература

- Галкина Т. В., Журавлёв А. Л., Маховская О. И., Ушаков Д. В. Пономарёв Яков Александрович: Жизненный путь и научное творчество // Выдающиеся ученые Института психологии РАН: Биографические очерки / Под ред. А. Л. Журавлёва. М.: ИП РАН, 2020. С. 342–374.
- Журавлёв А. Л., Нестик Т. А. Совместное творчество как ресурс деятельности организации: состояние и перспективы исследований // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 3–21.
- Пономарёв Я. А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
- Пономарёв Я. А. Психология творчества и педагогика. М.: Педагогика, 1976.
- Пономарёв Я. А. Психология творчества. М.: Наука, 1976.

Роль ритмического воспитания в формировании навыков самоорганизации у школьников

Г. М. Зиннатуллина
ООО «Логопро», Уфа
gugi0386@mail.ru

Доклад посвящен исследованию роли ритмического воспитания в формировании навыков самоорганизации у школьников. На основе анализа работ отечественных и зарубежных авторов рассматривается взаимосвязь между развитием чувства ритма и способностью к самоорганизации. Представлены результаты эмпирических исследований, демонстрирующих положительное влияние ритмического воспитания на различные аспекты самоорганизации учащихся. Предложены методические рекомендации по интеграции ритмического воспитания в образовательный процесс с целью формирования навыков самоорганизации у школьников.

Ключевые слова: ритмическое воспитание, самоорганизация, школьники, музыкально-ритмические способности, чувство ритма.

Ритмическое воспитание играет ключевую роль в формировании навыков самоорганизации у школьников, являясь важным компонентом образовательного процесса. Образовательная среда играет ключевую роль в формировании личности ребенка. Грамотно выстроенный учебный процесс помогает детям адаптироваться к окружающему миру и найти свое место в нем. Регулярность занятий и четкий распорядок дня создают ощущение стабильности и безопасности, что крайне важно для полноценного развития. Современные образовательные стандарты уделяют особое внимание развитию самостоятельности и саморегуляции у учащихся, начиная с младшего школьного возраста. Именно в этот период формируются предпосылки

для развития умений планирования, самоконтроля и самооценки, которые в совокупности составляют способность к самоорганизации личности. Ритм, являясь фундаментальным элементом музыки и природы человека, оказывает непосредственное влияние на формирование навыков самоорганизации. Через ритмическую организацию жизни и развитие чувства ритма у учащихся происходит естественное овладение различными видами деятельности, что отражается в их способности структурировать свое время и действия. Музыкально-ритмическое воспитание выступает эффективным инструментом в развитии самоорганизации школьников. Участие в различных видах музыкальной деятельности, особенно в движении под музыку, способствует формированию чувства ритма, которое, в свою очередь, переносится на другие сферы жизни ребенка. Чувство ритма — важный навык для учеников. Оно помогает им лучше ориентироваться во времени и пространстве, что критично для самоорганизации. Развивая ритмические способности, дети учатся эффективно планировать дела, грамотно распределять ресурсы и время. Это напрямую влияет на их умение самостоятельно организовывать свою жизнь и учебу. В начальной школе развитие чувства ритма становится особенно важным, являясь фундаментальным музыкальным навыком. Этот навык не только улучшает музыкальные способности, но и положительно влияет на личностное развитие ребенка, особенно в сфере самоорганизации. Учеба в этом возрасте играет ключевую роль в формировании характера и мышления. Она побуждает детей к самосовершенствованию и создает идеальную среду для развития навыков самостоятельности и самоконтроля, столь необходимых в дальнейшей жизни. Эффективное формирование навыков самоорганизации у младших школьников требует комплексного подхода. Он включает в себя развитие чувства ритма, использование музыкальных занятий, а также применение специальных педагогических методик. Такой подход позволяет не только улучшить музыкальные способности детей, но и способствует развитию их общих навыков самоорганизации и саморегуляции. Развитие чувства ритма у младших школьников может осуществляться через различные виды

деятельности: музыкальные занятия, ритмические игры, танцевальные упражнения. Эти активности помогают детям лучше понимать и чувствовать ритм, что в свою очередь положительно влияет на их способность организовывать свою деятельность в других сферах жизни.

Проведенное исследование убедительно доказывает важность ритмического воспитания для развития навыков самоорганизации у учащихся. Изучение трудов разных авторов и анализ практических экспериментов показывают, что систематическая работа над чувством ритма значительно улучшает ключевые аспекты самоорганизации.

Литература

- Грубова Е. К., Климова В. В.* Влияние развития чувства ритма на самоорганизацию личности учащегося // Мир детства в современном образовательном пространстве. 2022. С. 328–330.
- Менькова С. А.* Формирование основ самоорганизации у обучающихся начальной школы в учебной деятельности // Научный поиск: первые шаги. 2019. С. 76–80.
- Недельницына У. В., Опарина Н. А.* Формирование навыков самоорганизации у детей младшего школьного возраста // Среднее профессиональное образование. 2020. № 1. С. 55–58.
- Овечкина Е. А.* К вопросу о самоорганизации младших школьников // Социальная психология: вопросы теории и практики. 2021. С. 425–427.
- Павлий А. А.* Особенности самоорганизации старшеклассников с разным уровнем успеваемости // Сибирские юридические студенческие чтения. 2021. С. 144–148.

Оценка творческого развития учащихся в группе с помощью цифровой среды Creo Datum

И. В. Коваленко

ГБОУ «Школа им. В. В. Маяковского», Москва
iljakov@yandex.ru

В статье рассматривается методика оценки творческого развития учеников внутри учебной группы в новой цифровой среде Creo Datum, позволяющая значительно упростить и автоматизировать процесс создания, проверки и анализа результатов учащихся. В ходе исследования разработан и внедрен новый алгоритм обработки ответов учеников на творческие задания, позволивший объективно и достоверно оценить творческое развитие учеников. С помощью разработанных критериев стало возможным наблюдать в режиме реального времени развитие ученика, изменять и корректировать его траекторию развития, контролировать самостоятельность выполнения заданий. Предложенный подход позволит учителю без значительных временных затрат оценивать и развивать творческое мышление групп учащихся.

Ключевые слова: творческое мышление, Creo Datum, творческие задания, цифровизация в образовании.

Оценка творческих способностей учащихся является сложной задачей, особенно с учетом того, что большинство оценочных процедур проходят в виде тестов, в которых всегда есть фиксированные ответы. Подобное однообразие приводит к тому, что учащиеся перестают видеть многообразие решений поставленной задачи, а также их достоинства и недостатки, перестают критически подходить к анализу задачи. С целью исправления подобной ситуации разработана цифровая система Creo Datum (Оржековский, 2019), позволяющая развивать и оценивать творческие способности учащихся по решению

творческих задач в режиме «онлайн». Оценка и проверка решений проводится в полуавтоматическом режиме, что позволяет максимально оптимизировать работу учителя по анализу получаемых результатов.

В качестве основного критерия оценивания выбран словарный набор ученика, который он создает при ответе на поставленные вопросы (Коваленко, 2024). Как показал тщательный анализ большого числа экспериментов, подобный способ позволяет как качественно, так и количественно оценивать творческое развитие ученика внутри группы испытуемых. В результате решения заданий происходит разбиение группы на подгруппы по уровню, при этом в дальнейшем каждой группе можно выдавать задания независимо от остальных. Новый метод также позволяет выявлять использование интернет-ресурсов при решении заданий или копирование ответов у другого ученика.

Набор показателей (Коваленко, 2025а), доступных для анализа учителю, является достаточно информативным для формирования как дальнейшей стратегии развития ученика, так и для текущего анализа динамики творческого развития, позволяет анализировать полученные данные как индивидуально, так и в группе.

Наглядная визуализация результатов учеников и введенные показания средних значений подгрупп позволяют значительно сократить время анализа показателей развития учащихся, что позволяет проводить такие творческие работы даже во время обычных уроков, а не во время дополнительного образования или внеурочной деятельности.

Новая цифровая система Creo Datum позволит проводить оценку творческого развития в разы быстрее классических тестов творческого мышления (Туник, 1998; Коваленко, 2025б) и значительно оптимизирует сам процесс анализа результатов, делая его объективным и независимым от внешних критериев оценки.

Литература

Коваленко И. В., Оржековский П. А. Влияние используемого словарного набора при решении творческих задач по химии

- на оценку креативного мышления школьника // Учебный эксперимент в образовании. 2024. № 2 (110). С. 77–86.
- Коваленко И. В., Оржековский П. А.* Повышение достоверности оценки показателя творческого мышления учеников в цифровой системе Creo Datum // Наука и школа, 2025а (в печати).
- Коваленко И. В., Оржековский П. А.* Сравнительный анализ классических тестов творческого мышления и цифровой среды Creo Datum по оценке творческого мышления школьников // Журнал педагогических исследований, 2025б (В печати.)
- Оржековский П. А., Степанов С. Ю., Мишина И. Б.* О непрерывности оценки развития у обучающихся репродуктивных и креативных мыслительных действий // Непрерывное образование: XXI век. 2019. № 3 (27). С. 28–39.
- Туник Е. Е.* Диагностика креативности. Тест Торренса. Методическое руководство. СПб.: ГП «ИМАТОН», 1998.

Социальное творчество и воспитание: есть ли социальное творчество в современном образовании?

О. Б. Кононова

Петербургский государственный университет путей
сообщения Императора Александра I, Санкт-Петербург
mongust83@inbox.ru

Статья посвящена обсуждению практической реализации концепции коллективного творческого воспитания И. П. Иванова в условиях современного образования. Обсуждаются причины трудностей профессиональной деятельности советников по воспитанию, в том числе с точки зрения включения детей в социальное творчество.

Обосновывается необходимость глубокого изучения концепции воспитания для полноценной и эффективной реализации ее технологий и техник.

Ключевые слова: социальное творчество, коллективное творческое воспитание, советник по воспитанию.

В сентябре 2023 г. в школах и колледжах нашей страны к работе приступили советники директоров по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями (Письмо Минпросвещения..., 2023). Анализ программ и концепций воспитания (например, программа «Орлята России»), планов воспитательной деятельности, программы повышения квалификации советников по воспитанию и т.п. показал, что во многих моментах в их основе лежит методика коллективного творческого воспитания. Методика коллективного творческого воспитания — система условий, методов, приемов и организационных форм воспитания, обеспечивающих формирование и творческое развитие коллектива взрослых и детей на принципах гуманизма, в основе которой лежат концепция, теория и методика организации коллективной творческой деятельности, разработанные доктором педагогических наук, профессором, академиком Российской академии образования (РАО) Игорем Петровичем Ивановым (Иванов, 2003).

Что такое социальное творчество? Социальным по своей сути творчество становится лишь в тех действиях личности, которые выходят за пределы удовлетворения собственных потребностей и интересов и выражаются в преобразовательной деятельности, направленной на реализацию целей, стоящих перед данной социальной группой или обществом в целом (Базарова, 1992). И. П. Иванов писал об общей творческой заботе об улучшении окружающей жизни. Общая забота о других и о себе как о товарище других людей становится системообразующим понятием при реализации на практике механизмов социального творчества (Кононова, 2023).

В концепции И. П. Иванова четко прописаны условия для эффективной реализации методики, прописаны этапы коллективной творческой деятельности, описаны типы этой

деятельности, дан анализ воспитательным отношениям между воспитателем и воспитанниками, даны инструменты и средства воспитания (Иванов, 2003). В самом простом виде идею социального творчества в концепции И. П. Иванова можно выразить словами детской речовки: «Все делаем сами, своими руками, своими ногами, своей головой!» При этом сами — это сообщество детей и взрослых, сами — это без заготовок, без заранее придуманных ответов, а обязательно творчески, по-новому и с пользой.

В проанализированных нами текстах, связанных с работой советников по воспитанию, мы нашли описание технологий и техник воспитания, а также готовые разработки в рамках данной концепции. Теория и концепция воспитания в этих текстах практически не представлены, для советников остаются за кадром смысл воспитания и требования к воспитательным отношениям. Тогда как реализация идеи социального творчества через применение методики коллективного творческого воспитания будет эффективной лишь с опорой на глубокое понимание концепции воспитания, предложенной И. П. Ивановым.

Становится понятно, почему при использовании надежной, проверенной временем технологии у советников воспитания возникает так много трудностей. С потерей смысла потерялось и творчество. На советников спускается множество планов и требований, которые они передают школам и детям. У советников нет времени и возможности на выстраивание отношений общей творческой заботы с детьми, на совместное планирование и организацию коллективных творческих дел, на совместный анализ, рефлекссию проведенного дела. Не владея достаточным уровнем знаний, советник, будучи сам творческим, активным, ответственным, любящим детей человеком, успевает лишь организовывать (возможно, на высоком уровне с точки зрения качества) множество мероприятий, охватывая при этом большое количество детей (а это является одним из показателей его эффективности). Но где здесь социальное творчество детских коллективов, где воспитание делом, где общая творческая забота об улучшении окружающей жизни? И можно ли таким путем воспитать активного творческого

гражданина своей страны? Думается, что профессиональное сообщество педагогов, психологов, управленцев в ближайшие годы будет искать ответы на эти и многие другие вопросы, связанные с воспитанием.

Литература

- Базарова Т. С.* Воспитание старшеклассника как субъекта социального творчества. Автореферат дис. ... канд. пед. наук. Москва, 1992.
- Иванов И. П.* Созидание: теория и методика воспитания. СПб., 2003.
- Кононова О. Б.* Немного о теории коммунарства // Социальная педагогика. 2023. № 4. С. 24–33.
- Письмо Минпросвещения России от 31.01.2023 N АБ-355/06 «О направлении разъяснений по вопросам введения должности советник директора по воспитанию». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439247/04a3be61cadfea1d17f7bae109c150a6bc8b0c3f/.

Психологические аспекты сотрудничества обучающихся при решении экспериментальных творческих задач по химии

А. П. Лавров

Московский педагогический государственный
университет, Москва
alex19971550@gmail.com

В настоящей работе описывается опыт выявления психологических аспектов сотрудничества обучающихся в процессе решения экспериментальных творческих задач по химии. В результате работы были выявлены роли обучающихся

в процессе решения экспериментальных задач и разработана методика количественной оценки творческого развития каждого ученика с учетом его роли в ходе решения экспериментальной химической задачи.

Ключевые слова: сотрудничество, экспериментальные творческие задачи, обучение химии.

В современных педагогических, психологических и методических научных трудах сохраняется интерес к развитию творчества личности. Так, еще Я. А. Пономарёв (Пономарёв, 1976) отмечал, что к творчеству способен каждый человек, поэтому, стимулируя творческое мышление учащихся при обучении химии, необходимо развивать творческие способности у всех детей без исключения.

Одним из условий творческой деятельности при обучении химии является наличие творческих задач предметного характера. Наряду с этим в самом начале изучения химии обучающихся восьмых классов в наибольшей степени привлекает химический эксперимент. Таким образом, выполнение химического эксперимента может стать критерием правильности творческой задачи, который обучающиеся устанавливают самостоятельно. Поэтому для развития творчества личности каждого ученика при обучении химии целесообразно применять экспериментальные творческие задачи.

Н. А. Титовым (Титов, 1994) было установлено, что экспериментальные творческие задачи наиболее продуктивно решаются в условиях сотрудничества в парах переменного состава. Следовательно, для оценки творческого развития личности каждого ученика необходимо отследить психологические аспекты организации сотрудничества.

Опытная работа с обучающимися по решению экспериментальных творческих задач помогла выявить следующие роли, которые проявляли обучающиеся в процессе сотрудничества: «Генератор идеи», «Активный слушатель», «Исполнитель», «Критик идеи». Смена состава пар способствовала изменению роли обучающихся в творческом процессе. Личностная рефлексия каждого обучающегося со стороны учителя была направлена

на повышение количества обучающихся, высказывающих продуктивные идеи решения творческих задач (Лавров, 2022).

Условием организации творческой деятельности каждого ученика является возможность количественной оценки ее результатов. В рамках гранта, поддержанного и руководимого профессором П. А. Оржековским (в рамках гранта РФФИ 19–29–14136 МК «Цифровизация динамических параметров развития креативного и репродуктивного мышления в учебной деятельности»), были разработаны критерии оценки показателей творческой продуктивности каждого ученика при решении экспериментальных творческих задач с учетом его роли в процессе сотрудничества (Оржековский, Степанов, 2022). Учет роли производился с помощью специальных поправочных коэффициентов, на которые помножался показатель развития творческого мышления каждого ученика, определенный с помощью количественного анализа глубины высказанных идей.

На сегодняшний день разработан модуль цифровой системы «Creo_Datum», работа которого позволяет быстро отследить показатели развития творческой продуктивности каждого ученика в процессе решения экспериментальной творческой задачи с учетом психологических аспектов сотрудничества — выявленных ролей в творческом процессе.

Литература

- Лавров А. П. Творческие задачи: как оценить вклад учащихся в их решение // Химия в школе. 2022. № 10. С. 31–36.
- Оржековский П. А., Степанов С. Ю. Роль искусственного интеллекта и системы «CREO_DATUM» в цифровизации креативного мышления школьников // Актуальные проблемы химического и биологического образования: материалы XII Всероссийской научно-методической конференции, Москва, 22–23 апреля 2022 года. М.: МПГУ, 2022. С. 134–140.
- Пономарёв Я. А. Психология творчества. М.: Наука, 1976.
- Титов Н. А. Методика формирования опыта творческой деятельности учащихся на практических занятиях по химии: дис. ... кандидата пед. наук. М., 1994.

Эмоциональная отзывчивость на музыку как стимул развития мотивации к обучению детей игре на фортепиано

С. А. Майорова

СПб ДМШ № 18, Санкт-Петербург
st134057@student.spbu.ru

Л. А. Даринская

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, lars_2000@mail.ru

В данных тезисах рассматривается проблема взаимосвязи эмоциональной отзывчивости на музыку с развитием позитивной мотивации к обучению детей игре на фортепиано в учреждениях дополнительного музыкального образования. Были получены данные, подтверждающие наличие этой взаимосвязи: интерес к занятиям музыкой у учащихся музыкальной школы напрямую зависит от их эмоциональной вовлеченности в этот процесс.

Ключевые слова: творческое развитие, музыкальное образование, эмоциональная отзывчивость, мотивация.

В теории и практике музыкального образования имеется богатый опыт исследований особенностей эмоционального и творческого развития обучающихся (Петрушин, 2008; Теплов, 1947), тем не менее проблема формирования у детей устойчивой позитивной мотивации к занятиям музыкой остается открытой.

Анализ литературы (Адмакина, 2012; Анисимов, 2004; Тараканова, 2003) и педагогического опыта обучения детей игре на фортепиано показал, что интерес к занятиям музыкой во многом зависит от того, насколько обучающийся эмоционально вовлечен в мир музыкального произведения, разделяет чувства и переживания автора, передаваемые звуками. В рамках пилотажного исследования нами была поставлена

задача выявить взаимосвязь между эмоциональной отзывчивостью на музыку у детей и их мотивацией к обучению игре на фортепиано.

Методы исследования: теоретические — контент-анализ литературы и педагогического опыта, эмпирические — опрос, анкетирование, педагогическое наблюдение, статистические — регрессионный и частотный анализ. Для определения уровней развития мотивации применялась «Методика диагностики мотивации учения и эмоционального отношения к учению в средних и старших классах школы» (Спилберга-Андреевой) и модифицированный опросник Т. А. Адмакиной «Эмоциональная отзывчивость на музыку».

Выборка: 22 учащихся детской музыкальной школы (14 девочек и 8 мальчиков) в возрасте 12–15 лет. Выборка была проверена на нормальность распределения (критерий Шапиро-Уилка).

Частотный анализ результатов, полученных после проведения первой методики, позволил установить, что в данной выборке у 3 респондентов продуктивный уровень, у 10 — средний уровень, у 9 — сниженный уровень развития позитивной мотивации и эмоционального отношения к обучению.

Результаты, полученные после проведения второй методики, показали, что 5 респондентов имеют высокий уровень, 14 — достаточный уровень и 3 респондента — удовлетворительный уровень эмоциональной отзывчивости на музыку.

Для оценки связи между переменными применялся регрессионный анализ, который позволил установить, что высокий уровень развития эмоциональной отзывчивости на музыку положительно воздействует на развитие позитивной мотивации и эмоционального отношения к учению (уровень статистической значимости равен 0,036, что свидетельствует о статистически значимых различиях в выборке).

Таким образом, можно сделать вывод, что эмоциональная отзывчивость на музыку способствует творческому развитию детей, мотивирует их не только к обучению игре на музыкальных инструментах, но и погружению в мир музыкальных переживаний и чувств, позволяет лучше познать себя.

Результаты данного исследования могут быть применены для разработки музыкально-дидактических игр, творческих мастерских, тренингов музыкальной рефлексии, направленных на стимулирование позитивной мотивации к занятиям музыкой и осмысление учащимися личных эмоциональных переживаний и состояний.

Литература

- Адмакина Т. А.* Психологические характеристики эмоциональной отзывчивости на музыку. Диссертация ... кандидата психологических наук. Санкт-Петербург, 2012. 218 с.
- Анисимов В. П.* Диагностика музыкальных способностей детей. М.: Владос, 2004.
- Петрушин В. И.* Музыкальная психология: Учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: Академический проект, Трикста, 2008.
- Тараканова Н. Э.* Педагогические условия развития мотивационной сферы личности музыкально одаренных подростков. Автореферат дис. ... кандидата педагогических наук. М.: МГПУ, 2003. 24 с.
- Теплов Б. М.* Психология музыкальных способностей. М. — Л.: АПН РСФСР, 1947.

Социокультурная идентичность личности учителей, работающих с одаренными детьми

А. С. Мальцева

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск
alisena85@mail.ru

В. А. Глухова

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск
gluhova-vera@mail.ru

В статье сравниваются особенности социокультурной идентичности в контексте толерантности к творческой личности у учителей, работающих с одаренными и нормотипичными детьми. Выявлено, что учителя, работающие с одаренными детьми, идентифицируют себя со статусными социокультурными типажам. Конвенциональная роль креативщика, генератора идей воспринимается ими как значимая для преодоления критических ситуаций, однако с данной ролевой структурой и социокультурным типажом данная группа педагогов себя не идентифицирует. У учителей, работающих с нормотипичными детьми, напротив, в структуре социокультурной идентичности ролевая структура «Я» объединяется с ролью творца как востребованного сотрудника, а статусные ролевые конструкты выделяются в отдельную структуру, не включающую идентификацию с «Я».

Ключевые слова: одаренные дети, социокультурная идентичность, личность учителя.

Одной из задач системы образования, начиная с начальной школы, является выявление и развитие индивидуального творческого потенциала обучающихся. Исследования описывают разные аспекты образовательной среды, которые могут

способствовать раскрытию индивидуальных способностей детей: образовательная программа в целом (обогащение, ускорение и т. п.); введение проектной творческой деятельности; климат в учебном коллективе; личностные особенности и варианты одаренности детей; личность педагога и т. д. (Психология одаренности, 2000; Глухова, 2010).

В контексте влияния учителя на развитие потенциала ребенка исследуются личностные особенности и когнитивные стили учителя, их соотношение у учителя и обучающегося. Подчеркивается необходимость проведения специальной подготовки учителей для работы с одаренными детьми, так как они неосознанно склонны поддерживать модели поведения, мышления и качества личности, соответствующие их собственным предпочтениям (Mills, 2003; Gurak-Ozdemir, 2019). Выделяют также компоненты готовности учителей к работе с одаренными детьми, связанные с их личностной позицией (Богоявленская Д. Б., Шадриков В. Д., Кашапов М. М. и др.), аутопсихологической компетентностью (Кузьмина Н. В.), общей культурой и личностно-гуманной ориентацией (Костылева Н. Е.). При этом не изучен аспект персональной и социокультурной идентичности педагогов одаренных детей.

Цель данного исследования состояла в выявлении специфики социокультурной идентичности педагогов в контексте толерантности к творческой личности. В исследовании приняли участие учителя МАОУ «Лицей № 97 г. Челябинска», работающие с одаренными (39 учителей) и нормотипичными детьми (25 учителей). К работе с одаренными детьми привлекаются педагоги, продемонстрировавшие высокий уровень эффективности в работе с данными группами.

Социокультурная идентичность учителей исследовалась с помощью *методики* «Рольевые отношения социальных субъектов с творческими личностями» (РОССТЛ). Каждый респондент идентифицировал 10 рольевых позиций через предложенные типы творческих личностей: Я; руководители мужчина, женщина; заместители мужчина, женщина; креативщик; востребованный сотрудник; спасатель в кризисной ситуации; увольняемые мужчина, женщина. Эти элементы оценивались

по биполярным конструктам в соответствии с техникой репертуарных решеток Д. Келли (Грязева-Добшинская, 2008).

Для определения специфики структуры социокультурной идентичности учителей, работающих с одаренными (1-я группа) и нормотипичными (2-я группа) детьми, проводился групповой факторный анализ. Выявлен ряд особенностей в контексте дихотомии «идентичность-позиционирование» с различными ролевыми структурами:

1. Социокультурная идентичность со «статусными» ролевыми структурами. В 1-й группе педагогов ролевые позиции руководителей и заместителей оказались в одном факторе на одном полюсе с конструктом «Я». У педагогов 2-й группы данные позиции образовали отдельный фактор. Учителя, работающие с одаренными детьми, идентифицируют себя со статусными социокультурными типажам, ощущают собственную значимость для организации или претендуют на нее.

2. Социокультурная идентичность с ролевой структурой «креативщика». В 1-й группе педагогов ролевые позиции «креативщик» и «спасатель в кризисе» образуют отдельный фактор, идентификации с конструктом «Я» нет. Во второй группе — ролевая позиция «креативщик» объединяется с позициями «Я», «востребованный сотрудник» и противопоставляется «увольняемым» позициям. «Творец», как ролевая конвенциональная конструкция не входит в идентичность учителей первой группы, но осознается ее ценность в кризисных ситуациях. Также она может восприниматься как проекция одаренного ученика, на которого возлагаются высокие ожидания. Идентичность учителей второй группы включает творческую ролевую позицию, позиционирующуюся с увольняемыми сотрудниками, как осознание необходимости реализации творческого подхода для сохранения собственной профессиональной востребованности.

3. Структура социокультурной идентичности учителей второй группы оказалась более дифференцированной и сложной по сравнению с первой группой.

Литература

- Глухова В. А. Социально-психологическая интеграция одаренных учащихся в группе и развитие их интеллектуальных и творческих способностей: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Саратов, 2010.
- Грязева-Добшинская В. Г., Бакунчик Н. Ю., Глухова В. А., Мальцева А. С. Методика диагностики отношения социальных субъектов к творческой личности // Психология. Психофизиология. 2008. Т. 3. № 33. С. 33–45.
- Психология одаренности. От теории к практике / А. А. Адаскина, М. Р. Битянова, В. Н. Дружинин и др.; отв. ред. Д. В. Ушаков. М., 2000.
- Gurak-Ozdemir S., Acar S., Puccio G., Wright C. Why do teachers connect better with some students than others? Exploring the influence of teachers' creative-thinking preferences // Gifted and Talented International. 2019. V. 34. № 1–2. P. 102–115.
- Mills C. J. Characteristics of effective teachers of gifted students: Teacher background and personality styles of students // Gifted Child Quarterly. 2003. V. 47. № 4. P. 272–281.

Непрерывное профессиональное образование и особенности метакогнитивной сферы IT-специалистов*

И. В. Серафимович

Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова, Ярославль
iserafimovich@yandex.ru

В публикации реализован подход к пониманию имплицитной роли метакогнитивной сферы как внутреннего ресурса и непрерывного профессионального образования как внешнего ресурса для реализации творческого мышления. Представлены фрагментарные результаты пилотажного исследования на выборке специалистов IT-сферы (n=42). Подчеркивается необходимость дальнейшего изучения затронутого вопроса, дающего основания для интеграции имеющихся в науке «...противоположных тенденций в направлении поиска путей управления творческой деятельностью — алгоритмизации творческой деятельности... и... создание условий, благоприятствующих творчеству ...» (Пономарёв, 1976, С. 289).

Ключевые слова: непрерывное профессиональное образование, метакогнитивная сфера, специалисты IT-сферы, управление творческой деятельностью, творческое мышление.

Высокие темпы технологических преобразований приводят к реальной потребности в профессиональном обучении и повышении квалификации, поскольку требуются изменения во внутреннем мире самого человека. Особенно это важно для тех сфер деятельности, в которых субъективные преобразования напрямую влияют на экономическое благосостояние

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00518, <https://www.rscf.ru/project/24-28-00518/>

страны, в частности в профессиях IT-сферы (Карпов, Карпов, 2022). Трансформация современного непрерывного профессионального образования касается не только комплементарности формального, неформального, информального образования, но и новой ступени «в понимании методологических и теоретических проблем психологии познания...» (Шадриков, Макарова, 2024, С. 7), инструментальной направленности не только на внешние проявления «акме» — профессиональную карьеру (Толочек, 2025), но и на внутреннюю составляющую «акме» — духовные и творческие способности (Шадриков, Макарова, 2024, Кашапов, Серафимович, 2024).

В связи с этим требуется осмысление и синхронизация имеющихся форм непрерывного образования взрослых, поскольку как справедливо подчеркивал Я. А. Пономарёв, немало различных программ для повышения творчества и «несомненно, что во всех подобного рода попытках есть что-то интересное, разумное, даже мудрое. Но все они не выходят за пределы эмпирического лимита... и ...внутренний механизм изучаемых явлений остается невскрытым «черным ящиком» (Пономарёв, 1976, С. 293). Мы попробовали частично подойти к прояснению данного вопроса и выделить особенности метакогнитивной сферы тех IT-специалистов, кто постоянно обучается в рамках непрерывного профессионального образования и не имеет такого опыта (на основании разнообразных документов о непрерывном профессиональном образовании). Поскольку «задача науки ...постоянно обогащать пути ...сознательного управления творческой деятельностью» (Пономарёв, 1976, С. 291) и современные научные данные говорят о том, что благодаря метакогнитивной сфере возможна регуляция когнитивных особенностей (Карпов, Карпов, 2022), то именно метакогнитивная сфера рассматривалась нами как одно из внутренних условий (ресурсов) для проявлений творчества, а внешним ресурсом стало индивидуально построенное непрерывное профессиональное образование, сфокусированное на направлении творчества.

В исследовании принимали участие 42 IT-специалиста, 29 мужчин и 13 женщин. Для проведения исследования

использовались методики изучения метакогнитивных убеждений (Н. А. Сирота, Д. В. Московченко, В. М. Ялтонский, А. В. Ялтонская), уровня рефлексивности (А. В. Карпов, В. В. Пономарёва), метакогнитивной сферы (М. М. Кашапов, Ю. В. Скворцова). На основании анализа данных было установлено, что у респондентов, которые регулярно участвуют в непрерывном профессиональном образовании, показатели некоторых характеристик метакогнитивной сферы выше, чем у респондентов, которые постоянно не повышают квалификацию — в параметрах «приобретение информации» ($M(x) = 7,65/6,18$; $U = 129,5$; $Z = 2,30$; $p = 0,021$) и «метакогнитивной активности» ($M(x) = 11,45/9,64$; $U = 139,5$; $Z = 2,03$; $p = 0,042$). По другим параметрам метакогнитивной сферы отличий не выявлено. Иными словами, обучающиеся непрерывно различным граням творческого мышления, необходимого для профессиональной деятельности, не только осознают в большей мере факт необходимости самопознания и самоанализа различных аспектов метакогнитивной сферы, но и реализуют на практике коррективную, наращивание, трансформацию имеющихся метакогнитивных стратегий или отказ от ставших неэффективными, уделяя особое внимание при этом нахождению и выбору верифицированной психологической информации, позволяющей адекватно понимать себя, особенности своего мышления. Несомненно, что ограничения нашего исследования, связанные с объемом выборки, неравномерным распределением по половому признаку, отсутствием учета специфики деятельности специалиста в сфере ИТ (разработчик, тестировщик), не позволяют в полной мере проанализировать имеющиеся факты и требуют дальнейшего планомерного изучения.

Литература

- Карпов А. В., Карпов А. А. Структура метакогнитивной регуляции информационной деятельности. Ярославль: Филигрань, 2022.
- Шадриков В. Д., Макарова К. В. Психология и педагогика субъективной реальности: мысль, понимание мысли, научение. М.: Когито-Центр, 2024.

Толочек В. А. Профессиональная карьера: феномен, концепции, «апокрифы» // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2025. Т. 48. № 1. С. 30–54.

Пономарёв Я. А. Психология творчества. М.: Наука, 1976.

Кашатов М. М., Серафимович И. В. Психология ресурсности мышления: монография. Ярославль: ГАУ ДПО ЯО ИРО, 2024.

Можно ли учить творчеству?

М. А. Степанова

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Федеральный научный
центр психологических и междисциплинарных
исследований (Психологический институт), Москва
marina.stepanova@lisr.ru

Поднимается проблема воспитания творческого мышления в логике представлений П. Я. Гальперина о важности обучения систематическому анализу условий творческой задачи. Основное внимание в таком обучении уделяется формированию ориентировки на объективно представленную схему последовательного анализа творческой задачи. Гипотеза Гальперина о продуктивности обучения детей и взрослых нетворческим, аналитическим способам работы с творческой задачей получила экспериментальное подтверждение.

Ключевые слова: творческое мышление, теория П. Я. Гальперина, задачи на соображение, ориентировка, формирующий метод исследования.

Вынесенный в заглавие вопрос предполагает наличие как утвердительного, так и отрицательного ответов, однако на проверку

оказывается, что верны оба, но при этом принципиальное значение будет иметь тот смысл, который вкладывается в понятие «творчество». Отправной точкой выступают представления о творчестве П. Я. Гальперина, а все последующее изложение будет строиться в логике его учения о поэтапном формировании умственных действий и понятий.

Выполненные под руководством П. Я. Гальперина исследования по поэтапному формированию берут свое начало, как признавался сам автор, с разочарования в «традиционном методе исследования так называемого “творческого мышления”» (Гальперин, 2023, С. 162), что и привело к заключению, что возможности творческого решения задач существенно зависят от качества ранее приобретенных умений. Отвечая во время защиты докторской диссертации на возражения оппонентов, что поэтапное формирование сообщает готовое знание и тем самым исключает творчество ученика в процессе учения, П. Я. Гальперин говорил о «творческом обучении» (Гальперин, 2023, С. 553), предполагающем воспитание у действия таких свойств, как разумность, обобщенность и сознательность, которые являются лучшей подготовкой для творческого мышления в дальнейшем.

П. Я. Гальперин подчеркивал, что ошибочно называть творческим мышление только потому, что оно подходит к решению задачи беспорядочно: о творческих задачах и их творческом решении имеет смысл говорить лишь после того, как мышление будет вооружено необходимыми приемами анализа. Школьное обучение декларирует направленность на развитие у детей творческого мышления, однако учителя не знают, как это делать. П. Я. Гальперин предположил, что в каждой творческой задаче есть нетворческое аналитическое содержание, которое и должно выступить предметом пристального внимания при ее решении. Взамен традиционного метода исследования решения творческих задач, который П. Я. Гальперин назвал подсматриванием за ходом решения, был предложен формирующий метод. В выполненном В. Л. Даниловой под руководством П. Я. Гальперина исследовании решения «задач на соображение» было доказано, что ориентировка на объективно

представленную схему последовательного анализа творческой задачи значительно расширит возможности творческой деятельности. Хотя возникновение творческой идеи — «синей птицы» психологии творчества — остается за рамками формирования, но «раскрываются условия, которые объективно имеются, но психологически остаются скрытыми» (Гальперин, Данилова, 1980, С. 36). «Крайней беспорядочности и непродуктивности мыслительной деятельности», «броуновскому движению мысли» (Гальперин, 2023, С. 656) П. Я. Гальперин противопоставил «систематическое применение элементарного анализа» (там же), которое «буквально в несколько шагов приводит к ясному и однозначному решению» (там же). Главное — расчистить путь к решению, вырваться из невидимого круга привычных представлений и, наоборот, начать учитывать то, что обычно не учитывается (Гальперин, Котик, 1982).

Исследование творческого мышления позволило П. Я. Гальперину сделать следующие выводы. Во-первых, творческая задача всегда относительна возможностям ее решения конкретным человеком, то есть творческие задачи доступны всем людям, даже маленьким детям. Учить решению творческих задач можно с самого раннего детства. Во-вторых, творчество — процесс вынужденный, а не произвольный, оно возникает при столкновении с задачей, для которой нет готовых способов решения, иначе говоря, «творчество — это решение задачи, превосходящей наши наличные возможности» (Гальперин, 2002, С. 310). В-третьих, «психологически ситуации творчества во всех случаях одинаковые» (Гальперин, 2002, С. 310). Поэтому для психологии творчества имеет равное значение решение творческих задач в технике, науке, искусстве. Если верны слова, что величие ученого определяется тем, насколько он затормозил развитие науки, то сомневаться в величии П. Я. Гальперина не приходится, поскольку сказанное им о творчестве пока никем не опровергнуто.

Литература

Гальперин П. Я. Лекции по психологии. М.: Книжный дом «Университет»; Высшая школа, 2002.

- Гальперин П. Я. Психология: предмет и метод. Избранные психологические труды. М.: Изд-во Моск. университета, 2023.
- Гальперин П. Я., Данилова В. Л. Воспитание систематического мышления в процессе решения малых творческих задач // Вопросы психологии. 1980. № 1. С. 31–40.
- Гальперин П. Я., Котик Н. Р. К психологии творческого мышления // Вопросы психологии. 1982. № 5. С. 80–84.

Психологические качества студентов-изобретателей технической направленности

С. А. Федотова

Ярославское высшее военное училище
ПВО им. Л. А. Говорова, Ярославль
sv.fedotova@rambler.ru

В статье представлено исследование некоторых качеств студентов-изобретателей технической направленности. Исследованы тип мышления, социальный статус, оценено количество изобретений каждого испытуемого, проведены индивидуальные беседы с целью прояснить социальные навыки будущих инженеров-изобретателей. Полученные результаты могут быть использованы для выявления склонных к изобретательской деятельности молодых людей в школах и вузах.

Ключевые слова: изобретение, психологические качества, тип мышления, социальный статус, социальные навыки.

Современный мир требует новых технологических решений, а главное — человеческого ресурса, способного к изобретательской деятельности. В связи с этим возрастает актуальность

выявления психологических качеств, необходимых для изобретательской деятельности в технической сфере. Нами были изучены некоторые психологические качества студентов, занимающихся изобретательской деятельностью для реализации научных инженерных задач.

Для достижения поставленных целей было проведено эмпирическое исследование. На первом этапе изучались индивидуальные особенности личности путем анкетирования и сопоставления результатов с количеством разработок. В исследовании приняли участие 16 испытуемых, проявивших себя как изобретатели. Использовалась методика «Тип мышления» Г. Резапкиной. Результаты распределились следующим образом: тип «предметно-действенный» составил 75 %, тип «абстрактно-символический» — 52 %, тип «словесно-логический» — 44 %, тип «наглядно-образный» — 54 %, тип «креативность» (творческий) — 50 %.

На втором этапе рассматривались отношения в социальных группах, использовалась методика «Социометрия» Дж. Морено. В исследовании приняли участие 80 человек, студенты 2, 3 и 4-го курсов. Возрастной диапазон выборки от 19 до 24 лет. *Результаты* оказались следующими: среднее значение социометрического статуса испытуемых на 2-м курсе составило 36 %, из них наибольший процент — 68 %, наименьший — 27 %; среднее значение социометрического статуса на 3-м курсе составило 37 %, из них наибольший процент — 76 %, наименьший — 14 %; среднее значение социометрического статуса на 4-м курсе составило 55 %, из них наибольший процент — 77 %, наименьший — 38 %. Кроме того, были проведены индивидуальные беседы со студентами технических специальностей, занимающимися творческой деятельностью.

Таким образом, сделаны следующие *выводы*:

1. Существует связь между словесно-логическим мышлением и успешностью испытуемых в решении инженерных и проектных задач. Чем ниже уровень словесно-логического мышления, тем успешнее испытуемый справляется с решением инженерных и конструкторских задач. У испытуемых с высоким уровнем словесно-логического мышления показатели развития ниже.

2. Участники тестовой группы имеют довольно низкий социометрический статус. Около половины испытуемых показали низкие социальные навыки в общении с коллективом. Они более комфортно чувствуют себя в одиночестве или в своей небольшой подгруппе. Эти студенты мало взаимодействуют с окружающими, которые не поддерживают их интересы и мало считаются с их мнением.

3. Человек, занимающийся изобретательской деятельностью, помимо знаний и умений должен обладать рядом психологических характеристик, таких как целеустремленность, уверенность в себе и своих силах, сила воли, чтобы, несмотря на все трудности и невзгоды, идти к своей цели, добиваться создания полезной модели. Мотивация и стремление к приобретению новых знаний, умений и навыков являются неотъемлемой частью побуждения молодых изобретателей к совершенствованию своей деятельности.

Литература

- Барышева Т. А.* Психология творчества. М.: Юрайт, 2025.
- Ильин Е. П.* Психология творчества, креативности, одаренности. СПб.: Питер, 2012.

**СОЦИАЛЬНАЯ
ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА
И ИННОВАЦИЙ**

Визуальная метафора как элемент проектирования психологически благополучного социального пространства

С. Е. Борисова

Академия управления МВД России, Москва
ya.borisowa-svet2012@yandex.ru

Обосновывается резонность нетривиальных приемов психологической работы в условиях нестабильной действительности. Раскрываются методические аспекты применения психологической техники, базирующейся на понимании визуальной метафоры, воплощаемой с помощью синтезированного подхода к применению метафорических ассоциативных карт и приемов рисования. Обозначается положительный психологический эффект воплощения рассматриваемой техники во взаимосвязи с осознанием темы психологического благополучия.

Ключевые слова: визуальная метафора, метафорические ассоциативные карты, рисование, психологическое благополучие, социально-психологический тренинг.

В современной действительности возрастает роль психологии и обнаруживается расширение сфер ее применения. Одновременно существующие методы, надежно показавшие свою эффективность, нуждаются в совершенствовании и обновлении. Кроме того, оказываются востребованными креативные решения в сфере практической психологии, позволяющие показательно, оперативно и, что особенно важно, бережно проводить психологическую работу с индивидом или социальной группой.

Экологичным, универсальным и вместе с тем нешаблонным способом психологической работы выступает использование визуальной метафоры, воплощаемой с помощью метафорических ассоциативных карт и приемов рисования. Частной темой

психологической работы может быть проблема психологического благополучия, насущность которого детерминирована нестабильностью, стрессогенными событиями, высоким динамизмом и внешними угрозами, характеризующими реальность. В этих условиях актуализируется умение личности анализировать свое состояние и готовность соотнести внутренний ресурс с требованиями текущих или внезапно возникающих ситуаций.

В связи с этим нами сконструирована психологическая техника, обозначенная как «Визуальная метафора в проектировании психологически благополучного пространства» и применяемая с учетом широкого спектра запросов, а также разными категориями лиц, отличающихся друг от друга по возрасту, уровню развития, профессии, психическому состоянию, социальному или физическому статусу.

Воплощение техники требует наличия таких вспомогательных средств, как белые листы бумаги (формат А3, А4), цветные карандаши, метафорические ассоциативные карты «Дерево как образ человека» (Кац, Мухаматулина, 2023), двусторонний скотч. Далее приводится описание варианта упражнения, выполняемого в формате групповой тренинговой работы с лицами юношеского или зрелого возраста.

В рамках социально-психологического тренинга каждому участнику предлагается найти уникальное и единственное дерево, отождествляемое субъектом выбора с собой в определенном социальном контексте. Например, если тренинг проводится со студенческой молодежью, то контекстом являются особенности социального пространства образовательной организации и самочувствие обучающихся в соответствующих ситуациях. После осуществления индивидуального выбора важно обеспечить групповую рефлексивную и конструктивное обсуждение результатов выполнения задания.

Далее каждому из участников тренинга предлагается произвольно расположить и аккуратно закрепить метафорическую ассоциативную карту на листе бумаги. Затем предусмотрено индивидуальное выполнение рисунка, заполняющего пустоты листа бумаги и символизирующего безопасную и комфортную среду обитания дерева. Участникам тренинга напоминает,

что дерево ассоциируется с каждым из них, а среда обитания — с социальным пространством образовательной организации.

По окончании рисования целесообразно обсудить вопросы, касающиеся содержания получившихся изображений и транслируемых ими смыслов. Акцента заслуживает тема психологического благополучия, его детерминант и признаков, а также способов достижения.

Среди прогнозируемых эффектов применения психологической техники «Визуальная метафора в проектировании психологически благополучного пространства» отметим снижение уровня эмоционального напряжения, уменьшение степени тревоги, переживание осознанности психологической безопасности и реалистичности ее фактического воссоздания.

В завершение хотелось бы отметить уместность гибкого подхода к применению подобных техник, их подверженность трансформациям, обусловленность контекстом применения в психологической работе или образовательной деятельности.

Литература

Кац Г. Б., Мухаматулина Е. А. Дерево как образ человека. Метафорические карты. М.: Генезис, 2023.

Влияние источников информации на оригинальность представлений молодежи о семье

Н. Г. Воскресенская

Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород
navoskr@mail.ru

Представлены результаты исследования роли информационных источников на вербальную креативность ответов студентов на открытый вопрос о семье. Исследование проводилось в формате опроса. Выборку составили 169 студентов младших курсов. Выявлена роль межличностных коммуникаций в офлайн- и онлайн-форматах на формирование оригинальных представлений о семье. Напротив, преобладание среди источников разнообразных каналов массовых коммуникаций ведет к стереотипизации представлений.

Ключевые слова: представления, вербальная креативность, новые медиа, стереотипность, эффекты массмедиа.

Осознанные представления о семье и семейных ценностях играют важную роль в жизни студенческой молодежи. Активное использование новых медиа с их многоканальностью, мультимедийностью, интерактивностью, вызывает опасение в снижении значимости традиционных агентов социализации, что несет риски в формировании альтернативных представлений об институте семьи у молодежи. Огромное количество информации, предоставляемое социальными медиа, позволяет вносить разнообразие в представления о семье. Вместе с тем нельзя не учитывать массмедийные эффекты, проявляемые в способности направлять представления аудитории о реальном мире в общее русло и усиливать воздействие через подтверждение с помощью разных коммуникативных средств (Сарна, 2020).

Целью исследования стал анализ информационных источников вербальной креативности в ответах студентов на открытый вопрос «Семья для меня прежде всего...» Для исследования вербальной креативности ответов был взят подход С. Медника, рассматривающего творчество как способность преодолевать стереотипы на конечном этапе мыслительного индекса, а оригинальность ответов определялась степенью отклонения от стереотипов (Дружинин, 2025). При анализе свободных ответов использовалась идея П. Вержеса о проявлении стереотипности в частоте использования понятия в ответах респондентов (Вержес, 1992).

Для выявления возможных источников информации, играющих важную роль в формировании представлений, использовались закрытые вопросы, где предлагалось оценить количество времени, затрачиваемое на разные виды коммуникаций; готовность делиться важной информацией в Сети с разными группами лиц; удовлетворенность своей семьей.

Выборку составили 169 студентов (возраст: $M = 20,07$; $SD = 2,1$), из них 50,5 % девушки.

Для расчета оригинальности ответов сначала были выделены слова, встречающиеся чаще двух раз в ответах разных студентов, а затем проранжированы по частоте повторов. Наиболее высокие ранги получили такие слова, как «поддержка» — ранг 21, «любовь» — 20, близкие (люди, круг) — 19, «понимание» — 17 и пр. Их условно можно разделить на три блока, где первое место занимает безопасность, второе — принятие, третье — комфорт. Отдельно были выделены выражения, содержащие только оценку и не несущие смысловую нагрузку (например, «это самое важное», «наивысшая ценность» и т.д.). Таким выражениям присваивался ранг 22. Понятиям, которые встречались не чаще двух раз, присваивался ранг 1.

При расчете индекса оригинальности подсчитывалось среднее количество оригинальности используемых понятий. Например, в ответе «семья для меня — это вдохновение (ранг 1), спокойствие (10,5), поддержка (21), любовь (20)» индекс оригинальности составил 13,13. Слова в предложениях, не несущие смысловой нагрузки (например, «для меня это прежде всего»),

при расчете индекса не учитывались. В результате 13 % ответов были оценены как высокооригинальные (диапазон индекса от 1 до 4,99), 21,7 % — умеренно оригинальные (от 5 до 14,99), 39,1 % — низкооригинальные (от 15 до 20,99), 12,8 % — оригинальность отсутствует (от 21 до 22).

Выявлено, что в высоко- и умеренно оригинальных ответах чаще встречаются эмоционально теплые ответы («место, куда я могу вернуться», «источник моей силы» и т.д.). В двух случаях демонстрировалось отрицательное отношение к семье. Выявлена корреляция (по Спирмену) высокой оригинальности ответов с количеством времени, затрачиваемого на общение с близкими, друзьями, знакомыми ($p < 0,05$), в т.ч. в режиме онлайн ($p < 0,05$). Также оригинальность ответов возрастает при увеличении оценок удовлетворенности респондентов своими семьями ($p < 0,05$). При этом значимых различий в оригинальности ответов у девушек и юношей не выявлено.

Литература

- Дружинин В. Н.* Психология общих способностей. М.: Юрайт, 2025. С. 156–208.
- Сарна А. Я.* Технологии воздействия на аудиторию в современном медиaprостранстве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 2. С. 218–235.
- Vergès P.* L'Évocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // Bulletin de psychologie. 1992. No. 405. P. 203–209.

Социальная психология творчества: методологический аспект проблемы

Т. И. Короткина

Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург
t-korotkina@mail.ru

А. П. Якунин

ООО «ЦДС «Потенциал», Санкт-Петербург
a.yakunin-a.p.psi@yandex.ru

В докладе излагаются проблемы методологических аспектов «индивидуальное-социальное» и «индивидуальное-групповое» в рамках социальной психологии творчества как одного из направлений социальной психологии. Обосновывается понимание творчества как одного из проявлений объективации психологического потенциала человека, рассматриваемого материалом в конструировании социально-психологической и социальной реальности. Предлагается рассматривать преодоление человеком «группового» как механизм становления и развития творческой личности. Предлагается построение конкретных социально-психологических исследований на основе ранее выдвинутых теоретических идей о сущности человека как субъекта познания.

Ключевые слова: социальная психология творчества, объективация психологического потенциала человека, индивидуальное-социальное, индивидуальное-групповое, субъект объяснения, субъект интерпретации.

Я. А. Пономарёв в рамках своего абстрактно-аналитического подхода рассматривал главной задачей данного подхода разделение проблемы личности на социологический и психологический аспекты (Пономарёв, 1976). В психологическом аспекте, согласно Я. А. Пономарёву, предметом исследования

являются «особенности усвоения субъектом социальных условий ...и психологических механизмов созидания этих условий» (Пономарёв, 1976, С. 266). Такая формулировка психологического аспекта проблемы личности, говоря шире — человека, есть обозначение одного из главных методологических аспектов социальной психологии, а именно: аспекта «индивидуальное-социальное». Социальная психология творчества как одно из прикладных направлений социальной психологии необходимым образом решает свои проблемы в пределах указанного методологического аспекта, неразрывно связанного со вторым базовым аспектом исследования в социальной психологии, а именно: аспектом «индивидуальное-групповое». Данная диалектика этих двух методологических аспектов получила свою разработку в работах Б. Д. Парыгина, который на данной диалектике обосновал специфичность предмета социальной психологии (Парыгин, 1999). Вопрос о социальной психологии творчества есть вопрос о мере объективации психологического потенциала человека и вопрос о субъектности данной объективации. В свете двух названных методологических аспектов исследования оба вопроса и будут проанализированы.

Объективация психологического потенциала человека, осуществляемая через ряд форм (действия, поступки, внешний облик, речь, деятельность, поведение, межличностные отношения, социальное положение), является материалом в конструировании человеком социально-психологической и социальной реальности, тогда как перечисленные формы — инструментами данного конструирования. Конструирование двух названных реальностей есть их неотъемлемая сущностно-функциональная особенность (Емельянова, 2016). Мера объективации творческого знания как элемент общего знания полноценно реализуется человеком в индивидуально-социальном через преодоление индивидуально-группового. Сущность творческого акта и заключается в преодолении групповых стереотипов, социальных представлений, установок, норм и так далее. Социальная психология творчества должна не только устанавливать групповой уровень объективации творчества, но и открывать механизмы преодоления человеком как представителем группы вышеперечисленные групповые эффекты.

Творческое знание становится полноправным творческим актом, только если результат данного акта объективируется в социальном аспекте, на что и указывал Я. А. Пономарёв. Исследование готовности к данному преодолению должно стать предметом изучения процесса социализации личности, которую можно обозначить как творческую социализацию, где формируемое чувство свободы надо рассматривать как центральное психологическое образование человека. Сама готовность к преодолению может определяться, собственно, как часть творческой установки, в рамках которой необходимо исследовать готовность человека к новому как результату процесса развития. Вопросы групповой динамики становятся вопросами о том, как группа на определенном этапе своего развития способствует преодолению человеком групповой принадлежности в реализации творческого знания.

Отправной точкой исследования феномена преодоления может стать исследование субъектности человека в процессе познания, в рамках которого человек выступает в двух качествах: субъекта интерпретации или субъекта объяснения (Якунин, 2018). Стать субъектом объяснения значит преодолеть себя как субъекта интерпретации, что означает воплощение своего познания не на индивидуально-групповом (интерпретация), а на индивидуально-социальном (объяснение) уровне. Преодоление человеком групповой принадлежности в реализации творческого знания, проблема измерения установки к объяснению как познанию могут стать предметом конкретных социально-психологических исследований.

Литература

- Емельянова Т. П. Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: ИП РАН, 2016.
- Парыгин Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб.: ИГУП, 1999.
- Пономарёв Я. А. Психология творчества. М.: Наука, 1976.
- Якунин А. П. Категория «индивидуальный субъект» и теория социального познания // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлёв. М.: ИП РАН, 2018. С. 185–191.

Интуитивное прозрение (серендипность) как источник инноваций в бизнесе

Т. В. Назарова

Ассоциация Бизнес-Психологов, Москва
tn3107@mail.ru

В данной работе рассматриваются концепция серендипности (интуитивного прозрения, интуитивной прозорливости, запланированной интуиции) и ее значимость для стимулирования инновационного процесса в бизнесе. В статье приводится пример открытия фемтосекундных лазеров, которое стало основой для разработки лазерной хирургии, и другие примеры серендипности, как неожиданной творческой находки. Обсуждаются стратегии, которые организации могут применить для более эффективного использования серендипности (интуитивного прозрения), включая открытость к неожиданным событиям, междисциплинарное сотрудничество и культуру экспериментирования. Работа выделяет важность создания условий для неожиданных открытий, что может привести к значительным инновациям и конкурентным преимуществам. *Ключевые слова:* интуитивное прозрение, инновации, междисциплинарное сотрудничество, культура экспериментирования, серендипность.

Интуитивное прозрение, или серендипность, давно стало ключевым фактором, приводящим к важным научным открытиям и инновациям в различных областях. Одним из ярких примеров является случайное открытие фемтосекундного лазера, которое стало возможным благодаря неожиданному событию в лаборатории в Мичиганском университете. В процессе работы над лазерной технологией аспирант случайно получил импульс лазера в глаз, что привлекло внимание офтальмолога к необычным ожогам сетчатки. Это событие стало стартом для дальнейшего изучения и применения фемтосекундных лазеров

в офтальмологии, что в свою очередь стало основой для создания нового метода коррекции зрения — лазерной хирургии.

В российской психологии, в частности психологии творческого мышления, аналогом интуитивной прозорливости является понятие «побочного продукта» Я. А. Пономарёва. Как и в ситуациях серендипности, он возникает по принципу «искал одно, но нашел и другое» (Знаков, 2023).

Вместе с тем интуитивное прозрение в бизнес-среде требует особых условий для своего проявления. В отличие от научной сферы, где неожиданности часто воспринимаются как возможность, в бизнесе предприниматели часто не спешат реагировать на подобные события. Это может быть связано с желанием избежать неопределенности и сохранить стабильность. Тем не менее организации могут значительно выиграть от внедрения практики, поощряющей интуитивное прозрение.

Одной из стратегий повышения вероятности неожиданных открытий является формирование открытости к необычным событиям. Компании должны создать среду, где сотрудники будут иметь возможность делиться своими наблюдениями и выводами. Например, если сотрудник заметит что-то странное или необычное, важно, чтобы это было воспринято как возможность, а не как отвлечение от работы. Систематические обсуждения таких открытий способны развить в сотрудниках привычку быть более внимательными к окружающему миру. Этот подход был успешно реализован такими компаниями, как *Haier*, которая, вместо того чтобы игнорировать потребительские жалобы, увидела в них возможность для создания нового продукта — машин для мытья картофеля (Barthelemy, Mottis, 2025).

Вторая стратегия сосредоточена на междисциплинарном сотрудничестве. Когда специалисты из разных областей объединяются, это может привести к созданию новых идей и подходов (Яголковский, 2007). Примером служит команда, разработавшая фемтосекундные лазеры, где физики и офтальмологи работали вместе, чтобы найти практическое приложение своей технологии. Компании должны разрабатывать условия, способствующие свободному взаимодействию между отделами

сотрудников, создавая пространство для случайных встреч и общения (Мюллер, Беккер, 2013).

Наконец, третьей стратегией является создание культуры, способствующей экспериментированию. Заблуждения о неудачах как о чем-то негативном могут подавить креативность и интуитивное прозрение. Важно, чтобы руководители поддерживали эксперименты и рассматривали любые действия, даже неудачные, как шаги к неожиданным прорывам. Пример: опыт Canon с разработкой струйного принтера показывает, как важна поддержка руководства в процессе инноваций, где превращение случайного открытия в успешный продукт стало возможным благодаря духу риска и эксперимента.

В заключение отметим, что интуитивное прозрение играет значительную роль в процессе развития инноваций в бизнесе. Для того чтобы создать условия для неожиданных открытий, необходимо поощрять открытость к новым идеям, поддерживать междисциплинарное взаимодействие и сформировать культуру, в которой эксперименты воспринимаются как часть жизненной практики. Компании, внедряющие данные стратегии, будут лучше подготовлены к тому, чтобы использовать интуитивное прозрение в своих инновационных инициативах, что в конечном счете приведет к повышению их конкурентоспособности и устойчивости на рынке.

Литература

- Знаков В. В. Психология возможного и возможностное мышление // Теоретическая и экспериментальная психология. 2023. № 2 (16). С. 5–22.
- Мюллер Т., Беккер А. Удача в бизнесе: как повысить ваши шансы на успех. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
- Яголковский С. Р. Психология креативности и инноваций. М.: ГУ ВШЭ, 2007.
- Barthelemy J., Mottis N. To drive innovation, create the conditions for serendipity // Harvard Business School, May 13, 2025. <https://hbr.org/2025/05/to-drive-innovation-create-the-conditions-for-serendipity>

Проявление вербальных творческих способностей в командном творчестве шестиклассников

О. О. Савина

ГБОУ школа № 1505, Москва
savinaolgaolegovna@gmail.com

О. М. Смирнова

ГБОУ школа № 1505, Москва
smirsoul@mail.ru

В работе вербальная креативность шестиклассников рассматривается в аспекте ее проявления в командном творчестве подростков. *Цель:* описать особенности проявления вербальных творческих способностей шестиклассников в процессе их командного творчества. *Методы* исследования: тестовый, опросный, невключенное наблюдение, корреляционный анализ. Сделан вывод о том, что в вербальном командном творчестве шестиклассники с высокой вербальной беглостью и оригинальностью могут активнее остальных влиять на процесс и содержание работы команды через высокую оригинальность своей позиции и аргументации за нее, большое количество аргументов за свою позицию, поддержку идей других участников, высокую авторитетность их мнения среди других участников команды. *Ключевые слова:* творчество, вербальные творческие способности, командная работа, подростки, аргументация.

Актуальность. ФГОС большое внимание уделяет развитию творчества и креативности учащихся. Поэтому стремление подростков к взаимодействию со сверстниками, особенности командного творчества подростков нуждаются в целенаправленном изучении. Подростки с разным уровнем креативности могут по-разному влиять на процесс и результат командного творчества.

Цель — выявление особенностей вербальных творческих способностей шестиклассников в командном творчестве. Командное взаимодействие подростков рассматривается в аспекте их вербального творчества, понимаемого как выход за пределы заданного, как конструктивная преобразующая деятельность. В основе творчества лежат творческие способности (креативность), сводимые к интеллектуальной активности и сензитивности к побочным продуктам своей деятельности. Им свойственна спонтанность проявлений и неподвластность внешней и внутренней регуляции (Дружинин, 2006; Пономарёв, 1988). В ходе развития креативности подростков формируются черты «человека творческого»: независимость в суждениях; отсутствие почтения к условностям и авторитетам; чувство юмора; темпераментность; преобладание поисковой, иррациональной мотивации; независимость от стереотипов; восприимчивость к новому и необычному; высокая толерантность к неопределённым и неразрешимым ситуациям; способность идти на разумный риск; широта интересов и увлечений; мечтательность; чувствительность, впечатлительность, эстетическая восприимчивость; непосредственность (Дружинин, 2006). Креативные подростки могут как повышать эффективность командного творчества, выдвигая разнообразные оригинальные идеи, развивая идеи других, стремясь добиться результата, так и мешать командному творчеству: не слушать других, противоречить мнению группы, переживать сильные эмоции, нарушая порядок и организацию работы (Солодилова, 2004).

План и методики исследования: 1) Диагностика креативности шестиклассников (беглость; гибкость; оригинальность) — методика Торренса «Улучшение предмета», «Необычное использование предмета» (Туник, 2013). 2) Экспертное невключенное наблюдение командного обсуждения темы «Теории происхождения человека». 3) Опрос о работе в команде. Статистический анализ — коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена (IBM SPSS Statistics версия 21).

Испытуемые: 33 ученика 6-х классов (51,5 % юношей; 48,5 % девушек).

Результаты. Подростки оценивают свою вербальную креативность в 69,6 % (юноши — 68,4 %; девушки — 70,5 %). Девушки считают, что они больше тяготеют к вербальному письменному творчеству, а юноши чаще считают себя хорошими рассказчиками. Выше всего проявилось стремление экспериментировать (84,3 %) и строить догадки о правильном ответе (83,3 %). Выявлена положительная связь самооценки вербальной креативности и ее уровня ($r = 0,3$; $p \leq 0,05$), что свидетельствует об адекватности самооценки, однако степень вербальной креативности сверстников оценивается неточно.

Уровень вербальной беглости и оригинальности шестиклассников выше уровня гибкости, вербальная креативность в командном творчестве реализуется чаще через высокую беглость, нежели оригинальность. Чем выше у учеников показатели вербальной креативности шестиклассников (беглость $r = 0,4$; $p \leq 0,01$; гибкость $r = 0,41$; $p \leq 0,01$; оригинальность $r = 0,36$; $p \leq 0,03$), тем оригинальнее они аргументируют свою позицию.

Оригинальность разрабатываемой шестиклассниками теории и беглость аргументации к ней положительно связаны с авторитетностью мнения ученика в командной работе ($r = 0,4$; $p \leq 0,02$ и $r = 0,35$; $p \leq 0,04$ соответственно). Поддержка идей других участников команды положительно коррелирует с тестовым уровнем вербальной оригинальности.

Выводы. В вербальном командном творчестве шестиклассники с высокой вербальной беглостью и оригинальностью могут активнее остальных влиять на процесс и содержание работы команды через высокую оригинальность своей позиции и аргументации за нее, большое количество аргументов за свою позицию, поддержку идей других участников, высокую авторитетность их мнения среди других участников команды.

Литература

Алиева Е. Г. Творческая одаренность и условия ее развития // Психологический анализ учебной деятельности. М.: ИП РАН, 1991. С. 7–17.

Дружинин В. Н. Психология общих способностей. СПб.: Питер, 2006.

- Пономарёв Я. А. Психология творчества // Тенденции развития психологической науки. М.: Наука, 1988. С. 21–25.
- Солодилова О. П. Шпаргалка по возрастной психологии. М.: ТК Велби, 2005.
- Тунник Е. Е. Лучшие тесты на креативность. Диагностика творческого мышления. СПб.: Питер, 2013.

Когнитивная сложность / простота как параметр социальных представлений о психологических характеристиках членов различных социальных групп

Е. В. Селезнёва

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Москва
evselesneva@yandex.ru

Представлены результаты авторских исследований, показывающих влияние когнитивной сложности / простоты на структуру социальных представлений о психологических характеристиках членов различных социальных групп. Показано, что данный параметр проявляется на уровне как отдельных образов членов тех или иных социальных групп, так и на уровне всей системы образов, формирующихся в сознании участников взаимодействий.

Ключевые слова: социальные представления, образ, психологические характеристики, члены социальной группы, когнитивная сложность.

Социальные представления как система обыденных коллективных интерпретаций (Емельянова, 2016) опосредуют ориентацию человека и группы в материальном и социальном мире.

Особое место среди социальных представлений занимают представления о психологических характеристиках людей, входящих в ту или иную социальную группу.

В процессе формирования таких представлений на когнитивном уровне происходит трансформация собственно информационных элементов «в “репрезентативно-образные”, сопровождающиеся превращением описания в объяснение» (Емельянова, 2016, С. 115). В результате в сознании участников взаимодействий на основе их предыдущего опыта формируется обобщенный образ представителей той или иной группы, который определяет преобладающее отношение к ним, а также выбор стратегии поведения в конкретных ситуациях при взаимодействии с ними.

При этом, как показывают наши исследования, в групповом и индивидуальном сознании социальные представления о членах той или иной социальной группы существуют в форме не единичного образа, а множественных, зачастую внутренне противоречивых и противоречащих друг другу, образов. Так, как показали наши исследования, проведенные совместно с И. Галлере, в латентной структуре представлений людей разного возраста, пола и культурной принадлежности о психологических характеристиках молодежи выделяются от семи до девяти образов молодежи (Селезнёва, Галлере, 2019). Позднее подобные результаты были получены в проведенных совместно с С. А. Демидовым исследованиях представлений государственных служащих, занимающих должности разного уровня (Селезнёва, Демидов, 2024б), а также государственных служащих — мужчин и женщин, о современном российском руководителе (Селезнёва, Демидов, 2024а).

Одним из параметров, по которым можно оценивать социальные представления о психологических характеристиках личности, является их когнитивная сложность / простота, т.е. степень их дифференцированности и интегрированности (Холодная, 2004).

О высокой или низкой степени когнитивной сложности социальных представлений о психологических характеристиках членов определенной социальной группы по параметрам

дифференцированности и интегрированности можно говорить как на уровне отдельного образа, так и на уровне всей системы образов, присутствующих в групповом и индивидуальном сознании.

На уровне отдельного образа о степени дифференцированности когнитивной сложности социальных представлений можно судить по числу составляющих данный образ психологических характеристик.

На уровне системы образов о степени дифференцированности когнитивной сложности социальных представлений можно судить по числу образов, входящих в данную систему.

В наших исследованиях было показано, что степень когнитивной сложности на уровне отдельных образов в структуре социальных представлений может быть обусловлена разными социально-демографическими детерминантами. Так, в исследовании представлений о молодежи с помощью факторного анализа с варимакс-вращением, позволяющего выявлять их латентную структуру, было показано, что в подгруппах, включающих респондентов более старшего возраста (вне зависимости от пола и культурной принадлежности), первый фактор включает значительно больше шкал (например, по выборке в целом в подгруппе «37 лет и старше» в первый фактор входят 36 психологических характеристик молодежи, а в подгруппе «25 лет и моложе» — 18). Кроме возраста, как свидетельствуют наши исследования, степень когнитивной сложности на уровне отдельных образов детерминируется также полом, культурной принадлежностью, уровнем должности.

При этом во всех наших исследованиях было показано, что содержание отдельных образов и структура социальных представлений в целом имеет высокую степень интегрированности, с одной стороны, в аспекте взаимосвязи и взаимообусловленности психологических характеристик, составляющих отдельные образы, а с другой стороны, в аспекте взаимодополнения разными образами друг друга на уровне структуры представлений в целом.

Литература

- Емельянова Т. П. Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: ИП РАН, 2016.
- Селезнёва Е. В., Демидов С. А. Женское и мужское в представлениях государственных служащих о современном российском руководителе // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024а. № 1. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2024-1-1415>
- Селезнёва Е. В., Демидов С. А. Современный российский руководитель в представлениях государственных служащих, занимающих разные должностные позиции // Мир психологии. 2024б. № 1 (116). С. 109–125.
- Селезнёва Е. В., Галлере И. Образы молодежи в картине мира людей разного возраста // Мир психологии. 2019. № 4 (100). С. 109–125.
- Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004.

Групповая творческая деятельность и эффективность совместной деятельности: пилотажное исследование на операторах системы-112*

С. В. Тарасов

Институт психологии РАН, Москва
tarasovsemv@ipran.ru

В работе рассматривается взаимосвязь решения творческой задачи с эффективностью в моделировании совместной деятельности у операторов системы-112, работающих по совместно-индивидуальной форме организации совместной деятельности. В качестве гипотезы выступило предположение, что чем быстрее группа операторов решает творческую задачу, тем выше будет их эффективность в рамках моделирования совместной деятельности. Основными методами исследования являются моделирование совместной деятельности (аппаратурная методика «Арка»), наблюдение и решение творческой задачи для групп (задачи «Мост», «Яйцо» или «Башня»). Результаты позволили частично подтвердить выдвинутую гипотезу, показав и обратный эффект, вероятно, связанный с побочным продуктом действий в ходе решения творческой задачи.

Ключевые слова: групповое творчество, моделирование совместной деятельности, оператор, общение, эффективность, побочный продукт действия.

Работа оператора системы-112 относится к совместно-индивидуальной форме совместной деятельности:

* Исследование выполнено в рамках государственного задания № 0138–2025–0018 «Индивидуальные и групповые психологические механизмы консолидации российского общества в условиях геополитического кризиса».

взаимодействие минимально, все выполняют свой объем работы, объединяющим выступает лишь предмет труда (Уманский, 1980). Однако в условиях ситуации неопределенности необходима актуализация всех ресурсов группы, в частности общения, выступающего психологическим механизмом принятия решения (Пономарёв, 2006). В связи с этим можно определить проблему — как при высокой степени индивидуализации основной деятельности обеспечить эффективный ответ группы на возникающие трудности. Одним из предлагаемых вариантов является моделирование совместной деятельности данных групп, с учетом ее творческой составляющей и побочного продукта действия — «та неосознаваемая часть результата действия человека, которая возникает вне прямой зависимости от сознательно поставленной цели и иногда играет решающую роль в творческом акте» (Пономарёв, 2006, С. 146). В свою очередь это могут быть как элементы индивидуального опыта, так и психологические характеристики группы, например общение. В рамках выполнения группой задачи оно не является самоцелью ее членов, однако, обуславливая успешное выполнение, оно способствует формированию определенных характеристик группы.

Исходя из данного понимания, было сформулировано предположение, что групповая творческая деятельность, а точнее скорость решения задачи, будет способствовать эффективности группы в рамках моделирования совместной деятельности у операторов системы-112.

Выборка и методы. В исследовании приняли участие 56 групп. Применялись: аппаратурная методика «Арка» (Чернышёв и др., 2005, С. 43); оценка характеристик группы методом структурированного экспертного наблюдения; в качестве творческой задачи были использованы упражнения, направленные на поиск группового решения и взаимодействие, основной параметр анализа — время решения задачи.

Результаты. Первоначально были выделены группы с низкой, средней и высокой эффективностью совместной деятельности. Анализ различий (Краскела-Уоллиса, при $p \leq 0,05$) показал, что они различаются по времени решения творческой

задачи и степени строгости иерархии в группе. Группы с высокой эффективностью совместной деятельности быстрее решают задачу, имея при этом более строгую иерархию внутригрупповых отношений. Проведенный корреляционный анализ (кр. r Спирмена, при $p \leq 0,05$) показал, что общим для групп является взаимосвязь времени решения творческой задачи и времени принятия решения в условиях неопределенности. При этом в группах с низкой эффективностью данная связь положительная, в то время как в группах со средней и высокой — отрицательная. Проведенный множественный регрессионный анализ показал, что в группах с низкой эффективностью основной вклад в принятие решения при условиях неопределенности вносят иерархия, организованность группы в обычных условиях сборки и на рекорд. В группах со средней эффективностью деятельности предикторами выступают самостоятельность и организованность группы в условиях сборки с отсчетом, время решения творческой задачи и организованность в обычных условиях сборки. В группах с высокой эффективностью принятие решения в условиях неопределенности обусловлено только временем решения творческой задачи.

Заключение. Проведенное исследование частично подтвердило предположение, что групповое творчество способствует достижению эффективного результата в рамках моделирования совместной деятельности. Однако полученные результаты амбивалентны. С одной стороны, при низкой эффективности наблюдается прямая взаимосвязь времени решения творческой задачи и принятия решения в условиях неопределенности, с другой, в группах со средней и высокой эффективностью данная связь обратно пропорциональна. Вероятно, у эффективных групп в условиях продолжительного решения творческой задачи формируется побочный продукт действия — актуализация системы межличностного общения, в то время как у неэффективных задействуются вспомогательные характеристики личности и группы.

Литература

- Горбов Ф. Д., Новиков М. Л. Вопросы интегративной оценки групповой активности // Тезисы докладов на II съезде психологов СССР. Вып. 3. М.: АПН РСФСР, 1963. С. 19–22.
- Пономарёв Я. А. Перспективы развития психологии творчества // Психология творчества: школа Я. А. Пономарёва. М.: ИП РАН, 2006. С. 14.5–276.
- Уманский Л. И. Психология организаторской деятельности школьников. М.: Просвещение, 1980.
- Чернышёв А. С., Лунёв Ю. А., Сарычев С. В. Аппаратурные методики психологической диагностики группы в совместной деятельности. М.: ИП РАН, 2005.

Переработка результатов «Мирового кафе» в обоснованные тезисы научного исследования

Ю. Э. Ширков

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Федеральный научный
центр психологических и междисциплинарных
исследований (Психологический институт), Москва
shirkov@mail.ru

«Мировое кафе» — метод, напоминающий многим о растерянности перед эмоциональным, но неопратно-спонтанным материалом сессионной работы большой группы. Предложенные авторами метода остроумные принципы сбора материала не обеспечены принципами переработки этого материала в доказанные тезисы. Эта возможность скрывается в малоподходящей для данного формата финальной стадии «шеринга». Реально обменяться

впечатлением в большой группе затруднительно, но вынесение этого обмена за скобки личной встречи открывает возможности привычным методам переработки качественного материала в научно доказанные обобщения. Решение проблемы экспликации внутренних переживаний участников конференциальной сессии — подчинить этап шеринга задаче концептуализации направленного сценарием опыта.

Ключевые слова: мировое кафе, конференциальная модель, концептуализация, шеринг, качественная методология.

Проблема неравного внимания к этапам сбора и обработки данных в инновационных методах психологических исследований портит впечатление об их ценности.

В традициях конференциальных моделей, стратегических и фасилитационных сессий, целью изменений являются сами участники групповых сессий. Они изменяются внутренне, но их перемены плохо видны со стороны. Результирующий эффект складывается из сочетания заложенных в концепции сессии целей и склада группового состава. В конференциальной модели «планирования масштабных изменений» в этап планирования конференции вовлечены сами участники (Жуков, Журавлёв, 2012). В стратегической сессии участники обычно приглашаются в уже разработанный сценарий (Нестик, 2018). Внутренние изменения, как цель работы, уверенно ожидаются, но проявляются не сразу. А потребность в немедленном осмыслении результата не оставляет времени на ожидание проявлений эффекта.

Метод «мирового кафе» (Brown, Isaacs, 2005) является хорошим примером проблемы неравного внимания к принципам сбора данных и их обработки. Остроумное решение организации эмоционально вовлеченного взаимодействия в большой группе без потери коллективного авторства сопровождается растерянностью перед слабо упорядоченным материалом, полученным «на выходе». В этом популярном варианте конференциальной модели участники групповой сессии успешно настраиваются на нужный лад видения перспективы,

но со стороны трудно зафиксировать эффекты изменений. Сохраняются постеры («скатерти») с заметками обсуждения, доклады от рабочих групп, голосование за прозвучавшие идеи, но главное — внутреннее впечатление участников — не фиксируется систематическим образом. С другой стороны, эвристическая ценность метода — не в конкретных накопленных текстах, а в том, что участники получают ориентировочную основу финального обобщения предшествующего поиска или продолжения дальнейшего поиска. Это безусловно полезный результат, труднодоступный для эмпирического обобщения «на лету».

Метод и не претендует на спецификацию принципов обработки полученного материала и производит впечатление скорее средства тимбилдинга, чем порождения идей. Так обычно и происходит, пока не используются возможности заключительного этапа всех психологических форм группового взаимодействия — «шеринга» (sharing — обмен опытом, впечатлениями, идеями), который эффективен в малых группах, но в больших группах конференциальных моделей и стратегических сессий не способен помочь регистрации эмпирического результата коллективных усилий. В функциональной структуре дискуссионной сессии этап финализации дает чувство удовлетворения от участия в общении, понимание коллективного авторства группового результата, упорядочение и совместную оценку полученной в ходе обсуждения информации, сопоставление целей дискуссии с полученными результатами (Петровская, 1990). Эти групподинамические задачи заслоняют ценность самого порожденного содержательного материала по дискутируемой теме. Результаты шеринга допускают обобщение уже принятыми методами обработки данных.

Для новой роли шеринга в интересах переработки содержательного материала «мирового кафе» в эмпирические тезисы, нужна предварительная концептуализация ожидаемых индивидуальных картин темы на этапе проектирования дизайна сессии. Нужен формат, который в шеринге просто наполняется содержанием, и обязательное включение всех участников в генерацию обратной связи.

Вопросы могут быть как традиционными для шеринга — «что вам особенно понравилось?», «что показалось необычным?», «что прозвучало вскользь, но требует большего внимания?», «что можно было бы улучшить, если нашу встречу повторить?», — так и специфичными для обсуждаемой темы.

После групповой сессии каждый участник становится единственным экспертом в только что полученном им опыте. В сумме рефлексий складывается полная палитра взглядов. Набранный иллюстративный материал отрабатывает свою задачу стимуляции и облегчения рефлексии, остается внутренней кухней, а на экспорт из сессии поставляется чистый продукт — отрефлексированная картина нужной степени обобщения.

Литература

- Жуков Ю. М., Журавлёв А. В.* Психологическая поддержка масштабных преобразований: конференциальные и игровые технологии // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2012. № 1. С. 133–144.
- Нестик Т. А.* Психологические аспекты корпоративного форсайта // Форсайт. 2018. Т. 12. № 2. С. 78–90.
- Петровская Л. А.* Организация и проведение групповой дискуссии // Жуков Ю. М., Петровская Л. А., Растянкин П. В. Диагностика и развитие компетентности в общении. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 12–31.
- Brown J., Isaacs D.* The World Café. Shaping our futures through conversations that matter. Berrett-Koehler Publishers, 2005.

ПСИХОЛОГИЯ ИСКУССТВА И НЕЙРОЭСТЕТИКА

Как мозг воспринимает искусство: от нейробиологии корковых и подкорковых структур к эстетике будущего

Е. И. Альшанская

Высшая школа экономики, Москва
eisokolova@hse.ru

Современная нейроэстетика изучает комплексное воздействие искусства на все органы чувств и взаимодействие корковых и подкорковых структур, участвующих в его восприятии. Нейрофизиологические механизмы эстетической оценки оказываются применимыми как к классическому, так и к современному искусству, позволяя объяснить закономерности восприятия и эмоциональной реакции. Особое внимание уделяется бессознательной эмоциональной реакции, жанровым различиям и влиянию культурного контекста. Современные методы нейронауки позволяют регистрировать физиологические и нейронные реакции в реальном времени, что важно для персонализированного анализа эстетического опыта и прогнозирования эмоционального отклика в искусстве и дизайне.

Ключевые слова: нейроэстетика, восприятие искусства, подкорковые структуры, корковые зоны, эмоциональная реакция, культурный контекст, нейронаука.

Современные исследования в области нейроэстетики указывают на необходимость анализа не только зрительной обработки, но и комплексного восприятия произведения искусства с участием всех сенсорных каналов, среды, социальной значимости и персональных смыслов зрителя (Grzywacz, Aleem, 2022; Luo et al., 2025). Эстетическое переживание включает активацию как специализированных корковых зон (особенно тех, которые получили развитие преимущественно у человека и выходят за рамки только префронтальной коры), так и глубинных

подкорковых структур, включая миндалину, гипоталамус и другие области, участвующие в формировании эмоционального, мотивационного и ориентировочного ответа (Ticini, 2017). Эти реакции формируются до осознанной оценки и могут объяснять устойчивость предпочтений, эффект узнавания и силу эмоционального воздействия произведений искусства. Представленные данные подтверждают применимость нейрофизиологических принципов как к восприятию классического, так и современного искусства.

В работах последних лет особое внимание уделяется объективной оценке специфики нейронного отклика: так, пейзаж вызывает более выраженную активацию зон, связанных с пространственной навигацией и регуляцией тревоги; портреты вовлекают области обработки лиц и социальной значимости; натюрморты активируют зрительно-сенсорные и гипоталамические пути (Zhao et al., 2020). Значимым фактором эстетической реакции становится не только визуальное содержание, но и социальный, культурный и контекстуальный фон, в который вписан зритель.

Подкорковые структуры мозга, такие как миндалина и гипоталамус, обеспечивают быстрый, автоматический отклик на художественные стимулы и могут регистрироваться с помощью показателей вегетативной нервной системы, что позволяет говорить о персональной, но объективной оценке произведений искусства (Welter, Lotte, 2024). Их взаимодействие с корковыми зонами и анализ смыслов с использованием искусственного интеллекта позволяет формировать сложные оценочные процессы, включая удовольствие, узнавание, когнитивную насыщенность и соматосенсорную вовлеченность. Эти аспекты эстетической оценки начинают рассматриваться как модулируемые переменные, поддающиеся экспериментальной регистрации и анализу.

Развитие методов нейровизуализации, а также использование портативных сенсоров и алгоритмов машинного обучения позволяют отслеживать нейрофизиологические и поведенческие маркеры эстетического переживания в реальном времени. Это открывает возможности для персонализированного

подхода в исследовании и прогнозировании эмоционального отклика на художественные стимулы в искусстве, дизайне и культурных практиках. Будущее нейроэстетики — в объединении фундаментальных знаний о мозге с технологиями и гуманитарными контекстами.

Литература

- Grzywacz N. M., Aleem H.* Does amount of information support aesthetic values? // *Frontiers in Neuroscience*. 2022. V. 16. Art. 805658.
- Luo Y., et al.* Distinct neural bases of visual art- and music-induced aesthetic experiences // *NeuroImage*. 2025. V. 305. Art. 120962.
- Ticini L. F.* The role of the orbitofrontal and dorsolateral prefrontal cortices in aesthetic preference for art // *Behavioral Sciences*. 2017. V. 7. No. 2. Art. 31.
- Welter M., Lotte F.* Ecological decoding of visual aesthetic preference with oscillatory electroencephalogram features — A mini-review // *Frontiers in Neuroergonomics*. 2024. V. 5. Art. 1341790.
- Zhao X., et al.* The neural mechanism of aesthetic judgments of dynamic landscapes: an fMRI study // *Scientific Reports*. 2020. V. 10. No. 1. Art. 20774.

Семантические пространства музыкальных тембров и интервалов и ключевые характеристики звука в музыкальной теории

А. П. Бачкала

Московский государственный психолого-
педагогический университет, Москва
annabachkala@gmail.com

О. В. Митина

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва
omitina@inbox.ru

Е. В. Васюра

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва
vasyuraev@my.msu.ru

Исследование направлено на изучение восприятия тембров и интервалов с использованием психосемантического подхода. Гипотезы предполагают, что испытуемые будут опираться на характеристики атаки, задержки, затухания при оценке тембров и консонантность и диссонантность при оценке интервалов. В результате были построены семантические пространства тембров и интервалов, а также выделены ключевые факторы, на которые опираются испытуемые при категоризации.

Ключевые слова: эмпирическая эстетика, восприятие музыки, тембры, интервалы, психосемантика.

Эмпирическая эстетика — направление исследований, основанное Г. Т. Фехнером, изучающее восприятие, оценку и создание эстетических объектов (Выготский, 1965). Одним из объектов эмпирической эстетики является восприятие

музыки. К основным характеристикам музыкального звука относятся высота, тембр, длительность. Ключевым параметром тембра — это частотный спектр, но, помимо этого, существуют также динамические качества, такие как атака, задержка, затухание (McAdams, 1979). Сочетание же нескольких звуков разной высоты является основой для создания аккордов и мелодий. Интервал — это соотношение между частотами двух звуков, субъективно он может восприниматься как консонанс или диссонанс (гармония или дисгармония).

Поскольку экспериментальная эстетика является субъектно-ориентированным подходом, для изучения восприятия тембров и интервалов был выбран психосемантический метод, который позволяет реконструировать групповую систему значений. Содержательная интерпретация получаемых в результате факторизации структур помогает понять, как именно испытуемые «видят» те или иные стимулы и какие основания существенны для их категоризации (Петренко, 2005).

Выдвинута следующая гипотеза: семантические пространства будут отражать положения музыкальной теории, а именно: 1) Испытуемые при оценке интервалов будут опираться на их консонантность или диссонантность (гармоничность или дисгармоничность). 2) Испытуемые при оценке тембров будут в первую очередь опираться на характеристики: атака (насколько быстро звук выходит на максимальную амплитуду), задержка (как долго звук находится на максимальной громкости), затухание (спад громкости).

Стимулы создавались в компьютерной программе Guitar Pro Version 7.5.2. Для составления опросника использовалась самостоятельно разработанная программа на языке программирования Python 3.10 и интерфейсом на PyQt5 с возможностью прослушивания звуковых отрывков. Поскольку результаты факторизации чувствительны к перечню оцениваемых объектов, для отбора тембров для стимульного материала было проведено предварительное исследование. Были выделены 5 кластеров музыкальных инструментов, и из каждого кластера взят один представитель. Итоговым стимульным материалом служили 13 интервалов, сыгранных на фортепиано, а также

6 тембров (акустическая гитара, фортепиано, флейта, скрипка, тромбон, ксилофон), сыгранных от 2 нот (соль малой октавы, соль второй октавы).

Для построения семантического пространства был использован 14-шкальный семантический дифференциал Е. Ю. Артемьевой (Артемьева, 1999). В результате факторизации интервалов по прилагательным было выделено 2 фактора: Ф1 Приятный (-) ↔ Неприятный (+) и Ф2 Пессимистичный (-) ↔ Оптимистичный (+). А в результате факторизации тембров: Ф1 Приятный (-) ↔ Неприятный (+) и Ф2 Богатый (-) ↔ Бедный (+).

Были проинтерпретированы факторные баллы объектов. Гипотеза подтвердилась частично. Неожиданно наиболее существенной характеристикой для категоризации интервалов оказалось расстояние между нотами, но также испытуемые опираются на консонантность и диссонантность. При оценке тембров — на длительность звука и высоту основного тона.

Литература

- Артемьева Е. Ю.* Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука, Смысл, 1999.
- Выготский Л. С.* Психология искусства. М.: Искусство, 1986.
- Петренко В. Ф.* Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005.
- McAdams S., Bregman A.* Hearing musical streams // *Computer Music Journal*. 1979. V. 3. № 4. P. 26–60.

Описание ощущений в художественном тексте

В. П. Белянин

Независимый исследователь, Москва
psyling@gmail.com

В художественном тексте проявляется картина мира автора в виде эмоционально-смысловой доминанты как системы когнитивных и эмотивных эталонов, служащих психической основой метафоризации и вербализации картины мира в тексте. Типологический подход к художественному тексту предполагает, что в психологически разных типах художественных текстов по-разному представлены не только эмоции, но и ощущения (звук, цвет, движение, баланс и др.). Так, в «веселых» текстах много громких звуков, движений и цвета. А в «печальных» — тишина и статика. Тем самым, в художественную картину мира (и тем самым, в модель творчества) целесообразно включать не только мировоззрение, но и мироощущение, в том числе представленность сенсорных характеристик мира.

Ключевые слова: литературное творчество, художественный текст, картина мира, доминанта, типология.

Художественное творчество многоаспектно настолько, насколько многогранна психика человека. В художественном тексте есть и отражение действительности, и выражение средствами языка человеческого отношения к миру (Степанов, 1974). В картину мира как набор представлений, знаний и мнений о мире и человеке вплетены мировоззрение, морально-этическая, логическая и эмоциональная составляющие и мироощущение. Для отражения этих составляющих мы ввели понятие эмоционально-смысловой доминанты как системы когнитивных и эмотивных эталонов, характерных для автора текста как личности и служащих психической основой метафоризации и вербализации картины мира в тексте (Белянин,

2000, С. 57). Используя это понятие в качестве основания деления, мы разработали такую классификацию художественных текстов: «светлые» (принятие и подозрительность), «темные» (гнев), «веселые» (радость, страсть), «печальные» (печаль), «красивые» (удивление, страсть).

Анализ художественных текстов показал, что есть связь между доминантой и избирательностью внимания автора в описании ощущений. Так, в «веселых» текстах много громкого звука: «Пикейные жилеты вздрогнули, а лектор еще громче ... заговорил о боевых отравляющих веществах» (Ильф, Петров «Золотой теленок»). Громкими будут звуки и в «темных» текстах: «Внезапно он услышал ... оглушительный, ... грохот гибнущей в огне и буре планеты. ... и этот грохот гибели мира был последним земным звуком для него» (Б. Лавренёв «Сорок первый»). В «светлых» текстах звуки более высокие и чистые: «Раздался звук, ясный, ровный, как будто кто-то задел ... певучую струну, и она, ... задрожала, зазвенела, поражая весь мир удивительной чистотой своего тона» (А. Гайдар «Судьба барабанщика»). А в «печальных» текстах будет больше тишины: «Раздалось там и там: "шу, шу", — наконец тишина настала страшная» (Н. Гоголь «Мертвые души»).

В «темном» тексте запах чаще неприятный: «Едкий, душный запах пороховых газов заставлял слезиться глаза, как горчица. Даже во рту Ваня чувствовал его кислый запах» (В. Катаев «Сын полка»). А в «печальном» тексте запах приятный, но вызывающий печальные мысли: «... доживаю я скучные годы, но храню ... высохший цветок гераниума, ... Он до сих пор издает слабый запах, а рука, мне давшая его, ... давно уже глеет в могиле» (И. Тургенев «Ася»).

В «веселых» текстах много движения: «Остап запрыгал по лестнице, ведущей на пристань. Ему предстояло пробежать четыреста ступенек» (Ильф, Петров «12 стульев»). В «печальных» больше статике: «Акакий Акакиевич так и обмер, пошатнулся, затрясся всем телом и никак не мог стоять» (Н. Гоголь «Шинель»).

Л. С. Выготский писал: «Везде — в фонетике, в морфологии, и лексике, и семантике, даже в ритмике, метрике

и музыке — за грамматическими и формальными категориями скрываются психологические» (Выготский, 1956, С. 334). Очевидно, что отбор явлений действительности и того, что в тексте выделяется как важное, определяется авторской установкой (его доминантой). М. М. Бахтин писал: «Мир художественного видения есть мир организованный, упорядоченный и завершённый ... вокруг данного человека как его ценностное окружение» (Бахтин, 1979, С. 172). Если идти дальше, то можно попытаться найти источник самой установки в рамках европатологического подхода (Г. В. Сегалин, К. Леонгард), который — если его применять без излишней патологизации и редукции — позволяет увидеть за текстом разные психологические (пусть даже и аномальные) состояния. Мы предполагаем, что «веселые» тексты отражают гипертимичность, «печальные» — депрессивность, «темные» — дисфорические расстройства, «красивые» — демонстративность, «светлые» — подозрительность (Белянин, 1996, 2000).

Автор художественного текста вовсе не обязательно обладает этими акцентуациями, скорее наоборот — умея проникнуть в их суть, он выражает их в языке и, тем самым делая их доступными для других, преодолевает их сам и, таким образом, развивается. И это, наравне с другими факторами, делает художественный текст художественным произведением.

Литература

- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
- Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики: (Модели мира в литературе). М.: РАН Ин-т языкознания, 2000.
- Белянин В. П. Введение в психиатрическое литературоведение. München: Verlag Otto Sagner, 1996.
- Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956.
- Степанов Г. В. Цельность художественного образа и лингвистическое единство текста // Лингвистика текста. Ч. II. М., 1974.

Особенности жизненной ситуации и отношения к смерти личности, предпочитающей литературу и кино, эстетизирующие смерть

С. В. Василенко

МОУ СОШ № 95 с УИОП, Саратов

vas_s-v@mail.ru

В статье обоснована актуальность затронутой темы, описаны цель и гипотеза исследования, выделены методики для проведения научных изысканий (Чистопольская К. А., Митина О. В., Ениколопов С. Н. и другие опросники «Отношение к смерти» и «Страх личной смерти»), выполнен эмпирический анализ проблемы отношения к смерти личности, сделана попытка провести взаимосвязи между читательскими/кинопредпочтениями и отношением индивида к смерти, обоснованы выводы, полученные в ходе опроса.

Ключевые слова: отношение к смерти, страх смерти, литературные и кинопредпочтения.

На тему смерти написано множество литературы, причем зарубежной гораздо больше, чем в российской традиции. А. В. Юревич в статье «Психологические аспекты отношения к смерти» пишет: «... сделан вывод о том, что признание смерти как психологического и социального факта существенной важности — чрезвычайно необходимый шаг вперед в психологии, который отечественная наука еще не сделала» (Юревич, 2018).

Сколько авторов занимались этой темой: В. Франкл, Э. Кюблер–Росс, П. С. Гуревич, А. Бейли, Ф. Арьес, С. Гроф, Р. Моуди, Ошо, Э. Фромм и др. Особенно импонирует мнение Николая Савкина: «...есть еще субъективная сторона смерти — мысли и размышления о ней. Они иногда опасны, вредны. С другой стороны, они помогают увидеть важное, событийное, избавиться от мелочного, случайного, преодолеть зависть, т.е.

вносят определенные коррективы в поведение, определенным образом регулируют его» (Савкин, 2023).

Цель нашего исследования: изучить, есть ли связи между отношением к смерти и предпочтениями личности в кино и литературе.

Гипотеза: существует взаимосвязь между отношением человека к смерти, чтением книг и просмотром кино.

Был проведен опрос на основе кратких русскоязычных версий опросников «Отношение к смерти» и «Страх личной смерти» (Чистопольская и др., 2017). Количество респондентов 73. В выборке принимали участие студенты, а также респонденты из окружения исследователей по желанию.

Большую часть испытуемых составила женская аудитория: 67 против 6. Согласно критерию Шапиро–Уилка распределение отличается от нормального, то есть $p < 0,001$.

Возрастные критерии: респондентов от 17 до 23 большинство — 64,2 %, в значительно меньшем количестве остальные от 27 до 59 лет (по 1–3 человека на каждую возрастную категорию). Читать любят большинство — из 100 % только 20,5 % не увлекаются чтением. Однако кино составляет серьезную конкуренцию книгам. Всего 12,3 % не любят кино.

Для расчета корреляции использовался коэффициент Спирмена, так как выборка отличается от нормальной. Коэффициент альфа Кронбаха подтвердил надежность методик: «Отношение к смерти» — 0,806; «Страх личной смерти» — 0,908. По каждому из блоков также были проведены проверки. Лишь в одном блоке — нейтральное принятие — альфа Кронбаха составил 0,670, что близко к значению 0,7, но все-таки меньше необходимого для надежности.

Исследование являлось пробным. Кроме вышеобозначенных опросников, были добавлены несколько дополнительных составляющих — вопросы о любви к чтению и кино.

Были выявлены связи, например, между нейтральным принятием смерти и страхом смерти (2NP/1SS $-0,301^{**}$; 14NP/1SS $-0,302^{**}$; 12SS/2NP $-0,340^{**}$ и др.) существует отрицательная корреляция, то есть чем больше страх смерти, тем

меньше ее принятие. Своеобразная «психологическая таблетка от смерти».

Присутствуют также интересные взаимосвязи между страхом смерти и принятием приближения смерти (3SS/9PPS 0,395***; 3SS/10PPS 0,385*** и др.), чем выше страх смерти, тем выше принятие приближения смерти. Здесь затронута тема веры. Человек, боящийся смерти, может чаще посещать храм, чтобы получить благодать в Царствии Небесном, а на земле смириться с тем, что умрет.

Позитивные взаимосвязи между принятием приближения смерти и избеганием темы смерти (9PPS/11ITS 0,323**) достаточно интересны для изучения. Может говорить о внутреннем конфликте у человека, замалчивании темы смерти либо о полном принятии этого перехода, например, перед суицидом или смертью в результате онкологии.

Интересно наличие корреляции между принятием смерти как бегства и страхом забвения (4PSB/9SZ 0,368**). Чего не хватает человеку? Любви и заботы близких? Чем выше принятие смерти как бегства, тем выше страх забвения.

К сожалению, гипотеза не нашла своего подтверждения, хотелось бы лучше узнать о литературных и кинопредпочтениях респондентов, их жизненных ценностях и все-таки понять, как это влияет на отношение к смерти, и влияет ли вообще. С этой целью был составлен дополнительный опросник.

Литература

- Савкин Н. С. Социальное бытие человека и феноменология смерти // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2023. Т. 23. № 2. С. 184–194.
- Чистопольская К. А., Митина О. В., Ениколопов С. Н. и др. Создание кратких русскоязычных версий опросников «Отношение к смерти» и «Страх личной смерти» // Суицидология, 2017. Т. 8. № 4(27). С. 43–55.
- Юревич А. В. Психологические аспекты отношения к смерти // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 1. С. 123–132.

Анализ окулomotorной активности при восприятии фрактальной живописи с различной D-размерностью у студентов

Е. М. Зинченко

Саратовский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского, Саратов
Odonata1108@yandex.ru

Е. А. Лазунина

Саратовский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского, Саратов
ekaterinalazunina@yandex.ru

А. М. Гавриленко

Саратовский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского, Саратов
adelaida.shin@mail.ru

А. В. Букушева

Саратовский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского, Саратов
bukusheva@list.ru

Статья посвящена изучению восприятия фрактальной живописи студентами-психологами и юристами. В работе использовали картины с разной фрактальной размерностью, восприятие оценивали с помощью айтрекинга и субъективных оценок. Результаты показали различия в параметрах окулomotorной активности (ОМА) между группами участников и зависимость эстетической привлекательности от фрактальной размерности. У психологов были выявлены высокие значения привлекательности и особенности ОМА при восприятии изображений с низкой фрактальной размерностью. Комплексный подход, включающий математический анализ и психофизиологические измерения,

позволяет объяснить эмоциональные реакции зрителей на фракталы и открывает перспективы для использования фракталоподобных изображений в арт-терапии.

Ключевые слова: восприятие, фрактальная живопись, D-значение, окуломоторная активность, студенты.

В настоящее время представлено большое количество научных исследований, направленных на изучение влияния и восприятия произведений искусства человеком. В современной культуре представлено множество новых направлений на стыке науки и искусства, одним из них является фрактал-арт, суть которого состоит в использовании математических алгоритмов при создании изображения. В ряде работ отмечается положительное влияние фракталов на эмоциональное состояние человека. Связующим звеном может выступать связь частотной селекции сигналов в коре головного мозга и особенностей пространственных спектров фрактальных структур (Velichkovsky, 2017). В ряде работ отмечается, что привлекательными с эстетической точки зрения являются изображения с разной фрактальной размерностью (Pickover, 1995; Aks, Sprott, 1996). В свою очередь окуломоторная активность (ОМА) отражает, по какому принципу идет обработка визуального контента. В связи с этим целью нашего пилотного исследования явилось изучение восприятия фрактальной живописи с разным D-значением.

Исследование проводилось в учебной лаборатории когнитивной психологии ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского». В эксперименте приняли участие 21 человек, из них 10 студентов-психологов и 11 студентов-юристов. Оценку ОМА проводили с помощью стационарной системы бинокулярного трекинга глаз Eye Tracker (модели RED 500 System, произведенного SMI). В качестве стимульного материала использовали 5 картин С. Кордедды (D-значение 1,4–1,5) и 5 картин Д. Пресли (D-значение 1,80–1,84). Фрактальную размерность изображений рассчитывали в Python.

На экране айтрекера предъявлялось по одному изображению, которое участники должны были свободно рассматривать

в течение 10 секунд. После эксперимента испытуемых просили оценить эстетическую привлекательность каждой картины по 10-балльной шкале. Статистическую обработку проводили по критерию Манна-Уитни и Спирмена с помощью программы SPSS Statistics 22.

Анализ данных показал, что при восприятии картин с меньшим D-значением для психологов характерны более низкие значения средней продолжительности саккад ($44,6 \pm 3,76$), средней амплитуды саккад ($4,09 \pm 0,74$) и максимальной скорости саккад ($252,1 \pm 60,9$) по сравнению с юристами ($53,8 \pm 5,05$; $5,94 \pm 2,03$; $328,4 \pm 94,8$, $p \leq 0,05$ соответственно). При просмотре картин с большим D-значением добавляется различие по минимальной продолжительности фиксации, этот показатель также существенно ниже у психологов ($59,2 \pm 7,6$ и $72,5 \pm 22,6$; $p \leq 0,05$ соответственно). Далее было проведено внутригрупповое сравнение параметров ОМА с учетом D-значения картин. Различий по ОМА для юристов выявлено не было. У психологов достоверно выше показатель привлекательности ($7,7 \pm 1,1$ и $4,5 \pm 1,9$; $p \leq 0,05$) и максимальной продолжительности саккад ($355,0 \pm 108,3$ и $103,2 \pm 44,3$; $p \leq 0,05$) при рассмотрении для картин с меньшей фрактальной размерностью.

Проведенный корреляционный анализ позволил выявить отрицательную связь между фрактальной размерностью и привлекательностью как в группе психологов, так и юристов ($r = -0,714$; $p \leq 0,001$ и $r = 0,697$; $p \leq 0,001$ соответственно). Также были выявлены корреляции с параметрами ОМА у психологов. Так, показатель максимальной продолжительности саккад положительно коррелирует с привлекательностью ($r = 0,613$; $p \leq 0,001$) и отрицательно с D-размерностью ($r = -0,638$; $p \leq 0,001$). С привлекательностью также установлена связь с минимальной продолжительностью саккад ($r = -0,501$; $p \leq 0,05$). В группе юристов корреляций с ОМА не обнаружено.

Комплексный подход с использованием математического анализа произведений искусства и психофизиологических параметров зрителя позволит дать рациональное объяснение эмоционального подъема при восприятии фрактальных изображений. Также, учитывая, что фрактальные изображения

обладают биофилией (Taylor, 2008), последующие исследования в данной области позволят более детально подходить к использованию фракталоподобных изображений в арт-терапевтическом контексте.

Литература

- Aks D. J., Sprott J. C.* Quantifying aesthetic preference for chaotic patterns // *Empirical studies of the arts*. 1996. V. 14. № 1. P. 1–16.
- Pickover C. A.* *Keys to infinity*. NY.: John Wiley & Sons Inc. 1995.
- Taylor R. P., Sprott J. C.* Biophilic fractals and the visual journey of organic Screen-savers // *Nonlinear Dynamics, Psychology, and Life Sciences*. 2008. V. 12. P. 117–129.
- Velichkovsky B. M.* Cognitive science: The art and its implications // *Psychology in Russia*. 2017. V. 10. № 3. P. 2–6.

ИмPLICITНОЕ УСВОЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ

К. А. Кочеткова

Самарский университет, Самара
kristinakochet@mail.ru

А. П. Крюкова

Самарский университет, Самара
kryukova.1991@bk.ru

В рамках данного исследования рассматривается феномен имплицитного научения в контексте восприятия изобразительного искусства. Гипотеза исследования заключается в том, что длительная фиксация на картинах одного автора приводит к неосознанному усвоению его художественного стиля, в частности в способности распознать его работы,

несмотря на трудности в объяснении его отличительного почерка. В результате исследования были обнаружены значимые статистические различия по имплицитному усвоению между контрольной и экспериментальной группами ($p < 0,05$). Полученные данные существенно расширяют понимание механизмов неосознанного восприятия искусства и определяют перспективы дальнейших исследований психологии творчества.

Ключевые слова: имплицитное научение, психология творчества, восприятие искусства, художественный стиль, распознавание авторства, экспериментальная психология.

Изобразительное искусство представляет собой сложное явление, в основе которого лежат как осознаваемые, так и неосознаваемые процессы. Теоретические концепции, начиная от идей Л. С. Выготского об «умных эмоциях» (Выготский, 1968) до исследований Я. А. Пономарёва о бессознательном влиянии прошлого опыта на решение творческих задач (Пономарёв, 1976), подчеркивают важность изучения различных аспектов восприятия искусства. Значительный вклад в изучение имплицитного научения А. Ребера позволил системно исследовать механизмы имплицитного усвоения сложных паттернов и закономерностей (Reber, 1989), что служит теоретической основой для изучения имплицитного восприятия художественного стиля в изобразительном искусстве.

Целью настоящего исследования является изучение механизма имплицитного усвоения художественного стиля на примере работ известного художника Сая Твомбли.

Гипотеза исследования утверждает, что некоторое воздействие картин одного художника может привести к имплицитному усвоению его художественного стиля, которое будет проявляться в способности распознавать картины этого художника среди работ других авторов похожего художественного стиля.

Для реализации гипотезы был разработан эксперимент, состоящий из трех этапов: обучения, тестирования и постэкспериментального интервью. В эксперименте приняли участие 90 человек. Участники были разделены случайным образом на две

группы для этапа обучения — на экспериментальную группу (участникам поочередно были предъявлены 10 картин художника Сая Твомбли) и контрольную (участникам поочередно были предъявлены 10 картин разных художников с похожим стилем написания картин). Параллельно участникам обеих групп были заданы вопросы эмоционального, когнитивного и поведенческого характера. Этап тестирования включал три задания: выявление «неподходящей» картины среди трех, распознавание сгенерированных изображений Искусственным Интеллектом и выбор картины того же автора, ряд картин которого был представлен на этапе обучения. После тестирования проводилось интервью для выявления эксплицитного научения.

Статистический анализ с использованием критерия хи-квадрат Пирсона показал, что в тестах 1 и 3 испытуемые экспериментальной группы дали значительно больше правильных ответов, чем в контрольной ($p < 0,05$). Это подтверждает гипотезу о наличии имплицитного усвоения стиля в экспериментальной группе. В тесте 2 различия не были статистически значимы. Внутригрупповой анализ результатов дополнительно подтвердил тенденцию к более точному распознаванию стиля у экспериментальной группы. Полученные данные свидетельствуют о том, что имплицитное усвоение художественного стиля возможно и проявляется в способности распознавать стиль без вербализации его характеристик. Этот феномен соотносится с теориями неосознаваемых когнитивных процессов и подтверждает, что эстетическое восприятие включает имплицитные механизмы. Результаты расширяют понимание взаимодействия сознательных и бессознательных процессов в сфере восприятия искусства, открывая перспективы для дальнейших исследований.

Литература

- Выготский Л. С.* Психология искусства. М.: Искусство, 1968.
Пономарёв Я. А. Психология творчества. М.: Наука, 1976.
Reber A. S. Implicit learning and tacit knowledge // *Journal of Experimental Psychology: General*. 1989. V. 118. No. 3. P. 219–235.

Взаимодействие с произведениями искусства в художественном музее как средство творческого преобразования миграционного опыта

О. С. Леонова

Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва
leonokr@gmail.com

Д. А. Алиева

БДФ «Виктория», Москва
diana.alieva.pot@gmail.com

И. А. Попович

Музей «Виктория — искусство быть современным», Москва
ira.popovitch@gmail.com

М. Е. Первушина

Детский развивающий клуб «Мамин садик», Москва
alfainthenet@gmail.com

В работе представлен опыт использования различных способов взаимодействия с произведениями искусства в художественном музее для творческого преобразования миграционного опыта участниц в рамках мультимодальной партиципаторной лаборатории. При помощи техник *slow looking*, различных техник сторителлинга, выполнения резонансных изображений, работы с цветом и различными материалами, групповой и парной работы с откликом на художественные произведения участницы смогли поделиться своими жизненными историями, трансформировать эмоциональное состояние и интегрировать сложный опыт.

Ключевые слова: музейная арт-терапия, групповая работа,

личность, мультимодальность, творческое самовыражение, социальный театр, адаптация.

Мультимодальная партиципаторная арт-лаборатория для людей с миграционным опытом — это проект, реализуемый в настоящее время в ГМИИ имени А. С. Пушкина при поддержке программы «Доступный музей» совместно с АНО «Центр психологии и арт-терапии САМО». Он был создан для поддержки людей с миграционным опытом и опытом беженства, а также преодоления коммуникационных барьеров и стереотипов в отношении этой группы людей.

Основной задачей проекта было создание условий, в которых возможно безопасное проявление, фиксация и трансляция жизненного опыта и историй участников. Разработанный формат работы позволяет расширять аудиторию музея путем включения изолированных групп. А также создает условия для формирования нового взгляда на коллекцию как для музейных сотрудников, так и для посетителей.

Формат партиципаторной лаборатории предполагает большую динамичность и гибкость процесса и ведущих. Поэтому особое внимание уделяется безопасной структурирующей рамке. В первую очередь ее обеспечивает само музейное пространство, которое представляет собой контейнирующую, упорядоченную среду (Lajeunesse, Legari, 2019). Внутри этой среды команда проекта выстраивает временную и содержательную структуру проекта с привлечением ведущих, практикующих разные модальности. Это позволяет участницам расширить свой репертуар способов творческого самовыражения, а также усилить воздействие каждой из модальностей (Rogers, 1999). Каждая встреча группы в музейном пространстве выстраивается в соответствии с логикой ведения психологических групп и включает приветственный и завершающий круги, арт-практику с произведениями искусства в залах музея или творческую работу в студии, работу в парах, мини-группах, шеринг в общем кругу, а также выполнение участницами резонансного изображения в арт-буках. Участницы ведут арт-буки на протяжении

всего проекта, они служат инструментом наблюдения личного процесса и рефлексии.

Команда ведущих арт-лаборатории включала арт-терапевтов и специалистов в области социального и пластического театра.

Первичный контакт с произведениями искусства происходил при помощи техник *slow looking*. Участницы рассматривали пространство и картины через разные медиаторы — цвет, формы, фактуру. Направление внимания осуществлялось через выделение фрагментов картин фоторамкой, трафаретом или руками и через обращение к телесным ощущениям — тактильным, запахам, звукам и т.д. В результате этого взаимодействия и полученного в процессе непосредственного эмоционального переживания, участницы могли соединиться с какой-либо частью своей жизненной истории. Для выражения, создания и творческого преобразования историй использовались вербальные, художественные и пластические способы. Различные техники сторителлинга — рассказ с опорой на предмет, сочинение историй из личных предметов, эскизы в жанре предметного театра, техники внимательного слушания в мини-группах. Создание арт-работ — работа с цветом, автопортрет, выполнение резонансного изображения в личных арт-буках с применением разнообразных графических материалов и техник, таких как коллаж, работа с текстилем. А также словесные практики, в том числе записи на родных для участниц языках.

Такое творческое взаимодействие с художественным произведением музейной коллекции и с собственной историей при его посредничестве оказывает яркое воздействие на участников, стимулирует работу психики по переработке сложного опыта. Это приводит к заметным изменениям в поведении как в музейном пространстве, так и в жизни, за рамками проекта, что отмечают участницы.

Литература

Баер У. Творческая терапия — терапия творчеством. Теория и практика психотерапии, использующей разнообразные формы творческой активности. М.: Класс, 2013.

Платонова О. В. Арт-терапия в среде художественного музея:

- программы, проекты, методики. СПб.: ГРМ, 2010.
- Lajeunesse M., Legari S.* Museum Therapy. The Montreal Museum of Fine Arts nurtures resilience and renewal through its programs and practices // *Museum: Health and well-being*. 2019. V. 98. No. 6. P. 28–34.
- Rogers N.* The creative connection: a holistic expressive arts process // *Foundation of Expressive Arts Therapy: Theoretical and Clinical Perspectives* / Edited by Levine E. G. and Levine S. K. London: Jessica Kingsley Publishers, 1999. P. 113–133.

Творческая роль синестезии

С. И. Малахова

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Федеральный научный
центр психологических и междисциплинарных
исследований (Психологический институт), Москва
smalakchova@mail.ru

Обсуждается проблема синестезии как социального и культурного феномена. Язык и искусство как форма художественной коммуникации обращается к синестезиям, которые являются общезначимыми в определенных исторических и социальных условиях. Единство синестезий, характерных для каждого вида искусства, образует свой «синестетический фонд», который изменяется в результате эволюции выразительных средств этих искусств.

Ключевые слова: синестезия, синестетический фонд, межчувственная ассоциация, невербальное мышление, метафора.

В последние десятилетия возрастает интерес к проблеме синестезии, привлекая внимание исследователей естественных

и гуманитарных наук. Предмет изучения синестезии как явления одновременного восприятия разными органами чувств (слуха, зрения, обоняния, осязания) находится в пограничной области между науками о работе мозга и науками о творческих результатах этой работы. Целый ряд научных дисциплин от нейрофизиологии и психологии до философии (в большей степени эстетики), языкознания (лингвистической поэтики, этнолингвистики, когнитивной семантики), литературоведения, истории изобразительного искусства, музыковедения сконцентрировались вокруг феномена синестезии. Несмотря на популярность этого феномена, в современных научных теориях отсутствует взаимопонимание как по вопросам природы синестезии, так и в определении границ самого понятия. Ситуация осложняется различным пониманием природы межчувственных связей на уровне психики, когда одним и тем же термином определяется и норма, и аномальные формы феномена. Появление и совершенствование методов исследования мозга все больше смещают акцент исследования синестезии за рубежом в область нейрофизиологии и биологии. Среди отечественных исследователей синестезии господствует убедительное утверждение о природе синестезии как общего механизма возникновения метафоры, в которой значимым является сам перенос значения, акт замещения. Синестезия понимается как непрерывное преобразование феноменального мира (в форме взаимозамещающихся перцепций) в мир ноуменального.

Таким образом, синестезия, которая используется в языке и в искусстве, не является со-ощущением, это скорее со-представление, со-чувствование. По своей психологической природе она является межчувственной ассоциацией, одним из проявлений невербального мышления, формируемого в основном в подсознании и являющегося нормальным и универсальным свойством человеческой психики. Поэтому в фокусе внимания оказываются не естественно-научные основы феномена, и даже не сам феномен, применительно к субъективным физиологическим особенностям перцепции конкретного художника, музыканта или писателя, отражающего художественный стиль и дух конкретной эпохи. Центральным становится культурный код,

транспонирующий синестезию как природное явление в категории коммуникации и художественного осмысления, которое понимается не только как перевод языка природы на язык культуры посредством чувственного восприятия, но и как культурно-исторически обоснованные стратегии к освоению форм восприятия, неподвластных рассудку. Синестезия выступает в таком понимании как важная функциональная часть интермедиальных связей, ускоряющая процессы взаимного перевода различных видов чувственного восприятия или переживания видов искусства, жанров, семантических комплексов. Так, поиски образности в символизме были связаны с проблемой границ, переходов между видами искусства, обусловленных идеей прозрачности миров в символизме, их вертикальной иерархией, поиском следов мира горнего в мире дольнем. Символисты создавали синестезийные практики на симуляции одного вида искусства другим: поэзия симулировала живопись, живопись — музыку и т.д. В этом смысле идея синтеза искусств, порожденная символизмом, и синестезия связаны между собой.

Изменения синестетического фонда каждого искусства связаны с эволюцией выразительных средств этих искусств, синхронизируя два параллельных процесса, связанных с художественной потребностью в синтезе искусств и появлением условий для реализации этого синтеза. В XVII–XIX веках этот синтез осуществлялся на сцене, в XX на экране, в XXI появляются новые пространственные виды искусства: ландшафтный дизайн, световая архитектура, многочисленные фестивали искусств в едином синтетическом художественном пространстве. Каждая эпоха обладает своим метафорическим фондом во всех искусствах, который из века в век развивается и усложняется по принципу наращивания степени несовместимости сопоставляемых вещей и понятий, что преодолевается интеграцией интеллекта, интуиции и накопленного знания.

Литература

Галеев Б. М. Человек, искусство, техника: проблема синестезии в искусстве. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987.

Галеев Б. М. Синестезия в эстетике и поэтике символизма //

Синтез в русской и мировой художественной культуре: Материалы IV научно-практической конференции, посвященной памяти А. Ф. Лосева. М.: МПГУ, 2004. С. 50–55.

Злыднева Н. В. Синестезия как меченый атом // Проблемы синестезии и поэтика авангарда. М.: Государственный институт искусствознания, 2020. С. 39–56.

The Oxford Handbook of Synesthesia / Ed. by J. Simner, E. M. Hubbard. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Исследование процессов узнавания и запоминания произведений концептуального искусства*

А. Е. Петрова

Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова, Ярославль
b4nnikova.an@yandex.ru

Т. В. Шумилов

Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова, Ярославль
shum.timotheo@gmail.com

А. В. Чистопольская

Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова, Ярославль
a.chistopolskaya@uniyar.ac.ru

Работа посвящена теме лучшего запоминания произведений концептуального искусства в отличие от ретинального. Предполагается, лучшее запоминание первых может быть связано с тем, что восприятие концептуальных произведений требует от зрителя поиска идеи, которая изначально неочевидна, но потом становится очевидной. Этот процесс схож с изменением репрезентации. Подобные исследования уже существуют по другому творческому процессу — решению инсайтных задач. Есть данные, указывающие на то, что эти процессы — решения инсайтных задач и поиска идей концептуальных произведений — обладают схожей феноменологией. Поэтому мы предполагаем, что изменение репрезентации является механизмом,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01041, <https://rscf.ru/project/23-78-01041/>

который способствует лучшему запоминанию концептуальных произведений.

Ключевые слова: узнавание, воспроизведение, изменение репрезентации, концептуальное искусство.

Исследование искусства является одним из бурно развивающихся направлений, в котором выявляются общие и индивидуальные закономерности. Например, М. Дэвис и В. Бейнбридж, исследуя факторы запоминания картин, выявили, что запоминание произведений зависит от высокоуровневых семантических свойств, то есть тех признаков, которые в большей степени обусловлены индивидуальным опытом зрителя, например интереса к картине. В то время как низкоуровневые признаки, которые в большей степени обусловлены свойствами объекта, например цвет, контраст, а также красота, не влияли на запоминание произведений (Davis, Bainbridge, 2023). Однако данные закономерности не были объяснены.

Учитывая, что запоминание зависит от высокоуровневых и низкоуровневых признаков, то для поиска и объяснения механизмов можно обратиться к классификации видов искусства, которая основывается на перцептивном или мыслительном аспектах восприятия — к классификации французского теоретика искусства М. Дюшана. Он выделил два вида искусства: ретинальное и концептуальное (Кабанн, 2019). Ретинальное искусство воспринимается зрителем преимущественно перцептивно (композиция, форма), то есть в большей степени здесь превалируют низкоуровневые признаки. Концептуальное искусство, наоборот, предполагает, что в основе произведений находится концепт, который необходимо интерпретировать, а материальное воплощение произведения вторично. Таким образом, в концептуальных произведениях превалируют высокоуровневые признаки восприятия.

Концептуальные произведения обладают схожими особенностями с инсайтными задачами: процесс поиска идеи концептуальных произведений и процесс поиска решения инсайтных задач сопровождается аффективными переживаниями и наличием изменения репрезентации (Банникова, Шумилов, 2024).

Механизмы лучшего запоминания инсайтных задач объясняли П. Обл и коллеги (Auble, Franks, Soraci, 1979). Они предполагали, что инсайтные задачи лучше запоминаются за счет того, что состояние непонимания, за которым следует понимание, является одной из причин лучшего запоминания и может формировать относительно эффективный маршрут извлечения информации. Это объяснение схоже с определением изменения репрезентации. Изменение репрезентации — это когнитивный компонент инсайтного решения, смена неверного представления об элементах на верное.

Таким образом, мы предполагаем, что концептуальные произведения будут запоминаться лучше, чем ретинальные. Этому может способствовать изменение репрезентации.

Цель — исследовать механизмы консолидации произведений концептуального искусства в памяти.

В исследовании приняли участие 32 человека (13 мужчин) возрастом 19–62 лет ($M = 27,3$; $SD = 12,4$). Исследуемым необходимо было узнать произведения среди стимулов-филлеров, а также воспроизвести идеи произведений, которые им предъявлялись 6 месяцев назад.

Таким образом, независимая переменная — тип стимула (концептуальные/ретинальные произведения). Зависимые переменные — точность узнавания (соотношение верно узнанных стимулов и ошибочно узнанных), верность воспроизведения идеи произведения.

Были получены значимые *результаты* ($\chi^2 = 5,53$; $p = 0,019$), свидетельствующие, что точность узнавания концептуальных произведений выше, чем точность узнавания неконцептуальных. Однако нет значимых различий ($\chi^2 = 0,05$; $p = 0,823$) между верностью воспроизведения идей произведений ретинальных и концептуальных произведений.

Таким образом, было выявлено, что концептуальные произведения узнаются лучше, чем ретинальные произведения. Но нет различий между верностью воспроизведения идей произведений ретинальных и концептуальных произведений. Получается, визуально концептуальные произведения помнятся лучше (по перцептивным, низкоуровневым признакам),

однако идея произведения (высокоуровневый признак) не воспроизводится у концептуальных произведений лучше, чем у ретинальных. Это может свидетельствовать о том, что изменение репрезентации не является механизмом, который способствует лучшему узнаванию и воспроизведению произведений.

Литература

- Банникова А. Е., Шумилов Т. В.* Сравнение феноменологии процесса поиска идеи концептуальных произведений искусства и решения инсайтных задач // Сборник тезисов участников XXVII Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых 10–12 апреля 2024 г. СПб.: Скифия-принт, 2024. С. 98–100.
- Кабанн П.* Марсель Дюшан. Беседы с Пьером Кабанном. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019.
- Auble P. M., Franks J. J., Soraci S. A.* Effort toward comprehension: Elaboration or “aha”? // *Memory & Cognition*. 1979. V. 7. P. 426–434.
- Davis T. M., Bainbridge W. A.* Memory for artwork is predictable // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2023. V. 120. No. 28. Art. e2302389120.

**ЭЭГ-характеристики восприятия
и эстетической оценки живописи
разных стилей в естественных
условиях посещения выставки
современных художников***

Н. В. Шемякина

Институт эволюционной физиологии и биохимии
им. И. М. Сеченова РАН, Санкт-Петербург
shemyakina_n@mail.ru

В. А. Галкин

Институт эволюционной физиологии и биохимии
им. И. М. Сеченова РАН, Санкт-Петербург
30galkin98@gmail.com

В. А. Васенькина

Институт эволюционной физиологии и биохимии
им. И. М. Сеченова РАН, Санкт-Петербург
victorprokof@mail.ru

В. Ю. Мизин

Центр культуры 19, Новосибирск
slavamizin@mail.ru

Ю. Г. Потапов

Мансарда Художников, Санкт-Петербург
jura.potapov@gmail.com

В ЭЭГ-исследовании восприятия разных стилей живописи (реалистичный, абстрактный, авторский стиль — наивно-примитивный) и формирования

* Исследование выполнено в рамках государственного задания ИЭФБ РАН.

эмоционально-эстетической оценки в условиях посещения выставки (в ЦК19, г. Новосибирск) приняли участие 32 человека. Анализировали спектры мощности ЭЭГ от 5 до 15 Гц и связанную с событием синхронизацию/десинхронизацию ЭЭГ перед ответом об эстетической привлекательности картины. Восприятие примитивного/наивного стиля характеризовалось распространенной синхронизацией частот 5–7 Гц по сравнению с абстрактным. При восприятии реалистичных изображений по сравнению с абстрактными наблюдались большие значения мощности 8–9 Гц в теменных областях, свидетельствуя об активации системы пассивного режима работы мозга и субъективных воспоминаний.

Ключевые слова: нейроэстетика, ЭЭГ, художественные стили, реализм, абстракция, примитивизм.

В обобщенном виде эстетическое восприятие представляет собой сложный когнитивный процесс, идущий от восходящей обработки сенсорного сигнала к обработке информации, включающей анализ и интерпретацию смыслов произведения искусства (Leder et al., 2004). Согласно (Chatterjee, Vartanian, 2014) эстетические переживания возникают в результате взаимодействия сенсомоторной, эмоционально-оценочной и когнитивной систем мозга. В рамках ряда нейроэстетических исследований рассматривается восприятие различных стилей живописи (например, абстрактного и репрезентативного), а также влияние контекста на восприятие и оценку эстетических объектов, например условий посещения выставки и знакомства с историей создания произведений (Brieber et al., 2015).

Целью исследования было выделение нейрофизиологических особенностей восприятия различных стилей современной живописи (реалистичные изображения, абстрактная живопись и авторский стиль, приближенный к примитивному/наивному искусству) и анализ принятия решения об эстетической значимости картины.

В исследованиях приняли участие 32 испытуемых (19–63 лет). Они свободно перемещались по экспозиции художественной выставки современных художников «СНЕГ идет» (ЦК19,

г. Новосибирск) в носимом мобильном электроэнцефалографическом оборудовании — SmartBCI24 (ООО «Мицар», Санкт-Петербург). Нахождение на выставке в среднем составляло 60–90 минут. Задача испытуемых состояла в субъективной оценке эмоционально-эстетической привлекательности произведений живописи по шкале «привлекательности» от одного до десяти. Согласно инструкции участники подходили к картине на комфортное расстояние и одинарным нажатием на кнопку отметчика обозначали начало временного интервала просмотра картины. Это время было произвольным от 30 секунд до 3 минут. Затем серией нажатий на кнопку отметчика участники обозначали свою эмоционально-эстетическую оценку от 1 до 10 и переходили к следующей картине. Были проанализированы спектральная мощность ЭЭГ в узких частотных диапазонах в полосе от 5 до 15 Гц при сравнении восприятия картин в различных стилях и связанная с событиями синхронизация/десинхронизация ЭЭГ при сравнении высокой и низкой субъективной эмоционально-эстетической оценки — во временном интервале за 2000 мс до обозначения ответа (нажатия на кнопку) и 300 мс — после начала ответа.

Восприятие авторского (наивного/примитивного — О. Николаенко, Ю. Потапов) и реалистичного стиля живописи отличалось более высокой спектральной мощностью ЭЭГ на частотах 5–6 Гц, 6–7 Гц, 7–8 Гц в теменной и затылочной областях по сравнению с абстрактным стилем. Восприятие картин авторского стиля характеризовалось более распространенной синхронизацией ЭЭГ в тета-диапазоне частот по сравнению с абстрактными, чем восприятие реалистичных картин, что, вероятно (Ojha et al., 2019), может быть связано с пониманием символов и зрительных метафор авторского стиля. Реальный стиль характеризовался более высокой спектральной мощностью 8–9 Гц в теменных областях по сравнению с абстрактным, свидетельствуя об активации системы пассивного режима работы мозга и субъективных воспоминаний.

Принятие решения о высокой эстетической оценке картины сопровождалось генерализованной синхронизацией ЭЭГ в трех временных кластерах (оценка при помощи основанного

на кластерах анализа с перестановками (Maris E., Oostenveld R. 2007)): (i) синхронизация в частотах 5–15 Гц от –2000 мс до –440 мс до ответа. (ii) синхронизация в частотах 11.5–15 Гц в интервале –1760–1560 мс до ответа. (iii) синхронизация на частотах 5–15 Гц в интервале 640–20 мс до ответа. Высокая эстетическая оценка современного искусства сопровождается более ранней синхронизацией в лобных областях коры и более поздней (относительно ответа) синхронизацией в теменных областях с акцентом в правом полушарии.

Литература

- Brieber D., Nadal M., Leder H.* In the white cube: Museum context enhances the valuation and memory of art // *Acta psychologica*. 2015. V. 154. P. 36–42.
- Chatterjee A., Vartanian O.* Neuroaesthetics // *Trends in cognitive sciences*. 2014. V. 18. No 7. P. 370–375.
- Leder H., et al.* A model of aesthetic appreciation and aesthetic judgments // *British journal of psychology*. 2004. V. 95. No. 4. P. 489–508.
- Maris E., Oostenveld R.* Nonparametric statistical testing of EEG-and MEG-data // *Journal of neuroscience methods*. 2007. V. 164. No. 1. P. 177–190.
- Ojha A., et al.* Similarities and differences between verbal and visual metaphor processing: An EEG study // *Multimodal Communication*. 2019. V. 8. No. 2. P. 20190006.

Влияние личности автора на эстетическую оценку произведения

Т. В. Шумилов

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Ярославль
shum.timotheo@gmail.com

А. Е. Петрова

Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова, Ярославка, Ярославская область
b4nnikova.an@yandex.ru

А. В. Чистопольская

Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова, Ярославль
b4nnikova.an@yandex.ru

Авторство является одним из компонентов восприятия искусства. В данной работе исследуется, как комбинации фактов биографии автора (позитивная, нейтральная, негативная) и содержания изображений влияет на эстетическую оценку зрителей. Было выявлено, что зритель склонен оценивать эстетическую значимость произведения ниже, если оно сопровождается негативной биографией автора, по сравнению с нейтральной или позитивной. Особенно если произведение содержит конгруэнтную этой негативной биографии сцену.

Ключевые слова: восприятие искусства, личность автора, биография, эстетическая оценка.

Важность личности автора существенно влияет на восприятие произведений. Так, зрителям важно, произведение создано человеком или искусственным интеллектом. Результаты исследования Ди Дио Ц. показывают, что оценки, данные испытуемыми для картин, которые были представлены им как созданные людьми, оказались выше, чем для картин, создание

которых приписывалось искусственному интеллекту (Di Dio, 2023). О. Б. Крушельницкая и А. С. Панасюк в своем эмпирическом исследовании также подтверждают важное влияние личности автора на восприятие произведения искусства: школьники и студенты склонны оценивать работы «просоциальных» авторов как более привлекательные по сравнению с работами авторов, обладающих «асоциальными» характеристиками (Крушельницкая, Панасюк, 2012).

В данном исследовании мы решили развить тему исследования характеристик автора произведения в контексте формирования оценочного суждения о произведении искусства. В частности, мы предприняли попытку выяснить, как знания о биографии художника, негативной или позитивной, влияют на эстетическую реакцию на его произведение.

Цель исследования — сопоставить между собой зрительские оценки эстетической значимости произведений, нарисованных авторами с различной биографией (позитивной, нейтральной, негативной) в условиях наличия и отсутствия на картине конгруэнтной биографии сцены.

Независимые переменные — валентность факта из биографии автора (позитивная, нейтральная, негативная); конгруэнтность произведения факту из биографии (конгруэнтно (соотносится с текстом биографии)/неконгруэнтно).

Зависимая переменная — эстетическая оценка.

Нами была выдвинута гипотеза о том, что оценки произведения, чье содержание конгруэнтно негативному факту из биографии автора, будут ниже, чем в неконгруэнтном условии, а также будут ниже, чем в условии позитивного/нейтрального факта по шкале Эстетической оценки.

В исследовании приняли участие 117 человек (23 мужчины) возрастом от 16 до 63 лет ($M = 24,35$, $SD = 9,72$).

Исследование включало в себя проведение эмпирического исследования, направленного на выявление различий в эстетической оценке зрителей между разными комбинациями фактов биографии автора и содержания изображений. Испытуемые были случайным образом разделены на 6 экспериментальных групп по 19–20 человек в каждой. Испытуемым в каждой группе

необходимо было последовательно просмотреть 6 изображений и прочитать 6 сопутствующих им биографий авторов, а затем ответить на вопросы про каждое изображение по семибалльной шкале Эстетическая оценка: «Насколько Вам приятна эта картина?»

Было выявлено, что конгруэнтное негативному факту изображение оценивалось по шкале Эстетической оценки значимо ($t = -3,607$; $d = -0,472$; $p = 0,005$) ниже ($M = 4,66$; $SD = 1,63$), чем неконгруэнтное ($M = 5,38$; $SD = 1,48$). При этом конгруэнтное негативному факту изображение также оценивалось значимо ($t = -3,006$; $d = -0,393$; $p = 0,041$) ниже, чем конгруэнтное нейтральному ($M = 5,26$; $SD = 1,46$), и значимо ниже ($t = -2,963$; $d = -0,387$; $p = 0,047$), чем конгруэнтное позитивному ($M = 5,25$; $SD = 1,57$). В то же время пары стимулов конгруэнтное позитивному и неконгруэнтное позитивному, конгруэнтное нейтральному и неконгруэнтное нейтральному значимо между собой не различались. Полученные результаты свидетельствуют, что зритель скорее вынесет более категоричное суждение о том, насколько ему приятна картина, владея неприятной информацией о биографии ее автора (по сравнению с нейтральной или положительной) в случае, если конгруэнтный этой информации элемент присутствует на картине. Данные результаты соотносятся с результатами О. Б. Крушельницкой и А. С. Панасюк, которые показали, что работы «асоциальных» авторов оцениваются как менее привлекательные (Крушельницкая, Панасюк, 2012).

Таким образом, зритель склонен оценивать эстетическую значимость произведения ниже, если оно сопровождается негативной биографией автора, по сравнению с нейтральной или позитивной. Особенно если произведение содержит конгруэнтную этой негативной биографии сцену.

Литература

- Крушельницкая О. Б., Панасюк А. С. Личность художника как фактор восприятия его произведений // Социальная психология и общество. 2012. Т. 3. № 3. С. 72–88.
- Di Dio C., et al. Art made by artificial intelligence: The effect of authorship on aesthetic judgments // Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts. 2023. <https://doi.org/10.1037/aca0000602>

**ИСТОРИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
ТВОРЧЕСТВА И НАСЛЕДИЯ
Я. А. ПОНОМАРЁВА**

Публикации о жизни и творчестве ученого как объект наукометрического анализа: к юбилею Я. А. Пономарёва*

В. И. Белопольский

Институт психологии РАН, Москва
vbelop@mail.ru

А. А. Костригин

Институт психологии РАН, Москва
kostriginaa@ipran.ru

Публикации о жизни и творчестве выдающихся ученых являются перспективным объектом изучения в рамках наукометрического анализа востребованности научного наследия персоналий. Рассмотрены работы (всего 81) за 2006–2024 гг., посвященные Я. А. Пономарёву: представлено их распределение по годам, выявлены авторы, опубликовавшие наибольшее количество статей о Я. А. Пономарёве, определены наиболее частотные научные термины в названиях, аннотациях и ключевых словах этих публикаций, а также показатели их цитирований. Делается вывод о высоком интересе к творчеству Я. А. Пономарёву и формировании специального направления историко-психологических исследований о его научного наследия.

Ключевые слова: история психологии, наукометрический анализ, публикации об ученом, Я. А. Пономарёв, тематический анализ, востребованность, цитирования.

В современных наукометрических исследованиях активно разрабатывается направление количественного анализа научно-творчества выдающихся персоналий: в них рассматривается публикационная активность ученых, тематика их исследований,

* Исследование выполнено в рамках государственного задания № 0138–2025–0010.

а также востребованность их трудов (Белопольский, Костригин, 2024; Ильина и др., 2018). Последняя проблематика может быть исследована, в частности, с помощью обращения к наукометрическим показателям работ, посвященных конкретной персоне (Петров, 2013).

Как и в прошлые юбилейные даты, в год 105-летия Якова Александровича Пономарёва (1920–1997) будут вновь публиковаться работы о его жизни и творчестве, подтверждая высокий интерес к его идеям (Галкина, Журавлёв, 2016; Галкина и др., 2022). Такая выборка работ может стать объектом специального анализа в рамках изучения востребованности творчества Я. А. Пономарёва: эти материалы не просто свидетельствуют об интересе к персоне и использовании его идей (что отражают цитирования), но и демонстрируют направленность авторов на глубокую разработку наследия ученого. В данном исследовании ставится цель наукометрического (библиометрия, тематика, цитирования) анализа корпуса публикаций, посвященных Я. А. Пономарёву, за 2006–2024 гг. (по данным РИНЦ от 28.04.2025).

При анализе хронологического распределения публикаций о Я. А. Пономарёве (всего 81) было выявлено, что наибольшее число работ относилось к юбилейным и постъюбилейным годам — 2006 (13), 2015 (16), 2020 (16), когда выходили специальные мемориальные статьи или сборники научных трудов. По типам публикации распределились следующим образом: статьи в журналах — 31 (38 %), статьи в сборниках научных трудов — 26 (32 %), тезисы или материалы конференций — 24 (30 %). Важно также отметить, что 15 (19 %) публикаций издано в журналах, входящих в ядро РИНЦ. Таким образом, творчество Я. А. Пономарёва занимает высокие позиции в современной психологической периодике. Представляется, что назрела необходимость в подготовке специального монографического исследования, посвященного жизни и деятельности Я. А. Пономарёва.

Авторами публикаций о Я. А. Пономарёве были всего 52 исследователя, а наибольшее число работ написали его ученики и коллеги по Институту психологии РАН — Т. В. Галкина (33),

А. Л. Журавлёв (21), И. Н. Семёнов (8), Д. В. Ушаков (6), а также специалисты по психологии творчества — Д. Б. Богоявленская (3), Л. Я. Дорфман (3). Таким образом, специальный интерес к жизни и творчеству ученого связан с научно-организационными (общей научной школой и местом работы) и логико-научными (по сфере исследований) факторами.

В рамках тематического анализа публикаций, посвященных Я. А. Пономарёву, выявлены часто использовавшиеся термины в авторских ключевых словах (по РИНЦ), а также в корпусе заголовков и аннотаций этих статей (с помощью сервиса Sketch Engine). Обе совокупности частотных терминов свидетельствуют о том, что исследователи наследия Я. А. Пономарёва в основном анализировали компоненты теории творчества, механизмы мышления, а также методологические идеи ученого. Кроме того, в настоящее время повышенное внимание уделяется идеям Я. А. Пономарёва в области коллективного творчества, что может объясняться как научными интересами самих исследователей, так и современными запросами со стороны науки и практики.

Наконец, приведем некоторые показатели цитирования этих публикаций в РИНЦ. Всего у 81 статьи 718 цитирований (230 самоцитирований), в среднем 8,9 цитирований (6,0 без самоцитирований) на одну работу, индекс Хирша для данной подборки равен 16, что является достаточно высоким показателем для такой специальной темы исследований — творчество конкретного ученого. Наибольшее число цитирований этих работ относится к юбилейным и следующим за ними годам — 2015 (52), 2020 (49) и 2016 (46), что вновь показывает социально-историческую востребованность как идей ученого, так и материалов о нем.

Выделение и рассмотрение таких совокупностей персонovedческих работ позволяет открывать новые стороны научного наследия ученого и его актуальность для современных исследователей.

Литература

Белопольский В. И., Костригин А. А. Библиометрия в структуре научно-биографического исследования // Психология

личности: методология, теория, практика. М.: ИП РАН, 2024. С. 140–146.

Галкина Т. В., Журавлёв А. Л. Развитие научного творчества Я. А. Пономарёва // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 1. С. 16–25.

Галкина Т. В., Журавлёв А. Л., Костригин А. А. Яков Александрович Пономарёв: некоторые результаты наукометрического анализа творческого наследия // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 1. С. 117–128.

Ильина Л. Ю., Зибарева И. В., Ведягин А. А. Отражение отражений: деятельность ученого в зеркале библиометрии // Кинетика и катализ. 2018. Т. 59. № 5. С. 652–666.

Петров К. В. Библиометрический анализ потока книг и диссертаций о философском наследии Гегеля // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2013. Т. 197. С. 108–111.

Вклад школы Я. А. Пономарёва в развитие психологии мышления

И. А. Васильев

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, w_igor@mail.ru

В школе Я. А. Пономарёва эксперимент внутренне связан с теорией и методологией психологии. Основной метод исследования состоит в сопоставлении онтогенетического развития способности действовать в уме с актуальным процессом решения творческой задачи. Мышление человека понимается как единство интуитивного и логического компонентов. Процесс интуитивного поиска вначале не осознается, а осознается лишь сам факт удовлетворения

поисковой потребности в эмоциональной форме. Основной вклад школы Я. А. Пономарёва в развитие психологии мышления состоит в теоретическом и экспериментальном изучении первой фазы решения творческой задачи — фазы интуитивного решения. Опытным путем показано само существование интуитивного мышления. Я. А. Пономарёв предложил критерий творческой деятельности человека.

Ключевые слова: история психологии, интеллект, мышление, интуиция, побочный продукт, творческая задача.

В школе Я. А. Пономарёва (подробнее о нем см.: Галкина и др., 2020; и др.) эксперимент внутренне связан с теорией и методологией психологии (Пономарёв, 1983). Основным методом исследования состоит в сопоставлении онтогенетического развития способности действовать в уме с актуальным процессом решения творческих задач. В этой связи формулируется следующий принцип: этапы — уровни — ступени. Онтогенетические этапы развития способности действовать в уме трансформируются в структурные уровни организации этой способности, а затем выступают как функциональные ступени решения творческих задач. В основе психологического механизма творческой деятельности человека лежит взаимосвязь внешнего, предметного и внутреннего, модельного планов действий (Пономарёв, 1960).

При решении нетворческих задач человек реализует готовые логические программы. При решении творческой задачи происходит «провал» исходно выбранной логической программы, и этот провал отбрасывает решающую задачу на нижние структурные уровни организации интеллекта. В ходе дальнейшего решения задачи человек поднимается по лестнице структурных уровней организации интеллекта. Структурные уровни выступают теперь уже как функциональные ступени решения творческой задачи.

Я. А. Пономарёв рассматривает мышление человека как «единство интуитивного и логического» (Пономарёв, 1967). Организация этого единства происходит в форме иерархии

переходящих один в другой структурных уровней интеллекта. В ситуациях решения творческих задач эти структурные уровни интеллекта превращаются в функциональные ступени их решения (Пономарёв, 1976). Когда исходный логический замысел не срабатывает, тогда формируется интуитивная модель ситуации. В удачных случаях эта модель и является основой для интуитивного решения творческой задачи. В таких случаях решающая роль принадлежит побочным продуктам действия.

В ходе специальных экспериментов в школе Я. А. Пономарёва было показано, что побочный продукт существует не только в преобразованном объекте, но и психически отражается в форме неосознаваемого опыта. Для решения творческой задачи сознательного опыта оказывается недостаточно. Этот дефицит порождает потребность в новом первоначально неосознаваемом опыте. Иногда этот опыт содержит в себе «ключ» к решению творческой задачи. Решающий творческую задачу человек использует побочный продукт в качестве средства, с помощью которого он поднимается по лестнице структурных уровней организации интеллекта.

Процесс интуитивного поиска вначале не осознается, осознается лишь сам факт удовлетворения поисковой потребности в эмоциональной форме. Вследствие этого интуитивное решение выступает как неожиданное, как «инсайт», как «озарение». Логическое решение творческой задачи формируется только на основе интуитивного решения и побуждается потребностью передать найденное интуитивное решение другому человеку. Именно в ходе такой передачи интуитивное решение логически обосновывается и доказывается. В логической форме найденное решение может использоваться как средство для решения более сложных задач.

Таким образом, процесс решения творческой задачи состоит из двух основных фаз: 1) фаза интуитивного поиска и получения интуитивного результата в форме побочного продукта — это и есть интуитивное решение; 2) фаза вербализации и формализации интуитивного решения, логического решения. Вторая фаза довольно подробно изучена в психологии мышления. Основной вклад школы Я. А. Пономарёва в развитие

психологии мышления состоит именно в теоретической и экспериментальной разработке первой фазы — фазы интуитивного решения творческой задачи. Проведенные опыты позволили показать само существование интуитивного мышления.

Я. А. Пономарёв предложил психологический критерий творческой деятельности. Этот критерий состоит в том, что средства к удовлетворению потребности в новом «творческом» знании всегда формируются на более низких уровнях структурной организации творческого процесса. Включение этих средств в функционирование более высокого уровня приводит к порождению нового знания.

Литература

Галкина Т. В., Журавлёв А. Л., Маховская О. И., Ушаков Д. В. Пономарёв Яков Александрович. Жизненный путь и научное творчество // Выдающиеся ученые Института психологии РАН. Биографические очерки. М.: ИП РАН, 2020. С. 342–374.

Пономарёв Я. А. Психология творческого мышления. М.: Наука, 1960.

Пономарёв Я. А. Психика и интуиция. Неопубликованные материалы, стихи, рисунки и фотографии Я. А. Пономарёва / Ред.-сост. А. Л. Журавлёв, Т. В. Галкина. М.: ТИД «Арис», 2010.

Пономарёв Я. А. Психология творчества. М.: Наука, 1976.

Пономарёв Я. А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.

О роли невербальных компонентов научного текста

С. А. Гильманов

Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск
gilmanovsa1109@gmail.com

В тезисах доклада предлагается способ анализа развернутых научных текстов через отражение в них таких сторон научного исследования, как концептуализация, эмпирическая верификация и операционализация. Приводится пример анализа невербальных компонентов текстов Я. А. Пономарёва, Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна. Автор делает вывод о том, что текст Я. А. Пономарёва отличается полнотой освещения операциональных сторон исследовательских действий, средством чего и служат невербальные компоненты.

Ключевые слова: история психологии, Я. А. Пономарёв, Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, невербальные компоненты текста, концептуализация, эмпирическая верификация, операционализация сторон исследования.

На наш взгляд, перспективным направлением в изучении научных текстов является обращение в них не только к выраженным в словах, но и к невербальным компонентам (рисункам, схемам, графикам, таблицам и др.). Мы имеем в виду не подход с позиций параграфематики, а обращение к анализу объективированного выражения субъективных характеристик творцов текста, их «знаний, представлений, установок, ценностей» (Кольцова, 2008, С. 409). Такой анализ возможен, по нашему мнению, если подойти к рассмотрению невербальных компонентов научного текста (назовем их, для различения с лингвистическим подходом, «невербальными») с точки зрения отражения в них трех сторон исследования: абстрактные теоретические конструкции (концептуализация); связь теоретических положений и их эмпирически выявляемых признаков

(эмпирическая верификация); процедуры получения доказательств изложенного (операционализация).

В данной работе мы пытаемся применить изложенный подход к анализу текстов Я. А. Пономарёва (Пономарёв, 1967), сравнив его с текстами Л. С. Выготского (Выготский, 1934) и С. Л. Рубинштейна (Рубинштейн, 1958). Выбор обусловлен близостью тематики работ, преемственностью и сходством проблематики и методологических установок.

Я. А. Пономарёв объясняет концептуальные установки только в нескольких рисунках (схемы, объясняющие связь оригинала и копии при рассмотрении проблемы идеального), а основной массив вневербальных компонентов текста состоит из иллюстрирования условий предъявляемых испытуемым задач и вариантов их решения. Приводятся описания экспериментальных взаимодействий в текстах протоколов (7,2 % от объема всего текста работы). Табличные и графические компоненты используются для предъявления результатов измерений, что дополняется и предложенными самим автором формулами, обосновывающими убедительность результатов. Можно сделать вывод о том, что Я. А. Пономарёв центрирован на развернутом описании операциональной стороны исследования (см. также: Галкина, Журавлёв, 2016; и др.).

В тексте Л. С. Выготского вневербальные компоненты представлены рисунком фигурок, использованных в исследовании образования понятий, и таблицей результатов решения житейских и научных тестов. Выготский сосредоточен на логическом обосновании выдвигаемых им теоретических конструктов и почти не обращается к описанию операционализации исследовательских действий, а в качестве указаний на эмпирическую интерпретацию приводит примеры из художественной литературы. Можно сказать, что текст Выготского центрирован на сочетании концептов с примерами их эмпирических проявлений.

В тексте С. Л. Рубинштейна нет вневербальных компонентов, иллюстрирующих концептуальные положения. Практически все изображения — геометрические чертежи, отражающие условия экспериментальных заданий испытуемым (большинство исследований осуществлялось на решении геометрических

задач). Изложение операциональной стороны исследований помещено только в выдержках из протоколов изучения процесса поиска формулы обозначения чисел в десятичной и пятиричной системах счисления (4,2 % от общего объема текста). Нет ни одного вневербального компонента, демонстрирующего варианты решения задач. С достаточно высокой долей вероятности можно указать на центрацию текста С. Л. Рубинштейна на связи теоретических концептов с результатами, а не изображением операционализации.

Таким образом, текст Я. А. Пономарёва отличается значительно бóльшим объемом и полнотой освещения операциональных сторон исследовательских действий, средством чего и служат вневербальные компоненты. Я. А. Пономарёв стремится в первую очередь обосновать доказательства истинности предложенных им теоретических конструкторов через показ условий и содержания реальных действий при выполнении исследовательских процедур.

На наш взгляд, в недалеком будущем видом научной публикации станут усовершенствованные и стандартизированные по задаваемым ИКТ возможностям способы оформления научного текста.

Литература

- Выготский Л. С.* Мышление и речь. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934.
- Галкина Т. В., Журавлёв А. Л.* Развитие концепции Я. А. Пономарёва: от эксперимента к теории, методологии и практике // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 2(2). С. 3–28.
- Кольцова В. А.* История психологии: проблемы методологии. М.: ИП РАН, 2008.
- Пономарёв Я. А.* Знания, мышление и умственное развитие. М.: Просвещение, 1967.
- Рубинштейн С. Л.* О мышлении и путях его исследования. М.: АН СССР, 1958.

К проблеме моделирования «интуиции» у искусственного интеллекта в контексте теории творчества Я. А. Пономарёва

Т. В. Зеленкова

Государственный гуманитарно-технологический
университет, Орехово-Зуево
tzelenk@mail.ru

В работе обосновывается возможность изучения интуиции с помощью моделирования этого явления у искусственного интеллекта (ИИ) в контексте возможностей кибернетических подходов к исследованию творчества, рассмотренных Я. А. Пономарёвым в его теории. Предложены две гипотезы распознавания инсайта у ИИ по формальным признакам, основанным на явлениях резонанса в нейронных сетях. Показывается структурное подобие механизмов «творчества» у ИИ и человека, что позволяет, опираясь на «принцип равной простоты» Н. А. Бернштейна, более глубоко исследовать явление инсайта у человека.

Ключевые слова: искусственный интеллект, теория творчества, инсайт, моделирование интуиции.

Успешное решение искусственным интеллектом (ИИ) ряда крупных научных проблем, недоступных творческим возможностям человека из-за их высокой сложности, таких как расшифровка сторевших свитков Геркуланума, открытие новых геоглифов в пустыне Наска, синтез неизвестных в ходе естественной эволюции белков, обнаружение экзопланет и проч., позволяет корректно обсуждать «творческие» механизмы ИИ, хотя они имеют качественно другую природу, чем у человека. Исследование подобных механизмов поможет в изучении аналогичных механизмов у человека, особенно в их наиболее важной части, связанной с интуицией (о последнем подробнее см.: Галкина, Журавлёв, 2010, 2016; и др.).

Впервые проблема моделирования инсайта была поставлена Я. А. Пономарёвым, который выделил в творческом механизме человека два основных процесса: эвристический, наблюдаемый на макроуровне, где инсайт рассматривается как свершившийся факт, и интуитивный — процесс возникновения инсайта, происходящий на микроуровне (Пономарёв, 1976). Именно проблему исследования инсайта на микроуровне и обнаружение самого момента его возникновения Я. А. Пономарёв считал наиболее важной и сложной в своей концепции творчества. Данная проблема вплоть до настоящего времени не получила какого-либо удовлетворительного решения.

Современный ИИ имеет двухуровневую архитектуру, функционально напоминающую модель Я. А. Пономарёва. Макроуровень представлен символическим модулем, основанным на эвристике, и полностью доступен для изучения на любом этапе анализа решений, найденных ИИ. В свою очередь, микроуровень реализован как нейронная сеть, основанная на прецедентах и более трудная для интерпретации. По нашей гипотезе, именно здесь, на микроуровне, как и у человека, возникает «инсайт» у ИИ. Для его обнаружения мы предлагаем следующий метод.

Нейронная сеть — это нелинейная структура, где выходы каждого «нейрона» подаются на входы других «нейронов», что порождает между ними положительные обратные связи, приводящие к явлениям резонанса — синхронному функционированию групп «нейронов», объединенных общей целью — поиском решения проблемы. Такие группы «нейронов» образуют резонансные зоны, имеющие формальные признаки в виде «взрывного» нарастания интенсивности информационного обмена внутри них. Знаменитый пример — ход 37, сделанный AlphaGo против великого Ли Седоля, имел множество формальных признаков такой согласованной работы тысяч нейронов. По утверждению Ли Седоля, это был творческий ход, совершивший революцию в понимании игры Го.

Совокупность резонансных зон и образует тот механизм ИИ, который условно можно назвать «интуитивным». По нашей гипотезе, начало любого «творческого» процесса может

находиться только внутри таких зон. Следовательно, момент зарождения «инсайта» ИИ может быть обнаружен по их формальным признакам. Похожие резонансные зоны, связанные с инсайтом, возникают и у человека при решении творческих задач и могут быть обнаружены методами фМРТ. Инсайт часто сопровождается активацией областей мозга, ответственных за ассоциативное мышление (гиппокамп), креативность (сеть DMN), эмоциональное подкрепление (стриатум) и проч. Некоторые исследователи предполагают, что инсайт зарождается именно в сети DMN (Bartoli et al., 2024).

Моделирование «интуиции» у ИИ может существенно облегчить исследование этого механизма у человека, поскольку согласно «принципу равной простоты» Н. А. Бернштейна две системы, с одинаковой «эффективностью» решающие одну и ту же задачу, с высокой вероятностью структурно подобны, хотя бы в своих наиболее общих чертах.

В заключение отметим, что моделирование «интуиции» у ИИ невозможно без учета его «внутреннего мира», включающего историю взаимодействий ИИ с внешним миром (Зеленкова, 2024). Это повышает вероятность распознавания «инсайта» за счет дополнительных ассоциаций между прошлыми событиями и текущими резонансными зонами. Другим важным условием является взаимодействие ИИ с человеком, поскольку именно оно придает «осмысленность» как всем внутренним процессам, происходящим в ИИ, так и его внешнему «поведению».

Литература

- Галкина Т. В., Журавлёв А. Л. Основные вехи жизненного пути и научного творчества Я. А. Пономарёва // Пономарёв Я. А. Психика и интуиция. Неопубликованные интервью, стихи, рисунки и фотографии Я. А. Пономарёва. М.: ТИД «Арис», 2010. С. 6–54.
- Галкина Т. В., Журавлёв А. Л. К вопросу о психологическом механизме творчества и поведения: анализ и развитие концепции Я. А. Пономарёва // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2016. № 1(77). С. 21–26.

Зеленкова Т. В. О проблеме моделирования «внутреннего мира» в системах искусственного интеллекта // Деятельность. Способности. Внутренний мир: сборник материалов Всероссийской научной психологической конференции, посвященной 85-летию академика РАО Владимира Дмитриевича Шадрикова. В. 2-х ч. Ч. 2. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2024. Т. 45. № 2. С. 216–220.

Пономарёв Я. А. Психология творчества. М.: Наука, 1976.

Bartoli E., et al. Default mode network electrophysiological dynamics and causal role in creative thinking // Brain. 2024. V. 147. No. 10. P. 3409–3425.

Психологическое наследие Древней Руси как коллективное творчество

О. В. Клыта

Петрозаводский государственный
университет, Петрозаводск
ovk61@mail.ru

В работе подчеркивается ценность психологического наследия периода русского Средневековья, имеющего непреходящее значение для последующих поколений, и необходимость более тщательного исследования самобытности отечественной психологии. Исследование проблемы возникновения и развития психологических воззрений в древнерусский период связано с анализом коллективной творческой деятельности русского народа. *Ключевые слова:* история психологии, коллективное творчество, Древняя Русь.

Проблема творчества является активно исследуемой областью как в зарубежной, так и в отечественной психологии. Как правило, понятие «творчество» предусматривает особую деятельность конкретной личности, результатом которой является создание культурных ценностей.

Феномен коллективного творчества обнаруживает принципиально новое духовно-экзистенциальное измерение, основанное на создании «вечных» смысложизненных ценностей, и носит надындивидуальный характер (см.: Галкина, Журавлёв, 2019).

Коллективное творчество Древней Руси (иконопись, древнерусская литература) обладает константным ценностным ядром, но до сих пор по-настоящему не изучено и не оценено с позиции психологии.

Повторяемость в древнерусской литературе, живописи однотипных событий, сцен, эпизодов не является свидетельством недостатка и бедности воображения авторов, а отражает коллективный творческий этикет, в основе которого лежит православное понимание ценности внутреннего мира человека, смысла человеческой жизни.

Понятие литературной и иконописной индивидуальной ответственности, авторство произведений в Древней Руси долгое время отсутствовало.

Источником психологических знаний была по преимуществу византийская литература (переводы с греческого языка на славянский стали осуществляться в IX–X веках), однако, как отмечает М. В. Соколов: «Заимствуя из Византии, самой передовой страны раннего европейского средневековья, те или иные понятия и формы культуры, русский народ творчески перерабатывал и переосмысливал их в соответствии со своими собственными интересами... влияние Византии и других соседей не было безграничным и не играло решающей роли в образовании той высокой и своеобразной культуры, которая отличает Киевскую Русь. Эта культура есть итог многовековой жизни великого народа-созидателя и никакими иноземными влияниями она исчерпана быть не может» (Соколов, 1963, С. 16).

Русская иконопись сложилась в период, когда на Руси еще не оформилась до конца средневековая философия. По образному выражению Е. Н. Трубецкого, наши отдаленные предки были не философами, а «духовидцами». Свои мысли они выражали не в словах, а в красках: «умозрение в красках» (Е. Н. Трубецкой), «философствование красками» (П. А. Флоренский). Известный искусствовед Н. Н. Третьяков подчеркивает: «русская живопись всегда была искусством изображения слова и, можно сказать, — искусством изображенного слова... Связь слова и изображения... была очень непосредственной и осязаемой... Древнерусский мастер исходил из того, что слово при переводе в изображение получает новые качества: обогащается красками, обретает полноту плоти. Зримый образ открывает то, что заложено в глубинах слова» (Третьяков, 2001, С. 18). П. А. Флоренский писал: «Образы искусства — суть формулы жизнепонимания, параллельные таковым же формулам науки и философии» (Флоренский, 2000, С. 272). Следует подчеркнуть тот факт, что не допускалось писание икон по воображению иконописца или с живой модели, так как это означало бы сознательный и полный отрыв от основной идеи православия.

Переписчики рукописей, иконописцы, авторы церковных песнопений не подписывали свои произведения, авторство в этот период было «приглушено» (Лихачёв), что может свидетельствовать о приоритете онтологического, психологического значения коллективной творческой деятельности над эстетическим.

Необходимо отметить, что уже в период средневековой Руси творчество отдельных личностей (Нестор, Кирилл Туровский, Климент Смолятич, Андрей Рублев, Феофан Грек, Дионисий и др.) начинало играть заметную роль, однако это было творчество, как особо отмечает Д. С. Лихачёв, «создававшееся путем накопления коллективного опыта и производящее огромное впечатление мудростью традиций и единством всей, в основном безымянной письменности», это было «прежде всего искусство традиций и лишь во вторую очередь — искусство индивидуальной творческой инициативы» (Лихачёв, 1987, С. 8).

Литература

- Галкина Т. В., Журавлёв А. Л. Научные представления Я. А. Пономарёва в области психологии способностей и совместного творчества // Психология способностей и одаренности: Материалы Всероссийской научной конференции. Ярославль, 2019. С. 404–407.
- Лихачёв Д. С. Своеобразие древнерусской литературы // Великий путь. Становление русской литературы XI–XVII вв. М.: Современник, 1987. С. 6–26.
- Соколов М. В. Очерки истории психологических воззрений в России в XI–XVIII веках. М.: АПН РСФСР, 1963.
- Третьяков Н. Н. Образ в искусстве: основные композиции. Козельск: Свято-Введ. Оптина Пустынь, 2001.
- Флоренский П. А. Значение пространственности // Флоренский П. А. Статьи и исследования по истории философии и археологии. М.: Мысль, 2000. С. 272–274.

Исследования творчества в Петербургской психологической школе

Н. А. Логинова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, n_a_loginova@mail.ru

В Петербургской психологической школе исследования творчества проводились более ста лет. Вопросами творчества занимались В. М. Бехтерев, Б. Г. Ананьев, В. Н. Мясищев, их сотрудники и ученики. Антропологический характер данной научной школы выразился в многосторонности исследований творческого труда и креативности человека в разных видах деятельности. Конкретно изучались процессы мышления при

решении задач, взаимосвязь логического и чувственного отражения в творчестве, возрастная изменчивость творческой продуктивности, индивидуальность творческого человека, его жизненный путь.

Ключевые слова: история психологии, рефлексология творчества, возраст творчества, психология искусства, новаторства, науки.

В Петербургской психологической школе исследования творчества проводились более ста лет. Вопросами творчества занимались В. М. Бехтерев, Б. Г. Ананьев, В. Н. Мясищев, их сотрудники и ученики. Антропологический характер данной научной школы выразился в многосторонности исследований творческого труда и креативности человека в разных видах деятельности. Более всего изучалась психология творчества в разных видах искусства.

В. М. Бехтерев проявил свой творческий потенциал не только как ученый, но и как литератор. Он опубликовал работы о влиянии музыки на человека, об эстетическом воспитании, ранних проявлениях изобразительной деятельности детей, о личности и творчестве художника с рефлексологической точки зрения (1924).

В. Н. Мясищев был хорошим пианистом и мечтал о карьере музыканта. Но стал крупным ученым — теоретиком-персонологом и психотерапевтом. Среди его научных публикаций есть статьи о типах личности, отраженных в литературном произведении (1914), о психологии музыки.

В Институте мозга в первой половине 1930-х годов существовала лаборатория психологии искусства (зав. Р. И. Черановский). Сотрудники института занимались художественным творчеством детей, восприятием кинофильмов, уровнем умственного развития у художественно одаренных детей, конструктивно-техническим мышлением подростков-изобретателей.

Б. Г. Ананьев уже в юности экспериментально изучал воздействие музыки на человека. Его интерес к искусству, творчеству и личности художника выразился в исследованиях

театрального, изобразительного искусства, литературного творчества. В 1960-е гг. в Ленинградском университете Б. Г. Ананьев организовал комплексные исследования деятельности и личности артистов балета и драматического театра. В своих публикациях и устных выступлениях развивал теоретические положения о связи логического и образного мышления, о природе и психофизиологических механизмах сценического воплощения, об энергетической цене интеллектуального напряжения при решении задач, особенно эвристических, о связи жизненного пути и творчества личности (Ананьев, 1981).

В Петербургской психологической школе были работы о возрастной изменчивости продуктивности и характера творческой деятельности (Александрова, 1974), индивидуальности и жизненном пути творческого человека. Осуществлено многолетнее и многоаспектное исследование по социальной психологии искусства (Семенов, 1995).

Литература

- Александрова М. Д.* Проблемы социальной и психологической геронтологии. Л.: ЛГУ, 1974.
- Ананьев Б. Г.* О психологии искусства // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 4. С. 137–141.
- Бехтерев В. М.* О творчестве с рефлексологической точки зрения // Грузенберг С. О. Гений и творчество. Л., 1924. С. 228–233.
- Мясищев В. Н.* Научно-характерологический анализ литературных типов // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1914. Т. 11. № 3. С. 45–66.
- Семёнов В. Е.* Искусство как межличностная коммуникация. СПб.: СПбГУ, 1995.

Методы изучения научного творчества в истории психологии: теория и практика*

В. А. Мазилев

Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского,
Ярославль, v.mazilov@yspu.org

Ю. Н. Слепко

Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского,
Ярославль, slepko@inbox.ru

Констатируется противоречие между важнейшим статусом анализа научного творчества как метода и средства производства и исторической реконструкции психологического знания и его неоднозначным местом в структуре задач и методов истории психологии. Показано, что современная история психологии применяет разные методы анализа научного творчества: биографические периодизации, наукометрический анализ, интервью, жизнеописания и др. Акцентируется внимание на методе анализа моделирующих представлений как возможности не только изучения научных идей ученого, но и их сопоставления и интеграции психологического знания.

Ключевые слова: научное творчество, история психологии, моделирующее представление.

Изучение научного творчества является едва ли не важнейшим методом и средством производства и исторической реконструкции психологического знания. При этом в академически описанной структуре историко-психологического знания

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00599, <https://rscf.ru/project/24-28-00599/>

фиксация этого метода не выглядит однозначной и безапелляционной. С одной стороны, современная история психологии предлагает использовать комплекс методов анализа научного творчества — биографический и автобиографический, интервью, проникновение в научную лабораторию ученого и др. (см. работы А. Н. Ждан, Т. Д. Марцинковской и А. В. Юревича, А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского). Вместе с тем немало академически ориентированных историко-психологических изданий не обращают внимания на необходимость использования методов анализа научного творчества (см. работы Р. Смита, П. Саугстада, С. А. Векиловой и С. А. Безгодовой и др.).

Реальная же практика современных историко-психологических исследований уделяет данной проблеме значительное внимание: составляются и описываются периодизации научного творчества психологов (Семёнов, Калашников, 2024), реализуются наукометрические методы его анализа (Галкина, Журавлёв, Костригин, 2022), широко применяются методы интервьюирования (Дробышева, Журавлёв, 2019), жизнеописания и составления библиографий (Мазилев, Слепко, 2022) и др.

При несомненной ценности современного опыта историко-психологических исследований научного творчества их функциональность снижается, если результаты не коррелируют с встраиванием и интеграцией фиксируемых научных идей ученого в общую логику развития научного психологического знания. Решение обозначенной проблемы возможно в сочетании многочисленных биографических исследований с теоретическим и методологическим анализом научных идей.

Хорошим примером последнего может быть использование модели соотношения теории и метода в психологии (Мазилев, 2017). В модели предполагается различие теории как результата научного исследования и предтеории «как комплекса исходных представлений, предшествующих эмпирическому изучению и направляющих исследование» (Мазилев, 2017, с. 342). В структуре предтеории могут быть выделены компоненты: моделирующее представление, идея метода, базовая категория, организующая схема. Ценность модели для решения задач изучения научного творчества определяется тем, что

она акцентирует внимание на не всегда осознаваемых самим исследователем ценностных, когнитивных, процессуальных, результативных и др. установках, направляющих научное исследование. Например, моделирующее представление как образ материальных предметов, психических явлений и феноменов (Н. Г. Алексеев, Э. Г. Юдин) конкретизирует опредмеченную проблему и направляет весь последующий процесс научного исследования: задает границы используемого метода (объективного или субъективного); определяет базовую категорию исследования, в которой репрезентирован изучаемый феномен (структура, функция, процесс, уровень, генезис); позволяет планировать организующую схему исследования, направленную на простое (структурная, функциональная и т. п. схемы) или сложное (структурно-функциональные, функционально-генетические и т. п. схемы) объяснение изучаемого феномена.

Подчеркнем еще раз — модель соотношения теории и метода в психологии позволяет дополнять биографические методы анализа научного творчества изучением теоретических и методологических идей ученого; она дает возможность не только сопоставлять идеи разных ученых, но и продуктивно интегрировать психологическое знание на разных уровнях его производства и функционирования.

Литература

- Галкина Т. В., Журавлёв А. Л., Костригин А. А. Яков Александрович Пономарёв: некоторые результаты наукометрического анализа творческого наследия // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 1 (124). С. 117–128.
- Дробышева Т. В., Журавлёв А. Л. Развитие профессиональных интересов ученого как объект психобиографического анализа (на материале интервью) // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 2. С. 78–93.
- Мазилев В. А. Методология психологической науки: История и современность. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017.
- Мазилев В. А., Слепко Ю. Н. Филатов Василий Степанович: методолог, психолог, организатор науки. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2022.

Семёнов И. Н., Калашиников И. Г. Научно-педагогическая рефлексия развития когнитивно-деятельностных средств педагогической психологии учения // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 1 (136). С. 185–196.

Вопросы психологии творчества в работах С. О. Грузенберга

Д. В. Миронов

Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород
mimarik17@gmail.com

Н. Ю. Стоюхина

Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород
natast0@rambler.ru

В статье рассматривается деятельность российского философа Семена (Соломона) Осиповича (Иосифовича) Грузенберга в рамках психологии творчества. В своей работе «Психология творчества» он определил проблемы, стоящие перед психологией творчества, описал такие свойства творческого процесса, как невозпроизводимость и самопроизвольность, а также предложил окказионалистическую концепцию творчества. С. О. Грузенберг внес значительный вклад в изучение психологии творчества, и анализ его работ остается актуальным и сегодня.

Ключевые слова: история психологии, психология творчества, Грузенберг С. О., типы творчества, невозпроизводимость творчества, самопроизвольность творчества.

Известному философу, исследователю научно-литературной деятельности Семену Осиповичу Грузенбергу (1875–1938) исполнилось 150 лет со дня рождения. Начало XX века в истории гуманитарных наук ознаменовалось ярким интересом к вопросам психологии творчества: Д. Н. Овсяннико-Куликовский (1853–1920) «Вопросы психологии творчества», 1902; П. К. Энгельмейер (1855–1942) «Теория творчества», 1910, «Творческая личность и среда в области технических изобретений», 1911; И. И. Лапшин (1870–1952) «О перевоплощаемости в художественном творчестве», 1913, «Художественное творчество», 1922, «Философия изобретения и изобретение в философии», 1922; М. А. Блох (1882–1941) «Творчество в науке и технике», 1920; Ф. Ю. Левинсон-Лессинг (1861–1939) «Роль фантазии в научном творчестве», 1923; А. Е. Ферсман (1883–1945) «Пути научного творчества», 1923; В. В. Савич (1874–1936) «О творчестве с точки зрения физиолога», 1923; И. Д. Ермаков (1875–1942) «Этюды по психологии творчества А. С. Пушкина», 1923, «Очерки по анализу творчества Н. В. Гоголя», 1923; А. П. Нечаев (1870–1948) «Психология технического изобретательства», 1929 и т. д. С. О. Грузенберг находится в рядах первых исследователей творчества и творческого процесса.

В 1923 г. вышел первый том «Психология творчества», в котором С. О. Грузенберг поставил перед собой задачу определения проблем психологии творчества, сформулировав 3 их группы: 1) Философский тип построения проблемы (гносеологический и метафизический типы); 2) Психологический (натуралистический) тип построения проблемы (натуралистический и психопатологический типы); 3) Интуитивный тип построения проблемы (эстетический и историко-литературный типы) (Блинова, 2008).

Также он обозначил такую важную особенность творческого процесса, как его невоспроизводимость, проанализировал самопроизвольность творческой фантазии и сформулировал окказионалистическую концепцию творчества.

Говоря о невоспроизводимости творческого процесса, С. О. Грузенберг писал: «тенденция сближения творческого экстаза с безумием еще более подчеркивает защищаемый

мною тезис невоспроизводимости в душевном опыте процесса творчества и объективации антиципированных художником образов творческой фантазии — как характерную черту творческого синтеза, ускользающую, по самой природе своей, от экспериментального исследования» (Грузенберг, 1923, С. 63). Самопроизвольный характер творческой активности С. О. Грузенберг определил как непроизвольное «действие силы воображения», характеризующееся повышением «интуитивной сверхрассудочной деятельности ума» (Вихнович, 2018, С. 254). По его мнению и по ссылкам на самопризнания творческих деятелей, попытки произвольно воспроизвести творческий процесс, образы и фантазии заканчивались неудачами.

В своей окказионалистической концепции творчества С. О. Грузенберг выделил 4 типа творчества: 1) творчество как демонизм (состояние «демонизма», «одержимости», способствующее творческой активности); 2) творчество как психический автоматизм (сомнамбулизм); 3) творчество как эманация божества (ощущение художником участия божественной силы в творческом акте); 4) творчество как эстетический эрос (наличие любви, музы-вдохновительницы, вдохновляющих художника) (Грузенберг, 1923).

Кроме первого тома «Психологии творчества» (второй том обнаружен не был), С. О. Грузенберг написал вторую значимую работу по психологии творчества — «Гений и творчество. Основы теории и психологии творчества» (1924). В ней автор, в частности, дает описание теории эстетического восприятия, теории перевоплощаемости в художественном творчестве, теории творчества как катарсиса (Грузенберг, 1924).

Вклад С. О. Грузенберга в изучение методологических проблем психологии творчества огромен. Со второй половины XX в. советские психологи (А. Н. Лук, О. И. Никифорова, Я. А. Пономарёв, И. В. Страхов, П. М. Якобсон) перешли к изучению более широких вопросов психологии творчества. В настоящее время все большее значение приобретают «комплексные исследования, вовлекающие в себя разные области знания, опирающиеся на взаимосвязь наук» (Пономарёв, 1980, С. 24).

Литература

- Блинова Л. В.* С. О. Грузенберг о психологии творчества // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2008. Т. 14. № 5. С. 244–250.
- Вихнович В. Л.* Профессор Семен (Соломон) Осипович Грузенберг. СПб.: Центр содействия образованию, 2018.
- Грузенберг С. О.* Психология творчества: Введение в психологию и теорию творчества. Минск: Белтрестпечать, 1923.
- Грузенберг С. О.* Гений и творчество: Основы теории и психологии творчества: С прил. неизданных материалов по вопросам психологии творчества и указатели литературы. Ленинград: Сойкин, 1924.
- Пономарёв Я. А.* Психология в системе комплексных исследований творчества // Психология процессов художественного творчества / Под ред. Б. С. Мейлаха, Н. А. Хренова. Ленинград: Наука, 1980. С. 24–32.

Психоанализ и творчество Альфреда Хичкока

Л. В. Попова

Государственный университет управления, Российский
государственный социальный университет, Москва
pliana@mail.ru

В статье рассматривается связь творчества А. Хичкока с психоанализом. Сделан анализ фильмов Альфреда Хичкока, связанных с теорией психоанализа («Завороженный», «Психо»). Проанализирована связь между фильмом и сновидением, сон рассматривается как особая реальность. В данном исследовании применен комплексный подход в сочетании психоаналитического и семиотического

методов. Сделан вывод о связи методов психоанализа и художественного творчества.

Ключевые слова: А. Хичкок, К. Метц, З. Фрейд, сновидение, психоанализ, саспенс.

Альфреда Хичкока называют мастером «саспенса», он проникал в глубины человеческой психики. В фильме «Завороженный», снятом в 1945 г., видится влияние З. Фрейда (Попова, 2019). Основоположник семиологии кино К. Метц, соединивший в качестве методов исследования семиотику и психоанализ, увидел связь между фильмом и сновидением (Метц, 2013), основываясь на трудах З. Фрейда (Фрейд, 2024). Под психоанализом К. Метц понимал традицию Фрейда и ее актуальное продолжение, разработки, связанные с трудами М. Кляйн и Ж. Лакана во Франции.

В Америке в 1940-е гг. было популярно учение З. Фрейда. Действие фильма А. Хичкока «Завороженный» происходит в психиатрической клинике, куда прибывает новый главврач доктор Эдвардс, но сотрудники клиники замечают у него признаки амнезии. Доктор Эдвардс сбегает из клиники, а влюбленная в него доктор Констанс Питерсен следует за ним и пытается провести собственное расследование. Доктор признается, что он — не доктор Эдвардс, настоящий доктор Эдвардс мертв. Амнезия врача вызвана тем, что он стал свидетелем убийства доктора. Констанс находит своего учителя Александра Брюллова, и они пытаются найти разгадку в кошмарных снах пациента, записывая сон в дневник. Сцена сна была поставлена Сальвадором Дали. Пациент постепенно вспоминает, что его зовут Джон Баллантайн. Он видит себя во сне в игорном доме, полном людей, которые играют чистыми картами, сам же Баллантайн играл нормальными картами. Вместо стен в доме шторы, на которых нарисованы огромные глаза. Баллантайн играл с бородатым человеком, то есть с Эдвардсом, в «21». Баллантайну выпадает крестовая семерка. Бородатый человек произнес: «Двадцать одно». Пришел хозяин заведения, лицо которого было скрыто за белой маской, и обвинил бородатого в шулерстве: «Не позволю жульничать! Это моя территория!

Я тебя убью!» Баллантайн и Эдвардс оказались на покато́й крыше. Эдвардс прыгнул с крыши. Баллантайн заметил хозяина заведения, который прятался за трубой крыши и держал в руке колесо, которое бросил вниз. Баллантайн бежит вниз по крыше, за ним гонятся два крыла. Постепенно Констанс приходит к разгадке. Игорный дом во сне — психиатрическая клиника. «Двадцать одно» — клуб «Двадцать одно» в Нью-Йорке. Глаза на шторах — охрана психиатрической клиники. Хозяин в маске — действующий главврач психиатрической клиники — доктор Мерчисон. Брошенное им колесо с крыши — не что иное, как револьвер, из которого он убил доктора Эдвардса. Баллантайна раздражает снег за окном и след от лыж, который означает лыжный курорт, на который Баллантайна пригласил доктор Эдвардс и где Баллантайн стал свидетелем его убийства. Остается выяснить название курорта, оно должно быть связано с крыльями. Баллантайн вспоминает название — «Долина Гавриила». Гибель доктора потрясла Баллантайна, который в детстве стал причиной смерти брата, сорвавшегося с крыши, воспоминание о которой наложилось на смерть Эдвардса и вызвало амнезию у Баллантайна. Во сне он видел крышу и падающего человека. Доктор Мерчисон случайно проговорился, что знал Эдвардса и не любил его. Констанс понимает, что Мерчисон и есть убийца и что именно он внушил Баллантайну, что он — Эдвардс. Мерчисон убивает себя из того самого револьвера, из которого застрелил Эдвардса.

Отголоски психоанализа мы видим и в фильме «Психо», снятом в 1960 г., повествующем о Нормане Бейтсе, который совершал убийства в состоянии аффекта, представляя себя собственной матерью, которая ревнует Нормана к молодым женщинам, вызывающим у него вожделение. Норман убил мать вместе с любовником, после чего испытывал фрейдистский «комплекс вины». Он убивал девушек, к которым испытывал влечение, так как это якобы не нравилось его матери.

Таким образом, мы видим, что благодаря природной интуиции, логике, интересу к глубинной психологии Альфред Хичкок проникал в глубины человеческой психики. Это один из немногих режиссеров, которому удалось собственные страхи, ночные

кошмары превратить в искусство. Метод психоанализа остается актуальным для анализа художественных произведений.

Литература

- Метиц К.* Воображаемое означающее. Психоанализ и кино. Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013.
- Попова Л. В.* Ночное действие в фильмах А. Хичкока // *Артикульт*. 2019. № 4 (36). С. 94–102.
- Фрейд З.* Толкование сновидений. М.: Азбука, 2024.

«Нереализованный» чувственный опыт как цезура в структуре ментального опыта

Т. А. Ребеко

Институт психологии РАН, Москва
rebekota@ipran.ru

Сравниваются уровневые теории ЭУС (Я. А. Пономарёв) и У. Биона. Рассматривается разное понимание «разрыва» в репрезентации чувственного и концептуального опыта. На материале алекситимии демонстрируется нарушение континуальности ментального опыта. Чувственный опыт оказывается не способным образовывать связи с понятийным опытом. Нарушение проявляется в когнитивно-стилевых характеристиках, которые свидетельствуют о дифференциации.

Ключевые слова: уровни репрезентации, нементализированный опыт, алекситимия, когнитивно-стилевые характеристики, дифференциация.

В модели ЭУС Я. А. Пономарёва между уровнями постулируется генетическая (порождающая) связь, тем не менее первый уровень качественно отличается от последующих. На первом уровне происходит так называемое отражение, которое, по словам автора, результирует факт непосредственного «онтологического» взаимодействия. «В моделях, тяготеющих к другому полюсу (назовем их «знаковыми» моделями), сигнальная функция становится единственной непосредственно значимой функцией, в то время как предметная сторона их выражения стремится в пределе к нулю» (Пономарёв, 1983, С. 196).

Таким образом, на нижнем уровне репрезентируются ситуативные компоненты, при этом еще не произошла дифференциация между субъектом и объектом. Для перехода на новый этап («нового способа (типа) связи компонентов системы») необходимо, чтобы «необходимые побочные продукты уже содержались в составе системы» (Пономарёв, 1983, С. 19).

Итак, взаимодействие на первом уровне порождает только чувственные впечатления, связи между которыми обусловлены природой отражаемого окружения. На этом уровне, по словам автора, строятся «первичные модели — это копии ситуации, в которых взаимодействие с внешней средой отражено недифференцированно..., действия не отчленены от предметов действия» (там же, С. 50). В отличие от предметных моделей низшего уровня, на последующих этапах-уровнях развивается способность действовать в уме, т.е. способность к осознанию средств и результатов взаимодействия. «Побочно фиксируемая информация задает тот репертуар возможностей, то дополнительное богатство знаний, которые позволяют человеку открывать нечто новое, устанавливать новые закономерности» (Ушаков, 2006, С. 41).

У У. Биона — автора, далекого от экспериментального исследования и работающего в области психоанализа — генетический принцип также положен в основу построения теории мышления. Согласно У. Биону, «органы чувств, связанные с ними представления и их реализации развиваются из чувственного опыта, который связан с конкретными объектами» (Бион, 2008, С. 77). Общей для упомянутых авторов

является идея о том, что чувственный опыт взаимодействия является исходным в психическом развитии.

Так же, как у Я. А. Пономарёва, фиксируется принципиальное различие между уровнями «отражения» и «отображения» (в опыте отражения отсутствует субъект), в модели У. Биона постулируется разрыв в репрезентации опыта. У. Бцион вводит два понятия — альфа- и бета-элементы. В отличие от альфа-элементов, «бета-элементы воспринимаются не как явления, а как вещи-в-себе». Бета-элементы означают «сырой» опыт взаимодействия, который «не нашел» реализации. У. Бцион описывает данный психический опыт как тотально не способный образовывать связи, принципиально не способный к развитию и не могущий быть преобразованным в концепции, так как в бета-опыте имеется неразличимость субъекта и объекта. «Бета-единицы подходят только для составления смутной коллекции, которая претендует на то, чтобы быть мыслью» (Lutenberg, 2007, P. 102). Бета-элементы — это «сырой» чувственный опыт, который остался нементализированным. Альфа-элементы, как и ступени отображения (Я. А. Пономарёв), способны к развитию и образуют иерархию концептуальных структур.

Многие авторы связывают преобладание бета-элементов в структуре психики с травматическим опытом, при котором происходит аглютинация чувственных впечатлений и их ментальной представленности. Этот опыт вызывает, по У. Биону, «невыразимый ужас». Концентрирование бета-элементов, по словам У. Биона, больше похоже на «агломерацию», нежели на «интеграцию». У. Бцион вводит термин «цезура» для описания принципиальной отделенности бета-опыта от уровней альфа-опыта, как разрыв континуального опыта (Bisagni, 2017, P. 33), «это инкапсулированный и недоступный интеграции» опыт (там же, P. 37).

На материале алекситимии (как модели нементализированного чувственного опыта) мы планируем показать сопряженную недифференцированность когнитивных структур.

Литература

- Бион У. Р. Научение через опыт переживания. М.: Когито-Центр, 2008.
- Пономарёв Я. А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
- Ушаков Д. В. Языки психологии творчества: Яков Александрович Пономарёв и его научная школа // Психология творчества: школа Я. А. Пономарёва / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: ИП РАН, 2006. С. 19–142.
- Bisagni Fr. Obsessions. The Twisted Cruelty. London: Routledge, 2017.
- Lutenberg J. M. Mental void and the borderline patient // Resonance of suffering. Countertransference in Non-Neurotic structures / Ed. Green A. London: International Psychoanalytical Association, 2007. P. 89–120.

«Бытие-вперед-себя» как аспект жизнетворчества личности

Е. Е. Сапогова

Московский педагогический государственный
университет, Москва
esapogova@yandex.ru

Автор развивает концепт философии М. Хайдеггера «бытие-вперед-себя» как аспект «заботы о себе» – стратегии существования взрослой личности, предполагающей деятельное, творческое отношение к себе и своей жизни, следование добровольно принятому на себя обязательству (внутреннему выбору) такого продуктивного способа существования, который субъект соотносит со своей аутентичностью. «Бытие-вперед-себя» рассматривается

как индивидуальное когнитивно-образное порождение собственного «Я» как самобытной смысловой системы. Предложена идея об опережающей смысловой амплификации как механизме реализации «бытия-вперед-себя» в структуре осознания «времени-для-того-чтобы».

Ключевые слова: «забота о себе», личность, жизнетворчество, саморазвитие, опережающая амплификация.

В условиях нарастающей неопределенности существования идея жизнетворчества личности как способа самотрансформации является актуальной. Способность усматривать в текущем существовании персонализированные жизненные ориентиры и самоорганизовываться для их достижения, исходя из рефлекслируемых психических ресурсов и осознаваемых потенциалов, превращает человека в автора собственной жизни, открывая возможность управлять ее ходом и расширять границы жизненного мира.

Умение не только планировать новые этапы своей жизни, но и удерживать весь свой жизненный фрейм в зоне осознания тесно связано с существованием человека во времени: «Время есть время-для-того-чтобы, ради-того-чтобы. Смысл будущего открыт тому, кто хочет осуществить задуманное и кому для этого необходимо время» (Черняков, 2001, С. 379). Идет ли речь о прошлом (фактичности, заброшенности), о настоящем (падении, обреченности вещам) или будущем (проект/набросок себя, забегание вперед), человек принимает собственную жизнь как исключительно свою творческую задачу.

«Время для-того-чтобы» в современных условиях становится важной частью реализации «заботы о себе», которую М. Фуко (1998) рассматривает как своеобразную технологию производства субъективности, стратегию субъективации, проект самого себя. Смысл «заботы о себе», собственно, и состоит в авторском жизнетворчестве личности – в созидании собственного модуса самообладания, свободном «изобретении» или перестройке себя в соответствии с изменяющейся вокруг него и понятой как имеющей к нему отношение реальностью. «Забота о себе» есть не просто самосовершенствование, стремление к личностному

благополучию, счастьем или свободе, она есть деятельное, творческое отношение к себе и своей жизни, следование добровольно принятому на себя обязательству (внутреннему выбору) такого продуктивного способа существования, который субъект соотносит со своей аутентичностью. В идею «заботы о себе» (Иванченко, 2009; Фуко, 1998) входит все то, что человек способен отрефлексировать как необходимое именно ему, совершаемое исключительно ради самого себя, для развития своей самости и «жизни духа».

Выстраивая «бытие-вперед-себя» (Хайдеггер, 1997, С. 249), человек конструирует свой жизненный путь и себя – таким, каким он хотел бы «застать», усмотреть свое «Я» в желаемом им самим будущем, исходя из собственного прошлого и настоящего. В этом процессе он сам формирует собственный этос, культивирует в себе субъекта действия и опережающим образом трансформирует «себя наличного» в «себя иного», руководствуясь при этом исключительно собственными целями и представлениями о том, кем он хочет, может и должен становиться.

В этих контекстах мы рассматриваем феномен «бытия-вперед-себя» как индивидуальное когнитивно-образное порождение собственного «Я» как самобытной смысловой системы для себя и других. Эта система опирается на решимость становиться «тем-самым» (а не каким бы то ни было другим) самим собой, рефлексировав и ассимилировав накапливающийся экзистенциальный опыт.

«Строительным материалом» в этом процессе выступают разные пласты опыта: 1) реальные жизненные эпизоды (биографическая канва); 2) яркие персональные пик-переживания; 3) воспоминания, повторяющиеся образы сновидений; 4) ассимилированные идентификационные образцы; 5) отдельные идеи и мысли, которые человек считает «своими»; 6) система усвоенных культурных прецедентов и архетипов; 7) семейные апокрифы и аспекты микрокультур; 8) содержание коммуникации со значимыми Другими и т.д.

В ходе житнетворческих процессов, опираясь на неуничтожимые части биографической канвы, человек строит

необходимый ему экзистенциальный профиль и осуществляет его постоянный «мониторинг» с позиций личной самовоплощенности, реализации собственного проекта самого себя. Основным механизмом здесь выступает опережающая амплификация собственного Я, насыщающая «бытие-вперед-себя» индивидуальными смыслами и тем самым размечающая для него траекторию развития во времени.

Литература

- Иванченко Г. В.* Забота о себе: История и современность. М.: Смысл, 2009.
- Фуко М.* История сексуальности-III: Забота о себе. К.: Дух и ли-тера, Грунт; М.: Рефл-бук, 1998.
- Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Ад Маргинем, 1997.
- Черняков А. Г.* Онтология времени: Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля, Хайдеггера. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001.

Социоэкзистенциальная детерминация становления системы методологии Я. А. Пономарёва и перспектива ее развития для изучения человеческого капитала субъектов образования и творчества

И. Н. Семёнов

Московский городской педагогический
университет, Москва
i_samenov@mail.ru

В статье анализируется формирование системной методологии Я. А. Пономарёва, ее реализация в общей и прикладной психологии, а также намечена перспектива развития для когнитивного и психолого-педагогического изучения творчества человеческого капитала. В отличие от традиционного предметно-дисциплинарного анализа содержания классической методологии Я. А. Пономарёва впервые ставятся проблемы рефлексивно-персонологического анализа становления ее социоэкзистенциальной обусловленности в перспективе современного изучения человеческого капитала субъектов образования и творческого профессионализма.

Ключевые слова: история психологии, системная методология, психология творчества, продуктивное мышление, человеческий капитал, социоэкзистенциальная детерминация, рефлексивность развития субъекта.

Традиционно методология лидера отечественной психологии творчества второй половины XX в. Я. А. Пономарёва датируется выходом в 1983 г. книги «Методологическое введение в психологию» (Пономарёв, 1983). Однако ей предшествует прототип методологии в виде начальных глав его объемной книги «Психология творчества» (1976), и в ранних его книгах

(1960, 1967) также были краткие, но конструктивные тексты о методологии. В связи с этим возникает проблема анализа социоэкзистенциальной детерминации разработки им проблем методологии психологического познания. Используем для этого разрабатываемый нами рефлексивно-персонологический метод изучения социоэкзистенциального развития субъектов научного жизнетворчества (Семёнов, 2007; Семёнов, 2010).

Вспомним, что в детстве Я. А. Пономарёва обучали гувернеры в 1920-е гг. в культурной и богатой семье в относительно вольное время НЭПа, а юность приходилась уже на репрессивные 1930-е гг. В конце их он, интересуясь философскими вопросами, поступает в ВИФЛИ. Здесь он подружился с самобытным мыслителем А. А. Зиновьевым, будущим логиком-методологом (Семёнов, 2007) и позднее, в 1970-е гг., писателем-диссидентом. Не успев толком начать обучение в вузе, новобранец Я. А. Пономарёв участвует в 1940 г. в финской кампании, потом — в Отечественной войне, где вскоре оказывается в трехлетнем плену. Выжить в нем помогло блестящее знание немецкого языка, а также трезвость и мудрость рационально-прагматического мышления, сильная воля и постоянно работающий — несмотря на плен — мощный познавательный интеллект.

В 1946 г. он после войны в 26 лет вновь поступает на философский факультет МГУ, но уже специализируясь по психологии (как менее идеологизированной науке, чем марксистская философия) с В. В. Давыдовым, А. М. Матюшкиным и общаясь в основном с логиками (А. А. Зиновьев, Г. П. Щедровицкий, Н. Г. Алексеев и др. (Семёнов, 2007)). Вместе с ними Я. А. Пономарёв в начале 1950-х гг. участвует в логическом кружке А. А. Зиновьева, а затем и в московском методологическом кружке (ММК) Г. П. Щедровицкого на базе ИЭП АПН при поддержке П. А. Шеварёва (Семёнов, 2007). Знаменательно, что первые заседания ММК происходили на квартире жены Я. А. Пономарёва — Т. В. Розановой. Вскоре он отошел от ММК и сосредоточился на диссертационном исследовании мышления (в секторе научного творчества, руководимом М. Г. Ярошевским в ИИЕиТ АН СССР). Оно восходит к экспериментам курсовика Я. А. Пономарёва по решению задач

на смекалку (Пономарёв и др., 1988), начатого в конце 1940-х гг. под руководством П. Я. Гальперина, но завершеного уже в дипломной работе (1951) у А. Н. Леонтьева, руководившего и кандидатской диссертацией Я. А. Пономарёва (1958). Суть разногласий с П. Я. Гальпериным состояла в том, что, согласно рационализму его концепции, решению творческих задач должно способствовать воспитание дисциплинированного мышления субъекта, у которого необходимо сформировать адекватную ориентировку в условиях задачи. Для Я. А. Пономарёва же остро стояла проблема механизмов инсайта (ныне изучаемая его учеником Д. В. Ушаковым) и вызревала концепция, что решение достигается интуитивно в качестве осознания побочного продукта мышления. Методология доказательства этой экспериментатики начала строиться Я. А. Пономарёвым в его первой в стране книге «Психология творческого мышления» (1960), была развернута в докторской диссертации (1972), обобщена в «Психологии творчества» (1976), экстраполирована на системную методологию науки на материале психологии (Пономарёв, 1983) и в 1990-е гг. запатентована в виде изобретений по техническому творчеству. В развитие этих достижений нами (Пономарёв, 1988) ведется разработка системной методологии экспериментатики в опытах с дискурсивным мышлением и концепции его рефлексивно-личностной регуляции, а также — развития человеческого капитала (Семёнов, 2010) как когнитивно-метакогнитивного потенциала субъекта творчества.

Литература

- Пономарёв Я. А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
- Пономарёв Я. А., Семёнов И. Н., Голубева Э. А. Психолого-педагогические аспекты развития творчества и рефлексии / отв. ред. Я. А. Пономарёв, И. Н. Семёнов, С. Ю. Степанов. М.: Философское общество, 1988.
- Семенов И. Н. Алексеев Никита Глебович. Зиновьев Александр Александрович. Пономарёв Яков Александрович. Семёнов Игорь Никитович. Шеварёв Петр Алексеевич / ред.-сост. М. С. Хромченко // ММК в лицах. М.: Наследие ММК, 2007.

- Семёнов И. Н.* Методологические проблемы человеческого капитала как фактора инновационного развития образования // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник ИНИОН РАН. Выпуск 5. Ч. 2. М.: ИНИОН, 2010. С. 675–679.
- Семёнов И. Н.* Методология, теория, практика рефлексивной психологии творчества и педагогики развития человеческого капитала // Известия РАО. 2023. № 3. С. 44–63.

Роль творчества в процессе социализации лиц с коморбидными сенсорными нарушениями (к 55-летию Загорского эксперимента)

В. М. Сорокин

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
vombat000@mail.ru

Л. А. Даринская

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
lars_2000@mail.ru

Р. В. Демьянчук

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург
rdcosnult@yandex.ru

Г. И. Молодцова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
molodlg@mail.ru

В докладе рассматриваются истоки и мотивы Загорского эксперимента как результат усвоения дефектологической наукой идей междисциплинарного и комплексного подхода. Подчеркивается роль И. А. Соколянского, А. И. Мещерякова, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии, Э. В. Ильенкова в реализации уникального эксперимента по социальной адаптации и инклюзии слепоглухих детей с позиций их приобщения к различным видам творческой деятельности.

Ключевые слова: история психологии, слепоглухие дети, сенсорные нарушения, творческая активность.

История обучения слепоглухих детей — одна из самых драматичных страниц отечественной дефектологии. Их психологический статус, как правило, связывали с диагнозом «умственная отсталость и необучаемость». Известный в начале XX в. феномен Е. Келлер (США) относили к чуду или необъяснимой случайности. В СССР подобный результат удалось повторить И. А. Соколянскому при работе с О. И. Скороходовой. Созданная система обучения давала надежду на возможность коррекции зрения и слуха при их одновременном нарушении. Это было существенным для личностного развития и социализации слепоглухих детей.

В системе обучения И. А. Соколянского уделялось большое внимание лепке как средству формирования предметных и пространственных представлений. В то же время отмечалось, что бедность чувственного опыта слепоглухих тормозила развитие их воображения, что сказывалось на результате лепки, а также невозможности спонтанного формирования игровой деятельности, при которой один предмет может замещать другой, что, в свою очередь, снижало проявление творческой активности обучаемых. Тем не менее идеи И. А. Соколянского стали основой для создания первого в СССР детского дома для слепоглухих детей в г. Загорске в 1964 г. (Соколянский, 1999). Именно там приобщение детей к творческой деятельности стало рассматриваться иначе.

А. И. Мещеряков полагал, исходя из диалогизма природы творческого акта и сознания, что предупреждением распада психики обучаемых может являться вовлечение их в творческую деятельность, способствующую самовыражению как средству купирования острого переживания одиночества, неминуемого в условиях слепоглухоты (Мещеряков, 1974). Вот почему расширился диапазон занятий — добавились аппликация, рельефное рисование, декорирование, хореография, драматическое искусство, литература. Таким образом, активизация творческих способностей слепоглухого ребенка способствовала его эмоциональной стабилизации (Пономарёв, 1976).

Высокий уровень подготовки выпускников Загорского детского дома позволил разработать план экспериментального

обучения четверых из них на факультете психологии МГУ. Инициаторами и организаторами эксперимента были А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, А. И. Мещеряков и Э. В. Ильенков. Ученые полагали, что интеллектуальный уровень подопечных, достигнутый в процессе коррекционно-воспитательной работы в детском доме, будет достаточным, чтобы освоить программу вуза. Эксперимент стартовал в 1971 г. и был успешно завершен в 1977 г. Четверо слепоглухих выпускников нашли себя в психологии, философии и изобразительном искусстве. Один из них — А. В. Суворов (1953–2024) — доктор психологических наук, профессор, внесший значительный вклад в теорию и практику обучения слепоглухих детей и их социальную инклюзию, творческое наследие которого фиксирует результаты незапланированного продолжения Загорского эксперимента (Сорокин и др., 2024; Суворов, 2018).

Литература

- Мещеряков А. И.* Слепоглухонемые дети. М.: Педагогика, 1974.
- Пономарёв Я. А.* Психология творчества и педагогика. М.: Педагогика, 1976.
- Соколянский И. А.* Обучение слепоглухонемых детей // Дефектология. 1999. № 2. С. 75–84.
- Сорокин В. М., Даринская Л. А., Молодцова Г. И., Демьянчук Р. В.* Загорский эксперимент и судьба ученого. Памяти А. В. Суворова (1953–2024) // Культурно-историческая психология. 2024. Т. 20. № 4. С. 112–121.
- Суворов А. В.* Встреча вселенных, или Слепоглухие пришельцы в мире зрячеслышащих. М.: ЭКСМО, 2018.

Графологическое наследие Якова Александровича Пономарёва: почерковедческий анализ

С. Е. Сорокина

Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань
s.sorokina@inbox.ru

В статье представлен анализ почерка Якова Александровича Пономарёва. Материалом для исследования послужили подписи к его собственным рисункам, страница текста с примером научного редактирования и дарственная надпись. Анализ проводится по общим признакам почерка, характеризующим рукопись в целом. Применяются методики, разработанные в криминалистике для проведения почерковедческих экспертиз идентификационного и диагностического характера.

Ключевые слова: история психологии, анализ почерка, общие признаки почерка, Я. А. Пономарёв.

Исследования Якова Александровича Пономарёва в области творчества, интуиции, методологии занимают важное место в отечественной психологии и продолжают его последователями (см., например: Галкина, Журавлёв, 2016; и др.).

Благодарными учениками и коллегами выделены основные положения общенаучного вклада Я. А. Пономарёва, показано их приложение в психологии саморазвития (Попов и др., 2016), издана книга неопубликованных материалов (Журавлёв, Галкина, 2010).

Яков Александрович Пономарёв был выдающимся ученым и разносторонне одаренным человеком. Он основал новое научное направление, стал лидером психологии творчества, создателем фундаментальной теории творческого мышления, разработчиком общепсихологического структурно-уровневого подхода. Яков Александрович вел активный образ

жизни спортсмена, музицировал, рисовал, работал над научно-фантастическим романом.

Пономарёв внес неоценимо значительный вклад в разработку проблем философско-методологического поля. Именно в философии берут начало истоки отечественной психологии личности, с идеи самоценности, выдвинутой в философской концепции К. Д. Кавелина. Им сформулирована мысль об изучении индивидуальности психики через анализ продуктов деятельности (Кавелин, 1872).

Яркая личность Я. А. Пономарёва представляет большой интерес для изучения не только с точки зрения научного и творческого наследия, характера и психологического образа ученого. Большой интерес и богатое поле для исследования представляет его художественное творчество: рисунки, дружеские шаржи и, конечно же, почерк.

Материалом для почерковедческого анализа послужили пятнадцать образцов почерка Я. А. Пономарёва: подписи к тринадцати рисункам из семейного архива, предоставленные А. А. Пономарёвой, страница текста с научной редакцией, дарственная надпись Л. М. Попову на титульной странице книги «Психология творчества». Все образцы почерка, взятые для исследования, характеризуются как свободные. Анализ почерка проводился по методикам, разработанным в криминалистике для проведения почерковедческих экспертиз (Бастрыкин, 2002). Анализ проводился по общим признакам, дающим представление о картине почерка в целом.

Первое, что привлекает взор почерковеда в письме Я. А. Пономарёва — очень аккуратный, разборчивый почерк и общая высокая культура письма. Почерк отличается высокой выработанностью: наличествует значительная непрерывность письма, упрощенное строение букв. Координация движений при письме характеризуется неточностью в соблюдении параметров движения в пределах выполнения элементов букв. Это выражается в несоразмерности отдельных частей элементов (буквы у, ч, р, ж, ы). По степени сложности движений почерк простого строения: наиболее целесообразная система движений сочетается с сохранением четкости рукописного текста.

Показатель темпа движений при письме связан со сложностью почерка. Поскольку почерк Я. А. Пономарёва отличается простым строением, можно предположить высокий темп письма.

Почерк правонаклонный, с левоокружным направлением движений. Интервал между строками 0,7–1 см, направление строк — горизонтальное, форма линии письма в строке незначительно дугообразная, выпуклая. Интервал между словами в строке 0,5–0,7 см. Высота букв в образце дарственной надписи 3 мм, в других образцах колеблется в соответствии с форматом рисунков.

В докладе представлен подробный анализ общих и частных признаков почерка с их психологической интерпретацией.

Литература

- Бастрыкин А. И.* Криминалистическое исследование письма. СПб.: Европейский Дом, 2002.
- Галкина Т. В., Журавлёв А. Л.* Развитие научного творчества Я. А. Пономарёва // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 1. С. 16–25.
- Журавлёв А. Л., Галкина Т. В.* Основные вехи жизненного пути и научного творчества Я. А. Пономарёва // Пономарёв Я. А. Психика и интуиция. Неопубликованные материалы, стихи, рисунки и фотографии Я. А. Пономарёва / Ред.-сост. Журавлёв А. Л., Галкина Т. В. М.: ТИД «Арис», 2010. С. 6–54.
- Кавелин К. Д.* Задачи психологии: Соображения о методах и программе психологических исследований. СПб.: Тип. Ф. Сущинского, 1872.
- Попов Л. М., Ибрагимова Е. Н., Устин П. Н.* Концепция психологии творчества Я. А. Пономарёва и ее применение в изучении саморазвития // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 1. С. 35–47.

Вопросы психологии творчества на Международном симпозиуме по проблемам бессознательного в Тбилиси в 1979 г.

Н. Ю. Стоюхина

Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород
natast0@rambler.ru

В статье речь идет о Международном междисциплинарном симпозиуме, посвященном исследованию неосознаваемых психических процессов «Бессознательное: природа, функции, методы исследования» и проходившем с 1 по 5 октября 1979 г. в г. Тбилиси (Грузинская ССР). Среди множества проблем на симпозиуме обсуждались вопросы проявления бессознательного психического в структуре художественного восприятия творчества, предлагаемые различными теориями, продемонстрировав диалогичность и конструктивность.

Ключевые слова: история психологии, международный симпозиум, Тбилиси, бессознательное, творчество, художественное переживание.

Прошло уже 45 лет после важного события — первого в Советском Союзе Международного междисциплинарного симпозиума, посвященного исследованию неосознаваемых психических процессов «Бессознательное: природа, функции, методы исследования» (1–5 октября 1979 г., Тбилиси). Как вспоминали участники того события, он продемонстрировал неожиданное количество стран-участниц и научных школ, представительность, широту охвата и глубину обсуждаемых тем. Результатом симпозиума стали 4 тома статей (общим объемом почти 240 п. л.), выпущенные в издательстве «Мецниереба», из которых три тома вышли в 1978 г., а четвертый — в 1985 г.

Редакторами изданий были идейные вдохновители и научные руководители этого важного мероприятия советской науки — директор Института психологии Академии наук Грузинской ССР, академик А. С. Прангишвили, профессор Тбилисского университета А. Е. Шерозия и профессор Института неврологии АМН СССР Ф. В. Бассин.

Во II томе материалов симпозиума, помимо вопросов, рассматриваемых в разделах «Бессознательное и измененные состояния сознания: сон нормальный, сон гипнотический», «Проявление бессознательного в условиях клинической патологии», был раздел, посвященный проявлению бессознательного психического в структуре художественного восприятия творчества. В редакционной статье, предваряющей раздел, писалось о большой заинтересованности в разработке вопросов со стороны психологов, психоаналитиков, искусствоведов, литературоведов, лингвистов, антропологов и т. д., о связи активности бессознательного с искусством, художественным восприятием и художественным творчеством, потому что «именно психология искусства оказалась той областью знания, которая, вопреки неразработанности идеи бессознательного, вопреки отсутствию сколько-нибудь согласованных представлений о функциях бессознательного и его роли в душевной жизни человека, с удивительным постоянством на протяжении десятилетий стремилась к включению этой идеи в свой категориальный аппарат, к ее использованию в качестве одного из основных объясняющих понятий» (От редакции, 1978, С. 477).

Двадцать авторов и столько же статей продемонстрировали самые разные направления в изучении этой темы. Из различных научных организаций Грузии было представлено 8 докладов психологами и литературоведами (Г. С. Буачидзе, А. Г. Васадзе, Э. А. Вачнадзе, Н. Я. Джинджихашвили, Р. Г. Каралашвили, Г. Н. Кечхуашвили, Т. А. Ломидзе, Л. И. Слитинская); из московских организаций — 6, докладчиками были психологи, литературоведы, физиолог, искусствовед (Г. В. Воронин, Л. И. Долидзе, В. В. Ивашева, Д. И. Ковда, П. В. Симонов, Т. А. Флоренская); Ленинград был представлен тремя выступлениями музыковедов (М. Г. Арановский, А. И. Климовицкий, А. П. Милка).

Участники обсудили принципиальные вопросы теории искусства и особенности художественных переживаний определенной неосознаваемой психологической установки, представления о природе сознания и бессознательного, функцию персонажа как «фигуры бессознательного», проблему отношений сознания и бессознательного, противопоставления катарсиса как осознания психоаналитическому пониманию катарсиса, проявления бессознательного в условиях языкового перевода и другие вопросы. Гости из Франции (H. Dellui, D. Gourevitch, E. Rudinesco) обсуждали отношения между функциями бессознательного, речи и направлением сюрреализма; проблему бессознательно в античной литературе; связь активности бессознательного некоторых форм художественного творчества и художественных оценок.

Для гуманитарных наук в СССР значение этого симпозиума было огромным. Представляя различные теории бессознательного, участники актуализировали множество объяснительных возможностей, заложенных в каждой теории, перейдя от критики методологически чуждых концептуальных подходов к их содержательному анализу, обнаружив собственную диалогичность и конструктивность в отношении этих вопросов.

Литература

От редакции. Об отношении активности бессознательного к художественному творчеству и художественному восприятию // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. В 4 т. Тбилиси: Мецниереба, 1978–1985. Т. 2. Сон. Клиника. Творчество. 1978. С. 477–492.

Культурный код позднесоветской эпохи глазами современной молодежи (на материале исследования восприятия произведений изобразительного искусства)*

О. Р. Тучина

Кубанский государственный университет, Краснодар
tuchena@yandex.ru

М. В. Нехорошева

Кубанский государственный университет, Краснодар
mashanehorosheva11@gmail.com

Произведения изобразительного искусства воплощают культурный код определенной эпохи в создании визуальных символов, отражающих смысл и ценности эпохи. Целью исследования является выявление смысловых особенностей восприятия знаковых для Кубани произведений изобразительного искусства позднесоветской эпохи представителями молодого поколения. Было проведено исследование ценностно-смыслового содержания произведений кубанских художников 1970–1980-х гг. Затем при помощи методики свободных описаний были выявлены основные смыслы восприятия этих произведений студентами краснодарских вузов. Пилотажное исследование показало, что смысловое содержание произведений изобразительного искусства позднесоветской эпохи воспринимается молодым поколением респондентов в русле художественного замысла автора.

* Исследование выполняется при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда (проект 24–28–20256 «Культурный код позднесоветской эпохи в творчестве кубанских художников»).

Ключевые слова: культурный код эпохи, произведения изобразительного искусства, кубанские художники, восприятие произведений искусства, субъектный подход.

Восприятие произведений искусства представляет собой сложный процесс внутренней деятельности, включающий когнитивные, эмоциональные, мнемические, оценочные, духовные и другие составляющие. Произведения изобразительного искусства воплощают культурный код определенной эпохи посредством создания визуальных символов, в которых находит свое эмоционально-образное выражение художественная интерпретация смыслов, ценностей и идей, содержательно определяющих знаковые для эпохи темы.

Цель — исследование восприятия произведений изобразительного искусства, воплощающих культурный код позднесоветской эпохи, представителями молодого поколения.

Методологической основой исследования восприятия знаковых произведений кубанских художников представителями молодого поколения Кубани является субъектный подход (см. также: *Личность и бытие...*, 2008; *Субъектный подход...*, 2009), в рамках которого произведение искусства рассматривается как задача на личностный смысл, на понимание смысла бытия, выраженная языком образов и эмоций (Леонтьев, 2003).

На первом этапе было проведено исследование ценностно-смыслового, эйдетического содержания знаковых произведений, созданных ведущими кубанскими художниками в 1970–1980-е гг. Был использован метод искусствоведческого анализа на материале интервью с художниками и искусствоведами.

Выявлены следующие смысловые категории: сельскохозяйственная тематика, связанная со спецификой Кубани как житницы страны, трактовалась в русле сакральных образов Матери-Земли, Земли плодоносящей, Земли-кормилицы. Внимание к конкретным людям, духовному достоинству земледельца и, шире, человеку труда. С данной тематикой связано обращение к особому миру кубанской станицы, осмыслению экзистенциальных основ и духовного измерения этого мира, зачастую выходящего на уровень символа и философской притчи.

Со стремлением передать творческую суть труда связана тема культа книги, культуры, высокого искусства. Художники выражали сакральный по своей сути пафос культуры как второй природы человека, сложный духовный труд творца. В меморизации Великой Отечественной войны, одной из ключевых тем культурного кода советской эпохи, происходит поворот от создания символов обобщенного воплощения коллективного подвига народа-победителя к образам конкретного героя, который воплощает в себе пафос коллективного подвига и символизирует величие Победы. Обращаясь к пейзажу, художники старались показать многоликость Кубани, выразить чувство эмоциональной связи человека с родным краем.

Для исследования смысловых особенностей восприятия живописных произведений была использована методика свободных описаний Д. А. Леонтьева. В качестве стимульного материала были использованы картины кубанских художников, созданные в 1970–1980-е гг. Респондентам предлагалось выбрать 3 произведения и рассказать о них в виде письма другу.

Выборка исследования: 200 респондентов от 18 до 27 лет, студенты Краснодара; 70 студентов художественно-графического факультета и 130 не имеющих профильного художественного образования.

Ценностно-смысловой аспект восприятия художественного произведения раскрывается через субъективную значимость и актуализированные при восприятии произведений личностные смыслы. В описаниях респондентов выделены следующие основные смыслы: ценности труда и творчества; человеческого общения и близости; связи поколений и значимости традиций. Значимых различий в понимании и интерпретации смыслов произведения будущими художниками и респондентами, не имеющими художественного образования, не выявлено.

Пилотажное исследование показало, что смысловое содержание произведений изобразительного искусства позднесоветской эпохи воспринимается молодым поколением респондентов в русле художественного замысла автора.

В дальнейшем на основе психосемантического подхода, реализующего парадигму «субъектного» подхода к пониманию

другого, в том числе и художественного произведения (В. Ф. Петренко), будет проведено исследование базисных категорий восприятия произведения искусства и описание коннотативных значений отдельных произведений (реконструкция личностных смыслов произведений).

Литература

- Леонтьев Д. А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003.
- Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции.* М.: ИП РАН, 2008.
- Рошка Е. В.* Личностные особенности восприятия произведений изобразительного искусства студентами-психологами // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Т. 5 (71). 2019. № 1. С. 76–84.
- Петренко В. Ф.* Психосемантический подход к изучению искусства как формы познания и конструирования мира и себя самого // Развитие личности. 2012. № 1. С. 58–80.
- Субъектный подход в психологии.* М.: ИП РАН, 2009.

Качества творческой личности в трудах Я. А. Пономарёва

Н. И. Чернецкая

Иркутский государственный университет, Иркутск
cherna@yandex.ru

Сделан краткий обзор по проблеме качеств творческой личности на основе трудов Я. А. Пономарёва. Показаны достоинства подхода Я. А. Пономарёва к классификации этих качеств с точки зрения объединения в них когнитивных

и эмоционально-личностных сторон творческого мышления, расширительного подхода к творческому мышлению в целом, а также удобства применения этой классификации к онтогенезу творческого мышления.

Ключевые слова: творческое мышление, творческая личность, качества творческой личности.

Современные представления о творческом мышлении предполагают, что оно является столь же личностным процессом, сколько и когнитивным. Поэтому вопрос качеств творческой личности — важнейшая составляющая проблемы творчества.

Качества творческой личности — сложная психологическая проблема, поскольку близость понятий «творческое мышление», «креативность», «одаренность» затрудняет определение личностных черт носителей творческого мышления, креативности и одаренности. В литературе трудно разделить личностные характеристики одаренного ребенка и ребенка, просто обладающего творческим мышлением, — эти качества часто описываются как нечто единое, и мы неоднократно затрагивали вопрос о качествах творческой личности в связи с их универсальностью, фактором экстра- и интроверсии, волевой сферой и др. (Чернецкая, 2002, 2012, 2014).

Наиболее полная и обобщающая разработка вопроса о качествах творческой личности была проведена Я. А. Пономарёвым. Он представил их в виде групп (Пономарёв, 1976, 1982). К числу перцептивных качеств Я. А. Пономарёв относил напряженность внимания, впечатлительность, общую восприимчивость. Среди интеллектуальных качеств автор определил интуитивный тип мышления, фантазию, высокий уровень антиципации в мыслительной деятельности, обширность знаний и их разносторонность. К характерологическим особенностям отнесены им уклонение от шаблонов, оригинальность, инициативность, упорство, высокая самоорганизация, колоссальная работоспособность. Особые мотивационные качества проявляются, согласно Я. А. Пономарёву, в том, что личность находит удовлетворение в самом процессе творческого решения.

Классификация Я. А. Пономарёва трактует качества творческой личности с точки зрения расширительного подхода (полагая возможным относить, например, перцептивные особенности человека к его личностным свойствам). Только сцепление и взаимная детерминация этих качеств образуют систему личностной регуляции творчества и творческого мышления.

Некоторые характеристики творческой личности напрямую зависят от других — регулируемых извне (например, в обучении): антиципирующая способность появляется при накоплении опыта, когда ребенок накапливает знания о мире, слушает рассказы взрослых, а затем в самостоятельном чтении его заставляют часто обращаться к индивидуальному опыту при решении мыслительных задач; напряженность внимания зачастую порождается уже сформированной творческой мотивацией и т. д.

Несомненным достоинством классификации качеств творческой личности Я. А. Пономарёва является то, что выделенные группы качеств можно условно соотнести с онтогенезом ребенка, ведь они, по сути, представляют собой динамику изменения, попеременного развития психических процессов и связанных с ними сфер: восприятие постепенно уступает место функциям памяти, затем мышление становится ведущей функцией, поэтому можно говорить об интегрирующем характере развития личности.

Таким образом, подход к качествам творческой личности Я. А. Пономарёва предполагает их трактовку не просто как некоего набора свойств и характеристик, а как своеобразного «строя личности», который определяет неповторимость творческого потенциала взрослого или ребенка, т. к. индивидуальность соподчинения черт и качеств внутри личности обеспечивается индивидуальностью всего развития в его внешних и внутренних проявлениях.

Литература

Пономарёв Я. А. Психология творчества и педагогика. М.: Педагогика, 1976. 366 с.

Пономарёв Я. А. Фазы творчества и структурные уровни его организации // Вопросы психологии. 1982. № 2. С. 5–13.

- Чернецкая Н. И.* Творческое мышление как всеобщее и универсальное качество личности // *Материалы региональной научно-практической конференции «Психическое здоровье личности: проблемы и перспективы развития в 21 веке».* Иркутск: Иркут. ун-т, 2002. С. 214–217.
- Чернецкая Н. И.* Изучение творческого потенциала подростков на фоне фактора экстра- и интроверсии // *Материалы VIII Международной научно-практической конференции «Образование и наука без границ» («WYKSZTAŁCENIE I NAUKA BEZ GRANIC — 2012»).* Т. 28 «Психология и социология». Прага: Sp. z o.o. «Nauka i studia», 2012. С. 75–78.
- Чернецкая Н. И.* Воля к творчеству как условие развития творческого мышления учащихся // *Материалы III Всероссийской научно-практической конференции «Здоровье участников образовательного процесса» (25–26 марта 2014 г.).* Томск: ТГПУ, 2014. С. 92–94.

Проблема кинотворчества в советской психологии 1920 — 1930-х гг.

Ю. Д. Штрикер
Институт психологии РАН, Москва
shtriker00@mail.ru

В начале XX в. в отечественной психологии одной из задач исследования кино являлось определение специфических черт кинодеятельности. В статье приводятся результаты анализа работ советских ученых 1920 — 1930-х гг., в которых обозначаются специфические черты психологии кинотворчества. Установлено, что психологическая теория кино основывалась на рефлексологии. Основными проблемами

исследования являлись восприятие кино и особенности коллективного кинотворчества.

Ключевые слова: история психологии, кинотворчество, психология кинотворчества, психология творчества, восприятие кино, коллективное творчество.

С возникновением кинематографа в начале XX в. киноискусство стало рассматриваться как особая область художественного творчества, требовавшая специального исследования. Кино отражало новый взгляд на взаимодействие субъекта с реальностью и противопоставлялось другим формам творческой деятельности. Искусство кино требовало обозначения своих специфических черт с точки зрения психологии, поэтому была сформирована проблема исследования кинодеятельности и кинотворчества: «Став с самого начала отраслью крупной промышленности, кино не может быть непосредственным и свободным от условностей творчеством» (Балаш, 1925, С. 11).

Исследования специфики киноискусства составляли основу направления психологии кинотворчества в 1920 — 1930-е гг. Кино обладает большим творческим потенциалом, чем другие виды искусства, в связи с комплексным воздействием на человека. Во взаимодействие со зрителем вступают движущиеся образы на экране, «он познает чувства в их динамике» (Бруксон, 1926, С. 12). Кино расширяет временные и пространственные рамки, предоставляя «неизведанные средства для раскрытия окружающего мира и человека в их непосредственности, т. е. в их непрерывном... движении» (там же, С. 22). Кроме того, кино отражает контекст времени и доступно для зрителя, т. е. киноискусство близко к «рефлекторности». Таким образом, особенностью психологии кинотворчества являлась его опора на биологически-социальный внутренний мир человека, в котором рефлекс (восприятие движения, музыки) подчинены социальным силам (сюжету и стилю кино).

С точки зрения Н. И. Жинкина, «кино — искусство событий», в котором содержатся «онтические», пространственно-временные, семантические формы выразительности. Сюжетные элементы кино получают событийный статус, когда они

существуют не изолированно, а в связи и в отношении с другими событиями в фильме. Роль кино как «интерпретатора событий» может соответствовать принципу развивающего взаимодействия творческой деятельности. Таким образом, Н. И. Жинкин сформулировал новое свойство творческой деятельности — «кинематографичности», которое может применяться и в других видах искусств (Гиндин, 2010).

Понимание места кино в системе представлений о творческой деятельности в 1920–1930-е гг. требовало дополнительного анализа. Кино следует рассматривать шире, чем способ художественной выразительности, киноискусство выступает как «специфическая форма выражения, как выразительная форма вообще» (Лебедев, 1935, С. 56). Передача словесных, визуальных средств художественной выразительности через особое орудие творчества (киноаппаратуру) делает кино «чувственно-многосторонней» формой познания реальности. Задачами кинотворчества являются «осуществление художественного образа, уже предварительно построенного в сознании, с учетом особенностей кинотехники» (там же, С. 57) и определение специфических законов кино.

Психология кинотворчества связана с процессами группового творчества. Создание кино — это проблема коллективного творчества, в котором «требуется единство мироощущения, мировоззрения и метода всех... основных участников создания художественного произведения» (там же, С. 115). В связи с этим изучение кинодеятельности как вида коллективного творчества решает проблему выявления механизмов групповой креативной работы и способа организации этой совместной деятельности. Психология кинотворчества исследует новый способ творческой деятельности, в котором одновременно взаимодействуют разные типы активностей — визуальный, музыкальный, технический, педагогический, социальный.

Таким образом, в начале XX века, в связи с изобретением и распространением кинематографа, сформировалась психология кинотворчества, которая исследовала специфические черты киноискусства как творческой деятельности. В рамках исследования творчества кино большое значение придавалось

рефлексивным механизмам взаимодействия. Кроме того, психология кинотворчества содержит проблематику социальной психологии творчества (Журавлёв, Галкина, 2018).

Литература

- Балаш Б.* Культура кино. М.: Гос. изд-во, 1925.
- Бруксон Я. Б.* Творчество кино. Ленинград: Кооперативное издательское товарищество «Колос», 1926.
- Гиндин С. И.* Теория и эксперимент в работах Н. И. Жинкина о киноискусстве (1927–1930) // Философско-литературный журнал «Логос». 2010. Т. 2. № 75. С. 176–185.
- Журавлёв А. Л., Галкина Т. В.* Развитие научных представлений Я. А. Пономарёва в области психологии группового творчества // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 5. С. 235–242.
- Лебедев Н. А.* К вопросу о специфике кино. М.: Кинофотоиздат, 1935.

Первые саратовские исследователи психологии искусственного интеллекта А. А. Понукалин и Р. Х. Тугушев

А. Л. Южанинова

Саратовский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского, Саратов
juzhaninova-alla@yandex.ru

В работе представлены результаты первого опыта психологического изучения искусственного интеллекта в Саратове, полученные в 1970–1990-е гг. сотрудниками лаборатории инженерной психологии Саратовского государственного университета А. А. Понукалиным и Р. Х. Тугушевым.

Теоретической основой работы Понукалина стала концепция творческого мышления Я. А. Пономарёва, а исследования Тугушева базировались на психотехническом подходе. *Ключевые слова:* история психологии, искусственный интеллект, А. А. Понукалин, Р. Х. Тугушев, Я. А. Пономарёв.

В 1972 г. на отделении психологии Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (СГУ) была создана лаборатория инженерной психологии, сотрудники которой А. А. Понукалин (заведующий) и Р. Х. Тугушев в конце 1970-х гг. первыми в Саратове начали психологическое изучение искусственного интеллекта (ИИ).

Понукалин Алексей Алексеевич (1938–2016) — выпускник физического факультета СГУ (1964), с 1971 г. преподавал на кафедре педагогики и психологии (в 1975–2010 гг. — кафедра психологии) СГУ. С 1972 г. сотрудничал с Ю. М. Забродиным, ставшим научным руководителем его кандидатской диссертации «Психологические особенности оценки сложных сигналов», защищенной в Институте психологии АН СССР в 1979 г. по специальности «Инженерная психология». С 1996 по 2009 г. А. А. Понукалин руководил кафедрой психологии и акмеологии Саратовского государственного технического университета. В 1997 г. он защитил докторскую диссертацию по социологии.

Тугушев Рашид Хасьянович (1940–2008) в 1964 г. закончил физический факультет СГУ, с 1971 г. преподавал на кафедре педагогики и психологии СГУ, в 1982 г. в Институте психологии АН СССР под руководством Ю. М. Забродина защитил кандидатскую диссертацию «Психофизическое шкалирование при диагностике индивидуальных характеристик в трудовой деятельности». С 1988 по 2008 г. Р. Х. Тугушев заведовал кафедрой психологии СГУ. В 2001 г. на факультете психологии МГУ состоялась защита его докторской диссертации «Системный подход в экспериментально-прикладной психодиагностике характеристик субъекта профессиональной деятельности» по специальности «Психология труда, инженерная психология, эргономика».

С 1977 г. под руководством ректора СГУ А. М. Богомолова, занимавшегося междисциплинарными проблемами ИИ, А. А. Понукалин и Р. Х. Тугушев приступили к психологическим разработкам данного направления (Понукалин, 2012). При их активном участии в Саратове была издана первая коллективная монография по изучению ИИ (Искусственный интеллект..., 1983).

Понукалин считал разработку проблем ИИ естественным результатом научно-технического прогресса, позволяющим рассматривать технику как средство расширения возможностей человека путем автоматизации рутинного человеческого труда, а также частичной или полной замены человека машиной. Психологический аспект состоял в создании искусственного кибернетического устройства и условий оптимального взаимодействия человека с ним на основе эколого-психологического подхода. Было предложено рассматривать ИИ как когнитивную систему, обладающую естественными качествами интеллекта. Теоретической основой исследований ИИ А. А. Понукалина стала концепция творческого мышления Я. А. Пономарёва, сформулировавшего закон трансформации этапов развития системы в структурные уровни ее организации и функциональные ступени дальнейших развивающих взаимодействий (Пономарёв, 1983). Проанализировав смену парадигм ИИ, А. А. Понукалин показал, что она соответствует теории умственного развития, предложенной Я. А. Пономарёвым (Понукалин, 1995).

Тугушевым был реализован психотехнический подход к исследованию ИИ. Им было показано, что процессы психики уступают ИИ в объеме, точности и скорости, однако способны обеспечить более высокий творческий результат, зависящий от внутреннего кодирования информации и системной организации ее потоков (Тугушев, 1995).

Литература

Искусственный интеллект / Под ред. А. М. Богомолова. Саратов: Изд-во СГУ, 1983.

Пономарёв Я. А. Методологическое введение в психологию. М.: Изд-во «Наука», 1983.

- Понукалин А. А. Психологическая школа Ю. М. Забродина в СГУ // Проблемы современной психологии: теория, практика, эксперимент. Саратов: ИЦ «Наука», 2012. С. 3–16.
- Понукалин А. А. Социальные проблемы искусственного интеллекта // Психологические этюды: от классики к современности. Вып. 1. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1995. С. 169–184.
- Тугушев Р. Х. Психотехническое отражение некоторых характеристик интеллектуально подвижных систем // Психологические этюды: от классики к современности. Вып. 1. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1995. С. 137–143.

Я. А. Пономарёв как теоретик психологии

Т. Н. Юрова

Сочинский государственный университет, Сочи
sov36@mail.ru

И. А. Юров

Сочинский государственный университет, Сочи
sov36@mail.ru

Я. А. Пономарёв считал, что в развитии понимания природы психики можно наметить четыре этапа: психика как проявление идеальной субстанции, психика как система сочетательных (условных) рефлексов, психика как отображение, психика как субъективное отражение, как динамическая модель. Пономарёв включал психологию в понятие «фундаментальная наука» и рассматривал три толкования этого понятия: объективно-генетическое, структурно-историческое, структурно-функциональное, а также определял место психологии в центре наук.

Работы Я. А. Пономарёва являются современными и способствуют дальнейшему развитию теории психологии.

Ключевые слова: история психологии, психика, субстанция, отражение, модель, рефлекс, фундаментальная наука.

Я. А. Пономарёв еще в середине прошлого века размышлял о предмете и месте психологии в системе наук. Он считал, что в развитии понимания природы психики можно наметить четыре этапа.

Психика как проявление идеальной субстанции.

Методологический фундамент этой психологии составляли дуалистические декартовские принципы познания души, фактической основой которых служили данные самонаблюдения. В интроспективный отчет включались так называемые явления сознания: субъективные образы, переживания, видения, фантазии, составляющие «внутренний субъективный мир человека». Психология, придерживаясь декартовского постулата о пространственной непротяженности (идеальности) явлений душевной жизни (сознания), рассматривала психику как проявление идеальной субстанции. Постулирование идеальности психического, придание ему ранга субстанции создавали в системе отображения мира вопиющую пропасть. Стремление заполнить эту пропасть вело к психофизической проблеме, призванной отыскать связь между идеальной и материальной субстанциями. В сфере психологии эта проблема выступала фактически как психофизиологическая и решалась с позиции эмпирического параллелизма.

Психика как система сочетательных (условных) рефлексов.

В. М. Бехтерев как стихийный материалист отбрасывал представление об идеальной, психической субстанции и идеалистической трактовке психического. Однако у него не было нерасчлененности психологического и физиологического в рефлексорной деятельности (Бехтерев, 2021).

Я. А. Пономарёв был согласен с Л. С. Выготским, утверждавшим, что подлинный предмет психологии — целостный психофизиологический процесс, и писавшим, что диалектическая психология не смешивает психические процессы

и физиологические, она признает несводимое качественное своеобразие психики, она утверждает только то, что психофизиологические процессы едины (Выготский, 2021).

Механицизм рефлексологии, по В. М. Бехтереву, давал право рассматривать психическое как некоторую форму движения материи. Противники рефлексологии отвергали правомерность рассмотрения психического как формы движения материи, утверждая нематериальность психического.

Психика как отображение. Отождествление психики с отображением приводит к ложному пониманию психики как субстанции и к ее игнорированию — к эпифеноменализму. Представление о психике как об эпифеномене во всех случаях связано с тем, что на место психики подставляется гносеологическая абстракция, которая сама по себе ни на что воздействовать не может. Поэтому утверждения об эпифеноменализме психики следуют из ложной абсолютизации идеальности субъективного отражения, из подмены онтологического аспекта его рассмотрения гносеологическим. Попытки связать «идеальную психику», отображение с материей и мозгом через ссылки на физиологический механизм отображения также совершенно не достигают цели.

Психика как субъективное отражение, как динамическая модель. Ключом к преодолению отождествления онтологического анализа психического с вульгарным материализмом остается принцип двухаспектного исследования отражения:

1) исследование отражения как стороны процесса и результата взаимодействия отражающей и отраженной материальных реальностей и

2) исследование отношения отображения к отображаемому (Пономарёв, 1976).

Если иметь в виду отражение на социальном уровне организации, то два аспекта могут быть интерпретированы как онтологический (бытие) и гносеологический (знания о бытии к самому бытию).

Говоря о месте психологии в структуре наук, Я. А. Пономарёв рассматривает три толкования понятия «фундаментальная наука». Первое толкование — объективно-генетическое — исходит

из того, что природа сыграла роль фундамента, на котором выросло и на который опирается общество. Второе — структурно-историческое — заключается в том, что фундаментальные науки противопоставляются междисциплинарным. Третье — структурно-функциональное — состоит в представлении о том, что фундаментальные науки противопоставляются прикладным. Работы Я. А. Пономарёва способствуют дальнейшему развитию теории психологии (Юров, 2020).

Литература

- Бехтерев В. М.* Психика и жизнь. М.: Рипол-классик, 2021.
- Выготский Л. С.* Основы дефектологии. Москва: Юрайт, 2021.
- Пономарёв Я. А.* Психология творчества. М.: Наука, 1976.
- Юров И. А.* Я. А. Пономарёв: «Фундаментальная наука» и психология // Творчество в современном мире: человек, общество, технологии. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Я. А. Пономарёва. Москва, 2020. С. 13–14.

Математика как инструмент научного открытия в психологии

А. П. Якунин

ООО «ЦДС «Потенциал», Санкт-Петербург
a.yakunin-a.p.psi@yandex.ru

В статье проводится теоретический анализ проблемы диалектики «интуитивное и логическое», определяемой в трудах Я. А. Пономарёва как одна из главных проблем научного творчества. Методологическим аспектом решения данной проблемы выдвигается аспект «индивидуальное-социальное». На основе ранее представленной схемы

субъекта познания предлагается рассматривать решение данной проблемы как диалектики человека в качестве субъекта объяснения и субъекта интерпретации. Предлагается исследовать переход от интуитивного к логическому в научном открытии как переход человека (индивидуального субъекта) от качеств субъекта интерпретации к качествам субъекта объяснения. Обосновывается положение о том, что математические модели являются инструментом данного перехода.

Ключевые слова: психология научного открытия, математика, субъект познания, субъект интерпретации, субъект объяснения.

Развитие научной теории Я. А. Пономарёва в области психологии творчества неразрывно связано с актуальной проблемой психологии научного открытия как высшего проявления творческого потенциала человека. Важным аспектом решения проблем психологии научного открытия является дальнейшее развитие идей Я. А. Пономарёва о взаимосвязи интуитивного и логического в психологическом механизме реализации творческого потенциала (Пономарёв, 1976). Данное развитие обосновывается теоретическими взглядами Б. Ф. Ломова на проблему математики в психологии и ранее предложенным пониманием человека как индивидуального субъекта в трех качествах, а именно: субъекта созерцания, субъекта интерпретации и субъекта объяснения (Ломов, 1984; Якунин, 2018).

Существенным методологическим аспектом исследования психологии научного открытия является проблема «индивидуальное-социальное», поскольку только в определении меры соотношения индивидуального к социальному можно устанавливать уровень значимости открытия в науке и уровень индивидуальной реализации психологического потенциала человека в данном открытии. Такое понимание соотношения индивидуального к социальному основывается на работах А. В. Юревича (Юревич, 2005) об уровневой организации научной деятельности, в пределах которой человеку как ученому в реализации своего индивидуального научного

открытия приходится преодолевать свою принадлежность к различным группам в науке.

В теоретическом плане такое преодоление (точнее, самоопределение) является переходом человека как индивидуального субъекта познания из качества субъекта интерпретации, подверженного влиянию групповых установок, норм, стереотипов о реализации научной деятельности, в качество субъекта объяснения, осуществляющего научную деятельность на общеметодологических принципах науки и конструирующего данные принципы для потенциального научного открытия. Математическое моделирование как раз и выступает одним из инструментов самоопределения человека в научной деятельности — от субъекта интерпретации к субъекту объяснения. Б. Ф. Ломов писал о том, что математические модели являются не только инструментом подтверждения или опровержения гипотез, но и ступенью к научному открытию в психологии (Ломов, 1984). Таким образом, конкретная математическая модель становится основанием в самоопределении человека как субъекта объяснения в реализации научного открытия. Переход от субъекта интерпретации к субъекту объяснения означает познание на основе формулирования моделей действительности, в рамках которых результаты интерпретации рассматриваются по-новому, то есть посредством объяснения. Групповые стереотипы как инструменты интерпретации приобретают через модели объяснения новое качество, которое используется в пределах конкретного научного открытия. Таким образом, проявляется взаимосвязь интуитивного и логического в научном исследовании, сущностным механизмом которой является подчиненность качеств субъекта интерпретации качеств субъекта объяснения у человека как индивидуального субъекта.

Примером влияния математического моделирования на научное открытие выступает открытие автором феномена несогласованности элементов «ядра» социального представления у подростков 12–15 лет (Якунин, 2013). В процессе проведения математической обработки данных (высказывания подростков о ролях взрослого, на основе парной корреляции Пирсона) были получены результаты психосемантического анализа,

демонстрировавшие диалектику смысла и значения в словоупотреблениях подростков. Тем не менее полученные данные были интерпретированы по логике детских задач проведения мысленно по линии от одного предмета до другого, то есть слова, при достоверной связи, были объединены в групповые высказывания, которые между собой не имели достоверных связей. Полученные новые данные позволили по-новому рассматривать теоретическую модель социального представления Ж.-К. Абрика и выявить несогласованность элементов «ядра» социального представления.

Литература

- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Пономарёв Я. А.* Психология творчества. М.: Наука, 1976.
- Юревич А. В.* Методология и социология психологии. М.: ИП РАН, 2010.
- Якунин А. П.* Категория «индивидуальный субъект» и теория социального познания // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлёв. М.: ИП РАН, 2018. С. 185–191.
- Якунин А. П.* Смысловые связи в «ядре» социальных представлений подростков 12–15 лет о ролях взрослого // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2014. Вып. 166. С. 162–179.

Научное издание

ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА:
традиции, инновации, перспективы

Корректор – Козлова М.В., Тяголяева Л.А.
Оригинал-макет, верстка – Малинина Е. К.

Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1
Тел.: +7 (495) 682-91-51
www.ipran.ru
E-mail: gordyakovaov@ipran.ru

Подготовлено к изданию: 10.09.25
Усл. печ. л. 40,38